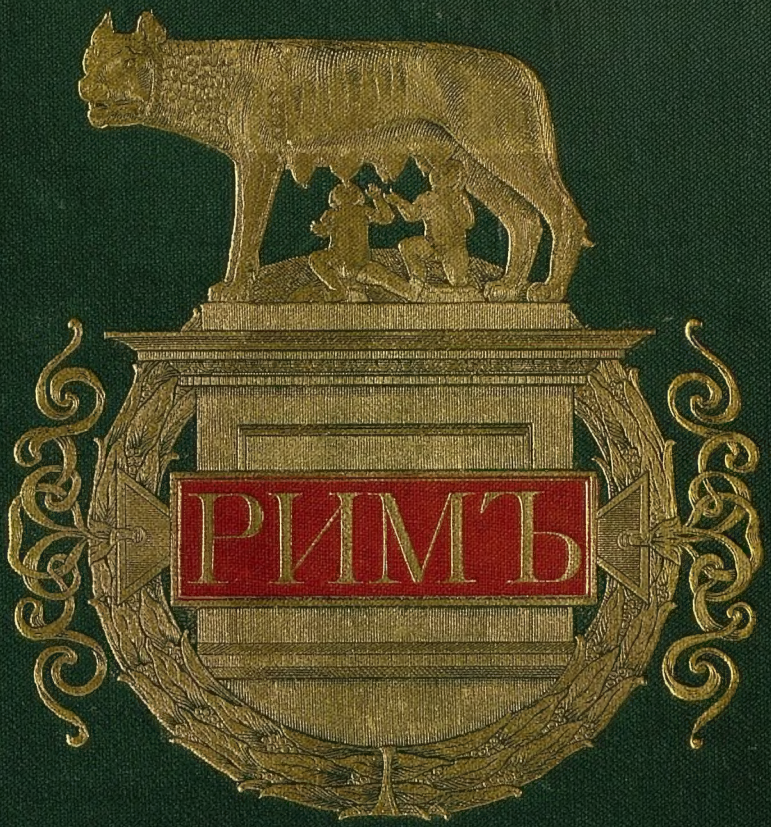
Д-РЪ ВЕГНЕРЪ



РИМЪ

ИЗДАНІЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Bad. N 122

РИМЪ

ИСТОРІЯ И КУЛЬТУРА РИМСКАГО НАРОДА

Статуя императора Августа (въ Ватиканскомъ музеѣ).

РИМЪ

ИСТОРІЯ И КУЛЬТУРА РИМСКАГО НАРОДА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

СОЧИНЕНІЕ

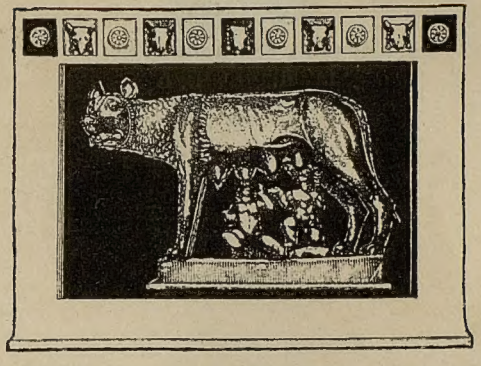
Д-ра ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА

ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ПРОФЕССОРА В. И. МОДЕСТОВА

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ



ТОМЪ ВТОРОЙ

Съ 230 рисунками

ИЗДАНІЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА

Гост. Дворъ, 18 и Невскій, 13 | Кузнецк. М., 12 и Охотн., 22.

1912

Печать типографіи
Т-ва М-О-Вольфъ
С-Петербургъ · Бас· Остр· 16 линія соб· домъ
1912

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 394

Рамка составлена по мотивамъ стѣнныхъ фресокъ въ Помпеѣ.

ПЕРЕХОДЪ РИМА ОТЪ РЕСПУБЛИКАНСКАГО УСТРОЙСТВА КЪ МОНАРХІИ

(133—31)

НЕУДАЧНЫЯ ПОКУШЕНІЯ НА МОГУЩЕСТВО СЕНАТА.

(133—78)

ВРЕМЯ ГРАККОВЪ.

РЕДѢЛЫ римскаго государства около 133 г. Къ 133 г. Римъ, благодаря боевымъ качествамъ своихъ легіоновъ и вѣрныхъ италіковъ, равно какъ и благодаря умной, хотя и не всегда честной политикѣ, подчинилъ своему господству или своему вліянію побережье Средиземнаго моря, съ прилегающими къ нему странами, отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Евфрата и отъ Альпъ до Сахары. Если Италію разсматривать какъ цитадель этого могущественнаго положенія, то Сицилія, Сардинія и

быстро заселенная италиками цизальпинская Галлія составляли ея бастіоны, а испанскія провинціи на западѣ, Македонія, равно какъ только-что упаслѣдованное, по завѣщанію царя Аттала III, Пергамское царство, подъ названіемъ Азіи, на востокѣ, наконецъ возникшая изъ территоріи разрушеннаго Карѳагена провинція Африка на югѣ—были ея внѣшними укрѣпленіями. Промежутки въ этой системѣ укрѣпленій заполнялись болѣе или менѣе зависимыми отъ Рима вассальными государствами, изъ которыхъ важнѣйшими были: Массилія на галльскомъ побережьи, Нумидія и Египетъ въ Африкѣ, Виѳинія, Каппадокія, Понтъ и Сирія въ Азіи. Ни одно государство, соприкасавшееся съ этой міровой державой, не могло уклониться отъ его вліянія; даже самыя отчаянныя возстанія свободолюбивыхъ народовъ въ концѣ-концовъ были подавлены; тягость поставки войска, дани и пошлинъ, равно какъ и эксплоатацію со стороны римскихъ должностныхъ лицъ и капиталистовъ переносили хотя и съ досадой, но безъ сопротивленія.

Упадокъ римской народной силы внутри государства. Къ сожалѣнію, сила господствующаго народа сама все менѣе отвѣчала повысившимся потребностямъ столь громаднаго государства. Состоятельные классы, богатство которыхъ все болѣе возрастало, скупили добрую часть земель того крестьянства, которое вело войны Рима, или даже, по праву сильнаго, совсѣмъ вытѣснили его изъ землевладѣнія; а новыя крестьянскія поселенія, колоніи, не основывались болѣе. Такимъ образомъ, отъ густого крестьянскаго населенія, умѣвшаго отстаивать свои интересы, уцѣлѣлъ лишь безсильный остатокъ. Обширныя пространства земли были отняты у земледѣлія, и на нихъ, при помощи рабовъ, насаждались маслина и виноградъ и разводились стада скота, такъ что свободный сельскій рабочій не находилъ даже обезпеченнаго заработка. Масса опустившагося люда, вмѣстѣ съ бѣглыми рабами, увеличивала число разбойниковъ и лишала сельскую жизнь безопасности. Но наибо́льшую часть населенія привлекали удовольствія, становившіяся все болѣе блестящими общественныя игры, деньги, раздававшіяся для выборовъ, и праздничные пиры въ Римъ, гдѣ эти люди еще увеличивали рабочій кризисъ, созданный широкимъ примѣненіемъ рабскаго труда и въ промышленности. Въ концѣ-концовъ эта часть населенія растворилась въ городской

черни, которая, выброшенная на улицу, готова была отдать свой кулакъ и голосъ каждому, кто утолялъ ея голодъ и удовлетворялъ ея страсть къ зрѣлищамъ. Самый еще приличный классъ низшаго народа составляли вольноотпущенники и кліенты, пріобрѣвшіе себѣ состояніе торговлей и промыслами. Но они были чужестранцы, греки, жители востока, испанцы и африканцы, и римское государство интересовало ихъ настолько, насколько ихъ личная выгода зависѣла отъ его благополучія. Надъ этой пестрой, политически невмѣняемой и непостоянной массой возвышалась, пока еще для свѣта, во взаимномъ согласіи и неоспоримомъ обладаніи властью служебная знать сенаторскихъ семействъ и денежная знать всадничества, обѣ усердно стремившіяся укрѣпить свое положеніе. Но упорство, съ которымъ сенаторская знать затрудняла всадникамъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и неоднократно выступавшее наружу стремленіе удерживать эксплуатацію провинцій денежными тузами въ опредѣленныхъ границахъ, уже грозили съ теченіемъ времени вызвать чреватый послѣдствіями разрывъ. Таковъ былъ римскій народъ того времени. А италики, сражавшіеся въ войскахъ Рима? Имъ не меньше приходилось страдать отъ выше описаннаго состоянія внутри страны, и такъ какъ доступъ въ Римъ имъ затруднялся, они стекались зато въ привилегированные латинскіе города. Ихъ политическое отношеніе къ столицѣ со времени частичнаго отпаденія въ эпоху войны съ Ганнибаломъ ухудшилось: больше прежняго привлекались они къ воинскимъ повинностямъ, а при раздачѣ тріумфальныхъ подарковъ и въ другихъ случаяхъ ихъ обходили самымъ чувствительнымъ образомъ. Естественно, что съ этой стороны все громче раздавалось желаніе, чтобы пали, наконецъ, преграды, воздвигнутыя узкосердечными гражданами города Рима и лишавшія союзниковъ доступа къ праву гражданства. Такимъ образомъ, всюду въ средѣ господствовавшаго народа отношенія были натянутыя, а сила его была на пути къ упадку.

Тиберій Гракхъ и его семья. Тогда-то взялся спасти свой народъ Тиберій Семпроній Гракхъ. И по рожденію, и по воспитанію онъ обладалъ необходимыми для этого данными. Предки его на полѣ брани стяжали себѣ неувядаемыя заслуги передъ отечествомъ. Его отецъ въ свое время, въ качествѣ народнаго трибуна, защитилъ Сципіоновъ противъ злостныхъ обвиненій, будучи

преторомъ, умиротворилъ кельтиберовъ какъ сильными ударами, такъ и цѣлесообразными мѣропріятіями, въ должности консула нанесъ страшный уронъ разбойникамъ-сардинцамъ, сдѣлавшись цензоромъ, почти уничтожилъ право голоса вольноотпущенниковъ, а въ качествѣ довѣреннаго лица отъ сената неоднократно былъ посломъ на востокѣ. При этомъ онъ былъ высокообразованнымъ человѣкомъ и держалъ къ родосцамъ рѣчь на греческомъ языкѣ. Но самыми лучшими качествами Тиберій, по единодушному приговору древности, былъ обязанъ своей матери Корнеліи. Послѣдняя, дочь Сципіона Африканскаго Старшаго, сама получившая тонкое образованіе и прекрасно владѣвшая языкомъ, была въ то же время истой римлянкой, мужественнаго, твердаго характера. По смерти своего мужа она отвергла руку египетскаго царя, озабоченная единственно только тщательнымъ воспитаніемъ дѣтей, оставленныхъ ей судьбой: двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Въ особенности мальчики, Тиберій и Гай, были предметомъ гордости матери. Когда однажды посѣтившая ее знатная кампанка показала ей свои украшенія и Корнелія въ свою очередь должна была показать и свои драгоцѣнности, она тотчасъ-же послала за сыновьями и сказала, указывая на нихъ: „Вотъ мои сокровища!“ Обогащая сама своихъ мальчиковъ благородными знаніями и стремленіями, она также приглашала для нихъ наилучшихъ греческихъ учителей. Тиберій выросъ благовоспитаннымъ, граціознымъ юношей. Подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата, младшаго Сципіона, ставшаго мужемъ его сестры, онъ 17 лѣтъ отъ роду впервые воевалъ подъ Карѳагеномъ, участвовалъ въ штурмѣ города и заслужилъ себѣ отличія и похвалу строгаго главнокомандующаго.

Его политическое развитіе. Мысли о реформѣ онъ усвоилъ себѣ въ сношеніяхъ съ лучшими людьми Рима. Необходимость распредѣленія не розданныхъ еще, а только временно оккупированныхъ государственныхъ земель, для усиленія италійскаго крестьянства, весьма хорошо понималась всѣми разумными людьми, и Гай Лелій, другъ Сципіона, носился уже съ соотвѣтствующимъ планомъ, но отступился отъ него, изъ страха предъ рѣшительными противниками и опасностью революціи. Горькими словами порицалъ такое малодушіе цензоръ Аппій Клавдій, тесть Тиберія. Когда Тиберій, назначенный квесторомъ, отправлялся на мѣсто службы, къ римскому войску подъ Нумантіей, то по дорогѣ въ

Этруріи онъ встрѣчалъ массу рабовъ, которые вмѣсто свободныхъ людей обрабатывали землю и пасли скотъ на обширныхъ пастбищахъ, отнятыхъ у земледѣлія. Съ большею рѣшимостью, чѣмъ когда-либо, отправился онъ къ римскому войску подъ Нумантіей, къ которому онъ былъ посланъ въ качествѣ квестора. Запертый здѣсь со всѣмъ осаднымъ корпусомъ подъ начальствомъ неспособнаго консула Манцина храбрыми непріятелями онъ, такъ какъ одинъ, ради своего высокоуважаемаго отца, пользовался ихъ довѣріемъ, долженъ былъ принять на себя печальную задачу спасенія войска мало почетнымъ договоромъ. Послѣдній былъ подтвержденъ клятвенно имъ самимъ и всѣмъ штабомъ; тѣмъ не менѣе сенатъ отказалъ въ своемъ утвержденіи и выдалъ Манцина, что̀ заставило оскорбленнаго Тиберія забыть о послѣднемъ уваженіи къ сословнымъ связямъ.

Поземельная реформа Тиберія Гракха. Тиберій Гракхъ далъ себя выбрать въ народные трибуны на 133 годъ. Обстоятельства для него не были неблагопріятны. Муцій Сцевола, великій законовѣдъ и покровитель поземельной реформы, былъ консуломъ, столь же богатый, какъ и свѣдущій въ правѣ и краснорѣчивый Лициній Крассъ Муціанъ, также сторонникъ этого дѣла, былъ pontifex maximus, собственный его тесть—princeps сената, въ качествѣ какового онъ, при опросѣ мнѣній, высказывался первымъ и имѣлъ большое вліяніе, а Сципіонъ командовалъ войсками подъ Нумантіей, которой все еще не одолѣли римляне. Такимъ образомъ, Тиберій внесъ свой законопроектъ, который своими умѣренными положеніями, щадившими интересы всѣхъ, свидѣтельствовалъ о политической мудрости автора и его сотрудниковъ. Примыкая къ дѣйствующему аграрному закону Лициніи, онъ устранялъ несовершенства послѣдняго, которыя помѣшали осуществленію его благодѣтельной цѣли. Опредѣленіе закона, по которому никто не смѣлъ владѣть болѣе чѣмъ 500 югеровъ общинной земли, весьма часто обходилось; это опредѣленіе Тиберій возстанавливалъ во всей его чистотѣ, съ тѣмъ только исключеніемъ, чтобы настоящіе владѣльцы земли для каждаго сына получали по 250 югеровъ, до общей суммы въ 1,000 югеровъ на семью. Далѣе, въ то время какъ Лициніевъ законъ предоставлялъ сенату полную свободу въ распоряженіи лишней общинной землей и тѣмъ давалъ просторъ для злоупотребленій, Тиберій постановлялъ, что эта земля

должна быть распредѣлена особо для этого назначенными тріумвирами среди бѣдныхъ гражданъ, за извѣстную поземельную подать, и чтобы каждый получилъ по 30 югеровъ (7 десятинъ). А чтобы польза такого устройства не была парализована добровольной или принудительной продажей земли, онъ требовалъ, чтобы созданныя такимъ путемъ имѣнія были неотчуждаемы. Настоящихъ владѣльцевъ этой земли, отъ которыхъ слѣдовало ждать главнаго сопротивленія, онъ надѣялся примирить какъ оговоркой относительно сыновей, такъ и въ особенности тѣмъ, что онъ предоставлялъ имъ законную долю общественной земли въ безплатную собственность, и предлагалъ имъ за прежніе расходы по оккупированнымъ землямъ и за прочіе, напоспые имъ реформой, убытки приличное вознагражденіе насчетъ государственной казны.

Борьба за аграрный законъ. Но законъ этотъ все-таки оставался громаднымъ посягательствомъ на житейскія обстоятельства землевладѣльческихъ классовъ. Съ незапамятныхъ временъ безмятежно владѣя землей, они вдругъ должны были лишиться болѣе или менѣе крупной ея части, безъ которой и остальная, быть можетъ, потеряла бы свою цѣнность. Немудрено, что съ этой стороны и руками и ногами воспротивились этому закону, и что ея не могло убѣдить никакое краснорѣчіе трибуна, никакое политическое разсужденіе. Въ виду суровости условій законопроекта, безъ которой поземельная реформа казалась невозможной, уже послѣдовали первыя отпаденія отъ добраго дѣла. Но тѣмъ восторженнѣе стекался бѣдный народъ изъ муниципіевъ и колоній, чтобы своими ушами внимать благовѣстію избавленія отъ хозяйственныхъ бѣдствій. И какъ трогательно описывалъ трибунъ эти бѣдствія! „Звѣри, обитающіе въ Италіи, имѣютъ свои берлоги и каждое животное имѣетъ свое логовище, а у людей, сражающихся и умирающихъ за Италію, нѣтъ ничего кромѣ воздуха и свѣта, и, лишенные дома и родного уголка, они скитаются съ женами и дѣтьми съ мѣста на мѣсто; полководцы лгутъ, увѣщевая солдатъ во время битвы защитить противъ врага свои могилы и святилища; ибо у громаднаго числа римлянъ нѣтъ ни домашняго жертвенника, ни семейной могилы, но они сражаются за высокомѣріе и богатство другихъ, и, называясь господами міра, не имѣютъ ни одной глыбы собственной земли“. Такія слова находили въ груди бѣдняка громкій откликъ, и принятіе закона народомъ

казалось несомнѣннымъ. Но сами трибуны не сходились другъ съ другомъ; одного изъ трибуновъ — молодого, честолюбиваго М. Октавія, который самъ былъ весьма крупнымъ землевладѣльцемъ, убѣдили знатные члены его сословія заявить протестъ въ день голосованія закона. Тѣмъ самымъ законопроектъ на этотъ годъ сошелъ со сцены, а въ прежнія времена довольствовались ежегоднымъ возобновленіемъ отклоненнаго предложенія, пока давленіе общественнаго мнѣнія или внѣшняя опасность не заставляли противную партію уступить. Но Тиберій Гракхъ не былъ расположенъ ждать, уже потому, что по закону нельзя было болѣе, какъ во дни Лициніи Столона (стр. 199), изъ года въ годъ избираться въ трибуны. Онъ не только убѣждалъ Октавія, въ народныхъ собраніяхъ и тайнымъ образомъ отказаться отъ сопротивленія, но и возобновилъ свое предложеніе, причемъ въ досадѣ выпустилъ смягчающія постановленія и до принятія закона воспретилъ всякую дѣятельность магистратовъ, остановилъ судопроизводство, запечаталъ государственное казначейство, за всякое противоборство угрожалъ денежными штрафами. Знать облачилась въ траурныя одежды, свидѣтельствуя этимъ объ опасности, угрожавшей конституціи, коль скоро отдѣльный человѣкъ осмѣлился остановить государственный механизмъ; мало того, она даже задумала устранить дерзкаго трибуна убійствомъ. При подачѣ голосовъ, голосовательныя урны были насильственно унесены, и только благодаря посредничеству двухъ расположенныхъ къ реформѣ консуляровъ (бывшихъ консуловъ) удалось избѣжать кровопролитія. По ихъ совѣту Гракхъ обратился къ сенату, чтобы черезъ него провести свой планъ. Но попытка эта не удалась, и тогда Гракхъ рѣшился на крайнее. Онъ пригласилъ народъ для голосованія на Капитолій, а когда Октавій снова заявилъ свой протестъ, и новыя представленія остались безъ успѣха, тогда онъ заявилъ, что раздоръ въ коллегіи трибуновъ противорѣчитъ интересамъ народа, и что единственное средство противъ этого — отставка одного изъ обоихъ трибуновъ, и пригласилъ Октавія собрать голоса по вопросу, желаютъ ли отставки его, Тиберія Гракха. Когда же Октавій отказался, то Гракхъ съ своей стороны произвелъ баллотировку вопроса относительно Октавія. Триба за трибой подали голосъ за его отставку, до рѣшающаго большинства не хватало только одного еще голоса; тогда онъ

прервалъ голосованіе и, въ слезахъ обнимая передъ всѣмъ народомъ своего товарища по должности, попросилъ его не доводить его до столь суровой мѣры. Октавій былъ тронутъ и долго молчалъ; но, вглянувъ на противную партію, онъ понялъ, что отступленіе невозможно, и предложилъ Гракху поступить по своему желанію. Голосованіе было продолжено, и отставка Октавія рѣшена; по приказу Гракха онъ былъ совлеченъ съ трибуны вольноотпущенникомъ, и на его мѣсто былъ избранъ новый трибунъ. Теперь аграрный законопроектъ прошелъ и были избраны комиссары, которые должны были руководить раздачей земли.

Паденіе Тиберія Гракха. Но явное нарушеніе lex sacrata (стр. 123) дало въ руки противниковъ Гракха оружіе, которымъ можно было поставить предѣлъ его дѣятельности. Съ этого времени заподозриванія его въ стремленіи къ единовластію находили вѣру, и никто не былъ въ состояніи ихъ опровергнуть; напротивъ, они даже какъ-бы подтверждались. Ибо аграрная комиссія, состоявшая изъ Тиберія, его брата и его тестя, казалась началомъ семейнаго правительства, тѣмъ болѣе, что законодатель счелъ себя вскорѣ вынужденнымъ дать ей судебныя полномочія въ земельныхъ спорахъ, чтобы она сама могла рѣшать вопросъ, что́ было общественной собственностью, и что́—частной. Непріязненныя рѣшенія сената увеличили натянутость отношеній, и Тиберій, въ траурной одеждѣ, со своими сыновьями явился передъ народомъ, прося его защитить ихъ и ихъ мать. Онъ рѣшился продолжать борьбу, даже рискуя жизнью. Но вотъ въ Римѣ было получено извѣстіе о завѣщаніи царя Аттала. Трибунъ тотчасъ же присвоилъ себѣ право рѣшенія этого вопроса и сдѣлалъ предложеніе народу, чтобы унаслѣдованныя сокровища распредѣлены были среди владѣльцевъ вновь отведенныхъ поземельныхъ участковъ, для пріобрѣтенія нужнаго инвентаря. Это было новымъ беззаконіемъ, такъ какъ внѣшнія дѣла рѣшалъ сенатъ. Знать неистовствовала, и трибуну приходилось выслушивать много весьма для него дурного. На него нападали даже въ народномъ собраніи, и онъ былъ вынужденъ оправдываться въ прежнемъ своемъ поведеніи по отношенію къ Октавію. Чтобы не остаться беззащитнымъ передъ своими врагами, онъ и на слѣдующій годъ выступилъ кандидатомъ на трибунатъ, суля новые проекты улучшенія положенія народа. Но выборы происходили во время жат-

вы, вслѣдствіе чего многіе изъ его приверженцевъ отсутствовали; они приняли, казалось, неблагопріятный оборотъ, но, въ виду того, что между самими трибунами произошла ссора, были отложены. Гракхъ сошелъ съ Капитолія на Форумъ и слезно сталъ умолять народъ не отступаться отъ него по крайней мѣрѣ теперь, когда враги его яростно требуютъ его смерти. Тысячи народа проводили его затѣмъ домой и расположились на ночь вокругъ его дома, для его защиты. Окруженный этой-же толпой, онъ на слѣдующее утро, несмотря на неблагопріятныя предзнаменованія, отправляется на Капитолій, гдѣ передъ храмомъ Юпитера начинается актъ выборовъ. На этотъ день Тиберій занялъ площадь своими приверженцами; но когда предсѣдательствующій трибунъ сталъ вызывать трибы, извнѣ вторгаются противники, наступаетъ шумъ и драка, такъ что выборы не могутъ быть произведены. Въ это-же время поблизости, въ храмѣ Fides (вѣрности), засѣдаетъ сенатъ, большинство котораго осаждаетъ расположеннаго къ реформѣ консула требованіями, чтобы онъ принялъ мѣры противъ насильника—трибуна. Между сенатомъ и народнымъ собраніемъ происходитъ живой обмѣнъ посланцевъ. Одинъ дружественный сенаторъ сообщаетъ Тиберію, что́ противъ него замышляетъ сенатъ. Послѣ этого приверженцы Тиберія, стоящіе вокругъ трибуны, разбиваютъ копья служителей и вооружаются ихъ обломками; чтобы объяснить болѣе отдаленнымъ, въ чемъ дѣло, трибунъ, въ виду шумнаго крика, показываетъ рукой на свою голову. Объ этомъ передается сенату: Гракхъ, говорятъ, сдѣлалъ намекъ, что стремится къ царскому вѣнцу. Тогда Сципіонъ Назика, самый ярый противникъ трибуна, еще разъ приглашаетъ консула спасти государство и низвергнуть тиранна. Консулъ заявляетъ, что не признаётъ никакого незаконнаго голосованія, но зато и самъ не рѣшится на беззаконіе. „Такъ какъ консулъ предаетъ государство,—кричитъ Назика,—слѣдуй за мной, кто хочетъ заставить уважать законы!“ И съ этими словами онъ подбираетъ тогу и стремительно выбѣгаетъ вонъ, а за нимъ и бо́льшая часть сенаторовъ, вооруженные обломками разбитыхъ креселъ и дубинами, поданными имъ на улицѣ ихъ рабами. Все, что́ попадается имъ навстрѣчу, отталкивается въ сторону, и толпа испуганно отступаетъ передъ знатными лицами. Они устремляются прямо на Тиберія. Послѣ короткой стычки провожатые его обращаются въ

бѣгство. Тогда и самъ онъ сбѣгаетъ по ступенямъ къ Тибру; но по дорогѣ онъ падаетъ и умерщвляется преслѣдователями, а съ нимъ и 300 другихъ. Тѣла ихъ, равно какъ и Тиберія, по распоряженію одного эдила бросаются въ Тибръ. Такимъ образомъ впервые со времени основанія республики улицы Рима обагрились кровью гражданъ: беззаконіе Тиберія было наказано еще болѣе жестокимъ преступленіемъ, его благородныя намѣренія оказались тщетными; вражда между народной партіей и партіей знати стала непримиримой.

Смерть Сципіона (129 г.). Кровавыя преслѣдованія близкихъ друзей убитаго трибуна заставили ихъ смолкнуть, но не прекратили ропота народа. Для послѣдняго пришлось пожертвовать Сципіономъ Назикой, предводителемъ убійцъ, давъ ему порученіе за границу; аграрнаго закона не посмѣли коснуться и должны были разрѣшить пополненіе комиссіи, завѣдывавшей раздачей земли; нельзя было даже помѣшать народу выбрать на слѣдующій годъ въ консулы Красса Муціана (см. выше), тестя Гая Гракха и члена комиссіи, и поручить ему руководство въ войнѣ, которую приходилось вести Риму для защиты своего Пергамскаго наслѣдства. Сципіонъ Эмиліанъ, который вернулся побѣдителемъ изъ-подъ Нумантіи и въ силу своего средняго положенія между знатью и народомъ болѣе всѣхъ былъ призванъ примирить ихъ между собой, потерялъ расположеніе гражданъ по причинѣ холодности своего отношенія къ Тиберію Гракху; лишь когда аграрная комиссія собралась конфисковать оккупированную латинянами общественную землю, онъ съ успѣхомъ заступился за ея владѣльцевъ, защищенныхъ государственными договорами, и ему даже удалось добиться передачи консуламъ судебнаго рѣшенія въ дальнѣйшихъ спорныхъ вопросахъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ затормозилось дѣло раздачи земель, на него направилось ожесточеніе народной партіи. Однажды утромъ его нашли мертвымъ въ постели, и ни для кого не было тайной, что онъ былъ задушенъ. Теперь приверженцы Гракха снова стали дѣйствовать безцеремоннѣе: они отмѣнили постановленіе закона, по которому трибунъ не могъ исправлять свою должность нѣсколько лѣтъ подрядъ, и демократическій консулъ Фульвій Флаккъ, желая расположить латинянъ въ пользу дальнѣйшаго проведенія аграрнаго закона,

отважился войти съ предложеніемъ о дарованіи италикамъ права гражданства. Но тутъ оказалось, что предводитель партіи пошелъ слишкомъ далеко: противники безъ труда убѣдили гражданъ, что этотъ проектъ лишилъ бы ихъ важныхъ выгодъ, и они провалили его. Тѣмъ болѣе были ожесточены союзники, что граждане города Рима отказали имъ въ правовомъ равенствѣ, и латинская колонія Фрегеллы на Лирисѣ возмутилась даже противъ римскаго господства. Но возстаніе было подавлено въ зародышѣ, и городъ разрушенъ. Знати этотъ случай показался благопріятнымъ для обвиненія вождей демократіи въ государственной измѣнѣ, а среди нихъ и Гая Гракха.

Гай Гракхъ. Онъ былъ девятью годами моложе своего брата Тиберія. Сражаясь подъ начальствомъ Сципіона Эмиліана подъ Нумантіей, онъ былъ призванъ въ аграрную комиссію и до сихъ поръ безъ перерыва оставался ея членомъ. Въ то-же время онъ принималъ дѣятельное участіе въ аггрессивной политикѣ народной партіи и затѣмъ, несмотря на непріязненныя мѣропріятія сената противъ его личности, два года образцово исправлялъ квестуру на о. Сардиніи. Такъ какъ его повидимому собирались не смѣнять и на третій годъ, то онъ самовластно вернулся въ столицу, но затѣмъ оправдался передъ цензорами. Теперь его обвинили въ возбужденіи Фрегелльскаго возстанія; но онъ былъ оправданъ. Озлобленный долгимъ преслѣдованіемъ со стороны знати, онъ теперь самъ перешелъ въ наступленіе. Цѣлью его было—сверженіе правленія знати и ея оплота, сената, эгоизмъ котораго мѣшалъ оздоровленію государства и разстраивалъ посредствомъ кровопролитія самые благородные планы. Было ясно, что такой разрывъ съ существующимъ устройствомъ долженъ былъ вести къ тяжкимъ потрясеніямъ. Но тщетно предупреждала его благородная мать. „Благополучіе отечества“, писала она ему, „пусть будетъ для тебя выше мщенія врагу!“ Правда, успѣху его плана столько-же благопріятствовали обстоятельства, какъ и могущество его личности. Успѣхи Гракховой поземельной реформы со времени послѣдней переписи, когда оказался приростъ свыше 70,000 человѣкъ, занесенныхъ въ списки гражданъ, должны были раскрыть глаза самымъ близорукимъ людямъ, а въ лицѣ самого Гая народная партія пріобрѣтала геніальнаго государственнаго мужа неистощимой рабочей силы и безпощадной энергіи, кото-

рый къ тому-же располагалъ такою страстностью рѣчи; какъ до него ни одинъ римлянинъ. Онъ выступилъ на 123 г. кандидатомъ на должность трибуна, и изъ всей Италіи стеклись граждане для выборовъ въ Римъ, такъ что многіе не нашли себѣ помѣщенія и Марсово поле не вмѣстило всей толпы. Тѣмъ не менѣе козни знати произвели то, что Гай былъ выбранъ въ трибуны лишь четвертымъ. Но разъ очутившись въ этой должности, онъ тотчасъ-же сталъ первымъ и увлекъ за собой товарищей.

Законодательство Гая Гракха. Ближайшимъ его дѣломъ было—отомстить за смерть брата и его товарищей. „Ваши предки", восклицалъ онъ передъ народомъ, „вели войну съ фалисками за то, что они надругались надъ трибуномъ, и приговорили къ смертной казни Г. Ветурія за то лишь, что онъ не далъ дороги трибуну, проходившему по рынку; но на вашихъ глазахъ Тиберія избили дубинами на-смерть, и тѣло его было съ Капитолія проволочено по всему городу и брошено въ рѣку, а друзья его, которыхъ удалось захватить, должны были умереть безъ суда и расправы. Между тѣмъ у насъ есть древній обычай, по которому, если кто въ процессѣ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, не явится въ судъ, то къ порогу его дома утромъ долженъ явиться трубачъ и вызвать его, а судьи раньше не смѣютъ подавать свой голосъ относительно него: такъ строго поступаютъ въ процессѣ". Такимъ образомъ Гракху удалось провести законъ, которымъ магистратамъ и частнымъ лицамъ запрещалось, подъ страхомъ изгнанія, налагать на гражданъ наказаніе, безъ приказанія народа, а смертная казнь для гражданъ вовсе отмѣнялась. Правда, главные виновники ужасовъ 133 г. покоились уже въ могилѣ, какъ напр. Сципіонъ Назика; но Попилій Лепатъ, который въ качествѣ консула въ 132 г. преслѣдовалъ приверженцевъ Гракха, долженъ былъ, въ виду подстрекающихъ рѣчей демагоговъ, бѣжать за границу. Затѣмъ Гай возобновилъ аграрный законъ брата, вновь снабдивъ аграрную комиссію судебными полномочіями, назначивъ къ раздачѣ новыя пространства земли, постановивъ устройство дорогъ въ распредѣленныхъ уже земляхъ и, наконецъ, распорядившись основаніемъ колоній внутри и внѣ Италіи; къ послѣднимъ были допущены и латиняне, которые въ колоніи получали право римскаго гражданства. За этимъ слѣдовали другіе покровительствующіе народу законы. Однимъ изъ нихъ раздача хлѣба,

которою сенатъ до сихъ поръ распоряжался по своему усмотрѣнію, упорядочена была такимъ образомъ, что впредь каждому, лично являвшемуся въ столицѣ, гражданину ежемѣсячно должны были выдаваться 5 modii (по $8^3/_4$ литра = 2,67 гарнца въ каждомъ), по цѣнѣ $6^1/_3$ асса=10—11 коп. за модій, т.-е. менѣе чѣмъ за половину средней стоимости. Семпроніевы амбары на Тибрѣ еще впослѣдствіи напоминали народу о его благодѣтелѣ. Далѣе Гракхъ облегчилъ воинскую повинность гражданъ, запретивъ наборъ юношей моложе семнадцати лѣтъ, сокративъ срокъ дѣйствительной службы и принявъ насчетъ казны расходы по снаряженію новобранцевъ. Расходы, которые его законодательство навлекало на государство, онъ покрывалъ доходами со вновь пріобрѣтенной азіатской провинціи, которые, какъ уже ранѣе доходы съ италійскихъ государственныхъ владѣній, отдавались на откупъ цензоромъ и были исторгнуты изъ круга рѣшеній сената. Знать не рѣшалась на значительное сопротивленіе сомкнутой фалангѣ крестьянскихъ и городскихъ массъ, и только организація правильной раздачи хлѣба, отнимавшая у правительства добрую долю его вліянія на столичную толпу, вызвала жестокое сопротивленіе и вполнѣ основательные упреки въ растратѣ казеннаго добра и въ воспитываніи праздности въ гражданахъ. Тѣмъ не менѣе былъ принятъ и этотъ законъ, вмѣстѣ съ остальными, самъ Гракхъ вновь сдѣлался трибуномъ, и восторженный народъ, если бы только онъ согласился, сдѣлалъ бы его заразъ и консуломъ. Остальную часть года многозанятый трибунъ употребилъ на устройство разрѣшенныхъ колоній, прежде всего въ Италіи. Вернувшись въ Римъ, онъ началъ свой новый трибунатъ нѣсколькими энергическими вылазками противъ сената. Изъ среды послѣдняго до сихъ поръ назначались преторомъ присяжные, въ которыхъ оказывалась нужда. Это преимущество должно было сдѣлать сенатъ хозяиномъ положенія, съ тѣхъ поръ какъ, вмѣсто народнаго собранія, тяжкія политическія преступленія были судимы чрезвычайными судебными комиссіями, а процессы о вымогательствахъ разбирались постояннымъ судомъ (стр. 568). Ибо теперь съ товарищами по сословію, какъ и съ денежной аристократіей всадническаго сословія, въ сенатѣ обходились смотря по ихъ политическому поведенію. Гракхъ не былъ другомъ ни того, ни другого класса, и оба они рѣзко воспротивились реформѣ; но

надо было разъединить противниковъ и тѣмъ обезсилить ихъ. Поэтому онъ предложилъ составлять списокъ присяжныхъ изъ сенаторовъ и всадниковъ, а встрѣтивъ противоборство со стороны сената, онъ измѣнилъ это постановленіе, назначивъ судьями однихъ только всадниковъ.

Въ этой редакціи законъ былъ принятъ, при усердномъ содѣйствіи всадническої знати, и составленіе списка на первый годъ было возложено на самого законодателя. Гракхъ же хвалился, что сломилъ могущество сената и бросилъ на Форумъ ножи и мечи, которыми должны были растерзать другъ друга враги народнаго дѣла. А другой трибунъ еще усилилъ опредѣленія закона о вымогательствахъ, чтобы еще лучше достичь этой цѣли. Равнымъ образомъ Гракхъ старался сдѣлать по крайней мѣрѣ верховнаго магистрата болѣе независимымъ отъ сената, который доселѣ вознаграждалъ податливость консуловъ выборомъ провинцій: впредь консульскія провинціи должны были опредѣляться, какъ и прежде, сенатомъ, но до выборовъ.

Паденіе Гая Гракха. Гракхъ провелъ всѣ свои планы: онъ, казалось, могъ отважиться еще и на большее. Положеніе его укрѣпилось бы навсегда, если бы онъ привлекъ на свою сторону союзниковъ, жаждавшихъ права гражданства. И вотъ онъ возобновилъ попытку Фульвія Флакка (стр. 10), который теперь дѣятельно поддерживалъ его въ качествѣ народнаго трибуна, но возобновилъ ее въ болѣе удобопріемлемой для народа формѣ, чтобы только латинянамъ было даровано полное право гражданства, а прочимъ италикамъ — латинское право. Сенатъ испугался. Онъ приказалъ консуламъ при голосованіи этого вопроса выслать латинянъ изъ города. Первѣйшіе мужи города увѣщевали гражданъ не бросать ни одного изъ преимуществъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ. „Неужели вы думаете“,—говорилъ консулъ Фанній,—„что когда вы дадите латинянамъ право гражданства, вы и впредь будете находить себѣ мѣсто, какъ теперь, въ народномъ собраніи или на играхъ и народныхъ увеселеніяхъ? Неужели вы не думаете, что эти люди займутъ тогда всякое мѣстечко?“ Напослѣдокъ и трибунъ Ливій Друзъ заявилъ протестъ противъ этого закона, и одобреніе, которымъ этотъ протестъ былъ встрѣченъ, показало Гракху, что дальше ему итти нельзя. Онъ предпочелъ удалиться на нѣкоторое время изъ Рима, для исполненія

другихъ неотложныхъ дѣлъ. Ему надо было устроить дальнѣйшія колоніи, а прежде всего рѣшенную уже въ предыдущемъ году— на пустынномъ мѣстѣ Карѳагена, гдѣ предполагалось основать римскую колонію Юнонію. Но сенатъ воспользовался его отсутствіемъ для того, чтобы лишить могущественнаго дѣятеля самой почвы для вліянія на народъ, превзошедши его въ угодныхъ народу мѣропріятіяхъ. Онъ рѣшилъ взять въ свои руки Гракхову реформу, ускорить дѣло колонизаціи основаніемъ двѣнадцати колоній въ Италіи и Сициліи, вмѣсто далекой Африки, и освободить поселившихся въ нихъ крестьянъ отъ поземельной подати, которой требовалъ Гракхъ. Ливія Друза побудили сдѣлать, отъ имени сената, соотвѣтственныя предложенія народу. Безсмысленная толпа тотчасъ-же возликовала при этой мѣрѣ сената. Народные вожди, пріобрѣвшіе себѣ матеріальными средствами расположеніе парода, утратили его черезъ тѣ же средства. Фульвію Флакку, единомышленнику Гракха, приходилось весьма туго, и поэтому самъ Гракхъ поспѣшилъ обратно въ Римъ, послѣ едва семидесятидневнаго отсутствія. Но напрасно. Его даже не выбрали вновь въ трибуны. Зато его личный смертельный врагъ Опимій, избранію котораго онъ воспрепятствовалъ въ предыдущемъ году, сталъ теперь консуломъ.

Смерть Гая Гракха (121 г.). Послѣдній былъ готовъ погубить Гракха. Одного изъ новыхъ трибуновъ убѣдили, въ виду дурныхъ предзнаменованій, случившихся при основаніи колоніи Юноніи, предложить ея упраздненіе, и это предложеніе было поддержано мнѣніемъ верховныхъ жрецовъ. Гракхъ и Флаккъ боролись съ предложеніемъ отъ имени аграрной комиссіи. Въ день подачи голосовъ обѣ партіи съ ранняго утра заняли Капитолій. Напряженіе умовъ было столь велико, что Гракхъ съ трудомъ сдерживалъ своихъ сторонниковъ. Явился и консулъ для принесенія жертвы. „Прочь“, крикнулъ одинъ изъ его ликторовъ приверженцамъ Гракха, грозно поднявъ свою руку, „дайте мѣсто порядочнымъ людямъ, вы, дурные граждане!“ Въ одно мгновеніе обнажились сотни ножей и ликторъ былъ убитъ. Дальнѣйшее кровопролитіе на этотъ день было предотвращено проливнымъ дождемъ, разогнавшимъ собраніе. Но Опимій воспользовался происшедшей бѣдой. Онъ созвалъ сенатъ на слѣдующій день въ храмѣ Кастора на Форумѣ. Въ то время, какъ онъ

здѣсь громилъ Гракхову тираннію, мимо храма прошло, какъ это имъ-же было условлено, траурное шествіе съ тѣломъ убитаго ликтора. Хитро притворяясь пораженнымъ, Опимій предложилъ сенату выйти и посмотрѣть на зрѣлище. Носилки были опущены на землю, и разыгравшаяся буйная сцена разгорячила умы. Теперь сенатъ былъ доведенъ до того настроенія, котораго желалъ Опимій; послѣдній получилъ, по формулѣ: videant consules, ne quid detrimenti res publica capiat („да позаботятся консулы о томъ, чтобы государство не потерпѣло ущерба“), диктаторскую власть для спасенія государства. Послѣ этого онъ предложилъ сенаторамъ и всадникамъ, которые въ виду общаго врага снова сошлись вмѣстѣ, явиться на слѣдующее утро каждому съ толпой дюжихъ рабовъ, и стянулъ къ себѣ надежные легіоны и критскихъ стрѣлковъ изъ лука. Народъ же проводилъ Гракха до его дома на Палатинѣ, гдѣ тихо и безмолвно оставался всю ночь. Больше шума было на Авентинѣ, въ лагерѣ его товарища Фульвія Флакка, который въ качествѣ вѣнчаннаго славой побѣдителя южногалльскихъ племенъ (см. ниже) вовсе не былъ расположенъ допустить надъ собой насиліе. Утромъ Гракхъ собирается, по обыкновенію своему, въ тогѣ отправиться на Форумъ, но жена его Лициніи обнимаетъ его и, громко рыдая, не хочетъ пускать его: она предчувствуетъ самое страшное. Супругъ спокойно высвобождаетъ себя изъ ея объятій и молча уходитъ съ друзьями, въ то время какъ покинутая женщина, лишившись чувствъ, падаетъ на-земь и уносится своими рабами. Гракхъ отправляется къ Фульвію. Онъ убѣждаетъ его испытать сначала путь мирныхъ переговоровъ. Посылается сынъ Фульвія, который долженъ былъ тронуть уже одной своей юной красотой. Ему отвѣчаютъ, чтобы мятежники прежде всего сдались безусловно; а въ противномъ случаѣ онъ пускай и не возвращается. Тогда Гракхъ хочетъ итти самъ; но его не пускаютъ, и вторично посылаютъ юнаго Фульвія. Но Опимій арестуетъ посланца и приступаетъ къ нападенію, обѣщая громко, черезъ глашатаевъ, безнаказанность всякому, кто броситъ оружіе. Предъ этимъ искушеніемъ не могла устоять вѣрность народа. Онъ разсыпался во всѣ стороны. На мѣстѣ осталась только отборная дружина Фульвія. Фульвій спасся съ однимъ изъ своихъ сыновей въ бани, но былъ найденъ и убитъ. Гракхъ, не подымавшій оружія, удалился въ храмъ Діаны,

гдѣ опустился на колѣни и, поднявъ къ небу руки, призвалъ на неблагодарный народъ проклятіе вѣчнаго рабства. Вѣроломство народа разбило ему сердце: если бы только потерпѣло крушеніе дѣло его жизни, онъ утѣшилъ бы себя мученической смертью; но онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что трудился для недостойныхъ. Онъ хотѣлъ лишить себя жизни, но друзья его помѣшали этому и въ бѣгствѣ увлекли его съ собою. Имъ удалось еще пе-

ВИДЪ АВЕНТИНА.

Авентинъ (на рисункѣ справа) возвышается на 46 метровъ надъ Тибромъ; при республикѣ онъ, съ того времени какъ сталъ застраиваться (456 г. до Р. Хр.), былъ главной твердыней плебса, теперь же онъ представляетъ изъ себя тихій холмъ, занятый монастырями, церквями и виноградниками. На вершинѣ его нѣкогда стоялъ храмъ Діаны, вокругъ котораго кипѣлъ бой.

рейти по мосту черезъ Тибръ, гдѣ послѣдніе товарищи его остановились, чтобы оказать сопротивленіе преслѣдовавшимъ врагамъ и тѣмъ прикрыть бѣгство самого Гракха. Но послѣдній покончилъ счеты съ жизнью; такъ какъ у него отняли ножъ, то онъ въ близкой рощѣ Фурины велитъ своему рабу убить его, и тотъ, исполнивъ это, вслѣдъ за возлюбленнымъ господиномъ добровольно лишаетъ себя жизни. Преслѣдователи отрѣзали у трупа голову, которую Опимій обѣщался купить на вѣсъ золота, а тѣло бросили въ рѣку. Дома Гракха и Флакка были разрушены, ихъ имущество конфисковано, 3,000 ихъ приверженцевъ казнены, въ

томъ числѣ юный Флаккъ, совершенно не участвовавшій въ борьбѣ. Вскорѣ надъ запятнаннымъ кровью городомъ воцарилась тишина смерти; ибо даже женамъ убитыхъ запрещено было предаваться громкому плачу. Вотъ что знать называла возстановленіемъ согласія, которому Опимій посвятилъ храмъ!

Смерть Гракховъ была преступленіемъ, какъ по отношенію къ тѣлесной неприкосновенности гражданъ, такъ и по отношенію къ будущности націи. Земельная реформа осталась неоконченной, и ея благодѣтельное вліяніе на усиленіе средняго крестьянскаго сословія было непродолжительно. Злыя цѣли большинства знати, которая въ своемъ эгоизмѣ не отступала даже передъ пролитіемъ крови, остались навсегда неоспоримо доказанными. Правда, эти отважно шедшіе впередъ люди, чтобы сломить неразумное упрямство противниковъ, дали себя увлечь на незаконныя дѣянія и сильно потрясли государственное устройство. Но за то и противники ихъ вовсе не истощили всѣхъ законныхъ средствъ для ихъ обузданія, они не приняли руки, поданной имъ для примиренія и для совмѣстной работы, но, радуясь нарушенію съ ихъ стороны законовъ, сильно раздули ихъ вину, чтобы уничтожить ихъ могучія личности и, насколько было возможно, также и то, что́ ими было создано.

Судьба Гракхова законодательства. Теперь обнаружилось, что ускоренное устройство Гракховыхъ колоній на самомъ дѣлѣ вовсе не было серьезнымъ желаніемъ знати, какъ это казалось нѣкоторое время. Предложенныя Ливіемъ Друзомъ, отъ имени сената, колоніи остались не учрежденными, равно какъ и тѣ колоніи, которыхъ самъ Гракхъ не успѣлъ устроить, а уже основанныя не получали поддержки и влачили жалкое существованіе. Скоро раздача земель была прекращена, и еще прежде, чѣмъ новые крестьяне срослись съ своими надѣлами, была упразднена неотчуждаемость ихъ владѣній. Но зато, чтобы сохранить дружбу всадническаго сословія, не посмѣли коснуться закона о судоустройствѣ, равно какъ, ради голосовъ городскихъ избирателей, была оставлена въ силѣ выдача хлѣба. Такимъ образомъ, все, что́ было хорошаго въ Гракховыхъ законахъ, было выброшено за бортъ, а дурное пришлось сохранить. Участки новыхъ крестьянъ раньше или позже по прежнему переходили къ крупнымъ капиталистамъ, а рабовладѣльческое хозяйство, угрожавшее

общественной безопасности, продолжало существовать и далѣе.

Провинція Gallia Narbonensis. Такъ поступать знати дозволялъ и исходъ южногалльской войны. Послѣ того какъ Фульвій Флаккъ покорилъ въ 125 г. саллувіевъ и воконтіевъ, Секстій Кальвинъ напалъ на аллоброговъ, которымъ оказали поддержку могущественные арверны. Но въ 121 году надъ послѣдними одержали блестящія побѣды Фабій Максимъ и Домицій Агенобарбъ. Аллоброги стали подданными Рима, арверны уступили ему южныя свои области. Теперь страна отъ Альпъ до Пиринеевъ стала римской провинціей, а городъ Нарбонъ сталъ главнымъ городомъ и римской колоніей. Опъ и крѣпость Aquae Sextiae (Секстіевы воды) прикрывали новое сухопутное сообщеніе между Италіей и Испаніей.

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА И НАШЕСТВІЕ КИМВРОВЪ.

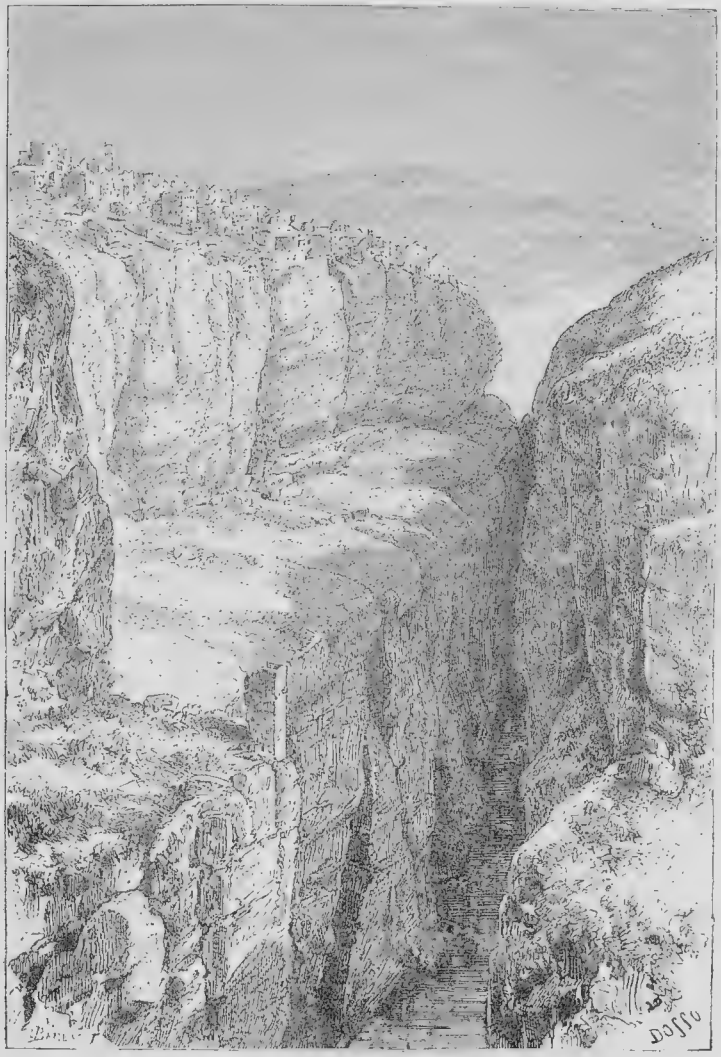
Неспособность знати. Хотя народная партія въ данную минуту была разгромлена и надолго лишена великихъ вождей, но и знать не была въ силахъ упрочить за собой вновь пріобрѣтенное господство. Эгоизмъ такъже препятствовалъ рѣшительному наступательному движенію, какъ и честной, патріотической политикѣ внутри и внѣ государства; небрежность, съ которою знатная молодежь въ штабѣ главнокомандующаго отбывала военную службу, уменьшала боеспособность войска и вела къ позорнымъ пораженіямъ знатныхъ генераловъ, а возрастающая любовь къ греческому искусству и наукѣ, равно какъ комфортабельная жизнь начали отчуждать верхніе слои народа отъ общественной дѣятельности. Во время Югуртинской войны и войны съ кимврами это состояніе знати стало прямо-таки скандальнымъ.

Югурта. Виновникомъ первой былъ нумидійскій государь Югурта, вассалъ Рима. Внукъ Масиниссы, онъ былъ отваженъ, неутомимъ, ловокъ какъ сыны пустыни, коваренъ и хитеръ подобно ея змѣямъ; онъ отважился вести смѣлую игру съ сенатомъ. Когда онъ былъ еще принцемъ, дядя его Миципса, правившій государствомъ, отправилъ его съ нумидійскими конными дру-

жинами въ лагерь Сципіона подъ Нумантіей, гдѣ онъ своими храбрыми подвигами заслужилъ себѣ одобреніе полководца и пріобрѣлъ добрыхъ товарищей среди римскаго юношества. Послѣ этого старикъ Миципса старался благодѣяніями привязать къ себѣ и своему семейству отважнаго, честолюбиваго и необузданнаго юношу и, умирая, распорядился, чтобы Югурта управлялъ обширнымъ нумидійскимъ царствомъ сообща съ его обоими сыновьями: Адгербаломъ и Гіемпсаломъ. Но едва старикъ успѣлъ закрыть свои глаза, какъ среди наслѣдниковъ вспыхнулъ раздоръ. Гіемпсалъ называлъ своего двоюроднаго брата втершимся проходимцемъ, которому собственно не принадлежитъ ни единой глыбы земли. За это его сразилъ ножъ наемнаго убійцы. Адгербалъ бѣжалъ въ Римъ и тамъ сталъ молить о правосудіи; но послы Югурты доказали невиновность своего господина богатыми денежными подарками, такъ что дѣло это было оставлено безъ вниманія, и царство нумидійское было подвергнуто новому раздѣлу. Опимій, который нѣкогда, въ должности консула, руководилъ партіей знати въ борьбѣ съ Гракхомъ, стоялъ во главѣ отправленной въ Африку комиссіи. Господа эти, принимая одной рукой богатые подарки, другой отмежевывали дарителю плодоносную западную половину страны.

Югуртинская война (111—106). Какъ только комиссія удалилась, Югурта открылъ войну, разбилъ своего двоюроднаго брата и осадилъ его въ столицѣ Циртѣ (Константинѣ), которую мужественно и ловко защищали жившіе здѣсь въ большомъ числѣ италики. Явившееся римское посольство подъ начальствомъ Эмилія Скавра, весьма уважаемаго главы аристократіи, приказало заключить перемиріе; но по его уходѣ царь взялъ городъ и велѣлъ всѣхъ жителей—нумидійцевъ, ливійцевъ и римлянъ, — перебить, причемъ нашелъ свою смерть и несчастный Адгербалъ. Это вопіющее злодѣяніе взволновало всю Италію; трибунъ Меммій угрожалъ поднятіемъ дѣла, и, наконецъ, въ Африку отправился, во главѣ значительныхъ силъ, консулъ Кальпурній Бестія. Онъ завоевалъ нѣсколько городовъ, затѣмъ начались переговоры, и когда Югурта предложилъ свою покорность и вдобавокъ щедро сталъ раздавать золото, то ему поспѣшно былъ данъ миръ. Югурта получилъ все нумидійское государство, какъ оно было собрано Масиниссой; на западѣ оно, обнимая нынѣшній Алжиръ, простиралось до границы Мавританіи, затѣмъ

шло къ югу и къ востоку отъ римской провинціи до Малой Большой Сирты.



ВИДЪ ЦИРТЫ (КОНСТАНТИНЫ), СКАЛЫ.

Заключеніе мира вызвало бурю негодованія, и Меммій добился того, что царя потребовали для объясненій въ Римъ, обѣщая ему сво-

бодный пропускъ. Онъ имѣлъ дерзость явиться. Когда же къ нему обратились въ народномъ собраніи съ вопросомъ, одинъ изъ трибуновъ, заранѣе подкупленный, запретилъ ему отвѣчать. Тогда Югурта понялъ, что́ можно дѣлать въ Римѣ. Онъ, поэтому, безъ всякихъ стѣсненій, коварно велѣлъ зарѣзать Массиву, другого внука Масиниссы, который носился съ большими надеждами. Тогда онъ былъ высланъ; какое онъ составилъ себѣ мнѣніе о Римѣ, видно изъ прощальнаго привѣта, съ которымъ онъ, при отъѣздѣ, въ послѣдній разъ обратился къ столицѣ: „Продажный городъ, который скоро былъ бы потерянъ, еслибъ нашелъ себѣ покупателя!“ Послѣ этого въ Африку отправился для возобновленія войны консулъ Спурій Постумій; но онъ нашелъ легіоны въ самомъ жалкомъ состояніи; подобно шайкамъ разбойниковъ, они въ собственной провинціи занимались убійствами и грабежами. Онъ принялъ участіе въ этомъ доходномъ занятіи и не отказался принять отъ царя денежное вознагражденіе за свое бездѣльничанье. Братъ его Авлъ Постумій, которому онъ передъ своимъ возвращеніемъ поручилъ главное начальство, попытался взять неожиданнымъ нападеніемъ городъ Суѳулъ, гдѣ, по предположеніямъ, находилась часть накопленныхъ Масиниссой сокровищъ. Когда же это не удалось, онъ со своими безпорядочными полчищами погнался за бѣгущимъ врагомъ въ пустынныя мѣстности. Югурта казался такимъ запуганнымъ, покорнымъ, онъ высказывалъ такую любезность и щедрость къ полководцамъ, трибунамъ и даже къ простолюдину, что всякая осторожность считалась излишней. Но въ одну ночь царь внезапно ворвался въ римскій лагерь, среди страшной рѣзни погналъ передъ собой легіоны и на-утро оставилъ имъ только выборъ между полной гибелью и безчестнымъ договоромъ. А такъ какъ среди опустившагося войска не нашлось ни одного Деція, то римляне преклонили голову предъ необходимостью; предварительный миръ былъ подтвержденъ, и полководецъ съ войскомъ, безъ знаменъ и оружія, прошелъ подъ ярмомъ и очистилъ нумидійскую территорію.

Понесенный позоръ былъ слишкомъ великъ, чтобы знать могла дольше прикрывать своихъ собратьевъ. Назначена была комиссія для суда надъ провинившимися должностными лицами, и хотя во главѣ ея стоялъ не разъ уже упоминавшійся Скавръ,

самъ не бывшій безъ вины, все-таки Бестія, Опимій, Спурій Постумій и другія лица высокаго званія подверглись судебному приговору и отправились въ изгнаніе. А веденіе войны поручено было теперь сенатомъ консулу Квинту Цецилію Метеллу.

Метеллъ въ Нумидіи (109—108). Послѣдній отправился на свой постъ еще осенью того-же года; строгая военная дисциплина, непрерывныя упражненія, шанцекопныя работы и переходы наполнили все зимнее время и сдѣлали войско боеспособнымъ. Хитраго нумидійца онъ встрѣтилъ прежде всего его собственнымъ оружіемъ, хитростью: онъ задерживалъ его переговорами, пока самъ не былъ готовъ, а затѣмъ вступилъ въ Нумидію и занялъ города, сдавшіеся ему въ надеждѣ на его милосердіе. Лишь когда Югурта увидѣлъ, что на этотъ разъ онъ былъ проведенъ, онъ рѣшился на отчаянную борьбу. Нумидійцы его были отличными наѣздниками, а также хорошими стрѣлками изъ лука, но они не привыкли къ опредѣленному строю и въ пѣшей рукопашной схваткѣ держались недолго. Поэтому надо было выждать удобный случай и утомить непріятеля переходами и непрерывными нападеніями; къ тому-же, близкая пустыня со своими оазисами представляла достаточно убѣжищъ. Неподалеку отъ рѣки Муѳула, впадающей въ Средиземное море около Гиппона Регія (Боны), Югуртѣ показалось, что противникъ въ его рукахъ. Съ одного холма онъ внезапно и рѣшительно напалъ на Метелла съ фланга и съ тыла. Когорты пришли въ замѣшательство, а когда какая-нибудь изъ нихъ, высвободившись изъ сумятицы, переходила въ наступленіе, ее осыпали градомъ стрѣлъ; конница была не въ состояніи ничего сдѣлать. Бѣшеный бой длился безъ рѣшенія до вечера; тогда только консулу удалось возстановить нѣкоторый порядокъ и прогнать непріятеля съ возвышенности. Но послѣ этого побѣдитель долженъ былъ сдѣлать со страшно утомленнымъ войскомъ ночной переходъ въ нѣсколько миль, для соединенія съ авангардомъ, который тѣмъ временемъ тоже подвергся нападенію, и потратилъ четыре дня на отдыхъ отъ напряженій боя. Югурта, отъ котораго войско, по нумидійскому обыкновенію, сбѣжало, собралъ новое и вскорѣ опять появился въ полѣ, чтобы наказать римлянъ, грабившихъ и рѣзавшихъ населеніе. Желая вызвать его на бой, Метеллъ осадилъ укрѣпленную Заму. Югурта, однако, явился раньше ожиданія и взялъ плохо охра-

нявшійся римскій лагерь приступомъ. По счастью, скоро подоспѣла помощь. Но все-таки въ концѣ-концовъ вынуждены были снять осаду и отвести войско, для зимовки, частью въ провинцію.

Тѣмъ не менѣе Югурта былъ вынужденъ окружающими его искать мира: страна устала отъ войны. Онъ охотно уплатилъ потребованныя суммы и выдалъ слоновъ, лошадей, оружіе и перебѣжчиковъ; но когда потребовали его личной и безусловной сдачи, онъ снова взялся за оружіе, рѣшившись какъ можно дороже

АРПИНЪ.

продать свою свободу. Метеллу предстоялъ новый походъ. Онъ началъ его: успѣхъ былъ тотъ-же, какъ и въ первомъ. Рѣшительно превосходя Югурту въ открытомъ бою, онъ уже чуть было не захватилъ его въ одномъ гнѣздѣ пустыни, но тотъ ночью спасся съ дѣтьми и сокровищами въ пустыню. Затѣмъ онъ снова оказался во главѣ войска изъ гетуловъ; мало того, онъ пріобрѣлъ себѣ теперь союзника въ лицѣ мавританскаго царя Бокха, своего тестя. Метеллъ былъ дальше отъ мира, чѣмъ когда-либо. Тогда-то произошелъ поворотъ въ дѣлахъ.

Гай Марій. Не разъ уже Метеллъ бывалъ обязанъ побѣдой и спа-

сеніемъ своему легату Гаю Марію. Послѣдній происходилъ изъ обѣднѣвшаго всадническаго рода и родился въ деревнѣ, принадлежавшей къ старинному городу вольсковъ, Арпину, и впослѣдствіи получившей права города (нынѣ Казамаре—родина Марія). Марій уже подъ Нуманціей своею храбростью и своей истой солдатской натурой обратилъ на себя взоры Сципіона Эмиліана, былъ затѣмъ избранъ народомъ въ военные трибуны и, въ качествѣ народнаго трибуна, внушилъ знати уваженіе къ себѣ, но съ другой стороны и воспрепятствовалъ оказанію преувеличеннаго покровительства городскому плебсу въ видѣ удешевленія государственнаго хлѣба. Провалившись на выборахъ въ эдилы, онъ не безъ труда достигъ претуры, а потомъ въ должности намѣстника безупречно управлялъ Испаніей по ту сторону Эбро. Затѣмъ онъ породнился, черезъ женитьбу, со старо-патриціискимъ семействомъ Юліевъ, и теперь Метеллъ избралъ его себѣ въ легаты. Марій болѣе чѣмъ оправдалъ его довѣріе, всѣ порученія исполнялъ самымъ точнымъ образомъ и, гдѣ было нужно, самостоятельно принималъ какъ разъ надлежащія мѣры. Солдаты питали довѣріе, даже любовь къ этому генералу, который соревновалъ съ ними въ перенесеніи военныхъ тягостей, ѣлъ тотъ-же хлѣбъ, спалъ на той-же соломѣ и при проведеніи окоповъ самъ брался за заступъ. Марій сталъ героемъ будущаго,

Марій.

Статуя, хранящаяся въ музеѣ Campana.

Статуя эта несомнѣнно одного времени съ надписью, которая была сдѣлана для Марія, когда Августъ пожелалъ отдать на своемъ Форумѣ хвалу всѣмъ великимъ людямъ Рима.

а разныя предсказанія поселили это убѣжденіе и въ немъ самомъ. Консульство издавна было цѣлью его желаній, но въ виду ревнивости высшей знати онъ, человѣкъ низкаго происхожденія, не осмѣливался искать этой должности. Теперь онъ рѣшился на это. Но Метеллъ не давалъ ему отпуска, необходимаго для того, чтобы лично выступить въ Римѣ соискателемъ. Марій отомстилъ тѣмъ, что ослабилъ строгость военной дисциплины, чтобы вполнѣ привязать къ себѣ солдатъ, и возбудилъ противъ Метелла римскихъ купцовъ въ Утикѣ, тяжко страдавшихъ отъ долгой войны. Вскорѣ сословіе всадниковъ въ Римѣ такъ-же стало приверженнымъ къ Марію, какъ и народъ. За двѣнадцать дней до истеченія срока явки Марій былъ отпущенъ главнокомандующимъ; но разсерженный генералъ ѣхалъ днемъ и ночью безостановочно и во-время прибылъ въ Римъ. Данное имъ въ народномъ собраніи обѣщаніе привести Югурту въ Римъ живымъ или мертвымъ стало лозунгомъ выборовъ. Несмотря на все сопротивленіе знати, онъ одержалъ блестящую побѣду, и народъ поручилъ ему главное начальство въ войнѣ противъ Югурты, вопреки закону Гая Гракха, предоставлявшему распредѣленіе провинцій сенату.

Марій—главнокомандующій (107—105). Марій потребовалъ подкрѣпленій, и сенатъ согласился на это. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было чреватое послѣдствіями нововведеніе. Такъ какъ приходилось охранять въ то-же время и сѣверную границу, которой грозила опасность, то въ послѣдніе годы оказывались нужными крупные наборы войска; и въ данномъ году товарищъ Марія по должности долженъ былъ отправиться на сѣверъ съ новымъ войскомъ. Поэтому, чтобы не испортить настроенія гражданъ, прибѣгли къ слѣдующему средству: пригласили ко вступленію въ войско добровольцевъ, не принимая въ расчетъ ценза. Съ этихъ поръ римскія войска въ сущности не состояли уже изъ гражданъ со средствами, а изъ бѣдныхъ людей, которые кромѣ права гражданства не имѣли ровно ничего, отъ полководца требовали себѣ добычи и земель и готовы были на все для тѣхъ, кто удовлетворялъ ихъ желанія. Съ этими и другими подкрѣпленіями Марій отправился въ Африку и принялъ войско своего предшественника, который въ гнѣвѣ уѣхалъ. Онъ повелъ войну съ силой и энергіей. Такъ какъ Бокхъ и Югурта разошлись, то онъ сначала напалъ

на Югурту и его гетуловъ и нанесъ имъ сильные удары, послѣ чего прошелъ по всей странѣ непріятеля до самой пустыни и до мавританской границы, опустошая ее огнемъ, разрушая крѣпости и избивая гарнизоны. Но вотъ Бокхъ съ безчисленными конными полчищами перешелъ черезъ границы, и когда Марій захотѣлъ вернуться въ Цирту на зимнія квартиры, онъ подвергся, съ наступленіемъ ночи, нападенію обоихъ царей. Главнокомандующій не только спасъ войско своею осмотрительностью, но и самъ напалъ на непріятеля на разсвѣтѣ слѣдующаго утра. Этотъ успѣхъ былъ завершенъ нѣсколько дней спустя тяжелой, но рѣшительной побѣдой при Циртѣ.

Бокхъ началъ переговоры, и Марій былъ достаточно разуменъ, чтобы согласиться на это. По его посредничеству, мавританское посольство было допущено къ сенату, который подалъ надежду на заключеніе просимаго дружескаго союза, если его Бокхъ заслужитъ. Послѣ этого царь попросилъ командовавшаго въ Африкѣ полководца сообщить ему черезъ квестора Суллу, который до этого времени въ сущности велъ переговоры, тѣ условія, черезъ исполненіе которыхъ онъ можетъ заслужить расположеніе сената. Сулла былъ уполномоченъ дать самыя широкія обѣщанія, но долженъ былъ настаивать на выдачѣ Югурты. Подъ охраной, хотя и не безъ опасности, отправился онъ къ царю, при дворѣ котораго теперь взаимно боролись нумидійскія и римскія вліянія, оставляя спорною участь маленькаго римскаго отряда. Въ концѣ-концовъ Бокхъ рѣшился въ пользу болѣе выгодной дружбы съ римлянами и предалъ союзника и зятя: при его содѣйствіи, Югурта былъ заманенъ, подъ предлогомъ переговоровъ, въ засаду и захваченъ; Сулла привелъ его къ Марію, который овладѣлъ и его дѣтьми.

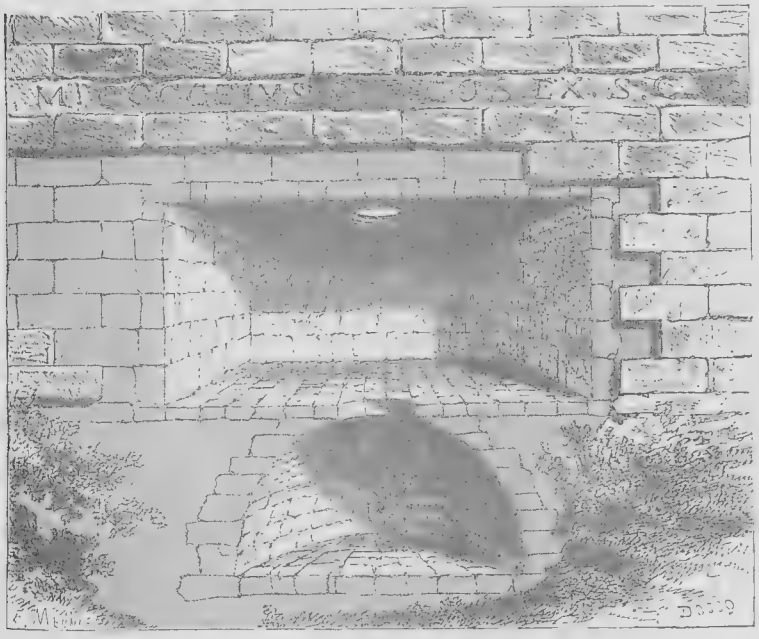
Тріумфъ Марія. Война кончилась. Въ награду за свое предательство, Бокхъ получилъ, кромѣ союза, смежныя области Нумидіи. Другія части послѣдней были присоединены къ римской провинціи; остатокъ получилъ послѣдній отпрыскъ рода Масиниссы, одинаково слабый и духомъ и тѣломъ и потому неопасный. Марій же сдержалъ свое слово, плѣнилъ царя и снова прославилъ римское оружіе. Римъ, напуганный страшными пораженіями на сѣверномъ театрѣ войны, ждалъ себѣ теперь спасенія отъ Марія и заочно выбралъ его въ консулы. Въ качествѣ такового,

онъ справилъ свой тріумфъ, съ побѣдоноснымъ африканскимъ войскомъ, 1 января 104 года. А передъ золотой колесницей тріумфатора шелъ низложенный злодѣй въ царскомъ нарядѣ и въ золотыхъ цѣпяхъ. Его отвели затѣмъ въ Тулліанъ, древнѣйшую городскую темницу при всходѣ съ Форума на Капитолій, гдѣ съ него сорвали одежды и украшенія и гдѣ онъ голый, на холодномъ, сыромъ каменномъ полу долженъ былъ умереть мучительной голодной смертью. Италики Цирты, Адгербалъ и Гіемпсалъ, союзники Рима, были отомщены. Но варварская жестокость мести заставляла подумать о дикой страсти побѣдителя.

Сѣверные пограничные народы. Долгое время довольно неизвѣстными оставались римлянамъ племена, передвигавшіяся по ту сторону Альпъ, на пространствѣ отъ береговъ Атлантическаго океана до восточныхъ окраинъ скиѳскихъ степей. Довольные господствомъ надъ Средиземнымъ моремъ и его берегами, римляне исключительно заботились объ округленіи этихъ своихъ владѣній, объ устройствѣ сообщеній между ними, равно какъ объ охранѣ границы государства. Поэтому уже довольно давно были присоединены иллирійскія племена на сѣверѣ Адріатическаго моря, а незадолго передъ этимъ, и южная область кельтовъ, подъ именемъ Нарбонской Галліи; приходилось бороться и съ альпійскими народностями, съ далматами и ѳракійцами. Вообще же, въ интересахъ торговыхъ сношеній, старались завязывать съ ближайшими варварами добрососѣдскія отношенія.

Очень смѣшанными были народности, обитавшія на сѣверной границѣ римскаго государства и далѣе за нею; но самую значительную долю ихъ составляли кельтскія племена. Отъ Альпъ до Майна жили многочисленные гельветы; къ востоку отъ нихъ до горъ Богемскаго лѣса включительно — бои, въ восточныхъ Альпахъ—таврискп или норики, добывавшіе руду въ горахъ и извлекавшіе изъ нѣдръ земли даже золото. Посреди нихъ жили, хотя и не родственные имъ реты, которые пасли стада въ долинахъ и на возвышенностяхъ ретійскихъ и тирольскихъ Альпъ. О народахъ къ сѣверу отъ Герцинскаго лѣса, какъ называли кельты Среднегерманскія горы, до римлянъ доходили лишь смутныя извѣстія. Суровая страна съ ея дѣвственными лѣсами, болотами и степями, скудно воздѣлывавшаяся лишь на равнинахъ и въ рѣчныхъ долинахъ, еще не стала

прочной родиной для многочисленныхъ племенъ германцевъ—такъ называли они кельтовъ. Когда стихійныя силы дѣлали жизнь въ данномъ мѣстѣ неспосной, когда почва переставала кормить возрастающую численность населенія, когда другія, послѣдующія племена напирали на переднія, тогда цѣлая народность или часть ея со скотомъ, повозками и домашнимъ скарбомъ шла дальше, ища себѣ новыхъ областей для поселеній.



TULLIANUM,
та часть городской тюрьмы, въ которой исполнялись смертные приговоры, въ разрѣзѣ.

Кимвры. Одно изъ этихъ германскихъ бродячихъ племенъ прибыло къ концу второго вѣка до Р. Хр. изъ нынѣшней Ютландіи, гдѣ, по преданію, необычайно крупныя наводненія подняли его съ насиженныхъ мѣстъ. Это были кимвры, высокорослые, крѣпкіе, какъ мужчины, такъ и женщины, съ голубыми глазами и длинными свѣтлорусыми волосами; одѣты они были въ полотняныя ткани и въ шкуры животныхъ, а голова часто была покрыта шкурой, снятой съ головы медвѣдя или быка. Въ лѣвой

рукѣ держали они размалеванный досчатый щитъ, правая была вооружена копьемъ, которое годилось и для метанія, и для удара; иные носили также мечи или боевые топоры. Вождемъ войска былъ самый храбрый и статный мужъ. Дряхлые старцы и почтенныя женщины хранили священную утварь, совершали въ сумракѣ лѣсовъ жертвоприношенія роднымъ богамъ, причемъ часто приносили въ жертву и людей и по капающей крови заколотыхъ военноплѣнныхъ предсказывали грядущее.

Такъ двигались кимвры черезъ озера и рѣки, черезъ степныя пространства и лѣсистыя горы, разростаясь подобно лавинѣ отъ притока новыхъ полчищъ, и подобно ей, страшно опустошая все на своемъ пути. Наконецъ, они натолкнулись на боевъ, которые спаслись отъ нихъ вѣроятно въ ущельяхъ и пустыняхъ Богемскихъ горъ. Отсюда кимвры прошли далѣе вдоль цѣпи Богемскихъ горъ и произвели разорительное вторженіе въ область дружественныхъ съ римлянами таврисковъ. Здѣсь они впервые услышали о могуществѣ римскаго государства.

Война съ кимврами (113—101). И въ Римъ проникла вѣсть о варварахъ, приближавшихся къ границамъ, и консулъ Папирій Карбонъ былъ отправленъ въ Аквилею для охраны территоріи республики. Кимвры подчинились его приказу очистить страну таврисковъ и попросили себѣ проводниковъ до границы. Это имъ было ласково обѣщано и они послѣдовали за присланными къ нимъ проводниками. Престижъ римскаго имени, казалось, отвратилъ опасность. Но консулъ былъ того мнѣнія, что по отношенію къ грубымъ варварамъ позволительно все, и завлекъ ихъ около Нореи, въ Хорутаніи, въ засаду. Когда кимвры увидѣли, что они обмануты и на нихъ движутся, сверкая блестящими доспѣхами, римскіе легіоны, они безстрашно схватились за оружіе и выстроились въ свой боевой порядокъ, тѣсносомкнутую густую фалангу. Начавъ свою военную пѣсню, суровые звуки которой страшными перекатами отдавались въ горахъ, они стремительно ринулись на легіоны, имѣя въ тылу у себя—свою единственную родину—обозъ съ женами и дѣтьми, самымъ дорогимъ ихъ добромъ, впереди же — коварнаго врага и побѣду или славную смерть, которая вела ихъ въ жилище боговъ, къ предкамъ. Дикое нападеніе кимвровъ было настолько сильно, что все римское войско было опрокинуто. Только разразив-

шаяся непогода воспрепятствовала полному его уничтоженію.

Несмотря на то, побѣдители продолжали удаляться отъ Италіи въ сѣверозападномъ направленіи и нашли хорошій пріемъ у гельветовъ, самое могущественное племя которыхъ, тигурины, обѣщались послѣдовать за ними. Затѣмъ они черезъ Юру прибыли въ Галлію въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь они наткнулись на римское войско подъ начальствомъ консула Юнія Силана. Они попросили у него земли. Консулъ вмѣсто отвѣта напалъ на нихъ, но былъ совершенно разбитъ. Въ ожиданіи, что теперь внимутъ ихъ желаніямъ, они черезъ посольство возобновили предъ сенатомъ свою просьбу, покоряя тѣмъ временемъ галльскія племена. Вотъ вслѣдъ за кимврами явились и тигурины въ югозападную Галлію, чтобы искать себѣ мѣстъ для поселеній, и уничтожили здѣсь изъ засады войско консула Кассія Лонгина, товарища Марія по должности, въ первое его консульство. Но и они не рѣшились вступить въ римскую провинцію, такъ что въ слѣдующемъ году консулъ Сервилій Цепіонъ могъ наказать отпавшую отъ Рима Толозу. При этомъ произошелъ скандальный случай: консулъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ, на пути въ Римъ, похитилъ награбленныя храмовыя сокровища при помощи наемныхъ замаскированныхъ разбойниковъ. Тѣмъ не менѣе Цепіонъ удержалъ за собой главное начальство и на слѣдующій годъ (105) и своимъ непокорствомъ вызвалъ страшное пораженіе консула Манлія Максима при Аравзіонѣ (нынѣ Оранжъ) на Ронѣ. 80,000 солдатъ и 40,000 человѣкъ обозныхъ пали, какъ говорятъ, на полѣ брани; границы Италіи снова были открыты дикимъ побѣдителямъ.

Марій во главѣ государства; реорганизація войска (104—100). Смятеніе въ Римѣ было велико, почти какъ во дни битвы при Каннахъ. Но тогда благоразуміе, въ виду общей опасности, объединило партіи, теперь же ихъ раздоръ еще увеличился. Терпѣніе народа кончилось, уваженіе къ правящей знати исчезло. Трибуны привлекли къ суду провинившихся должностныхъ лицъ, устранивъ исключительными законами всѣ препятствія, сдерживавшія ихъ ярость, и консуломъ сталъ, вопреки закону, Гай Марій и исправлялъ затѣмъ эту должность пять лѣтъ сряду, безъ перерыва.

Когда Марій, со штабомъ испытанныхъ офицеровъ и новыми войсками, явился въ Нарбонскую Галлію, непріятелей тамъ уже не было. Послѣдніе, опустошивъ провинцію, вторглись черезъ Пиринейскіе проходы въ Испанію, гдѣ они нѣсколько лѣтъ бились съ храбрыми кельтиберами. Выигранное такимъ образомъ время оказалось очень кстати новому главнокомандующему. Онъ воспользовался имъ для коренного преобразованія всего римскаго военнаго дѣла. Уже раньше (стр. 26) онъ разрѣшилъ вступленіе въ легіонъ пролетаріямъ, т.-е. гражданамъ, которые по своей бѣдности не могли быть зачислены ни въ одинъ имущественный классъ. Теперь, согласно требованіямъ времени, были преобразованы вооруженіе, строевой порядокъ и военная служба. Марій далъ легіону единообразное вооруженіе: метательное копье и мечъ для нападенія, нагрудные латы, стальной шлемъ съ султаномъ изъ перьевъ, поножи и щитъ, раздѣлилъ его на десять когортъ, по 500—600 человѣкъ въ каждой, которыя выстраивалъ смотря по надобности, приказалъ обучать воиновъ рукопашному бою по твердымъ правиламъ, заимствованнымъ изъ гладіаторскихъ школъ, и далъ единообразному корпусу войскъ единообразное знамя, серебрянаго орла съ расправленными крыльями, котораго носилъ на высокомъ шестѣ знаменщикъ, надѣвавшій, для отличія, медвѣжью шкуру поверхъ шлема и латъ. И о солдатскомъ багажѣ позаботился практическій Марій; онъ велѣлъ укрѣплять посуду и провіантъ на шестѣ и носить послѣдній на правомъ плечѣ. Ему, пожалуй, слѣдуетъ приписать и много другихъ нововведеній этого рода. Для легкихъ видовъ оружія, пращниковъ и стрѣлковъ изъ лука, равно какъ для конницы, онъ привлекъ на римскую службу внѣ-италійскія вспомогательныя войска.

Пораженіе тевтоновъ при Aquae Sextiae 102 г. Тѣмъ временемъ потокъ кимвровъ, остановленный сопротивленіемъ испанскихъ горцевъ, отхлынулъ обратно въ Галлію и наводнилъ страну у Атлантическаго океана до устья Сены, разбиваясь только объ укрѣпленные города. Въ области веліокассовъ къ кимврамъ присоединились германцы, тевтоны съ южнаго побережья Балтійскаго моря. Но общее ихъ нападеніе на соединенныхъ бельговъ было отбито, послѣ чего они начали походъ на Италію.

Народныя массы раздѣлились. Кимвры съ тигуринами ушли

обратно за Рейнъ, чтобы черезъ восточныя Альпы вторгнуться въ желанную страну, а тевтоны и амброны, ядро кимврскихъ полчищъ, потянулись на югъ, къ полю битвы при Аравсіонѣ; они надѣялись сойтись съ своими собратьями по оружію на рѣкѣ По. Безпрепятственно перешли они черезъ Рону, но по ту сторону ея встрѣтили консула, расположившагося на укрѣпленной позиціи у впаденія рѣки Изеры. Увидѣвъ укрѣпленный лагерь и блескъ римскихъ доспѣховъ на валахъ, они со всѣхъ сторонъ густыми массами кинулись на часто уже побивавшагося ими врага. Цѣлыхъ три дня раздавались боевые крики, бряцало оружіе, устремлялись полчища варваровъ на римскіе окопы; но легіоны стояли прикрытые, незыблемо, и ихъ метательные снаряды производили среди варваровъ большое опустошеніе. Тогда, наконецъ, послѣдніе прекратили бой и отправились къ югу. Цѣлыхъ шесть дней потратили они, чтобы пройти съ обозомъ мимо римскаго лагеря, причемъ насмѣшливо спрашивали легіонеровъ, нѣтъ ли у нихъ чего передать женамъ и дѣтямъ на родинѣ. Когда, наконецъ, прошли послѣдніе варвары, Марій снялся съ лагеря и послѣдовалъ за ними по пятамъ. Около Секстіевыхъ водъ (нынѣ Aix) и тѣ, и другіе остановились. Римляне, разбивъ укрѣпленный лагерь на холмѣ, хотѣли достать себѣ воды. Но непріятель стоялъ по близости и не пустилъ ихъ, а когда на поддержку обоза подошли цѣлые римскіе отряды, то амброны открыли нападеніе. Они были отброшены съ большимъ урономъ, но и римляне на этотъ день отступили въ лагерь. Тѣмъ не менѣе Марій рѣшился теперь на бой. Раннимъ утромъ онъ вышелъ изъ лагеря и въ полномъ боевомъ порядкѣ спустился съ возвышенности. Тевтоны же, радуясь приближенію битвы, съ обычной стремительностью ринулись на холмъ. Римляне остановились и дали имъ подойти на разстояніе выстрѣла. Затѣмъ они бросили свои копья въ густые ряды непріятеля и устремились на него съ поднятыми мечами, сталкивая его въ то же время съ холма щитами. До самаго полудня боролись сѣверные великаны съ легіонами; полуденный жаръ утомилъ ихъ силы. А когда въ это время трибунъ Марцеллъ, обошедшій ихъ со своей конницей, ударилъ въ нихъ изъ засады, ихъ строй, ихъ мужество, ихъ надежды на побѣду были сломлены. Напрасно боролся еще ихъ военачальникъ, исполинъ Тевтободъ, не хотѣвшій уйти, не

одержавъ побѣды; онъ былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ и, связанный, приведенъ къ побѣдителю. Весь обозъ попалъ въ руки непріятеля, а изъ людей всѣ, кто не палъ въ бою или въ отчаяніи не лишилъ себя жизни, какъ это сдѣлали многія изъ женщинъ, были проданы въ рабство; военная утварь и движимое имущество, за исключеніемъ части, предназначенной украсить тріумфъ, сложено было на исполинскомъ кострѣ. Въ то время, какъ Марій, въ пурпуровомъ плащѣ, обступаемый воинами, которые украсили себѣ чело вѣнками въ знакъ побѣды, схватилъ зажженный факелъ, чтобы эту часть добычи, по древнему обычаю, посвятить Вулкану, прискакали всадники, которые, слѣзши съ коней, передали полководцу письмо отъ сената и поздравили его съ только что состоявшимся избраніемъ его въ консулы въ пятый разъ. Среди громкихъ кликовъ солдатъ и радостнаго бряцанія оружія, Марій зажегъ послѣ этого костеръ.

Уничтоженіе кимвровъ при Верцеллахъ (101 г.). Тѣмъ временемъ кимвры со своими союзниками перешли черезъ перевалъ Бренперъ и по долинамъ рѣкъ Эйсака и Эча (Адидже) спустились въ плодоносную низменность рѣки По, о которой они прослышали отъ кельтскихъ союзниковъ. Второй консулъ, Лутацій Катулъ, стоялъ на обоихъ берегахъ Эча, приблизительно около Вероны. Но когда нахлынули варварскія полчища, ужасъ охватилъ легіоны и они бѣжали за По. А кимвры и ихъ союзники усѣлись въ странѣ къ сѣверу отъ этой рѣки.

Послѣ битвы при Aquae Sextiae Марій былъ отозванъ въ Римъ. Но онъ отказался отъ предложеннаго ему тріумфа, до полнаго устраненія опасности. Слѣдующей затѣмъ весной онъ вызвалъ свое войско изъ галльской провинціи въ Италію и соединился съ Катуломъ, который въ качествѣ проконсула сохранилъ за собой командованіе. Затѣмъ они переправились черезъ По, чтобы снова прогнать варваровъ. Явившемуся посольству отъ кимвровъ, требовавшему земли для своего народа и своихъ собратьевъ тевтоновъ, данъ былъ отвѣтъ, что собратья ихъ уже обезпечены, и Марій доставилъ ему возможность убѣдиться въ этомъ, показавъ плѣнныхъ тевтонскихъ вождей. По полученіи извѣстія о пораженіи товарищей, Бойоригъ, вождь кимвровъ, самъ явился верхомъ на конѣ передъ римскимъ лагеремъ и пригласилъ главнокомандующаго назначить день и мѣсто для рѣши-

тельнаго сраженія. Марій возразилъ, что не въ римскомъ духѣ—принимать совѣты отъ враговъ, но что онъ готовъ сдѣлать удовольствіе кимврамъ. Онъ назначилъ битву черезъ день, а мѣстомъ ея—равнину у Верцеллъ, на которой можно было развернуть превосходныя силы римской конницы. Марій вступилъ въ бой 30 іюля 101 г., имѣя при себѣ около 50,000 человѣкъ, центръ которыхъ, подъ начальствомъ Катула, немного выдавался впередъ, по сравненію съ флангами. Пѣхота кимвровъ выстроилась тѣсно сомкнутымъ четырехугольникомъ, почти равной глубины и ширины, причемъ передніе ряды связаны были у поясовъ въ крѣпкія цѣпи. Утренній туманъ застилалъ равнину: римская конница неожиданно натолкнулась на слабую кимврскую и отбросила ее на пѣхоту, которая чрезъ это пришла въ безпорядокъ. Прежде чѣмъ полчища кимвровъ успѣли сомкнуть опять свои дрогнувшіе ряды, явились въ твердомъ боевомъ порядкѣ легіоны и двинулись на врага. Варвары бились храбро тамъ, гдѣ стояли, пока ихъ ряды не были прорваны черезчуръ сильнымъ ударомъ, послѣ чего римляне стали рубить ихъ направо и налѣво, а вскорѣ и на флангахъ. Іюльская жара и пыль довершили гибель сѣверянъ, которой не могли остановить и женщины, находившіяся у обоза. Все племя было истреблено; кто не палъ вмѣстѣ съ храбрымъ вождемъ, тотъ испыталъ позоръ плѣна, долженъ былъ послѣдовать за побѣдителемъ въ Римъ и въ цѣпяхъ оплакивать далекую родину и утраченную свободу. Тигурины, не участвовавшіе въ битвѣ, вернулись на свою гельветскую родину. Марій справилъ блестящій тріумфъ; его сравнивали съ Камилломъ, избавителемъ Рима отъ кельтскаго нашествія, и называли третьимъ основателемъ Рима.

Марій — вождь столичной демократіи. Онъ остался бы оплотомъ Рима, если-бы этимъ „выскочкой“ не овладѣло болѣзненное честолюбіе, если-бы непримиримая ненависть знати не давала чувствовать мужиковатому всаднику, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое умственное и общественное превосходство. Вернуться въ качествѣ вѣнчаннаго славой консуляра къ частной жизни ему казалось невыносимымъ. Съ другой стороны его могла привлекать задача, въ силу его популярнаго положенія, покончившагося не въ малой степени на его уволенныхъ солдатахъ, спасти свой народъ и отъ внутреннихъ бѣдствій. А послѣднія

были достаточно велики. Продолжавшіяся возстанія рабовъ этого времени представляютъ краснорѣчивое доказательство того, что́ за послѣдствія имѣла отмѣна Гракховыхъ аграрныхъ законовъ. Вѣдь въ Южной Италіи пришлось выставить цѣлый легіонъ, а въ Сициліи государство рабовъ съ царемъ во главѣ держалось нѣсколько лѣтъ противъ римскихъ войскъ, пока одинъ консулъ не одолѣлъ его въ двухлѣтнемъ походѣ. Вотъ почему уже нѣсколько лѣтъ трибуны пытались возстановить Гракхово аграрное законодательство, но попытки ихъ разбивались о сопротивленіе руководимой Метелломъ знати. Самымъ выдающимся среди этихъ агитаторовъ былъ краснорѣчивый и умный Апулей Сатурнинъ. Обиженный въ свое время сенатомъ, онъ вступилъ въ оппозицію и велъ теперь всѣми средствами борьбу противъ знати. Въ качествѣ трибуна онъ сильно поддерживалъ Марія на выборахъ и предложилъ для его солдатъ учредить колоніи. Его единомышленникомъ былъ Сервилій Главкія, который своимъ грубымъ языкомъ нравился черни. Эти два лица, обѣщаніемъ поддержать Марія, когда онъ выступитъ въ шестой разъ кандидатомъ на должность консула, привлекли его къ энергической аггрессивной политикѣ въ аграрномъ законодательствѣ, черезъ что въ то-же время предполагалось создать Марію прочную должность.

Аграрный законъ Сатурнина; паденіе Марія. Союзъ этотъ, благодаря кулакамъ Маріевыхъ ветерановъ, которые даже убили одного соискателя, вначалѣ сопровождался успѣхомъ: Марій сдѣлался въ шестой разъ консуломъ, Сатурнинъ вторично—трибуномъ, Главкія—преторомъ. Народная партія могла развернуть всю свою силу. Къ сожалѣнію, очень скоро обнаружилось отсутствіе единства въ руководительствѣ партій. Марій не отличался ни пониманіемъ высшихъ задачъ государственнаго мужа, ни развязностью и зажигательнымъ краснорѣчіемъ демагога; Сатурнинъ же, у котораго во всемъ этомъ не было недостатка, все-таки ничего не могъ сдѣлать безъ того, чтобы старикъ-полководецъ не далъ пароля своимъ. Если Марій былъ головой партіи, то Сатурнинъ былъ ея мозгомъ и устами; такое отношеніе могло существовать прочно только при разумной воздержности обѣихъ сторонъ.

Сатурнинъ представилъ проектъ обширной колонизаціи за гра-

ницей. Въ первый его трибунатъ ему удалось поселить ветерановъ Югуртинской войны въ Африкѣ, теперь же онъ предлагалъ учредить колоніи для ветерановъ войны съ кимврами на государственныхъ земляхъ Сициліи, Ахаіи и Македоніи, а между остальнымъ безземельнымъ населеніемъ, какъ гражданами, такъ и италиками, распредѣлить отнятыя у кимвровъ кельтскія земли по сю и по ту сторону Альпъ. Сатурнинъ предлагалъ поручить Марію руководство при распредѣленіи земель и принятіе потребныхъ для осуществленія этого дѣла мѣръ, въ томъ числѣ и военныхъ, и при этомъ можно было бы продлить Марію, по желанію, срокъ его консульства. Проектъ этотъ создавалъ, такимъ образомъ, если не монархію, то все-же ея начало, и потому знать всею силой воспротивилась его принятію. Но Сатурнинъ успокоилъ городскую чернь, не хотѣвшую и слышать объ участіи италиковъ, пониженіемъ цѣны на государственный хлѣбъ, оставилъ безъ вниманія заявленія сената и протестъ трибуновъ и въ концѣ концовъ, когда сдѣлана была попытка помѣшать голосованію, подавилъ силу силою. Сенатъ долженъ былъ дать клятву, что приведетъ законы въ исполненіе, и когда Метеллъ одинъ отказался, его постигла кара изгнанія.

Повидимому, достигли цѣли; но сословіе всадниковъ, сначала подкупленное расширеніемъ его судебныхъ функцій, испугалось незаконныхъ шаговъ и, по началу этого народовластія, стало опасаться самыхъ дурныхъ послѣдствій для будущаго. Оно стало на сторону сената. Самъ Марій, на котораго взваливали отвѣтственность, встревожился. Онъ велъ переговоры на обѣ стороны, угождалъ и тѣмъ и другимъ и не дѣлалъ ничего для своихъ товарищей. Тѣмъ рѣшительнѣе поступали герои черни. Съ сыномъ мужика на курульномъ креслѣ они обращались какъ съ чучеломъ, у котораго въ головѣ, вмѣсто мозга, солома. Сатурнинъ въ третій разъ получилъ трибунатъ; Главкія выступилъ кандидатомъ на должность консула и прибѣгъ къ помощи своихъ уличныхъ тѣлохранителей, которые убили его соискателя Меммія на глазахъ народа. Но теперь вмѣшался сенатъ. Консулы получили порученіе „смотрѣть за тѣмъ, чтобы государство не понесло ущерба“ (см. стр. 16) и Марій волей-неволей долженъ былъ начать борьбу съ прежними друзьями. Сенаторы, всадники, кліенты и приверженцы знати въ полномъ вооруженіи явились на Фо-

румъ. Тутъ ужь не соблюдали ни закона, ни права, не щадили ни званія, ни положенія. Послѣ короткаго сраженія, приверженцы трибуна отступили къ Капитолію, гдѣ они окопались, но отъ недостатка воды вынуждены были сдаться. Консулъ, чтобы спасти ихъ отъ ярости побѣдителей, заперъ ихъ въ курію, но противники сняли крышу со зданія и побили заключенныхъ камнями.

Марій же, предавшій своихъ и не склонившій къ себѣ знати, на ближайшее время сталъ политически нулемъ. Никто уже не заботился о немъ; какъ частное лицо, онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ преслѣдовались судомъ вожди народной партіи, какъ Сатурниновы аграрные законы и законы о колоніяхъ были отмѣнены и старые его солдаты вознаграждены лишь скудными земельными надѣлами. Но когда и старинный его противникъ Метеллъ вернулся изъ изгнанія, онъ не выдержалъ и ушелъ въ Азію, чтобы тамъ дожидаться удобнаго случая для новыхъ подвиговъ и седьмого своего консульства, о которомъ онъ суевѣрно мечталъ.

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Новое сенатское правленіе. Сенатъ на первое время одинаково твердо и счастливо руководилъ захваченнымъ вновь кормиломъ государства. Страхъ передъ повтореніемъ Маріева господства сдерживалъ алчность въ спасительныхъ границахъ, а изъ школы недавнихъ походовъ вышелъ и цѣлый рядъ дѣльныхъ офицеровъ изъ знати. Внутри государства удалось стѣснить агитацію трибуновъ. Чтобы предотвратить неожиданныя непріятности съ этой стороны, было постановлено законодательнымъ путемъ, чтобы всякое предложеніе публиковалось до голосованія въ три рыночныхъ дня. Образованію сильнаго союза нѣсколькихъ заинтересованныхъ группъ было воспрепятствовано запрещеніемъ голосовать нѣсколько законовъ за разъ. Наконецъ, закономъ, подвергавшимъ строгимъ карамъ противозаконное пользованіе правомъ голоса въ Римѣ, жившіе въ Римѣ латиняне были лишены обычнаго дотолѣ участія въ трибныхъ комиціяхъ. И во внѣшней политикѣ обнаружили большую энергію. Въ Испаніи было подавлено опасное возстаніе

лузитановъ и кельтиберовъ и сломлены укрѣпленія ихъ городовъ; Киренаика на африканскомъ побережьи попала подъ римское управленіе; морскіе разбойники были обузданы, а стремившіеся къ великодержавному положенію цари Миѳридатъ Понтійскій и Тигранъ Армянскій были принуждены ограничиться прежними своими предѣлами.

Раздоръ между сенатомъ и всадниками. Сила сенатскаго правленія покоилась, въ доброй долѣ, на согласіи со всаднческимъ сословіемъ. Въ жертву этому согласію приносились несчастныя провинціи, намѣстники которыхъ должны были допускать хозяйничанье въ нихъ государственныхъ откупщиковъ и купцовъ изъ всаднческаго сословія, съ ихъ многочисленными служащими. Каждая попытка защитить подданныхъ отъ злоупотребленій съ этой стороны принималась за обиду и римскіе всадники—присяжные мстили за нее обвинительными приговорами. Какъ разъ въ это время нѣсколько способныхъ лицъ изъ знати попытались ограничить эти злоупотребленія. Кв. Муцій Сцевола, первый юристъ и одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, будучи намѣстникомъ въ Азіи, равно какъ и его замѣститель и другъ, высокообразованный Рутилій, безъ всякаго снисхожденія наказывали, несмотря на предлагаемыя имъ взятки, всадниковъ и ихъ приказчиковъ, а сенатъ одобрялъ ихъ административные принципы и рекомендовалъ ихъ для подражанія. Всадники были въ бѣшенствѣ, и если они не рѣшались напасть на самого Сцеволу, пользовавшагося большимъ почетомъ, то все-таки они привлекали къ суду, якобы за вымогательства, и осуждали лицъ изъ его свиты, а подъ конецъ и честнаго Рутилія. „Ножи и мечи“, которые Гай Гракхъ, своимъ закономъ о судахъ, бросилъ на Форумъ, оказывали свое дѣйствіе: сенатъ и всадническое сословіе были въ открытомъ раздорѣ другъ съ другомъ.

Реформа Ливія Друза (91 г.). Престарѣлый М. Скаверъ, который также былъ привлеченъ къ отвѣтственности, стоя передъ судьями, пригласилъ трибуна М. Ливія Друза законнымъ путемъ отнять у спекулянтовъ оскверненную ими судейскую должность и вернуть ее сенату. Знаменитый ораторъ Л. Крассъ повторилъ то же самое въ куріи, и трибунъ съ радостью внялъ призыву почтенныхъ мужей, ибо онъ давно уже понималъ необходимость такой мѣры. Онъ принадлежалъ къ знати; отецъ его

содѣйствовалъ гибели младшаго Гракха; самъ онъ выступалъ противъ Сатурнина. Теперь онъ хотѣлъ помочь вопіющей нуждѣ и потому представилъ слѣдующія предложенія: Состоящій изъ 300 членовъ сенатъ долженъ быть пополненъ такимъ-же количествомъ всадниковъ и получить снова судъ по дѣламъ о вымогательствахъ и о произволѣ должностныхъ лицъ. Особому суду долженъ подлежать приговоръ въ дѣлахъ о подкупности судей. Въ то-же время онъ предложилъ снова законъ своего отца о колоніяхъ (стр. 15). Большая часть сената была на его сторонѣ; но противники имѣли въ лицѣ нѣсколькихъ трибуновъ Сервилія Цепіона, который водилъ свои шайки еще на Сатурнина, и консула Марція Филиппа, хитрыхъ и безцеремонныхъ поборниковъ своего дѣла. Указывали на неосуществимость закона о колоніяхъ, на полузаконченность закона о судьяхъ. На выборахъ въ трибуны приверженцы Ливія провалились. Такъ какъ онъ поэтому не могъ надѣяться, что предложенія его будутъ поддержаны единомышленными съ нимъ преемниками, то онъ, оставивъ до времени свой законъ о колоніяхъ, попытался склонить массу въ пользу закона о судьяхъ, предложивъ удешевить государственный хлѣбъ, и, чтобы провести этотъ законъ, пустилъ всѣ три закона вмѣстѣ на голосованіе, вопреки новому порядку (стр. 38). Это противникамъ было на руку. Когда народъ принялъ законы, сенатъ долженъ былъ согласиться съ консуломъ, что голосованіе незаконно, и объявить эти законы недѣйствительными.

Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшихъ плановъ Ливія. Онъ съ самаго начала думалъ осуществить такъ часто обманываемыя надежды италиковъ дарованіемъ имъ правъ гражданства и тѣмъ разъ навсегда обезсилить демократію; поэтому онъ въ теченіе всего своего трибуната поддерживалъ сношенія съ вождями союзниковъ, изъ которыхъ самымъ значительнымъ былъ марсъ Помпедій Силонъ. Ливій надѣялся, помиривъ между собой сенатъ и всадническое сословіе и удовлетворивъ гражданъ, привести свой планъ въ исполненіе. Теперь, въ послѣднія недѣли своего трибуната онъ, даже рискуя встрѣтить отказъ, долженъ былъ сдержать слово и внести предложеніе. Вся Италія напряженно ждала исхода, тайныя связи поддерживали агитацію, и когда трибунъ заболѣлъ, то во всѣхъ общинахъ принесены были обѣты за его выздоровленіе. Онъ поправился, и приблизился день го-

лосованія; но ударъ ножа положилъ предѣлъ его жизни. Другіе трибуны взяли на себя его предложеніе и, вопреки закону, пригласили къ голосованію союзниковъ. Но въ это время случилось кровавое событіе, вслѣдствіе котораго разразилось долго сдерживавшееся озлобленіе Италіи противъ столицы.

Начало союзнической войны (90—88 гг.). Въ виду господствовавшаго броженія, сенатъ отправилъ въ отдѣльныя области людей съ проконсульской властью. Одинъ изъ нихъ, Сервилій, узналъ, что пиценты Аскула обмѣниваются заложниками съ сосѣдними племенами, заключая съ ними оборонительный и наступательный союзъ. Въ гнѣвѣ онъ явился внезапно на праздничныя игры въ Аскульскій театръ и осмѣлился произнести открытыя угрозы. Но тогда на него ринулась раздраженная толпа, убила его со всей его свитой, а затѣмъ и всѣхъ римлянъ, находившихся въ городѣ. Этимъ данъ былъ сигналъ къ общему возстанію. Марсы первые формально отпали отъ римлянъ, вслѣдствіе чего эта война названа Марсійской. Вмѣстѣ съ ними возстали небольшія, но сильныя сабелльскія племена вокругъ Фуцинскаго озера и у Адріатическаго моря отъ Пицена до Апуліи, самниты, луканцы и всѣ, что́ жили къ югу отъ Лириса. Вѣрными остались только этруски и умбры, равно какъ большинство колоній и отдѣльныя городскія общины. Было создано государство Италія, по образцу римскаго. Столицей того-же названія назначили городъ пелигновъ Корфиній, расположенный на плодоносной, окруженной горами равнинѣ, украсили его площадью и зданіемъ совѣта и дали ему сенатъ изъ 500 членовъ, составленный изъ числа самыхъ видныхъ людей соединенныхъ племенъ. Далѣе были избраны два консула, марсъ Помпедій Силонъ и самнитъ Папій Мутилъ, бывшіе уже до этого главами возстанія, и двѣнадцать преторовъ; всѣ они были опытными въ военномъ дѣлѣ и испытанными людьми. Затѣмъ въ теченіе зимы было набрано и обучено до 100,000 воиновъ и добыты оружіе, провіантъ и деньги. Изображеніе на новой италійской монетѣ—италійскій быкъ, поражающій римскую волчицу, показывало, для какой цѣли она была выбита.

Денарій италиковъ временъ союзнической войны, съ надписью: C. Paapi. Mutil. Embratur-Crjusa Papius Mutilus Imperator.

Противныя мѣропріятія Рима; война. Противъ страшнаго союза вооружался съ неменьшей энергіей римскій сенатъ. Стѣны были приведены въ оборонительное состояніе, набраны всѣ способные носить оружіе граждане, вмѣстѣ съ оставшимися вѣрными союзниками, а изъ провинцій и вассальныхъ государствъ, равно какъ изъ цизальпинской Галліи, были потребованы вспомогательныя войска, корабли и провіантъ. Во главѣ войскъ стали самые испытанные полководцы, въ томъ числѣ и Гай Марій, подъ главной командой консуловъ П. Рутилія Луна и Л. Юлія Кесаря (Цезаря). А друзья Ливія, заподозрѣнные въ соучастіи съ мятежниками, были осуждены особымъ судомъ за государственную измѣну.

Война, начавшаяся весной 90-го года, превратилась въ массу мелкихъ войнъ, потому что повсюду въ мятежной области, подобно оазисамъ, находились города, которые оставались вѣрными Риму. Это, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ другъ противъ друга стояли войска съ одинаковой боеспособностью, вооруженіемъ и тактическими пріемами, привело къ кровопролитной борьбѣ, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Италійскій консулъ Помпедій Силонъ бросился на укрѣпленную Альбу на Фуцинскомъ озерѣ, тогда какъ подчиненные ему полководцы на обширномъ пространствѣ осаждали другіе города или же прикрывали его отъ римскихъ нападеній. На дорогѣ въ Римъ стоялъ, на границѣ страны, италійскій преторъ Веттій Скатонъ съ марсами, насупротивъ него—римскій консулъ Рутилій Лунъ, подъ начальствомъ котораго былъ Марій. Войска раздѣлялъ ручей Толенъ. Несмотря на предупрежденіе Марія, консулъ перешелъ за рѣку, напалъ на враговъ, но былъ разбитъ; самъ онъ, съ 8,000 человѣкъ, палъ на полѣ брани. Зато Марій, который ниже по теченію перешелъ черезъ рѣку, захватилъ незащищенный войсками лагерь противника, стянулъ къ себѣ остатки консульскихъ легіоновъ и не далъ непріятелямъ воспользоваться плодами побѣды. Сервилій Цепіонъ, противникъ Ливія, котораго сенатъ поставилъ теперь рядомъ съ Маріемъ въ должности военачальника, попалъ въ засаду и самъ погибъ. Марій же, командовавшій теперь всѣмъ корпусомъ, какъ только увѣрился въ своихъ войскахъ, проникъ въ глубь страны марсовъ и нанесъ Помпедію Силону чувствительныя пораженія. Пелигновъ разбилъ

преторъ Сульпицій Руфъ. Теперь можно было выручить сильно стѣсненнаго въ Пиценѣ Помпея Страбона, отца великаго Помпея, послѣ чего тотъ началъ осаду Аскула.

Худшій оборотъ приняли дѣла на югѣ. Здѣсь другой италійскій консулъ, Папій Мутилъ, осаждалъ колонію Эзернію. Римскій консулъ Кесарь, подошедшій на выручку изъ Кампаніи, былъ отбитъ, съ большимъ урономъ, Веттіемъ Скатономъ. Не удалось и нападеніе римлянъ на Луканію, произведенное подъ начальствомъ подчиненнаго Кесарю полководца Лицинія Красса, отца будущаго тріумвира. Когда же теперь въ Кампанію вступилъ Папій Мутилъ, къ нему перешла южная часть этой области. Правда, произведенный на римскій лагерь приступъ былъ отбитъ съ большимъ кровопролитіемъ; но вскорѣ затѣмъ римское войско, при переходѣ черезъ рѣку, понесло такой жестокій уронъ, что лишь къ концу года стало вновь способнымъ къ бою. Эзернія же должна была сдаться на капитуляцію.

Эти удары сильно охладили воинственность римлянъ, а когда вдобавокъ прибыло извѣстіе, что и Умбрія и вся Этрурія тоже грозятъ отпаденіемъ, ими овладѣло уныніе. Одинъ трибунъ провелъ законъ, по которому судьи въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ должны избираться трибами изъ своей среды по свободному выбору, а не изъ одного всаднческаго сословія; вслѣдствіе этого закона въ судъ вступили люди умѣренные и оружіе было обращено какъ разъ противъ фанатиковъ. Немного спустя, по предложенному консуломъ Кесаремъ закону, были приняты въ составъ гражданъ не отпавшія еще общины союзниковъ, а другимъ закономъ трибуновъ Плавтія и Папирія всякому свободнорожденному мужчинѣ италійскаго происхожденія даровались права гражданства, лишь бы онъ въ двухмѣсячный срокъ явился къ римскому претору; но чтобы за старыми гражданами осталось политическое руководство, новые, по закону, могли голосовать только въ восьми трибахъ изъ 35. Въ благодарность за охотно оказанную помощь, права гражданства получили также жители Цизальпинской Галліи къ югу отъ По и колоніи къ сѣверу отъ этой рѣки. Эти мѣропріятія вызвали отпаденія отъ союза италиковъ и посѣяли въ немъ недовѣріе, что̀ имѣло послѣдствіемъ благопріятный поворотъ военнаго счастья и снова подняло римское могущество.

Снѣгъ еще не сошелъ съ горъ, когда въ Этрурію проникъ отрядъ марсовъ, чтобы содѣйствовать возстанію въ этой области; но онъ былъ уничтоженъ консуломъ Помпеемъ Страбономъ (89 г.), который имѣлъ главное начальство еще въ Пиценской области. Побѣдоносный полководецъ получилъ теперь главное руководство войной въ сѣверныхъ областяхъ, послѣ того какъ другой консулъ Порцій Катонъ палъ въ несчастливой битвѣ. Подъ Аскуломъ онъ далъ кровопролитное сраженіе подоспѣвшему на выручку пиценскому ополченію. Обломки непріятельскихъ силъ, которые сквозь линіи римскаго войска бросились въ осажденный городъ, не смогли остановить его участи. Городъ былъ выморенъ голодомъ и наказанъ съ варварской строгостью. Затѣмъ римляне, среди убійственныхъ сраженій и безпощаднаго опустошенія страны, покорили возставшія народности у Фуцинскаго озера, въ горахъ и до самаго Адріатическаго моря. Даже столица союза должна была открыть побѣдителямъ свои ворота. Съ такимъ-же счастіемъ дѣйствовало римское оружіе въ Апуліи, гдѣ самнитскій преторъ Эгнатій, достойный своихъ предковъ, храбро боролся противъ превосходныхъ силъ непріятеля, пока не палъ въ несчастномъ бою.

Подвиги Суллы. Въ Кампаніи, по смерти консула Катона, самостоятельно командовалъ легатъ его Корнелій Сулла. Послѣдній, послѣ своей квестуры въ Югуртинской войнѣ (стр. 27), сражался подъ начальствомъ Марія противъ тевтоновъ, а подъ начальствомъ Катула противъ кимвровъ, послѣ своей претуры управлялъ новой киликійской провинціей и столь-же мужественно, какъ умно охранялъ интересы государства противъ великодержавныхъ вожделѣній понтійскихъ и армянскихъ государей, а въ предшествовавшемъ году обратилъ на себя общее вниманіе своими смѣлыми экспедиціями. Теперь онъ, поддерживаемый расположеніемъ войска, которому онъ многое спускалъ, и уповая на свое счастье, проникъ на югъ Кампаніи, бралъ приступомъ ея города, отбилъ самнитовъ, послѣдовалъ за ними въ Самній, покорилъ страну гирпиновъ и, послѣ двойной побѣды, захватилъ главный городъ Бовіанъ. Но самниты не собира-

Сулла.
Единственный надежный портретъ Суллы на монетѣ его внука Помпея Руфа 58 г. до Р. Хр.

лись дешево сдаться побѣдителямъ. Всѣ, кто могъ еще носить оружіе, возстали въ горахъ; ибо сюда бѣжалъ, съ храбрыми воинами, безстрашный Помпедій Силонъ, послѣ битвъ на Фуцинскомъ озерѣ, и здѣсь онъ вмѣстѣ съ товарищемъ по должности Мутиломъ собиралъ вокругъ себя горцевъ. Его воодушевляющему призыву послѣдовали даже рабы, такъ что онъ вскорѣ оказался во главѣ 50,000 человѣкъ. Теперь римляне, среди непрерывныхъ сраженій, были вытѣснены изъ долинъ, Бовіанъ былъ отвоеванъ обратно и Эзернія сильно укрѣплена. Но когда легіоны успѣли оправиться отъ неожиданныхъ ударовъ, они снова взяли верхъ и Помпедій палъ въ кровопролитномъ сраженіи, несчастный исходъ котораго отдалъ всю страну въ руки враговъ. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя массы самнитовъ остались подъ оружіемъ и соединились, для совмѣстнаго сопротивленія, съ луканцами, которые до этого побѣдоносно отбивали всѣ вторженія римлянъ.

ВОЙНА СЪ МИѲРИДАТОМЪ И ПЕРВАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА; СУЛЛИНО ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Скверное положеніе Рима (88 г.); Сульпицій Руфъ и Марій. Буря, угрожавшая существованію римскаго государства, миновала. Путь, по которому она прошла, обозначили опустошенныя области, пожарища, кучи развалинъ, могильные холмы. Положеніе Рима было печально: государственная казна была пуста, и общая задолженность и дурное состояніе кредита сильно тяготили гражданъ; война и политическіе процессы поселили въ нихъ взаимную вражду, и грубыя насилія были обыденнымъ явленіемъ; новые же граждане не были довольны своимъ ограниченнымъ правомъ голоса, тогда какъ покорившіеся послѣ назначеннаго срока италики совершенно еще были лишены его; опасность еще увеличивалась изъ-за самнитовъ и луканцевъ, которые все еще продолжали возстаніе. Къ тому-же, сочли себя вынужденными объявить войну царю Миѳридату (стр. 39), и въ лицѣ Суллы, бывшаго въ 88 году консуломъ, былъ готовъ полководецъ, котораго желалъ себѣ сенатъ для этой войны.

Вотъ то положеніе дѣлъ, которое засталъ народный трибунъ

Сульпицій Руфъ при вступленіи въ свою должность. Подобно своему зарѣзанному другу Друзу, онъ былъ представителемъ знати, но въ то же время сторонникомъ своевременныхъ реформъ; онъ рѣшился довершить дѣло друга. Онъ казался и призваннымъ къ этому, такъ какъ въ послѣднюю войну отличился въ качествѣ военачальника и уже давно блисталъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ предложилъ, что новые граждане и вольноотпущенники должны впредь равномѣрно распредѣляться по всѣмъ трибамъ. Кромѣ того, онъ потребовалъ возвращенія сосланныхъ и очищенія сената отъ задолженныхъ и потому продажныхъ элементовъ. Этими предложеніями онъ вызвалъ сильнѣйшее противоборство со стороны сената, и, чтобы отсрочить голосованіе, Сулла, въ качествѣ консула, назначилъ религіозныя торжества. Но Сульпицій окружилъ себя 300 тѣлохранителей и во главѣ ихъ добился устраненія этого препятствія. Въ то-же время онъ соединился съ Гаемъ Маріемъ, чтобы доставить послѣднему главное начальство въ войнѣ съ Миѳридатомъ.

Марій въ послѣднюю войну, несмотря на ревматизмъ и массу завистниковъ, одержалъ надъ лучшими вождями противниковъ, въ тяжелое время, такіе успѣхи, какъ никто другой. И все-таки имъ не были довольны: говорили, что онъ слишкомъ много мѣшкаетъ, что онъ слишкомъ старъ для полевой службы. Поэтому-то онъ во второй годъ не получилъ командованія и долженъ былъ предоставить лавры другимъ. Тѣмъ усерднѣе онъ теперь старался получить главное начальство въ предстоящей большой войнѣ въ Азіи. Желѣзная воля солдата еще разъ одержала верхъ надъ больнымъ тѣломъ. Вмѣсто того, чтобы ухаживать въ Байяхъ за своимъ здоровьемъ, какъ того желали его враги, онъ, несмотря на свои 67 лѣтъ, ежедневно спускался на Марсово поле и при всей своей тучности состязался съ молодежью въ фехтованіи и верховой ѣздѣ, чтобы на глазахъ у всѣхъ доказать свою способность къ полевой службѣ.

Когда Сулла уступилъ, до времени, силѣ и ушелъ въ Кампанію къ своему войску, которое было занято осадой Нолы, законы Сульпиція были приняты, и Марію въ самомъ дѣлѣ было передано главное начальство; въ лагерь Суллы явились военные трибуны, чтобы принять войска для новаго полководца.

Сулла беретъ Римъ. Но по отношенію къ Суллѣ ошиблись въ

расчетѣ. Его знали, какъ жупра и какъ счастливаго полководца, обладавшаго честолюбіемъ лишь въ той мѣрѣ, какая была нужна для услажденія жизни славой военныхъ подвиговъ. Поэтому съ нимъ надѣялись справиться во всякомъ случаѣ не труднѣе, чѣмъ въ свое время удалось это съ признаваемымъ всѣми за способнаго полководца Метелломъ (стр. 26). Но съ Суллой поступили слишкомъ дурно, и роль его при этомъ просто оказалось смѣшною. Его, законно назначеннаго консула, который по своимъ побѣдамъ въ союзнической войнѣ не меньше, чѣмъ по своему азіатскому опыту, несомнѣнно былъ самымъ пригоднымъ для этой войны человѣкомъ, вздумали отозвать внезапно, среди вооруженій, чтобы онъ по приказу разсерженнаго народнаго трибуна уступилъ свое мѣсто частному лицу, бывшему его политическимъ противникомъ. Его не могло удержать опасеніе, что избѣжать смѣшного положенія ему удастся не иначе, какъ возбудивъ междуусобную войну; вѣдь у этого человѣка сердце было такъ-же холодно, какъ и разсудокъ, и онъ изъ всѣхъ боговъ вѣрилъ въ одну только Фортуну. Такимъ образомъ, въ Суллѣ теперь внезапно увидѣли хитрость лисицы не менѣе, чѣмъ силу льва, какъ характеризовали его древніе. Онъ собралъ войска, уже напередъ радовавшіяся азіатской добычѣ, пожаловался имъ на обиды, которыя ему приходится терпѣть отъ надменности Сульпиція и Марія, и сообщилъ имъ народное рѣшеніе, которымъ веденіе войны поручалось его противнику. Онъ пригласилъ ихъ къ точному повиновенію. Солдаты поняли двусмысленное слово и потребовали, чтобы Сулла велъ ихъ въ Римъ. Только оберъ-офицеры—за исключеніемъ одного квестора—отказались принять участіе въ этомъ предпріятіи и бѣжали. И такимъ образомъ, въ первый разъ въ римской исторіи славныя знамена обратились противъ собственнаго города. Войско подвигалось къ Риму ускоренными переходами. Сенатъ отправилъ двухъ преторовъ съ запрещеніемъ дальнѣйшаго движенія; но они вернулись въ разорванныхъ должностныхъ одѣяніяхъ и со сломанными связками прутьевъ. Сенатъ отправлялъ новыя посольства, которыя должны были успокоить гнѣвъ полководца, но послѣдній не далъ себя остановить. Вблизи города къ нему присоединились товарищъ по должности и многочисленные друзья, но пришелъ также приказъ отъ сената не разбивать лагеря ближе 40 стадій ($7^1/_2$ km. = 7 верстъ) отъ стѣнъ. Сулла обѣщалъ пови-

новаться, но послѣдовалъ за гонцами по пятамъ и въ трехъ мѣстахъ занялъ обвалившіяся обводныя стѣны. Затѣмъ онъ самъ съ двумя легіонами въ боевомъ порядкѣ вторгся на Эсквилинъ. Но съ домовъ на него посыпались камни, копья и стрѣлы, и Марій во главѣ вооруженныхъ гражданъ оттѣснилъ нападающихъ. Тогда Сулла самъ схватилъ легіоннаго орла и снова устремился впередъ, подошли подкрѣпленія, и Марію пришлось отступить. Тутъ, у Каринъ, гдѣ склоны Эсквилина спускаются къ Форуму, старый воинъ-герой бился изъ послѣднихъ силъ, пока его не покинули всадники и сенаторы, пока войско его не пало отъ вражескаго оружія и всякое сопротивленіе не было сломлено. Тогда только онъ вмѣстѣ съ другими вождями своей партіи обратился въ бѣгство.

Бѣгство Марія; реформы Суллы. Сулла полновластно распоряжался въ городѣ. Онъ объявилъ въ народномъ собраніи объ извѣстныхъ измѣненіяхъ въ государственномъ устройствѣ и принудилъ сенатъ подвергнуть опалѣ Марія, нѣкогда спасшаго Римъ и шесть разъ бывшаго консуломъ, Сульпиція, еще находившагося въ должности народнаго трибуна, и десять ихъ товарищей. Сульпицій во время бѣгства былъ преданъ врагамъ и убитъ. Марій бѣжалъ въ Остію, гдѣ сѣлъ на корабль, чтобы ѣхать въ Африку. Но противные вѣтры пригнали его къ берегу и въ болотѣ около Минтурнъ онъ попалъ въ руки сыщиковъ Суллы. Онъ былъ отданъ тамошнимъ городскимъ властямъ и его рѣшили убить; но кельтъ, при помощи котораго хотѣли исполнить это рѣшеніе, испугался сверкающихъ глазъ и громового голоса стараго героя и убѣжалъ. Власти охотно усмотрѣли въ этомъ знаменіе небесъ, приказывавшее щадить могучаго мужа, и отпустили его. Послѣ этого онъ, чтобы скрыть свой слѣдъ отъ враговъ, крейсировалъ по морю, среди разнообразныхъ приключеній, и, наконецъ, добрался до африканскаго побережья, гдѣ онъ, получивъ отказъ у римскаго намѣстника, вмѣстѣ съ нѣсколькими, мало-по-малу собравшимися, товарищами по несчастью велъ скитальческую жизнь на развалинахъ Карѳагена.

Въ Римѣ Сулла укрѣплялъ власть знати, чтобы разъ навсегда поставить препятствіе Маріеву господству. Онъ велѣлъ объявить не дѣйствительными законы Сульпиція, поставилъ предложенія трибуновъ въ зависимость отъ разрѣшенія сената, доставилъ въ

центуріатскихъ комиціяхъ, ради выборовъ, снова рѣшающій голосъ первому имущественному классу и успокоилъ толпу учрежденіемъ новыхъ колоній, отпущеніемъ долговъ и подобными средствами. Затѣмъ онъ выждалъ выборы, на которыхъ ему съ сожалѣніемъ пришлось увидѣть провалъ нѣсколькихъ изъ его кандидатовъ. Самымъ для него опаснымъ было избраніе въ консулы маріанца Корнелія Цинны. Сулла, правда, заставилъ его поклясться въ томъ, что онъ ничего не предприметъ про-

МИНТУРНЫ.

тивъ новаго порядка вещей. Однако ему уже пришлось узнать, что италики грозятъ снова возстать изъ-за опять утраченнаго ими полнаго права голоса, и что его товарищъ по должности былъ убитъ тѣмъ войскомъ, которымъ онъ долженъ былъ прикрывать его тылъ въ Италіи. Тѣмъ не менѣе Сулла, въ надеждѣ на свою звѣзду, покинулъ столицу и переправился съ легіонами въ Грецію.

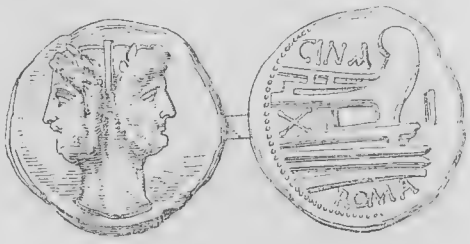
Цинна (87 г.); возвращеніе и смерть Марія (86 г.). Тотчасъ по вступленіи въ консульство, Цинна снова взялся за законы Сульпиція и призвалъ сосланныхъ обратно. Другой консулъ Октавій выступилъ противъ него и подавилъ насиліе насиліемъ

же. Цинна былъ смѣщенъ и бѣжалъ. Но онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ шестью народными трибунами, привлекъ на свою сторону новое кампанское войско, подкрѣпился толпами новыхъ гражданъ, массами стекавшихся къ нему, и двинулся на Римъ. Тогда и Марій, жаждая мести, высадился въ Этруріи, собралъ войско и соединился съ Цинной. Въ то-же время мятежные самниты и луканцы были привлечены на ихъ сторону дарованіемъ имъ полныхъ правъ гражданства. Въ битвѣ передъ воротами Рима, Октавій, при помощи стянутыхъ подкрѣпленій, одержалъ, правда, побѣду; но отъ болѣзней и побѣговъ войско его страшно убавилось, тогда какъ противники стали одерживать успѣхи. Тутъ сенату не осталось ничего иного, какъ начать переговоры.

Цинна, сидя на должностномъ креслѣ, далъ государственнымъ посламъ милостивый отвѣтъ; но возлѣ него стоялъ Марій, со всклокоченными волосами и бородой, какъ онъ вернулся изъ глуши, и съ мрачнымъ взоромъ. Онъ ни слова не отвѣтилъ на обращеніе пословъ, а хранилъ мрачное молчаніе. Когда же его пригласили вступить въ городъ, онъ со злобной усмѣшкой отвѣтилъ, что не смѣетъ этого сдѣлать, пока съ него не сняли опалы. Послѣ этого Цинна черезъ открытыя ворота вступилъ въ городъ. Онъ велѣлъ собраться гражданамъ и подать голоса по вопросу о снятіи опалы. Но, прежде чѣмъ это кончилось, Марій, будучи не въ силахъ сдерживать долѣе свою жажду мести, съ многочисленной ордой убійцъ вторгся въ несчастный городъ. Тутъ пришлось умереть всѣмъ, кого онъ не привѣтствовалъ при объѣздѣ; кровь лилась рѣкою въ теченіе пяти дней; затѣмъ началась настоящая травля всѣхъ спасшихся отъ убійцъ гражданъ, приверженцевъ Суллы, богачей, всѣхъ какъ-либо подозрительныхъ аристократовъ. На Яникулѣ ожидалъ смерти и принялъ ее консулъ Октавій, въ своей должностной одеждѣ. Подобно ему нашли свою гибель Луцій Кесарь, консулъ 90 г. (стр. 42), съ своимъ братомъ, законовѣдъ и ораторъ М. Антоній, храбрый П. Крассъ (стр. 43) съ однимъ изъ своихъ сыновей, тогда какъ другой, Маркъ Крассъ, будущій тріумвиръ, едва спасся въ Испанію; погибли также Катулъ, товарищъ Марія въ борьбѣ съ кимврами, и много другихъ благороднѣйшихъ гражданъ. Головы убитыхъ были выставлены на площади передъ ораторской трибуной, тѣла же оставлены безъ погребенія. Престарѣлый вояка сталъ палачомъ

своихъ согражданъ. Даже Цинна боялся остановить его; напротивъ, онъ распорядился такъ, что Марія на слѣдующій годъ избрали ему въ товарищи по должности, и такимъ образомъ Грозный достигъ цѣли своихъ желаній, седьмого консульства.

Но это было ему не на радость; чѣмъ болѣе осушалъ онъ кровавый кубокъ мести, тѣмъ бѣшенѣе распалялась его жажда, не давая ему покоя. Затѣмъ онъ получилъ извѣстіе о подвигахъ своего противника на востокѣ; онъ приходилъ въ неистовство, при мысли, что не ему достался этотъ жребій, и опасался возмездія со стороны побѣдителя. Онъ старался забыться; окровавленными руками онъ брался за полный бокалъ вина; день и ночь онъ утопалъ въ разнузданныхъ оргіяхъ, пока его не поразила смертельная болѣзнь. Въ лихорадочномъ бреду онъ метался на своемъ ложѣ и боролся то съ понтійскими полчищами, то съ Суллой, то съ тѣнями своихъ жертвъ. Въ семнадцатый день своего консульства онъ умеръ отъ болѣзни; Немезида, которая невидимо, часто не привлекая къ себѣ вниманія, сопровождаетъ человѣческую жизнь, осудила его.



Монета Цинны.
Монета рода Корнеліевъ.
На лицевой сторонѣ голова Яна; на оборотной—носъ корабля, знакъ денарія—X и надпись CINA ROMA.

Цинна остался одинъ повелителемъ Рима. Съ его согласія Квинтъ Серторій, всегда порицавшій терроръ, велѣлъ перебить Маріевы шайки убійцъ, черезъ что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени возстановлена была личная безопасность гражданъ. Послѣ этого Цинна собственной властью назначилъ новаго товарища-консула и съ одинаковымъ произволомъ хозяйничалъ онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ.

Господство маріанцевъ (86—84 гг.). Маріанцы опять имѣли случай доказать свою способность къ управленію государствомъ, и опять они доказали, что были не лучше своихъ аристократическихъ противниковъ. И рѣчи не было о коренной реформѣ государственнаго строя для подъема средняго сословія или объ устраненіи недостатковъ въ провинціальномъ управленіи. Про-

изошла только смѣна руководящихъ лицъ, не системы. Довольствуясь отмѣной законовъ Суллы, въ остальномъ поддерживали свое господство минутными средствами противной партіи, отпущеніемъ долговъ и учрежденіемъ единичныхъ колоній; лишь впослѣдствіи исполнено было обѣщаніе даровать права гражданства послѣднимъ мятежникамъ и распредѣлить новыхъ гражданъ по всѣмъ трибамъ. Но прежде всего старались удержать за собой господство. Для этого Цинна сейчасъ-же самъ занялъ должность консула и отправилъ въ провинціи намѣстниковъ по собственному выбору. На смѣну Суллѣ назначенъ былъ главнокомандующимъ консулъ Валерій Флаккъ, который и отправился на востокъ лѣтомъ 86 года.

Сулла въ борьбѣ съ Миѳридатомъ (87—85 гг.). Тамъ, тѣмъ временемъ, Сулла находился въ жестокой борьбѣ съ понтійцами. Миѳридатъ былъ врагъ опасный. Подвергшись послѣ преждевременной смерти отца своего преслѣдованіямъ со стороны матери и опекуновъ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ скитаніяхъ по глухимъ мѣстностямъ своей родины, прошелъ суровую школу страданій, закалилъ тѣло и духъ, выработалъ въ себѣ хитрость и настойчивость. Его исполинскій панцырь не подходилъ ни къ кому другому; на охотѣ, отъ его стрѣлы или копья не было спасенія дичи и звѣрью; онъ обгонялъ самыхъ быстрыхъ скороходовъ и безъ труда укрощалъ самаго дикаго степного коня. Умъ его былъ не менѣе ловокъ, полонъ силы, и былъ въ состояніи обнять самыя разнородныя задачи и настойчиво преслѣдовать ихъ. Могущественный царь понималъ языки 22 народовъ, которые онъ подчинилъ своей державѣ. Онъ владѣлъ и греческимъ языкомъ и привлекалъ къ своему двору эллинскихъ поэтовъ, философовъ и полководцевъ. Но все-таки ему недоставало истиннаго величія духа, и подъ блестящей внѣшностью легко было узнать варвара, восточнаго деспота. Онъ боролся съ внутренними и внѣшними врагами не однимъ только мечомъ, но и ядомъ и ножомъ убійцы. Когда онъ еще въ отроческихъ лѣтахъ возсѣлъ на престолъ (120 г.), то незначительное царство Понтъ въ юговосточномъ углу Чернаго моря составляло его единственное владѣніе. Но онъ вскорѣ проникъ черезъ Кавказъ и завоевалъ себѣ на сѣверномъ побережьи моря громадное царство, которое онъ назвалъ Босфоромъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ могуществен-

наго царя Тиграна Армянскаго своимъ зятемъ и союзникомъ. Онъ протянулъ свою алчную руку и за сосѣдними съ Понтомъ странами Пафлагоніей, Каппадокіей и Виѳиніей. Въ концѣ концовъ царство его стало такимъ огромнымъ, что азіаты и эллины видѣли въ немъ освободителя отъ римскаго ига, и его посягательства стали столь смѣлыми, что римляне не могли дольше откладывать войны съ нимъ.

Серебряная монета съ изображеніемъ Миѳридата VI Эвпатора, царя понтійскаго.

На лицевой сторонѣ портретъ царя; на оборотной—пасущійся олень, а затѣмъ солнце и луна (гербъ ахеменидовъ); вокругъ идетъ вѣтка изъ плюща, намекающая на прозвище Діонисія, которое носилъ Миѳридатъ.

Съ 250,000 человѣкъ пѣхоты и 40,000 всадниковъ, обученныхъ и предводимыхъ греческими военачальниками, и съ 300 военныхъ кораблей Миѳридатъ началъ борьбу, опираясь на союзъ съ Тиграномъ Армянскимъ и съ корсарами Средиземнаго моря. Безъ труда выбилъ онъ слабые римскіе отряды изъ азіатской провинціи или загналъ ихъ въ крѣпости. Пергамъ, резиденція римскаго намѣстника, сталъ его столицей; Каппадокія, Виѳинія, Фригія стали понтійскими сатрапіями; италиковъ же, которые здѣсь повсюду уже поселились, онъ велѣлъ, кровавымъ приказомъ изъ Эфеса, перерѣзать въ одинъ день; такимъ образомъ, погибло 80,000 безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Успѣхъ вздулъ надежды царя; ему показалось достижимымъ повергнуть во прахъ самый Римъ, раздираемый партійной борьбой и внутренними войнами. Онъ приказалъ своимъ войскамъ и флоту двинуться въ Европу. Были заняты Ѳракія и Македонія, равно какъ и острова Эгейскаго моря; даже Аѳины раскрыли предъ нимъ ворота и стали опорнымъ пунктомъ понтійскихъ силъ, къ которымъ теперь присоединилось большинство греческихъ государствъ. Были отправлены послы въ Нумидію, Египетъ, къ критянамъ и сирійцамъ, призывать повсюду народы и царей на борьбу съ Римомъ.

Сулла въ Греціи. Таково было положеніе вещей, когда Сулла,

уклоняясь отъ италійскихъ смутъ, высадился въ Эпирѣ (87 г.). Не обращая вниманіе на то, что происходило позади него, слѣдя только за непріятелемъ, онъ немедленно двинулся на Беотію. Здѣсь, у Копайскаго озера, онъ одержалъ полную побѣду, имѣвшую своимъ послѣдствіемъ подчиненіе эллинскихъ областей. Устояли лишь Аѳины и Пирей. Противъ обоихъ ихъ Сулла расположился лагеремъ въ Элевсинѣ и вокругъ него. Но двойной городъ, со своими высокими стѣнами, защищаемый лучшимъ полководцемъ Миѳридата Архелаемъ и имѣвшій свободный доступъ къ морю, могъ оказать сопротивленіе какъ штурму, такъ и правильной осадѣ. Подошедшее на его выручку войско было, правда, разбито, но къ цѣли могла привести только долговременная блокада. Такъ прошла зима, и недостатокъ въ деньгахъ и корабляхъ, равно какъ и вѣсти изъ Рима, казалось, дѣлали сомнительнымъ успѣхъ всего предпріятія. Однако Сулла не колебался ни минуты. Онъ не обращалъ вниманія на стоны умерщвляемыхъ въ Римѣ членовъ его партіи, на крики о помощи бѣглецовъ, спасшихся отъ кровожадныхъ шаекъ Марія, на низложеніе и опалу, произнесенныя ему Цинной; всякій дальнѣйшій успѣхъ, казалось ему, зависѣлъ отъ исхода настоящаго предпріятія.

Весной 86 г., когда въ Аѳинахъ нужда достигла высшей степени, штурмъ, произведенный съ новыми силами, отдалъ самый городъ во власть смѣлаго полководца; но послѣ страшной рѣзни и грабежа, онъ все-таки вернулъ ему, по крайней мѣрѣ, право самоуправленія. Послѣ этого Архелай очистилъ и портовый городъ Пирей, чтобы соединиться съ приближавшимся понтійскимъ войскомъ. Въ самомъ дѣлѣ стотысячная масса пѣхоты, конницы и боевыхъ колесницъ черезъ Ѳермопилы направлялась къ Беотіи, гдѣ обширныя равнины позволяли свободно развернуть эти силы. Сулла долженъ былъ снѣшить, въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ, а также въ виду извѣстія о томъ, что легіоны Марія, подъ начальствомъ Валерія Флакка, направляются противъ него изъ Италіи. Недалеко отъ Херонеи онъ натолкнулся на азіатовъ и разбилъ ихъ, но не могъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля далѣе, какъ до моря. Затѣмъ онъ пошелъ въ Ѳессалію, навстрѣчу маріанцамъ. Оба войска расположились другъ противъ друга у сѣвернаго склона Оѳрисскихъ горъ. Но когда Флаккъ замѣтилъ, что побѣдоносное войско не отказывается отъ своего

полководца, онъ предпочелъ уйти отъ него на сѣверъ, пройти черезъ Македонію и Ѳракію и напасть на Миѳридата въ Азіи. Послѣдній постарался парировать ударъ, высадивъ въ Беотію новую понтійскую армію. Съ нею-то сразился Сулла въ кровопролитной битвѣ при Орхоменѣ. Когда его легіоны дрогнули передъ натискомъ превосходной конницы, онъ самъ схватилъ знамя, за нимъ безстрашно, неудержимо послѣдовали его воины, и одержана была рѣшительная побѣда.

Миѳридатъ заключаетъ миръ съ Суллой. Послѣ неоднократныхъ ударовъ понтійскія войска всюду очистили поле. Побѣдитель построилъ корабли, которые соединились съ эскадрой, собранной тѣмъ временемъ Лициніемъ Лукулломъ, и выстроились въ Геллеспонтѣ, чтобы подготовить переправу въ Азію. Миѳридатъ смутился. Передъ нимъ уже много городовъ, которымъ надоѣло терпѣть его тиранію, закрыли свои ворота, и войску Флакка дѣйствительно удалось переправиться черезъ Босфоръ. Оно, правда, умертвило своего полководца, но подъ начальствомъ взбунтовавшагося легата Фимбріи разбило понтійскія войска и прогнало царя изъ Пергама. Тогда стѣсненный деспотъ началъ переговоры; онъ предлагалъ Суллѣ союзъ противъ маріанцевъ. Сулла отъ союза отказался, но поставилъ сносныя мирныя условія, чтобы не гнать царя на сторону противниковъ: возвращеніе завоеванныхъ земель, выдача флота и уплата военныхъ издержекъ. Эти требованія по сравненію съ тѣмъ наказаніемъ, которое слѣдовало автору кроваваго Эфесскаго приказа, были несоотвѣтственно мягки, и Миѳридатъ въ концѣ концовъ ихъ принялъ (85 г.).

Сулла привлекаетъ къ себѣ войско маріанцевъ въ Италію. Но еще стояло въ Азіи войско Фимбріи, и этого маріанца Сулла не могъ оставить позади себя, возвращаясь въ Италію для разсчетовъ съ демократами. Онъ переправилъ свои войска въ Азію, подтвердилъ миръ на личномъ свиданіи съ царемъ въ Дарданѣ на Геллеспонтѣ (84 г.) и разбилъ свой лагерь у Пергама возлѣ самого лагеря Фимбріи. Послѣдній, когда его воины толпами стали переходить въ непріятельскій лагерь, предпочелъ смерть униженію и собственноручно лишилъ себя жизни.

Послѣ этого Сулла упорядочилъ управленіе въ отвоеванныхъ обратно провинціяхъ, наказалъ виновныхъ, собралъ на нихъ счетъ денежныя средства, нужныя для вознагражденія его храбраго

войска и для выполненія дальнѣйшихъ его плановъ и затѣмъ отплылъ съ 40,000 человѣкъ въ Италію,ославъ туда впередъ докладъ сенату. Властелинъ востока, въ душѣ своей двигавшій судьбой міра, направился къ Брундизію.

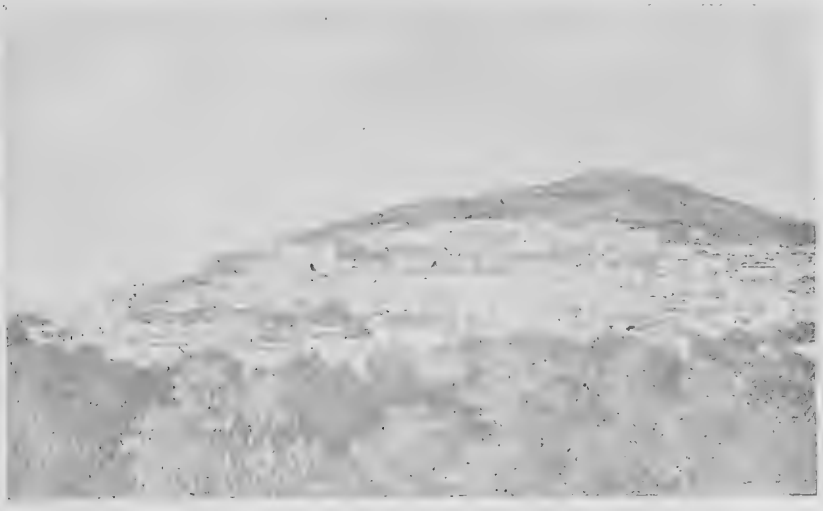
Борьба Суллы съ маріанцами (83—82 гг.). Господствовавшая въ Римѣ народная партія не заблуждалась на счетъ опасности, угрожавшей со стороны счастливаго полководца. Цинна уже осенью предшествовавшаго года стянулъ значительныя силы, чтобы встрѣтить врага въ Греціи, но былъ убитъ разнузданнымъ

БРИНДИЗИ, ДРЕВН. БРУНДИЗІЙ.

войскомъ. Съ тѣхъ поръ вооруженія велись съ величайшимъ усердіемъ. Привыкнувъ къ вѣроломству и предательству, не придали никакой вѣры письменнымъ увѣреніямъ Суллы, что онъ будетъ охранять пріобрѣтенныя права, и военному призыву послѣдовали новые граждане, равно какъ и союзники, особенно луканцы и самниты; старые граждане, опасаясь новыхъ кровавыхъ переворотовъ, тоже вооружились для сопротивленія.

Сулла безъ кровопролитія вступилъ въ Брундизій. Воины его здѣсь поголовно поклялись полководцу оставаться вѣрными ему, твердо держаться вмѣстѣ и щадить гражданъ и союзниковъ, которыхъ онъ надѣялся склонить добромъ къ набросанному имъ

плану новаго государственнаго устройства. Послѣ этого онъ безъ особаго труда покорилъ Калабрію и Апулію и стянулъ къ себѣ приверженцевъ и перебѣжчиковъ. Изъ Лигуріи явился храбрый Квинтъ Метеллъ, сынъ покойнаго побѣдителя нумидійцевъ, бѣжавшій изъ Рима, до вступленія въ него Марія, въ южную Италію и затѣмъ тщетно пытавшійся вытѣснить маріанцевъ изъ Африки; его примѣру послѣдовало много людей даже изъ лагеря противниковъ; изъ Испаніи, послѣ разнообразныхъ приключеній, прибылъ съ войскомъ, черезъ Африку, Маркъ Крассъ; изъ



ПАЛЕСТРИНА (ПРЕНЕСТЕ).

Пицена, совершенно имъ покореннаго, явился во главѣ трехъ легіоновъ 23-лѣтній Гней Помпей, сынъ Страбона (стр. 44); Сулла привѣтствовалъ его титуломъ императора. Войско, поддерживая строжайшую дисциплину, прошло черезъ Самній въ Кампанію, гдѣ, казалось, сосредоточивалась вся сила войны. Оно съ перваго натиска разсѣяло болѣе многочисленныя силы консула Норбана и мимо Капуи, куда бросились разбитые непріятели, двинулось на Теанъ, главную квартиру другого консула. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, войска послѣдняго большей частью перешли на сторону Суллы, и можно было въ этой плодоносной области остановиться на зимовку.

Борьба за Римъ (82 г.). Чѣмъ болѣе придвигалась опасность, тѣмъ болѣе напрягала всѣ свои силы народная партія, чтобы встрѣтить ее. Папирій Карбонъ и Гай Марій, племянникъ побѣдителя кимвровъ, имъ усыновленный, рѣшительные, мужественные люди, вступили въ должность консуловъ. Они, не долго думая, забрали храмовыя сокровища и призвали къ оружію городское и сельское населеніе всѣхъ областей Италіи. Часть все болѣе разроставшихся войсковыхъ массъ Карбонъ развернулъ въ верхней Италіи. Несмотря на понесенный въ нѣсколькихъ сраженіяхъ уронъ, онъ держался противъ Метелла и Помпея въ важномъ Аримини. Другую часть войска Марій повелъ на югъ, противъ наступающаго Суллы, но, несмотря на то, что сражался съ отчаяннымъ мужествомъ, былъ разбитъ и запертъ въ Пренесте. Побѣдитель послѣ этого вступилъ въ Римъ, но тотчасъ двинулся далѣе въ Этрурію, куда ушелъ Карбонъ. При Клузіи между обоими войсками произошла битва, которая осталась нерѣшенной. Но вотъ стали подходить могучія колонны соединенныхъ легіоновъ самнитовъ и луканцевъ, подъ начальствомъ своихъ храбрыхъ вождей Понтія и Лампонія. Передъ ними отступило войско, осаждавшее Капую; они присоединили къ себѣ разсѣянныя когорты народной партіи и безпрепятственно продолжали свое движеніе по латинской дорогѣ къ Пренесте, такъ какъ надо было освободить юнаго Марія, послѣднюю надежду борящихся народовъ. Но Сулла уже приближался ускоренными переходами и для прикрытія осаднаго войска занялъ неприступную позицію. Въ Пренесте еще стоялъ неразрушеннымъ, возвышаясь надъ городомъ и борющимися войсками, храмъ Фортуны со своими великолѣпными террасами и портиками; но богиня была на сторонѣ своего любимца Суллы, который ей одной приписывалъ свои удивительныя удачи и самъ себя называлъ Счастливымъ. Всѣ попытки самнитовъ одолѣть его позицію, вся храбрость гарнизона, стремившагося разорвать линіи осаждающихъ, были тщетны. Два легіона, посланные на помощь Карбономъ, тоже не могли прорваться. Зато Метеллъ и Помпей одержали теперь въ Этруріи побѣду надъ ослабленными силами консула Карбона, который самъ бѣжалъ въ Африку, оставивъ войско и надежду.

Остатки его войскъ соединились съ самнитами и ихъ товари-

щами. Вся эта масса войска, тѣснимая съ фронта Суллой, съ тыла Помпеемъ, внезапно освободившись изъ тисковъ, двинулась ускореннымъ маршемъ на самую столицу, чтобы въ то-же время освободить Марія. Войско безостановочно двигалось впередъ по Лабиканской дорогѣ отъ Альбанскихъ горъ. Къ вечеру оно остановилось передъ Коллинскими воротами, полное надежды на побѣду. Съ наступленіемъ утра приготовились къ штурму на полуразваливпіяся стѣны. Городское ополченіе гражданъ, выступившее для защиты города, было разбито и разсѣяно; со стѣнъ раздались крики отчаянныхъ горожанъ, и началось общее бѣгство. Но вотъ по дорогѣ изъ Пренесте подскакали всадники; это былъ авангардъ Суллы, прибывшаго со всѣми своими военными силами. Послѣ полудня загорѣлся безпримѣрно яростный бой; пощады не давали и не просили. Самъ главнокомандующій съ однимъ крыломъ своимъ былъ оттѣсненъ вплоть до лагеря, и битва казалась проигранной. О судьбѣ праваго крыла ничего не было извѣстно; но вотъ поздней ночью явились посланцы отъ Красса, командовавшаго на этомъ крылѣ, съ просьбой объ ужинѣ для него и для его солдатъ и съ сообщеніемъ, что непріятель разбитъ и отогнанъ до Антемнъ. Такимъ образомъ, на разсвѣтѣ, Сулла возобновилъ нападеніе и довершилъ кровавую побѣду. На полѣ брани валялись цѣлыя груды убитыхъ самнитовъ, луканцевъ и ихъ римскихъ товарищей, лишь немногіе спаслись бѣгствомъ, остальные, числомъ 3.000 человѣкъ, положили оружіе.

Суллины казни; проскрипціи. Тѣмъ самымъ война, въ сущности, была окончена, и побѣдитель могъ дать волю своей мести. Онъ началъ съ того, что въ открытомъ народномъ собраніи объявилъ о преслѣдованіи маріанскихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ, и велѣлъ на Марсовомъ полѣ перебить 3.000 захваченныхъ въ бою плѣнныхъ; головы вождей онъ отправилъ въ Пренесте, чтобы лишить гарнизонъ бодрости духа. Къ тому времени, когда происходила эта рѣзня, Сулла созвалъ сенатъ въ находившемся поблизости храмѣ Беллоны. Когда же сюда проникли крики умирающихъ и привели всѣхъ въ ужасъ, онъ съ неподвижнымъ выраженіемъ лица пригласилъ присутствующихъ быть внимательными и не отвлекаться тѣмъ, что происходитъ снаружи; тамъ-де только наказывается, по его приказу, нѣсколько злодѣевъ. За этимъ слѣдовала безпорядочная рѣзня, которою думали совершенно

истребить всѣхъ противниковъ. Когда пала Пренесте, все мужское населеніе, храбрый гарнизонъ и римскіе сенаторы были перебиты, богатства города стали добычей озвѣрѣвшихъ солдатъ. По этому примѣру поступили со всѣми городами, которые до конца оказывали сопротивленіе. Самній же былъ превращенъ въ пустыню; все живое было вырѣзано. И въ Римѣ произведена была безпощадная облава на маріанцевъ. Но здѣсь рѣзня была вскорѣ упорядочена формальной проскрипціей, по которой было составлено нѣсколько списковъ опальныхъ: въ нихъ было помѣщено до 4.500 именъ. Бѣгство было не возможно; головы убитыхъ предъявлялись въ собственномъ атріѣ Суллы и выставлялись затѣмъ у Сервиліева бассейна близъ Форума; за каждую голову была назначена государственная награда приблизительно въ 3.000 рублей, и тяжкія наказанія угрожали тѣмъ, кто скрылъ бы опальнаго; для наблюденія за исполненіемъ страшнаго закона по улицамъ столицы и италійскихъ городовъ бродили толпы Суллиныхъ палачей. Чтобы потомки несчастныхъ не могли отомстить за нихъ, имущество опальныхъ, равно какъ павшихъ въ бою маріанцевъ конфисковалось, а ихъ дѣти и внуки лишались права исправленія должностей. Но ярость дикаго побѣдителя обратилась и на мертвыхъ: онъ велѣлъ бросить пепелъ Марія въ Аніо и ниспровергнулъ памятники побѣдителя кимвровъ. При всемъ томъ Сулла былъ по отношенію къ друзьямъ и товарищамъ болѣе чѣмъ предупредителенъ. Многіе несчастные благодаря цѣнности своего имущества добавочно попадали въ списки опальныхъ, и конфискованными имѣніями обогащались достойные и недостойные.

Сулла возстановляетъ господство сената. Послѣ того какъ противная партія терроромъ была истреблена или разсѣяна, маріанскіе намѣстники западныхъ провинцій были прогнаны Помпеемъ и другими генералами и Папирій Карбонъ былъ казненъ, Сулла приступилъ къ упорядоченію государства въ своемъ духѣ. Господство сената онъ хотѣлъ обезпечить отъ всѣхъ покушеній. Сильно сократившись отъ смертныхъ случаевъ и оналъ съ той и другой стороны, онъ былъ теперь пополненъ 300 членами изъ всаднической сословія. Зато послѣднее въ пользу сената должно было отказаться отъ судовъ присяжныхъ, что было тѣмъ многозначительнѣе, что теперь, кромѣ уже существовавшаго постояннаго суда по дѣламъ о вымогательствахъ, было устроено еще

нѣсколько другихъ, которые надо было снабдить присяжными. Сенатъ былъ избавленъ и отъ бича трибуната: впредь полномочія трибуновъ ограничивались первоначальнымъ ихъ правомъ оказывать помощь отдѣльному плебею при незаконномъ съ нимъ обращеніи, тогда какъ для всѣхъ прочихъ служебныхъ дѣйствій они нуждались въ сенатскомъ разрѣшеніи; въ трибуны могли избираться только сенаторы, и кто избирался на эту должность, тотъ лишался права исправлять претуру и консульство. Далѣе, чтобы сдерживать власть магистратовъ, диктаторъ отнялъ у консуловъ и преторовъ военное командованіе въ провинціяхъ, которое получали, въ качествѣ проконсуловъ и пропреторовъ, только отставныя должностныя лица, лишенныя гражданской власти въ столицѣ. Очередной порядокъ исправленія должностей онъ устроилъ вновь такимъ образомъ, что консуломъ могъ сдѣлаться только бывшій уже до этого квесторомъ и претором, и между разными должностями долженъ былъ быть промежутокъ времени по крайней мѣрѣ въ два года, а между одинаковыми—промежутокъ не менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ. Вліяніе цензоровъ на составъ сената также было устранено постановленіемъ, по которому квесторы по истеченіи срока службы прямо поступали въ сенатъ. Наконецъ, были отмѣнены народные выборы въ важныя въ государственномъ отношеніи жреческія коллегіи понтификовъ, авгуровъ и хранителей Сивиллиныхъ книгъ, и здѣсь также укрѣплено вновь вліяніе сената. Впрочемъ, число этихъ жреческихъ должностныхъ лицъ, равно какъ и квесторовъ и преторовъ, значительно было увеличено. Усиленіе сенатскаго правленія имѣлъ въ виду Сулла и въ своихъ заботахъ о государственной казнѣ: розданная маріанцами кампанская государственная земля была конфискована, и постоянная выдача хлѣба прекращена.

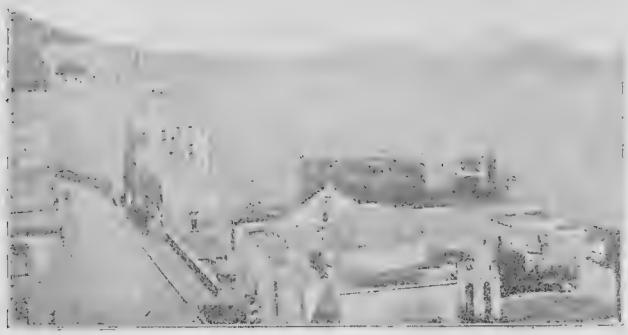
Опоры Суллина могущества; италійскіе города. Но больше, чѣмъ всѣми этими мѣропріятіями, новое правленіе поддерживалось, на первое время, 120.000 солдатъ, которыхъ диктаторъ обезпечилъ надѣлами изъ конфискованныхъ земель враждебныхъ городовъ въ Этруріи, Кампаніи и Лаціумѣ, равно какъ 10.000 Корнеліевъ въ столицѣ, которые прежде были рабами казненныхъ гражданъ и отъ него получили свободу. Въ виду этихъ огромныхъ боевыхъ силъ даже города, лишенные, полностью или частью, своихъ земельныхъ владѣній, по большей части терпѣли

то, чего нельзя было измѣнить, а прочіе италики были тѣмъ спокойнѣе, что имъ по крайней мѣрѣ не сократили опять правъ гражданства. У нихъ тѣмъ временемъ развилось новое городовое устройство, по которому общины, прежде бывшія самостоятельными и обязанныя договоромъ только къ воинской повинности, входили въ составъ государства въ качествѣ гражданскихъ общинъ. Всѣ эти города сохранили свое самоуправленіе и назывались муниципіями; образцомъ управленія для нихъ было римское. Собраніе гражданъ избирало городскихъ должностныхъ лицъ и издавало законоположенія, по которымъ община желала устроиться; городской совѣтъ изъ 100 членовъ заступалъ мѣсто сената, два городскихъ претора руководили правосудіемъ, два эдила—полиціей, два квестора—казною, два цензора—общественными постройками, понтифики и авгуры — сакральными дѣлами. Средоточіемъ общины былъ свой Капитолій. Ограничена была городская свобода государственнымъ законодательствомъ, въ которомъ горожане участвовали посредствомъ права голоса, являясь въ столицу Римъ на выборы и голосованія; тамъ было средоточіе и высшаго правосудія.

Отставка Суллы (79 г.). Сулла считалъ 80 годъ годомъ испытанія своихъ установленій, хотя самъ не обращалъ на нихъ вниманія, когда они ему мѣшали. Онъ нарушалъ ихъ, заставляя себя вновь избирать въ консулы, добиваясь у народа позволенія Помпею прибыть со своимъ войскомъ изъ Африки въ Италію, предавая тѣло своей умершей жены погребенію съ незаконной пышностью. Съ нею онъ впрочемъ развелся незадолго до ея смерти, чтобы не быть вынужденнымъ изъ-за траура прервать устроенное имъ народное празднество. Видно, что Сулла хорошо умѣлъ заковать народъ въ цѣпи желѣзной дисциплины, но что ему самому законный порядокъ былъ въ тягость. Но такъ какъ онъ не зналъ и честолюбія правителя, а чувствовалъ въ такой изнурительной дѣятельности, требующей все время борьбы съ препятствіями, только помѣху для безпечныхъ наслажденій, то римлянамъ пришлось быть свидѣтелями, какъ самый могущественнѣйшій человѣкъ, котораго когда-либо имѣлъ Римъ, въ зенитѣ своего поприща по добровольному рѣшенію сошелъ съ политической арены. Когда новые консулы вступили въ должность, онъ передъ всѣмъ народомъ сложилъ диктатуру и объявилъ себя готовымъ

дать отчетъ. Всѣ молчали. Тогда онъ отнялъ у своихъ 24 ликторовъ пучки прутьевъ и топоры, ихъ самихъ отправилъ домой и, окруженный только своими друзьями, отправился домой уже частнымъ лицомъ. Какой-то молодой человѣкъ по дорогѣ сталъ поносить его. Сулла молча выносилъ ругательства, лишь на порогѣ своего дома онъ обернулся къ поносителю со словами: „Ты добьешься того, что какой-нибудь будущій диктаторъ уже не сложитъ съ себя должности".

Смерть Суллы (78 г.). Вскорѣ онъ покинулъ столицу и удалился на свою виллу близъ Путеолъ (Поццоли). Здѣсь, на самомъ райскомъ



ПОЦЦОЛИ (ПУТЕОЛЫ).

заливѣ міра, онъ проводилъ свои дни въ обществѣ веселыхъ товарищей, то за охотой и рыбной ловлей, то занимаясь упорядоченіемъ дѣлъ сосѣднихъ общинъ. Въ слѣдующемъ году быстрая смерть унесла еще полнаго силъ шестидесятилѣтняго старика; древніе писатели превозносятъ его счастье, оставшееся вѣрнымъ ему до конца.

Уже надъ его трупомъ вспыхнула вновь борьба партій. Консулъ Эмилій Лепидъ, маріанецъ, пытался помѣшать погребенію тѣла на государственный счетъ и перевезенію его въ Римъ, но тщетно; Италія увидѣла погребальное торжество, подобнаго которому еще не было. Тѣло Суллы было перевезено изъ Путеолъ

въ Римъ на золотыхъ носилкахъ и съ царской пышностью. Впереди были несены топоры и прочіе знаки его должностей; сзади же слѣдовали трубачи и скорбящіе, пѣшкомъ и на коняхъ. Со всѣхъ сторонъ стекались вооруженные ветераны и присоединялись къ процессіи, готовые въ случаѣ нужды своимъ мечомъ добиться почетнаго погребенія для своего стараго полководца. У воротъ столицы носилки были встрѣчены 2.000 золотыхъ вѣнковъ отъ италійскихъ городовъ, легіоновъ или друзей; для почетныхъ проводовъ явились жрецы и жрицы, расположенные по корпораціямъ, сенатъ и магистраты въ должностномъ нарядѣ, всадничество и новыя тысячи старыхъ сулланцевъ съ вызолоченными знаками отличія и высеребренными доспѣхами. Съ траурными звуками безчисленныхъ трубъ слились скорбные вопли сената и всадниковъ, а затѣмъ войска и народа; ибо всякій боялся разсердить старыхъ воиновъ. Передъ ораторской трибуной на Форумѣ носилки были опущены на землю и въ надгробномъ словѣ были превознесены заслуги покойнаго. Затѣмъ самые дюжіе изъ сенаторовъ отнесли тѣло на Марсово поле. Здѣсь былъ уже сооруженъ костеръ, на которомъ тѣло было подвергнуто сожженію, причемъ всадники и войско устроили вокругъ него состязаніе въ бѣгѣ, въ честь Суллы.

ПОМПЕЙ.

УНИЧТОЖЕНІЕ СЕНАТСКАГО ГОСПОДСТВА ВОЕННОЙ ДИКТАТУРОЙ.
(78—31).

ПОМПЕЙ.

Причины паденія Суллина устройства. Дѣло Суллы носило въ себѣ зародышъ паденія. Безпощадно пролитая кровь гражданъ, разореніе безчисленныхъ семействъ вопіяли о мщеніи, низверженіе исторически-сложившихся устоевъ Рима—ибо и трибунатъ со своими недостатками сложился исторически—вызывало на законное сопротивленіе, и успѣшное употребленіе войска противъ гражданскихъ властей должно было укрѣплять вожделѣнія честолюбцевъ опасными надеждами. Паденіе наступило тѣмъ раньше, чѣмъ менѣе знать, снова упрочившая за собой господство, была склонна подчинить свои личные интересы интересамъ общимъ. Зависть и семейныя распри разъединяли сенатъ, а алчность намѣстниковъ, которая была терпима самимъ Суллой, дѣлала ихъ настоящими бичами провинцій.

Возстаніе Лепида (78—77 г.). Правда, попытка консула Эмилія Лепида устранить самыя худшія жесткости Суллина законодательства не удалось, такъ какъ онъ успѣлъ вызвать недовѣріе ветерановъ (стр. 64). Только выдача хлѣба была снова введена. Дальнѣйшія же его предположенія: разрѣшить возвращеніе бѣжавшихъ за границу опальныхъ, возстановить въ правахъ гражданства лицъ и города, у которыхъ они были отняты, и возвратить собственность землевладѣльцамъ, прогнаннымъ изъ своихъ владѣній, вызвали энергическое сопротивленіе со стороны его товарища по должности Катула, сына побѣдителя кимвровъ. Чтобы прекратить споръ консуловъ, сенатъ предложилъ имъ еще до истеченія года своей службы отправиться въ провинціи. Они отправились. Но Лепидъ, по дорогѣ въ Нарбонскую Галлію, остался въ Этруріи, гдѣ уже начали прогонять Суллиныхъ колонистовъ. Тщетно сенатъ звалъ его обратно руководить выборами. Лишь когда истекъ годъ, а консулы не были избраны, онъ явился съ войскомъ подъ Римомъ и потребовалъ для себя — консульства, а для народа — возстановленія трибунской власти. Сенатъ призвалъ Катула изъ цизальпинской провинціи и поручилъ ему защиту государства. Дѣло дошло до боя: Катулъ разбилъ Лепида на Марсовомъ полѣ, послѣ чего Помпей, легатъ Катула, проникъ изъ Gallia Cisalpina въ Этрурію и нанесъ ему второе пораженіе при Козѣ. Лепидъ бѣжалъ въ Сардинію, гдѣ онъ и умеръ слѣдующимъ лѣтомъ, послѣ тщетной борьбы съ тамошнимъ намѣстникомъ.

Война съ Серторіемъ (80—72 г.). Если сенатъ здѣсь оказался счастливымъ, то тѣмъ хуже обстояло дѣло повсюду въ другихъ мѣстахъ, и взгромождавшіяся со всѣхъ сторонъ опасности дѣлали его положеніе все болѣе слабымъ. Прежде всего—борьба съ храбрымъ маріанцемъ Квинтомъ Серторіемъ. Послѣдній, послѣ разныхъ, богатыхъ приключеніями, плаваній и походовъ вернулся по призыву лузитанцевъ въ Испанію, откуда прогнали его сулланцы, разбилъ Суллиныхъ намѣстниковъ и побудилъ испанцевъ примкнуть къ нему. Теперь намѣстникъ дальней (ulterior) Испаніи, опытный въ военномъ дѣлѣ Метеллъ, былъ совершенно стѣсненъ, намѣстникъ ближней (citerior) Испаніи побѣжденъ и убитъ, а пришедшій на помощь проконсулъ Нарбонской Галліи разбитъ. Уже стали ждать нападенія на Италію, для сверженія

Суллина устройства. Это, повидимому, Серторій и поставилъ себѣ цѣлью. Онъ организовалъ по римскому образцу не только войско, но и должности, и устроилъ анти-сенатъ изъ 300 членовъ. У него нашли себѣ убѣжище опальные, оставшіеся еще въ живыхъ; къ нему явился и Перперна изъ Сардиніи, съ остатками войскъ Лепида.

Гней Помпей.
Мраморный бюстъ въ Парижѣ.

Походъ Помпея въ Испанію (77 г.). Этимъ положеніемъ дѣлъ воспользовался Помпей, чтобы, опираясь на свое войско, которое онъ водилъ передъ этимъ противъ Лепида и котораго онъ, подъ разными предлогами, не распускалъ, получить главное командованіе въ Испаніи. Сенатъ, въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ назначить счастливаго генерала, къ которому стекались ветераны Суллы, намѣстникомъ Hispania citerior, въ должности проконсула, хотя онъ и не отправлялъ еще ни консульства, ни другой какой-либо должности. Помпей отправился еще лѣтомъ 77 г. Прокладка Альпійской дороги черезъ Mont Genèvre и умиротвореніе нѣсколькихъ южно-кельтскихъ племенъ отняли все хорошее время года. Лишь осенью вторгся онъ въ сѣверо-восточный уголъ Испаніи, гдѣ и перезимовалъ. Слѣдующей весной онъ осторожно сталъ наступать вдоль берега, чтобы подать руку Метеллу, и въ счастливыхъ бояхъ съ военачальниками Серторія добился переправы черезъ Эбро и сдачи Валенсіи. Но далѣе на югъ, у Лаврона, который былъ осажденъ

самимъ Серторіемъ, Помпей долженъ былъ отступить передъ геніальнымъ противникомъ и быть свидѣтелемъ, какъ городъ былъ взятъ и сожженъ, а жители переведены въ Лузитанію. Тѣмъ временемъ освободился Метеллъ въ Hispania ulterior и вытѣснилъ изъ своей провинціи противниковъ. Такимъ образомъ въ слѣдующую весну онъ могъ отправиться на сѣверъ къ Помпею. Войска, высланныя ему навстрѣчу, онъ опрокинулъ, и соединеніе его съ Помпеемъ предстояло въ самомъ ближайшемъ времени. Тогда-то Помпей, желая загладить прошлогоднюю неудачу, предложилъ Серторію бой на рѣкѣ Сукронѣ. Но онъ снова потерпѣлъ полное пораженіе и самъ тяжко былъ раненъ; только вмѣшательство Метелла спасло войско отъ погибели. Теперь Серторій, одинъ, уже не могъ равняться съ соединенными войсками; солдаты его упали духомъ и разсѣялись, по мѣстному обыкновенію. Но вскорѣ въ народѣ распространились слухи, что бѣлая лань Діаны, прежде всегда сопутствовавшая Серторію, снова показалась и внушила герою новые планы войны: словомъ, Серторій оказался внезапно во главѣ новаго войска насупротивъ римлянъ къ югу отъ Сагунта. Дѣло дошло до боя, въ которомъ крыло Помпея было, правда, разбито, но зато Метеллъ съ большимъ кровопролитіемъ отбилъ всѣ нападенія. Опять разсѣялось испанское войско, вождь же его былъ заключенъ въ крѣпость; война, казалось, кончилась. Но вдругъ распространилась вѣсть, что Серторій — на свободѣ, и вскорѣ онъ самъ подтвердилъ это нападеніемъ на враговъ. Такимъ образомъ война съ опаснымъ противникомъ протянулась, безъ продолжительныхъ успѣховъ, еще много лѣтъ, къ досадѣ солдатъ и полководцевъ, которые вмѣсто лавровъ и добычи получали, въ крайнемъ случаѣ, удары, и ко вреду провинціаловъ, которымъ сильно приходилось страдать отъ опустошенія ихъ земель, разоренія ихъ торговли и отъ тяжелыхъ военныхъ контрибуцій. Отъ главнокомандующаго поступали въ сенатъ жалобы за жалобами на недостатокъ денегъ, провіанта, войскъ, а когда жалобы не помогли, то Помпей сталъ грозить.

Безпокойства отъ морскихъ разбойниковъ. Притомъ сама Италія находилась въ новыхъ опасностяхъ. Морскіе разбои въ юго-восточномъ углу Средиземнаго моря были старой язвой. Для ограниченія этихъ разбоевъ римляне уже прежде заняли въ Киликіи полосу земли (стр. 39). Но эти мѣры и позднѣйшія мѣры

Суллы (стр. 55) дали мало плодовъ. Изъ отдѣльныхъ разбойничьихъ кораблей возникли цѣлыя эскадры, которыя подъ начальствомъ выборныхъ адмираловъ предпринимали общіе набѣги и состояли во взаимномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Изрѣзанное ущельями побережье Киликіи было ихъ родиной; здѣсь имѣли они свои кораблестроительные и торговые пункты, здѣсь на крутыхъ скалахъ находились ихъ укрѣпленныя гнѣзда, въ которыхъ они скрывали своихъ женъ, дѣтей и сокровища. Но къ киликійцамъ теперь присоединились морскіе разбойники всѣхъ береговъ, пользовавшихся дурной славой: критяне, иллирійцы, мавританцы, равно какъ бѣглый сбродъ всѣхъ національностей, объявившій войну гражданскому обществу. Ими осаждались торговые пути отъ Геркулесовыхъ столбовъ до береговъ Малой Азіи. Своими небольшими быстроходными судами они настигали всякій корабль и превосходствомъ своихъ силъ преодолѣвали всякое сопротивленіе. Они грабили сотни богатыхъ островныхъ и приморскихъ городовъ и увозили накопленныя въ храмахъ сокровища. Захваченные ими плѣнные продавались въ неволю въ дальнія страны или же платились жизнью, если одинъ изъ разбойниковъ, попавшись властямъ, бывалъ распятъ на крестѣ по приказу римскаго намѣстника. Вскорѣ воцарился общій ужасъ: купцы, даже начальники военныхъ отрядовъ, боялись отплыть въ море въ благопріятное время года, торговля остановилась, цѣны на хлѣбъ повысились, Римъ былъ наканунѣ голода. Сенатъ, правда, еще при жизни Суллы послалъ въ Киликію консула Сервилія, и послѣдній разрушилъ нѣсколько разбойничьихъ гнѣздъ и захватилъ нѣсколько кораблей. Но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ, и уже въ 75 г. снова были вынуждены снабдить чрезвычайными полномочіями, для очищенія морей отъ разбойниковъ, претора Антонія, отца будущаго тріумвира. Однако римскому адмиралу эта задача была не по плечу; когда онъ захотѣлъ заставить критянъ отказаться отъ союза съ морскими разбойниками, онъ былъ даже разбитъ у ихъ острова и привезенными имъ цѣпями побѣдители воспользовались для того, чтобы привязать къ мачтамъ захваченныхъ кораблей римскихъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ ихъ квесторомъ. Морскіе разбойники стали политической силой, которая становилась тѣмъ опаснѣе, что соединялась съ другими врагами Рима. Серторій

уже открылъ имъ одинъ изъ своихъ портовъ и пользовался ихъ флотомъ противъ римскихъ военныхъ и провіантскихъ кораблей; черезъ нихъ онъ вступилъ въ сношенія и съ понтійскимъ царемъ.

Вторая война съ Миѳридатомъ (82—80); начало третьей (74—64). Миоридатъ съ возрастающимъ интересомъ слѣдилъ за этимъ развитіемъ дѣлъ. Пока былъ живъ Сулла, онъ велъ себя тихо, заботясь только о снаряженіи войска и флота. Не его была вина, если Мурена, легатъ, оставленный во главѣ легіоновъ Фимбріи, ни съ того, ни съ сего началъ вторую Миѳридатскую войну, которая послѣ пораженія римлянъ кончилась по рѣшенію диктатора. Но со времени смерти могущественнаго Суллы понтійскій царь сталъ добиваться войны съ Римомъ. Онъ завязалъ сношенія съ морскими разбойниками и заключилъ съ Серторіемъ договоръ, по которому обѣщалъ послѣднему деньги и корабли за предоставленіе ему Каппадокіи, Виѳиніи и другихъ областей. Серторій прислалъ къ нему одного штабнаго офицера; другіе офицеры дезертировали изъ легіоновъ Фимбріи и поступали на царскую службу. Въ то же время Тигранъ, его естественный союзникъ, парѳянскими и сирійскими завоеваніями расширилъ свое царство угрожающимъ для римскихъ владѣній образомъ. Когда въ 75 г. царь Никомедъ завѣщалъ Виѳинію римлянамъ, Миоридатъ напалъ на пограничныя области, равно какъ на римскую провинцію, а съ главными силами и флотомъ—на Виѳинію. Сенатъ отправилъ въ Азію консуловъ 74 г., Лицинія

Лукуллъ.
Бюстъ, хранящійся въ С.-Петербургѣ, въ Эрмитажѣ.

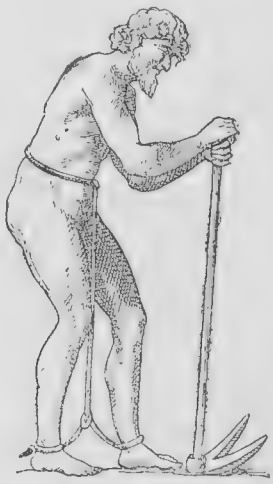
Лукулла и Аврелія Котту, съ тѣми незначительными боевыми силами, которыя не были отвлечены испанской войной и экспедиціей противъ морскихъ разбойниковъ: первый долженъ былъ освободить провинціи и напасть на Понтійскую область, а послѣдній—охранять Виѳинію и Пропонтиду. Котта натолкнулся на главныя силы непріятелей и заперся въ Калхедонѣ. Лукуллъ, быстро исполнившій первую свою задачу, подоспѣлъ на выручку. Но когда онъ явился, понтійцы уже были хозяевами порта и успѣли сжечь римскій флотъ. Миѳридатъ, принужденный снять осаду, обратился на югъ противъ расположеннаго къ Риму Кизика и осадилъ его съ суши и съ моря. Но храбрые граждане не обращали вниманія на угрозы царя и выдерживали всѣ приступы и осадныя работы. Лукуллъ же занялъ твердую позицію со стороны суши, позади непріятельскихъ линій, и отрѣзалъ ихъ отъ подвоза провіанта. Царское войско, имѣя только опасное сообщеніе съ моремъ, попало въ бѣдственное положеніе и среди него начала свирѣпствовать смерть. Миѳридатъ долженъ былъ удалиться и спасъ едва третью часть своего огромнаго войска. Но еще грозила опасность со стороны понтійскаго флота, собраннаго при помощи морскихъ разбойниковъ. Часть его, съ 10,000 человѣкъ дессантныхъ войскъ подъ начальствомъ маріанцевъ-офицеровъ, отплыла въ Эгейское море, по слухамъ, для возбужденія въ Италіи возстанія противъ правительства. Лукуллъ и здѣсь вмѣшался во-время и захватилъ отдѣльные отряды флота у Тенедоса и Скироса. Съ тѣхъ поръ римскій флотъ держалъ Геллеспонтъ запертымъ, и смѣлый полководецъ могъ послѣдовать за царемъ въ его государство. Онъ завоевалъ одинъ городъ за другимъ, перешелъ черезъ Галисъ и разсѣялъ, наконецъ, послѣднее войско врага у Кабиры на Ликѣ.

Лукуллъ — тріумфаторъ.

Война съ рабами (73—71). Среди этого, кругомъ пылавшаго, мірового пожара случилось въ самой Италіи страшное возстаніе рабовъ, подвергнувшее столицу государства величайшей опасности и внѣ ея стѣнъ задушившее въ зародышѣ скромные зачатки

новой культурной жизни. Массы рабовъ крупныхъ землевладѣльцевъ издавна были бичемъ страны, и уже неоднократно противъ нихъ приходилось посылать войска (стр. 36). За послѣднее время въ лицѣ многочисленныхъ военноплѣнныхъ изъ войнъ съ кимврами, кельтами, иллирійцами и оракійцами къ нимъ присоединился боеспособный и свободолюбивый, а потому особенно опасный элементъ. Междоусобная война, къ тому-же, сильно ослабила всѣ узы дисциплины и примѣръ жестокости и грубаго насилія, даваемый господами, охотно находилъ себѣ подражаніе у этой наиболѣе притѣсняемой

Порка раба.



Рабъ-рабочій въ оковахъ.

По римскимъ изображеніямъ.

части человѣчества. Тюрьмы для рабовъ, представлявшія собой погреба со множествомъ узкихъ окопцевъ, на такомъ разстояніи отъ земли, что заключенные не могли до нихъ достигать, были переполнены рабами, либо наказанными за что-нибудь, либо заподозрѣнными въ побѣгѣ. Эти несчастные, въ цѣпяхъ, съ клеймомъ на лбу, вѣчно угрожаемые бичемъ надсмотрщика, утромъ отправлялись на работу, весь день исполняли противныя обязанности, въ огненный солнечный зной, и вечеромъ снова загонялись въ свои глухія дыры. Изъ самыхъ сильныхъ рабовъ въ особыхъ заведеніяхъ вырабатывались гладіаторы; они потомъ отдавались въ наемъ и на многочисленныхъ играхъ потѣшали

народъ своимъ грубымъ искусствомъ. Нѣсколько такихъ гладіаторскихъ школъ находилось въ Капуѣ и ея окрестностяхъ.

Побѣды Спартака. Въ одной изъ нихъ ѳракіецъ Спартакъ уговорилъ своихъ товарищей пролить свою кровь лучше за собственную свободу, нежели для потѣхи другихъ, и бѣжалъ съ 70 съ лишнимъ рабами. Вооруженная дубинами и ножами, кучка эта ушла на Везувій, въ то время еще спокойный, гдѣ она, подкрѣпляемая рабами и свободными, вела жизнь разбойниковъ. Передъ отчаянными шайками разбѣгались ополченія поселянъ, ведомыя римскими должностными лицами, и вскорѣ вокругъ Спартака оказалось цѣлое войско, которое онъ вооружилъ, по мѣрѣ возможности. Противъ него уже должны были двинуться консулы. Послѣдніе, правда, совершенно разбили одну шайку у Гарганскихъ горъ, но самъ Спартакъ побѣдилъ одно за другимъ три войска и проложилъ себѣ путь въ Верхнюю Италію и къ свободѣ. Однако дикая жажда добычи, охватившая его войско, заставила его вернуться. Онъ снова, опустошая страну огнемъ и подавляя всякое сопротивленіе, мимо Рима, который онъ въ одно мгновеніе заставилъ дрогнуть, прошелъ по всей длинѣ Италіи и укрѣпился на югѣ ея, въ обѣтованной странѣ разбойниковъ. Римскій сенатъ, въ поискахъ за предводителемъ, оказался въ затруднительномъ положеніи. Консулы минувшаго года лишились довѣрія, новые, 71 года, были негодны, и никто не выступалъ кандидатомъ на должность претора, изъ опасенія, что ему придется принять начальство въ войнѣ съ рабами.

Бронзовое кольцо, надѣвавшееся на шею римскихъ рабовъ. Оно употреблялось съ той цѣлью, чтобы указать лицу, встрѣтившему бѣжавшаго раба, имя и адресъ владѣльца.

Крассъ побѣждаетъ въ 71 г. рабовъ. Тогда на это изъявилъ готовность Крассъ, ставшій, благодаря скупкѣ имѣній послѣ побѣды Суллы, богатѣйшимъ человѣкомъ въ Римѣ. Во главѣ восьми легіоновъ, которыхъ онъ желѣзной строгостью пріучилъ къ дисциплинѣ, Крассъ оттѣснилъ войско разбойниковъ на южную оконечность области бруттіевъ и загородилъ имъ выходъ

оттуда, проведши валъ и ровъ отъ одного моря къ другому. Тѣмъ не менѣе Спартакъ темной ночью прорвался черезъ эти линіи; но кельтскія шайки отдѣлились отъ него, чтобы грабить на собственный страхъ, и первыя были разбиты въ кровопролитномъ сраженіи, затѣмъ и самъ Спартакъ, прорвавшись сквозь непріятельскіе ряды, палъ въ бою, а вокругъ него и его дружины. Еще долго по Италіи шатались сильныя шайки, пугая города и сельское населеніе; противъ нихъ призвали на помощь только что вернувшагося Помпея.

Помпей возвращается побѣдителемъ Серторія (71 г.). Помпей въ концѣ-концовъ все-таки справился съ испанской войной, благодаря не столько собственному таланту, сколько большой боеспособности и надежности своихъ войскъ, равно какъ и раздору въ непріятельскомъ лагерѣ. Войско Серторія устало отъ войны; его дружина становилась все меньше, помощь отъ Миѳридата не являлась, тогда какъ противникъ получалъ подкрѣпленія. Когда прекратились побѣды, исчезло и довѣріе къ вождю: бѣлая лань не приходила болѣе. Даже жизнь его уже не находилась болѣе въ безопасности съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что за его умерщвленіе римскій полководецъ обѣщалъ убійцѣ безнаказанность. Серторій окружилъ себя стражей изъ тѣлохранителей-испанцевъ. Но Перперна, нѣкогда приведшій въ Испанію войско Ленида и противъ воли подчинившійся начальству болѣе способнаго Серторія, устроилъ заговоръ среди офицеровъ. На пиру, на который онъ пригласилъ Серторія, для празднованія какой-то вымышленной побѣды, главнокомандующій былъ убитъ. Перперна сталъ во главѣ войска, которое къ нему не питало довѣрія и начало разбѣгаться. Онъ попробовалъ боевого счастья; но дружины его были разсѣяны, а самъ онъ съ другими офицерами-маріанцами попался въ плѣнъ. Онъ задумалъ спасти свою жизнь выдачей корреспонденціи Серторія, которая должна была компрометировать многихъ знатныхъ лицъ въ Римѣ; но Помпей сжегъ бумаги и приказалъ его казнить вмѣстѣ съ прочими римлянами. Теперь передъ побѣдителемъ добровольно открыли свои ворота испанскіе города, провинціи были реорганизованы, и Помпей вернулся со своимъ войскомъ въ 71 году на родину. Въ Верхней Италіи онъ получилъ отъ сената порученіе поддержать Красса противъ рабовъ, и ему дѣйствительно удалось преградить путь шайкѣ въ 5,000 че-

ловѣкъ и уничтожить ее, такъ что онъ дерзнулъ написать сенату, что Крассъ разбилъ Спартака, онъ же уничтожилъ войну съ корнемъ.

Помпей становится во главѣ государства. Тріумфъ ему былъ обезпеченъ, но онъ чувствовалъ себя призваннымъ къ высшему: онъ захотѣлъ положить конецъ внутренней борьбѣ и въ качествѣ посредника и третейскаго судьи между партіями занять руководящее положеніе въ государствѣ. Дѣло въ томъ, что и послѣ гибели Лепида (стр. 66) волненія не прекращались, и прежде всего потребовано было возстановленіе трибуната въ прежнихъ его правахъ. Подъ давленіемъ военныхъ неудачъ пришлось уже открыть опять трибунамъ доступъ къ прочимъ государственнымъ должностямъ, удешевить государственный хлѣбъ и разрѣшить возвращеніе мятежниковъ Лепида; обѣщали принять дальнѣйшія мѣры по возвращеніи Помпея. Послѣдній теперь вернулся и былъ готовъ исполнить ожиданія народа. Для этого онъ требовалъ себѣ, кромѣ тріумфа, еще и позволенія выступить, вопреки Суллину закону, кандидатомъ на должность консула, и народные трибуны, которымъ онъ далъ опредѣленныя обѣщанія, добились того, что онъ получилъ и то и другое. Онъ былъ выбранъ, и вмѣстѣ съ нимъ К р а с с ъ, которому по просьбѣ Помпея была оказана та-же льгота. Въ концѣ года справили свой тріумфъ побѣдители Крассъ, Метеллъ, а въ послѣдній день декабря и Помпей. Затѣмъ уже онъ, въ качествѣ консула, въ 70 г. приступилъ къ разрѣшенію своей задачи.

Помпей лишаетъ Суллино устройство главныхъ его опоръ (70 г.). Прежде всего, съ разрѣшенія сената и по соглашенію со своимъ товарищемъ по должности, Помпей возстановилъ трибунатъ. Затѣмъ надо было произвести реформу судоустройства. Среди сенаторскихъ присяжныхъ была добрая часть нечистыхъ элементовъ, за деньги готовыхъ на все; да и вообще люди знати, даже порядочные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не скоро осуждали представителей своего сословія. Какъ разъ въ это время гражданъ волновалъ скандалъ подобнаго именно рода. Гай Верресъ, одинъ изъ столповъ знати, въ должности намѣстника цѣлыхъ три года грабилъ Сицилію неслыханнымъ даже при тогдашнихъ обстоятельствахъ образомъ, твердо уповая на то, что частью добычи онъ всегда сможетъ откупиться отъ наказанія у товарищей

по сословію. Провинціалы поручили защиту своихъ жалобъ Марку Туллію Цицерону, который имъ хорошо былъ извѣстенъ, какъ талантливый адвокатъ и честный чиновникъ; Цицеронъ обвинилъ Верреса въ вымогательствахъ. Несмотря на явную вину подсудимаго, знать приложила всѣ средства, чтобы спасти его. Устроили такъ, что собственный квесторъ Верреса подалъ на своего начальника мнимое обвиненіе, чтобы слабой мотивировкой сдѣлать возможнымъ оправдательный приговоръ; наиболѣе видные члены сената выступили его защитниками и сторонниками; настоящій сицилійскій намѣстникъ дѣлалъ Цицерону затрудненія при собираніи доказательнаго матеріала. Подобныя интриги побуждали Помпея очистить сенатъ и тѣмъ поднять судейское сословіе. Онъ добился того, что были избраны цензоры, которые въ свою очередь опять должны были составить списокъ сенаторовъ, и вновь избранные дѣйствительно исключили 64 недостойныхъ члена. Въ то же время съ другой стороны было сдѣлано предложеніе совершенно отнять правосудіе у сената. Помпей оказалъ въ этомъ вопросѣ свое посредничество, и такимъ образомъ изданъ былъ законъ, по которому треть присяжныхъ должна была состоять изъ сенаторовъ, треть изъ всадниковъ и треть изъ трибуновъ казначейства, т.-е. изъ гражданъ перваго имущественнаго класса, которыхъ трибы избирали въ завѣдующіе ихъ кассами, значитъ изъ людей, пользовавшихся довѣріемъ гражданъ. Помпей сталъ героемъ дня, и великъ былъ восторгъ народа, когда онъ, во время ценза, въ сопровожденіи ликторовъ, украшенный служебными знаками отличія, приводилъ, въ качествѣ всадника, коня своего къ цензорамъ и на вопросъ, всѣ ли онъ отбылъ походы, давалъ отвѣтъ: „Да, и притомъ всѣ подъ собственнымъ своимъ начальствомъ“. Крассъ же, плохо скрывая свою зависть, все болѣе отстранялся отъ прославленнаго младшаго сотоварища по должности, но все-таки при этомъ обезпечивалъ себѣ расположеніе народа общественными обѣдами и крупными выдачами хлѣба; для этой же цѣли онъ бралъ на себя всѣ порученія, дававшія ему возможность выказать себя щедрымъ.

Цицеронъ. Голова Цицерона на бронзовой монетѣ, выбитой въ Магнезіи Лидійской, съ надписью: ΜΑΡΚΟΣ ΤΥΛΛΙΟΣ ΚΙΚΕΡΩΝ (Маркъ Туллій Цицеронъ). Быть можетъ, на этой монетѣ сохранился до насъ подлинный портретъ великаго оратора.

Лукуллъ въ Арменіи. По истеченіи своего консульства Помпей отказался управлять, въ качествѣ простого намѣстника, мирной провинціей, и въ уединеніи знатнаго лица сталъ ждать того часа, когда его снова поставятъ во главѣ войска. Событія приняли благопріятный для его цѣлей оборотъ. Война въ Азіи, потухшая, повидимому, въ концѣ 70 года, снова вспыхнула. Лукуллъ, переступая свои полномочія, перешелъ черезъ Евфратъ, чтобы напасть на Тиграна Армянскаго. Дѣйствительно, этотъ смѣлый предводитель, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, для данной цѣли, только два легіона Фимбріи вмѣстѣ съ нѣсколькими вспомогательными войсками, разбилъ многія тысячи непріятелей у новой армянской столицы Тиграноцерты, взялъ самый городъ и захватилъ несмѣтные запасы и сокровища. Но его самовольное наступленіе раздосадовало сенатъ, а всадники, раздраженные его добросовѣстнымъ управленіемъ въ азіатской провинціи, еще разжигали недовольство. Такимъ образомъ у него отняли провинцію Киликію и отправили туда съ войсками новаго намѣстника. Вѣсть объ этомъ дошла и до легіоновъ, которые и безъ того уже жаловались на строгую дисциплину и на то, что изъ-за войны замедлялось ихъ увольненіе. Тѣмъ не менѣе Лукуллъ началъ въ 68 г. дальній походъ къ старой родовой резиденціи царя, Артаксатѣ, чтобы принудить его къ миру. Онъ счастливо отбросилъ всюду наступавшаго на него непріятеля; но когда наступила армянская зима со снѣгами и льдами, въ войскѣ вспыхнулъ открытый мятежъ. Лукуллъ долженъ былъ начать отступленіе. Онъ перешелъ черезъ Тигръ въ Месопотамію и въ темную дождливую ночь взялъ приступомъ богатый Низибисъ, гдѣ остановился на зимнихъ квартирахъ. Тѣмъ временемъ армяне и Миѳридатъ, который стоялъ теперь вновь во главѣ собственнаго войска, наводнили западно-армянскія и понтійскія области, защищавшіяся слабыми римскими отрядами: римляне были разбиты, и весной 67 года долженъ былъ отступить и главнокомандующій. Теперь и другія его провинціи были отданы сенатомъ новому намѣстнику и народнымъ рѣшеніемъ постановлено было увольненіе Фимбріанскихъ легіоновъ. Лукуллъ долженъ былъ быть безсильнымъ свидѣтелемъ гибели всѣхъ успѣховъ его славныхъ военныхъ подвиговъ. Война съ Миѳридатомъ снова стояла на старой точкѣ и представляла задачу, которую, повидимому, могъ рѣшить только какой-нибудь Помпей.

Помпей—главнокомандующій въ войнѣ противъ морскихъ разбойниковъ (67 г.). Да и морскіе разбои все настоятельнѣе требовали рѣшительныхъ шаговъ. Мало того, что дерзкіе авантюристы почти на глазахъ у римскаго флота разграбляли и разрушали богатые делосскіе храмы, они теперь стали нападать на сицилійскіе и италійскіе порты, грабя и поджигая ихъ, и, охотясь за людьми, дѣлали набѣги внутрь страны, уводили въ плѣнъ римскихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ, а въ гавани Остіи уничтожили даже римскій флотъ. Между тѣмъ народъ въ столицѣ кричалъ о хлѣбѣ. Сенатъ не бездѣйствовалъ. Онъ отправилъ одного изъ Метелловъ на Критъ наказать тамошнихъ разбойниковъ за позоръ, нанесенный нѣсколько лѣтъ передъ этимъ римскому народу (стр. 69), назначилъ береговые караулы, побуждалъ намѣстниковъ и провинціаловъ къ энергичному отпору. Но все это мало помогло. Тогда, наконецъ, трибунъ Габиній предложилъ дать одному полководцу главное начальство на морѣ и на всемъ побережьи, на протяженіи десяти миль внутрь страны, съ неограниченными полномочіями на три года и снабдить его для успѣшной борьбы 500 кораблей, 120,000 воиновъ и 6.000 талантовъ. Сенатъ противился этому, но тщетно; народъ согласился на предложеніе, и эта почти царская должность была поручена Помпею.

Теперь можно было видѣть, что̀ значитъ вождь, пользующійся всеобщимъ довѣріемъ. Цѣны на хлѣбъ мгновенно упали; приготовленія къ походу дѣлались съ необыкновеннымъ усердіемъ; изъ всѣхъ приморскихъ городовъ ставились эскадры, на всѣхъ берегахъ собирались легіоны и союзники. Главнокомандующій раздѣлилъ всю подчиненную ему площадь на 13 округовъ; самъ онъ объѣзжалъ африканскія, сицилійскія и сардинскія воды, его легаты—галльскія и испанскія. Пираты всюду были находимы, никакое сопротивленіе не помогало, никакая быстрота, никакое убѣжище не спасали ихъ отъ смерти или плѣна.

Помпей поплылъ затѣмъ въ восточныя моря, гдѣ продолжалась та-же охота. Въ киликійскихъ водахъ соединились самые смѣлые корсары на бой съ преслѣдователями; но мужество ихъ оказалось напраснымъ; ихъ суда разбивались о римскія пентеры, а дикое мужество не помогало имъ противъ римскаго способа борьбы. Послѣ этого побѣдитель высадился на берегъ, проникъ въ ущелья Тавра, разрушилъ замки и гнѣзда на скалахъ маши-

пами или приступомъ и окончилъ войну въ три мѣсяца послѣ ея начала.

Помпей оканчиваетъ войну съ Миѳридатомъ (66—64 г.). Быстро и совершенно разрѣшилъ Помпей свою трудную задачу; моря снова стали безопасны, сношенія были возстановлены. Въ то время, когда этотъ, возбуждавшій большое удивленіе, человѣкъ еще былъ занятъ упорядоченіемъ дѣлъ въ Киликіи, ему дали желанное порученіе окончить и войну съ Миѳридатомъ. Именно, трибунъ Манилій предложилъ распространить неограниченную власть проконсула на всѣ восточныя провинціи, и притомъ съ правомъ по собственному усмотрѣнію вести войну и заключить миръ. Предложеніе это, несмотря на рѣзкіе протесты въ сенатѣ, было возведено въ законъ, и Помпей сталъ теперь повелителемъ восточной половины государства.

Вѣсть эта застала его въ Киликіи, какъ разъ когда онъ собирался готовиться къ походу на Метелла, побѣдителя критянъ, не желавшаго подчиниться его начальству. Радуясь возможности отказаться отъ непріятной задачи, Помпей сталъ готовиться къ новому походу въ теченіе зимы съ 67 на 66 г. Онъ побудилъ парѳянскаго царя вторгнуться въ Арменію, обѣщавъ ему за это Месопотамію, потребовалъ отъ азіатскихъ общинъ, согласно договорамъ, вспомогательныхъ войскъ и, давая большія обѣщанія, пригласилъ уволенныхъ Фимбріанцевъ послѣдовать за нимъ въ качествѣ добровольцевъ. Сдѣлавъ распоряженія объ охранѣ береговъ, онъ принялъ въ Галатіи войска Лукулла и вступилъ въ Понтъ. Сначала онъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы обезпечивать подвозъ провіанта отъ всадниковъ Миѳридата, но потомъ, подкрѣпленный подошедшими киликійскими легіонами и получивъ перевѣсъ въ силахъ, онъ сталъ наступать и заперъ царя въ его лагерѣ. Послѣ полуторамѣсячной осады, царю, правда, удалось одною ночью бѣжать; но когда онъ захотѣлъ отступить дальше на востокъ, Помпей его настигъ, обошелъ и напалъ на него въ лунную ночь на рѣкѣ Ликѣ, тамъ, гдѣ онъ потомъ основалъ Никополь (городъ побѣды). Миѳридатъ спасся съ немногими приближенными, которымъ онъ роздалъ свои деньги и ядъ, какъ средства для спасенія. Онъ надѣялся найти убѣжище у Тиграна. Но послѣдній, въ виду вторженія парѳянъ, поддерживаемаго возстаніемъ его сына Тиграна, какъ разъ собирался отдаться подъ

защиту римлянъ; онъ выдалъ имъ пословъ своего тестя и за голову послѣдняго назначилъ награду въ 100 талантовъ. Миѳридатъ бѣжалъ на сѣверъ, чтобъ искать помощи въ своемъ Босфорскомъ царствѣ. Помпей послѣдовалъ за нимъ, но у Фазиса свернулъ къ Артаксатѣ, призываемый разбитымъ младшимъ Тиграномъ. Царь и не думалъ о сопротивленіи, но мирно пошелъ на встрѣчу римскому войску: у воротъ лагеря онъ сдалъ копя и мечъ, а передъ самимъ Помпеемъ хотѣлъ въ знакъ покорности снять тюрбанъ и броситься на-земь. Римскій полководецъ, удовлетворенный такой покорностью, предупредилъ этотъ актъ самоуниженія, велѣлъ Тиграну сѣсть рядомъ съ нимъ и оставилъ за нимъ его достоинство. Однако онъ ограничилъ его владѣнія одною Арменіею и возложилъ на него нѣкоторую часть военныхъ издержекъ (65 г.).

Римляне остановились въ сѣверной Арменіи на зимнихъ квартирахъ. Ихъ опасная близость побудила храбрыя племена Кавказа напасть на нихъ еще среди зимы. Но ни иберы, ни албанцы не могли устоять передъ натискомъ легіоновъ, и такимъ образомъ имъ пришлось покориться, равно какъ и всѣмъ прочимъ народностямъ къ югу отъ Кавказа. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшее преслѣдованіе Миѳридата въ этихъ негостепріимныхъ мѣстностяхъ казалось столь же опаснымъ, какъ и безцѣльнымъ, даже если-бы воспользоваться флотомъ. Помпей поэтому удовольствовался тѣмъ, что блокировалъ своими кораблями босфорскій берегъ, а самъ ушелъ на югъ, чтобы взять въ Понтійскомъ царствѣ послѣднія непріятельскія крѣпости и устроить порядокъ въ уступленной Тиграномъ Сиріи. Здѣсь боролись за господство князья изъ дома Селевкидовъ, сирійскіе мелкіе царьки и арабскіе шейхи, ливанскіе итурен, евреи и набатеи Синайскаго полуострова. Рѣшительно самое способное ядро въ этой смѣси народностей составлялъ іудейскій народъ, завоевавшій себѣ при Маккавеяхъ независимое положеніе и распространившій свое владычество до египетской границы и до Средиземнаго моря. Но какъ разъ теперь царила ожесточенная борьба между здѣшними партіями: ортодоксально-греческой партіей фарисеевъ, желавшей окончательно доразвить греческій характеръ государства, и свободомыслящей партіей саддукеевъ, которые съ царями во главѣ видѣли спасеніе націи въ мощной внѣшней политикѣ и въ сильной царской власти.

Прибытіе легіоновъ въ Сирію установило здѣсь спокойствіе, а оказанное имъ въ единичныхъ случаяхъ сопротивленіе было скоро сломлено. Но не такъ быстро у евреевъ. Здѣсь менѣе опасная для римскаго владычества жреческая власть была возстановлена и царская партія была доведена до фанатическаго сопротивленія. Помпей осаждалъ столицу Іерусалимъ цѣлыхъ три мѣсяца и, наконецъ, воспользовавшись субботнимъ отдыхомъ, вторгся въ Морію, завладѣлъ храмомъ и перебилъ защитниковъ.

Еще до этого, по пути въ Іерусалимъ, въ римскій лагерь явились конные гонцы съ копьями, украшенными лавровыми вѣнками. Они принесли радостную вѣсть о кончинѣ Миѳридата (64 г.). Старикъ-царь хотя и успѣлъ свергнуть и принудить къ самоубійству сына своего Махареса, намѣстника Босфорской области, заключившаго дружбу съ римлянами; но когда онъ въ своей ярости сталъ преслѣдовать собственное семейство и съ неслыханной жестокостью сгонять подъ знамена новое войско для авантюристскаго похода въ Италію, то вспыхнуло возстаніе. Во главѣ его сталъ самъ Фарнакъ, любимый сынъ Миѳридата, и на его сторону перешли войско и флотъ. Когда передъ мятежниками открылись и ворота столицы Пантикапеи, старикъ-царь заставилъ свой гаремъ выпить въ его присутствіи отраву, послѣ чего онъ и себя лишилъ жизни. Фарнакъ же заключилъ миръ съ Римомъ и сохранилъ за собой Босфорское царство, въ качествѣ вассала.

Помпей организуетъ свои новыя завоеванія. Надо было еще упорядочить новыя завоеванія, упрочить ихъ и включить въ составъ римскаго государства. Были созданы двѣ новыя провинціи: Виѳинія-Понтъ и Сирія, а Киликія была расширена (63 г.). Онѣ обнимали собою многочисленныя мелкія вассальныя государства, управлявшіяся свѣтскими или духовными властителями, равно какъ вольные города. Въ особенности этимъ послѣднимъ, представлявшимъ собою средоточіе культуры и твердый оплотъ окрестныхъ областей, Помпей оказывалъ покровительство, расширяя ихъ территорію и надѣляя ихъ вольностями; самъ онъ основалъ не менѣе 39 городовъ внутри страны, гдѣ ихъ совсѣмъ не было. Эти провинціи окружены были, точно вѣнкомъ, болѣе крупными зависимыми государствами, которыя принимали на себя въ то-же время охрану границы: Босфорскимъ царствомъ на сѣверѣ, Гала-

тіей, расширенной приблизительно до Колхиды и бывшей подъ властью храбраго кельтскаго царька Дейотара—на сѣверо-востокѣ, Арменіей и увеличенной Каппадокіей съ Коммагеной и Осроэной—въ сторону парѳянъ, и, наконецъ, іудейскимъ и набатейскимъ государствомъ. Дань, стекавшаяся изъ вновь завоеванныхъ областей въ римскую государственную казну, увеличила ея доходы приблизительно на половину.

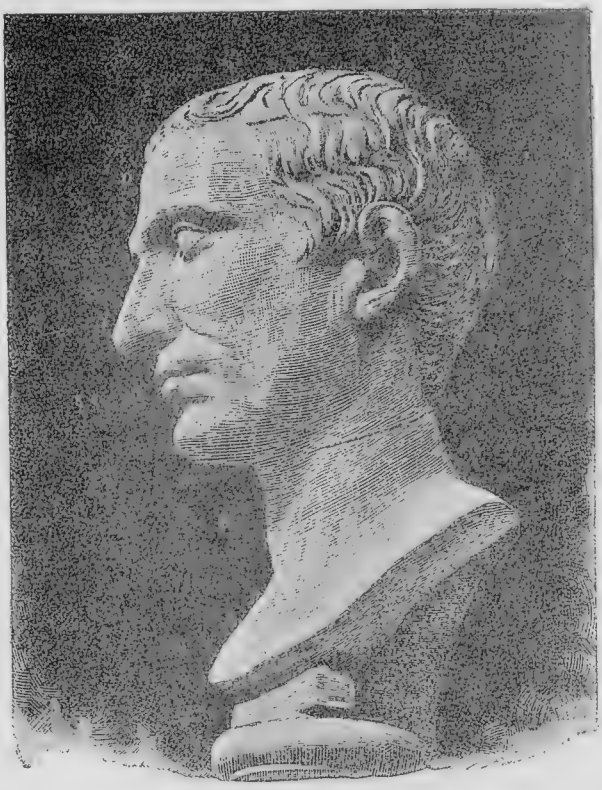
Заслуги Помпея передъ отечествомъ, какъ ни позаботился онъ при этомъ о собственномъ своемъ могуществѣ, произвели громадное впечатлѣніе. Въ его лицѣ народы Азіи почитали уже второго Александра и, вернувшись теперь во главѣ большого, побѣдоноснаго войска, онъ, если-бы пожелалъ, могъ бы стать властителемъ своего народа, республиканское устройство котораго давно уже пережило себя.

— —

ЦИЦЕРОНЪ И ЗАГОВОРЪ КАТИЛИНЫ.

Народная партія и Гай Юлій Кесарь. Съ побѣдоноснымъ походомъ избраннаго народомъ генерала въ Азіи шли рука объ руку сильныя нападки народной партіи противъ сената въ Римѣ. Эта партія въ лицѣ Гая Юлія Кесаря (Цезаря, Цесаря) пріобрѣла превосходнаго вождя. Родившись въ 100 году и принадлежа къ одному изъ старѣйшихъ патриційскихъ родовъ, производившему себя отъ Энея, баснословнаго основателя націи, Кесарь уже рано былъ вовлеченъ своею теткой Юліей, женой Марія, въ Маріанскіе кружки и, едва надѣвъ тогу мужчины, онъ былъ самимъ Маріемъ назначенъ въ жрецы Юпитера; затѣмъ женился на дочери Цинны. Послѣ побѣды Суллы онъ не перемѣнилъ лагеря, какъ сдѣлали это другіе, и на требованіе страшнаго диктатора развестись съ дочерью вождя демократовъ онъ отвѣтилъ рыцарскимъ отказомъ. Съ трудомъ избѣжавъ опалы, благодаря просьбамъ дружественныхъ съ Суллой родственниковъ, онъ отличился въ Азіи личной храбростью при штурмѣ отпавшей Митилены и въ борьбѣ съ киликійскими морскими разбойниками. Вернувшись по смерти Суллы, онъ привлекъ къ суду нѣсколько столповъ Суллиной партіи и представилъ большія доказательства своего краснорѣчія и полити-

ческаго направленія. Затѣмъ онъ продолжалъ свои риторическія занятія въ Родосѣ, что́ однако не помѣшало ему, при началѣ 3-ей войны съ Миѳридатомъ, еще до появленія Лукулла броситься съ горстью людей на встрѣчу понтійскимъ полчищамъ. По смерти своего дяди Котты, онъ былъ выбранъ понтификами въ ихъ коллегію, снова вернулся домой и съ тѣхъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ безстрашно защищалъ свою маріанскую точку зрѣнія. Онъ поддерживалъ всѣ стремленія къ возстановленію трибунской власти и въ должности квестора, по случаю смерти своей тетки и жены, въ публичныхъ надгробныхъ словахъ почтилъ упоминаніемъ вождей маріанскаго движенія. Умно пользуясь расколомъ въ противной партіи, онъ помогъ перетянуть Помпея въ народную партію и рѣшительно выступилъ въ пользу его назначенія полководцемъ въ войнахъ противъ морскихъ разбойниковъ и Миѳридата. Теперь, въ отсутствіе Помпея, онъ въ должности эдила (65 г.) восхищалъ народъ не менѣе сказочной пышностью своихъ игръ, чѣмъ сооруженіемъ побѣдныхъ памятниковъ Марію и его статуи на Капитоліѣ; въ слѣдующемъ году, въ качествѣ предсѣдателя суда

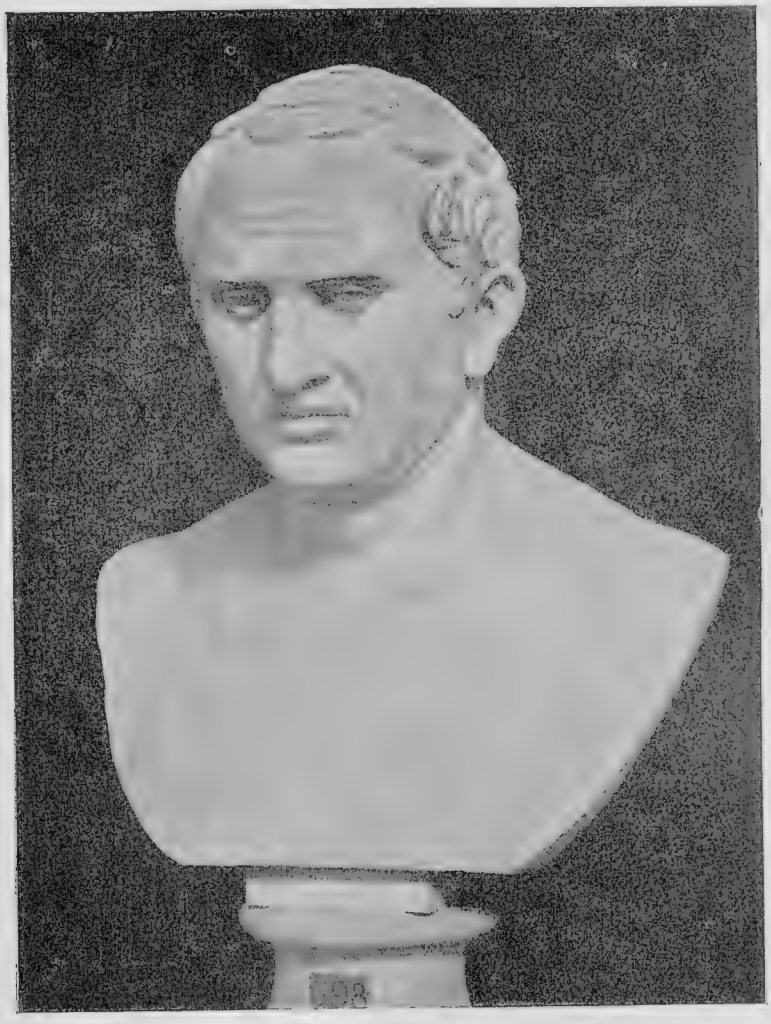


ГАЙ ЮЛІЙ КЕСАРЬ.
Бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

привлекъ на скамью подсудимыхъ Суллиныхъ палачей и въ 63 г. поддержалъ трибуна Лабіена, который обвинилъ жившаго еще убійцу народнаго трибуна Сатурнина (стр. 38) и снова ввелъ народные выборы для замѣщенія жреческихъ должностей. Ясно сознавая свои цѣли, геніальный въ своихъ планахъ и энергичный въ выполненіи ихъ, смѣлый въ виду опасности и хладнокровный въ борьбѣ съ нею, жадный до славы и проникнутый міровой политикой Рима, научно-образованный и самый практическій политикъ и полководецъ, ласковый и доступный въ своей частной жизни и увлекательный ораторъ какъ на Форумѣ, такъ и въ сенатѣ и передъ войскомъ, Кесарь могъ бы быть человѣкомъ, способнымъ руководить цѣлымъ народомъ и спасти его отъ гибельныхъ смутъ, если бы его грандіознымъ умственнымъ качествамъ соотвѣтствовала столь же высокая и безупречная нравственность. Но онъ въ своей частной жизни легко относился къ требованіямъ скромности и нравственности, дѣлалъ долги съ легкомысліемъ, поражавшимъ даже современниковъ, и не былъ ни остороженъ въ выборѣ своихъ средствъ и своихъ товарищей, ни достаточно безкорыстенъ, чтобы всегда подчинять собственное величіе благу своего народа.

Заговоръ Катилины (66—62 гг.). Пока, конечно, сіяніе свѣжей славы Помпея еще затемняло слабый блескъ его соперника въ расположеніи народномъ, громадная тяжесть долговъ еще стѣсняла Кесаря въ свободѣ движенія, а принципъ, по которому онъ поддерживалъ все, что̀ направлялось къ ослабленію сената, едва не лишилъ его того народнаго довѣрія, которымъ онъ уже пользовался. Дѣло въ томъ, что заговоръ Катилины, безпокоившій въ то время гражданъ, былъ раскрытъ столь же отважнымъ, какъ и умнымъ консуломъ Маркомъ Тулліемъ Цицерономъ, какъ разбойничій походъ противъ государства, а Кесарь не одинъ разъ слишкомъ горячо вступался за это дѣло, чтобы испуганные граждане не могли и его заподозрить. Между тѣмъ уже личность Катилины должна была удерживать отъ какого бы то ни было рода сношеній съ нимъ. Онъ, правда, происходилъ изъ старѣйшей знати, но среди Суллиныхъ палачей онъ сыгралъ ужасную роль, и руки его были осквернены кровью собственнаго брата; затѣмъ онъ привлекался къ суду за развратъ съ одной весталкой, а по истеченіи своей претуры управлялъ

провинціей Африкой въ духѣ своего друга Верреса (стр. 75), такъ что на него было подано обвиненіе въ вымогательствѣ.



ЦИЦЕРОНЪ.
Античное изваяніе въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

На этомъ основаніи его исключили изъ числа кандидатовъ на должность консула на 65 г. Выбраны были Автроній Петъ и Корнелій

Сулла, родственникъ диктатора. Но послѣдніе, за подкупъ на выборахъ, подверглись судебному преслѣдованію и были замѣнены другими, послѣ чего Катилина сошелся съ Автроніемъ, чтобы во главѣ заговора умертвить новыхъ консуловъ и самимъ стать на ихъ мѣсто. Третьимъ ихъ сообщникомъ былъ Кальпурній Пизонъ, молодой аристократъ, которому для долговъ нужна была провинція, а для честолюбія—военная команда. Кромѣ того, въ заговорѣ участвовало немало знатныхъ господъ, считавшихъ себя обойденными, и юныхъ шалопаевъ. Однако дѣло это во-время стало извѣстно: сильная охранная стража разстроила заговоръ въ день вступленія консуловъ въ должность, а въ другой разъ Катилина далъ знакъ къ нападенію на сенатъ и консуловъ прежде, чѣмъ собралось достаточно товарищей. Тѣмъ не менѣе противъ заговора рѣшительно не выступали: одинъ трибунъ заявилъ протестъ, и Пизонъ, избранный въ квесторы, получилъ даже преторскую власть, для управленія, въ качествѣ намѣстника, ближней Испаніей (Hispania citerior); правда, самъ Катилина, изъ-за того, что процессъ его затянулся, снова не получилъ консульства, но потомъ, несмотря на свою явную вину, онъ былъ оправданъ, при дозволенномъ и недозволенномъ содѣйствіи своихъ товарищей по сословію. Такое къ нему отношеніе не могло запугать его и удержать отъ новыхъ покушеній. Катилина держалъ свою партію сплоченною; разсчитывали на консульство въ слѣдующемъ году; тогда предполагалось установить тираннію съ проскрипціями, конфискаціями имуществъ, отпущеніемъ долговъ и раздачей должностей, бенефицій и провинцій. Кесарь поддерживалъ кандидатуру Катилины, равно какъ и Крассъ, который желалъ противоставить ненавистному Помпею соперника въ борьбѣ за единовластіе. Но вдругъ—то было незадолго до выборовъ—по городу распространились слухи о новыхъ замыслахъ Катилины: онъ провалился и выбранъ былъ самый рѣшительный его противникъ Маркъ Туллій Цицеронъ, который былъ близокъ и къ народу, какъ услужливый адвокатъ, прославленный ораторъ и защитникъ Манліева предложенія (стр. 79). Съ этой поры Катилина привлекалъ къ заговору все больше круговъ общества, задолженныхъ, осужденныхъ, подвергнутыхъ взысканію аристократовъ, авантюристовъ всякаго рода, ветерановъ Суллы, прожившихъ свои земли и желавшихъ новой раздачи; вскорѣ во всѣхъ областяхъ Италіи по-

явились довѣренные Катилины, вербовавшіе рекрутовъ и собиравшіе оружіе и деньги. Цѣль оставалась старая, только приходилось сулить вновь присоединившимся кругамъ исполненіе ихъ желаній. Кромѣ того разсчитывали на общее недовольство, на испанское войско Пизона и на другія боевыя силы, для правительства ненадежныя; наконецъ Катилина и теперь снова выступилъ кандидатомъ въ консулы. Народная партія поддержала его дѣйствія трибунскими предложеніями, которыя, какъ напр. аграрный законъ и законъ о долгахъ, были разсчитаны на то, чтобы разжигать недовольство, а также уголовными обвиненіями противъ знати. Цицерону удалось не только отразить эти нападки, но и услѣдить за каждымъ шагомъ Катилины. Такимъ образомъ онъ узналъ, что готовится покушеніе на его жизнь на консульскихъ выборахъ. Онъ велѣлъ отложить выборы и произвелъ ихъ затѣмъ подъ вооруженной охраной. Катилина снова провалился и теперь уже рѣшился на открытое возмущеніе. Около Фезулъ въ Этруріи и въ другихъ мѣстахъ онъ собралъ массы старыхъ сулланцевъ и другихъ недовольныхъ элементовъ. Послѣ этого сенатъ уполномочилъ консуловъ принять всѣ мѣры для охраны государства; мобилизованы были войска, и въ городѣ и въ странѣ были приняты мѣры предосторожности. Новое покушеніе на убійство, равно какъ ночное нападеніе заговорщиковъ на Пренесте разбились о бдительность Цицерона. Подъ Катилиной почва стала колебаться; онъ рѣшилъ покинуть городъ и

Цицеронъ.
Статуя въ музеѣ св. Марка въ Венеціи.

вести на него свое этрусское войско, которому оставшіеся въ Римѣ товарищи должны были помочь убійствами и поджогами. Онъ охотно заранѣе сдѣлалъ бы Цицерона безвреднымъ; но когда двое заговорщиковъ, выбранныхъ для этой цѣли, явились съ утреннимъ визитомъ къ консулу, то ихъ не впустили. Цицерона во-время предупредили, и онъ пригласилъ къ себѣ первѣйшихъ членовъ сената быть свидѣтелями злодѣйскаго нападенія. На слѣдующій день онъ созвалъ сенатъ, чтобы воспользоваться созданнымъ этимъ настроеніемъ. Когда явился и Катилина, притворяясь невиннымъ, консулъ въ пламенной рѣчи сорвалъ съ него маску. Тщетно Катилина пытался продолжать свою роль. Съ опущеннымъ взоромъ и смиреннымъ тономъ онъ просилъ не вѣрить сказанному про него; его-де происхожденіе и образъ жизни таковы, что онъ не нуждается въ революціи, чтобы достигнуть высокихъ должностей и почестей: ему-де, патрицію, со своими заслугами и заслугами предковъ нѣтъ нужды ниспровергать государство, чтобы какой-нибудь Туллій, пришлый гражданинъ города, могъ стать его спасителемъ. Но когда онъ хотѣлъ продолжать свои поношенія, голосъ его былъ заглушенъ яростнымъ крикомъ сенаторовъ. Тутъ и онъ уже не удержался и крикнулъ: „Хорошо, коль скоро меня окружили враги и гонятъ меня на гибель, то я потушу пожаръ, грозящій уничтожить меня, не водою, а посредствомъ сломки“. Съ этими словами онъ въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ храма, въ которомъ засѣдалъ сенатъ, и въ слѣдующую ночь покинулъ городъ. Послѣ этого его приверженцы, чтобы заподозрить консула во враждѣ къ правамъ народа, распустили слухъ, будто бѣжавшій Катилина удалился въ изгнаніе, напуганный угрозами Цицерона. Но Цицеронъ отразилъ этотъ ударъ. Предъ всѣмъ народомъ онъ изложилъ обстоятельства этого дѣла, защитилъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ заговорщику, объявилъ мнимое намѣреніе послѣдняго отправиться въ изгнаніе скорѣе желательнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, обратился затѣмъ къ самимъ оставшимся приверженцамъ Катилины съ увѣщаніями, предостереженіями и угрозами и, наконецъ, ободрилъ гражданъ, указавъ на могущественныя средства правительства и на справедливость его дѣла. Рѣчь пока оказала дѣйствіе. Въ виду объясненій и увѣренности консула многіе испугались и начали понимать, что таинственное предпріятіе—дѣло злодѣйское

и пагубное. Къ тому-же, скоро стало видно, что Катилина и не думалъ отправляться за границу; напротивъ, онъ во главѣ вооруженной шайки съ консульскими знаками отличія и ликторами прибылъ въ лагерь своего этрусскаго войска. Но клевета опять подняла голову, а продолжительное отсутствіе какого-либо рѣшенія относительно этрусскаго предпріятія снова ободрило заговор-

ТУСКУЛЪ.
Съ гравюры французской Національной библіотеки.

щиковъ. Рѣшено было поднять въ Сатурналіи мятежъ въ Римѣ. Цицеронъ вскорѣ былъ увѣдомленъ объ этомъ. Товарищъ его по должности Гай Антоній, въ которомъ онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, вмѣстѣ съ надежнымъ по образу мыслей и способностямъ легатомъ, повелъ войско противъ Катилины, а самъ онъ продолжалъ смотрѣть за спокойствіемъ столицы. Необходимость дѣйствія власти была ясна; но чтобы имѣть за собой гражданъ, Цицерону нужно было очевидное доказательство общеопасныхъ, преступныхъ замысловъ

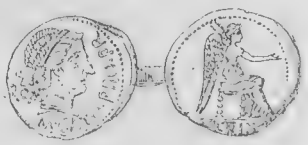
заговорщиковъ. Онъ получилъ и такое доказательство. Вожди заговорщиковъ вступили въ сношенія съ послами отъ кельтскаго племени аллоброговъ, которые какъ разъ въ это время были съ жалобами въ Римѣ, чтобы пріобрѣсти содѣйствіе этой народности въ предстоящей войнѣ. Цицеронъ пронюхалъ объ этомъ и побудилъ пословъ потребовать себѣ письменныхъ предложеній. Партія Катилины попалась въ эту ловушку, и такимъ образомъ была доказана попытка союза съ иноземцами; кромѣ того другое письмо, адресованное Катилинѣ, заставляло думать, что предполагалось поднять на бунтъ и рабовъ. Тутъ уже консулъ сталъ дѣйствовать, арестовалъ вождей и велѣлъ ихъ казнить, по сенатскому постановленію. Кесарь тоже присутствовалъ на этомъ достопамятномъ засѣданіи, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. И онъ не дерзнулъ извинять это дѣло или даже оправдывать его, а высказался за строгое наказаніе; но онъ столь же рѣшительно указалъ на незаконность образа дѣйствій, при которомъ налагалась смертная казнь на римскаго гражданина, да еще безъ судебнаго приговора. Тщетно однако; юный Маркъ Порцій Катонъ, имѣя предъ очами примѣръ своего великаго предка, стараго цензора, подчеркнулъ въ пылкой рѣчи, что общественное спасеніе, salus publica, есть высшій законъ и что оно безусловно требуетъ немедленнаго истребленія государственныхъ измѣнниковъ. А обнаженные мечи римскихъ всадниковъ, угрожавшіе Кесарю, когда онъ покидалъ это собраніе, должно быть сказали ему, что по понятіямъ народа Катонъ былъ правъ. Самымъ прославленнымъ человѣкомъ былъ теперь Цицеронъ: Катулъ (стр. 66) далъ ему, при одобреніи сената, почетный титулъ отца отечества, было назначено общее благодарственное молебствіе, и освобожденная отъ многомѣсячныхъ тревогъ и ночныхъ карауловъ толпа радостно устремилась въ храмы боговъ.

Усиленіе сената. Гибель Катилины (62 г.). Вожди народной партіи потеряли добрую часть своихъ приверженцевъ, и сенатъ довершилъ это дѣйствіе расширеніемъ выдачъ хлѣба. Послѣдствія этого скоро дали себя почувствовать. Когда въ началѣ 62 г. трибунъ Метеллъ Непотъ, бывшій легатъ Помпея, отправленный послѣднимъ съ побѣдной вѣстью на родину, сдѣлалъ предложеніе, чтобы его вооначальникъ немедленно былъ отозванъ обратно для борьбы съ войскомъ Катилины, находившимся

еще въ полѣ, и когда Кесарь усердно поддержалъ это предложеніе, сенатской партіи удалось разстроить этотъ планъ и запретить Метеллу какъ и Кесарю, бывшему въ этомъ году претеромъ, дальнѣйшее отправленіе ихъ должностей. Первый вернулся

КАТОНЪ И ПОРЦІЯ.
Мраморные бюсты въ Ватиканскомъ музеѣ.

къ Помпею, послѣдній же долженъ былъ дать сначала доказательства своего исправленія, прежде чѣмъ его возстановили въ должности. Демократы, бывшіе въ союзѣ съ Катилиной, преслѣдовались судебнымъ порядкомъ, и только вмѣшательству Цицерона Кесарь былъ обязанъ своимъ избавленіемъ отъ подобной участи. Въ это-же время и тотъ Метеллъ, который въ качествѣ полководца въ войнѣ противъ критянъ поссорился съ Помпеемъ (стр. 79), послѣ долгаго ожиданія могъ справить свой тріумфъ.



Монета Катона.
Серебряная монета рода Порціевъ.

На лицевой сторонѣ: Голова Свободы и надпись M. CATO. PRO. PR. ROMA. На оборотной сторонѣ: слово VICTRIX, вырѣзанное подъ сидячимъ изображеніемъ Побѣды.

Тѣмъ временемъ и Катилину постигла его судьба. Бродя въ ди-

кихъ Апеннинскихъ горахъ, между рѣками По и Арно, не находя выхода ни на югъ, ни на сѣверъ, онъ, наконецъ, вышелъ на рѣшительный бой съ Антоніемъ. Главнокомандующій сенатскаго войска, правда, передъ столкновеніемъ схватилъ подагру; но легатъ его Петрей перебилъ при Писторіѣ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, шайки мятежниковъ, только частью порядочно вооруженныя, вмѣстѣ съ ихъ вождемъ.

ПОМПЕЙ.
Античное изваяніе въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

Возвращеніе Помпея въ 61 г. Опираясь на побѣду, на согласіе съ всадническимъ сословіемъ и надобрую часть гражданъ, сенатъ ждалъ возвращенія Помпея. Всѣ думали, что послѣдній по примѣру Суллы вступитъ въ Римъ во главѣ войска и установитъ диктатуру, и Крассъ, тщетно старавшійся выставить противъ него приверженцевъ Катилины, уже поспѣшилъ бѣжать. Но, высадившись, въ 61 г., въ Брундизіѣ, побѣдитель тотчасъ-же распустилъ свое войско и, торжественно встрѣченный народомъ, вступилъ въ Римъ какъ частное лицо. Съ двумя только просьбами обратился онъ довѣрчиво къ сенату, рѣшившись, повиди-

мому, держаться законнаго образа дѣйствій. Онъ просилъ себѣ тріумфа, равно какъ утвержденія его азіатскихъ распоряженій и обезпеченія его солдатъ. Но просьбы его были тщетны. Правда, Цицеронъ приложилъ всѣ старанія, чтобы устроить соглашеніе, но Катонъ, голосъ котораго все болѣе сталъ рѣшающимъ въ сенатѣ, рѣзко отвергъ всякое сближеніе, и враги Помпея, Лукуллъ, Метеллъ Критскій и вернувшійся Крассъ излили теперь на него свой гнѣвъ. Обсужденіе его желаній было неприличнымъ образомъ отложено, и, когда, наконецъ, къ нему приступили, то разрѣшили только тріумфъ, но отказались утвердить всѣ его азіатскія распоряженія въ совокупности и не согласились на раздачу земли солдатамъ. Если этимъ были оскорблены помпеянцы, то, съ другой стороны, отдалили отъ себя всадническое сословіе тѣмъ, что ходатайство откупщиковъ государственныхъ податей о сложеніи съ нихъ части откупной суммы за азіатскіе налоги было сначала надолго снято съ очереди обсужденій, а затѣмъ наотрѣзъ отклонено.

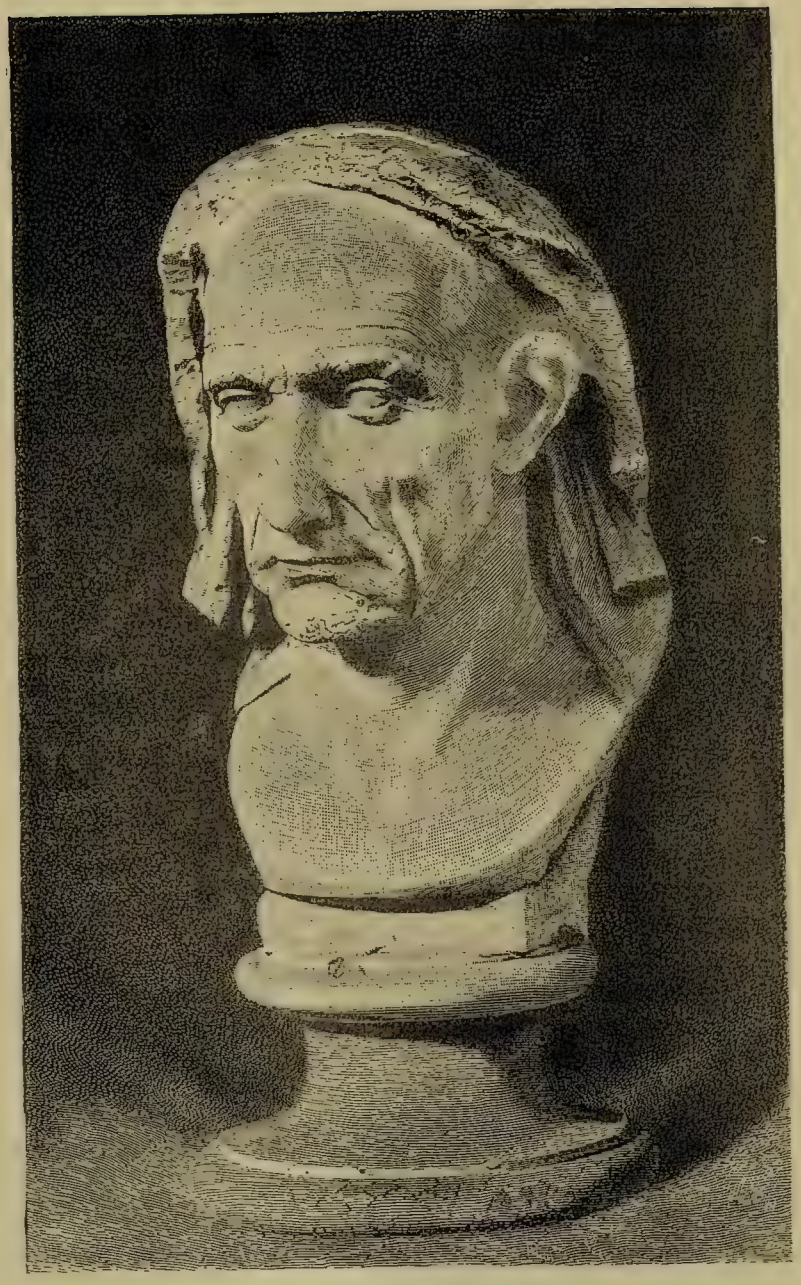
ПЕРВЫЙ ТРІУМВИРАТЪ.

КЕСАРЬ учреждаетъ первый тріумвиратъ (60 г.). Среди этого напряженнаго состоянія дѣлъ состоялось возвращеніе Кесаря, изъ Испаніи, что̀ по ту сторону Эбро, гдѣ онъ, послѣ своей претуры, былъ намѣстникомъ и въ качествѣ такового усердно заботился о благѣ населенія, а также и пожиналъ военные лавры. Долги его теперь были приведены въ порядокъ; тогда какъ раньше, несмотря на поручительство со стороны Красса, ему пришлось поторопиться пріѣздомъ въ свою провинцію до предъявленія къ нему долгового иска, теперь онъ вернулся, даже не дождавшись преемника, чтобы во-время выступить кандидатомъ въ консулы. Но такъ какъ онъ въ то-же время желалъ справить тріумфъ и для этого долженъ былъ оставить въ своихъ рукахъ командованіе, съ которымъ однако не смѣлъ вступать въ городъ, то онъ попросилъ сенатъ избавить его отъ новаго закона, въ силу котораго никто не смѣлъ заочно искать консульства. И здѣсь Катонъ выступилъ противникомъ всякой льготы; чтобы воспрепятствовать сенатскому постановленію, онъ, наконецъ,

открылъ фонтанъ своего краснорѣчія и говорилъ, не переставая, до захода солнца. Но Кесарь не сталъ долго разговаривать: онъ отказался отъ главнаго начальства и пустой мишуры тріумфа и явился въ городъ заявлять о своей кандидатурѣ. Поддерживаемый помпеянцами и всадниками, онъ былъ избранъ въ консулы, а съ нимъ Маркъ Бибулъ, отъ противной партіи.

Такъ какъ Кесарю надо было считаться съ тѣмъ, что сенатъ не будетъ на его сторонѣ, то онъ приготовился править и безъ него или даже противъ него. Поэтому онъ старался придать прочную форму союзу, доставившему ему консульскую власть. Прежде всего ему надо было склонить на свою сторону вліятельнаго Помпея: это ему удалось при помощи обѣщанія устроить законное утвержденіе азіатскихъ распоряженій Помпея и обезпеченіе его солдатъ землею; при этомъ Помпей, бывшій шестью годами старше Кесаря, сталъ даже его зятемъ. Крассъ тщетно защищалъ въ сенатѣ интересы всадниковъ; ему Кесарь тоже обѣщался добиться требуемаго уменьшенія откупной суммы и помирилъ его съ Помпеемъ. Такъ возникъ первый тріумвиратъ, т.-е. союзъ трехъ человѣкъ для взаимной поддержки ихъ плановъ. То былъ союзъ ума, власти и денегъ, тѣхъ трехъ силъ, которыми можно покорить міръ и управлять имъ. Кесарь обратился и къ Цицерону съ предложеніемъ принять участіе въ этомъ политическомъ товариществѣ, но тотъ отказался, и даже предостерегъ близкаго ему Помпея: въ лицѣ Цицерона, какъ и Катона, непреклоннаго представителя аристократической республики, тріумвирату приходилось видѣть своихъ опаснѣйшихъ противниковъ, хотя первый больше сдерживался, въ виду своихъ отношеній къ Помпею и Кесарю.

Кесарь въ должности консула (59 г.) устанавливаетъ господство тріумвирата. Новый консулъ прежде всего старался узнать, какъ будетъ относиться къ нему его аристократическій товарищъ по должности и сенатъ. Съ ихъ разрѣшенія онъ желалъ провести свои планы въ какой-либо удобопріемлемой формѣ. Сначала онъ предложилъ на обсужденіе свой аграрный законъ. Законъ этотъ лишенъ былъ всѣхъ суровыхъ чертъ прежнихъ аграрныхъ законовъ. Онъ отводилъ земли не только ветеранамъ Помпея, но и другимъ бѣднымъ гражданамъ и притомъ безъ права отчужденія въ теченіе 20 лѣтъ; изъ подлежащихъ раздачѣ



ЮЛІЙ КЕСАРЬ.

Бюстъ въ музеѣ Кьярамонти, въ Ватиканѣ.

государственныхъ земель исключались тѣ, которыя были предназначены для другихъ цѣлей; недостающее же количество земли должно было быть прикуплено на счетъ излишка отъ азіатскихъ доходовъ; наконецъ, самъ авторъ этого законопроекта отказывался отъ участія въ комиссіи по раздачѣ земель. Такъ какъ въ самомъ законѣ не было ничего, къ чему можно было бы придраться, то сначала обсужденіе его было обычнымъ образомъ отложено, затѣмъ проектъ объявленъ несвоевременнымъ, и самъ Катонъ старался убить его своимъ краснорѣчіемъ. Когда же Кесарь велѣлъ удалить упорнаго человѣка изъ залы засѣданія, то большая часть сената ушла вмѣстѣ съ нимъ и помѣшала такимъ образомъ постановленію рѣшенія. Однако консулъ не смутился: онъ оставилъ сенатъ безъ вниманія и представилъ свои предложенія непосредственно народу.

Но сенатъ послѣдовалъ за нимъ и на Форумъ, для борьбы съ новымъ закономъ. Во главѣ съ Бибуломъ, Катономъ и нѣсколькими другими трибунами, противники Кесаря оспаривали каждый шагъ его. Чтобы выказать предъ всѣмъ свѣтомъ свое миролюбіе, Кесарь пригласилъ народъ умолять самого его товарища о согласіи, и когда тотъ заявилъ, что никогда не допуститъ этого закона, Помпей и Крассъ должны были возвысить свои голоса въ его пользу, и первый обѣщался даже защищать этотъ законъ съ оружіемъ въ рукахъ. Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія относительно результата голосованія. Поэтому должностныя лица сенатской партіи старались помѣшать голосованію религіозными соображеніями, а Бибулъ даже объявилъ всѣ дни года праздниками. Другая сторона не обращала вниманія на это явное злоупотребленіе религіей. День голосованія наступилъ, и на рыночную площадь стеклись многочисленные ветераны Помпея, со спрятаннымъ подъ тогой оружіемъ. Еще разъ Кесарь изъ храма Кастора обратился съ рѣчью къ толпѣ, какъ вдругъ сквозь толпу протискался Бибулъ съ нѣсколькими трибунами, желая быть выслушаннымъ. Дѣло дошло до драки: у ликторовъ были перебиты пучки прутьевъ, трибуны были ранены. Бибулъ безстрашно крикнулъ друзьямъ Кесаря: „Если я не могу убѣдить Кесаря поступить по справедливости, то я по крайней мѣрѣ своею смертью навлеку на него кровавую вину!“ Но его удалили и заключили въ храмъ, расположенный по близости.

Теперь знать пустила въ дѣло Катона. Послѣдній протискался сквозь толпу и сталъ говорить, но приверженцы Кесаря схватили его и унесли. Онъ вернулся потайными дорогами, но никто не слушалъ его, а когда онъ сталъ даже ругаться, то его прогнали. Затѣмъ состоялось голосованіе: народъ принялъ законъ, и сенату пришлось волей-неволей клятвенно подтвердить его. Безъ особенныхъ затрудненій прошли и прочія предложенія Кесаря; съ откуп-

ОРУЖІЕ ГАЛЛОВЪ.
(Снимокъ съ западной стороны тріумфальной арки въ Оранжѣ).

щиковъ податей сложена была треть азіатской откупной суммы, подтверждены были распоряженія Помпея въ Азіи, провинціалы были ограждены болѣе строгимъ закономъ о вымогательствахъ, а для земельныхъ надѣловъ отведена новая часть государственной земли. Бибулъ же съ тѣхъ поръ не выходилъ уже изъ дому и довольствовался тѣмъ, что въ объявленіяхъ и наблюденіяхъ надъ небесными знаменіями клеймилъ эти законы, какъ недѣйствительные. Но надъ этими безсильными протестами публика только смѣялась; годъ этотъ обозначали, какъ годъ, въ который „Гай и Юлій“ были консулами.

Въ то-же время со стороны трибуновъ производились всякаго рода нападенія на могущество сената, немало аристократовъ привлекались къ суду, а Антоній, товарищъ Цицерона по должности, который раньше былъ другомъ Катилины, но потомъ перешелъ на сторону знати и повелъ противъ него войско, былъ обвиненъ въ вымогательствахъ и осужденъ.

Кесарь вліяетъ на выборы и получаетъ Галлію въ провинцію. Такъ какъ Кесарь долженъ былъ разсчитывать на то, что, по истеченіи срока его службы, и онъ и законодательство его станутъ предметомъ сильныхъ нападокъ, то онъ не только постановилъ, чтобы новымъ должностнымъ лицамъ соблюденіе его законовъ было вмѣнено въ обязанность, но позаботился также о томъ, чтобы на важнѣйшія должности избраны были приверженцы тріумвировъ. Консулами сдѣлались помпеянецъ Габиній и нѣкто Кальпурній Пизонъ, съ дочерью котораго Кесарь теперь сочетался бракомъ. Въ особенности же сдѣлалъ онъ своимъ орудіемъ новаго народнаго трибуна Публія Клодія, безнравственнаго до мозга костей человѣка, который хотя и происходилъ изъ высокоаристократическаго рода, но сталъ ожесточеннѣйшимъ противникомъ знати. Этотъ Клодій былъ обвиненъ въ развратѣ, за то что онъ въ женской одеждѣ прокрался на женскій праздникъ „Доброй богини“ (Bona dea), и свидѣтелями противъ него выступило нѣсколько вождей знати, въ особенности Катонъ, но свидѣтельство Кесаря сдѣлало возможнымъ его оправданіе. Съ той поры онъ поклялся мстить знати и чрезъ посредство главнаго понтифика Кесаря перешелъ въ плебейство, чтобы сдѣлаться трибуномъ.

Самъ же Кесарь, чтобы на всякій случай имѣть возможность вооруженнаго вмѣшательства, если-бы попытались отмѣнить его распоряженія, устроилъ такъ, что, по предложенію Ватинія, народъ далъ ему въ провинцію Цизальпинскую Галлію съ Иллиріей и тремя легіонами на пять лѣтъ, считая отъ 1 марта 59 г., съ правомъ самому выбрать себѣ легатовъ, а сенатъ, по предложенію Помпея и Красса, чтобы отдать дань настроенію народа, присовокупилъ сюда еще Нарбонскую Галлію съ однимъ легіономъ. „Тираннъ“, какъ выразился Катонъ, „завладѣлъ Акрополемъ“, откуда онъ теперь господствовалъ надъ Италіей.

Нападки Клодія на Цицерона и Катона. Еще въ консульство

Кесаря Клодій началъ свой походъ противъ знати. Онъ началъ его, по обыкновенію, съ расширенія выдачъ хлѣба, затѣмъ, чтобы очистить себѣ дорогу, запретилъ мѣшать народнымъ рѣшеніямъ наблюденіями надъ небомъ и другими искусственными препятствіями, а чтобы усилить приверженную себѣ партію, онъ возстановилъ вновь ремесленные цехи, уничтоженные во времена заговора Катилины, и, наконецъ, ограничилъ принадлежавшее цензорамъ право выговора. Законы эти прошли безъ большого протеста: настолько сенатъ былъ запуганъ! Тогда Клодій предложилъ, чтобы согласно существующимъ законамъ было налагаемо

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ ДРЕВНИХЪ КЕЛЬТОВЪ.

изгнаніе на всякаго, кто умертвитъ римскаго гражданина помимо законнаго суда, даже на то должностное лицо, которое сдѣлало бы это на основаніи полученныхъ отъ сената полномочій.

Такъ какъ предложенію этому придавалась обратная сила, то было очевидно, что желали отомстить Цицерону за казнь приверженцевъ Катилины. Тщетно знать и всадничество ходатайствовали за угрожаемаго Цицерона, тщетно вступился за него и одинъ изъ трибуновъ: тріумвиры, отъ которыхъ все зависѣло, отнеслись къ дѣлу довольно равнодушно и дали ему итти своимъ чередомъ. Если-бы Цицеронъ оказалъ сопротивленіе, то дѣло должно было дойти до кроваваго столкновенія, въ которомъ онъ не могъ

надѣяться на успѣхъ, въ виду превосходства силъ противниковъ; поэтому онъ, по совѣту друзей, добровольно удалился съ арены борьбы. Тогда законъ былъ принятъ, имущество его разграблено, домъ его на Палатинѣ сожженъ, а красивая дача въ Тускулѣ разорена; жена и дѣти его подверглись самой грозной опасности. Новый законъ придалъ законную силу добровольному изгнанію Цицерона, послѣ чего имѣнія послѣдняго были конфискованы, а развалины его городского дома, точно у государственнаго измѣнника, срыты (58 г.).

Надо было удалить изъ Рима и Катона. А такъ какъ его нельзя было уличить въ какой-нибудь незаконности, то Клодій предложилъ отправить его съ чрезвычайными полномочіями на Кипръ и въ Византію. Онъ долженъ былъ преобразовать и Кипръ въ провинцію и конфисковать состояніе царя Птоломея, задача, для которой, по словамъ Клодія, самый честный человѣкъ являлся самымъ подходящимъ; въ Византію же надо было вернуть нѣсколько изгнанниковъ. Катонъ всѣми силами противился этой незаконной почести; но послушный Клодію народъ приказалъ, и пришлось повиноваться.

КЕСАРЬ ВЪ ГАЛЛІИ И АНАРХІЯ ВЪ РИМѢ.

Отъѣздъ Кесаря въ Галлію; свободные кельты. Естественно, при такихъ обстоятельствахъ, всѣ попытки знати отмѣнить законы Кесаря или привлечь къ суду его и его сподвижниковъ были тщетны, и самъ онъ въ концѣ марта 58 г. поспѣшилъ въ свои провинціи, чтобы начать побѣдоносный походъ, не имѣющій себѣ равныхъ.

Ибо здѣсь предъ предпріимчивымъ духомъ геніальнаго человѣка открывалось широкое поле патріотической дѣятельности. Уже за цѣлый рядъ годовъ до этого міръ кельтскихъ народностей (стр. 179 и слд. 1-й части) на сѣверной римской границѣ пришелъ въ угрожающее движеніе; опасались галльской войны. Эти изстари воинственныя племена свободной Галліи тѣмъ временемъ приняли извѣстную цивилизацію. Они наряду со скотоводствомъ занимались уже и раціональнымъ земледѣліемъ, пивовареніемъ, добывали желѣзо,

умѣли обрабатывать металлы, хотя и безъ художественнаго вкуса, занимались торговлей и судоходствомъ даже на Атлантическомъ океанѣ, строили дороги и мосты для развитія сношеній и имѣли немало городовъ, гдѣ дома конечно были еще деревянные, причемъ стѣны складывались изъ краснваго соединенія камня и дерева. Но въ политическомъ отношеніи народъ едва-ли подвинулся впередъ; каждое племя, каждое сословіе, каждый родъ еще преслѣдовалъ свои отдѣльные интересы, и только болѣе слабые волей-неволей примыкали къ болѣе сильнымъ; до единства государства было далеко. Тѣмъ не менѣе языкъ, нравы и религія представляли собою узы, которыя при случаѣ могли образовать страшный союзъ храбрецовъ. Языкъ, если не считать письма, заимствованнаго отъ грековъ изъ Массиліи, въ цѣломъ былъ еще чистъ и безъ примѣсей. Всюду государственная власть была въ рукахъ конной знати, которой служила большая масса безправнаго люда; надъ умами же господствовало жречество.

Юлій Кесарь.
Бюстъ во Флоренціи.

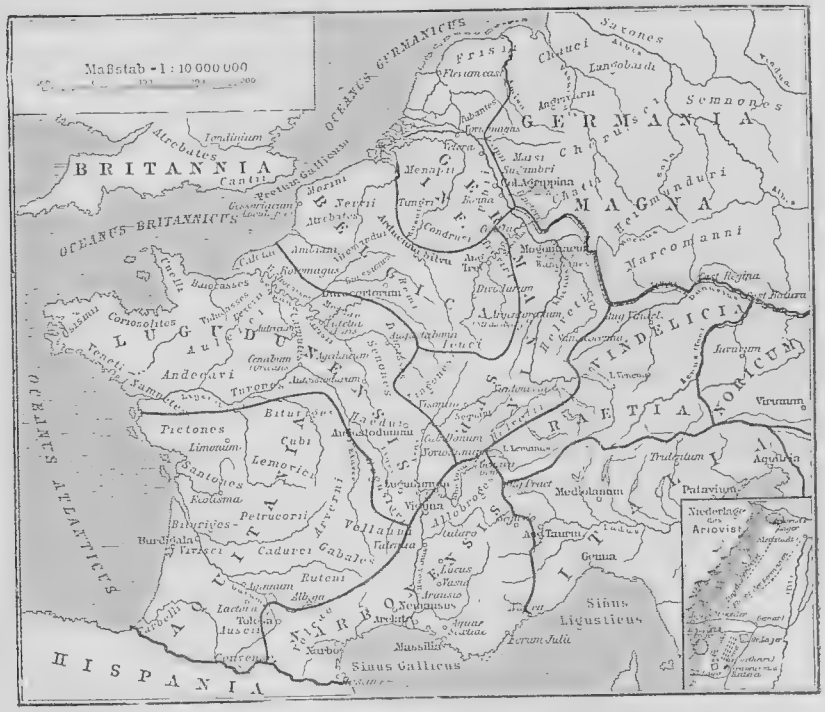
Друиды — такъ назывались жрецы — отличавшіеся, какъ особый классъ, уже своей бѣлой орденской одеждой, и свободные отъ податей и воинской повинности, были единственными посредниками между отдѣльными лицами, равно какъ и между государствомъ, съ одной стороны, и богами—съ другой; но они захватили и добрую часть правосудія, а также политической власти и наказывали всякое неповиновеніе отстраненіемъ отъ жертвоприношеній. Они вели уединенный образъ жизни, предаваясь исполненію своихъ жрече-

скихъ и судейскихъ обязанностей, но занимались въ то-же время посвященіемъ многочисленныхъ учениковъ въ свои многообразныя религіозныя и мірскія ученія. Богослуженіе, котораго они требовали, совершалось со страхомъ и трепетомъ подъ шумъ дубовъ, на уединенныхъ горахъ и островахъ; часто приносились кровавыя человѣческія жертвы, и кого гнѣвъ этихъ жрецовъ отстранялъ отъ жертвоприношенія, тотъ тѣмъ самымъ выталкивался и изъ общества. Во главѣ всего галльскаго жречества стоялъ верховный друидъ, который избирался на пожизненный срокъ и ежегодно въ опредѣленное время созывалъ собраніе въ священномъ мѣстѣ въ области карнутовъ, считавшейся сердцемъ Галліи; такимъ образомъ племя это имѣло по крайней мѣрѣ религіозное средоточіе и духовнаго главу.

Переселеніе германцевъ въ Галлію. Въ этомъ состояніи политической и экономической полукультурности застало кельтскія племена новое нашествіе германцевъ. Это нашествіе уже смело кельтское населеніе Рейнской долины и областей къ сѣверу отъ Дуная и передовыми своими волнами хлынуло далѣе на западъ. Къ адуатукамъ, остатку кимврскихъ полчищъ, около нынѣшняго Люттиха (Льежа) вскорѣ присоединилось немало мелкихъ германскихъ племенъ. Германскій предводитель Аріовистъ перешелъ черезъ Средній Рейнъ, чтобы по призыву кельтскаго племени секвановъ оказать имъ помощь въ борьбѣ съ эдуями. Въ теченіе этой продолжительной войны онъ подозвалъ къ себѣ изъ-за Рейна до 120,000 германцевъ, а одолѣвъ противниковъ, поселился въ сѣверной секванской области, въ нынѣшнемъ верхнемъ Эльзасѣ, и задумалъ учредить въ Галліи германское царство. Черезъ это онъ стѣснилъ и гельветовъ между Боденскимъ и Женевскимъ озерами, вмѣстѣ съ равраками около Базеля и другими племенами. Такъ какъ у гельветовъ же стали искать убѣжища и многочисленныя полчища южно-германскихъ кельтовъ, сильно стѣснившія ихъ территорію, то они рѣшили переселиться въ плодоносныя области западнаго атлантическаго побережья, гдѣ одно племя ихъ, тигурины, временно останавливалось еще во время кимврской войны (стр. 31).

Эмиграція гельветовъ. Послѣ многолѣтнихъ приготовленій эмигранты, мужчины, женщины и дѣти, численностью свыше 350,000 человѣкъ, со своимъ движимымъ имуществомъ прибыли весной

58 г. къ истоку Женевскаго озера. Двѣ дороги вели отсюда на западъ, вдоль береговъ Роны. Такъ какъ сѣверная была затруднительна и легко могла быть преграждена, то выбрана была другая. Она вела, правда, черезъ римскую провинцію, но отъ аллоброговъ, живших по ту сторону границы, гельветы тѣмъ скорѣе надѣялись получить свободный пропускъ, что аллоброги только-что сдѣлали тщетную попытку освободиться отъ римскаго



КАРТА ГАЛЛІИ И ГЕРМАНІИ.

владычества, и нигдѣ по близости не видно было значительныхъ боевыхъ силъ. Однако новый намѣстникъ, Кесарь, едва лишь услышалъ объ этомъ планѣ, какъ подоспѣлъ изъ Рима, повелъ въ Женеву легіонъ, стоявшій въ провинціи, сломалъ тамошній мостъ черезъ Рону и призвалъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Отъ гельветовъ, проснвшихъ у него позволенія пройти черезъ римскую территорію, онъ получилъ полмѣсяца времени на размышленіе, въ теченіе котораго онъ укрѣплялъ южный бе-

регъ Роны отъ Женевы до того прохода, гдѣ сближаются Юра и савойскія Альпы, и стягивалъ вызванныя войска. Когда же снова прибыли послы отъ гельветовъ, онъ наотрѣзъ отклонилъ ихъ просьбу. Попытки гельветовъ силой достигнуть цѣли разбились о бдительность римлянъ, послѣ чего они пошли сѣверной дорогой. Съ секванами, черезъ область которыхъ вела эта дорога, они тѣмъ временемъ столковались, и такимъ образомъ безпрепятственно, хотя лишь медленно подвигаясь впередъ, они достигли Арара (Соны), черезъ которую переправились въ двадцать дней. Аррьергардъ ихъ еще находился на лѣвомъ берегу, когда появился Кесарь во главѣ трехъ цизальпинскихъ и двухъ вновь набранныхъ легіоновъ, которые онъ съ невѣроятной быстротой самъ привелъ изъ верхней Италіи и соединилъ съ наличными силами. Онъ явился на защиту эдуевъ, старыхъ союзниковъ римлянъ; его призвала римская партія эдуевъ, тогда какъ національная ихъ партія надѣялась съ помощью гельветовъ достигнуть большей самостоятельности своего государства. Кесарь перебилъ аррьергардъ и слѣдовалъ за гельветами по странѣ эдуевъ въ теченіе пятнадцати дней.

Кесарь одерживаетъ побѣду при Бибракте и отсылаетъ гельветовъ на родину. Но галльская его конница была разбита, а обѣщанное эдуями продовольствіе, задержанное національной партіей, не появлялось. Поэтому полководецъ обратился на Бибракте (Autun), столицу эдуевъ. Тогда гельветы поспѣшно послѣдовали за нимъ и напали на его аррьергардъ. Положеніе Кесаря было опасно; его могла спасти только побѣда. Пока конница задерживала наирающаго врага, онъ повелъ легіоны на ближайшій холмъ и выстроилъ четыре старыхъ легіона на бой, тогда какъ два новыхъ онъ предназначилъ для охраны обоза. Затѣмъ, чтобы отрѣзать знатнымъ господамъ своей свиты надежду на бѣгство,онъ спѣшился со всѣмъ своимъ штабомъ и приказалъ увести лошадей, обратился съ краткимъ словомъ къ своимъ воинамъ и далъ знакъ къ нападенію. Градъ метательныхъ копій легіоновъ, ринувшихся съ холма, разстроилъ ряды непріятельской фаланги, которая въ рукопашной схваткѣ принуждена была отступить. Римляне послѣдовали за непріятелемъ на одну возвышенность, гдѣ тотъ возобновилъ сопротивленіе, тогда какъ другая куча гельветовъ ударила во флангъ преслѣдователей. Но Кесарь не

потерялъ присутствія духа; онъ быстро приказалъ третьему строю сдѣлать поворотъ и началъ бой на два фронта. Съ полудня до глубокой ночи (былъ іюнь мѣсяцъ) длилась ужасная рѣзня. Но гельветы были отброшены, и обозъ ихъ взятъ приступомъ. Оставшіеся въ живыхъ бѣжали ночью; но недостатокъ пищи заставилъ ихъ сдаться. Всѣ они, численностью еще въ 130.000 человѣкъ, были отосланы на родину, для защиты ея противъ наступающихъ германцевъ.

Кесарь противъ Аріовиста; бунтъ его войска. Побѣдоносный полководецъ со своими легіонами стоялъ еще лагеремъ около Бибракте, когда къ нему явилось посольство отъ народностей средней Галліи и попросило помощи противъ Аріовиста (стр. 102), порабощавшаго, по его словамъ, эти народности и собиравшагося изгнать ихъ изъ страны. Кесарь охотно воспользовался случаемъ отразить во главѣ Галліи германскую опасность, которая не меньше угрожала Риму. Онъ пригласилъ Аріовиста на бесѣду; послѣдній, получившій отъ римскаго сената титулъ „царя и друга“, далъ грубый отвѣтъ, послѣ чего Кесарь прислалъ ему свои требованія: прекратить дальнѣйшую переправу германскихъ полчищъ черезъ Рейнъ въ Галлію, вернуть эдуямъ ихъ заложниковъ, и не дѣлать никакихъ нападеній на это союзное съ Римомъ племя. Германецъ отвѣтилъ угрозами, вторженіемъ въ область эдуевъ и вооруженіями. Тогда Кесарь двинулся въ походъ.

Онъ достигъ благополучно, еще раньше непріятеля, укрѣпленнаго и снабженнаго обильными припасами Везонтіона (Безансона), главнаго города секвановъ. Но здѣсь на римское войско напалъ внезапный страхъ, когда оно услышало о страшной храбрости сѣверныхъ богатырей. Начались сѣтованія въ штабѣ, который состоялъ изъ демократически настроенныхъ представителей столичной знати; они оставались въ палаткахъ, жаловались другъ другу на свое горе и дѣлали свои завѣщанія. Страхъ этотъ, наконецъ, сообщился также и центуріонамъ и простымъ рядовымъ и хотя въ этихъ кругахъ его скрывали за всякаго рода стратегическими опасеніями, онъ все-таки отъ этого не становился меньше, и въ главной квартирѣ уже докладывали, что легіоны откажутся продолжать походъ. Кесарь и передъ такими затрудненіями выказалъ себя природнымъ полководцемъ. Онъ созвалъ центуріоновъ и порядкомъ выбранилъ ихъ за то, что

они осмѣливались критиковать способъ веденія войны и боялись противника, съ которымъ справлялись римскія войска въ войнахъ съ кимврами и съ рабами и даже гельветы въ своихъ пограничныхъ распряхъ. „Если-же говорятъ“, продолжалъ онъ, „что войска не хотятъ слушаться и итти дальше, то это меня не тревожитъ. Я знаю, что бунты случались только противъ такихъ военачальниковъ, которые сражались несчастливо или совершали какую-нибудь подлость. Но порукой въ моей честности служитъ вся моя жизнь, а въ моемъ счастьи — опытъ гельветской войны. Поэтому я сейчасъ сдѣлаю то, что́ собирался еще отложить, и завтра же выступлю раннимъ утромъ, чтобы поскорѣе узнать, что́ имѣетъ перевѣсъ у моихъ солдатъ: чувство-ли чести и долга, или страхъ. Впрочемъ если никто больше не послѣдуетъ за мной, то я выступлю съ однимъ только десятымъ легіономъ, въ вѣрности котораго я нисколько не сомнѣваюсь; пусть онъ будетъ моею охранной когортой“. Рѣчь эта произвела полный переворотъ въ настроеніи. Десятый легіонъ чрезъ своихъ офицеровъ поблагодарилъ главнокомандующаго за его лестное свидѣтельство, другіе попросили прощенія, и когда на слѣдующее утро выступленіе дѣйствительно состоялось, то всѣ съ полной увѣренностью въ побѣдѣ направились въ невѣдомую страну. Чувствовалось, что у нихъ былъ настоящій полководецъ.

Борьба съ Аріовистомъ. Безпрепятственно прибыли въ верхній Эльзасъ и достигли непріятеля. Теперь Аріовистъ согласился на бесѣду, но въ свое обезпеченіе потребовалъ, чтобы и римскій полководецъ явился только съ кавалерійской охраной, которой германскому вождю бояться было нечего. Чтобы по возможности добромъ добиться своего у „друга римскаго народа“, Кесарь согласился на это, и, не желая довѣриться своимъ галльскимъ всадникамъ, онъ, не долго думая, посадилъ свой десятый легіонъ на коней. Но въ виду кичливости германскаго вождя бесѣда осталась безуспѣшной, а отъ дальнѣйшихъ переговоровъ Кесарь отказался. Такимъ образомъ, приходилось рѣшить дѣло оружіемъ. Аріовистъ обошелъ римскій лагерь и занялъ позицію, которою отрѣзалъ непріятеля отъ подвоза провіанта. Кесарь предложилъ бой; но противникъ пускалъ въ стычки только свою конницу, которая была перемѣшана съ легко вооруженной пѣхотой, прекрасно обучена и превосходила галльскую. Въ концѣ-концовъ

римскій полководецъ былъ вынужденъ выбрать новую позицію, которую онъ укрѣпилъ среди жестокихъ схватокъ. Но германскій вождь все еще избѣгалъ рѣшительнаго боя; какъ сообщали военноплѣнные, онъ желалъ обождать новолунія, до котораго, по пророчеству женъ, нельзя было надѣяться на побѣду. Тѣмъ рѣшительнѣе стремился къ битвѣ Кесарь. Вызывающимъ образомъ двинулся онъ подъ самый носъ противниковъ, и гнѣвъ и стыдъ побудили послѣднихъ принять бой. Они выстроились по племенамъ въ боевую линію, имѣя позади себя обозъ съ женами и дѣтьми. Нападеніе римлянъ они встрѣтили такъ быстро, что тѣ не успѣли даже воспользоваться метательными копьями. Но они храбро держались и въ рукопашной схваткѣ, пока Кесарь не опрокинулъ и не обратилъ въ бѣгство лѣваго крыла непріятелей, слабость котораго онъ сейчасъ-же замѣтилъ, и пока молодой Крассъ, сынъ диктатора, не прислалъ помощи, въ рѣшительный моментъ, своимъ стѣсненнымъ товарищамъ на другомъ крылѣ. Побѣда Кесаря была полная; только немногіе изъ разбитыхъ враговъ вплавь или въ лодкахъ спаслись за близъ лежащій Рейнъ. Черезъ нихъ великое пораженіе вскорѣ стало извѣстно и у зарейнскихъ германцевъ, которые въ испугѣ отказались отъ плановъ эмиграціи.

Римскій легковооруженный.
Съ рельефа на тріумфальной аркѣ Септимія Севера.

Покореніе бельговъ (57 г.). Кесарь вернулся послѣ этого въ Верхнюю Италію, чтобы заняться дѣлами своего намѣстничества, а легіоны его перезимовали у секвановъ. Это обстоятельство заставило вооружиться союзъ бельговъ, какъ назывались племена къ сѣверу отъ Сены и Марны. Они опасались за свою независимость, а вожди національной партіи въ центральной Галліи еще укрѣпляли ихъ подозрѣнія. Только ремы (около Реймса)

отдѣлились отъ нихъ и склонились на сторону римлянъ, чтобы при этомъ случаѣ уничтожить преобладаніе свессіоновъ (вокругъ Суасона). Въ началѣ лѣта 57 г. Кесарь появился съ подкрѣпленіями у своихъ войскъ и повелъ ихъ къ ремамъ на помощь, пригласивъ въ то-же время союзъ эдуевъ къ вторженію въ западную часть Бельгіи. Вскорѣ, на рѣкѣ Аксонѣ (Aisne) онъ увидѣлъ передъ собой все бельгійское войско, числомъ до 300.000 бойцовъ; но данная ими нерѣшительная кавалерійская стычка, тщетная попытка перейти черезъ рѣку и отрѣзать римлянъ отъ подвоза, а къ тому-же недостатокъ въ собственномъ лагерѣ и вѣсть о вторженіи эдуевъ произвели то, что все огромное войско ночью разбѣжалось. Римская конница преслѣдовала уходившія полчища, затѣмъ тронулись и легіоны и принудили племена одно за другимъ сдаться.

Лишь у храбрыхъ нервіевъ натолкнулись на энергическое сопротивленіе. Многочисленныя засѣки задерживали движеніе, а густые лѣса благопріятствовали стягиванію войскъ и неожиданнымъ нападеніямъ. Когда собрались разбить лагерь на Сабисѣ (Sambre), внезапно произошло общее нападеніе. Конница, переправившаяся за рѣку для рекогносцировки лѣсистаго холма, неожиданно была опрокинута, а проворный непріятель въ мгновеніе ока былъ уже за рѣкой и вступилъ въ рукопашную схватку съ легіонами. Тутъ не было времени надѣть шлемовыя украшенія и воинскіе знаки отличія или хотя бы даже снять чехлы съ шлема и щита. Побросавъ лопаты и корзины, всѣ поспѣшили на свои мѣста. О правильномъ боевомъ порядкѣ не было и рѣчи; гдѣ стоялъ какой легіонъ, тамъ онъ и начиналъ бой. Кесарь открылъ отвѣтный натискъ на лѣвомъ крылѣ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь девятый и десятый легіоны сбросили нападающихъ съ холма, послѣдовали за ними за рѣку, разбили ихъ еще разъ и штурмовали непріятельскій лагерь; другіе легіоны бились на берегу рѣки. Опаснѣе было положеніе праваго крыла римлянъ, на которое сдѣлано было нападеніе со всею яростью и съ фронта, и съ фланга. Немало когортъ потеряли уже всѣхъ своихъ центуріоновъ, мѣста для солдатъ становилось все меньше и меньше, такъ что они уже не могли какъ слѣдуетъ пользоваться своимъ оружіемъ, и тамъ и самъ обращались въ бѣгство. Конница, вернувшаяся послѣ перваго своего бѣгства, снова уже успѣла бѣжать въ другую сторону,

да и другого какого-либо резерва подъ рукой не было. Но вотъ на сцену явился главнокомандующій. Съ одного взгляда онъ понялъ положеніе; онъ быстро выхватилъ щитъ у ближайшаго солдата, бросился въ первые ряды и своимъ примѣромъ и призывомъ возстановилъ равновѣсіе битвы, высвободивъ войсковыя части изъ тисковъ и прислонивъ оба угрожаемыхъ легіона спиной другъ къ другу. Вскорѣ подошелъ римскій аррьергардъ съ одной стороны, легатъ Лабіенъ во главѣ побѣдоносныхъ легіоновъ лѣваго крыла—съ другой, и окруженный такимъ образомъ непріятель былъ теперь почти совсѣмъ уничтоженъ. Побѣжденные покорились, германцы адуатуки, которые хотѣли прійти къ нимъ на помощь, были принуждены вооруженной силой къ сдачѣ главной своей крѣпости, а такъ какъ они оказались вѣроломными, то свыше 50.000 изъ нихъ были проданы въ неволю.

ГАЙ ЮЛІЙ КЕСАРЬ.
Бюстъ въ Кампо-Санто.

Подчиненіе атлантическихъ племенъ (57 г.). Въ то-же время Кесарь, безъ всякаго другого повода, кромѣ завоевательной цѣли, черезъ молодого Красса принудилъ ареморскія государства при

океанѣ признать римское господство. На зимнихъ квартирахъ остановился онъ на этотъ разъ въ плодоносной долинѣ Луары, въ сердцѣ Галліи. Онъ уже считалъ себя хозяиномъ страны и сдѣлалъ въ сенатѣ предложеніе о полномъ ея присоединеніи къ римскому государству. Пятнадцатидневное благодарственное празднество въ Римѣ было ему наградой за эти заслуги Кесаря; вскорѣ послѣдовало сенатское постановленіе, которымъ ему давалось десять легіоновъ для устройства новой провинціи и ассигновались деньги для вновь набранныхъ легіоновъ.

Вліяніе тріумвировъ въ Римѣ подвергается опасности. Разрѣшеніе это дано было, правда, лишь съ большой неохотой. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ Кесарь покинулъ Римъ, тамъ, если и не на глазахъ свѣта, то все-же въ тайныхъ интригахъ вновь проявилась старая вражда Красса къ его счастливому сопернику Помпею. Онъ стоялъ за спиной Клодія, когда этотъ выказалъ намѣреніе реорганизовать азіатскія дѣла. Изъ-за этого начались схватки между помпеянцами и клодіанцами, и сенатская партія воспользовалась этимъ для того, чтобы добиться возвращенія изгнаннаго Цицерона. Новые выборы на 57 г. благопріятствовали этому плану. Помпей самъ принялъ въ этомъ горячее участіе и получилъ также согласіе Кесаря, за обѣщаніе со стороны Цицерона не предпринимать ничего противъ Юліевыхъ законовъ. Но лишь тогда, когда трибуны Милонъ и Сестій, стоявшіе во главѣ этого движенія, окружили себя вооруженными людьми и взяли верхъ надъ шайками Клодія, центуріатскія комиціи, по единогласному предварительному рѣшенію сената, постановили почетное возвращеніе изгнаннаго и возстановленіе его въ своихъ имѣніяхъ, и онъ вернулся въ столицу среди ликованія гражданъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія Помпею, въ благодарность за его содѣйствіе, поручена была теперь сенатомъ забота о столичномъ продовольственномъ дѣлѣ, съ чрезвычайными полномочіями; но уличныя схватки отъ этого стали только ожесточеннѣе, такъ какъ должность эта отнята была у Клодіева кліента. Новый городской домъ Цицерона былъ разрушенъ, домъ его брата подожженъ, самъ Цицеронъ подвергся нападенію на Sacra via, да и жизнь Помпея тоже не была внѣ опасности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Клодій раскхулилъ предъ всѣмъ народомъ его управленіе продовольственнымъ дѣломъ. А въ сенатѣ ему неуклонно противодѣйствовалъ Крассъ.

Послѣдній въ особенности воспрепятствовалъ тому, чтобы прогнанный александрійцами египетскій царь былъ приведенъ къ нимъ обратно Помпеемъ. Кромѣ того, въ политическихъ процессахъ тѣхъ дней рѣзко сталкивались кесаріанцы и помпеянцы. Чрезъ это сенатская партія набралась духу и напала на Юліево аграрное законодательство, что одинаково вооружило и Кесаря и Помпея, солдаты котораго стали опасаться за свои владѣнія. При такихъ обстоятельствахъ весной 56 г. недовольный Помпей покинулъ городъ, чтобы переговорить съ Кесаремъ, все еще находившимся въ верхней Италіи, о совмѣстныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ.

Конференція въ Лукѣ. Въ Лукѣ (Луккѣ), городѣ цизальпинской Галліи, встрѣтились два человѣка, подѣлившіе между собой, три года назадъ, весь римскій міръ. Помпей явился съ увядшими лаврами, растрепанными уличными героями, Кесарь же со свѣжими вѣнками, прославленный въ Римѣ за свои побѣды надъ неизвѣстными сѣверными народами, а еще болѣе за галльское золото, которое агенты его сыпали полными горстями. Съѣхалось кромѣ того около 200 сенаторовъ и правительственныхъ лицъ со 120 ликторами, среди нихъ и Крассъ. Галльскій проконсулъ показалъ себя ловкимъ, ласковымъ хозяиномъ и ему не трудно было разъяснить обоимъ товарищамъ-тріумвирамъ общность ихъ интересовъ и помирить ихъ. Союзъ былъ возобновленъ; постановили, чтобы Кесарь, по истеченіи срока своей службы, еще пять лѣтъ управлялъ галльскими провинціями, чтобы двое другихъ участниковъ союза получили на слѣдующій годъ консульство, а потомъ доходныя провинціи, по собственному выбору. Крассъ взялся сдерживать Клодія, а Помпей—напомнить Цицерону о его обѣщаніи относительно Юліевыхъ законовъ (стр. 110).

Опасность, угрожавшая тріумвирату, была отвращена. Угрозы и деньги оказали дѣйствіе. Даже Катонъ, вернувшійся изъ своей восточной миссіи и встрѣченный сенатомъ съ большими надеждами, ничего не могъ подѣлать. Юліевы законы остались петронутыми; Кесарю разрѣшено было устройство новой провинціи и ассигнованы деньги для уплаты жалованья усиленному войску.

Второе консульство Помпея и Красса (55 г.); смерть Красса (53 г.); анархія въ Римѣ (54—52 г.). Выборы были оттянуты властителями до новаго года, когда молодой Крассъ привелъ на подмогу сол-

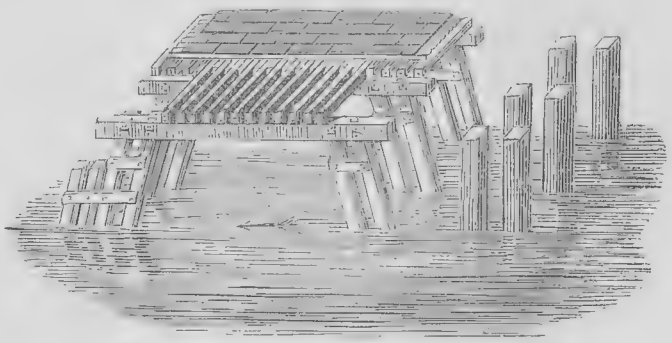
датъ Кесаря. Насиліями и подкупами, примѣненными безпримѣрнымъ образомъ, достигли желаннаго успѣха: почти всѣ должностныя лица оказались на службѣ у тріумвирата. Новые консулы. Помпей и Крассъ, послѣ этого заставили народъ дать имъ на пять лѣтъ, въ видѣ провинцій, Испанію и Сирію, съ легіонами и правомъ войны, причемъ правительственная власть Кесаря была продлена на тотъ-же срокъ. Консулы приняли нѣсколько мѣръ для возстановленія спокойствія, и Помпей открылъ построенный имъ на Марсовомъ полѣ театръ, первый каменный театръ Рима, гимнастическими и мусическими состязаніями и травлей звѣрей, въ которой участвовало 500 львовъ и 18 слоновъ.

Еще до истеченія консульства Крассъ отправился въ свою провинцію, жаждая сравниться военными лаврами со своими товарищами. Но, когда ему въ 53 году пришлось при Каррахъ въ Месопотаміи выдержать бой съ огромнымъ конным войскомъ парѳянъ, онъ былъ разбитъ; при этомъ погибъ его храбрый сынъ. Немного дней спустя, и самъ Крассъ, вступивъ въ мирные переговоры съ коварными врагами, со всѣмъ своимъ штабомъ былъ оцѣпленъ и убитъ. При этомъ погибло 2000 римскихъ солдатъ и 10.000 было захвачено въ плѣнъ. А что было самое худшее: дѣла римскаго государства были таковы, что долгое время нельзя было думать объ отмщеніи за позорное пораженіе.

Помпей предпочелъ управлять Испаніей черезъ легатовъ и оказывать въ резиденціи правительства руководящее вліяніе на выборы, равно какъ и на пренія въ сенатѣ и въ народномъ собраніи. Должность его въ качествѣ завѣдующаго продовольственнымъ дѣломъ представляла для него желанный предлогъ. Безпримѣрные скандалы на выборахъ, на которыхъ попирались законъ и добрые нравы, и судебная травля безъ всякаго вниманія къ виновности или невинности, повлекли за собой эру полной анархіи: должностныя лица дѣлали, что̀ хотѣли, постановленіе рѣшеній въ сенатѣ и народномъ собраніи становилось невозможнымъ изъ-за трибунскихъ протестовъ и сопротивленій, даже выборы не могли состояться. Уличныя схватки были обыденнымъ явленіемъ, Милонъ и Клодій въ особенности давали настоящія битвы. Помпеянцы требовали назначенія диктатора, и когда Клодій, въ одинъ день, былъ убитъ шайками своего противника, а взбѣшенный народъ отнесъ тѣло своего любимца въ зданіе совѣта и сжегъ

послѣдній вмѣстѣ съ трупомъ, сенатъ долженъ былъ согласиться на это. Помпей получилъ порученіе набрать войска для охраны государства и былъ избранъ единымъ консуломъ.

Кесарь расширяетъ и защищаетъ свои завоеванія (56—53). Тѣмъ временемъ Кесарь новыми битвами обезпечилъ и расширилъ свои завоеванія и пріумножилъ свою славу. Въ 56 г. онъ подавилъ возстаніе ареморскихъ государствъ въ морской битвѣ, первой, которую дали римляне на океанѣ, и принудилъ примкнуть къ нему также аквитанскія племена; въ слѣдующемъ году онъ уничтожилъ германскія племена узипетовъ и тенктеровъ, пришедшія изъ-за Нижняго Рейна, и въ томъ-же году переправился

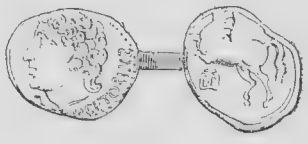


МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ РЕЙНЪ.

по деревянному мосту черезъ Рейнъ, а потомъ съ флотомъ черезъ каналъ, желая карательными экспедиціями внушить какъ германцамъ, такъ и британцамъ уваженіе къ римской державѣ. Затѣмъ онъ превратилъ добровольную военную помощь союза эдуевъ въ обязательную, что́ имѣло своими послѣдствіями казни и возстанія. Эбуроны, нервіи, тревиры, сеноны возстали, и по всей Галліи тайные союзы подготавливали общее возстаніе.

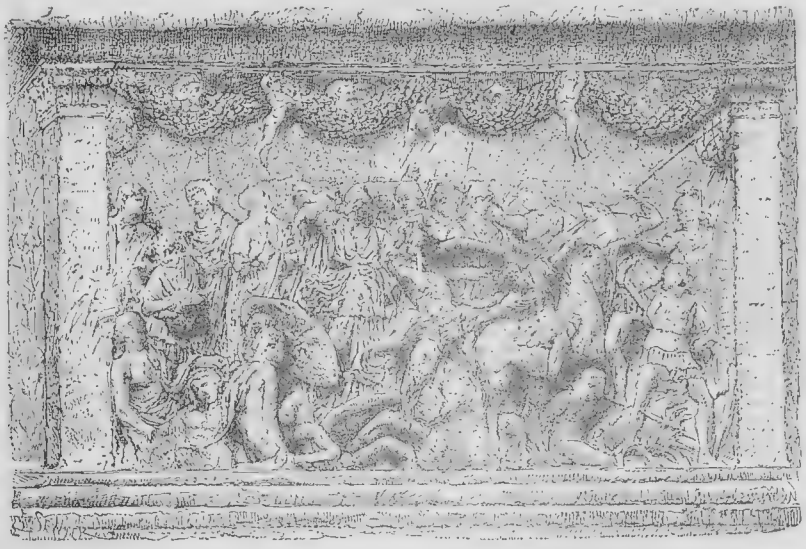
Возстаніе Верцингеторига (52 г.). Когда смуты во время убійства Клодія зимой 52 г., повидимому, должны были задержать Кесаря въ Италіи, въ Галліи вспыхнуло возстаніе. Представители племенъ на соединенныхъ знаменахъ поклялись другъ другу въ вѣрности до гроба, а карнуты, жившіе въ священномъ средоточіи отчизны, дали къ нему сигналъ, перерѣзавъ римскихъ купцовъ и по-

ставщиковъ въ Генабѣ (Gien). Черезъ разставленные сторожевые посты вѣсть эта еще въ тотъ-же день распространилась по всѣмъ областямъ. У арверновъ, сосѣдей Нарбонской провинціи, душой предпріятія сталъ юный Верцингеторигъ, происходившій изъ царскаго рода; онъ съумѣлъ воодушевить и простой народъ. Ставъ, въ качествѣ царя, во главѣ своего племени, онъ привлекъ къ себѣ большинство государствъ между Сеной и Гаронной. Избранный главнокомандующимъ союза, онъ собралъ войско и при помощи жестокой дисциплины создалъ изъ него сплоченное цѣлое. Онъ увлекъ теперь за собой всѣхъ, кто еще колебался, а тѣхъ, кто отказывался, заставилъ слѣдовать за нимъ въ походъ силою. Онъ стоялъ уже на границѣ области эдуевъ; въ то-же время грозило вторженіе въ провинцію: но вотъ Кесарь прибылъ въ Нарбонъ. Здѣсь онъ принялъ необходимыя мѣры обороны, перешелъ затѣмъ съ горстью людей черезъ Севенскія горы, покрытыя на цѣлый метръ слоемъ снѣга, и явился въ совершенно лишенной войскъ странѣ арверновъ, къ ужасу застигнутыхъ врасплохъ жителей. Верцингеторигъ быстро поспѣшилъ туда, и этимъ временемъ ловкій римскій полководецъ воспользовался для того, чтобы добраться до своихъ легіоновъ, послѣ безостановочной скачки день и ночь черезъ ненадежную область эдуевъ. Онъ собралъ вокругъ себя всѣ десять легіоновъ, прежде чѣмъ непріятель даже могъ узнать о его прибытіи. Еще не наступило время для похода; тѣмъ не менѣе Кесарь думалъ, что ему нельзя медлить. Онъ взялъ приступомъ и сжегъ Генабъ и подъ Аварикомъ (Bourges), укрѣпленнымъ постомъ битуриговъ, натолкнулся на врага. Верцингеторигъ помѣстилъ здѣсь надежный гарнизонъ, а самъ сталъ поблизости въ неприступной позиціи, чтобы при помощи своей многочисленной конницы сдѣлать невозможнымъ для римлянъ всякій способъ добыванія провіанта; съ этой-же цѣлью прочіе города страны со всѣми запасами были сожжены. Тѣмъ не менѣе Кесарь началъ возведеніе осадной насыпи въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ состояніе почвы позволяло приблизиться къ городской стѣнѣ, пододвинулъ свои предохранительные навѣсы



Верцингеторигъ.
Имѣется около двадцати монетъ Верцингеторига, и сходство изображенныхъ на нихъ фигуръ позволяетъ думать, что онѣ воспроизводятъ именно его черты.

для воиновъ, дѣйствовавшихъ въ первой линіи, и соорудилъ двѣ подвижныя башни. Онъ могъ, конечно, предъявлять къ своимъ солдатамъ требованія, какъ никакой другой полководецъ. Они не роптали, когда наступила нужда; они преклонились предъ его высшими соображеніями, когда онъ въ одномъ предпріятіи противъ стоявшаго внѣ города войска непріятелей велѣлъ имъ вернуться безъ боя; холодъ и проливные дожди, ночные караулы и вылазки — все выносили они хладнокровно, и даже тысячи хитростей, которыми находчивый непріятель пытался разстроить

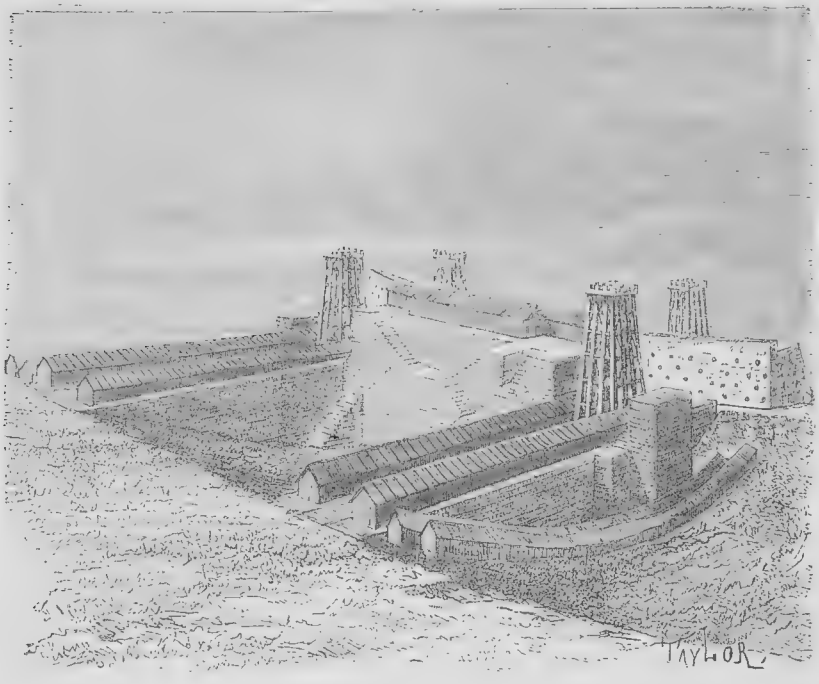


БАРЕЛЬЕФЪ ЮЛІЕВА ПАМЯТНИКА.
Эпизодъ изъ войны съ галлами. Хранится въ С.-Жерменскомъ музеѣ.

планы осаждающихъ, только увеличивали ихъ внимательность и ожесточенность. Наконецъ, насыпь, которая имѣла 100 метровъ длины, и въ концѣ своемъ, подъ городской стѣной, 25 метровъ ширины, была готова, а башни, со стѣнобитнымъ тараномъ въ нижнемъ этажѣ и съ орудіями въ верхнемъ, совсѣмъ ужъ были выдвинуты впередъ: тогда послѣдовала послѣдняя отчаянная вылазка осажденныхъ. Но два легіона, всегда стоявшіе на-готовѣ, отогнали ихъ обратно къ воротамъ, а остальные потушили загорѣвшіяся деревянныя части насыпи и откатили башни назадъ. На слѣдующій день, при страшной непогодѣ, городъ былъ взятъ

приступомъ. Жители его подверглись ярости солдатъ, какъ искупительныя жертвы за убитыхъ въ Генабѣ римскихъ гражданъ.

Кесарь осаждаетъ Герговію; его отступленіе. Верцингеторигъ не палъ духомъ и вскорѣ же возмѣстилъ свои потери; съ другой стороны споръ эдуевъ изъ-за ихъ государственнаго устройства



РИМСКІЯ ОСАДНЫЯ РАБОТЫ.

(С.-Жерменскій музей)

Рисунокъ представляетъ часть галльской стѣны изъ камней и балокъ; на этой стѣнѣ осажденные соорудили двѣ башни, въ противовѣсъ двумъ башнямъ осаждающихъ, которыя господствовали надъ укрѣпленіями, чтобы сгонять оттуда защитниковъ ударами метательныхъ снарядовъ и камней. Vineae или крытыя галлереи подвигаются до подножія стѣнъ, чтобы солдаты подъ ихъ защитой могли пробивать въ нихъ брешь.

заставилъ Кесаря, вмѣсто того чтобы двинуться вслѣдъ за противникомъ въ его область, раздѣлить свои войска, тѣмъ болѣе, что его принуждало къ этому и появленіе новыхъ войскъ на нижней Сенѣ. Поэтому онъ отправилъ половину своего войска, подъ начальствомъ Лабіена, въ угрожаемыя области, а самъ старался войти въ соприкосновеніе со старымъ врагомъ; об-

щій обозъ оставался въ Агединкѣ (Sens). На Элаверѣ (Allier), притокѣ Луары, стоялъ Верцингеторигъ, готовый воспрепятствовать переправѣ Кесаря; когда же послѣдній перехитрилъ его, то онъ поспѣшилъ впереди римлянъ въ Герговію, главный городъ своей родины. Городъ этотъ лежалъ на самой верхней площадкѣ горы, возвышавшейся приблизительно на 400 метровъ надъ долиной, и такъ какъ на склонахъ горы вокругъ него расположено было галльское войско, то онъ походилъ на цитадель огром-

БИТВА РИМЛЯНЪ СЪ ГАЛЛАМИ.
(Рельефъ на саркофагѣ Аммендолы)

ной крѣпости. Кесарь разбилъ свой лагерь къ востоку отъ города, но занялъ также удобную для обороны высоту къ югу и соединилъ обѣ позиціи траншеями. Но эдуи теперь дѣйствительно грозили отпасть отъ римлянъ, и въ этомъ случаѣ сообщенія съ Лабіеномъ были бы прерваны. Поэтому Кесарь рѣшилъ пойти навстрѣчу послѣднему и снять осаду. Смѣлое нападеніе должно было скрыть отступленіе. Насколько возможно замѣтнымъ образомъ, Кесарь послалъ войска на восточную сторону городской горы. Галлы бросили на угрожаемое мѣсто всѣхъ свободныхъ бойцовъ и черезъ это обнажили южную сторону. Тутъ легіоны внезапно устремились изъ закрытой позиціи на гору, на полувы-

сотѣ взобрались на сооруженную здѣсь противниками стѣну и взяли лагери трехъ племенъ, причемъ захватили царя нитіоброговъ Тевтомата во время послѣобѣденнаго сна. Кесарь хотѣлъ этимъ удовольствоваться, такъ какъ большаго достигнуть было нельзя: онъ велѣлъ трубить сборъ, и его лейбъ-легіонъ сейчасъ же остановился; остальные же не послушались команды своихъ офицеровъ и устремились на городскую стѣну. Но здѣсь запыхавшіеся, утомленные воины были отброшены возвратившимися тѣмъ временемъ войсками Верцингеторига и съ чувствительнымъ урономъ сбиты съ горы.

На слѣдующій день Кесарь сдѣлалъ сборъ солдатамъ, хорошенько пробралъ ихъ за ихъ необузданное мужество, предостерегая ихъ однако и отъ преувеличенія силъ непріятеля. Затѣмъ онъ предложилъ Верцингеторигу бой, отъ котораго тотъ уклонился, и двинулся на сѣверъ, чтобы достигнуть Лабіена. За нимъ медленно слѣдовало галльское войско, тогда какъ впереди него отпавшіе эдуи начали занимать берегъ Луары и захватили Новіодунъ (Nevers) вмѣстѣ съ римскими складами, военной казной и галльскими заложниками. Кесарь двигался днемъ и ночью, повелъ войско черезъ сильно вздувшуюся Луару, воды которой доходили солдатамъ до груди, и опустошилъ страну эдуевъ и сеноновъ. Здѣсь онъ соединился съ Лабіеномъ, который, благодаря хитрости и храбрости, спасся изъ не менѣе опаснаго положенія.

Побѣда Кесаря надъ галльской конницей; осада Алезіи. Да и было давно уже пора. Разрозненные до этого очаги возстанія слились воедино; сообщенія съ Нарбонской провинціей совершенно были прерваны, такъ что настоятельно требовавшееся усиленіе конницы надо было произвести посредствомъ вербовокъ въ Германіи; даже сама провинція теперь подвергалась нападенію. Чтобы помочь ей, Кесарь хотѣлъ сначала сдѣлать крюкъ на востокъ, а затѣмъ итти вдоль Арара на югъ. Верцингеторигъ преградилъ ему путь; но конница его, на которую одну только онъ положился, не устояла передъ непреодолимой храбростью германцевъ, и онъ отступилъ къ укрѣпленной Алезіи (Alise Sainte Reine), энергично преслѣдуемый легіонами.

Городъ этотъ лежалъ на окруженной крутыми скалистыми склонами площади длиною въ полчаса пути, а шириной въ де-

сять минутъ и былъ совершенно неприступенъ. Восточные склоны были заняты и укрѣплены галльскимъ войскомъ. Къ западу простиралась обширная равнина, тогда какъ на прочихъ сторонахъ сосѣднія высоты отдѣлены были узкими долинами отъ горы, на которой находился городъ. Кесарь рѣшилъ окружить всю гору

ГАЛЛЪ, ЗАЩИЩАЮЩІЙ СВОЕ ЖИЛИЩЕ.
(Съ барельефа въ Луврскомъ музеѣ).

линіей укрѣпленій длиною въ 4 часа пути, которая въ пригодныхъ для этого мѣстахъ должна была имѣть опорные пункты въ видѣ большихъ и малыхъ окоповъ. Но, прежде чѣмъ кольцо это было замкнуто, Верцингеторигъ выслалъ свою конницу съ порученіемъ вернуться въ мѣсячный срокъ съ большимъ войскомъ на выручку. Узнавъ объ этомъ черезъ перебѣжчиковъ

и плѣнныхъ, Кесарь укрѣпилъ свои позиціи глубокими рвами, насыпью съ палисадникомъ, брустверомъ и башнями и, наконецъ, впереди укрѣпленій устроилъ волчьи ямы, капканы и всяческія препятствія къ приближенію. Затѣмъ съ внѣшней стороны онъ возвелъ вторую линію укрѣпленій такого-же рода, длиною въ пять часовъ пути. А чтобы совершенно приготовиться къ осадѣ, онъ запасся хлѣбомъ и кормомъ. Уже въ Алезіи были истощены съѣстные припасы, когда общее ополченіе галловъ, до 250,000 человѣкъ, подошло на выручку своихъ соплеменниковъ, которые радостно привѣтствовали со стѣнъ города спасителей и тотчасъ же выступили для нападенія на римскія линіи. Затѣмъ слѣдовали три страшныя битвы, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ; для тѣхъ и другихъ стоялъ вопросъ: быть или не быть? Но ни днемъ, ни ночью галламъ не удавалось разорвать желѣзное кольцо. Въ самый опасный день дѣло рѣшилось. Вожди вновь прибывшаго войска открыли слабое мѣсто римскихъ укрѣпленій и со всего натиска набросились на него, въ то время какъ бой продолжалъ бушевать всюду и внутри и внѣ римскаго кольца. Градъ стрѣлъ прогналъ защитниковъ съ вала; препятствія, мѣшавшія приближенію, были заложены землей и фашинами и галлы подъ защитой навѣсовъ устремились впередъ. Передъ такимъ натискомъ не могли устоять расположенные здѣсь два легіона. Кесарь посылалъ подкрѣпленія за подкрѣпленіями и приказалъ Лабіену стянуть для вылазки всѣ войска, которыми можно было располагать. Когда наступилъ этотъ моментъ, то самъ главнокомандующій, замѣтный на большомъ разстояніи по своему пурпурному плащу, во главѣ пѣхоты и конницы поспѣшилъ на мѣсто, пославъ другіе эскадроны ударить въ тылъ нападающихъ. Передъ дружными усиліями непріятель наконецъ отступилъ; ряды его разстроились и обратились въ дикое бѣгство; бой закончился кровавою рѣзнею.

Послѣ пораженія ядра войска остальная масса галловъ, упавъ духомъ, вернулась въ лагерь и вскорѣ совершенно разсѣялась. Въ Алезіи, у которой уже не оставалось никакой надежды, вожди собрались на совѣщаніе. Среди нихъ поднялся арвернскій царь, не согбенный несчастіемъ. Онъ заявилъ, что взялся за оружіе только ради свободы отечества, но что онъ готовъ отдаться въ руки побѣдителя, какъ искупительная жертва за несчастную

націю. Галлы, повинуясь требованію врага, не устыдились выдать собственнаго полководца. Верхомъ на конѣ, въ полномъ вооруженіи явился послѣдній герой галльской націи предъ римскимъ проконсуломъ, который сидѣлъ на высокихъ подмосткахъ, окруженный своими офицерами, впереди оконовъ, занятыхъ солдатами. Онъ объѣхалъ вокругъ трибунала, отдалъ коня и оружіе и молча опустился у ступеней передъ Кесаремъ. Но тотъ не

УМИРАЮЩІЙ ГАЛЛЪ.
(Въ Капитолійскомъ музеѣ).

оказалъ пощады мужественному бойцу свободы; онъ велѣлъ его заковать въ цѣпи, чтобы сохранить его для тріумфа, а потомъ казнить, какъ государственнаго измѣнника. Это было дѣяніе, котораго нельзя смягчить никакимъ извиняющимъ основаніемъ.

Этою побѣдой покореніе Галліи было рѣшено, ибо упорное сопротивленіе отдѣльныхъ племенъ было сломлено еще въ теченіе осени и зимы и окончательно подавлено въ слѣдующемъ году. Съ той поры Кесарь старался примирить покоренныхъ съ

новымъ положеніемъ посредствомъ мягкаго правленія, сносными податными тягостями, дарованіемъ наградъ и отличій цѣлымъ племенамъ, особенно знати. Ему важно было въ виду предстоявшаго сложенія съ себя намѣстничества оставить все позади себя въ спокойствіи. Лѣтомъ 50 г. онъ вернулся опять въ Цизальпинскую провинцію, чтобы настроить тамошнихъ римскихъ гражданъ въ пользу своей предстоящей кандидатуры на должность консула. Ликующая толпа высыпала съ дѣтьми изъ разукрашенныхъ воротъ навстрѣчу побѣдителю кельтовъ и проводила его по улицамъ, красовавшимся въ праздничномъ убранствѣ.

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА МЕЖДУ ПОМПЕЕМЪ И КЕСАРЕМЪ.

Распаденіе тріумвирата (52—50 гг.). Восторженный пріемъ въ его старой провинціи долженъ былъ ему быть вдвойнѣ пріятенъ, въ виду совершенно измѣнившагося политическаго положенія. Дѣло въ томъ, что тріумвиратъ распался. Юлія, скрѣпившая узы между Кесаремъ и Помпеемъ, умерла; Крассъ на парѳянскомъ своемъ походѣ потерялъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ битву, войско и жизнь, а Помпей въ третье свое консульство помирился съ сенатомъ, чтобы пріобрѣсти крѣпкую опору противъ страшнаго соперника, возвращеніе котораго было близко. Съ тѣхъ поръ этотъ тріумвиръ держалъ въ своихъ рукахъ правительственную машину: испанское намѣстничество было ему продлено на пять лѣтъ; выборы получили желательные для него результаты; въ сенатѣ принимались враждебныя Кесарю рѣшенія, и уже начинались пренія объ отозваніи его изъ провинціи. По закону, провинцію онъ сохранялъ за собой до 1 марта 49 года; но, опираясь на народное рѣшеніе, которымъ ему дозволялось заочно, оставаясь въ провинціи, выступить кандидатомъ въ консулы, онъ требовалъ, чтобы за нимъ оставили командованіе до конца года. Онъ имѣлъ достаточно причинъ опасаться, что если-бы онъ вернулся частнымъ лицомъ, то его погубили бы судебными процессами, и потому хотѣлъ сложить командованіе только послѣ своего избранія въ консулы. Защитникомъ его интересовъ въ Римѣ былъ народный трибунъ Скрибоній Куріонъ, который по смерти

Клодія женился на вдовѣ послѣдняго. Когда сенатъ принялъ рѣшеніе, что Кесарю сначала слѣдуетъ сложить свою должность, онъ заявилъ протестъ, мотивируя его тѣмъ, что при существующей между властителями натянутости спокойствіе могло бы быть сохранено только тогда, когда бы они оба сложили свои намѣстничества и распустили свои войска. На томъ и остановились, пока консулъ Марцеллъ самовластно не пригласилъ Помпея набрать

КАРТА ПОХОДА КЕСАРЯ НА ПОМПЕЯ.

солдатъ для охраны города и не передалъ ему командованія тѣми двумя легіонами, которые Кесарь далъ для грозившей войны съ парѳянами. Послѣ этого Куріонъ покинулъ Римъ и отправился къ Кесарю, чтобы пригласить его къ объявленію войны. Однако послѣдній не хотѣлъ сдѣлать этого рѣшающаго шага прежде, нежели противники окажутся самымъ явнымъ образомъ неправыми. Онъ просилъ оставить за нимъ до вступленія въ консульство по крайней мѣрѣ часть своихъ провинцій и два легіона, но заявилъ себя по-прежнему готовымъ одновременно

съ Помпеемъ отказаться отъ всего, а трибуны Маркъ Антоній и Гай Кассій поддерживали эти предложенія передъ сенатомъ. Но послѣдній ни на что не соглашался и 7-го января 49 г. издалъ Senatus consultum ultimum (стр. 16), противъ опасностей, угрожавшихъ со стороны Кесаря. Когда трибуны заявили протестъ, то власти и Помпей были уполномочены въ случаѣ нужды примѣнить противъ строптивыхъ силу. Тогда Антоній и Кассій съ другими именитыми представителями партіи бѣжали къ Кесарю, призывая его на защиту трибуната. Вѣсть объ этихъ происшествіяхъ застала Кесаря въ Равеннѣ. При немъ былъ только одинъ легіонъ, прочіе стояли у эдуевъ и бельговъ. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ теперь вызовъ, подчеркнулъ въ рѣчи, съ которой онъ обратился къ своимъ солдатамъ, что народныя права находятся въ опасности, и повелъ ихъ черезъ Рубиконъ, границу Италіи; другіе его легіоны получили приказъ двинуться вслѣдъ за нимъ. Жребій былъ брошенъ, междоусобная война началась, съ обѣихъ сторонъ во имя конституціи, но и съ обѣихъ сторонъ для ея ниспроверженія: рѣшеніе спора должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ новую диктатуру.

Кесарь завоевываетъ Италію. Кесарь перешелъ Рубиконъ въ ночь съ 10 на 11 января. Въ Римѣ не разсчитывали на зимній походъ. Только-что начали производить наборы, чтобы навязать волю сената непокорному намѣстнику, и Домицій Агенобарбъ, который долженъ былъ управлять Трансальпинской Галліей, въ качествѣ консульской провинціи, набиралъ войско въ Корфиніѣ, въ странѣ пелигновъ, а Помпей—въ Апуліи и Кампаніи. Когда пришла вѣсть о вступленіи Кесаря въ Италію, Помпею пришлось выслушать въ сенатѣ горькіе упреки; но ему все-таки поручено было главное начальство, а когда онъ объявилъ необходимымъ, то было рѣшено, что сенатъ и власти должны покинуть городъ, для того, чтобы правительственная машина не попала въ руки противника. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни главнокомандующій, консулы и другіе магистраты, вмѣстѣ съ многочисленными сенаторами и всадниками, сломя голову бѣжали изъ города, такъ что второпяхъ забыли даже наличность государственной казны въ храмѣ Сатурна. Въ то-же время старались задержать врага переговорами. Но когда Лабіенъ, лучшій легатъ Кесаря, прибылъ съ отрядомъ кельтскихъ всадниковъ въ главную квартиру Пом-

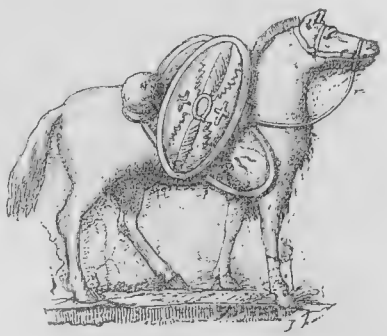
пея, чтобы предоставить свой мечъ въ распоряженіе Помпея и сената, и сдѣлалъ успокоительныя сообщенія о силахъ Кесаревыхъ войскъ, то снова стали неуступчивѣе и поставили противнику требованія, на которыя онъ не могъ согласиться. Кесарь, отгадывавшій намѣренія Помпея, лично оставаясь въ пограничномъ городѣ Аримипѣ, пока длились переговоры, распоря-

ЮЛІЙ КЕСАРЬ.
Бюстъ Неаполитанскаго музея.

дился о занятіи Адріатическаго побережья до Анконы и этрусскаго города Арретія и о наборѣ войска. Когда наконецъ изъ непріятельской главной квартиры былъ полученъ совершенно неудовлетворительный отвѣтъ, сдѣлавшій невозможнымъ продолженіе переговоровъ, Кесарь вторгся далѣе въ Пиценъ и Умбрію. Всюду онъ останавливалъ помпеянскіе наборы и побудилъ бо́льшую часть навербованныхъ солдатъ перейти въ свое войско.

Тѣмъ временемъ его нагналъ 12-ый легіонъ, и онъ могъ теперь отважиться напасть на самую сѣверную изъ главныхъ позицій противниковъ, на Корфиніи. Здѣсь Домицій, будучи во главѣ 15.000 сабелловъ, считалъ себя въ состояніи остановить наступленіе врага и заманить его, при содѣйствіи Помпея, въ ловушку; вопреки всѣмъ предостереженіямъ онъ остался тутъ и приготовился выдерживать осаду. Однако Помпей не довѣрялъ ни своимъ старымъ войскамъ, которыя въ сущности состояли изъ двухъ присланныхъ Кесаремъ легіоновъ (стр. 123), ни вновь набраннымъ войскамъ, которые, гдѣ было возможно, переходили къ непріятелю, и подготавливалъ поэтому свое отступленіе изъ Италіи на востокъ, гдѣ и цари и народы ждали только его указаній. Дѣло Домиція этимъ было погублено: онъ хотѣлъ уйти украдкой отъ своихъ войскъ, но тѣ его захватили въ плѣнъ и выдали Кесарю, сдавшись въ то-же время на капитуляцію и перешедши на службу врага. Вмѣстѣ съ Домиціемъ въ руки Кесаря попали пять сенаторовъ, многочисленные всадники, молодые аристократы, городскіе магистраты. Они ждали самой скверной участи; но какъ удивились они, когда Кесарь защитилъ ихъ отъ поношеній солдатъ, оставилъ имъ жизнь и свободу и благородно отомстилъ имъ лишь тѣмъ, что прочелъ имъ краткое наставленіе о долгѣ благодарности по отношенію къ благодѣтелямъ и заслуженнымъ государственнымъ людямъ! Войско Домиція онъ заставилъ присягнуть себѣ и отправилъ въ Сицилію, чтобы отнять этотъ островъ у противника. Но онъ задержался семь дней около Корфиніи, и этимъ драгоцѣннымъ временемъ воспользовался Помпей, чтобы стянуть свои разсѣянные отряды и уйти на югъ. Кесарь спѣшилъ, какъ только могъ, и всеобщее удивленіе вызывали переходы его ветеранскихъ легіоновъ, къ которымъ прибавился теперь восьмой; три свѣжихъ легіона, составленные изъ вновь набранныхъ солдатъ и изъ отрядовъ Помпея, захваченныхъ по дорогѣ, слѣдовали за нимъ. Утромъ 21 февраля сданъ былъ Корфиній, и уже послѣ полудня войсковыя колонны двинулись на юго-востокъ и сдѣлали 23 километра. 9 марта онъ прибылъ подъ Брундизій; значитъ едва въ 17 дней онъ сдѣлалъ путь въ 484 километра. Не давая отдыха ни себѣ, ни солдатамъ, онъ приступилъ къ новой громадной работѣ. Консулы съ бо́льшей частью Помпеева войска уже отплыли въ Диррахій на противо-

положный берегъ Адріатическаго моря, и Помпей приблизительно съ 10.000 человѣкъ ждалъ въ Брундизіѣ возвращенія транспортнаго флота, чтобы послѣдовать ихъ примѣру. Кесарь сдѣлалъ попытку помѣшать этому и однимъ ударомъ окончить войну: онъ началъ преграждать входъ въ гавань дамбою и укрѣпленными на якоряхъ плотами, которые онъ превратилъ въ пловучія крѣпости. Однако Помпей не затруднялся успѣшными отвѣтными мѣропріятіями, и когда его транспортный флотъ вошелъ въ гавань, то ему при наступленіи ночи удалось безъ большихъ потерь уйти вмѣстѣ съ войскомъ.



Римская вьючная лошадь

Кесарь побѣждаетъ помпеянцевъ въ Италіи. Охотно Кесарь послѣдовалъ бы за бѣгущимъ врагомъ и за море, если-бы послѣдній не успѣлъ забрать всѣхъ судовъ и чрезъ это сдѣлать невозможнымъ немедленное преслѣдованіе. Кромѣ того, надо было опасаться, что, пока Кесарь боролся бы на востокѣ, подчиненные Помпею полководцы подкрѣпили бы семь испанскихъ ветеранскихъ легіоновъ туземными войсками и повели бы ихъ, въ тылу у Кесаря, на Галлію и Италію, чтобы дать вздохнуть своему главному намѣстнику. Такимъ образомъ, Кесарь рѣшилъ отправиться сначала въ Испанію противъ „войска безъ полководца“, а затѣмъ снова обратиться на „полководца безъ войска“. Тѣмъ временемъ надо было собрать суда въ гавани Брундизія, а легаты его должны были отнять у противниковъ Сардинію, Сицилію и африканскую провинцію.

Самъ онъ отправился въ Римъ. Но и теперь не было рѣчи о казняхъ и объ объявленіяхъ опалы, онъ не хотѣлъ даже вступать въ городъ, такъ какъ былъ облеченъ главнымъ военнымъ начальствомъ, и бѣжавшіе къ нему трибуны (стр. 123—124) созвали сенатъ въ храмѣ внѣ стѣнъ города. Всѣ, кто не бѣжалъ къ Помпею, или, подобно Цицерону, оставался на своей виллѣ, будучи не въ силахъ свыкнуться съ новыми обстоятельствами, явились выслушать оправданіе Кесаремъ своего поведенія. Рѣшено было отправить

пословъ къ Помпею, чтобы сдѣлать ему представленія о соглашеніи. Но никто не хотѣлъ брать на себя это порученіе въ виду опасности враждебнаго отношенія со стороны помпеянцевъ. Кесарю нужны были деньги, и по его побужденію сдѣлано было предложеніе позволить ему распоряжаться государственной казной. Противъ этого былъ заявленъ протестъ нѣсколькими народными трибунами, и тутъ оказалось, что уваженіе властителя къ правамъ народа вполнѣ зависѣло отъ соображеній личной его выгоды: онъ самъ появился въ городѣ и силой проникъ въ государственное казнохранилище; трибуну же, дерзнувшему своею собственной неприкосновенной персоной заградить ему доступъ, онъ пригрозилъ смертью. Затѣмъ онъ отправился съ похищенными деньгами на новый театръ войны.

Въ то время какъ шесть галльскихъ легіоновъ вмѣстѣ съ конницей, численностью всего до 36.000 человѣкъ, тронулись по направленію къ Пиренеямъ, самъ Кесарь былъ задержанъ непріязненнымъ поведеніемъ города Массиліи (Марсели). Этотъ большой приморскій городъ составлялъ самостоятельную общину, но находился въ старинномъ союзѣ съ Римомъ. При приближеніи Кесаря, жители заперли свои ворота и заявили, что во внутренней борьбѣ своихъ союзниковъ они не желаютъ стать ни на чью сторону. Но въ то-же время они впустили въ свою гавань помпеянца Домиція, который хотѣлъ завладѣть своимъ намѣстничествомъ (стр. 124), вмѣстѣ съ его эскадрой и поручили ему защиту города. Столь важный пунктъ, откуда можно было прервать сообщенія съ Италіей и натворить несказанныхъ бѣдъ среди только-что покоренныхъ галльскихъ племенъ, нельзя было оставить во враждебныхъ рукахъ. Поэтому Кесарь оставилъ подъ Массиліей три легіона, привезенные изъ Италіи, подъ начальствомъ Требонія, съ приказомъ осадить городъ; самъ онъ съ 900 всадниками послѣдовалъ за прочими войсками, уже натолкнувшимися на непріятеля.

Онъ засталъ ихъ въ четырехъ часахъ пути къ сѣверу отъ Эбро у Илерды (Лериды), на правомъ берегу рѣки Сикориса (Segre), текущей съ передовыхъ отроговъ Пиренейскихъ горъ къ Эбро; напротивъ нихъ стояли помпеянцы съ пятью легіонами и многочисленными пѣшими и конными туземными войсками, числомъ до 70.000 человѣкъ, подъ начальствомъ испытанныхъ ге-

нераловъ Афранія и Петрея; они занимали сильную позицію въ возвышенной Илердѣ, и на укрѣпленномъ холмѣ, расположенномъ въ 300 шагахъ оттуда. Оба войска сообщались посредствомъ мостовъ съ лѣвымъ берегомъ, откуда они добывали свой провіантъ. Когда прибылъ Кесарь, то онъ предложилъ непріятелю бой и разбилъ свой лагерь подъ самыми валами. Но смѣлая попытка оттѣснить отъ города помпеянцевъ, стоявшихъ на холмѣ, была отражена съ большимъ урономъ, и внезапно наступившее половодье снесло мосты Кесаря, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ

ЛЕРИДА (Илерда) по Штоффелю.

ограничиться тѣснымъ пространствомъ между Сикорисомъ и другимъ притокомъ. Подвозъ провіанта былъ отрѣзанъ, и нужда въ лагерѣ быстро брала верхъ, тогда какъ противники пользовались тѣмъ болѣе удобнымъ сообщеніемъ по каменному городскому мосту. Всѣ попытки выстроить новые мосты разбивались о силу водъ и о бдительность непріятельскихъ стрѣлковъ изъ лука. Наконецъ, болѣе чѣмъ въ четырехъ часахъ пути вверхъ по теченію устроены были изъ новыхъ прутьевъ и кожи легкіе челноки, какіе приходилось видѣть въ Британіи, и переправили одинъ легіонъ и всадниковъ. Когда же затѣмъ можно было окончить постройку моста, то вмѣстѣ съ избыткомъ съѣстныхъ припасовъ

вернулся и воинскій духъ, тогда какъ непріятель, окружаемый и пугаемый превосходной конницей, попалъ въ стѣсненное положеніе. А когда Кесарь, для болѣе близкаго и безопаснаго сообщенія съ лѣвымъ берегомъ, посредствомъ отвода части воды устроилъ бродъ, помпеянцы въ одну ночь совсѣмъ убрались на югъ, чтобы занять новую позицію по ту сторону Ибро.

Но конница Кесаря слѣдовала за ними по пятамъ, пѣхота смѣло перешла черезъ рѣку въ бродъ, хотя вода приходилась людямъ по плечи. Настигли непріятеля, принудили его къ возвращенію и съумѣли также отрѣзать его отъ Илерды. Когда же затѣмъ были приняты мѣры для полнаго оцѣпленія помпеянцевъ, послѣдніе сдались 2 августа 49 до Р. Хр. Большинство изъ нихъ поступило на службу къ побѣдителю; военачальники же, согласно съ мягкимъ образомъ дѣйствій Кесаря отпущенные на волю, отправились къ старому своему повелителю. Такимъ образомъ, Кесарь въ 40 дней, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства и почти безъ всякихъ потерь, выбилъ съ арены войны армію въ два раза болѣе сильную, состоявшую изъ отборнѣйшихъ войскъ непріятеля, подъ начальствомъ его опытнѣйшихъ генераловъ; этотъ стратегическій подвигъ вызывалъ во всѣ времена удивленіе свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей. Съ распаденіемъ войска испанскія провинціи попали во власть побѣдителя. Ибо и Теренцій Варронъ, командовавшій вмѣсто Помпея въ Испаніи по ту сторону Эбро, не могъ со своими двумя легіонами и флотомъ остановить общаго отпаденія и сдался на капитуляцію. Въ концѣ августа Кесарь отправился изъ Гадеса (Кадикса) обратно въ Италію, до Тарракона (Таррагоны) моремъ, а оттуда сухимъ путемъ до Массиліи. Теперь только сдался этотъ городъ, упорное сопротивленіе и вѣроломство жителей котораго до крайности ожесточило осадныя войска. Тѣмъ не менѣе онъ, какъ исходный пунктъ высшей цивилизаціи на дальнемъ западѣ, встрѣтилъ снисходительное къ себѣ отношеніе, хотя и утратилъ свою политическую самостоятельность, добрую часть своей территоріи и всѣ оружейные и флотскіе запасы

Кесарь—диктаторъ въ Римѣ (ноябрь 49 г.). Въ концѣ ноября Кесарь вернулся въ Римъ, гдѣ его тѣмъ временемъ назначили диктаторомъ. Обстоятельства, которыя онъ здѣсь засталъ, вызвали довольно сильныя опасенія, несмотря на его успѣхи.

Правда, благодаря принятымъ военнымъ мѣрамъ, Италія осталась избавленной отъ нападеній Помпея, и у помпеянцевъ были отняты также Сардинія и Сицилія. Однако безнадежное экономическое положеніе и общее отсутствіе безопасности создавали чрезвычайно сильное безпокойство, а временные успѣхи пом-

ЮЛІЙ КЕСАРЬ.
«Статуя въ тогѣ» въ Берлинскомъ музеѣ.

пеянцевъ въ Испаніи побудили не мало членовъ знати отправиться въ главную квартиру Помпея; Цицеронъ тоже ушелъ отъ невыносимыхъ безпокойствъ и бѣжалъ за море. Кромѣ того, подчиненные Кесарю военачальники и въ Африкѣ и въ Иллиріи оказались несчастливыми; въ первой Куріонъ со своими легіонами былъ побѣжденъ на рѣкѣ Баградѣ нумидійскимъ царемъ

Юбой, а во второй братъ трибуна Антонія, Гай, долженъ былъ сдаться помпеянцамъ.

Диктаторъ тотчасъ-же произвелъ выборы на слѣдующій годъ. Они всѣ оказались для него благопріятными; самъ онъ съ Сервиліемъ Ватіей стали консулами. Затѣмъ онъ укрѣпилъ свое положеніе, въ Римѣ — упорядоченіемъ кредитныхъ отношеній, раздачей хлѣба и возвращеніемъ своихъ приверженцевъ, осужденныхъ партійнымъ судомъ послѣднихъ годовъ; внѣ его — почестями, оказанными враждебнымъ Юбѣ мавританскимъ царямъ, дарованіемъ правъ гражданства транспаданцамъ и гадитанцамъ за ихъ заслуги передъ нимъ, и, наконецъ, тѣмъ, что онъ добился для себя полномочія, не подвергаясь отвѣтственности, дѣлать распоряженія, напр. о провинціяхъ, которыя онъ роздалъ надежнымъ людямъ. Послѣ этого онъ поспѣшилъ въ Брундизій, чтобы перевести легіоны для рѣшительной борьбы въ Грецію.

Кесарь высаживается въ Эпирѣ. У Помпея главная квартира была въ Θессалоникѣ, въ Македоніи. Привезенные изъ Италіи легіоны онъ пополнилъ испанскими бѣглецами, плѣнными кесаріанцами и добровольцами, кромѣ того вызвалъ къ себѣ киликійскіе и сирійскіе легіоны и набралъ новые среди жившихъ на востокѣ италиковъ; всѣ наличныя войска онъ усердно обучалъ; остальныя были уже на пути къ нему. Къ этимъ 50.000 человѣкъ пѣхоты мало-по-малу присоединилась пестрая конница изъ азіатовъ, оракійцевъ и нумидійцевъ, числомъ до 7.000 лошадей. Флотъ въ 500 кораблей господствовалъ на морѣ. Въ распоряженіи Помпея находились богатыя денежныя средства и военные запасы; они были собраны въ Диррахіѣ (Durazzo), откуда онъ собирался начать наступленіе весной 48 г.

Не окончивъ еще вполнѣ всѣхъ вооруженій, полководецъ медленно двинулся шоссейными дорогами черезъ горы къ иллирійскому берегу. Онъ уже успѣлъ перейти границу Македоніи, когда прибыло извѣстіе о томъ, что Кесарь высадился въ одной бухтѣ Акрокеравнскихъ горъ, взялъ Орикъ и Аполлонію и идетъ прямо на Диррахій. Генерь надо было спѣшить, и Помпею дѣйствительно удалось продолжавшимися день и ночь переходами достигнуть города еще раньше врага.

Снова Кесарь засталъ своихъ противниковъ врасплохъ. Онъ

высадился и укрѣпился на берегу почти на глазахъ у ихъ флота, который превосходилъ его силами, но не былъ готовъ къ плаванію. Правда, съ нимъ было только около 20.000 человѣкъ: на корабляхъ, дожидавшихся его въ гавани Брундизія, нельзя было заразъ переправить больше, и транспортный флотъ сейчасъ-же вернулся за остальными войсками. Но помпеянскій адмиралъ Бибулъ, старый противникъ Кесаря (стр. 96), теперь былъ на сторожѣ. Онъ не только нанесъ значительныя потери возвращавшемуся флоту, но и устроилъ вдоль побережья строгую сторожевую службу, а Скрибоній сталъ даже съ эскадрой передъ Брундизійскимъ портомъ. Остававшимся тамъ легіонамъ невозможно было послѣдовать за своимъ полководцемъ. Положеніе послѣдняго было мучительно. Стояла зима, припасы въ гористой странѣ были скудны; приходилось посылать сильные отряды на далекія разстоянія за самымъ необходимымъ подвозомъ, и это въ виду вдвое сильнѣйшаго врага, располагавшаго многочисленной конницей. Проходилъ одинъ мѣсяцъ за другимъ; былъ уже февраль, и подкрѣпленія Помпея могли прибыть не сегодня — завтра. Кесарь все нетерпѣливѣе поглядывалъ на море, стараясь высмотрѣть свои корабли, отъ которыхъ онъ былъ отрѣзанъ. Наконецъ, однажды ночью, въ непогоду, онъ сѣлъ въ рыбачью лодку, чтобы самому поѣхать за своими легіонами. Оробѣвшаго лодочника онъ ободрилъ словами: „Ты везешь Кесаря и его счастье!“ Но вѣтеръ и непогода были сильнѣе его: онъ долженъ былъ вернуться назадъ.

На другомъ берегу Антоній съ такимъ же нетерпѣніемъ дожидался благопріятнаго момента. Занявъ мѣста у берега, онъ заставилъ Скрибонія уйти отъ входа въ гавань и въ началѣ апрѣля 48 г. отважился съ четырьмя легіонами выйти въ море. Попутный южный вѣтеръ надулъ паруса и быстро пронесъ его мимо непріятельскихъ галеръ, но и мимо двухъ лагерей и Диррахія на сѣверъ, въ гавань дружественнаго Лисса. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ восточныя горы, гдѣ его тщетно подстерегалъ Помпей, и соединился съ Кесаремъ, который теперь почувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы не только перейти въ наступленіе, но и отправить отдѣльные отряды въ Грецію и два легіона, подъ начальствомъ Доминія Кальвина, противъ наступавшаго изъ Сиріи намѣстника Сципіона.

Сраженія у Диррахія (апрѣль—іюнь 48 г.). Помпей отступилъ

поближе къ Диррахію; но Кесарь втиснулся силою между его лагеремъ и городомъ, послѣ чего Помпей занялъ новую позицію на берегу, чтобы сохранить по крайней мѣрѣ морское сообщеніе съ городомъ, гдѣ находились его склады оружія и припасовъ. Это была небольшая, открывающаяся къ морю равнина, замыкаемая холмами. Такъ какъ флегматичнаго противника ничѣмъ нельзя было вызвать на бой, то Кесарь заперъ его здѣсь линіей укрѣпленій, чтобы по крайней мѣрѣ сдѣлать безвредной его конницу и нанести ущербъ его репутаціи. Предпріятіе это было опасно. Непріятели были многочисленны, нисколько не ослаблены и бодры духомъ и, такъ какъ ихъ морскія сообщенія не могли быть отрѣзаны, то и нельзя было заморить ихъ голодомъ. Однако со своими ветеранами Кесарь считалъ для себя возможнымъ отважиться и на это. Помпей не уходилъ; онъ былъ увѣренъ въ удачѣ и заявлялъ, что не желаетъ болѣе называться полководцемъ, если противнику его не придется отступить съ большимъ урономъ. Онъ какъ можно болѣе растягивалъ линію своихъ укрѣпленій и день и ночь безпокоилъ осаждающихъ своими нападеніями. Но тѣ держались твердо. Такъ какъ вся пшеница вышла, то хлѣбъ стали готовить изъ ячменя, стручковыхъ плодовъ или какого-то сладкаго корня, приправленнаго молокомъ; еще охотнѣе ѣли мясо. При этомъ всѣ работали не покладая рукъ, пока не была окончена линія фортовъ и окоповъ длиною въ $22^1/_2$ километра. Ручьи, стекавшіе въ море, были отведены въ сторону, такъ что помпеянцы должны были рыть колодцы и приближаться къ болотистому берегу. Вскорѣ у запертаго войска не оказалось болѣе зеленаго корма для лошадей: ихъ отправили въ Диррахій. Но такъ какъ Кесарь не выпускалъ ихъ изъ воротъ города, то онѣ нисколько не поправились и вернулись къ войску. Правда, кормъ привозился на корабляхъ изъ Коркиры и Акарнаніи, но его не хватало. Словомъ, Помпею надо было разорвать обведенное вокругъ него кольцо, если онъ не желалъ гибели своей конницы, гордости своего войска.

Тогда-то онъ узналъ отъ перебѣжчиковъ изъ племени аллоброговъ, что валъ съ южной стороны у берега не вполнѣ законченъ. Хотя въ этомъ пунктѣ внутреннихъ укрѣпленій, которому грозила особая опасность со стороны моря, Кесарь и велѣлъ прибавить внѣшнюю линію укрѣпленій, для прикрытія отъ напа-

деній съ тыла, но между этими двумя линіями было разстояніе приблизительно въ 200 метровъ и ихъ упустили, обезопасить поперечнымъ валомъ по направленію къ берегу. Узнавъ объ этомъ, Помпей напалъ теперь здѣсь извнутри и извнѣ. Храбрецами овладѣло замѣшательство; много центуріоновъ пало отъ копій и мечей; знаменщикъ легіона, умирая, поднялъ свое знамя и передалъ вѣрнымъ товарищамъ, которые и спасли его; но первый окопъ былъ взятъ и побѣдоносные непріятели послѣдовали за бѣгущими, пока ихъ не остановилъ Антоній.

ВИДЪ ДИРРАХІЯ СО СТОРОНЫ ЗАЛИВА.

Кесарь прибылъ слишкомъ поздно съ наскоро собранными когортами и не могъ уже измѣнить исхода боя: непріятель прорвался и окопался внѣ вала. Чтобы задержать его, Кесарь разбилъ рядомъ съ нимъ лагерь и укрѣпилъ его. Но вотъ онъ увидѣлъ за рощей непріятельскій легіонъ, возвращавшійся къ старому своему лагерю внутри вала, и быстро рѣшилъ напасть на него и такимъ образомъ загладить понесенную сегодня неудачу. Цѣли этой можно было достичь только чрезвычайной быстротой; ибо данный легіонъ находился уже только въ 500 шагахъ отъ новаго лагеря Помпея, и надо было захватить его, прежде чѣмъ тотъ пришелъ бы на помощь. Дѣйствительно, продолжая

окопныя работы, удалось на короткое время обмануть непріятеля, и Кесарь съ лѣвой наступательной колонной взошелъ на валъ и оттѣснилъ помпеянцевъ къ заднимъ воротамъ. Но правая колонна по невѣдѣнію попала въ старыя укрѣпленія, и пока она здѣсь искала выхода, время ушло и сама она отдалилась отъ своихъ. Въ этомъ опасномъ положеніи услышали непріятельскіе сигналы; взобравшись на валъ, увидѣли пять легіоновъ, которые приводилъ самъ Помпей. Запертые окопами и рвами, солдаты Кесаря сочли себя погибшими, кинулись съ валовъ, давя другъ друга, и старались спастись, насколько было возможно. Самъ Кесарь тщетно останавливалъ бѣгущихъ. Одинъ, задержанный имъ, солдатъ хотѣлъ даже заколоть его, но другой отсѣкъ ему руку, поднятую уже для удара. Если бы самого Помпея не задерживали въ преслѣдованіи окопы и страхъ передъ засадой, то онъ одержалъ бы полную побѣду. Но и такъ этотъ день обошелся Кесарю въ 1000 человѣкъ рядовыхъ, 32 центуріона и многихъ офицеровъ; 32 знамени попали въ руки непріятеля. Помпей предсказалъ правильно, и солдаты его справедливо провозгласили его imperator'омъ.

Битва при Фарсалѣ (9 авг. 48 г.). Положеніе Кесаря послѣ этой потери стало шаткимъ, ибо и мелкія его эскадры на морѣ всѣ были уничтожены молодымъ Гнеемъ Помпеемъ, предпріимчивымъ сыномъ главнокомандующаго. Онъ тутъ понялъ, что рискнулъ на опасную игру и проигралъ ее. Поэтому онъ рѣшилъ притянуть къ себѣ своего легата Домиція, стоявшаго между Помпеемъ и Сципіономъ, и перенести театръ войны внутрь страны, гдѣ противнику не могло быть полезнымъ его господство на морѣ. Поднявъ духъ своихъ легіоновъ, онъ сначала мастерски руководилъ отступленіемъ въ Аполлонію, чтобы отпустить раненыхъ на излѣченіе, уплатить солдатамъ жалованье и распорядиться оборономъ принадлежащихъ ему прибрежныхъ городовъ. Затѣмъ онъ пошелъ вверхъ по дикой долинѣ Аоя, перешелъ черезъ горный хребетъ и вторгся въ Ѳессалію, гдѣ, по соединеніи со своимъ легатомъ, завоевалъ всѣ города, кромѣ Ларисы. Здѣсь Сципіонъ съ сирійскими легіонами дожидался прибытія Помпея. Послѣдній, послѣ того какъ бросилъ преслѣдованіе Кесаря, пошелъ по Эгнатіевой дорогѣ на востокъ, чтобы напасть со своими превосходными силами на войско Домиція, и, когда это ему не удалось, свернулъ на югъ. У Ларисы онъ соединился съ Сципіономъ.

Получившееся отъ этого крупное усиленіе помпеянцевъ до-нельзя подняло надменность побѣдителей при Диррахіѣ. Уже стали жаловаться на медлительность главнокомандующаго, забавляющагося-де тѣмъ, что командуетъ и распоряжается бывшими консулами и преторами, уже спорили о наградахъ и доходныхъ мѣстахъ, уже замѣщали должности на много лѣтъ впередъ и распредѣляли имѣнія противниковъ; ибо казалось несомнѣннымъ, что должны будутъ подвергнуться уголовному суду всѣ тѣ, кто остался въ Италіи. Итакъ, съ полной увѣренностью въ побѣдѣ двинулись на югъ, чтобы разыскать и разбить врага. Его нашли по ту сторону Киноскефальскихъ высотъ въ хлѣбородной равнинѣ Фарсальской. Здѣсь оба войска простояли другъ противъ друга нѣсколько дней, причемъ каждое старалось выманить противника изъ его благопріятной позиціи; кромѣ того Кесарь ждалъ подкрѣпленій. Но такъ какъ запасовъ стало очень мало и многочисленная конница непріятелей затрудняла доставку провіанта, то онъ уже собрался сняться съ лагеря, когда увидѣлъ, что помпеянцы наступаютъ въ боевомъ порядкѣ и отдалились отъ охраняющихъ ихъ высотъ болѣе прежняго. Поэтому онъ повелъ свое войско, выстроенное уже для выступленія, въ бой. Онъ могъ выставить только восемь слабыхъ легіоновъ, всего числомъ 22,000 человѣкъ; конница его, въ значительной части состоявшая изъ германцевъ, по численности почти не шла въ счетъ противъ непріятельской, хотя она и получила большую боеспособность благодаря тому, что была перемѣшана съ легкой пѣхотой. На крылья и центръ главнокомандующій назначилъ особыхъ начальниковъ и далъ имъ свои наставленія; самъ онъ командовалъ съ праваго крыла, гдѣ по обыкновенію стоялъ у своего десятаго легіона; здѣсь надо было ждать рѣшенія боя, такъ какъ другое крыло было прикрыто съ обѣихъ сторонъ. Чтобы предупредить обходъ и фланговое нападеніе со стороны непріятельской конницы, онъ извлекъ изъ третьей линіи шесть когортъ и образовалъ четвертую линію, которой далъ приказъ не бросать метательныхъ копій, а пользоваться ими только для ударовъ. Каждой линіи, въ особенности третьей и четвертой, онъ крѣпко-на-крѣпко наказалъ всегда нападать только по данному знаку. Послѣ краткаго слова къ солдатамъ, воинственно требовавшимъ подачи знака, на правомъ крылѣ замахали пурпуровымъ знаме-

немъ и протрубили сигналъ къ нападенію. По всему фронту зазвучали трубы и рога, раздались боевые клики, и первый строй съ поднятыми знаменами пошелъ въ атаку.

Помпеянцы стоя приняли бой, въ то время какъ ихъ всадники и стрѣлки всею массою бросились на конницу Кесаря, которую они заставили отступить. Непріятельскіе всадники уже начали сворачивать эскадронами вправо, чтобы ударить во флангъ римлянъ, когда Кесарь далъ знакъ четвертой линіи, которая крючкообразно прислонена была къ правому крылу. Неожиданный боковой ударъ совершенно поколебалъ наступавшій отрядъ: всадники сломя голову бѣжали въ горы и предали легковооруженныхъ мечу побѣдителей. Затѣмъ когорты напали и на тяжелую пѣхоту съ фланга и съ тыла. Въ этотъ моментъ Кесарь далъ сигналъ и третьей линіи, которая до этого оставалась въ резервѣ. Двойного нападенія съ фронта и съ фланга не выдержало упорное сопротивленіе Помпеевыхъ легіоновъ. Они бѣжали къ лагерю, вслѣдъ за своимъ полководцемъ, который въ отчаяніи ускакалъ съ поля битвы, увидѣвъ отступленіе своихъ всадниковъ. На этотъ разъ онъ оказался ложнымъ пророкомъ, и этого было достаточно для его мелкой души, чтобы отказаться отъ всякой надежды.

Внутри же лагеря стѣснилась и сперлась толпа бѣглецовъ, и когда стрѣлы кесаріанцевъ смели лагерную стражу съ валовъ, то изнеможенные люди во внезапномъ испугѣ побросали оружіе и боевые значки и выбѣжали изъ заднихъ воротъ, впереди всѣхъ главнокомандующій, сбросившій свой пурпуровый плащъ. Въ захваченномъ лагерѣ солдаты Кесаря со смѣхомъ оглядывали бесѣдки и палатки римскихъ вельможъ, покрытыя дерномъ или даже плющемъ для защиты отъ палящихъ лучей августовскаго солнца; драгоцѣнное столовое серебро манило къ грабежу; но полководецъ удержалъ ихъ отъ этого и приказалъ имъ безостановочно преслѣдовать разбитаго врага. Такимъ образомъ ему удалось принудить къ сдачѣ и бѣжавшія уже тысячи воиновъ: въ одинъ день сухопутное войско помпеянцевъ было уничтожено.

Бѣгство и смерть Помпея. Самъ Помпей былъ обязанъ быстротѣ своего коня тѣмъ, что спасся въ Ларисcу и къ морю. Тамъ засталъ онъ корабль, который принялъ его и отвезъ на Лесбосъ, гдѣ къ нему присоединились его жена и сынъ, продолжавшіе

затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ злополучное бѣгство. Но портовые города уже запирали передъ нимъ гавани и ворота, опасаясь слѣдовавшаго за нимъ побѣдителя. Съ небольшою, имъ собранной, эскадрой онъ поплылъ, наконецъ, въ Пелузій, что на восточномъ рукавѣ Нила, гдѣ царь Птоломей, бывшій еще отрокомъ, воевалъ какъ разъ со своей сестрой Клеопатрой. Въ свое время Помпей возстановилъ его отца на престолѣ, черезъ посредство своего приверженца, сирійскаго намѣстника Габинія, и оставилъ ему даже для безопасности цѣлый римскій отрядъ. Въ послѣднемъ было немало старыхъ его ветерановъ, сражавшихся съ нимъ противъ морскихъ разбойниковъ или Миѳридата. Помпей попросилъ пріюта и защиты. Однако никто не желалъ рисковать своей шкурой для разбитаго полководца; казалось болѣе полезнымъ расположить къ себѣ побѣдителя услугою. Послѣ долгаго совѣщанія отправили къ полководцу лодку, въ которой онъ долженъ былъ пристать къ берегу, въ виду мелководія. Въ суднѣ этомъ находилось два римскихъ трибуна съ египетскимъ военачальникомъ; одинъ изъ трибуновъ привѣтствовалъ императора; прочіе пребывали въ такомъ молчаніи, что вызвали подозрѣніе.

Монета съ изображеніемъ Секста Помпея.

Жена заклинала Помпея не довѣряться фальшивымъ людямъ, и другіе спутники присоединились къ просьбамъ встревоженной женщины; но онъ вырвался изъ объятій любви и сѣлъ въ лодку, произнеся въ смутномъ предчувствіи стихи Софокла:

„Къ тирану кто пойдетъ, тотъ—рабъ его, хотя-бъ
„Свободнымъ человѣкомъ онъ къ нему пришелъ“.

По дорогѣ онъ спросилъ одного изъ военачальниковъ, былъ ли онъ когда-либо его товарищемъ по войнѣ, но тотъ лишь кивнулъ молча въ отвѣтъ. Всѣ оставались молчаливыми, мрачными, негостепріимными, подобно пустынному берегу, куда очень скоро пристали. Когда полководецъ собрался выйти изъ лодки, его поразилъ въ спину ударъ убійцы. Вокругъ него блеснуло еще нѣсколько ножей и онъ безъ сопротивленія покорился своей судьбѣ. Съ кораблей увидѣли это кровавое дѣло, но не могли оказать помощи, и поспѣшили сняться съ якоря и увезти плачущихъ жену и сына изъ предѣловъ власти убійцъ.

Александрійская война (48—47 г.). Когда Кесарь съ нѣсколькими тысячами солдатъ прибылъ въ Александрію, египетскую столицу, то навстрѣчу ему вынесли голову и перстень съ печатью Помпея. Съ содроганіемъ отвернулся Кесарь при этомъ ужасномъ зрѣлищѣ; онъ плакалъ, задумчиво глядя на перстень своего товарища и зятя. Но если этимъ думали удовлетворить его, то заблуждались. Онъ рѣшился въ качествѣ регента Рима окончательно уладить египетскія смуты, такъ долго занимавшія сенатъ, и въ то же время взыскать старый долгъ прежняго царя, который послѣдній обязанъ былъ уплатить бывшему тріумвирату за возстановленіе свое на престолѣ. Итакъ онъ высадился и, въ предшествіи ликторовъ, вступилъ въ городъ, къ великому негодованію гарнизона и гордившагося своею независимостью населенія, и занялъ помѣщеніе въ царскомъ замкѣ. Скопища народа и покушенія на жизнь его солдатъ очень скоро выяснили ему опасность, въ которой находился онъ со своею кучкой среди стотысячной враждебной массы людей. Онъ призвалъ къ себѣ подкрѣпленія, велѣлъ распустить египетскія войска, равно какъ и одичавшихъ римскихъ наемниковъ и призвалъ на свой судъ споривших между собой сына и дочь покойнаго царя. Оба явились, и Кесарь разсудилъ ихъ какъ можно снисходительнѣе. Птоломей долженъ былъ, согласно завѣщанію своего отца, подѣлиться съ сестрою царской властью; самъ онъ готовъ былъ удовольствоваться немедленной уплатой 4 съ небольшимъ милліоновъ рублей. Но и этимъ была недовольна династически-національная партія: подошло изъ Пелузія войско, и выносъ украшеній изъ храмовъ, для уплаты долга, еще болѣе раздражилъ толпу. Въ свое обезпеченіе Кесарь захватилъ царевича, и когда послѣдовало нападеніе, то онъ сжегъ стоявшій въ гавани непріятельскій флотъ, который могъ бы отрѣзать его отъ моря, и занялъ островъ Фаросъ у входа въ портъ. Къ сожалѣнію, при пожарѣ, охватившемъ также смежную часть города, погибла въ огнѣ и знаменитая библіотека въ храмѣ Сераписа, въ которой собрана была вся греческая литература. Посылая гонцовъ за гонцами къ намѣстнику и вассальнымъ государямъ Азіи, Кесарь окопался въ части замка и походившемъ на цитадель театрѣ у гавани.

Въ этомъ бѣдственномъ положеніи Кесарь нашелъ союзницу, которая въ глазахъ египтянъ, правда, давала ему извѣстное

право претендовать на владычество въ Александріи, но все-же должна была стать роковой для его будущаго. То была сестра юнаго египетскаго царя Клеопатра, незадолго до этого стоявшая передъ его судилищемъ. Она тайкомъ пришла къ нему во дворецъ и такъ плѣнила его своею восточной красотой, а еще болѣе прелестью своего разговора и игривымъ огнемъ своего по-гречески образованнаго ума, что онъ всю жизнь оставался въ связи съ нею и позже думалъ даже сдѣлать ее своей законной супругой.

Монеты съ изображеніемъ Юлія Кесаря.

Тѣмъ временемъ враждебная къ нему партія продолжала борьбу всѣми средствами разрушенія. Весь городъ на самомъ широкомъ протяженіи между гаванью и нильскимъ озеромъ Мареотидой былъ подъ оружіемъ. Кесарь съ кучкой своихъ вѣрныхъ солдатъ казался погибшимъ среди бурно волновавшихся массъ, тѣснившихъ его всякаго рода метательными снарядами и орудіями. По счастью, свѣже выкопанные колодцы давали питьевую воду; кромѣ того прибылъ транспортный флотъ съ войскомъ, который Кесарь самъ ввелъ въ гавань. Съ другой стороны, непріятель выставилъ могучій военный флотъ и, хотя нѣсколько разъ разбитый, завладѣлъ островомъ Фаросомъ, черезъ что онъ грозилъ преградить сообщенія съ моремъ. Если бы это удалось, то гибель легіоновъ была несомнѣнна. Кесарь поэтому произвелъ общее нападеніе на островъ и захватилъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и бо́льшую часть дамбы, соединявшей его съ материкомъ. Но пока здѣсь кипѣла жаркая схватка, въ которой приняли участіе и моряки, внезапно въ тылу появились кучи непріятелей и вогнали ихъ въ море. Самъ полководецъ, увлеченный въ общемъ бѣгствѣ, долженъ былъ бороться съ волнами, но не погибъ въ нихъ; онѣ понесли смѣлаго пловца на бортъ одного судна, которое и доставило его въ безопасное мѣсто.

Это было чувствительнымъ пораженіемъ; погибло около тысячи человѣкъ, и хотя римляне и удержали за собой Фаросъ, все-таки весь городъ возликовалъ по случаю побѣды и сдѣлалъ

новыя приготовленія для окончательнаго уничтоженія гордаго побѣдителя міра. Пять мѣсяцевъ уже длилась борьба; Кесарь, казалось, былъ истощенъ. Напрасно выпустилъ онъ юнаго царя на свободу, надѣясь успокоить этимъ мятежниковъ, напрасно послалъ онъ и Тиберія Клавдія Нерона съ частью флота эскортировать моремъ вспомогательный транспортъ, приближавшійся къ Александріи изъ Азіи: Клавдій Неронъ натолкнулся у устья Нила около Канопа на египтянъ и понесъ пораженіе. Но вотъ прибыло извѣстіе, что къ Кесарю на помощь подходятъ сухимъ путемъ значительныя военныя силы, что онѣ взяли Пелузій, разбили египетское войско и перешли Нилъ около Мемфиса, но что здѣсь угрожаютъ имъ соединенныя силы царя. Теперь развязаны были узы, до сихъ поръ мѣшавшія всякому свободному движенію Кесаря. Съ отборными когортами высадился онъ къ западу отъ города, у такъ называемаго Херсонеса, обошелъ Мареотидское озеро и, обманувъ непріятеля, соединился съ пришедшими на выручку войсками. Послѣднія приведены были воинственнымъ пергамцемъ Митридатомъ и состояли изъ всякаго люда, по большей части военнаго, частью изъ долинъ Ливана, частью изъ аравійскихъ пустынь, частью также изъ іудейскихъ воиновъ съ Іордана; ядро ихъ образовали пришедшія съ полководцемъ когорты. Какъ только Кесарь завидѣлъ египетскій лагерь, онъ устроилъ нападеніе съ трехъ сторонъ. Побѣда недолго оставалась сомнительной. Стрѣлы, копья и мечи совершили безпощадное кровопролитіе; много бѣглецовъ, среди нихъ самъ царь, утонули въ Нилѣ; остатокъ войска разсѣялся. Непосредственно за этимъ (27 марта 47 г.) побѣдитель вступилъ въ Александрію, гдѣ его встрѣтили жители, прося пощады. Онъ простилъ, взявъ лишь небольшую контрибуцію, назначилъ три легіона гарнизономъ и передалъ власть дружественной Клеопатрѣ и другому ея брату. Пребываніе его въ странѣ фараоновъ закончилось рядомъ блестящихъ празднествъ, данныхъ ему юной царицей, между прочимъ блестящей поѣздкой къ важнѣйшимъ городамъ и замѣчательнѣйшимъ храмамъ, расположеннымъ по берегамъ таинственнаго Нила. Лишь въ іюнѣ 47 г. Кесарь рѣшился наконецъ распроститься съ плѣнительной волшебницей.

Новыя вооруженія помпеянцевъ. Продолжительное пребываніе Кесаря въ Египтѣ повсюду нанесло его дѣлу чувствительный ущербъ.

Въ Италіи попытка претора Целія Руфа вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки Милономъ (стр. 110) устроить возстаніе помпеянцевъ потерпѣла крушеніе, и по полученіи извѣстія о побѣдѣ при Фарсалѣ народъ повалилъ статуи Помпея и Суллы, стоявшія на ораторской трибунѣ, сенатъ продлилъ полномочія Кесаря сверхъ срока его консульства, далъ ему право выступать кандидатомъ въ консулы на каждый изъ ближайшихъ пяти годовъ, представлять къ выборамъ своихъ кандидатовъ и поступать съ помпеянцами по своему усмотрѣнію; послѣ смерти Помпея его назначили даже диктаторомъ. Но Антоній, командовавшій теперь въ Италіи вмѣсто Кесаря, въ должности „начальника всадниковъ“, оскорблялъ своей надменностью знать и не могъ сдерживать ни столичной черни, ни ветерановъ въ Кампаніи, требовавшихъ своего увольненія и обѣщанныхъ наградъ. А внѣ Италіи повсюда грозила снова вспыхнуть война. Противники скоро оправились отъ пораженія при Фарсалѣ, и если они и потеряли общепризнаннаго главу, то съ другой стороны сознаніе, что они борются уже не за одного человѣка, а за конституцію противъ тиранна, давало имъ ту силу и тѣ симпатіи, которыя создаетъ всякая борьба за идею. Всѣ боевыя силы и выдающіеся военачальники, которые остались еще въ живыхъ, собрались въ концѣ концовъ въ провинціи Африкѣ, гдѣ со временъ пораженія Куріона (стр. 131) безпрепятственно владычествовали помпеянецъ Аттій Варъ и царь Юба Нумидійскій. Благодаря обширнымъ наборамъ, собрали тамъ 14 легіоновъ съ многочисленными всадниками, слонами и легковооруженными подъ главнымъ начальствомъ Сципіона и сдѣлали видъ, что хотятъ произвести нападеніе на Испанію, гдѣ происходило сильное броженіе, а можетъ быть даже и на разстроенную Италію. Также и въ Иллиріи помпеянцы боролись не безъ успѣха. Въ Азіи же босфорскій царь Фарнакъ (стр. 81) воспользовался запутанностью дѣлъ для того, чтобы расширить свои владѣнія новыми завоеваніями, и разбилъ Кесарева намѣстника Домиція Кальвина.

Кесарь въ Азіи. Давно было пора новому повелителю вступиться за государство. Изъ Египта онъ переправился прежде всего въ Азію, гдѣ и упорядочилъ дѣла провинцій. Изъ Вифиніи онъ пошелъ во-внутрь страны, чтобъ свести счеты и съ Фарнакомъ. Онъ приказалъ ему удалиться изъ завоеванныхъ областей, а когда тотъ сталъ медлить, то повелъ на него войско. Презирая незначи-

чительныя римскія боевыя силы, Фарнакъ отважно напалъ на нихъ при Зелѣ въ Понтѣ (2 авг. 47 г.), но былъ разбитъ на голову и потерялъ свое царство; послѣднее досталось храброму Миѳридату Пергамскому, который оказалъ такія услуги Кесарю въ Египтѣ. Пять дней продлился весь походъ, и Кесарь по справедливости могъ доложить сенату о побѣдѣ слѣдующими краткими словами: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

Кесарь въ Италіи. Упорядочивъ и здѣсь управленіе, онъ вернулся въ Италію. Тотчасъ же въ народѣ прекратились волненія, отчасти вслѣдствіе законодательныхъ мѣропріятій; только ветераны, которыхъ хотѣли переправить въ Африку для новыхъ тяжелыхъ сраженій, по прежнему отказывались повиноваться. Офицеровъ, посланныхъ къ нимъ главнокомандующимъ, они прогнали камнями, или убили; наконецъ, они двинулись на Римъ и расположились на Марсовомъ полѣ. Кесарь запялъ ворота и, не обращая вниманія на опасность, вышелъ къ мятежникамъ, которые тотчасъ же окружили его и съ ревомъ стали требовать своего увольненія. „Квириты", крикнулъ онъ имъ, „вы уволены; награду свою вы получите сполна послѣ тріумфа". Слово „квириты" вмѣсто „воины", видъ полководца, страхъ быть исключенными изъ тріумфальнаго шествія, все это побѣдило возмущенныя массы. Они преклонили свои строптивыя головы передъ человѣкомъ, умѣвшимъ заклинать бурю, просили принять ихъ обратно, дать имъ участіе въ опасностяхъ похода и заявили, что готовы подвергнуться наказанію по военному уставу, т.-е. наказанію каждаго десятаго солдата. Уступая просьбамъ, Кесарь принялъ покорность бунтовщиковъ, снова зачислилъ ихъ въ свое войско и только зачинщикамъ сократилъ тріумфальный подарокъ.

Африканская война (46 г.). Теперь можно было отвратить и опасность, грозившую со стороны Африки. Кесарь приказалъ стянуть въ Лилибей на о. Сициліи десять легіоновъ. Между тѣмъ, едва только ихъ собралось шесть, какъ нетерпѣніе заставило его уже отплыть въ море. Зимнія бури разсѣяли эскадру, такъ что полководецъ едва съ 3,000 войска высадился въ Африкѣ, гдѣ и окопался въ Руспинѣ и Маломъ-Лептисѣ, между Гадруметомъ и Ѳапсомъ. Солдаты должны были расположиться въ жалкихъ шалашахъ изъ тростника. Какъ только прибылъ остальной флотъ, Кесарь рѣшился на вторженіе во-внутрь страны, принуждаемый къ этому

недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Но онъ натолкнулся на Лабіена, который напалъ на когорты со своими безчисленными конными полчищами и стрѣлками, и принудилъ ихъ повернуть обратно. Только близость Руспины спасла войско отъ полнаго пораженія. Мало-по-малу прибыли легіоны ветерановъ съ конницей, и теперь Кесарь могъ перейти въ нападеніе съ бо́льшими шан-

Юлій Кесарь.
Бюстъ Неаполитанскаго музея.

сами на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что Юба долженъ былъ часть своихъ войскъ и слоновъ отправить противъ враждебныхъ мавританцевъ. Онъ осторожно наступалъ по холмамъ, прикрывался окопами и занялъ нѣсколько городовъ, которые добровольно открыли свои ворота. Но лишь послѣ того, какъ онъ мѣсячными упражненіями пріучилъ своихъ солдатъ къ борьбѣ съ болѣе многочисленными легковооруженными войсками противниковъ, онъ отважился

на рѣшительный шагъ. Онъ двинулся подъ Θ а н с ъ, гдѣ Сципіонъ помѣстилъ сильный гарнизонъ. Когда же на защиту этого важнаго пункта явился изъ Утики Сципіонъ со всѣми своими силами, то выступившіе на бой легіоны всей линіей перешли въ наступленіе еще прежде, чѣмъ полководецъ далъ знакъ. Стрѣлки и пращники своими снарядами прогнали слоновъ, послѣ чего ветеранамъ не трудно уже было докончить бой копьемъ и мечемъ. Первымъ было разбито лѣвое крыло, вслѣдъ за тѣмъ центръ и правое крыло. Но бѣгство не спасло разбитыхъ войскъ. Побѣдоносные легіоны, ожесточенные безконечной войной, погнались за ними и, не давая пощады, рѣзали вооруженныхъ и безоружныхъ, пока ихъ не остановили ночь и полное истощеніе силъ. Почти все республиканское войско было уничтожено (6 апрѣля 46 г.).

Въ Утикѣ еще стоялъ, съ нѣсколькими когортами, Катонъ. Онъ пытался привести городъ въ оборонительное состояніе. Когда же, въ виду ненадежнаго настроенія населенія, котораго онъ тѣмъ не менѣе не желалъ наказать кровопролитіемъ, онъ понялъ невозможность продолжительнаго сопротивленія, то онъ съ трогательной заботливостью облегчилъ товарищамъ возможность или остаться и помириться съ новымъ господиномъ, или бѣжать дальше. Исполнивъ, какъ онъ думалъ, свой послѣдній долгъ, онъ искалъ въ смерти той свободы, въ которой ему отказывала жизнь, такъ какъ онъ слишкомъ былъ гордъ, чтобы взывать къ милости узурпатора. Погибли большей частью и прочіе вожди помпеянцевъ: Афраній и Петрей, съ которыми Кесарь нѣкогда бился въ Испаніи, Сципіонъ, царь Юба; только Лабіенъ, Аттій Варъ и Секстъ, младшій сынъ Помпея, бѣжали въ Испанію, гдѣ старшій его братъ Гней уже былъ занятъ возбужденіемъ возстанія. Царство Юбы большей частью было присоединено къ провинціи, подъ названіемъ Новой Африки, меньшею же частью его былъ награжденъ мавританскій союзникъ диктатора, царь Бокхъ.

Тріумфъ Кесаря. Битвы были даны, побѣда одержана; счастливый полководецъ вернулся въ свою столицу (25 іюля 46 г.). Сенатъ вышелъ навстрѣчу побѣдителю республики и осыпалъ его новыми чинами и почестями. Совершено было сорокадневное благодарственное празднество, императору дана десятилѣтняя диктатура, трехлѣтняя цензура, право перваго голоса въ сенатѣ. Подъ городомъ были собраны украшенные вѣнками легіоны, такъ

какъ собирались отпраздновать четверной тріумфъ, именно надъ Галліей, Египтомъ, Понтомъ и Нумидіей. Впереди были несены статуи Рейна, Родана, плѣненнаго Океана, свыше 2,800 золотыхъ вѣнковъ, золотая и серебряная утварь и безчисленныя другія драгоцѣнности; общая стоимость всего этого достигала неслыханной дотолѣ цифры въ 65,000 талантовъ (около 140 милліоновъ руб.). Затѣмъ слѣдовали изображенія сухопутныхъ и морскихъ битвъ, завоеванныхъ городовъ и странъ, а также смерти Сципіона и Катона. Послѣ этого шли въ золотыхъ цѣпяхъ плѣнные, среди нихъ несчастный Верцингеторигъ, египетская царевна Арсиноя и малолѣтній сынъ царя Юбы. Самъ Кесарь ѣхалъ, предшествуемый 72 ликторами, на колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, а за нимъ слѣдовали въ побѣдныхъ украшеніяхъ легіоны, распѣвая по старинному обычаю сатирическія пѣсенки насчетъ тріумфатора, подобно нижеслѣдующей, относящейся къ его новому могущественному положенію·

«Если поступаешь хорошо, будешь наказанъ.
Если дурно, будешь царемъ».

Тріумфальный подарокъ былъ богаче, чѣмъ когда-либо: каждый солдатъ легіона получилъ приблизительно 2,100 рублей, центуріонъ—вдвое больше, а трибунъ и начальникъ всадниковъ вчетверо больше, и притомъ чистоганомъ, новою золотой государственной монетой (1 aureus—полуимперіалъ). Но и граждане въ вознагражденіе за бѣдствія долгой войны получили каждый около 22 руб. звонкой монетой, 90 литровъ ($3^1/_2$ четверика) зерна и 10 фунтовъ оливковаго масла. Грандіозное праздничное пиршество на 22,000 столовъ, зрѣлища и увеселенія всякаго рода закончили побѣдное празднество, съ котораго для Рима началось новое время, время Кесарей.

ЕДИНОВЛАСТІЕ КЕСАРЯ И ЕГО СМЕРТЬ.

ОБРАЩЕНІЕ СЪ ПРОТИВНИКАМИ; ПОЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВА.

Теперь, когда война окончилась, Кесарь приступилъ къ залѣчиванію нанесенныхъ ею ранъ, къ возстановленію порядка и устройству монархіи. Еще въ теченіе войны Кесарь показалъ, что онъ не Сулла. Онъ великодушно отпу-

скалъ плѣнныхъ на свободу, даже такихъ, которые попадались въ его руки по нѣсколько разъ; да и послѣ Фарсальской битвы онъ простилъ всѣхъ, кто ему покорился. Строже всего Кесарь отнесся къ тѣмъ, которые воевали еще съ нимъ въ Африкѣ. Но и изъ нихъ казнены были только единичныя личности, грубѣйшимъ образомъ злоупотребившія его мягкосердіемъ. Въ другихъ же случаяхъ онъ удовольствовался ихъ изгнаніемъ и конфискаціей имущества, снисходя однако къ участи женъ и дѣтей караемыхъ, и охотно отмѣнялъ и это наказаніе, если только рѣшались его просить о томъ. Наконецъ, дарованіемъ общей амнистіи, онъ добровольно отказался отъ даннаго ему сенаторомъ полномочія поступать съ помпеянцами по усмотрѣнію. Цицеронъ, пробывшій нѣкоторое время у Помпея въ Диррахіѣ, тоже испыталъ доброжелательство Кесаря. Уже въ 47 г. побѣдитель при Зелѣ обратился изъ Азіи съ утѣшающими словами къ оратору, находившемуся въ Брундизіѣ. Да и впослѣдствіи Кесарь все снова пытался вовлечь въ сферу своихъ интересовъ нравственно чистаго, вліятельнаго передового бойца за конституціонное государственное устройство. Цицеронъ исполнялъ это желаніе въ томъ смыслѣ, что участвовалъ въ Римѣ въ засѣданіяхъ сената, пока Кесарь отсутствовалъ, и что постоянно обращался къ диктатору съ новыми увѣщаніями дать государству смѣшанное изъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ элементовъ устройство. Но голосъ его оставался не услышаннымъ: устройство государства совершалось въ смыслѣ неограниченнаго единовластія, такъ что ни воля сената, ни воля народа нигдѣ не могла проявиться надлежащимъ образомъ. Въ томъ и состоитъ коренная ошибка государственнаго устройства Кесаря, что онъ ввелъ не переходную форму правленія, а сразу деспотическую, для которой народъ и знать созрѣли лишь три вѣка спустя.

Реформы Кесаря. Если не считать этой коренной ошибки, то надо признать, что Кесарь, соотвѣтственно своему грандіозному дарованію, не напрасно старался упорядочить и улучшить многія области римской жизни. Господствовавшую въ большей части народа нищету, хотя и не созданную, но, конечно, увеличенную войною, онъ не только пытался устранить пожертвованіями и подаяніями (хотя онъ сократилъ наполовину и число лицъ, получавшихъ даровой хлѣбъ), но и пошелъ дальше по пути Гракховъ, обез-

печивъ однако прочность законнаго или считавшагося таковымъ владѣнія и объявилъ отведенныя земли на двадцать лѣтъ неотчуждаемыми. Такъ, онъ поселилъ своихъ ветерановъ, а также тысячи другихъ бѣдныхъ гражданъ, насколько хватало возможности, въ Италіи и въ сосѣдней транспаданской и транзальпинской Галліи; но онъ посылалъ ихъ и въ Испанію, Африку, Грецію и дальше на востокъ, чтобы они, полагая тамъ основаніе своему благосостоянію, въ то-же время распространяли италійскіе обычаи и языкъ, лишали окрестное населеніе его самобытности и превращали его въ гражданъ имперіи. Сюда присоединялась еще масса другихъ мѣропріятій для подъема экономическаго положенія: ограниченіе количества рабовъ для скотоводства, давшее занятіе свободному рабочему, строгая полиція, покончившая съ безобразіями разбойниковъ, постройка дорогъ, лучшее управленіе городовъ, черезъ выдѣленіе изъ него негодныхъ элементовъ изъ чиновниковъ и представителей общинъ, умѣренныя, практическія постановленія о лихоимствѣ и конкурсѣ.

Особенное вниманіе обращалъ Кесарь на столичную чернь, которая причиняла много хлопотъ всѣмъ правительствамъ. Если онъ, съ одной стороны, удовлетворялъ неискоренимую страсть къ зрѣлищамъ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ какихъ это дотолѣ еще не дѣлалось, то, съ другой стороны, онъ стремился уменьшить число праздношатающихся не только посредствомъ сокращенія числа получающихъ государственныя подачки, но прежде всего тѣмъ, что доставлялъ имъ случай къ доходной работѣ. Его общественныя постройки оставили далеко за собой все, что было создано республикой. Уже раньше онъ для украшенія главнаго форума началъ обширную великолѣпную постройку „Юліевой базилики“ для судебныхъ и торговыхъ дѣлъ; теперь же, чтобы выиграть мѣсто для народнаго движенія, онъ захотѣлъ совсѣмъ перенести отсюда народныя собранія и судебныя засѣданія и для первыхъ сталъ строить на Марсовомъ полѣ „Юліевы загородки“ (Septa Julia), исполинскіе мраморные портики вокругъ свободной площади, а для послѣднихъ, на сѣверной сторонѣ главнаго форума „Юліевъ форумъ“ (forum Julium или Caesaris), съ монументальными портиками вокругъ площади, на которой красовался храмъ Венеры, божественной его родоначальницы, статуя его

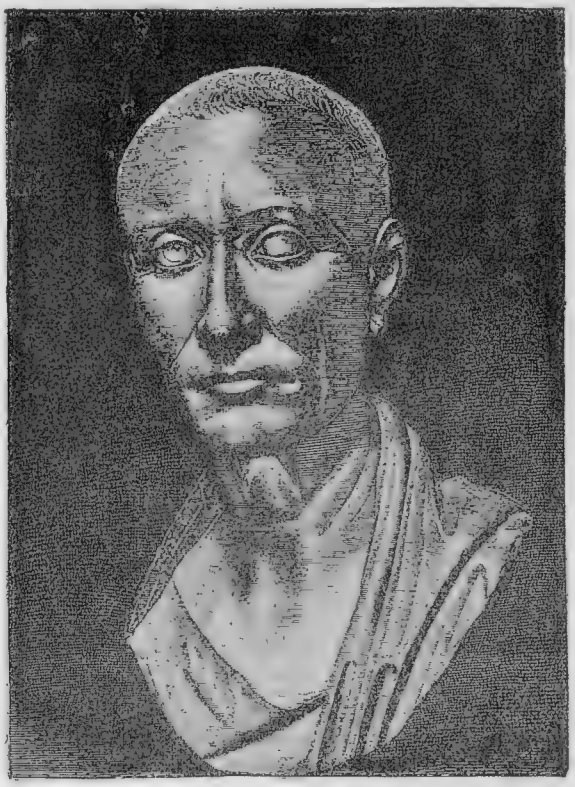
боевого коня, его самого и другія. Наряду съ этимъ Кесарь принялъ мѣры, путемъ опредѣленныхъ предписаній, къ содержанію и чисткѣ улицъ. Все это доставляло работу тысячамъ народа, и здоровому человѣку уже не надо было шататься безъ дѣла. А кто боялся труда, того удерживали въ надлежащихъ границахъ болѣе строгія полицейскія распоряженія.

Упорядоченіе правосудія; Кесарь какъ цензоръ и верховный жрецъ. Организаторская дѣятельность Кесаря простиралась и на многія другія области. Въ области правосудія онъ отчасти улучшилъ устарѣлое судопроизводство, усилилъ наказанія за проступки противъ общественнаго порядка и исключилъ эрарныхъ трибуновъ (стр. 76) изъ списка присяжныхъ. При начатомъ имъ цензѣ онъ увеличилъ составъ гражданъ зачисленіемъ въ него врачей и учителей свободныхъ искусствъ, равно какъ и другихъ чуждыхъ элементовъ, и обезпечилъ воинскій наборъ запрещеніемъ всѣмъ лицамъ, подлежащимъ воинской повинности, т.-е. отъ 20 до 40 лѣтъ, отлучаться изъ страны болѣе чѣмъ на три года. Въ качествѣ верховнаго жреца онъ закрылъ религіозныя общества, очаги подпольной агитаціи, за исключеніемъ іудейскаго, которое казалось ему неопаснымъ.

Одна реформа верховнаго жреца Кесаря сохранилась до настоящаго времени, именно Юліанскій календарь. Будучи въ настоящее время устарѣлой принадлежностью православной церкви, этотъ календарь при своемъ введеніи являлся спасеніемъ изъ хаоса. До тѣхъ поръ офиціальное времясчисленіе велось по луннымъ годамъ въ 355 дней, причемъ временами вставлялся одинъ мѣсяцъ, для согласованія съ солнечнымъ крестьянскимъ годомъ. Но въ послѣднее время это было упущено, и вслѣдствіе того обогнали солнечный годъ на 67 дней. Такимъ образомъ, Кесарь вставилъ это время въ 46 г., и съ 45 года велъ счисленіе уже по солнечнымъ годамъ въ 365 дней, къ которымъ каждый четвертый годъ прибавлялся одинъ вставочный день.

Кесарь и провинціи. Гораздо больше значенія для развитія римскаго государства получили постановленія, касавшіяся провинцій. Цѣлью Кесаря было слить населеніе провинцій съ италиками въ одну націю, для укрѣпленія силы государства. Вотъ почему онъ отправлялъ италійскихъ колонистовъ въ провинціи, вотъ почему онъ жаловалъ, какъ прежде транспаданцамъ, такъ

теперь повсемѣстно провинціальнымъ городамъ право гражданства или близкое къ нему латинское право (стр. 275 1-й част.). По той-же причинѣ его заботы простирались и на экономическое благосостояніе провинціаловъ. Строгій контроль стѣснилъ произволъ и алчность намѣстниковъ, которые въ преторскихъ провинціяхъ на-



Юлій Кесарь.
Бюстъ Берлинскаго музея.

значались имъ самимъ, а въ консульскихъ—сенатомъ, изъ числа должностныхъ лицъ, выбранныхъ главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ.

Испанская война (45 г.). Реорганизацію магистратуры Кесарь отложилъ до другого времени. Пока онъ, въ качествѣ диктатора, назначилъ восемь городскихъ префектовъ съ чиномъ

преторовъ, которыхъ подчинилъ своему „начальнику конницы“ Эмилію Лепиду. Верховное же руководство имѣли его довѣренные: испанецъ Бальбъ и всадникъ Оппій. Затѣмъ Кесарь поспѣшилъ въ Испанію, куда призывало его опасное положеніе его генераловъ.

Тамъ, въ провинціи по ту сторону Эбро, легіоны прогнали своего намѣстника, поставили въ своей главѣ юнаго Гнея Помпея и, усилившись путемъ наборовъ до количества тринадцати легіоновъ, оттѣснили военачальниковъ Испаніи по сю сторону Эбро. Кесарь стремглавъ полетѣлъ къ своимъ и еще зимою повелъ ихъ на врага. Послѣдній, послѣ нѣкоторыхъ передвиженій по разнымъ направленіямъ, 17 марта предложилъ Кесарю бой около Мунды (между Кордовой и Гибралтаромъ), прикрытый холмами и болотами. Смѣлый полководецъ, надѣясь на себя и на своихъ, несмотря на превосходившія его войско силы врага и неблагопріятную почву, немедленно произвелъ нападеніе. Съ обѣихъ сторонъ бились съ крайнимъ напряженіемъ; ибо одну сторону воодушевляла старая боевая слава и гнѣвъ новаго мятежа, другую же подстрекала къ крайней храбрости увѣренность, что никакое бѣгство болѣе невозможно, что не осталось никакой другой арены борьбы. Между тѣмъ ветераны диктатора тщетно стремились взять холмы; силы ихъ начали слабѣть, ряды ихъ дрогнули. Но тутъ самъ Кесарь бросился въ первые ряды, восклицая: „Неужели вы предадите меня мальчишкѣ?“ Онъ бился здѣсь и мечемъ и щитомъ за свою жизнь, но не могъ прорваться сквозь непріятелей. Замѣтивъ, что Лабіенъ съ тремя когортами повернулъ назадъ къ лагерю, на который напали мавританскіе всадники, онъ крикнулъ своимъ легіонамъ зычнымъ голосомъ: „Глядите, они бѣгутъ!“ Хитрое слово передалось изъ ряда въ рядъ и достигло слуха враговъ, которые тотчасъ же дрогнули и, жестоко тѣснимые ветеранами, скоро стали искать спасенія въ бѣгствѣ. Побѣжденнымъ не оказано было пощады; Лабіена, Вара и Гнея Помпея также постигла смерть, только Сексту Помпею удалось бѣжать въ сокровенныя ущелья горъ. Вѣрными приверженцами онъ былъ спасенъ отъ гибели, чтобы потомъ играть еще разъ роль на сценѣ римскаго міра.

Новыя почести. Кесарь въ тріумфѣ возвратился въ Римъ, гдѣ его осыпали новыми почестями. Его статуя была поставлена рядомъ

со статуями семи царей на Капитоліѣ; онъ присутствовалъ на сенатскихъ собраніяхъ, сидя на золотомъ служебномъ креслѣ, съ увѣнчанной лавровымъ вѣнкомъ головой; повсюду онъ могъ показываться въ пурпуровомъ, вышитомъ пальмовыми вѣтвями, одѣяніи тріумфатора; постановлено было день его рожденія, 12 іюля, сдѣлать государственнымъ праздникомъ и построить ему на счетъ государства на Палатинѣ дворецъ съ фронтономъ, который обыкновенно украшалъ только храмы боговъ и т. д. Еще важнѣе были рѣшенія, имѣвшія государственно-правовое значеніе. Сенатъ далъ ему титулъ императора, который онъ такъ часто получалъ въ видѣ военнаго знака отличія, уже въ качествѣ наслѣдственнаго praenomen (перваго имени), а народное постановленіе дало титулу соотвѣтствующее содержаніе: исключительное право держать солдатъ и право распоряженія государственными доходами.

Юлій Кесарь.
Профиль Берлинскаго бюста.

Упорядоченіе магистратуры; увеличеніе сената. Прославленный регентъ продолжалъ теперь свои реформы. Въ виду присоединенія къ числу провинцій Бельгской и Лугдунской Галліи, равно какъ Иллирика, который сталъ теперь самостоятельнымъ административнымъ округомъ, онъ довелъ число преторовъ до 14, а квесторовъ до 40. Вскорѣ затѣмъ онъ увеличилъ, для улучшенія управленія эраріемъ, т.-е. государственной казной, число преторовъ на 2; то-же самое онъ произвелъ и по отношенію къ эдиламъ, въ интересахъ продовольственнаго дѣла. При этомъ, какъ бы во вниманіе къ республиканскому прошлому народа, онъ пре-

доставилъ послѣднему выборы половины магистратовъ, за исключеніемъ консуловъ. Правда, съ другой стороны, въ силу дарованной ему на пожизненный срокъ цензорской власти, онъ очистилъ сенатъ и увеличилъ число его членовъ до 900, съ цѣлью усиленія своего вліянія на эту важную корпорацію.

Такимъ образомъ, Кесарь, располагая войскомъ, государственной казной, диктаторскими, консульскими, верховно-жреческими функціями, рѣшающимъ вліяніемъ на магистратуру и сенатъ, безъ сомнѣнія имѣлъ власть почти во всѣхъ случаяхъ настоять на своемъ желаніи, какъ всякій другой монархъ. Но въ этой власти таилась извѣстная слабость. Власть Кесаря покоилась въ сущности на диктатурѣ, которая всегда считалась чрезвычайной и потому временной должностью. Самъ Сулла сложилъ ее, послѣ того, какъ привелъ въ порядокъ государство. Кесарь считалъ это глупостью; тѣмъ болѣе ему надо было позаботиться о твердыхъ опорахъ и о прочномъ фундаментѣ для своего владычества.

Монархическія стремленія Кесаря. Быть можетъ, близкія сношенія съ Клеопатрой, царицей Египта, который служитъ образцомъ античной монархіи, были одною изъ причинъ мечтаній Кесаря объ устройствѣ восточной монархіи съ наслѣдственнымъ преемствомъ престола и обоготворяющимъ церемоніаломъ. Для начала онъ добился изданія особаго, выходящаго за предѣлы диктатуры закона, которымъ ему, какъ сказано выше, даровался наслѣдственный титулъ императора съ правомъ распоряженія военными и финансовыми силами государства. Не имѣя сына, онъ послѣ испанской войны усыновилъ своего внучатнаго племянника Октавія и принялъ его въ число патриціевъ. Сенатъ назначилъ ему новыя царскія и божескія почести, и Кесарь принялъ ихъ. Онѣ состояли въ слѣдующемъ: чтобы онъ имѣлъ право носить одежду древнихъ царей; чтобы не только настоящія, но и будущія его дѣйствія имѣли силу закона; чтобы во время люстра (стр. 206 1-й ч.) за него произносились молитвы; чтобы предъ судомъ клятва его счастіемъ считалась дѣйствительной; чтобы въ его честь, какъ въ честь божества, совершались игры; чтобы къ его бюстамъ въ циркѣ относились какъ къ изображеніямъ боговъ; рѣшили даже устроить ему, подъ именемъ Юпитера Юлія, храмъ съ собственными жрецами. Его уже привѣтствовали царемъ, и онъ повидимому не безъ удовольствія слушалъ это; Антоній уже

отважился во время праздничной процессіи предъ всѣмъ народомъ возложить на его голову діадему, и только поведеніе толпы, повидимому, воспрепятствовало ему принять ее. Такимъ образомъ Кесарь пока далъ сенату и народу назначить его пожизненнымъ диктаторомъ. Наряду съ этимъ въ головѣ его мелькали поистинѣ царскіе планы. Онъ предполагалъ: поставить общій сводъ гражданскихъ законовъ на мѣсто двѣнадцати таблицъ и присоединившагося къ нимъ хаоса отдѣльныхъ законовъ и правовыхъ постановленій, изданныхъ городскими преторами; осушить Понтинскія болота; отвести Тибръ, начиная отъ Мульвіева моста, за Ватиканское поле и Яникулъ; открыть Марсово поле для заселенія, заложить портъ въ Остіи, прорѣзать Коринѳскій перешеекъ; ученый Маркъ Теренцій Варронъ, сражавшійся противъ Кесаря въ Испаніи и въ другихъ мѣстахъ, получилъ порученіе закупить книги для основанія государственной библіотеки; сдѣланы приготовленія къ колонизаціи въ крупныхъ размѣрахъ; самъ диктаторъ собирался отправиться съ громадными военными силами на востокъ, чтобы наказать парѳянъ, а усыновленный имъ Октавіанъ, его наслѣдникъ, долженъ былъ сопровождать его въ должности „начальника конницы“.

Брутъ съ кинжаломъ.
Статуя въ Villa Albani.

Заговоръ республиканцевъ (44 г.). Распространившееся въ широкихъ кругахъ негодованіе по поводу монархическихъ стремленій Кесаря еще увеличивало опасность, которая и безъ того уже заключалась въ приглашеніи множества помпеянцевъ на государственную службу и въ возвращеніи изгнанныхъ. Наибольшимъ почетомъ въ этихъ кругахъ пользовался не Цицеронъ, въ нѣкоторой степени, повидимому, примирившійся съ новыми обстоятельствами, но племянникъ того Катона, который самъ лишилъ себя жизни, не желая пережить гибели свободы,—Юній Брутъ. Его восторженное отношеніе къ дядѣ было извѣстно всему городу; и хотя онъ послѣ Фарсальской битвы и перешелъ на сторону Кесаря и охотно принималъ отъ послѣдняго почести и знаки отличія, но онъ все-таки еще недавно безъ боязни превозносилъ Катона въ одномъ сочиненіи и женился на его дочери, пылавшей той же любовью къ свободѣ, какъ и отецъ ея. Цѣнимый кромѣ того какъ ораторъ, получивъ философское образованіе и принадлежа къ роду, который съ гордостью причислялъ къ своимъ предкамъ освободителя Рима отъ владычества царей, Брутъ для многихъ казался единственнымъ человѣкомъ, призваннымъ возстановить старое государственное устройство. Окружающіе дѣйствовали на него какъ открыто, такъ и тайкомъ. На статуѣ древняго Брута, основателя республики, на Капитоліѣ однажды утромъ появилась надпись: „О если-бы ты еще былъ живъ!“ А должностное кресло Брута, бывшаго въ 44 г. городскимъ преторомъ, самымъ виднымъ изъ 16 преторовъ, совершенно покрылось однажды надписями въ родѣ слѣдующихъ: „Ты спишь, Брутъ?“ или „Ты—не истый Брутъ“. Душою этой агитаціи былъ его шуринъ Гай Кассій, который изъ ненависти къ тираннамъ порвалъ, при наступленіи междоусобной войны, сношенія съ своимъ братомъ, кесаріанскимъ трибуномъ 49 г. (стр. 124), и затѣмъ съ частью помпеянскаго флота нанесъ большой ущербъ Кесарю, но послѣ битвы при Фарсалѣ сдался ему. Кесарь, уже изъ уваженія къ его брату, отнесся къ нему очень хорошо и отличилъ его, но втайнѣ боялся этого мрачнаго, худощаваго человѣка и не давалъ ему хода къ высшимъ должностямъ. Обиженный этимъ, онъ еще болѣе возненавидѣлъ диктатора, и когда попытки дать послѣднему царскій титулъ встрѣтили въ Кесарѣ неискреннее сопротивленіе, Кассій

твердо рѣшился отомстить за низверженіе республики смертью виновника.

Онъ переговорилъ съ одинаково съ нимъ настроенными людьми; среди нихъ были не только старые помпеянцы, но и выдающіеся приверженцы Кесаря, разочаровавшіеся въ своемъ полководцѣ. Они выразили готовность, но только подъ условіемъ, чтобы Брутъ предоставилъ для дѣла свою руку и имя. Кассію удалось привлечь и Брута, послѣ чего быстро приступили къ дѣлу.

Кесарь готовилъ рѣшенный имъ походъ противъ парѳянъ и отправилъ уже часть ополченія, а юнаго Октавія послалъ впередъ въ Аполлонію. Если бы всегда побѣдоносный герой вернулся, по пораженіи національнаго врага, со свѣжими лаврами, установленіе царскаго престола въ Римѣ казалось неизбѣжнымъ. Да и шелъ слухъ, будто 15 марта, на которое было назначено засѣданіе сената, будетъ сдѣлано новое предложеніе о дарованіи Кесарю царскаго титула по крайней мѣрѣ по отношенію къ иностраннымъ государствамъ. Рѣшено было предупредить это и 15 марта убить императора въ сенатѣ.

Юлій Кесарь.
Флорентійскій бюстъ.

Умерщвленіе Кесаря (15 марта 44 г.). Кесарь продолжалъ итти своей дорогой, ничего не подозрѣвая и не внимая предостереженіямъ. Онъ былъ того мнѣнія, что жизнь, полная подозрѣній и боязни, хуже смерти, которая не имѣетъ ничего страшнаго, когда приходитъ неожиданно. Не обращалъ онъ вниманія и на истолкователей знаменій, хотя одинъ изъ послѣднихъ обозначилъ иды, т.-е. средину марта, роковыми для него. Наступилъ этотъ день; сенатъ собрался въ куріи Помпея, примыкавшей къ построен-

ному послѣднимъ театру. Кесарь проснулся съ легкимъ недомоганіемъ; жертвенныя знаменія возвѣщали несчастіе, и онъ уже хотѣлъ черезъ консула Антонія отмѣнить засѣданіе. Но вотъ явился Децимъ Брутъ, одинъ изъ его генераловъ, которому онъ былъ обязанъ не одною побѣдою; Децимъ давалъ въ этотъ день гладіаторскія игры вблизи театра Помпея и сталъ уговаривать Кесаря отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Кесарь пошелъ, на свою погибель; вѣдь и этотъ Брутъ принадлежалъ къ числу заговорщиковъ.

По обыкновенію народъ толпился у куріи, чтобы привѣтствовать правителя. Какой-то неизвѣстный подалъ Кесарю свитокъ, въ которомъ раскрытъ былъ весь заговоръ. Но онъ не обратилъ вниманія на послѣднее предостереженіе судьбы, а приложилъ его, не читая, къ другимъ прошеніямъ и вошелъ въ курію, въ то время какъ одинъ изъ заговорщиковъ задержалъ сопровождавшаго его Антонія у входа, заведя съ нимъ какой то настоятельный разговоръ

Когда Кесарь занялъ свое золотое кресло, его какъ бы для привѣтствія окружили заговорщики, вооруженные спрятанными подъ тогами кинжалами; одинъ изъ нихъ, Тиллій Кимвръ (Cimber), подошелъ къ нему и попросилъ помилованія своего брата, жившаго еще въ изгнаніи. Когда же Кесарь сталъ рѣшительно отказывать, то онъ какъ бы для мольбы обнялъ его колѣни, но при этомъ движеніи какъ бы случайно сдернулъ съ его плеча пурпуровую тогу. Это былъ условный знакъ, и Сервилій Каска, стоявшій позади троннаго кресла, быстро обнаживъ кинжалъ, нанесъ первый ударъ; но невѣрная рука дрогнула. Слегка лишь раненый, Кесарь воскликнулъ: „Проклятый Каска, что ты дѣлаешь!“ Но тутъ вокругъ него засверкали кинжалы убійцъ. Кесарь пытался защититься отъ нихъ своимъ единственнымъ оружіемъ—металлическимъ грифелемъ для письма, но когда его стали поражать слѣпо наносившіеся удары, когда онъ ни съ чьей стороны не встрѣтилъ поддержки и когда на него набросился съ кинжаломъ даже любимый имъ Брутъ, тогда Кесарь, закрывъ свою голову тогою, воскликнулъ: „И ты, сынъ мой Брутъ!“ и палъ къ подножію статуи Помпея, которую онъ самъ воздвигнулъ вновь въ честь своего несчастливаго противника. Убійцы неистово продолжали ему наносить удары, раня при этомъ даже другъ друга, пока

ихъ жертва не испустила духъ. Такимъ образомъ погибъ жертвой трусливаго убійства человѣкъ, который, будучи одаренъ самыми рѣдкими духовными качествами, создалъ новый порядокъ вещей и одинъ могъ дать разстроенному государству крѣпость и спокойствіе. Въ окровавленной порфирѣ лежалъ онъ у ногъ статуи, которая глядѣла на него холодно и неподвижно, какъ на свою искупительную жертву. И такъ же неподвижно, какъ и безжизненная статуя, глядѣли и непосвященные въ дѣло сенаторы, когда разступились заговорщики, на пустой тронъ и бездыханнаго порфироносца. Но въ нихъ проснулся инстинктъ самосохраненія; они бѣжали со своихъ креселъ, оставивъ за собой убійцъ съ ихъ жертвою и съ мыслями о громадныхъ послѣдствіяхъ ихъ поступка. Что теперь будетъ? Этотъ вопросъ заговорщики предложили себѣ лишь теперь, и быть можетъ не одинъ изъ нихъ предчувствовалъ, что изъ пролитой крови возникнутъ новые ужасы и потрясенія для государства.

АНТОНІЙ И ОКТАВІАНЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ УБІЙЦЪ КЕСАРЯ. Еще не подозрѣвали о тѣхъ ужасахъ и страхахъ, которые должны были подняться изъ пролитой крови, подобно духамъ мщенія. Но по мѣрѣ того, какъ вѣсть эта распространялась изъ дома въ домъ, изъ одной части города въ другую, всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, охвачены были страхомъ. Человѣкъ, принесшій имъ послѣ долгихъ, потрясающихъ бурь спокойствіе и безопасность, умеръ, сраженный рукою убійцъ! Чего же слѣдовало ждать? Кто поручался за жизнь и собственность? Удовольствуются ли злодѣи одною жертвой, или потребуютъ они все новыхъ и новыхъ, какъ дѣлали это прежде Марій и Сулла? Поспѣшно запирались лавки, мастерскія, жилища. Кому нечего было терять, тотъ спѣшилъ на улицу, на Форумъ; другихъ гнало изъ дому любопытство, желаніе раздобыть вѣрныя свѣдѣнія. Вскорѣ показалась кучка въ шестьдесятъ сенаторовъ, направлявшаяся отъ куріи Помпея къ Форуму. Впереди ихъ несли на шестѣ шляпу свободы; сами они, закрывъ лѣвую руку тогою для защиты на случай схватки и вооруживъ правую окрова-

вленнымъ кинжаломъ, окруженные гладіаторами Децима Брута, призывали римскій народъ къ свободѣ. Но къ нимъ присоединились лишь немного единомышленниковъ изъ знати; масса оставалась холодной. Такъ какъ въ ней много было ветерановъ Кесаря, то боялись, какъ-бы консулъ Антоній не сталъ во главѣ ихъ; да кромѣ того вблизи города стоялъ съ войскомъ кесаріанецъ Эмилій Лепидъ, собиравшійся въ свою провинцію. Смущенные заговорщики искали безопасности на Капитоліѣ, который они заняли своими гладіаторами. На слѣдующій день Брутъ и Кассій еще разъ рѣшились выступить передъ толпой и пригласить ее послѣдовать ихъ примѣру. Они предложили въ то-же время призвать Секста Помпея, послѣдняго, оставшагося еще въ живыхъ, сына великаго Помпея, изъ Испаніи, гдѣ онъ воевалъ съ намѣстниками Кесаря. Такъ какъ не послѣдовало ни одного знака одобренія, то они вскорѣ-же опять удалились. Рѣшено было объясниться съ Антоніемъ и Лепидомъ, и съ ними были начаты переговоры. Оба они, съ своей стороны, должны были принимать въ расчетъ многочисленныя боевыя силы, которыми располагалъ Децимъ Брутъ въ отведенной ему въ видѣ провинціи Цизальпинской Галліи, и приняли поданную имъ руку примиренія. Въ сенатскомъ засѣданіи 17 марта 44 г. былъ заключенъ миръ: убійцы получили амнистію, распоряженія (acta) Кесаря остались нетронутыми. По требованію ветерановъ, было далѣе рѣшено разрѣшить учрежденіе всѣхъ проектированныхъ Кесаремъ колоній, признать за его завѣщаніемъ законную силу и похоронить его тѣло на государственный счетъ. Заговорщики, значитъ, не достигли своей цѣли, возстановленія стараго устройства. Чтобы Римъ по убіеніи диктатора не вернулъ себѣ своей свободы, объ этомъ позаботился Маркъ Антоній.

Антоній между кесаріанцами и республиканцами. Будучи до сихъ поръ преданнымъ товарищемъ и военнымъ помощникомъ диктатора и находясь съ нимъ въ родствѣ по матери своей Юліи, Антоній считалъ себя призваннымъ унаслѣдовать его власть. Онъ былъ одинаково смѣлымъ и хитрымъ военачальникомъ и политикомъ, но и былъ обуреваемъ дикими страстями; ему совершенно недоставало благоразумія государственнаго дѣятеля, которое подчиняло бы все единой великой задачѣ. Смерть его отчима Лентула Суры, котораго Цицеронъ казнилъ въ свое время

вмѣстѣ съ другими вождями заговора Катилины, опредѣлила его политическое направленіе: онъ поддерживалъ планы Клодія, содѣйствовалъ политикѣ тріумвировъ въ качествѣ начальника конницы у Габинія въ Сиріи и Египтѣ, былъ привлеченъ другомъ своимъ Куріономъ на сторону Кесаря и снискалъ его расположеніе своими заслугами, въ качествѣ трибуна (стр. 121) и на войнѣ. Когда во время похода противъ испанскихъ легіоновъ Помпея ему поручили главное начальство въ Италіи, онъ искусно выполнилъ эту трудную задачу, по крайней мѣрѣ съ военной точки зрѣнія, затѣмъ во-время привелъ къ главнокомандующему, несмотря на затруднительнѣйшія обстоятельства, оставленную имъ половину легіоновъ, сражался бокъ-о-бокъ съ нимъ при Фарсалѣ и послѣ этого снова получилъ порученіе защищать Италію. Его безстыдный образъ жизни и безцеремонное поведеніе по отношенію къ друзьямъ побѣжденныхъ на этотъ разъ навлекли на него неодобреніе Кесаря; но наступившая въ ихъ отношеніяхъ натянутость была лишь временной, и послѣ битвы при Мундѣ взаимное довѣріе между господиномъ и слугой вполнѣ возстановилось. Теперь Антоній сталъ въ качествѣ консула рядомъ съ Кесаремъ. Къ нему поэтому убѣжала вдова Кесаря, Кальпурнія, съ частнымъ состояніемъ и бумагами убитаго мужа; кромѣ того онъ тотчасъ-же завладѣлъ хорошо наполненной государственной казной.

Для Антонія примиреніе съ убійцами Кесаря было только средствомъ для достиженія его цѣлей; ибо онъ еще не былъ увѣренъ въ своихъ ветеранахъ. Поэтому, втайнѣ агитируя и подстрекая народъ, онъ притворялся стоящимъ на почвѣ договора. Онъ распечаталъ завѣщаніе Кесаря, и граждане узнали, что великодушный покойникъ завѣщалъ имъ свой паркъ по ту сторону Тибра и богатыя денежныя пожертвованія для бѣдныхъ. Потомъ Антоній произнесъ на Форумѣ въ память товарища по должности и родственника мастерское надгробное слово. Вначалѣ онъ, по обыкновенію, превозносилъ дѣла и заслуги великаго мужа, присужденныя ему почести, благодѣянія, оказанныя имъ народу, о которомъ онъ позаботился даже въ своемъ завѣщаніи. Затѣмъ онъ развернулъ окровавленную, изорванную ударами ножей одежду. Во время послѣдовавшихъ за этимъ похоронныхъ пѣсенъ вдругъ, точно чудомъ, поднялся убитый герой со своими 23 ранами и

обезображенными смертью чертами лица. Это было, конечно, только восковое изображеніе его, но настолько искусно сдѣланное, что многіе были обмануты, а всѣ тронуты и преисполнены гнѣва противъ убійцъ. Народная толпа сложила на самомъ Форумѣ костеръ, на которомъ должны были сгорѣть останки ея благодѣтеля. Въ пылающій огонь бросали роскошныя одѣянія, украшенія, оружіе и все, что только казалось подходящею жертвою. Затѣмъ толпа бросилась съ зажженными головнями къ домамъ заговорщиковъ, чтобъ сжечь ихъ.

Послѣ этого Антоній снова сдѣлалъ въ сенатѣ предложеніе объ отмѣнѣ диктатуры, а также о начатіи переговоровъ съ Секстомъ Помпеемъ и велѣлъ казнить одного человѣка, слишкомъ фанатически натравлявшаго народъ на убійцъ Кесаря. Однако послѣдніе каждую минуту должны были опасаться за свою жизнь.

Бѣгство убійцъ Кесаря; Антоній завладѣваетъ государствомъ. Среди такихъ обстоятельствъ они сочли полезнымъ для себя покинуть столицу. Цицеронъ, который при извѣстіи объ убійствѣ поспѣшилъ въ Римъ, чтобы принять участіе въ возстановленіи свободы, и много содѣйствовалъ дѣлу примиренія, тоже вспомнилъ о ненависти, которую питалъ къ нему Антоній, и бѣжалъ далеко отъ Рима, а примѣру его послѣдовали другіе именитые сенаторы. Теперь Антоній могъ дѣйствовать безцеремоннѣе, тѣмъ болѣе, что онъ выдалъ свою дочь за сына Эмилія Лепида и привлекъ на свою сторону консула Долабеллу, выступившаго за Кесаря. Онъ заставилъ народъ дать ему полномочіе объявить всѣ не опубликованныя еще распоряженія послѣдняго имѣющими законную силу и чрезъ это получилъ такую власть, которая отдала въ его руки государство. При помощи подлоговъ Фаберія, который былъ секретаремъ Кесаря, онъ открылъ дивныя вещи, доставившія ему много денегъ, о чемъ онъ особенно заботился. Такимъ-то путемъ сицилійцы получили право римскаго гражданства, критяне — освобожденіе отъ налоговъ, царь Дейотаръ — Малоармянское царство: все это отъ имени Кесаря, но за огромныя суммы, наполнившія карманъ исполнителя Кесарева завѣщанія. Тѣлохранители изъ ветерановъ помогали ему подавлять всякое сопротивленіе въ зародышѣ. Посредствомъ предложеній, сдѣланныхъ сенату и народу, онъ отнялъ у Брута и Кассія ихъ провинціи вмѣстѣ со стоявшими тамъ легіонами, которые были

отданы ему самому и другому консулу, изъ присужденной ему провинціи Македоніи велѣлъ привести легіоны въ Италію и обмѣнялъ затѣмъ Македонію на Цизальпинскую Галлію и на завоеванныя Кесаремъ галльскія провинціи. Онъ сталъ полнымъ хозяиномъ положенія, а его братья — трибунъ Луцій и преторъ Гай поддерживали его наилучшимъ образомъ. Нахальства, съ которымъ онъ хозяйничалъ въ государствѣ, не выдержали даже приверженцы Кесаря, и тесть убитаго, Кальпурній Пизонъ, покинулъ городъ.

АВГУСТЪ.
Античный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Конфликтъ между Октавіаномъ и Антоніемъ. Но вотъ наступилъ новый оборотъ дѣлъ со стороны, съ которой властитель всего меньше ожидалъ этого. Знали, что юный Октавіанъ былъ усыновленъ Кесаремъ и назначенъ главнымъ его наслѣдникомъ, на обязанности котораго лежало уплатить завѣщанный народу легатъ. Но Октавіану было всего девятнадцать лѣтъ, онъ находился въ это время въ Аполлоніи для своего умственнаго и военнаго усовершенствованія, чтобы потомъ, въ качествѣ начальника конницы, вмѣстѣ съ диктаторомъ командовать предназначенными для войны съ парѳянами и здѣсь собранными легіонами. Никто не предполагалъ въ немъ достаточно мужества, чтобы приступить къ этому наслѣдству. Но Октавіанъ, несмотря ни на какую опасность, вдругъ высадился

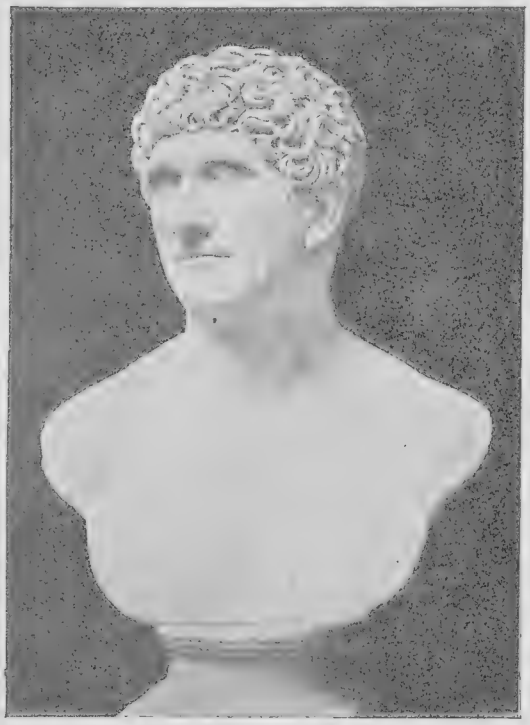
въ маленькомъ портовомъ городкѣ на калабрійскомъ побережьи. Его подкупающая наружность, его юность, его ласковое обхожденіе сразу плѣнили сердца старыхъ друзей и солдатъ Кесаря, которые привѣтствовали въ его лицѣ сына и мстителя за своего полководца и благодѣтеля и громко роптали на двусмысленное отношеніе Антонія къ убійцамъ. Во время проѣзда Октавіана, они со всѣхъ сторонъ стекались къ нему изъ колоній, предлагая свой мечъ въ его распоряженіе. Онъ прибылъ въ столицу въ такое время, когда Антоній объѣзжалъ колоніи ветерановъ въ Нижней Италіи, стараясь склонить ихъ на свою сторону. Еще до его возвращенія Октавіанъ успѣлъ сдѣлать необходимые шаги, чтобы придать своему усыновленію законную силу и заявилъ передъ всѣмъ народомъ, что онъ принимаетъ наслѣдство Кесаря и готовъ выплатить завѣщанную народу сумму. Уже подъ именемъ Гая Юлія Кесаря Октавіана онъ пригласилъ вернувшагося Антонія выплатить ему наличное состояніе покойнаго, отказываясь отъ дорогой обстановки. Антоній, для котораго не оставалось сомнительнымъ, какой силы достигъ бы наслѣдникъ Кесарева имени черезъ его состояніе и уплату легата, заявилъ, что выдача наслѣдства неудобоисполнима до тѣхъ поръ, пока не выяснено, куда дѣвались недостающія въ государственной казнѣ деньги. Дѣйствительно, по рѣшенію сената, начато было слѣдствіе по этому вопросу. Это замедленіе должно было лишить Октавіана расположенія народа, ждавшаго уплаты завѣщаннаго ему легата. Чтобы отразить ударъ, онъ продалъ свои имѣнія, а также имѣнія своихъ родителей и другихъ родственниковъ, конечно съ ихъ согласія, чтобы вырученными деньгами удовлетворить толпу. Вѣсть объ этомъ всюду вызвала громкій восторгъ, такъ что народъ чуть-было не выбралъ благороднаго юношу въ трибуны; ему были выражены симпатіи даже среди тѣлохранителей Антонія. Послѣдній, озабоченный сохраненіемъ своего вліянія, старался успокоить ветерановъ, предложивъ оказать новыя почести покойному полководцу. Но на его старанія сблизиться съ республиканской знатью, Цицеронъ, отважившійся прибыть въ столицу, отвѣтилъ въ первой изъ такъ-называемыхъ „филиппикъ“ (2 сент. 44 г.) требованіемъ, чтобы Антоній отмѣнилъ всѣ нововведенія, не принадлежащія Кесарю. Изъ-за этого вспыхнула открытая вражда между обоими старшими противниками, и Цицеронъ снова покинулъ

Римъ. Отстранить Октавіана Антонію уже совсѣмъ не удалось: никто не вѣрилъ сказкѣ о покушеніи на его жизнь, задуманномъ будто-бы Октавіаномъ.

Октавіанъ сближается съ республиканцами. Тогда онъ покинулъ городъ, съ цѣлью привести свои легіоны изъ Брундизія. Но и Октавіанъ отправился теперь въ Кампанію и очень скоро собралъ корпусъ. Въ то-же время онъ сблизился съ Цицерономъ, самымъ виднымъ вождемъ республиканцевъ, находившимся въ Италіи; ибо Брутъ и Кассій удалились, чтобы завладѣть данными имъ первоначально провинціями Македоніей и Сиріей, несмотря на принятыя позже противныя тому постановленія. Цицеронъ хорошо зналъ, что наслѣднику Кесаря не слѣдуетъ вполнѣ довѣрять, какъ ни обѣщался онъ быть послушнымъ полководцемъ сената; но онъ и прочіе сенаторы, которые хотѣли работать надъ возстановленіемъ республиканскаго устройства, лично нуждались въ защитѣ противъ Антонія, и имъ во всякомъ случаѣ казалось полезнымъ раздувать взаимную вражду кесаріанцевъ. Надѣялись впослѣдствіи справиться съ ними при помощи войскъ Брута и Кассія. Изъ Кампаніи Октавіанъ двинулся къ Риму, но отъ послѣдовавшаго за нимъ Антонія ушелъ въ Этрурію, откуда онъ завязалъ сношенія съ Децимомъ Брутомъ, находившимся въ Цизальпинской Галліи. Отпаденіе нѣсколькихъ изъ македонскихъ легіоновъ къ Октавіану помѣшало Антонію продолжать преслѣдованіе, и онъ ушелъ съ остаткомъ своихъ войскъ въ Аримины, чтобы оттуда захватить Цизальпинскую Галлію. Но Децимъ Брутъ не отдавалъ провинціи, а предоставилъ ее въ распоряженіе сената. Послѣдній, руководимый Цицерономъ, похвалилъ его образъ дѣйствій, отмѣнилъ насильственно проведенныя Антоніемъ постановленія о распредѣленіи провинцій, предоставилъ Октавіану право командовать, въ должности пропретора, войскомъ и назначилъ его ветеранамъ и отпавшимъ отъ непріятеля солдатамъ награды деньгами и землею и другія отличія.

Мутинская война (43 г.). Война вспыхнула задолго до того, какъ была объявлена сенатомъ. Децимъ Брутъ, запертый Антоніемъ въ Мутинѣ (Моденѣ), отстаивалъ за крѣпкими бульверками свою провинцію и свою жизнь. Тѣмъ временемъ между сенатомъ и Антоніемъ велись переговоры, пока, наконецъ, новымъ консуламъ 43 г., Гиртію и Вибію Пансѣ не дано было полно-

мочіе вмѣшаться въ дѣло для защиты государства; въ то-же время всѣ законы Антонія были объявлены недѣйствительными. Легіоны пошли по Эмиліевой дорогѣ на Мутину, чтобъ выручить сильно стѣсненнаго Брута. Гиртій и Октавіанъ завладѣли наконецъ Бононіей (Болоньей); но когда Панса проникъ за нее до Forum Gallorum (Castelfranco), онъ былъ разбитъ и самъ смертельно раненъ, и только своевременное появленіе Гиртія со свѣжими войсками отняло у противника побѣдные лавры. Немного дней спустя, подъ стѣнами Мутины была дана рѣшительная битва (21 апрѣля 43 г. до Р. Хр.). Гиртій въ кровопролитной схваткѣ оттѣснилъ непріятеля и штурмовалъ его лагерь, но самъ при этомъ палъ. Октавіанъ, взявшій теперь на себя командованіе всѣмъ войскомъ, довершилъ побѣду: Антоній бѣжалъ съ однимъ легіономъ и съ конницей въ Лигурію.



Тріумвиръ Маркъ Антоній.
Античный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Этою побѣдою сенату, казалось, была возвращена правительственная власть, а Цицеронъ сталъ спасителемъ республики. По его предложеніямъ, побѣдителямъ было назначено пятидесятидневное благодарственное празднество и другія почести, надъ Антоніемъ и его приверженцами объявлена опала и постановлено продолжать войну при содѣйствіи галльскихъ и испанскихъ намѣстниковъ. Этимъ надѣялись удовлетворить Октавіана,

а затѣмъ отстранить его отъ дѣлъ: преслѣдованіе врага поручили Децину Бруту, Секста Помпея, съ которымъ помирились, поставили во главѣ флота, Кассія же назначили начальникомъ всѣхъ азіатскихъ войскъ; Маркъ Брутъ еще раньше сталъ командовать легіонами Македоніи, Греціи и Иллиріи. Враги и убійцы Кесаря становились предводителями войскъ и флота Рима.

Октавіанъ порываетъ съ сенатомъ и соединяется съ кесаріанцами. Октавіанъ увидѣлъ, что пора отдѣлиться отъ сената и собрать вокругъ себя старыхъ кесаріанцевъ. Поэтому онъ далъ Вентидію, способному воякѣ и приверженцу Антонія, безпрепятственно пройти съ своими тремя легіонами изъ Пицена, черезъ Апеннины и Этрурію, къ разбитому полководцу. Съ полученными подкрѣпленіями послѣдній двинулся по лигурійскому побережью въ Нарбонскую Галлію и соединился тамъ съ войскомъ Лепида, который хотя по призыву сената и прибылъ поспѣшно изъ Испаніи, но въ виду событій въ Римѣ примкнулъ къ своему старому единомышленнику и родственнику.

Тріумвиръ Лепидъ.
Бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

Во главѣ десяти старыхъ легіоновъ Антоній держалъ подъ страхомъ не только намѣстника новыхъ галльскихъ провинцій, Мунатія Планка, но и Децима Брута. Чтобы не гнать и Октавіана въ лагерь противниковъ, сенатъ рѣшилъ теперь довѣрить ему защиту Италіи; однако для большей безопасности пригласили немедленно прибыть на помощь Брута, Кассія, Секста Помпея, намѣстниковъ Африки и Испаніи по ту сторону Эбро. Чтобы преду-

предшіе послѣднихъ, Октавіанъ послалъ въ Римъ 400 центуріоновъ и солдатъ изъ своего войска и потребовалъ черезъ нихъ обѣщанныхъ войскамъ денегъ, для себя — консульства, а кромѣ того отмѣны объявленной надъ Антоніемъ опалы. Когда же сенатъ сталъ медлить съ разрѣшеніемъ, то не достигшій еще двадцатилѣтняго возраста юноша двинулся подъ ворота столицы и силою добился консульства (19 авг. 43 г. до Р. Хр.), заплатилъ жалованіе своимъ солдатамъ изъ государственной казны, выдалъ изъ наслѣдства Кесаря гражданамъ легатъ и началъ судебное преслѣдованіе убійцъ своего усыновителя, которые въ то-же время были лишены данныхъ имъ провинцій. Цицеронъ бѣжалъ, сенатъ точно преобразился. Онъ разрѣшилъ Октавіану все: военное главенство надъ всѣми военачальниками, новые наборы, командованіе противъ Антонія и Лепида.

Послѣдніе, подкрѣпленные тѣмъ временемъ Мунатіемъ Планкомъ и Азиніемъ Полліономъ, испанскимъ намѣстникомъ, стали, въ особенности послѣ гибели Децима Брута, могущественнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, такъ что Октавіанъ началъ походъ съ того, что велѣлъ отмѣнить объявленную надъ ними опалу. Такимъ образомъ была подготовлена почва для соглашенія съ могущественными противниками: на одномъ островѣ рѣки Лавиніи близъ Бононіи сошлись для устныхъ переговоровъ и послѣ нѣсколькихъ дней совѣщанія заключили новый тріумвиратъ, положившій конецъ всѣмъ надеждамъ республиканцевъ: 43 легіона были готовы заставить повиноваться приказамъ властителей. Сошлись на томъ, чтобы добиться законнаго утвержденія тріумвирата на пять лѣтъ, на тотъ-же срокъ распредѣлить впередъ должности и провинціи среди своихъ приверженцевъ, истребить противниковъ обширными проскрипціями по образцу Суллы и, по пораженіи Кесаревыхъ убійцъ, раздать войскамъ области 18 богатѣйшихъ городовъ Италіи. Эта сдѣлка сообщена была солдатамъ и, по ихъ требованію, скрѣплена помолвкой Октавіана съ падчерицей Антонія Клодіей, законной дочерью неистоваго тиранна 58 г.

ВТОРОЙ ТРІУМВИРАТЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ тріумвировъ въ Римъ; наказаніе республиканцевъ; смерть Цицерона. Затѣмъ властители двинулись къ Риму. Преданному имъ консулу Квинту Педію, двоюродному брату Октавіана, они послали приказъ исполнить смертный приговоръ надъ Цицерономъ, его братомъ и 15 другими главами республиканской партіи. Одни изъ нихъ были убиты за ѣдою, другіе на улицѣ, а за бѣжавшими отправлены въ погоню сыщики. Въ ночной темнотѣ среди шума и крика началось общее бѣгство знати. Кто могъ знать, что́ станется съ нимъ утромъ? Вскорѣ войска показались подъ воротами Рима.

Въ первый день въ городъ вступилъ Октавіанъ, во второй—Антоній, въ третій—Лепидъ, каждый со своей лейбъ-гвардіей—cohors praetoria, и съ однимъ легіономъ. Затѣмъ они предстали предъ народнымъ собраніемъ, которое среди гробового молчанія выслушало рѣшенія властителей и, наконецъ, утвердило ихъ голосованіемъ, довершая тѣмъ эту комедію. Въ публичномъ объявленіи неизбѣжность кровавой карательной расправы была обоснована судьбою Кесаря, котораго-де плохо наградили за его мягкость. Было составлено два проскрипціонныхъ списка съ именами 300 сенаторовъ и 2,000 всадниковъ. За доставленіе головы каждаго опальнаго свободному человѣку обѣщано было 25,000 денаріевъ, а рабу 10,000, вмѣстѣ съ свободой. Ужасная охота на людей началась сначала въ Римѣ, свирѣпствовала затѣмъ въ его окрестностяхъ, а вскорѣ и по всей Италіи. Жены, отцы, сыновья, братья, друзья дѣлались въ это испорченное время предателями, лишь бы заработать кровавыя деньги. Никакое убѣжище, никакая святыня не защищала избранныхъ жертвъ. Однако и въ это время отнюдь не было недостатка въ проявленіяхъ прирожденнаго благородства человѣческой натуры. Нѣсколько вѣрныхъ рабовъ приняли смерть за своихъ повелителей. Одинъ сынъ спасъ своего отца въ похоронной процессіи, одна женщина спрятала мужа подъ крышей, хотя всякое утаиваніе подобнаго рода могло навлечь гибель.

Благодаря поспѣшному бѣгству въ свой Тускуланъ Цицеронъ на нѣкоторое время ушелъ отъ преслѣдованія. Но такъ какъ

здѣсь нельзя было найти безопасности, то онъ бѣжалъ къ берегу. Его братъ и сынъ послѣдняго, также зачисленные въ кровавый списокъ, до сихъ поръ сопровождали его, но вернулись тайкомъ въ Римъ, чтобъ раздобыть денежныя средства, нужныя для дальнѣйшаго бѣгства. Они были узнаны и одновременно приняли смерть, выпросивъ себѣ это въ видѣ милости. Самъ же престарѣлый консуляръ Цицеронъ спасся на корабль; однако онъ снова раздумалъ и пристalъ къ берегу. Онъ хотѣлъ пѣшкомъ вернуться въ Римъ, но вскорѣ понялъ безполезность такого путешествія и ушелъ опять въ море. Проплывъ вдоль берега, онъ высадился около Формій, чтобы остановиться на ночь въ своемъ тамошнемъ помѣстьи. По преданію, стая каркающихъ вороновъ обратила вниманіе вѣрныхъ его слугъ на приближающуюся опасность. Своими настоятельными просьбами они заставили хозяина сѣсть въ носилки, которыя они съ крайнимъ напряженіемъ силъ понесли къ морю. Тѣмъ временемъ въ виллу ворвался дикій военный трибунъ Попиллій Ленатъ, котораго Цицеронъ нѣкогда защищалъ передъ судомъ. Со своими сподручными онъ обыскалъ домъ, сады и другія постройки. Наставленный предателемъ-рабомъ, онъ послалъ отрядъ въ погоню за Цицерономъ. Когда престарѣлый ораторъ замѣтилъ кровожадныхъ преслѣдователей, онъ велѣлъ остановиться и нагнулся: тутъ его поразилъ смертельный ударъ. Голову и руку старика убійцы отнесли къ Антонію, который заплатилъ за нихъ двойную плату и велѣлъ эти оба предмета своей ненависти выставить на самомъ верху ораторской каѳедры, гдѣ находились уже головы другихъ опальныхъ. Разумѣется, имѣнія Цицерона, какъ и всѣхъ опальныхъ, были конфискованы. Отъ всей семьи остался только его 22-лѣтній сынъ, служившій въ войскѣ М. Брута.

Всѣхъ спасшихся республиканцевъ съ простертыми объятіями приняли Брутъ и Секстъ Помпей. Когда убійства кончились, то сенатъ и граждане съ трепетомъ присудили тріумвирамъ гражданскій вѣнокъ (corona civica) за то, что они сохранили жизнь столь многимъ людямъ, которыхъ они могли бы убить. Но и оставшихся въ живыхъ нельзя было назвать счастливыми. Властители нуждались въ деньгахъ для войны съ Брутомъ и Кассіемъ, а государственная казна была пуста. Имѣній опальныхъ гражданъ далеко не хватило для покрытія расходовъ. Поэтому

тріумвиры потребовали половины годового дохода земельныхъ угодій въ Италіи, налога на рабовъ и въ то-же время и самихъ рабовъ, въ видѣ экипажа для флота, а со всякаго наличнаго состоянія всего дохода за одинъ годъ. Такимъ образомъ, состоятельные классы всей Италіи были наказаны за попущеніе убійства Кесаря. Но надо было совершить еще одну кровавую расправу, которая въ то-же время и обезпечила бы вполнѣ господство тріумвирата.

Борьба съ убійцами Кесаря; битвы при Филиппахъ (42 г.). Брутъ и Кассій тѣмъ временемъ сдѣлались господами востока, уничтожили враждебныхъ намѣстниковъ, собрали войска, корабли и денежныя средства. Но вмѣсто того, чтобы направиться въ Италію, какъ надѣялись Цицеронъ и сенатъ, Брутъ отправился въ Азію. Въ Смирнѣ оба полководца соединились и порѣшили сообща выдержать угрожающую борьбу съ Октавіаномъ и Антоніемъ. Чтобы обезпечить себѣ тылъ, они подчинили себѣ Ликію и Родосъ, послѣ чего они съ 19 легіонами, 20,000 всадниковъ и многочисленными легковооруженными, численностью всего до 100,000, двинулись въ походъ черезъ Геллеспонтъ вдоль берега на Македонію, гдѣ уже стояли готовые къ бою легіоны тріумвировъ. Въ лицѣ Секста Помпея, который завладѣлъ Сициліей и разбилъ флотъ противниковъ, республиканцы господствовали и на морѣ, и такъ какъ въ ихъ войскахъ былъ бодрый духъ и готовность пожертвовать своею жизнью за старое государственное устройство, то побѣда казалась имъ обезпеченной.

Начало, дѣйствительно, было благопріятно. Брутъ и Кассій оттѣснили передовыя войска противниковъ отъ одной позиціи къ другой и, обойдя ихъ, заняли высоко расположенный городъ Филиппы. На разстояніи одного часа пути на востокъ отъ города они разбили два укрѣпленныхъ окопами лагеря на двухъ холмахъ, между которыми пролегала дорога въ Амфиполь. Изъ Амфиполя двинулся къ нимъ навстрѣчу Антоній, который оставилъ тамъ свой обозъ; ибо Лепиду поручена была охрана Италіи отъ нападеній флота и республиканскихъ наборовъ, а Октавіанъ больной лежалъ въ Диррахіѣ. Антоній разбилъ свой лагерь у самой подошвы занятыхъ республиканцами холмовъ, въ болотистой низменности, тянущейся по направленію къ побережью. Дрова, воду, даже провіантъ приходилось съ большимъ трудомъ

доставать изъ Амфиполя, отдаленнаго отсюда на полтора часа пути. Вожди противниковъ знали это и рѣшили выждать здѣсь наступленія зимы; посредствомъ вала и рва они обезпечили себѣ сообщеніе другъ съ другомъ, а прежде всего съ моремъ, откуда они получали свой подвозъ. Нападеніе, произведенное Антоніемъ на линію подвоза, которую защищалъ Кассій, увлекло и людей Брута, и они безъ приказанія совершили фланговое нападеніе, изъ чего произошла общая схватка. Октавіанъ, прибывшій тѣмъ временемъ къ своимъ, больной, въ носилкахъ, командовалъ своимъ крыломъ. На него напалъ самъ Брутъ сначала съ фронта, а скоро и съ фланга, опрокинулъ его и захватилъ его лагерь. Но съ другой стороны Антоній взялъ укрѣпленія Кассія, и, увидѣвъ, что бой возгорѣлся и на лѣвомъ крылѣ, смѣло устремился на гору и благополучно захватилъ слабо защищенный лагерь противника. Со стыда и отчаянія Кассій самъ наложилъ на себя руки. Его разсѣянные легіоны собраны были Брутомъ; онъ ободрилъ ихъ къ храброму сопротивленію, обѣщая, въ случаѣ побѣды, всему войску новыя награды.

Еще ничего не погибло; съ обѣихъ сторонъ побѣда и пораженіе распредѣлены были поровну, и республиканскій флотъ одержалъ даже побѣду въ Іонійскомъ морѣ, причемъ попалъ въ плѣнъ непріятельскій отрядъ, въ томъ числѣ и Марсовъ легіонъ. Брутъ слѣдовалъ своей старой выжидательной тактикѣ, и ему дѣйствительно удалось поддержать сообщеніе съ моремъ. Но непріятельскіе солдаты съ каждымъ днемъ становились болѣе дерзкими; они уже захватили одинъ холмъ подъ самымъ носомъ Брута и съ насмѣшками подходили къ его лагерному валу. Этого не снесли его солдаты, которые нѣсколькими днями раньше одержали побѣду и въ значительной своей части сражались раньше подъ начальствомъ Кесаря: они громко стали требовать сигнала къ бою, а вслѣдъ за ними и офицеры, которые при Брутѣ скорѣе рѣшались вмѣшиваться въ руководство войскомъ, нежели при строгомъ Кассіѣ. Главнокомандующій неохотно повелъ войска въ бой, гнѣвно увѣщевая ихъ исполнить теперь свой долгъ. И они его исполнили. Его когорты стояли непоколебимо въ рукопашной схваткѣ, мало по малу подвигались впередъ и оттѣсняли враговъ; но на другомъ флангѣ Антоній въ этотъ день еще быстрѣе, чѣмъ въ первый оттѣснилъ республиканскій

строй, прорвалъ и разсѣялъ его. Послѣ этого онъ ударилъ въ тылъ того крыла, гдѣ командовалъ Брутъ. Въ отчаянной схваткѣ убиты были тутъ Кассій, племянникъ павшаго полководца, Катонъ, сынъ Катона Утическаго, и вѣроятно также Каска, нѣкогда нанесшій первый ударъ Кесарю, и много другихъ извѣстныхъ лицъ. Брутъ бился, пока ряды окончательно не разстроились и бѣгство не стало общимъ.

Приблизительно съ четырьмя легіонами онъ бѣжалъ въ горы, жестоко преслѣдуемый Антоніемъ, тогда какъ Октавіанъ остался подъ непріятельскимъ лагеремъ. На слѣдующій день Брутъ увидѣлъ, что онъ кругомъ оцѣпленъ и отрѣзанъ сторожевыми постами; на запросъ солдатамъ, отважатся ли они прорваться, они отвѣтили рѣзкимъ нѣтъ: они предпочли отказаться отъ проиграннаго дѣла. Друзья тогда стали побуждать Брута къ бѣгству, но онъ возразилъ: „Да, бѣжать мы должны, но не ногами, а руками“. Онъ хотѣлъ этимъ выразить свое желаніе покончить съ собой по примѣру Катона. Его помощникомъ при этомъ былъ грекъ Стратонъ. Такимъ образомъ, онъ умеръ еще прежде, чѣмъ Антоній взялъ его лагерь. Республиканская легенда вскорѣ постаралась прославить самоубійство убійцы Кесаря всяческими прикрасами. Она повѣствуетъ, будто и жена его Порція, дочь Катона, при извѣстіи о смерти мужа лишила себя жизни, проглотивъ раскаленные уголья.

Маркъ Антоній.
Бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Судъ былъ совершенъ, тѣнь Кесаря умилостивлена. Республиканское войско было разсѣяно и сметено; только господствовавшій на морѣ Помпей и другіе республиканскіе начальники фло-

товъ упорствовали въ рѣшительномъ сопротивленіи, хотя и не могли уже остановить хода событій: востокъ также принадлежалъ теперь тріумвирамъ.

Тріумвиры дѣлятъ государство. Оба побѣдителя, не принимая во вниманіе третьяго тріумвира, подписавшаго вмѣстѣ съ ними договоръ въ Бононіи—онъ навлекъ на себя во время войны подозрѣніе въ невѣрности — подѣлили между собой государство, оставивъ Лепиду только африканскія провинціи. Октавіанъ взялъ на себя объясненіе съ послѣднимъ и борьбу съ Помпеемъ; кромѣ того ему надо было обезпечить солдатъ землею, тогда какъ Антоній хотѣлъ успокоить востокъ и достать нужныя деньги. Болѣе трудная задача безъ сомнѣнія досталась Октавіану, и Антоній, не имѣвшій охоты долго дѣлиться съ нимъ во владычествѣ, былъ готовъ еще затруднить ее, чтобы приблизиться къ своей цѣли. Правда, африканскія провинціи были переданы по требованію, и Лепидъ удовольствовался ими, потому что не могъ измѣнить дѣла; да и Сардинію съ успѣхомъ защищали противъ Помпея; но тѣмъ больше затрудненій представило поселеніе ветерановъ. Для 170,000 солдатъ, которые сверхъ ожиданія потребовали своего увольненія, не хватило обѣщанныхъ земель, а наличныхъ суммъ оказалось недостаточно для покупки нужной земли и уплаты солдатамъ обѣщанныхъ наградъ. Ожесточенные ветераны пустили въ ходъ силу и прогнали владѣльцевъ съ женами и дѣтьми съ ихъ дворовъ.

Перузійская война (42—41 г.). Общимъ недовольствомъ воспользовались жена Антонія, интриганка Фульвія, и его братъ Луцій, консулъ 41 г., для того чтобы подъ предлогомъ любви къ народу и къ свободѣ возбудить волненія. Тогда Октавіанъ отослалъ свою жену Клодію (стр. 168) къ ея матери, устранилъ нѣкоторыя суровыя черты въ производствѣ отчужденій, отпустилъ бѣднѣйшимъ гражданамъ годовую наемную плату за квартиру и предложилъ консулу рѣшать спорные вопросы третейскимъ судомъ. Тщетно; тотъ желалъ войны. Онъ напалъ врасплохъ на столицу и заставилъ народъ формально возложить на него борьбу съ Октавіаномъ. Послѣдній только благодаря военнымъ способностямъ своего друга юности, Випсанія Агриппы, да и то съ трудомъ, одержалъ побѣду. Луцій Антоній, наконецъ, былъ запертъ въ этрусскомъ городѣ Перузіи и при-

нужденъ сдаться, хотя къ нему и поспѣшили на выручку галльскіе намѣстники его брата. Впрочемъ Октавіанъ отнесся къ плѣннымъ милостиво, не желая порвать раньше времени съ Маркомъ Антоніемъ.

Луцій Антоній.
Античная статуя.

Антоній и Клеопатра. Антоній сначала предавался выполненію своихъ задачъ. Народы востока съ готовностью повиновались его приказамъ и послѣ контрибуцій, уже взысканныхъ съ нихъ республиканцами, собрали около 450 милліоновъ рублей. Но вотъ выступила на сцену египетская царица Клеопатра, которая разожгла его страсти, и воинъ, стремившійся дотолѣ къ славѣ и власти, сталъ рабомъ женщины. Это случилось такъ. Онъ потребовалъ ее къ своему суду оправдываться въ своемъ поведеніи во время Междоусобной войны, и она отправилась къ всемогущему тріумвиру въ городъ Тарсъ, въ Киликію, увѣренная въ побѣдѣ. Ея роскошный корабль съ вызолоченной кормой и пурпуровыми парусами медленно плылъ вверхъ по Кидну, и серебряныя весла мѣрно опускались въ синія воды подъ звуки флейтъ, свирѣлей и цитръ. Царица возлежала подъ расшитымъ золотомъ балдахиномъ на диванѣ, разряженная какъ сама богиня любви; крылатые отроки, изображавшіе аму-

Маркъ Антоній и Клеопатра.
Серебряная монета.

ровъ, стояли по обѣимъ сторонамъ ея, навѣвая прохладу, а прекраснѣйшія дѣвушки въ образѣ нимфъ и грацій виднѣлись у кормы и канатовъ. Жители Тарса оставили тріумвира одного на форумѣ, побѣжали на берегъ и удивленно воскликнули, что сама Афродита идетъ на благословленіе Азіи. Антоній пригласилъ ее къ своему столу; но она попросила его къ себѣ на корабль и галантный римлянинъ пришелъ, увидѣлъ и былъ побѣжденъ. Роскошь покоевъ, море свѣта ослѣпили его при входѣ. Еще болѣе ослѣпила его сама царица. Она, въ пору своего дѣвичьяго расцвѣта восхищавшая великаго Кесаря, теперь была зрѣлой красавицей, которая благодаря граціи своихъ движеній, обольстительному звуку голоса, остроумію и тысячѣ хитростей кокетства становилась прямо неотразимой. Антоній послѣдовалъ за ней въ Александрію и потратилъ при ея дворѣ много драгоцѣннаго времени. Не отпуская его ни днемъ, ни ночью, она придумывала все новыя развлеченія: не только давала ему самые пышные пиры, но съ нимъ и бражничала и играла въ кости, какъ простой воинъ, охотилась, ловила рыбу, присутствовала на ученьи солдатъ и ночью маскированная бѣгала съ нимъ по улицамъ, къ радости александрійцевъ, осчастливленныхъ такимъ милостивымъ вниманіемъ двора.

Договоры Брундизійскій (40 г.) и Мизенскій. За такими неприличествующими мужчинѣ занятіями тріумвиръ забывалъ какъ о своемъ долгѣ, такъ и о своей выгодѣ. Парѳяне вторглись въ Сирію и разбили его войско. Его жена, его братъ ожесточенно бились съ Октавіаномъ за Перузію. Но лишь тогда, когда пала Перузія, когда парѳяне появились въ Палестинѣ и когда Лабіенъ, сынъ павшаго подъ Мундой помпеянца, во главѣ ихъ полчищъ побѣдоносно прошелъ по всей Передней Азіи, лишь тогда онъ собрался съ силами. Онъ соединился съ Секстомъ Помпеемъ и остатками республиканскаго флота и напалъ на Италію. Но смерть Фульвіи, много помогавшей ему своими умными совѣтами, расположила его въ пользу мира, да и Октавіанъ теперь еще не могъ желать рѣшенія дѣла оружіемъ. Такимъ образомъ былъ заключенъ Брундизійскій договоръ (40 г.), скрѣпленный бракосочетаніемъ Антонія съ Октавіей, сестрой Октавіана. По этому договору Антонію достались всѣ провинціи къ востоку отъ Скодры въ Иллиріи, а Октавіану—западныя страны. Лепиду пришлось по-прежнему до-

вольствоваться Африкой. Секстъ Помпей долженъ былъ быть признанъ намѣстникомъ Сициліи подъ главенствомъ Октавіана.

Радостно привѣтствовалъ народъ этотъ договоръ, сулившій ему, повидимому, безопасность и миръ. Но Помпей не желалъ подчиниться требованію очистить недавно имъ завоеванную Сардинію, и такъ какъ онъ съ своимъ превосходнымъ флотомъ и значительными дессантными войсками вполнѣ былъ въ состояніи отрѣзать столицу отъ подвоза продовольствія и помѣшать морскимъ сообщеніямъ, то онъ добился въ Мизенскомъ договорѣ (39 г.) далеко лучшихъ условій, благодаря которымъ сталъ четвертымъ членомъ въ союзѣ правителей. За обязательство заботиться о снабженіи столицы продовольствіемъ ему дали въ самостоятельное управленіе, кромѣ Сициліи, еще Сардинію и Пелопоннесъ, возмѣстили отцовское состояніе, посулили консульство и другія почести; какъ ему, такъ и всѣмъ опальнымъ, служившимъ въ его войскѣ, разрѣшено было вернуться и возвращено состояніе цѣликомъ или частью, а свободнымъ гражданамъ изъ числа его солдатъ обѣщаны земли, рабамъ же—свобода.

Сицилійская война (38—36 г. до Р. Хр.). Однако дружба съ Секстомъ Помпеемъ была не прочна. Съ той и съ другой стороны совершались нарушенія договора, и когда Октавіанъ не выдалъ доставшейся ему путемъ измѣны Сардиніи, дѣло дошло до войны. Владыка Италіи и запада оказался въ самомъ скверномъ положеніи, когда ни Антоній, ни Лепидъ не захотѣли прислать ему помощи: тягость налоговъ, дороговизна и пріостановка всѣхъ сношеній возбудили волненія, лучшій его полководецъ, Агриппа, задержанъ былъ въ Галліи, а флотъ былъ разбитъ непріятелемъ. Лишь въ слѣдующемъ году, когда Агриппа принялъ руководство войною и создалъ новый флотъ, дѣла стали лучше, и когда Антоній теперь все-таки явился съ 300 кораблей на помощь, то ему закрыли входъ въ Брундизійскій портъ и поблагодарили его за его старанія. Только посредничество Октавіи помѣшало разрыву. Оба тріумвира встрѣтились въ Тарентѣ и сошлись на томъ, чтобы поддерживать другъ друга въ борьбѣ съ Помпеемъ и съ пароянами, а также продлить срокъ тріумвирата до 1 января 31 года. Затѣмъ разошлись; Антоній съ вспомогательнымъ отрядомъ Октавіана отправился на востокъ, на войну съ пароянами, а Октавіанъ съ кораблями Антонія—свести счеты съ Помпеемъ.

Флотъ его вышелъ весной 36 г. изъ Путеолъ и Тарента въ море, чтобы напасть на Сицилію; въ то же время высадился на этотъ островъ Лепидъ съ 12 легіонами и 5000 всадниками изъ Африки, съ цѣлью присутствовать при распредѣленіи добычи. Тирренская эскадра, при которой находился самъ Октавіанъ, сильно пострадала отъ бури; но Помпей далъ ему время исправить поврежденія, и оба флота снова отплыли къ проливу, куда одновременно должны были прибыть легіоны; остальныя же войска присоединились къ Лепиду, чтобы ускорить его наступленіе. Помпей стянулъ свои эскадры въ этомъ-же мѣстѣ, оберегая порты сѣвернаго побережья. Въ то время какъ Агриппа двинулся отъ Липарскихъ острововъ на эту позицію, Октавіанъ поспѣшилъ къ восточному берегу, чтобы съ тамошней эскадрой напасть на Тавромені̆. Но онъ пропустилъ надлежащій моментъ. Хотя онъ и узналъ, что Агриппа принудилъ при Милахъ непріятельскій флотъ къ отступленію, все-таки онъ подождалъ съ переправой до слѣдующаго дня. Между тѣмъ теперь не только не удалось нападеніе на городъ, но на морѣ вдругъ появился флотъ Помпея, а на сушѣ—съ одной стороны его конница, а съ другой—пѣхота. Слабый отрядъ его погибъ бы, если бы ему не удалось прорваться сквозь линіи непріятелей. По счастью уже стемнѣло, и противники отложили нападеніе до утра. Но когда Октавіанъ попытался затѣмъ прорваться съ флотомъ, то онъ, послѣ продолжительной битвы, потерпѣлъ пораженіе: корабли его были захвачены или сожжены, самъ онъ едва спасся, въ сопровожденіи одного только щитоносца, на италійскій берегъ, откуда онъ немедленно послалъ черезъ Агриппу помощь десанту, оставленному посреди враговъ. Если этотъ замыселъ и не удался, то отъ этого положеніе Помпея все-таки не стало лучше. Послѣ того, какъ Октавіанъ высадилъ, наконецъ, на островъ не менѣе 21 легіона и 20,000 всадниковъ и соединился съ Лепидомъ, было захвачено одно мѣсто за другимъ, и Помпей наконецъ долженъ былъ приступить къ рѣшительному бою, который состоялся при Навлохѣ. 300 военныхъ кораблей столкнулись среди громкихъ боевыхъ кликовъ экипажа, и сухопутныя войска обѣихъ сторонъ были зрителями этого столкновенія. Началось оно градомъ камней, стрѣлъ и зажигательныхъ снарядовъ, пущенныхъ изъ ручного оружія и изъ грубыхъ орудій. Затѣмъ суда стали съ трескомъ стал-

киваться другъ съ другомъ, или же, пуская снаряды въ обѣ стороны, проплывали между непріятельскими кораблями, обламывая ихъ весла или сцѣпляясь съ ними для абордажа. Агриппа одержалъ полную побѣду. Сопротивленіе Помпея кончилось: онъ былъ покинутъ своими войсками и съ немногими кораблями бѣжалъ въ Азію, гдѣ возобновленная Антоніемъ война съ парѳянами открывала новые виды.

Удаленіе Лепида; Октавіанъ — владыка запада. Лепидъ принялъ сдачу Помпеевыхъ легіоновъ, не дожидаясь разрѣшенія Октавіана, и позволилъ имъ вмѣстѣ съ его легіонами грабить богатую Мессину. Со времени новаго приращенія своихъ войскъ онъ почувствовалъ себя столь сильнымъ, что когда на слѣдующій день къ нему пришелъ самъ Октавіанъ и сталъ дѣлать ему упреки, то онъ далъ ему дерзкій отвѣтъ. Снова предстояла междоусобная война, къ великой досадѣ солдатъ, также и солдатъ Лепида, которымъ неутомимый сынъ Кесаря нравился больше, нежели ихъ собственный, лѣнивый полководецъ. Октавіанъ зналъ это и убѣждалъ ихъ черезъ посланцевъ перейти къ нему; затѣмъ онъ со своими эскадронами подъѣхалъ къ ихъ лагерю и, покинувъ прикрытіе, смѣло отправился одинъ въ середину чужихъ воиновъ. Онъ увѣрялъ ихъ, какъ тяжело ему будетъ сражаться со своими прежними союзниками, обѣщалъ войскамъ Помпея прощеніе и очень скоро расположилъ ихъ къ себѣ. Тутъ, правда, Лепидъ выскочилъ изъ своей палатки и прогналъ подстрекателей вмѣстѣ съ смѣлымъ непрошеннымъ гостемъ изъ лагеря. Но отпаденія солдатъ уже нельзя было остановить, и покинутый полководецъ былъ вынужденъ воззвать къ милости побѣдителя. Послѣдній даровалъ ему жизнь; но лишилъ его званія тріумвира (36 г.). Съ тѣхъ поръ Лепидъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни въ Цирцеяхъ въ должности главнаго понтифика.

Октавіанъ тотчасъ же велѣлъ занять африканскія провинціи, но сохранилъ за собою и Сицилію. Теперь только онъ въ дѣйствительности сталъ владыкой запада. Онъ располагалъ 45 легіонами, 25,000 всадниковъ и 600 линейныхъ кораблей, всѣмъ моремъ и сушей отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Далматскихъ горъ. Его могущество поднялось такъ высоко, что должно было возбудить въ Антоніѣ зависть и тревогу; въ особенности смѣщеніе Лепида сдѣлало разрывъ между обоими властителями

только вопросомъ времени. Октавіанъ зналъ это и готовился къ тому, чтобы рѣшающая борьба застала его какъ можно болѣе сильнымъ. Вернувшись въ Римъ и встрѣченный съ новыми почестями, онъ возвѣстилъ стонущему народу наступленіе мира и отпустилъ недоимки. Затѣмъ онъ твердой рукой подавилъ разбойничества въ странѣ и устроилъ полицейскую стражу въ столицѣ, предоставилъ магистратамъ болѣе широкія права и въ будущемъ посулилъ сложеніе своей власти тріумвира; кромѣ того онъ позаботился объ усиленіи блеска своего правленія грандіозными постройками и праздничными играми, а также упроченіемъ и расширеніемъ государства въ пограничныхъ областяхъ. Онъ самъ отправился въ походъ и съ удивительной энергіей сломилъ сопротивленіе крѣпкихъ горныхъ племенъ, жившихъ за истрійско-далматской береговой полосой (35—34 гг.). Тѣмъ временемъ онъ непрерывно поддерживалъ сношенія съ Антоніемъ, позволялъ присуждать ему почести и за побѣды и за пораженія и избѣгалъ всего, что́ могло бы побудить его къ преждевременному объявленію войны.

Разрывъ съ Антоніемъ. Антоній послѣднее время вмѣстѣ съ Октавіей имѣлъ свою резиденцію въ Аѳинахъ. Но до своего отъѣзда на войну съ парѳянами, онъ отправилъ ее съ дѣтьми обратно въ Римъ, ради ихъ безопасности, какъ онъ говорилъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы безпрепятственно завязать снова сношенія съ Клеопатрой. Послѣднюю онъ велѣлъ привезти въ Сирію, подарилъ ей Финикію, Кѣлесирію и другія области и усыновилъ рожденныхъ отъ нея дѣтей. Затѣмъ онъ выступилъ съ громаднымъ войскомъ, чтобы отомстить парѳянамъ за пораженіе Красса (въ 53 г.) и отвоевать утраченныя тогда римскія знамена. Но онъ во всемъ слишкомъ торопился. Когда онъ послѣ далекаго похода черезъ Аравію и Арменію еще поздней осенью вторгся въ Мидію и сталъ опустошать страну, то съ самаго-же начала потерялъ свой осадный паркъ и былъ покинутъ самымъ сильнымъ изъ своихъ союзниковъ, армянскимъ царемъ. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ осадить непріятельскую столицу Ктезифонъ; но тогда появилось несмѣтное войско парѳянъ съ превосходной конницей, одинаково быстрой и въ натискѣ и въ бѣгствѣ. Безпрерывныя нападенія, недостатокъ пищи и мирныя заявленія ихъ царя побудили его начать от-

ступленіе, которое стоило ему еще массы людей. Тѣмъ не менѣе онъ посылалъ въ Римъ вѣсти о побѣдахъ.

Октавія сдѣлала попытку добраться до своего мужа. Она доѣхала до Аѳинъ, гдѣ получила отъ него строгое приказаніе остаться тамъ, такъ какъ-де онъ предполагаетъ совершить новый походъ. Уже тогда Октавіанъ стоялъ за разводъ; но благородная женщина не хотѣла вѣрить тому, что̀ ей разсказывали о скандальной жизни мужа, и она отказывалась. Тѣмъ не менѣе Антоній не измѣнялся, а наносилъ ей, Октавіану и римскому народу новыя оскорбленія. Наказавъ армянскаго царя за его измѣну, онъ справилъ тріумфъ въ Александріи, надѣлилъ Клеопатру и ея дѣтей новыми провинціями и формально призналъ Птолемея Кесаріона сыномъ Кесаря отъ Клеопатры. Самые видные его приверженцы стали удаляться отъ него, а когда онъ имѣлъ дерзость сообщить сенату о своихъ распоряженіяхъ относительно провинцій, то въ послѣднемъ раздались открытыя жалобы на жизнь и управленіе Антонія. Послѣ этого Антоній прислалъ Октавіи разводъ. Октавіанъ отвѣтилъ на это тѣмъ, что подалъ сенату и народу письменныя доказательства не-римскаго образа дѣйствій Антонія, послѣ чего тотъ лишенъ былъ своихъ обѣихъ должностей, и была объявлена война Клеопатрѣ, за присвоеніе римскихъ владѣній.

Октавія.
Бронзовый бюстъ въ Луврскомъ музеѣ.

Морская битва при Актіѣ (Actium). Опять два римлянина повели на бой другъ съ другомъ народы италико-европейскаго запада и греко-азіатскаго востока. Впрочемъ и Антоній тоже располагалъ 19 италійскими легіонами, такъ что въ сущности споръ, повп-

димому, долженъ былъ рѣшиться между гражданами. Эти легіоны Антоній давно уже стянулъ въ Малой Азіи; теперь онъ потребовалъ отъ нихъ и отъ государей Азіи клятвы въ вѣрности и, въ награду за побѣду, обѣщалъ возстановленіе республики. Но больше, чѣмъ на свои легіоны, полагался онъ на флотъ, восьми- и десятиярусныя суда котораго съ ихъ вооруженными деревянными башнями походили на плавучія крѣпости. Правда, ему стоило большого труда собрать гребцовъ для своей армады; это обстоятельство и замедленное далекимъ разстояніемъ прибытіе вспомогательныхъ войскъ и эскадръ изъ Понта, изъ Мидіи, Аравіи, Ѳракіи, Ливіи помѣшало Антонію съ своей стороны открыть нападеніе на Италію. Онъ дошелъ до Коркиры, но затѣмъ вернулся въ Патры въ Ахайю, чтобъ тамъ перезимовать.

Стояла еще зима, когда Агриппа, адмиралъ Октавіана, сталъ тревожить берега Пелопоннеса и вызвалъ противниковъ изъ теплыхъ лагерей. Октавіанъ высадился весною сперва на Коркиру, а затѣмъ къ югу отъ Акрокеравнскихъ горъ. Его легіоны двигались по эпирскому побережью на одной линіи съ морскими силами. На одной возвышенности сѣвернаго берега Амбракійскаго залива они расположились укрѣпленнымъ лагеремъ. Насупротивъ себя, у мыса Актія, при входѣ въ заливъ, они увидали флотъ и построенное на равнинѣ сухопутное войско противника, надъ которымъ, на вершинѣ мыса, блисталъ мраморный храмъ Аполлона. Сначала Антоній ограничивался обороной; но когда всѣ его силы соединились, онъ переправился черезъ заливъ и попытался запереть врага. Между тѣмъ конница его была разбита. Такъ какъ теперь и Агриппа завоевалъ въ тылу у него Коринѳъ и другіе города и уничтожилъ отправленную Антоніемъ эскадру, то послѣдній упалъ духомъ и отступилъ на прежнюю свою позицію. Недостатокъ подвоза и усиливавшееся отпаденіе отъ него его приверженцевъ заставили его, однако, принять бой. Сценой вооруженнаго рѣшенія онъ избралъ море. Онъ посадилъ на свои корабли 20,000 легіонеровъ и 2,000 стрѣлковъ. Сухопутныя войска обѣихъ сторонъ, положивъ оружіе, были зрителями страшнаго боя, завязавшагося передъ ними около полудня 2 сентября. Антоній далъ своимъ колоссальнымъ судамъ приказъ спокойно дождаться нападенія; но когда Октавіанъ сталъ медлить съ нападеніемъ, то лѣвое крыло двинулось впередъ. Октавіанъ

велѣлъ грести назадъ, чтобы еще больше отдалить врага отъ входа въ заливъ; затѣмъ сдѣлалъ нападеніе и онъ. Это былъ совершенно новый родъ морской битвы. Тяжеловѣсность кораблей противника лишала ихъ силы удара, но съ другой стороны подвижныя, но легкопостроенныя либурнскія галеры Октавіана носовыми ударами тоже ничего не могли подѣлать съ крѣпкими колоссами. Поэтому они въ большомъ числѣ окружали отдѣльные корабли и обстрѣливали ихъ, точно крѣпости, но и сами сильно при этомъ страдали, пока наконецъ Агриппа не растянулъ своего лѣваго крыла, такъ что могъ сдѣлать обходъ, и чрезъ это разорвалъ непріятельскую боевую линію. Тогда Клеопатра, считая дѣло Антонія проиграннымъ или охваченная женскимъ страхомъ, со своими 60 египетскими галерами, составлявшими арьергардъ, вышла за открытыя линіи. Свѣжій вѣтеръ съ суши надулъ поднятые паруса и унесъ бѣжавшую царицу изъ дикаго боя въ даль. Антоній узналъ пурпуровыя паруса возлюбленной. Желая вернуть ее, умереть съ нею, еще разъ повидать ее—онъ и самъ не зналъ, чего хотѣлъ—тріумвиръ поспѣшилъ за нею въ слѣдъ. Когда его приняли на бортъ ея судна, то онъ сталъ было дѣлать упреки царицѣ; но ея видъ, ея голосъ лишили его рѣчи и разсудка; безвольный, онъ далъ себя увезти къ Тенарскому мысу, а затѣмъ въ Египетъ. Тѣмъ временемъ флотъ неутомимо продолжалъ бой, пока не стало извѣстно бѣгство полководца; тогда онъ сдался, а семь дней спустя его примѣру послѣдовало сухопутное войско. Битва при Актіѣ рѣшила судьбу государства; побѣдитель посвятилъ захваченные корабли Аполлону Актійскому, въ честь котораго устроилъ великолѣпныя игры; а на мѣстѣ, гдѣ стоялъ его лагерь, онъ велѣлъ основать городъ, который назвалъ Никополемъ (городомъ побѣды).

Монета съ изображеніемъ Агриппы.

Октавіанъ преслѣдуетъ Антонія и Клеопатру. Октавіанъ не сразу по одержаніи побѣды преслѣдовалъ бѣглецовъ. Солдатъ Антонія онъ распредѣлилъ по войскамъ, а выслужившихъ срокъ отпустилъ въ Италію, куда во избѣжаніе бунта послалъ вслѣдъ за

ними Агриппу; самъ же онъ отправился туда послѣ того, какъ возстановилъ порядокъ въ Греціи и въ Малой Азіи. Уже въ слѣдующемъ (30) году Октавіанъ снова отправился въ Азію и изъ Сиріи вторгся въ Египетъ около Пелузія, въ то время какъ другое войско вступило туда изъ Киренаики.

Антоній тѣмъ временемъ тщетно сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ попытокъ собрать войско. Отчаявшись въ богахъ и людяхъ и въ самомъ себѣ, онъ удалился въ Александрію въ одинокое жилище, которое онъ выстроилъ себѣ на уединенной портовой дамбѣ. Впрочемъ Клеопатра съумѣла утѣшить его; возлѣ нея онъ снова упивался полной чашей наслажденія, хотя погибель уже стучалась въ ворота. Правда и онъ и Клеопатра пытались завязать переговоры, и оба они составляли разнообразные планы бѣжать Краснымъ моремъ въ далекіе края или же основать новое царство въ Испаніи. Подобные замыслы однако не приводились въ исполненіе, такъ какъ Октавіанъ по крайней мѣрѣ у царицы не отнималъ надежды на полное забвеніе и прощеніе. Между тѣмъ побѣдитель безостановочно подвигался впередъ и появился подъ Александріей. Царица Египта теперь уже не заблуждалась относительно предстоявшей ей участи. Въ золотыхъ цѣпяхъ украшать шествіе тріумфатора—этого она не хотѣла и не могла вынести. Въ давно уже сооруженной ею укрѣпленной гробницѣ она спрятала царскія сокровища и всякаго рода горючій матеріалъ; здѣсь она собиралась погибнуть въ огнѣ вмѣстѣ съ своими сокровищами, въ томъ случаѣ, если-бы рушились всѣ ея надежды.

Конецъ Антонія и Клеопатры. Антоній, напротивъ, думалъ о сопротивленіи. Съ отчаяннымъ мужествомъ бросился онъ во главѣ нѣсколькихъ конныхъ отрядовъ на наступающіе непріятельскіе эскадроны, разсѣялъ и преслѣдовалъ ихъ до ихъ лагеря, но больше ничего не могъ предпринять. На слѣдующій день онъ выступилъ со всѣми своими силами; но флотъ и конница перешли на сторону враговъ, а пѣхота не устояла передъ ихъ численнымъ перевѣсомъ. Онъ возвращается въ городъ, гдѣ ему доносятъ, что Клеопатра сама наложила на себя руки. Теперь судьба его рѣшена; вѣдь безъ Клеопатры его жизнь не имѣетъ никакой для него цѣны. Онъ обращаетъ свой смертоносный мечъ противъ собственной груди. Въ то время какъ онъ недвижно лежитъ на землѣ, обливаясь кровью, вдругъ раздаются

громкіе голоса, возвѣщающіе, что Клеопатра жива и заперлась въ своей гробницѣ. Сладкое имя возлюбленной проникаетъ сквозь агонію въ душу Антонія; онъ приходитъ въ себя и по его просьбамъ его несутъ къ гробницѣ, и такъ какъ она заложена камнями, то его поднимаютъ туда при помощи веревокъ. Еще разъ видитъ онъ лицо возлюбленной, слышитъ звукъ ея голоса, а затѣмъ въ объятіяхъ Клеопатры заключаетъ свое печальное существованіе.

Октавіанъ со своими легіонами вступилъ въ городъ, населеніе котораго привѣтствовало его, какъ побѣдителя; но для него важнѣе были сокровища и особа царицы, чѣмъ ликованія продажной толпы. Провинившейся царицѣ онъ далъ дружескія, хотя и неопредѣленныя обѣщанія; но такъ какъ она не покидала гробницы, то онъ понялъ, что если пустить въ ходъ силу, то огненная могила приняла бы ее и ея богатства. Поэтому онъ прислалъ къ ней двухъ довѣренныхъ людей, которые обманули ее обѣщаніями и затѣмъ овладѣли ея особой. Она была теперь отвезена обратно въ царскій дворецъ, гдѣ, вмѣстѣ съ женской свитой и преданными слугами, пользовалась почетнымъ обращеніемъ. Но ея настоятельнымъ просьбамъ ей предоставили трупъ возлюбленнаго Антонія, и она похоронила его съ искренней скорбью. Самъ побѣдитель явился примирить ее съ судьбой, чтобы она отказалась отъ мыслей о самоубійствѣ. Она и въ минуты горя была красивой женщиной и Октавіанъ отнесся къ ней по-рыцарски. Но его рѣшеніе показать ее римлянамъ при тріумфѣ, какъ драгоцѣннѣйшую часть добычи, было неизмѣнно. Когда она узнала объ этомъ черезъ одного сострадательнаго офицера его свиты, то она въ послѣдній разъ пошла на могилу дорогого покойника, украсила и поцѣловала его гробъ. Затѣмъ она взяла ванну и позавтракала. Корзина съ виными ягодами не возбудила подозрѣній зоркихъ сторожей; но въ ней была скрыта ядовитая змѣя, которая избавила несчастную царицу отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Октавіанъ слишкомъ поздно получилъ ея письмо, въ которомъ она просила его похоронить ее рядомъ съ Антоніемъ. Обманутый, онъ все-таки исполнилъ эту просьбу покойной; при этомъ онъ устроилъ ей царское погребеніе.

Египетъ—римская провинція; возвращеніе Октавіана. Изъ дѣтей царицы Кесаріонъ, по приказу Октавіана, былъ казненъ, а дочь

была воспитана благородной Октавіей и выдана потомъ замужъ за одного африканскаго князя. Въ домѣ Октавіи нашли себѣ пріютъ и дѣти Антонія отъ Фульвіи, за исключеніемъ взрослаго старшаго сына, который претерпѣлъ смерть. Египетъ же сталъ теперь римской провинціей, но, какъ образцово управляемая чиновническая монархія, сохранилъ свои учрежденія, причемъ императоръ былъ царемъ Египетскимъ и правилъ государствомъ черезъ префекта.

Упорядочивъ дѣла востока, Октавіанъ вернулся въ 29 г. въ Римъ, уже въ качествѣ единовластнаго правителя. Побѣда увѣнчалась трехдневнымъ тріумфомъ надъ далматскими и норикскими племенами, надъ народами востока, пораженными его мечемъ при Актіѣ, и надъ Египтомъ. Богатые подарки деньгами и землей удовлетворили уволенныхъ солдатъ, а народъ былъ осчастливленъ безподобными праздничными играми и царскою щедростью. Октавіанъ принесъ радость, принесъ миръ; въ знакъ общаго мира онъ заперъ храмъ Яна (стр. 89 1-го тома).

Междоусобная война кончилась, республика была на вѣкъ похоронена. Сынъ Кесаря установилъ свое владычество одинаково умно и смѣло; теперь онъ долженъ былъ показать, что онъ имѣлъ и желаніе упорядочить въ духѣ отца разстроенное государство и повести свои народы къ счастью и блеску и въ томъ искать себѣ славы правителя.

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ ПОСЛѢДНІЙ ВѢКЪ РЕСПУБЛИКИ.

ПРЕЖДЕ чѣмъ перейти къ изображенію римской имперіи, бросимъ взглядъ на культурное развитіе послѣднихъ 100 лѣтъ. Въ этомъ развитіи отражаются политическія перемѣны времени. Превращеніе государства-города въ государство-страну, которое уже начинало переходить въ государство-имперію, продолжавшееся и становившееся все болѣе глубокимъ соприкосновеніе съ чужими странами, переходъ отъ республики къ монархіи и безпрерывныя междоусобныя войны безъ сомнѣнія сильно повліяли на культуру этой эпохи.

Національное и экономическое состояніе Рима. Уже національ-

ность римскаго народа подверглась измѣненію; мало того, что Римъ со времени Союзнической войны открылъ свои ворота всѣмъ италикамъ безъ исключенія, должно было возрасти и смѣшеніе съ иноземными элементами, съ тѣхъ поръ какъ все больше вассальныхъ государствъ поступило, въ качествѣ провинцій, подъ римское управленіе. Въ столицу государства стекались греки, іудеи, сирійцы, африканцы, испанцы, кельты и ѳракійцы, одни въ качествѣ врачей, учителей, жрецовъ, всякаго рода художниковъ, въ качествѣ торговцевъ и корабельщиковъ, другіе въ видѣ сброда людей безъ опредѣленныхъ занятій, а въ особенности въ качествѣ рабовъ. Съ другой стороны туземное населеніе уходило въ провинціи, въ лицѣ тысячъ купцовъ, занимавшихся денежными и торговыми дѣлами въ Малой Азіи и на греческихъ островахъ, въ Африкѣ, Испаніи и Галліи, въ лицѣ легіонеровъ, долго служившихъ за границей и часто совсѣмъ тамъ оставшихся, и, наконецъ, въ видѣ колоній, которыя со временъ Гракховъ учреждались и за предѣлами Италіи. Вслѣдствіе этого національный составъ государства становился все однороднѣе и повсюду появлялась пестрая смѣсь національностей.

Подобно разнообразію римскаго населенія, все болѣе увеличивалась и пропасть между сословіями. Начатая Гракхами земельная реформа, заторможенная и извращенная состоятельной знатью, лишь на время могла остановить гибель средняго крестьянскаго сословія, а частыя раздачи земель уволеннымъ солдатамъ, которые отъ меча и военной добычи лишь съ трудомъ привыкали къ плугу, только вредили сельскому хозяйству, не говоря уже о дикихъ опустошеніяхъ междоусобныхъ войнъ съ ихъ печальнымъ состояніемъ кредита. Крупное землевладѣніе восторжествовало надъ крестьянскимъ имѣніемъ, трудъ рабскій надъ трудомъ свободнымъ, дешевый заграничный хлѣбъ надъ туземнымъ земледѣліемъ. Громадныя пространства внутри страны, а также прежде столь многолюдные земледѣльческіе города Италіи опустѣли; всѣ, кто не переселился въ другіе края, были поглощены крупными торговыми городами, а прежде всего столицей, и развращались праздностью, расточительными пожертвованіями и столичными наслажденіями и пороками.

Развращеніе народа выдачами дешеваго хлѣба и играми. Въ вѣкъ междоусобныхъ войнъ болѣе, чѣмъ когда-либо, находились

подъ партійнымъ вліяніемъ и заботы о бѣдныхъ. Хлѣбъ, деньги и игры были приманкой массы; выбора нуждающихся и достойныхъ не существовало. Раздачи хлѣба прежде происходили временно, когда правящая знать понуждалась къ этому какимъ-нибудь бѣдственнымъ положеніемъ или когда ей надо было укрѣпить свою власть; со времени же Гракховъ эти раздачи хлѣба стали постояннымъ явленіемъ. Каждый гражданинъ въ столицѣ ежемѣсячно могъ получать пять модіевъ (1 модій = $2\frac{5}{8}$ четверика) по цѣнѣ, которая вначалѣ не достигала даже половины умѣренной средней стоимости хлѣба, а потомъ падала все ниже и ниже; только Кесарь ограничилъ эти злоупотребленія. Далѣе, уже давно, пожалуй, бывали единичные случаи купли голосовъ; но лишь теперь это стало обычнымъ явленіемъ, пожиравшимъ громадныя суммы денегъ, которыя черезъ организованное посредничество третьихъ лицъ распредѣлялись между трибами. Ни учрежденіе особаго суда, ни продолжавшіяся усиленія наказаній не могли прекратить этого зла. Къ концу республики вошло также въ обычай при тріумфахъ раздавать деньги не только солдатамъ, но и остававшимся дома гражданамъ.

Къ числу дозволенныхъ средствъ для ловли голосовъ принадлежало устройство общественныхъ праздничныхъ игръ. Сулла и Кесарь, въ честь своихъ побѣдъ надъ республикой, ввели новыя игры, продолжавшіяся много дней; старыя были удлинены, сдѣланы интереснѣе черезъ введеніе новыхъ родовъ состязаній и пышнѣе обставлены. Чаще прежняго давались похоронныя игры въ честь умершихъ родственниковъ, которыя затѣмъ повторялись въ улучшенномъ видѣ, если въ первый разъ не вполнѣ удовлетворяли толпу. Огрубѣніе народа проявлялось въ особенности въ возрастаніи гладіаторскихъ игръ и травли звѣрей.

Гладіаторскія игры, заимствованныя изъ Этруріи и вначалѣ дававшіяся только для украшенія погребальнаго торжества, стали „гвоздемъ“ всѣхъ игръ, и ни одинъ эдилъ не смѣлъ устрашать городское празднество безъ такого раздражающаго чувства зрѣлища. И если нѣкогда на аренѣ выступали просто нѣсколько паръ тяжеловооруженныхъ людей безъ латъ, то теперь придумывались перемѣны въ оружіи и уже показывались цѣлыя сотни гладіаторовъ въ пышныхъ доспѣхахъ. Происхожденіе и дальнѣйшее развитіе этой чисто италійской забавы, а равно цирковыя увеселенія

подробнѣе изображены ниже, послѣ разсказа о правленіи Домиціана, на томъ основаніи, что въ это именно время всѣ эти представленія переживали эпоху самаго грандіознаго, но и самаго ужаснаго расцвѣта. Въ качествѣ вступленія къ гладіаторскимъ играмъ все болѣе входили въ обычай и звѣриныя травли. Бой быковъ, съ

Пирамида Гая Цестія у воротъ S. Paolo въ Римѣ.

которымъ впервые познакомились въ Θессаліи, травля волковъ и медвѣдей давно уже не удовлетворяли избалованнаго вкуса римлянъ. Въ сѣверной Африкѣ и внутренней Азіи ловились для нихъ громадныя массы звѣрей, которые привозились въ Римъ цѣлыми корабельными грузами. Наряду съ этимъ больше всего забавляли народъ еще исконныя ристанія на колесницахъ въ циркѣ, а также

новыя состязанія всадниковъ (см. обо всемъ этомъ ниже въ отдѣлѣ „Игры“).

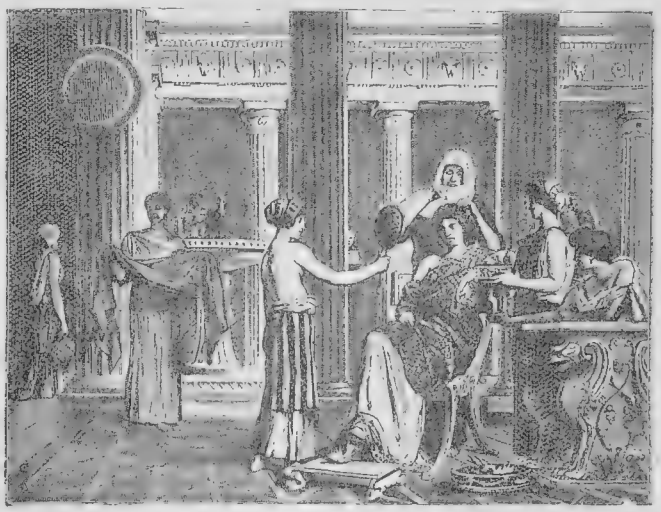
Легко понять, какого характера должны были быть драматическія представленія, чтобы угодить вкусу подобной публики. Только благодаря утонченности искусства актеровъ и сценической обстановкѣ могли держаться въ репертуарѣ старыя классическія пьесы временъ Сципіоновъ, а для новыхъ изсякъ источникъ поэзіи. Гораздо большей любовью пользовалось новое духовное дѣтище столицы, мимъ, грубый фарсъ, который соединялся съ музыкой и пляской и служилъ интермедіей или заключительной пьесой. Въ немъ слышенъ былъ языкъ улицы, отпускались грубыя шутки и непристойности, и женскія роли, часто самымъ безстыднымъ образомъ, исполнялись настоящими актрисами.

Государственныя сооруженія. Возрастающее число зрителей на разнообразныхъ праздничныхъ играхъ, которое страшно увеличивалось еще благодаря дарованію правъ гражданства всѣмъ италикамъ и многимъ заграничнымъ общинамъ, требовало просторныхъ помѣщеній, и властители города удовлетворяли этой общественной потребности колоссальными, роскошными постройками. Помпей воздвигъ на Марсовомъ полѣ для сценическихъ представленій первый каменный театръ, вмѣщавшій 40,000 человѣкъ, а Кесарь соорудилъ каменный фундаментъ для цирковыхъ сидѣній, поднимавшихся тремя ярусами по Палатину и Авентину и разсчитанныхъ на 150,000 человѣкъ. и наконецъ первый, правда еще деревянный, амфитеатръ для гладіаторскихъ игръ и травли звѣрей.

Собственно государственныя постройки за это время дорогихъ раздачъ хлѣба и безпрерывныхъ внутреннихъ войнъ едва ли могутъ итти въ счетъ до тѣхъ поръ, пока монархія не принесла спокойствія и не упорядочила финансовъ. Болѣе важное значеніе имѣетъ только сооруженіе дорогъ въ началѣ этого періода, въ особенности государственныхъ шоссе вдоль адріатическаго и тирренскаго побережья, и подъѣздныхъ путей, которыми Гай Гракхъ поднималъ земледѣліе. Лишь Кесарь сталъ замышлять опять грандіозныя полезныя сооруженія, а Октавіанъ въ продолжительномъ мирѣ нашелъ досугъ, чтобъ блестящимъ образомъ наверстать упущенное и прерванное.

Частныя постройки. Зато частное строительство, въ особен-

ности со времени Суллы, испытало исполинскій подъемъ Колоссальные капиталы, которые во время азіатскихъ и междоусобныхъ войнъ попали, благодаря грабежу и спекуляціи, въ руки отдѣльныхъ лицъ, въ значительной части были истрачены на строительство. Знатному человѣку кромѣ городского дома нужна была еще вилла вблизи столицы и нѣсколько другихъ подальше, въ горахъ или у моря, по возможности у прелестнаго Неаполитанскаго залива, и эти постройки, даже на дорогой территоріи столицы, во многихъ случаяхъ занимали громадное пространство,



Утренній туалетъ знатной римлянки.

такъ что походили на города. Ибо нужны были: большія и многочисленныя помѣщенія для пріемовъ, комнаты для произведеній искусства, библіотека, а также жилыя и хозяйственныя помѣщенія для прислуги въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Все это окружено было столь-же просторными садами, стоимость которыхъ равнялась приблизительно стоимости построекъ. Если при постройкахъ приходилось преодолѣвать затруднительныя условія почвы, тѣмъ лучше; римляне любили перемѣщать горы, осушать море и устраивать искусственные водяные бассейны. Внутренность домовъ обставлялась также великолѣпнѣе; начали употреблять на колонны мраморъ, бѣлый каррарскій и разноцвѣтный нумидійскій и эвбейскій,

а также подражать ему въ пестрыхъ фрескахъ, писанныхъ по стѣнной штукатуркѣ; полъ выкладывался мозаикой; между колоннъ ставились статуи; дорогіе сосуды изъ глины, драгоцѣнныхъ металловъ и камней помѣщались на столь-же дорогихъ столахъ изъ мрамора или африканскаго цитроваго дерева.

Роскоши жилищъ высшаго общества соотвѣтствовали монументальныя гробницы этого времени, изъ которыхъ мы еще нынѣ съ удивленіемъ созерцаемъ гробницу Цециліи Метеллы (стр. 561 1-й ч.), дочери Метелла, побѣдителя критянъ, и пирамиду Цестія у воротъ Рима.

Роскошь въ одеждѣ и пищѣ. Роскошь одежды пока обнаруживалась только въ усиленномъ употребленіи тонкихъ полотняныхъ и пурпуровыхъ тканей; но велика была роскошь въ употребленіи благовонныхъ веществъ и, у женщинъ, жемчуга.

Самый печальный признакъ грубой страсти къ наслажденіямъ состоялъ въ преувеличенной роскоши стола. Хорошій поваръ цѣнился на вѣсъ золота; устраивали пруды съ соленой водой, чтобъ имѣть всегда свѣжую морскую рыбу и устрицы, выписывали греческія вина и изъ всѣхъ странъ и морей добывали лакомства, которыя подавались на роскошныхъ блюдахъ цѣной въ нѣсколько тысячъ рублей. Самые красивые и ловкіе рабы прислуживали за столомъ, другіе исполняли музыку или пляски для развлеченія гостей, для которыхъ придумывались дорогіе сюрпризы. Столовая освѣщалась лампами, укрѣпленными на художественной работы канделябрахъ, и вся сіяла золотомъ и пурпуромъ, бронзой и серебромъ. Столъ (triclinium, т.-е три ложа) былъ устроенъ иначе, чѣмъ у насъ. Обыкновенно разсчитывалось на девять участниковъ и, по греческому обычаю, возлежали втроемъ на одномъ ложѣ, тогда какъ древніе римляне вкушали свой обѣдъ сидя. Особые триклиніи имѣлись для поминальныхъ обѣдовъ. Друзья и родные умершаго собирались послѣ погребенія на общій обѣдъ, чтобы за ѣдой и виномъ забыть о своемъ горѣ. А такъ какъ триклиніевъ въ частныхъ жилищахъ не хватало для многочисленныхъ гостей, собиравшихся на поминки, то для этой цѣли сооружены были общественныя столовыя. Подобный triclinium funebre (столовую для поминокъ) можно видѣть на такъ называемой улицѣ могилъ въ Помпеяхъ. Онъ представляетъ изъ себя четырехугольный, замкнутый стѣнами

дворъ, который обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ частяхъ устройство обыкновенныхъ триклиніевъ съ каменными ложами.

Домашнее хозяйство знатнаго римлянина. Неслыханныхъ расходовъ требовала и прислуга знатнаго хозяйства. Ибо рядомъ съ рабами, занятыми ремеслами и земледѣліемъ, становились все многочисленнѣе и кучи лѣнтяевъ въ домѣ и на кухнѣ, а также тѣхъ рабовъ, которые благодаря своей красотѣ, образованію или спеціальнымъ знаніямъ привлекались къ непосредственной службѣ у хозяина. Домашнее хозяйство нуждалось въ хлѣбопекахъ, кондитерахъ и пирожникахъ, поварахъ и поваренкахъ, портныхъ, гардеробщикахъ, хранителяхъ драгоцѣнностей и столоваго серебра, брадобрѣяхъ, парикмахерахъ, виночерпіяхъ, столовой прислугѣ, камердинерахъ, пажахъ, посыльныхъ, разносчикахъ писемъ и т. д., и къ нимъ присоединялась женская прислуга хозяйки дома съ такимъ-же раздѣленіемъ труда. Но кромѣ того имѣлись писцы, чтецы, ученые люди, врачи, музыканты, танцовщики, несмотря на то, что за отборныхъ рабовъ приходилось платить громадныя суммы денегъ. Внѣ дома знатный человѣкъ также былъ окруженъ цѣлой тучей лакеевъ, и одинъ изъ нихъ, такъ называемый nomenclator (выкликатель именъ) обращалъ его вниманіе на лица, которыя ему слѣдовало привѣтствовать. Въ дорогѣ его носили въ крытыхъ носилкахъ (портшезахъ), за которыми слѣдовала часть камердинеровъ, по желанію и домашніе музыканты и, для личной безопасности, нѣсколько рабовъ-гладіаторовъ. Даже въ походъ сопровождала его часть прислуги.

Да и все прочее, что̀ знаемъ мы о жизни римскаго народа того времени, заставляетъ насъ чувствовать хозяйственный и нравственный упадокъ, скрывающійся подъ блестящей поверхностью. Какъ только знатный юноша отпускался изъ-подъ домашней опеки, онъ прежде всего спѣшилъ расточать свои силы и состояніе у товарищей и въ тавернахъ (трактирахъ), въ кутежахъ, съ женщинами и за игрой въ кости; затѣмъ, возмужавъ, онъ старался попасть на службу, чтобы удовлетворить свое честолюбіе и снова наполнить свои карманы, если не довольствовался своимъ наслѣдствомъ и помѣщеніемъ своихъ капиталовъ въ предпріятія своихъ кліентовъ и вольноотпущенниковъ; какъ только цѣль его была достигнута, онъ удалялся въ свои виллы, чтобы безпрепятственно наслаждаться дозволенными и недозво-

ленными радостями. Подходящимъ заключеніемъ такой жизни было пышное погребеніе.

Религія и образованіе. Такимъ образомъ, въ высшихъ классахъ не менѣе, чѣмъ въ низшихъ, обычными пружинами поступковъ были праздность и страсть къ наслажденіямъ. Изъ подобнаго общества все болѣе исчезала благочестивая вѣра предковъ въ боговъ. Правда, государственная религія сохранялась, но образованные люди научились отъ греческихъ философовъ, что разсказы о богахъ—вымыслы фантазіи, и безстыднѣйшимъ образомъ пользовались религіозными формами для господства надъ толпой. Послѣдняя естественно не находила въ нихъ душевнаго удовлетворенія и потому цѣлыми массами обращалась къ восточнымъ культамъ, къ культу фригійской Кибелы, звѣздопоклонству халдеевъ, еврейской вѣрѣ въ Іегову, персидскому культу Миоры, мрачнымъ культамъ египетскихъ боговъ Изиды и Озириса, вообще къ культамъ, которые благодаря своимъ болѣе сильнымъ религіознымъ средствамъ, каковыми были посвященное жречество, процессіи, искупленіе грѣховъ, своеобразныя музыкальныя и танцовальныя церемоніи, тайныя ученія и пророчества оказывали громадное притягательное вліяніе на опустошенныя, неустойчивыя души во времена безпрерывнаго кровопролитія и переворотовъ. Высшія сословія либо подражали этому примѣру, либо смѣялись надъ суевѣрной чернью и теоретически воспринимали полупонимаемыя ученія греческихъ философовъ, съ тѣмъ практическимъ результатомъ, что подчиняли свою жизнь и свои поступки ихъ вліянію, благопріятнымъ или неблагопріятнымъ образомъ, смотря по пониманію этихъ ученій.

Дѣло въ томъ, что греческая образованность теперь совершенно овладѣла высшими сословіями. Каждый молодой человѣкъ этихъ круговъ посѣщалъ, кромѣ латинской, и греческую литературную школу, въ которой знакомился, насколько возможно было, съ языкомъ, классиками, а вскорѣ и съ ученой поэзіей Александрійскихъ профессоровъ съ ея миѳологическимъ, историческимъ, философскимъ и инымъ содержаніемъ. При помощи латинскихъ и греческихъ риторовъ онъ затѣмъ укрѣплялся теоретически и практически въ искусствѣ рѣчи и логикѣ. Къ этимъ предметамъ преподаванія къ концу періода прибавились геометрія, ариѳметика, астрономія и музыка. Эти два курса составляли основу ученія въ продолженіе всего дальнѣйшаго существова-

нія римскаго народа, а подъ названіемъ Trivium и Quadrivium и въ теченіе Среднихъ вѣковъ. Ученіе заканчивалось продолжительнымъ пребываніемъ въ знаменитѣйшихъ разсадникахъ греческаго образованія того времени, въ Аѳинахъ, Родосѣ и малоазійскихъ городахъ.

Характеръ литературы. Господствующее въ это время стремленіе къ образованію съ одной стороны было полезно, съ другой—вредно для латинской литературы,—полезно, поскольку грамматическое трактованіе языка стремилось къ установленію въ немъ

ВИРГИЛІЙ.
По рукописи Ватикана

чистоты формъ, а болѣе высокое образованіе пробуждало болѣе живой интересъ къ духовному творчеству и духовному наслажденію; вредно, поскольку преклоненіе передъ греками мѣшало развитію своеобразной римской литературы.

Немаловажные зачатки національнаго творчества, обнаружившіеся въ поэзіи предшествующаго періода, по большей части оставались безъ дальнѣйшаго развитія,—не потому, чтобы былъ недостатокъ въ поэтахъ, но потому, что послѣдніе не могли отрѣшиться отъ своихъ греческихъ образцовъ и создавали въ лучшемъ случаѣ греческо-италійскую смѣсь. Національный родъ трагедій совершенно прекратился, а національная комедія облекалась въ

греческій костюмъ. Только вольныя сцены изъ жизни, изображавшіяся въ мимѣ, народномъ фарсѣ (стр. 301 1-й ч.), который въ этотъ вѣкъ нравственнаго одичанія находилъ себѣ литературныхъ представителей, могли притязать на римское происхожденіе. Зато Акцій, самый значительный драматическій поэтъ, ограничивался переработкой греческихъ пьесъ, и вскорѣ стали сочиняться только драмы для чтенія, тогда какъ сцена, за недостаткомъ новыхъ, брала старыя пьесы Плавта и Теренція и другихъ авторовъ, приспособляя ихъ къ требованіямъ времени.

Лукрецій; Виргилій. Эпосъ въ своемъ чистомъ видѣ чахъ такъ-же, какъ и драма. Только промежуточные виды поэзіи между эпической и лирической поэзіей, дидактическая поэма и сатира достигли извѣстнаго расцвѣта. Въ бурное, тревожное время перваго тріумвирата Лукрецій Каръ превозносилъ съ большой поэтической силой матеріалистическое міросозерцаніе Эпикура, которое не хотѣло знать боговъ и безсмертія и предпочитало тихую, уединенную жизнь безпокойнымъ стремленіямъ честолюбія. Еще болѣе самостоятельнымъ былъ въ своей поэзіи Виргилій Маронъ (70—19 до Р. Хр.), сынъ крестьянина изъ деревни Андъ около Мантуи, съ теплымъ чувствомъ и въ законченной формѣ воспѣвавшій италійское сельское хозяйство, земледѣліе, виноградарство и плодоводство, а также скотоводство и пчеловодство. Восторженно превозносилъ онъ отечественную землю и ея обработку, самое національное изъ всѣхъ занятій:

„Но ни земля мидянъ, что такъ богата лѣсами,
Ни прекрасный Гангъ, ни даже Гермъ [1]) златоносный
Не поспорятъ со славой Италіи, и ни Бактра,
Ни индусы, ни весь благовонный островъ Панхея [2]).
Здѣсь для посѣва зубовъ чудовищнаго дракона
Не бороздилась земля огнедышащими быками,
И не всходилъ здѣсь посѣвъ въ видѣ воиновъ съ копьями, въ шлемахъ [3]).
Но богата зато страна полевыми плодами,
Вакховой влагой Массійской [4]), маслиной и стадами.

[1]) Рѣка въ Индіи.

[2]) Сказочный островъ около Аравіи—славился, какъ и она, ладаномъ.

[3]) Намекъ на сказаніе объ Аргонавтахъ. Чтобы получить золотое руно въ Колхидѣ, Язонъ долженъ былъ вспахать поле огнедышащими быками и посѣять въ немъ зубы стерегшаго сокровище дракона, изъ которыхъ выросли вооруженные люди.

[4]) На горѣ Massicus добывалось извѣстное Фалернское вино.

Здѣсь воинственный конь по полю гордо несется,
Здѣсь купаются часто въ водахъ священныхъ Клитумна [1])
Бѣлыя стада и быкъ, величайшая жертва,
Что на римскомъ тріумфѣ къ храмамъ боговъ восходятъ [2]).
Вѣчная здѣсь весна и въ зимніе мѣсяцы лѣто:
Дважды носитъ скотъ, дважды зрѣютъ плоды на деревьяхъ.
Нѣтъ здѣсь свирѣпыхъ тигровъ и львинаго порожденья;
Травъ не нарвешь, по ошибкѣ на горе себѣ, ядовитыхъ;
Не извиваются здѣсь огромнѣйшими кругами
Змѣи чешуйчатыя, въ столь большое кольцо не свернутся.
Дивныхъ сколько здѣсь городовъ и трудныхъ построекъ,
Сколько твердынь, на скалахъ крутыхъ рукой возведенныхъ,
Сколько рѣкъ, протекающихъ подъ вѣковыми стѣнами!
Упомянуть ли мнѣ о Верхнемъ морѣ, о Нижнемъ? [3]).
Иль о великихъ озерахъ: о столь огромномъ Ларійскомъ,
Иль о Бенакскомъ [4]), гдѣ съ ревомъ вздымаются волны, какъ
въ морѣ?
Упомянуть ли мнѣ о портахъ, о дамбахъ Лукринскихъ [5]),
И о томъ, какъ море въ негодованьи бушуетъ,
Тамъ, гдѣ Юлія гавань [6]) гремитъ отъ морского прибоя
И Тирренскія воды въ проливъ Аверискій стремятся.
Въ жилахъ нашей земли—серебряные потоки,
Мѣдная въ ней есть руда; въ ней злато лилось рѣкою.
Эта земля родила племя храброе—марсовъ, сабелловъ,
Закаленныхъ лигуровъ и вольсковъ коротконогихъ,
Дала намъ Деціевъ, Маріевъ и великихъ Камилловъ,
Сципіоновъ героевъ и тебя, о Кесарь Великій,
Что побѣдителемъ нынѣ у крайнихъ азіатскихъ предѣловъ
Отражаешь отъ римскихъ твердынь трусливыхъ индусовъ [7]).
Славься, Сатурна земля, плодовъ счастливая матерь,
Матерь мужей! Тебѣ искусство славное предковъ
Я сообщаю, дерзнувъ открыть священный источникъ,
И Аскрейскую [8]) пѣснь пою въ городахъ Италійскихъ".

Въ этихъ стихахъ Виргилія, полныхъ патріотическаго воодушевленія, уже сказывается будущій творецъ „Энеиды" (см. въ слѣд. отдѣлѣ).

---

[1]) Рѣка въ южной Умбріи, гдѣ паслись многочисленныя стада бѣлаго крупнаго скота.

[2]) Намекъ на lustrum (стр. 206 1-й ч.).

[3]) Моря Адріатическое и Тирренское.

[4]) Озера Комское и Гардское.

[5]) Дамбы, сооруженныя для защиты Лукринскаго озера (въ Кампаніи) отъ натиска морскихъ волнъ.

[6]) Гавань, образованная черезъ соединеніе Лукринскаго озера съ Аверискимъ.

[7]) Намекъ на побѣду Октавіана надъ восточными народами при Актіѣ.

[8]) Въ Аскрѣ на Геликонѣ родился грекъ Гезіодъ, впервые воспѣвшій сельскую жизнь въ своей поэмѣ „Труды и дни".

Сатиры Горація Флакка. Пикантная сатира Луцилія (стр. 585 I-й ч.) нашла подражателей. Самый значительный изъ нихъ относится ко времени послѣ битвы при Филиппахъ. Это былъ Горацій Флаккъ (65—8 г. до Р. Хр.), родомъ изъ Венузіи; онъ принималъ участіе въ названной битвѣ въ качествѣ военнаго трибуна въ войскѣ республиканцевъ. Новое положеніе дѣлъ, правда, дѣлало невозможною политическую сатиру, но зато онъ съ тѣмъ болѣе прелестнымъ юморомъ смѣялся надъ слабостями современниковъ, надъ погоней за богатствомъ, почестями и наслажденіями, которая проявлялась частью въ постоянномъ недовольствѣ, частью въ подхалимствѣ и хитростномъ домогательствѣ наслѣдства, частью въ преувеличенномъ чревоугодіи и другихъ глупостяхъ, надъ уродливыми проявленіями стоическаго ученія о добродѣтели и т. п. Темой для него служитъ то какое-нибудь нравственное положеніе, то сценка изъ жизни, въ которой поэтъ выставляетъ смѣшныя или хорошія, образцовыя стороны, всегда въ тонѣ веселой болтовни, никогда не становящейся ядовитой; Горацій тутъ — смѣющійся философъ. Какъ, напр., онъ чувствуетъ себя счастливымъ вдали отъ безпокойной суеты мірового города въ своемъ сабинскомъ имѣніи, которое подарилъ ему Меценатъ, опытный въ дѣлахъ помощникъ Октавіана, и какъ превозноситъ онъ по этому случаю сельскую жизнь передъ городскою! Тонкое, теплое, самобытное чувство поэта, проявившееся здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, позволяло предвидѣть, что Горацію было суждено стать современемъ величайшимъ лирикомъ Рима (см. ниже).

Горацій.
Бронзовая монета.

Лирическая поэзія. Катуллъ (77—47 гг. до Р. Хр.). Уже и теперь лирика находила много представителей. Образцами служили ученые александрійскіе поэты, и каждый образованный молодой человѣкъ, даже и представительницы прекраснаго пола, при случаѣ пробовали свои силы въ этомъ родѣ поэзіи. Но только стихотворенія Валерія Катулла (родомъ изъ Вероны) сохранились на всѣ времена, благодаря силѣ чувства и прелести языка и раз-

мѣра, находящихся въ полной гармоніи съ содержаніемъ. Горе и радость, ненависть и любовь выливались на его лирѣ въ самыхъ полныхъ, натуральныхъ звукахъ. Будучи зажиточнымъ транспаданцемъ, Катуллъ еще въ юныхъ лѣтахъ отправился въ Римъ, средоточіе высшаго образованія и общества, гдѣ онъ нашелъ себѣ друзей въ лицѣ историка Корнелія Непота и другихъ земляковъ и былъ принятъ въ первыхъ домахъ города. Страстная любовь къ сестрѣ извѣстнаго трибуна Клодія, красавицѣ типа Юноны, вдохновляла его на сладкія стихотворенія къ Лесбіи, какъ называлъ онъ свою возлюбленную. Смерть брата отозвала его домой. Когда же онъ вернулся въ Римъ, то оказалось, что его возлюбленная ему измѣнила. Обращаясь съ горькими стихами къ Лесбіи и къ своимъ соперникамъ, онъ покоряется своей судьбѣ и затѣмъ сопровождаетъ сочувствующаго поэзіи пропретора Меммія Гемелла въ провинцію Виѳинію, гдѣ, однако, обманывается въ своихъ расчетахъ; ему представляется только возможность отдать дань любви могилѣ своего брата въ Троадѣ. Вернувшись по истеченіи года, онъ съ наслажденіемъ привѣтствуетъ родину и отдыхаетъ отъ тягостей путешествія въ виллѣ отца своего на полуостровѣ Сирміонѣ, на Гардскомъ озерѣ. Здѣсь-то онъ на-радостяхъ поетъ (въ переводѣ Фета):

Всѣхъ полуострововъ, всѣхъ острововъ зѣница
Ты, милый Сирміонъ, насколько средь озеръ
Иль на моряхъ ихъ есть двоякаго Нептуна;
Тебя доволенъ такъ, такъ радъ я увидать!
Едва мнѣ вѣрится, что съ тинскихъ и виѳинскихъ
Вернувшися полей, я вижу твой пріютъ.
О, что отраднѣе покинутой заботы,
Какъ бремя снявъ съ души, и путника трудомъ
Измучась, мы идемъ опять къ родному Лару,
Чтобъ на желанную давно возлечь кровать!
Вотъ это всѣхъ трудовъ единая награда.
О здравствуй, Сирміонъ, владѣльцу будь же радъ;
Вы, волны озера сквозныя, веселитесь;
Все смѣйся, что въ дому хохочущаго есть.

Зиму съ 56 по 55 г. онъ провелъ въ Веронѣ въ домѣ отца, въ которомъ остановился и намѣстникъ Кесарь. Составлявшіе свиту послѣдняго офицеры, которые прибыли съ богатой добычей изъ только-что покоренной Галліи, оскорбили своей надменностью и Катулла. Тотъ отвѣчалъ ядовитыми стихами на кесаріанцевъ и ихъ главу. Но послѣдній пригласилъ поэта къ своему столу и

примирилъ его съ собой, такъ что по крайней мѣрѣ его особа больше уже не затрогивалась. Слѣдующей весной Катуллъ вернулся въ Римъ. Примиреніе съ его старой возлюбленной оказалось непрочнымъ, и вскорѣ Катулла унесла преждевременная смерть.

Варронъ (116—27 г. до Р. Хр.). На границѣ между поэзіей и прозой стоятъ произведенія писателя Теренція Варрона. Римлянинъ одного закала съ старшимъ Катономъ, онъ соединялъ съ хорошими способностями въ дѣлѣ войны (стр. 130) и управленія необычайно плодовитую научную и литературную дѣятельность. Въ одномъ спискѣ его сочиненій приведено не менѣе 74 произведеній въ 620 книгахъ. Это были стихотворенія, эстетическіе и нравственные трактаты, ученые труды о языкѣ, литературѣ, исторіи и культурѣ его народа. Правда, отъ всего этого обилія сочиненій до настоящаго времени сохранилось лишь сравнительно немного отрывковъ, но многое, конечно, перешло въ произведенія позднѣйшихъ писателей, для которыхъ труды этого ученаго мужа были богатой сокровищницей всякаго рода знаній.

Исторіографія: Непотъ (99—24), Кесарь (100—44), Саллустій (86—35 до Р. Хр.). Прозаическое изложеніе захватывало въ послѣдній вѣкъ республики все больше отраслей литературы и достигло классической формы языка. Правда, дѣло еще не дошло до исторіографіи въ большомъ стилѣ: составлялись сухимъ языкомъ хроники по скуднымъ фактическимъ замѣткамъ и массѣ анекдотовъ и вымысловъ, знатные государственные мужи писали свои біографіи и публиковали свои политическія рѣчи. Хотя Корнелій Непотъ, родомъ изъ Цизальпинской Галліи и другъ Катулла, и вышелъ изъ рамокъ отечественной исторіи, но его Жизнеописанія знаменитыхъ мужей римскихъ и иностранныхъ были сухими сборниками замѣтокъ. Затѣмъ слѣдовали записки Кесаря о Галльской войнѣ, отличающіяся интереснымъ содержаніемъ и изящнымъ, живымъ, чистымъ языкомъ; но онѣ представляютъ случайное произведеніе, апологію дѣятельности автора въ качествѣ намѣстника. Подобную-же цѣль преслѣдуютъ и книги о Междоусобной войнѣ. Въ концѣ нашего періода кесаріанецъ Саллустій Криспъ писалъ сжатымъ, мощнымъ языкомъ, пересыпаннымъ архаизмами, картины изъ исторіи своего времени и недавняго прошлаго, особенно подчеркивая въ нихъ

укоренившуюся безнравственность и безпорядокъ; онъ писалъ о заговорѣ Катилины, о Югуртинской войнѣ и пять книгъ разсказовъ изъ времени отъ смерти Суллы до военной диктатуры Помпея въ 66 году.

Историкъ Саллустій.
Мраморный бюстъ въ Латеранскомъ музеѣ.

Краснорѣчіе. Цицеронъ (106—43 до Р. Хр.). Необычайно многочисленны были политическія рѣчи, игравшія въ тѣ времена роль летучихъ листковъ. Лучшія изъ нихъ принадлежали: Гаю Гракху, Луцію Крассу, другу Ливія Друза (стр. 39), Марку Антонію, одержавшему въ 103 г. побѣду надъ киликійскими морскими разбойниками, Квинту Гортензію, процвѣтавшему въ годы послѣ смерти Суллы; сюда, наконецъ, относятся рѣчи мастера латинскаго языка, Марка Туллія Цицерона.

Рѣчи этого человѣка, который во время агоніи республики былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ ея представителей, служатъ непрерывнымъ рядомъ объясненій къ исторіи того времени. Еще во время господства Суллы, юный Цицеронъ выступилъ въ рѣчи за Росція Амерійскаго противъ одного недостойнаго фаворита диктатора. Десять лѣтъ спустя, онъ, не страшась могущественной аристократической партіи, привлекъ къ суду присяжныхъ одного изъ злѣйшихъ кровопійцъ провинціаловъ—Гая Верреса (стр. 75). Въ должности претора онъ выступилъ за Маниліевъ законъ (стр. 79), такъ какъ пришелъ къ убѣжденію что при данныхъ обстоятельствахъ продолженіе диктаторской власти Помпея полезно для блага цѣлаго государства. Въ должности консула онъ, съ другой стороны,

боролся противъ предложеній демократическихъ друзей Катилины, разсчитанныхъ на возбужденіе раздора между гражданами, а въ четырехъ рѣчахъ противъ Катилины онъ выступилъ противъ самого Катилины, уличеніе и паденіе котораго являются заслугой именно Цицерона. Черезъ это онъ сталъ, въ то-же время, и однимъ изъ вождей сената. Первый тріумвиратъ, которому онъ отказалъ въ поддержкѣ, вызвалъ его паденіе, и ему позволили вернуться изъ ссылки только за обязательство не выступать противъ тріумвировъ. Очень скоро, особенно послѣ конференціи въ Лукѣ, онъ понялъ, что пока ему нѣтъ мѣста въ Римѣ; съ этого времени онъ провелъ рядъ годовъ главнымъ образомъ за литературными занятіями въ своихъ помѣстьяхъ и, въ должности намѣстника, въ Киликіи. Вернувшись наканунѣ междоусобной войны, онъ ратовалъ на той и другой сторонѣ въ пользу мира и не послѣдовалъ за приверженной къ Помпею главной частью сената въ Грецію, но и не явился по приглашенію Кесаря на сенатскія совѣщанія въ Римъ. Лишь тогда, когда онъ убѣдился въ невозможности мирнаго соглашенія, онъ отправился въ Диррахій, съ намѣреніемъ выждать рѣшеніе спора и признать его результатъ, въ интересахъ государства. Такимъ образомъ, послѣ битвы при Фарсалѣ онъ помирился съ Кесаремъ и вернулся въ Италію. Во время господства диктатора онъ, во вниманіе къ его могуществу, принималъ участіе въ сенатскихъ засѣданіяхъ и защищалъ передъ нимъ членовъ партіи Помпея, стараясь всегда направлять его на конституціонный путь. Послѣ умерщвленія Кесаря, въ которомъ онъ не былъ замѣшанъ, онъ принималъ участіе въ стараніяхъ сената о возстановленіи республиканскаго устройства. Но онъ скоро увидѣлъ, что при данномъ настроеніи народа и могуществѣ Кесаревыхъ генераловъ ничего нельзя сдѣлать, и отправился въ путешествіе. Когда въ виду угрожавшаго раздора между Октавіаномъ и Антоніемъ открылась лучшая перспектива, онъ вернулся и сталъ нападать на Антонія, въ своихъ „филиппикахъ“, съ постоянно возраставшей рѣзкостью. Ему удалось вооружить кесаріанцевъ другъ противъ друга; но когда захотѣли устранить побѣдоноснаго Октавіана, то тѣ очень легко столковались противъ общаго врага, и Цицеронъ заплатилъ смертью за вѣру въ свои конституціонныя идеи.

Письма, риторическія и философскія произведенія Цицерона.

Свыше 50 сохранившихся рѣчей Цицерона вводятъ насъ въ подробности этой политической карьеры и даютъ намъ еще въ настоящее время возможность чувствовать какъ-бы біеніе пульса того тревожнаго времени. Въ качествѣ историческаго источника еще важнѣе корреспонденція Цицерона, сохранившаяся до насъ въ количествѣ свыше 800 писемъ. Среди людей, отъ которыхъ Цицеронъ получалъ или къ кому онъ посылалъ эти письма, немало интересныхъ личностей; многія интимныя сообщенія лучше разъясняютъ намъ событія и связь между ними, но много здѣсь для насъ и загадочнаго.

Но Цицеронъ былъ дѣятельнымъ писателемъ также въ области риторики и философіи. Его риторическія сочиненія отличаются своимъ изящнымъ стилемъ, а также сообщеніями изъ собственной практики и исторіи римскаго краснорѣчія. Въ своихъ философскихъ произведеніяхъ онъ является не философомъ по профессіи, а человѣкомъ практической жизни: онъ предлагаетъ своему народу избранныя руководящія положенія различныхъ греческихъ системъ и разъясняетъ ихъ путемъ приложенія къ случаямъ изъ римской жизни и римской исторіи. Цицеронъ желаетъ облагородить національные нравы и міросозерцаніе выводами греческихъ мыслителей и этимъ создалъ настоящую основу для начавшагося уже сліянія греко-римской культуры. Поэтому онъ сталъ для слѣдующихъ вѣковъ духовнымъ вождемъ своего народа. Какъ изящно, впрочемъ, умѣлъ онъ трактовать трудно поддающуюся матерію, показываютъ его небольшіе популярные трактаты о старости и о дружбѣ.

Спеціально-научная проза. Наряду съ исторіей, риторикой и философіей почетное мѣсто сохраняла юридическая наука. Издавались собранія толкованій законовъ, и Муцій Сцевола, консулъ 95 г., началъ систематически разработывать римское право. Начатое старшимъ Катономъ теоретическое изображеніе сельскаго хозяйства продолжено было Варрономъ. Новымъ было латинское языковѣдѣніе, трактовавшее употребленіе и исторію языка, объяснявшее и описывавшее писателей и собиравшее древности. Элій Стилонъ былъ основателемъ этой латинской филологіи, а вышеназванный Варронъ величайшимъ ея мастеромъ; даже Кесарь, прежде чѣмъ давать міру свои законы, не счелъ ниже своего достоинства добросовѣстно разыскивать законы языка.

Новостью была, наконецъ, — впрочемъ это признакъ времени — первая римская поваренная книга.

Библіотеки, книжное дѣло. Столь дѣятельное литературное творчество немыслимо безъ живого интереса со стороны публики. Въ самомъ дѣлѣ, у образованнаго человѣка заранѣе предполагалось знаніе литературы, и уже у Эмилія Павла (стр. 515 1-й ч.) имѣлась библіотека. Съ тѣхъ поръ, какъ Сулла привезъ въ Римъ библіотеку Апелликона изъ Аѳинъ, а Лукуллъ разграбилъ малоазійскія библіотеки, уже считалось признакомъ хорошаго тона имѣть библіотеку, которая стала нормальной составной частью барскаго дома. Но Азиній Полліонъ, Кесаревъ генералъ, и самъ писательствовавшій, подобно своему начальнику и нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей, устроилъ въ Атріумѣ при храмѣ Свободы на Авентинѣ первую публичную библіотеку. Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ находился подъемъ римской книжной торговли. Съ того времени, какъ всадникъ Аттикъ издалъ при помощи сотенъ вышколенныхъ рабовъ-переписчиковъ многочисленныя сочиненія своего друга Цицерона и выпустилъ изданіе на рынокъ, вскорѣ возникли подобныя-же предпріятія въ болѣе широкихъ размѣрахъ: такъ, напр., братья Созіи, на главномъ Форумѣ, продавали стихотворенія Горація. У дверей и столбовъ книжныхъ лавокъ были выставлены отдѣльныя произведенія или вывѣшены цѣны. Входя въ такую лавку, тамъ заставали всегда много лицъ изъ образованныхъ сословій, читавшихъ или болтавшихъ о какомъ-нибудь произведеніи или о другомъ предметѣ. По стѣнамъ тянулись полки со сложенными на нихъ свитками и пергаментными томами (стр. 589 1-й ч.).

Такъ какъ писатели довольствовались славой, не требуя себѣ гонорара, а дешевый рабскій трудъ понижалъ также плату и свободнаго рабочаго, то расходы по приготовленію книгъ были незначительны и цѣны, соотвѣтственно этому, дешевы. Томъ стихотвореній, содержавшій свыше 700 стиховъ, стоилъ въ изящномъ изданіи 5 денаріевъ = около 1 р. 25 к., а въ менѣе хорошемъ исполненіи продавался уже за треть этой суммы. Немало экземпляровъ отправлялось и въ провинцію, гдѣ часто удавалось сбывать залежавшійся товаръ.

Искусство. Какъ литература и наука, такъ въ послѣдній вѣкъ республики и искусство находило все больше поклонниковъ.

Во время путешествій и походовъ на греческій востокъ вошло въ обычай осматривать сокровища пластическаго искусства и, гдѣ возможно, брать ихъ съ собой; гнались за сосудами и столовой утварью изъ драгоцѣннаго металла, за мраморными статуями и за картинами, и платили за это страшныя цѣны. Все больше увеличивалось потребленіе различныхъ сортовъ мрамора; въ это время были открыты каррарскія каменоломни. Правда, художники были почти только греки, а преувеличенная роскошь вредила истинному искусству. Музыка и пляска, которыя больше и больше становились принадлежностями знатнаго стола, были также греческими, равно какъ и музыкально-декламаторскія развлеченія, ставшія теперь обычными и на общественныхъ играхъ. Впрочемъ эти искусства изучались уже и римскою молодежью, и не мало женщинъ умѣли играть на цитрѣ, плясать и декламировать.

Такова картина мирнаго развитія римскаго и италійскаго народа въ этотъ безпокойный вѣкъ, характеризуемый все болѣе усиливающимся смѣшеніемъ съ чуждыми элементами, побѣдою греческой образованности и болѣе оживленной, правда лишь отчасти національной, умственной жизнью, безрелигіозностью и суевѣріемъ, колоссальнымъ богатствомъ немногихъ и нищенствомъ массы, грубой страстью къ наслажденіямъ и расточительной роскошью.

Перемѣны въ военномъ дѣлѣ. Въ самой тѣсной связи съ этимъ находилась полная перемѣна въ военномъ дѣлѣ. Прежде всего инымъ сталъ воинскій составъ. Прежнія войска набирались по имущественной оцѣнкѣ. Но такъ какъ среднее сословіе сокращалось все болѣе и болѣе, а высшіе классы по возможности уклонялись отъ военной службы, да и въ полѣ оказывались малоспособными, то вначалѣ это наверстывали тѣмъ, что сильнѣе стали привлекать италійскихъ союзниковъ и пользоваться лучшими войсками внѣиталійскихъ подданныхъ, всадниками изъ Нумидіи и Ѳракіи, легковооруженной пѣхотой лигуровъ, пращниками съ Балеарскихъ острововъ, стрѣлками изъ лука съ о. Крита. Затѣмъ, когда война съ кимврами и война югуртинская одновременно сдѣлали необходимыми сильные наборы, Марій далъ и несостоятельнымъ право служить въ легіонѣ въ качествѣ добровольцевъ (стр. 26). Слѣдствіемъ этихъ различныхъ перемѣнъ было то, что конница

и легковооруженные выдѣлились изъ состава легіона, а оставшіеся въ немъ тяжеловооруженные были соединены въ одинъ отрядъ. Они получили одинаковое вооруженіе и обученіе, а со времени Кесаря и единое начальство въ лицѣ легатовъ, замѣстителей главнокомандующаго. Ядро легіона составляла въ это время лейбъ-когорта главнокомандующаго, состоявшая изъ его надежнѣйшихъ подчиненныхъ и изъ находящихся на военной службѣ представителей знати. Лишь Кесарь разстался съ этой въ военномъ отношеніи не совсѣмъ уже надежной свитой, и охрану своей особы предоставилъ опять легіонамъ. Сюда присоединились другія реформы: срокъ службы ограниченъ былъ 20 годами, черезъ что составъ войска сталъ болѣе молодымъ; но черезъ условное надѣленіе солдатъ землею, правительство сохраняло за собой право въ случаѣ нужды снова призвать къ знаменамъ уволенныхъ солдатъ, годныхъ еще къ военной службѣ; изъ лучшихъ легіонеровъ составлялся отборный корпусъ antesignani, который вмѣстѣ съ конницей долженъ былъ встрѣчать первое нападеніе; наконецъ, иногда въ бою уже употреблялись тяжелыя орудія. Быстрота, съ которой въ это время берутся крѣпости и строятся мосты черезъ большія рѣки, какъ, напр., рейнскіе мосты Кесаря, указываетъ на повышенное искусство саперовъ.

Книги Кесаря о галльской войнѣ даютъ намъ наилучшую картину военнаго дѣла въ этотъ періодъ. Походъ начинается весной, когда уже созрѣваетъ кормъ, и только въ видѣ исключеній и раньше, даже въ зимнее время, въ теченіе котораго войска обыкновенно живутъ на зимнихъ квартирахъ въ теплыхъ шалашахъ, и происходятъ необходимыя увольненія солдатъ и подкрѣпленія военныхъ силъ. Во время похода тяжелый багажъ, обозъ изъ палатокъ, военныхъ машинъ и запасовъ оружія, понтоновъ, ручныхъ мельницъ и т. д., слѣдуетъ за отдѣльными легіонами, поскольку войсковое начальство не предпочло помѣстить его въ какомъ-нибудь легкодостижимомъ укрѣпленномъ пунктѣ; только вблизи непріятеля обозъ помѣщается въ центрѣ всего войска. Впереди идутъ всадники и легковооруженные, за ними antesignani; затѣмъ слѣдуютъ тяжеловооруженные воины, въ полномъ вооруженіи съ обнаженной головой; шлемъ виситъ у нихъ на груди, на лѣвой рукѣ—щитъ въ чехлѣ; въ этой же рукѣ они держатъ метательное копье и шестъ съ поклажей, вѣсомъ въ

20 kg. = ок. 50 фунтовъ. Нормальный дневной переходъ, несмотря на эту тяжесть, составляетъ около 30 km. (ок. 28 верстъ), которые проходятся приблизительно въ 7 часовъ. По окончаніи перехода, по прежнему, разбивается укрѣпленный лагерь на отлогомъ склонѣ холма, вблизи воды, лѣса и фуража (стр. 278 1-й ч.). Бой все еще рѣшала тяжеловооруженная пѣхота легіона, стоявшая десятью довольно густыми когортами, по 400—500 человѣкъ въ каждой, и тройнымъ строемъ, такъ что первую боевую линію составляли четыре когорты, а вторую и третью—по три когорты; когорты эти выстраивались съ промежутками, равными длинѣ фронта каждой когорты, наподобіе шахматной доски. Каждая боевая линія переходила въ нападеніе по трубному сигналу.

Обыкновенно непріятель скоро долженъ былъ очистить поле брани и бѣжать за стѣны городовъ. Послѣдніе, при благопріятныхъ обстоятельствахъ брались приступомъ: подъ прикрытіемъ подвижныхъ охранительныхъ навѣсовъ, которые соединялись вмѣстѣ, осаждающіе приближались къ городской стѣнѣ, закладывали рвы землей и фашинами, выламывали ворота топорами, разбивали стѣны большими стѣноломными серпами или взбирались на нихъ при помощи штурмовыхъ лѣстницъ. Въ другихъ случаяхъ крѣпость окружали валомъ, который укрѣплялся окопами и расположенными за ними лагерями, и вымаривали голодомъ, или же въ благопріятномъ мѣстѣ открывали нападеніе посредствомъ осадныхъ сооруженій и артиллеріи. Подъ прикрытіемъ навѣсовъ, постепенно придвигавшихся къ стѣнѣ, начинали возводить, сперва на разстояніи около 100 метровъ (= 47 саж.) отъ стѣны, насыпь изъ земли, фашинъ и балокъ, которую продолжали затѣмъ по направленію къ непріятелю. Въ то-же время строились двѣ подвижныя деревянныя башни въ нѣсколько этажей, во всякомъ случаѣ такой вышины, что онѣ на насыпи приходились по крайней мѣрѣ въ одинъ уровень со стѣной; онѣ снабжались таранами и метательными орудіями (стр. 283 1-й ч.). Когда насыпь была доведена подъ самыя укрѣпленія непріятеля, тогда къ нимъ придвигались башни на обѣихъ сторонахъ насыпи, а между ними—лицевыя прикрытія и черепахи; первыя представляли собой охранительные щиты или стѣнки изъ ивоваго плетня, за которыми воины работали или обслуживали катапульты и болѣе крупныя баллисты, а вторыя были особенно крѣпко построенные навѣсы,

частью снабженные прочною, спереди спускавшейся до земли крышей, для прикрытія солдатъ, которые засыпали ровъ, частью спереди открытые и вооруженные тараномъ. Бой заканчивался штурмомъ, хотя обыкновенно осажденные непосредственно передъ нимъ сдавались.

Побѣда.
Статуя въ Луврскомъ музеѣ.

ВРЕМЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ
(31 до Р. Хр.—476 по Р. Хр.).

ПЕРІОДЪ ПРИНЦИПАТА.
(27 до Р. Хр.—192 по Р. Хр.).

ДОМЪ ЮЛІЕВЪ-КЛАВДІЕВЪ
(31 до Р. Хр —68 по Р. Хр.).

АВГУСТЪ.
(31 до Р. Хр.—14 по Р. Хр.).

ОКТАВІАНЪ въ теченіе Междоусобной войны вполнѣ успѣлъ возмужать. Если онъ и не былъ надѣленъ блестящимъ геніемъ Кесаря, то все-таки онъ выказалъ такую-же смѣлость, хитрость и настойчивость, и далеко превзошелъ его нравственностью поведенія. Онъ не сталъ рабомъ египтянки и не сближался съ личностями въ родѣ Катилины. Его среда состояла изъ серьезныхъ политиковъ и высокообразованныхъ лицъ, а его осмотрительность въ выборѣ помощниковъ по управленію, предполагающемъ большое самоотверженіе, ставитъ его рядомъ съ самыми мудрыми монархами всѣхъ

вѣковъ. Его жена Ливія стала тайной его совѣтницей, Цильній Меценатъ и Випсаній Агриппа были одновременно его совѣтниками и сотрудниками. Меценатъ, всадникъ изъ старинной этрусской знати, понравился ему своей непоколебимой убѣжденностью въ необходимости монархіи, своей дипломатической ловкостью и положительнымъ отсутствіемъ всякаго честолюбія. Находясь возлѣ Октавіана уже со времени Мутинской войны, онъ велъ трудные переговоры съ Антоніемъ и Секстомъ Помпеемъ, поддерживалъ, во время войнъ своего начальника съ этими соперниками, спокойствіе въ Римѣ и Италіи, руководилъ переходомъ республики въ монархію и щедрой поддержкой поэзіи привлекъ и послѣднюю на службу императорскаго дома. Въ свою очередь, Агриппа былъ другомъ юности Октавіана, учился съ нимъ въ Аполлоніи, отправился съ нимъ, при полученіи извѣстія объ убійствѣ Кесаря, въ Римъ и во время послѣдующихъ войнъ сдѣлался на глазахъ у сына Кесаря его способнѣйшимъ полководцемъ. Для Октавіана одержалъ онъ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ и Антоніемъ, для него онъ бился съ кельтами и германцами, далматами и иллирійцами, уничтожилъ кантабровъ въ сѣверной Испаніи и подавилъ военный бунтъ въ Панноніи. Онъ обладалъ также большимъ организаторскимъ талантомъ, и гдѣ было что упорядочить, учредить, построить, тамъ онъ былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Въ концѣ концовъ онъ женился на дочери императора, и потомство его было призвано къ престолонаслѣдію. И понынѣ еще величественное круглое зданіе Пантеона въ Римѣ свидѣтельствуетъ о грандіозной дѣятельности этого мужа.

Утвержденіе принципата. Ставши, въ качествѣ единственнаго оставшагося въ живыхъ тріумвира, верховнымъ намѣстникомъ надъ провинціями и главнокомандующимъ всѣхъ боевыхъ силъ на сушѣ и на морѣ, Октавіанъ не злоупотреблялъ болѣе своею властью для исполненія смертныхъ приговоровъ, какъ это произошло и съ его стороны при учрежденіи тріумвирата. Мало того, онъ сейчасъ-же постарался сложить связанную съ кровавыми воспоминаніями должность и замѣнить ее законнымъ полномочіемъ. Для этого онъ, болѣе ловкимъ и умѣреннымъ образомъ, чѣмъ его предшественникъ, воспользовался правительственнымъ аппаратомъ республики. Подобно послѣднему, онъ изъ года въ годъ вступалъ въ кон-

сульство, съ которымъ соединялъ и цензорскія права. Онъ сталъ также Princeps senatus (Первый въ сенатѣ). Но, тогда какъ Кесарь, далекій отъ мысли сложить диктатуру, собрался установить самодержавную монархію въ формѣ царской власти, Октавіанъ сложилъ тріумвиратъ 13 января 27 года, становясь теперь только привилегированнымъ гражданиномъ (Princeps) съ формально нормальной должностной властью, которая фактически, конечно, не имѣла предѣла во времени. Съ формальной точки зрѣнія дѣло существенно не измѣнилось, когда ему вмѣстѣ съ титуломъ „Императора“, который долженъ былъ ставиться передъ его именемъ, и съ новымъ почетнымъ титуломъ „Августа“, т.-е. Священнаго, Величественнаго, передано было сначала на десять лѣтъ, а по истеченіи этого срока давалось всякій разъ на новыя десять лѣтъ, главное начальство надъ всѣми боевыми силами и самостоятельное проконсульское намѣстничество въ Испаніи, Галліи и Сиріи, самыхъ важныхъ съ военной точки зрѣнія провинціяхъ государства. Все это были правильныя республиканскія должности, соединеніе которыхъ въ однѣхъ рукахъ не было безъ республиканскихъ примѣровъ и, какъ данное сенатомъ и народомъ, не казалось незаконнымъ. Вмѣсто консульства, Октавіанъ подобнымъ-же образомъ получилъ въ 23 г. трибунскую власть, но на пожизненный срокъ и безъ ограниченія чертой города и протестомъ со стороны товарищей по должности. Черезъ это онъ, какъ призванный представитель гражданъ, получилъ инициативу въ законодательствѣ, равно какъ и контроль надъ управленіемъ, правосудіемъ, финансами, общественнымъ порядкомъ и всѣми рѣшеніями сената.

Послѣдній, хотя и ограниченный въ своей индивидуальной свободѣ могуществомъ принцепса вообще, а въ частности его цензорской, консульской и позднѣе—трибунской властью, все-же въ предѣлахъ этой ограниченности получилъ большой кругъ дѣйствій и видное положеніе. Онъ рѣшалъ дѣла управленія въ Италіи и во всѣхъ провинціяхъ, за исключеніемъ трехъ императорскихъ, и назначалъ ихъ намѣстниковъ; изъ его совѣщаній выходили теперь государственные законы; сенаторы назначались не только въ смѣшанные суды, но и въ особые сенаторскіе суды, засѣдавшіе подъ предсѣдательствомъ консуловъ. Установленіемъ минимальнаго состоянія въ 1 милліонѣ сестерціевъ (около 50,000 руб. зол.) сена-

торское сословіе отличено было передъ всадническимъ, которому надо было владѣть только 400,000 (около 20,000 р. зол.), и передъ всѣми прочими гражданами. Такимъ образомъ, формально, принцепсъ дѣлился правленіемъ съ сенатомъ, но онъ сдѣлалъ себѣ этотъ аппаратъ еще болѣе сподручнымъ, образовавъ изъ пятнадцати избранныхъ сенаторовъ и изъ магистратовъ Consistorium Principis, съ которымъ онъ принималъ рѣшенія, имѣвшія полную законную силу.

Продолжали существовать и старыя республиканскія должности, которыми владѣлъ сенатъ; и у нихъ заботливо сохранялись внѣшнія формы. Все еще 1-го января новые магистраты направлялись торжественной процессіей на Капитолій; все еще годъ назывался по именамъ консуловъ, вступавшихъ въ этотъ день въ должность. Но эти послѣдніе скоро стали занимать свою должность только полгода и еще меньшее время и должны были довольствоваться предсѣдательствомъ въ сенатѣ и сенаторскомъ судѣ, равно какъ устройствомъ императорскихъ игръ. Правда, они имѣли въ перспективѣ сенаторское намѣстничество и принятіе въ число „друзей“ императора.

Другія должности были еще безсодержательнѣе, но все-же цѣнились, какъ предварительныя ступени къ консульству; къ тому-же бывшій преторъ могъ быть призываемъ къ управленію императорской провинціей. При этомъ трибунатъ былъ сенаторской должностью, доступенъ патриціямъ и являлся теперь вмѣстѣ съ эдильствомъ ступенью отъ квестуры къ преторѣ.

Всего труднѣе было для принцепса спасти призракъ политическаго соучастія гражданъ. Дѣло вотированія законовъ очень скоро было отнято у народнаго собранія и передано сенату. Онъ оставилъ собранію только выборы, но такимъ образомъ, что руководилъ ими самъ и частью прямо называлъ лицъ, долженствующихъ быть избранными въ должности, частью проводилъ ихъ посредствомъ своей рекомендаціи, причемъ не стѣснялся, по чисто республиканскому примѣру, обходить гражданъ, выпрашивая себѣ голоса. Но даже и тогда, когда народные выборы совершенно пали, право гражданства сохраняло столько цѣнности и почета, что народъ очень легко примирился съ исчезновеніемъ дѣйствительной власти. Вѣдь гражданинъ принималъ участіе въ общественныхъ выдачахъ хлѣба и играхъ, ему отдавалось рѣшительное предпочтеніе

на гражданской и военной службѣ, ему облегчалось достиженіе высшихъ званій, вѣдь для него только существовалъ судъ въ столицѣ, а не судъ намѣстника.

Это устройство монархіи, покоющейся на республиканскихъ формахъ, названо принципатомъ. Оно продержалось съ несущественными колебаніями въ продолженіе слѣдующихъ двухъ вѣковъ. Знать, какъ и граждане, наученные потоками крови, что единовластіе слѣдуетъ терпѣть, какъ необходимое зло, довольствовались формою, которую въ послѣдній вѣкъ республики въ правовой и въ государственной жизни привыкли считать самымъ существеннымъ.

Организація войска и флота. Но лучшей опорой и принципата было все-таки благоустроенное войско. Августъ, какъ назывался съ этихъ поръ Октавіанъ, образовалъ изъ наличныхъ военныхъ силъ постоянное войско въ 25 легіоновъ, которые вмѣстѣ съ вспомогательными отрядами подвластныхъ Риму областей составляли 250,000 человѣкъ. Легіоны имѣли опредѣленные нумера, названія и мѣста стоянки; жалованье и прочія статьи содержанія, время службы (отъ 18 до 37-лѣтняго возраста) и форма увольненія были утверждены разъ навсегда. Главная масса стояла въ пограничныхъ провинціяхъ, готовая дать отпоръ врагу; только девять когортъ преторіанцевъ, новая императорская лейбъ-гвардія, стояли внутри и вокругъ Рима, гдѣ, кромѣ того, гарантировала общественную безопасность сильная полицейская команда. Флотъ, для охраны обоихъ италійскихъ морей, имѣлъ свои стоянки около Мизена и Равенны, а мелкія эскадры въ Forum Julii (Fréjus), Александріи и Трапезунтѣ.

Попеченія о провинціяхъ. Изъ провинцій тѣ, которыя не нуждались въ войскѣ, Августъ предоставлялъ назначеннымъ отъ сената проконсуламъ, тогда какъ остальными онъ управлялъ черезъ своихъ легатовъ. Сборы взимались прокураторами въ пользу собственной казны императора (фиска), квесторами—въ пользу казны государственной (эрарія). Всѣ провинціальныя должностныя лица состояли на постоянномъ жалованьи. Система отдачи на откупъ прекратилась по отношенію къ поземельной и подушной податяи, для справедливаго распредѣленія которой дала основу произведенная Августомъ налоговая перепись провинцій. Личныя попеченія императора были, къ тому-же, чрезвычайно велики: онъ обѣзз-

дилъ почти всѣ провинціи, оказывалъ поддержку бѣдствующимъ городамъ, возстанавливалъ разрушенные землетрясеніемъ, лишалъ строптивые города ихъ вольностей, а оказавшіе услуги награждалъ правомъ гражданства и другими привилегіями; онъ заводилъ государственныя дороги, расчищалъ засорившіеся водяные пути сообщенія, открылъ торговлѣ новые пути въ Индію и въ сѣверныя страны, и распространялъ, наконецъ, посредствомъ колоній латино-греческую культуру. Далѣе, чтобы сдѣлать болѣе тѣсною связь провинцій съ центромъ государства, онъ сдѣлалъ распоряженіе, въ силу котораго граждане могли подавать свой голосъ въ мѣстахъ своего жительства, и завелъ пока исключительно для служебныхъ сношеній императорскую почту, которая обслуживалась сперва гонцами, по персидскому образцу, а вскорѣ уже и повозками.

Пограничныя войны на сѣверѣ Балканскаго, Апеннинскаго и Пиренейскаго полуострововъ. Съ особеннымъ усердіемъ Августъ бодрствовалъ надъ военной безопасностью провинцій. Ради нея онъ велъ свои войны, которыми предполагалось создать прочную, легко защитимую границу. Едва покончилъ онъ съ Секстомъ Помпеемъ, какъ уже самъ бился съ вѣчно враждебными горными племенами за далматскимъ и истрійскимъ побережьемъ, покорилъ ихъ одно за другимъ въ упорныхъ мелкихъ сраженіяхъ, и оградилъ римскія мѣстечки на побережьи, какъ Тріестъ, Полу, Зару, Салону, стѣнами и италійскимъ правомъ гражданства. Послѣ побѣды при Актіѣ, вторгшіеся въ Македонію бастарны были преслѣдуемы за Балканы и разбиты, послѣ чего покорились и даки въ Мёзіи (нынѣ Сербія и Болгарія) и были усмирены непокорныя ѳракійскія племена. Отнынѣ Дунай на большомъ протяженіи сталъ сѣверной границей римскаго господства на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ то-же время начатъ былъ натискъ на непокорныхъ еще горцевъ у подошвы Альпъ, на сѣверныхъ и южныхъ склонахъ Пиренеевъ и на сѣверномъ испанскомъ побережьи. Силой и настойчивостью, отчасти черезъ истребленіе цѣлыхъ народностей, удалось добиться того, чего не достигли отдѣльныя войны цѣлыхъ вѣковъ: вся Испанія, аквитанцы и кельто-лигурійскія племена Верхней Италіи должны были покориться Риму; отъ ихъ нападеній были навсегда ограждены расцвѣтавшія римскія поселенія и товарные караваны купцовъ. Вскорѣ Августъ послалъ

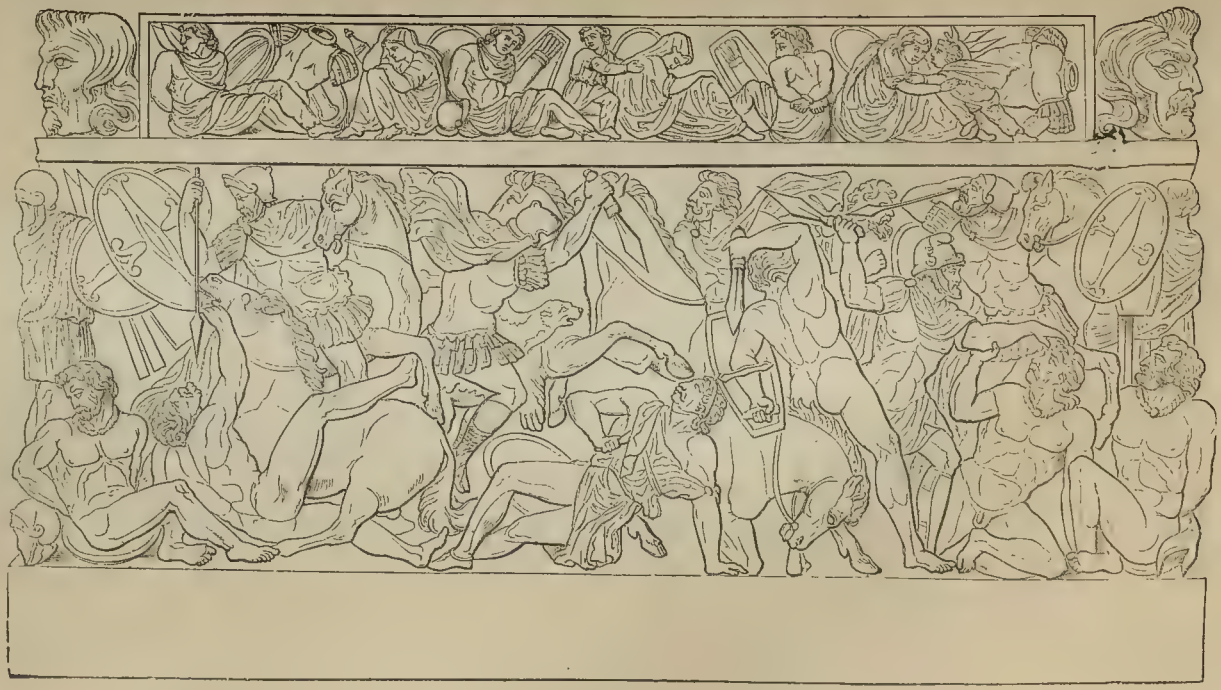
своего пасынка Друза даже въ сѣверныя Альпійскія области, чтобы укротить и ихъ разбойническое населеніе. Друзъ проникъ вверхъ по Эчу въ самое сердце Тироля, разбилъ обитавшихъ тамъ ретовъ и, повернувъ къ восточной Швейцаріи и соединившись съ подходившимъ оттуда братомъ Тиберіемъ, побѣдилъ сплеменныхъ ретамъ винделиковъ на Боденскомъ озерѣ и у истоковъ Дуная. Походъ этотъ доставилъ въ руки римлянъ Тироль, восточную Швейцарію и южную Баварію вплоть до Дуная, а за этимъ вскорѣ послѣдовалъ Норикъ, обнимавшій нынѣшнія австрійскія земли до той-же рѣки. Дунай теперь почти по всему своему теченію составлялъ сѣверную границу римскаго государства, а гдѣ этого не было (между Вѣной и Бѣлградомъ), тамъ позиціи римлянъ были выдвинуты по крайней мѣрѣ до Савы, а во время паннонскихъ походовъ Тиберія до средняго теченія Дравы. Укрѣпленные лагери легіоновъ, а также огражденные стѣнами города съ надежнымъ населеніемъ, по большей части старыми солдатами, города, какъ Augusta Praetoria, нынѣшняя Aosta на Dora Baltea съ сохранившимися еще древними воротами и стѣнами, и Augusta Vindelicorum, нынѣшній Аугсбургъ, обезпечивали новыя завоеванія, а хорошія военныя дороги соединяли ихъ съ прочими частями имперіи и со столицей.

Юлія, дочь Августа.
Бюстъ въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Завоеваніе сѣверозападной Германіи; Друзъ. Труднѣе было сдержать, не то что одолѣть, охочія до передвиженій племена вольной Германіи. Послѣднія еще не могли привыкнуть уважать созданную Кесаремъ Рейнскую границу. Они были еще наполовину кочевниками; скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ; территорія племени была общественной собственностью и ежегодно распредѣлялась князьями, какъ начальниками отдѣльныхъ общинъ,

между родами, послѣ чего простыя деревянныя хижины сламывались или предоставлялись новымъ поселенцамъ. Если населеніе сильно успѣло возрасти, если его тѣснили другія племена или манила къ себѣ какая-нибудь особенно плодоносная мѣстность, то оно очень легко покидало почву, не ставшую еще для нихъ родиной. Затѣмъ, война считалась главнымъ занятіемъ мужчины, и когда не было народной войны, то отдѣльные князья на свой страхъ, но съ согласія народнаго собранія, предпринимали походъ, и кто хотѣлъ, могъ въ немъ участвовать, но обязывался на все время предпріятія ненарушимо соблюдать вѣрность предводителю. Еще со времени Кесаря состояли на римскомъ жалованьи отряды германскихъ всадниковъ. Такой воинственный духъ первобытно-крѣпкаго народа, въ связи съ условіями его жизни, не давалъ успокоиться многочисленнымъ племенамъ между Рейномъ и Вислою.

При этомъ римская граница колола глаза западнымъ племенамъ. Это были—сугамбры, на правомъ берегу Рейна, съ ихъ сосѣдями съ сѣвера и юга—узипетами и тенктерами, а за ними могущественные херуски, обитавшіе по среднему теченію Везера и вплоть до Эльбы, и хатты—по Эдеру, а кромѣ того много второстепенныхъ народностей. Еще шли въ счетъ маркоманны, на верхнемъ Майнѣ; но, враждуя искони съ прирейнскими племенами, они участія въ ихъ предпріятіяхъ не принимали, да и среди другихъ названныхъ племенъ раздоръ только временно заглушался общею опасностью. Теперь же они оттѣснили на лѣвый берегъ Рейна убіевъ, единственныхъ друзей римлянъ на правомъ берегу; неоднократно германскія полчища, на зло многочисленнымъ римскимъ гарнизонамъ, обрушивались опустошительнымъ набѣгомъ на Галлію, а въ 16 г. до Р. Хр. они перебили даже пятый легіонъ и безпрепятственно унесли домой свою добычу вмѣстѣ съ легіоннымъ орломъ. Событіе это пробудило и въ сердцахъ галловъ, которые какъ разъ въ это время роптали по случаю новой налоговой переписи, надежду на свободу, и Августъ явился самъ, чтобы энергическими мѣропріятіями предотвратить болѣе крупный ущербъ. Онъ оставилъ своего пасынка Друза намѣстникомъ Галліи съ порученіемъ отвратить опасность, возстановить честь римскаго оружія и мечомъ запечатлѣть въ дерзкихъ зарейнскихъ дьяволахъ римскую границу.



БИТВА РИМЛЯНЪ СЪ МАРКОМАННАМИ.
(Барельефъ саркофага, находящагося въ виллѣ Amendola, близъ Рима).

Юный, испытанный уже въ ретійско-винделикской войнѣ герой былъ подходящій человѣкъ для этой трудной задачи. Красавецъ-мужчина съ подкупающей пріятностью въ обращеніи, храбрый солдатъ и дѣльный полководецъ, онъ скоро успокоилъ галльскую знать. Былъ сооруженъ и торжественно освященъ жертвенникъ Августа и богини Roma у Лугдуна (Lyon): въ почитаніи общихъ божествъ—покровителей должны были сходиться римляне и галлы. И подобный-же жертвенникъ въ главномъ поселеніи убіевъ, тамъ, гдѣ нынѣ находится Кёльнъ, долженъ былъ привлечь германскія племена подъ сѣнь римскаго орла. Затѣмъ онъ приготовился къ борьбѣ съ германцами, у которыхъ прирейнскія племена въ виду общей опасности заключили союзъ съ херусками и хаттами. Но, когда въ 12 г. до Р. Хр. собрались перейти за Рейнъ, то хатты не явились, и Друзу удалось отбросить вторгшихся враговъ. Затѣмъ онъ самъ послѣдовалъ за ними на правый берегъ, опустошилъ земли сугамбровъ и узипетовъ и пошелъ внизъ по Рейну, сопровождаемый флотомъ на рѣкѣ. Храброе племя батавовъ при устьяхъ Рейна, равно какъ и племена фризовъ на побережьи Сѣвернаго (Нѣмецкаго) моря покорились мягкимъ условіямъ, предложеннымъ императорскимъ принцемъ. Отъ Рейна былъ проведенъ каналъ къ Зюйдерзее; предполагалось при помощи этого канала ввести флотъ болѣе короткимъ путемъ въ Сѣверное море и завоевать прежде всего побережье. Планъ удался: островъ Боркумъ въ устьѣ Долларта былъ взятъ штурмомъ, затѣмъ вплыли въ рѣку Эмсъ и уничтожили флотъ изъ лодокъ бруктеровъ, были присоединены и общины хавковъ у устья Везера. На обратномъ пути, правда, флотъ по большей части погибъ, но войско счастливо вернулось: побережье Сѣвернаго моря стало римскимъ. Въ слѣдующемъ году Друзъ изъ самаго стараго постояннаго лагеря на Рейнѣ, противъ устья Липпе — позднѣе онъ назывался Castra Vetera, т.-е. Старымъ Лагеремъ (около нынѣшн. Xanten)—перешелъ по постоянному мосту черезъ рѣку, поднялся вверхъ по Липпе и, свернувъ на югъ, почти безъ кровопролитія занялъ землю сугамбровъ, которые какъ-разъ дрались съ вѣроломными хаттами. Они покорились, равно какъ и хатты. Затѣмъ были побѣждены и херуски и южныя общины хавковъ. Но во время обратнаго пути къ Рейну войско чуть не погибло: вся цѣпь сторожевыхъ

постовъ, прикрывавшихъ сообщенія, была перерѣзана, а само войско подверглось въ одномъ ущельи такому бурному нападенію, что только благодаря крайнему присутствію духа и твердой дисциплинѣ удалось устоять и разбить непріятеля. Послѣ этого, въ видѣ военнаго опорнаго пункта въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, Друзъ построилъ крѣпостцу Ализонъ (Эльзенъ около Падерборна?) и соединилъ ее съ Castra Vetera военной дорогой, шедшей вдоль рѣки Липпе и укрѣпленной меньшими крѣпостцами, съ разстояніями между ними въ однодневный переходъ. Рейнскіе берега онъ тоже оградилъ, поскольку это еще не было сдѣлано, цѣпью укрѣпленій, причемъ германцы праваго берега были удалены съ прирѣчной полосы земли. Если Castra Vetera были сѣвернымъ краеугольнымъ камнемъ этой системы, то южнымъ сталъ въ слѣдующемъ году Могонтіакъ (Майнцъ). Здѣсь хатты, выказавшіе неповиновеніе римскимъ приказамъ, должны были уступить область маттіаковъ (Aquae Mattiacae = Висбаденъ), и былъ укрѣпленъ Таунусъ. А опасная близость сильнаго римскаго войска побудила теперь маркоманновъ удалиться дальше вовнутрь страны, въ область бойевъ, нынѣшнюю Богемію.

Война между Рейномъ и Везеромъ кончилась, и Друзъ могъ въ 9 г. до Р. Хр. безпрепятственно перейти въ области херусковъ черезъ Везеръ и безъ большого сопротивленія проникнуть до Эльбы. Но на обратномъ пути римлянъ постигло тяжкое несчастіе: полководецъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и сломалъ бедро; послѣ тридцатидневныхъ страданій онъ умеръ. Тѣмъ не менѣе и теперь не произошло серьезнаго возмущенія, и Тиберій, братъ Друза, могъ безъ дальнѣйшихъ потерь отвести войско назадъ. Правда, смерть любимаго принца причинила легіонамъ болѣе глубокую скорбь, чѣмъ какое-нибудь пораженіе. Они восхищались его смѣлымъ мужествомъ, гнавшимъ его въ безконечную даль, и разсказывали, будто только какая-то женщина сверхчеловѣческаго роста, точно поднявшись изъ водъ рѣки Эльбы, удержала его отъ дальнѣйшаго наступленія зловѣщими словами: „Отступи, ненасытный, ибо близокъ конецъ твоимъ дѣламъ и твоей жизни!“ Тиберію, принявшему командованіе, теперь легко удалось побудить народности между Рейномъ и Эльбой къ торжественному признанію римскаго главенства. Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ римскій полководецъ могъ отъ Дуная проникнуть въ самое сердце

Германіи и даже перейти черезъ верхнюю Эльбу. Когда Тиберій изъ-за временной натянутости въ отношеніяхъ къ императору сложилъ командованіе, германцы хотя и подняли опять головы, но потребовалось одного его появленія и нѣсколькихъ нетрудныхъ походовъ, какъ все вернулось къ покорности. Онъ могъ даже отважиться перезимовать около Ализона и слѣдующимъ лѣтомъ съ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ одновременно проникнуть до Эльбы; и туда, и обратно походъ прошелъ гладко.

Тщетное нападеніе на верхнюю Германію; Марбодъ. Но еще надо было устроить сообщенія между римскими позиціями на Эльбѣ и Дунаѣ. Здѣсь точно клиномъ вдавалось маркоманнское царство короля Марбода, повелѣвавшаго надъ благоустроеннымъ войскомъ и многими покоренными народностями между Эльбой и Вислой. На него въ 6 г. по Р. Хр. было сдѣлано двойное нападеніе: легатъ Сентій Сатурнинъ сталъ надвигаться на Богемію отъ Рейна, вдоль Майна, пролагая себѣ огнемъ и топоромъ путь сквозь густые лѣса, тогда какъ самъ Тиберій подходилъ изъ Карнунта (Петронеля), главной квартиры римлянъ на Дунаѣ. Авангарды обоихъ войскъ уже приблизились на разстояніе пяти дневныхъ переходовъ къ пункту соединенія въ сердцѣ маркоманнскаго государства, когда въ тылу Тиберія вспыхнуло страшное возстаніе иллирійцевъ и паннонцевъ, которое вскорѣ охватило большую часть племенъ между Дунаемъ и Балканами и угрожало не только этимъ новымъ завоеваніямъ, но и Македоніи и самой Италіи. Хотя со всѣхъ сторонъ подошли вспомогательныя войска, но кому было стать противъ 200,000 возставшихъ, тѣмъ болѣе, что собирались возстать и даки по ту сторону Дуная? Такимъ образомъ, Тиберію пришлось заключить миръ съ Марбодомъ, и легіоны повернули обратно. Лишь послѣ многолѣтнихъ тяжелыхъ войнъ воинственные народы были снова усмирены, а равно и даки были разбиты на голову въ своей собственной странѣ.

Реакція въ Нижней Германіи; Варъ и Арминій. Волны этихъ событій навѣрное докатывались и до далекихъ лѣсовъ Западной Германіи. Безуспѣшное возвращеніе рейнскихъ легіоновъ съ похода противъ Марбода, сообщенія, доходившія до слуха предводителей германскихъ отрядовъ въ римскихъ лагеряхъ, должны были одушевить только-что покоренныя племена новыми надежда-

ми на свободу. А остальное сдѣлалъ новый намѣстникъ Квинтилій Варъ, родственникъ императорскаго дома. При послѣднемъ вошло въ обычай, чтобы войско зимою оставалось на Рейнѣ, а лѣтомъ, даже если и не было надобности въ походахъ, стояло лагеремъ въ завоеванныхъ областяхъ, по большей части около Ализона. Требовавшіеся вслѣдствіе этого со стороны германцевъ поставки и подарки, сношенія съ чуждыми людьми, у которыхъ былъ другой языкъ и другіе нравы, вольности со стороны солдатъ и офицеровъ, отъ которыхъ населеніе не смѣло защищаться, прислуживаніе римскимъ властямъ, до котораго должна была унижаться германская знать, интриги, при помощи которыхъ хитрые римляне всюду сѣяли раздоръ, все это должно было вызывать ожесточеніе, а еще болѣе то обстоятельство, что новый намѣстникъ понуждалъ покоренныхъ судиться предъ его судилищемъ, по римскимъ законамъ, въ порядкѣ римскаго судопроизводства, на римскомъ языкѣ и съ римскими адвокатами.

Арминій.
Съ мраморнаго бюста Капитолійскаго музея въ Римѣ.

Среди этихъ племенъ образовалась патріотическая партія, къ которой въ концѣ концовъ стали принадлежать всѣ болѣе или менѣе видные люди. Только тѣ, положеніе которыхъ было тѣсно связано съ римскимъ господствомъ, оставались въ сторонѣ отъ этого движенія, какъ, напр., Сегестъ, глава римскихъ приверженцевъ у херусковъ; но даже его родные примкнули къ партіи патріотовъ, и дочь Сегеста, Туснельда, была обручена съ вождемъ этой партіи. Это былъ Арминій, сынъ Сегимера, юный герой изъ херусскаго княжескаго рода. Въ данное время онъ служилъ въ

должности предводителя своихъ земляковъ въ римскомъ войскѣ, а братъ его Флавъ даже въ самой Италіи, обоимъ имъ были дарованы отъ Августа права римскаго гражданства и всадническое званіе. Арминій тѣмъ безопаснѣе могъ втайнѣ подстрекать и вооружать противъ римлянъ свой народъ и его сосѣдей, и Варъ не внялъ даже обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ Арминія Сегестомъ. Но вотъ, когда Варъ въ 9 г. послѣ Р. Хр., въ исходѣ лѣта, собрался отвести къ Рейну тѣ три легіона, съ которыми онъ стоялъ на Везерѣ, онъ получилъ вѣсть о тревожныхъ передвиженіяхъ нѣсколькихъ племенъ въ сѣверномъ направленіи, гдѣ нѣсколько римскихъ сторожевыхъ постовъ уже подверглись нападеніямъ и были перебиты или принуждены бѣжать. Раненые бѣглецы приносятъ эту вѣсть, въ достовѣрности которой уже нельзя сомнѣваться. Варъ тотчасъ-же выступаетъ со всѣми своими силами, чтобы наказать злодѣевъ. По долинѣ Оснинга, вѣтви Тевтобургскаго лѣса, онъ направляется къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно собирались для суда мужчины данной общины.

Здѣсь, въ лѣсной чащѣ, вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались боевые клики германцевъ, и въ то-же время ихъ стрѣлы и копья полетѣли въ сомкнутые ряды римлянъ. Послѣ этого они подступили для рукопашной схватки. Бушевала буря, дождь ливмя лилъ на сражающихся, къ выгодѣ легко вооруженныхъ херусковъ и на гибель ихъ тяжеловооруженныхъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе легіоны, хотя и съ большимъ урономъ, несмотря на непогоду и оружіе враговъ, пробились на болѣе открытое возвышеніе, гдѣ и разбили лагерь. У нихъ еще были съѣстные припасы и убойный скотъ, такъ что они могли подкрѣпиться пищею; но съ недалекихъ горъ до нихъ доносился ужасный боевой и побѣдный вой варваровъ, призывавшій херусковъ, сугамбровъ, хаттовъ и другія племена на борьбу за самыя дорогія блага, за родной очагъ и за свободу

На слѣдующее утро Варъ велѣлъ сжечь повозки и лишній багажъ и началъ отступленіе въ хорошемъ порядкѣ по довольно открытой мѣстности. Но почва размокла отъ дождя, а съ высотъ устремлялись на него германцы, стрѣлами и копьями тѣсня легіоны, которые съ трудомъ подвигались впередъ. Арминій руководилъ этими нападеніями, и когда непріятельскіе ряды были ими поколеблены, онъ съ главными силами бросился на-

встрѣчу римлянамъ. Съ нимъ была побѣда. Онъ отогналъ озлобленнаго непріятеля отъ той дороги, которая вела, казалось, къ спасенію. Теперь Варъ погибъ; тщетно легатъ Вала Нумоній пытался бѣжать съ частью конницы; сила легіоновъ была истощена, ряды ихъ всюду прорваны, разсѣяны, перебиты ликующими, опьяненными побѣдою германцами, знамена опустились и орлы попали въ руки врага. Съ воемъ бури сливается ликованіе побѣдителей и стоны взгроможденныхъ кучами умирающихъ римлянъ. Варъ видитъ гибель легіоновъ, и въ отчаяніи, по римскому обыкновенію, направляетъ мечъ на собственную грудь; его примѣру слѣдуютъ многіе трибуны и центуріоны, а также одинъ знаменоносецъ, послѣ того какъ онъ погрузилъ орла въ глубокое болото. Немного бѣглецовъ спаслось въ Ализонъ, остальные воины легли на полѣ брани, убитые или раненые. Многіе, захваченные живыми, стояли теперь въ кругу германскихъ аристократовъ и свободныхъ воиновъ, среди которыхъ предсѣдательствовалъ герой дня, двадцатишестилѣтній Арминій. Знатныхъ плѣнныхъ безъ пощады постигъ смертный жребій, простые солдаты были распредѣлены въ качествѣ рабовъ. Послѣ этого бурный набѣгъ германцевъ распространился дальше по всей странѣ, гдѣ только еще стояли отдѣльные римскіе посты, пока главныя силы ихъ не собрались подъ Ализономъ. Крѣпость эту, которую нельзя было захватить неожиданнымъ нападеніемъ, рѣшили выморить голодомъ; такъ какъ, однако, ее обложили небрежно, то часть гарнизона пробилась сквозь ряды германцевъ и спаслась за Рейнъ

Туспельда.
Съ мраморной статуи въ Loggia dei Lanzi во Флоренціи.

въ Castra Vetera, куда тѣмъ временемъ прибыли Майнцскіе легіоны.

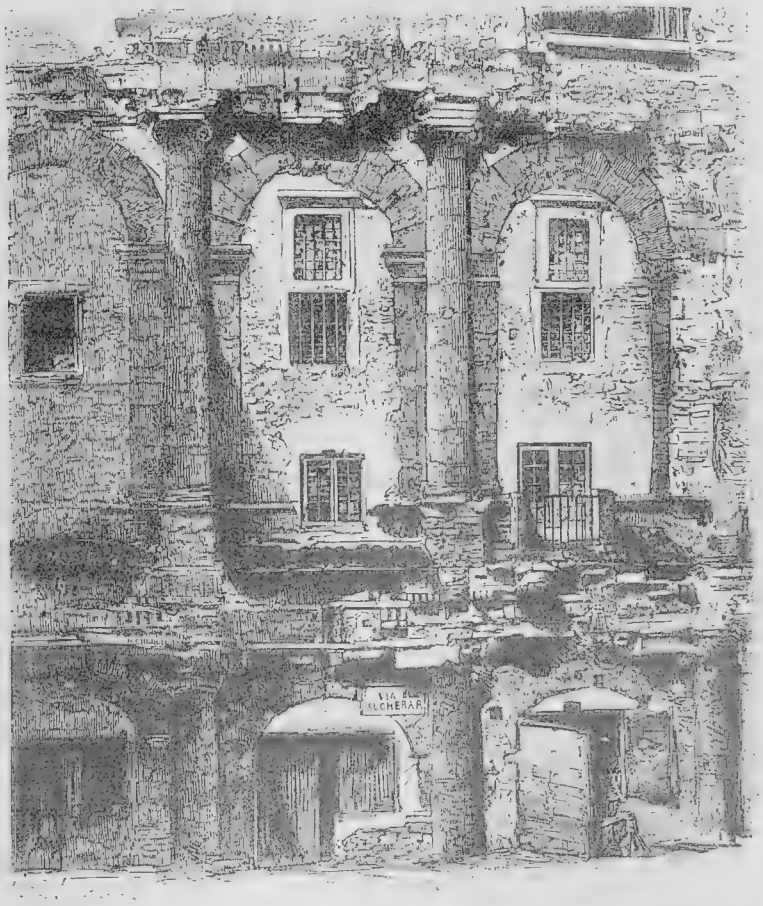
Благодаря битвѣ въ Тевтобургскомъ лѣсу, германскія общины были теперь снова свободны, и въ пѣсняхъ пѣвцовъ по рѣкѣ Рейну, въ горахъ и долинахъ вплоть до далекой низменности прославлялись возвращенная свобода и герой, приведшій германцевъ къ побѣдѣ. А самъ онъ, первый боецъ въ жаркой схваткѣ, похитилъ изъ дома мрачнаго Сегеста Туспельду, возлюбленную свою невѣсту, и увелъ ее на свой княжескій дворъ, не обращая вниманія на угрозы отца.

Потеря трехъ отборныхъ легіоновъ и еще другихъ, разставленныхъ по разнымъ мѣстамъ отрядовъ навела панику и печаль на Римъ, гдѣ недавно еще царила радость по случаю иллирійско-паннонской побѣды. Говорятъ, Августъ въ своемъ горѣ громко воскликнулъ: „Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!“ Въ слѣдующемъ году онъ отправилъ Тиберія съ подкрѣпленіями на Рейнъ. Съ этой поры здѣсь стояло восемь легіоновъ съ самостоятельными начальниками въ Castra Vetera и Майнцѣ. Тиберій перешелъ и за пограничную рѣку, но только затѣмъ, чтобы показать врагу, что его не боятся. Вообще же здѣсь стали выжидать нападенія; старѣющійся императоръ не хотѣлъ бросаться въ предпріятія, которыя могли и въ Галліи поколебать римское господство.

Охрана границы въ Азіи и Африкѣ. И на востокѣ имперіи Августъ умѣлъ равно упорно и осторожно защищать границы и, гдѣ нужно, расширять ихъ. Ѳракія была присоединена въ качествѣ ленная государства, и таковымъ-же сохранено Босфорское царство. Въ Азіи ядро военной позиціи образовала сирійская провинція; ея намѣстникъ былъ въ то-же время начальникомъ четырехъ азіатскихъ легіоновъ. Установленная Помпеемъ восточная граница (стр. 81) была удержана, потерянная при Антоніи Арменія была возвращена, парѳянскій царь принужденъ былъ выдать оставшихся еще въ живыхъ римскихъ военно-плѣнныхъ изъ предшествовавшихъ войнъ вмѣстѣ съ захваченными полевыми значками. Отъ бедуиновъ Аравіи охраняли границу царь набатеевъ и царь Иродъ Палестинскій.

Южная граница имперіи въ Африкѣ подобнымъ-же образомъ охранялась отъ дикихъ племенъ внутренней Африки. Около Ассуана стояли авангарды трехъ египетскихъ легіоновъ, которые прогнали

изъ страны грабившія ее эѳіопскія полчища царицы Кандаки. Въ провинціи Африкѣ тамошній легіонъ со своими вспомогательными отрядами поставленъ былъ на краю пустыни, для отраженія мар-



Остатки театра Марцелла.

Театръ этотъ начатъ былъ Кесаремъ. Августъ назвалъ его по имени своего племянника. Не подалеку отъ театра былъ портикъ Октавіи.

маридовъ, гарамантовъ и гетуловъ, причемъ были заняты оазисы Феццанъ и Гадамесъ. На западѣ, воспитанный при императорскомъ дворѣ нумидійскій принцъ Юба II получилъ Мавританію, какъ вассальное княжество.

Таково было могущественное положеніе римской имперіи при Августѣ; почти на всѣхъ точкахъ своихъ обширныхъ, растянутыхъ на три материка границъ она наступала полною силою, но не въ безбрежныя дали, а по хорошо взвѣшеннымъ планамъ разсудительнаго правителя, и только на Рейнѣ она отступила передъ юношески-сильнымъ, свободолюбивымъ народомъ за укрѣпленную линію, твердо однако рѣшившись отстаивать эту линію какою угодно цѣною.

Упорядочивающая дѣятельность Августа въ Римѣ и Италіи. Не менѣе мощнымъ и блестящимъ заявило себя императорское правленіе и въ самомъ Римѣ и Италіи. Какъ оно заботилось объ общественной безопасности, было уже упомянуто. Но оно и вообще старалось возстановить дисциплину и порядокъ. Какъ ни щедръ былъ императоръ на подачки и игры, все-таки городское населеніе не смѣло стать нахальнымъ. Если оно напоминало ему объ обѣщанной подачкѣ, то онъ приказывалъ ему подождать, онъ-де никогда не нарушалъ еще своего слова; если же оно требовало того, что̀ вовсе не было обѣщано, онъ давалъ грубый отвѣтъ, а когда жаловались, чтобы добиться цѣли обходнымъ путемъ, на дороговизну вина, то случалось, что онъ указывалъ народу на превосходные водопроводы, построенные зятемъ его Агриппой. Увеличенію столичнаго населенія онъ противился по мѣрѣ силъ; отпущенные на свободу рабы съ трудомъ лишь получали право гражданства, а случившейся въ одно время дороговизною онъ воспользовался для того, чтобы выслать изъ города туземный и пришлый сбродъ. Управленіе онъ улучшилъ тѣмъ, что ограничилъ полномочія магистратовъ предѣлами страны, умножилъ магистратскія мѣста, отдѣлилъ отъ нихъ спеціальныя должности и производилъ надъ ними строгій надзоръ, во время своего отсутствія, черезъ городского префекта. Той-же цѣли служило раздѣленіе столицы на 14 частей, а частей—на участки. Организованная пожарная команда охраняла городъ ночью; очищенное отъ мусора и ила и расширенное русло Тибра лучше стало вмѣщать снѣжную воду весною, а увеличеніе числа дорогъ, ведшихъ къ городу, облегчило сношенія. Чтобы поддерживать дисциплину и порядокъ и въ высшихъ сословіяхъ, онъ нѣсколько разъ очищалъ сенатъ отъ неподходящихъ элементовъ, усердно и строго производилъ смотръ всадникамъ во время ценза, причемъ безпощадно перево-

дилъ недостойныхъ въ низшій классъ, и издавалъ законы противъ безумной роскоши и въ пользу развитія здоровой семейной жизни, прочной основы хорошаго государства. Чтобы ни одинъ проступокъ не оставлять безнаказаннымъ и не проволакивать черезъ мѣру судебныя дѣла, онъ увеличилъ число судебныхъ дней и присяжныхъ судовъ, затруднилъ полученіе отпусковъ и самъ далъ примѣръ неутомимаго судьи; въ то-же время учрежденіе

Римскій пантеонъ.

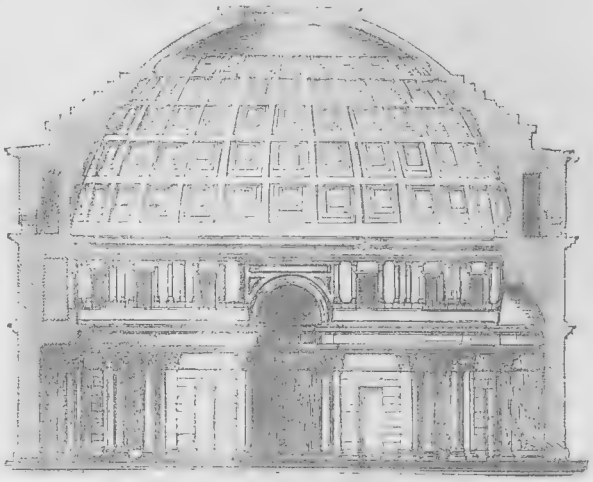
новой верховной инстанціи, императорской, внесло въ правосудіе больше добросовѣстности. Въ качествѣ главнаго понтифика онъ велѣлъ сжечь прорицательныя книги, распространенныя въ тысячахъ экземпляровъ, оставивъ въ силѣ только избранныя части Сивиллиныхъ книгъ, улучшилъ положеніе жрецовъ, въ особенности весталокъ, выходившихъ изъ самыхъ знатныхъ сферъ, возстановилъ старые священные обычаи, жертвоприношенія, праздники, устранилъ все, что̀ могло давать поводъ къ разврату на религіозныхъ празднествахъ, и привелъ въ порядокъ Юліанскій календарь, въ которомъ во время Междоусобной войны произошла

путаница. причемъ мѣсяцу Sextilis, слѣдовавшему за мѣсяцемъ Quinctilis, названнымъ по имени Кесаря Julius—іюлемъ, онъ далъ названіе „августъ“. Вниманіе правителя простиралось даже на такіе предметы, какъ порядокъ на играхъ. Мѣста въ орхестрѣ театра предоставлены были сенаторамъ, а иностраннымъ посламъ отведены были другія; штатскіе и военные, женатые и неженатые, мальчики со своими педагогами, весталки, всадники имѣли обособленныя мѣста. Право женщинъ присутствовать на зрѣлищахъ было стѣснено: при гладіаторскихъ бояхъ онѣ могли присутствовать только на верхнихъ мѣстахъ, а на атлетическія состязанія вовсе не смѣли приходить. Августъ позаботился и о тѣхъ людяхъ, которые служили для развлеченія публики; онъ сохранилъ за ними особыя права, не допускалъ гладіаторскіе поединки съ условіемъ биться на смерть, но наказывалъ также и непристойности на сценѣ.

Празднества; постройки. Правленіе Августа не лишено было и блеска. Столица и стекавшіеся извнѣ граждане перевидали 27 праздничныхъ игръ, имъ устроенныхъ; то шли представленія, исполнявшіяся одновременно въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ на разныхъ языкахъ, то травли звѣрей, то на Марсовомъ полѣ разбивались громадные подмостки, чтобы дать мѣсто ста тысячамъ народу на состязаніяхъ въ борьбѣ, то по ту сторону Тибра создавался для изображенія морской битвы большой бассейнъ, окруженный мѣстами для публики. Охотно Августъ придавалъ цирковымъ играмъ особый интересъ черезъ появленіе на нихъ лицъ изъ римской знати, участвовавшихъ въ ѣздѣ на колесницахъ, бѣгѣ взапуски и борьбѣ съ дикими звѣрями; особенно часто повторялась такъ называемая „троянская игра“, родъ военнаго маневра, исполнявшагося знатной молодежью верхомъ. Рѣдкимъ праздникомъ былъ вѣковой юбилей 17 года до Р. Хр., справлявшійся при началѣ новаго вѣка, т.-е. промежутка времени въ 110 лѣтъ по этрусскому времясчисленію. Коллегія „пятнадцати мужей“, на основаніи ввѣренныхъ ихъ наблюденію Сивиллиныхъ книгъ, приглашала населеніе отпраздновать этотъ юбилей. Ея глашатаи шли по городу и по Италіи, возвѣщая праздникъ „до котораго никто еще не дожилъ, никто не доживетъ вторично“. Участникамъ празднества розданы были съѣстные припасы, освѣтительныя принадлежности и иные предметы, нужные для трехдневнаго праздне-

ства, длившагося и день и ночь, жертвенники были убраны вѣнками, и для вступленія были совершены молитвы и жертвоприношенія. Въ теченіе трехъ дней и ночей празднества происходили: жертвоприношенія, произнесеніе обѣтовъ, кормленіе боговъ, цирковыя игры, на которыхъ не отсутствовала и троянская игра, травля звѣрей, бой гладіаторовъ, пѣніе и пляска. Напослѣдокъ въ храмѣ Аполлона на Авентинѣ была исполнена юношами и дѣвушками сочиненная къ этому празднику Гораціемъ пѣснь, содержавшая молитвы за величіе и благополучіе Рима, за процвѣтаніе новаго поколѣнія, за потомство Энея, императорскій домъ.

Грандіозны были постройки Августа, хотя онѣ и не представляли преувеличенной роскоши временъ позднѣйшихъ императоровъ. Онъ продолжалъто,что́ было начато Кесаремъ. Онъ окончилъ Базилику Кесаря на главномъ Форумѣ, равно какъ, къ сѣверу отъ послѣдняго, форумъ Юлія (стр. 149). Подобно Кесарю, онъ разукрасилъ главный форумъ сооруженіемъ новыхъ зданій и перестройкой старыхъ, и создалъ больше мѣста для движенія, соединивъ Форумъ съ Комиціемъ, древнимъ мѣстомъ голосованія римской гражданской общины; подобно Кесарю, онъ устроилъ къ сѣверу отъ Форума новый великолѣпный, названный по его имени, форумъ съ храмомъ „Марса Мстителя“, будущимъ священнымъ средоточіемъ военной дѣятельности Рима. Въ тѣсной части города на Тибрѣ онъ построилъ театръ Марцелла; другія постройки, по-близости отсюда, онъ обновилъ.



Пантеонъ (зданіе въ разрѣзѣ).

На Марсовомъ полѣ зять его Агриппа построилъ первыя термы, и въ связи съ ними дивное зданіе Пантеона. Если въ дѣлѣ этихъ построекъ императоръ слѣдовалъ по стопамъ своего великаго пріемнаго отца, то съ другой стороны онъ открылъ совершенно новую область для монументальныхъ построекъ, избравъ себѣ для жительства Палатинъ, колыбель римскаго могущества. Здѣсь къ концу своего правленія онъ построилъ Палатій, императорскую резиденцію, и рядомъ съ нимъ знаменитый храмъ Аполлона, своего бога-покровителя, съ богатой греческой и римской библіотекой. Нынѣ еще, лишенныя своихъ украшеній, развалины этихъ громадныхъ построекъ исполняютъ насъ благоговѣйнаго удивленія передъ могуществомъ и духомъ того, кто здѣсь былъ повелителемъ, а также того строителя, который смогъ справиться съ пролетами этихъ сводовъ. Кромѣ того Августъ построилъ цѣлый рядъ храмовъ и портиковъ, поправилъ и обновилъ болѣе старые. Самъ онъ въ своемъ отчетѣ насчитываетъ не менѣе 82 храмовъ. Другія великолѣпныя зданія построили, по его иниціативѣ, состоятельные представители знати: храмы, театры, амфитеатры и др. Безчисленны были статуи великихъ мужей, которыя онъ повсюду устанавливалъ.

Расходы этого равно блестящаго, какъ и искуснаго правленія были, естественно, значительны. Но, благодаря улучшенному финансовому управленію, достигались и болѣе высокіе доходы, и тяжесть эта казалась провинціаламъ сносною по сравненію съ эксплуатаціонной системой республиканскихъ временъ, тѣмъ болѣе, что теперь и римскіе граждане, свободные отъ податей въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, стали привлекаться къ налогамъ на имущество, продажи и наслѣдства.

Частная жизнь Августа. Августъ—одинъ изъ тѣхъ монарховъ, которые чрезъ послѣдовательное проведеніе необходимыхъ реформъ, связанныхъ съ исторически установившимися учрежденіями, давали своему народу прочную организацію государственной жизни на цѣлые вѣка. У такихъ людей интересно и ихъ личное поведеніе. Августъ и въ общественной жизни, какъ и въ своей политикѣ, весь былъ—осмотрительность, самообладаніе, благоразуміе. Если онъ рѣзко отклонялъ византійскую лесть и избѣгалъ пышныхъ встрѣчъ въ городахъ своей имперіи, пріѣзжая туда ночью, то онъ съ другой стороны и не былъ нелюдимымъ. Когда

Отрывокъ изъ отчета о личныхъ дѣяніяхъ Августа, имъ-же составленнаго
Найденъ на Августовскомъ храмѣ въ Анкирѣ (въ Малой Азіи).

онъ былъ консуломъ, то обыкновенно ходилъ по улицамъ пѣшкомъ, чтобы не быть недоступнымъ для народа, въ другихъ же случаяхъ появлялся въ открытомъ портшезѣ. Во время пріемовъ къ нему допускался всякій изъ народа, онъ выслушивалъ желанія каждаго. Вплоть до глубокой старости онъ охотно принималъ участіе какъ въ частныхъ празднествахъ, такъ и въ общественныхъ играхъ. Особенный интересъ питалъ онъ къ кулачному бою въ самой обычной его формѣ, и случалось, что онъ останавливался на улицѣ, чтобы поглядѣть на какую-нибудь настоящую драку. Онъ не возставалъ противъ свободнаго выраженія мнѣнія, пока оно не казалось опаснымъ для государства; только тогда онъ удостаивалъ его возраженія, и только въ крайнемъ случаѣ налагалъ денежный штрафъ или высылку изъ столицы. Въ уваженіи къ властямъ онъ всѣмъ подавалъ примѣръ: сенатъ не долженъ былъ вставать, когда онъ приходилъ или уходилъ, и онъ не сердился на лойяльную оппозицію. На выборахъ онъ, какъ и всякій другой кандидатъ, съ рекомендуемыми имъ соискателями должности обходилъ, по старому обычаю, гражданъ и просилъ себѣ ихъ голоса. Самъ онъ, наравнѣ съ бѣднѣйшимъ гражданиномъ, подавалъ голосъ въ своей трибѣ. Онъ позволялъ также себя вызывать на судъ какъ свидѣтеля, выступалъ въ качествѣ патрона своихъ кліентовъ, но избѣгалъ вліять на правосудіе насильственными средствами.

Въ своей частной жизни онъ старался пользоваться доброй славой, хотя довольно была извѣстна страсть его къ игрѣ. Вообще же его образъ жизни, при его положеніи, былъ простъ. Его городской домъ, вблизи Форума, а затѣмъ на Палатинѣ какъ снаружи, такъ и внутри былъ довольно-таки простоватъ. Лѣтомъ и зимою онъ оставался въ Римѣ; рѣдко онъ на короткое время отправлялся на дачу въ Ланувій, Пренесте, Тибуръ или еще охотнѣе на прелестный берегъ Кампаніи, особенно же на Капри, который онъ вымѣнялъ у неаполитанцевъ на Исхію. Его виллы менѣе были украшены драгоцѣнными статуями и картинами, чѣмъ зелеными газонами, группами деревьевъ и всякими рѣдкостями, а виллу своей внучки, обставленную съ царской роскошью, онъ велѣлъ сломать. На императорскій столъ подавалось три и не больше шести блюдъ; но за эту умѣренность вознаграждалъ живой разговоръ хозяина. Самъ онъ ѣлъ меньше

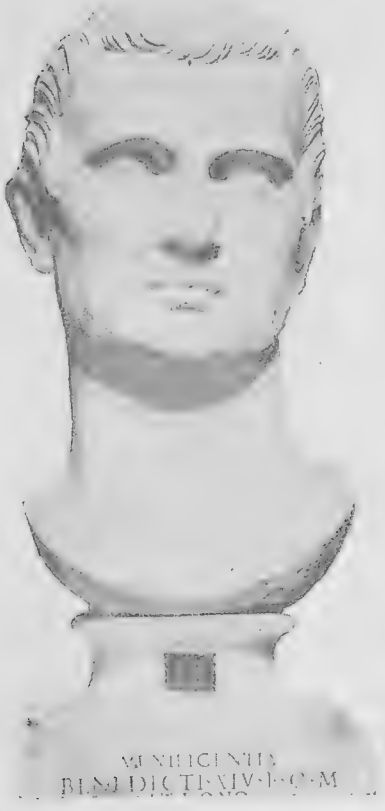
всѣхъ, а часто вообще даже не являлся къ обѣду. Любимой его пищей былъ кусокъ хлѣба второго сорта, пара печеныхъ рыбокъ, немного коровьяго сыру и винныхъ ягодъ; жажду онъ утолялъ хлѣбомъ, смоченнымъ водою, кускомъ огурца, салата или фруктами; вино онъ пилъ только за столомъ, по большей части Тирольское, обыкновенно четверть литра, самое большее — полулитра. Послѣ обѣда онъ немного отдыхалъ, а послѣ ужина, главнаго пріема пищи, онъ ложился на диванъ и доканчивалъ оставшіяся за день дѣла. Часто спать онъ ложился лишь поздней ночью и спалъ затѣмъ безпокойнымъ сномъ едва-едва семь часовъ; пропущенный сонъ онъ долженъ былъ наверстывать утромъ и днемъ.

Ливія въ образѣ Кибелы. Изображеніе на рѣзномъ камнѣ. Ливія, съ покрываломъ на головѣ, держитъ въ рукахъ бюстъ Августа.

Обладая граціозной фигурой до самой старости, онъ все-таки обращалъ вниманіе на свою внѣшность; довольно низкій ростъ его—въ немъ было 1,66 метра = 5,4 фута — не бросался однако въ глаза, благодаря его пропорціональному стану, если рядомъ съ нимъ не стояло болѣе высокаго человѣка. Здоровье у него было очень нѣжное, и не мало ему пришлось вынести болѣзней; отъ самой тяжкой спасли его холодныя примочки Антонія Музы. Сильно страдалъ онъ отъ перемѣнъ температуры. Поэтому онъ защищался отъ холода нѣсколькими туниками, шерстяной курткой и толстой тогой и обматывалъ ноги сверху донизу шерстяными повязками; на воздухѣ онъ носилъ всегда шляпу отъ солнечныхъ лучей и лѣтомъ спалъ при открытыхъ дверяхъ или въ перистилѣ у фонтана, или же рабъ навѣвалъ на него прохладу. Путешествовалъ онъ всегда ночью и подвигался впередъ лишь медленно; гдѣ было возможно, онъ ѣхалъ моремъ. Вообще онъ заботливо смотрѣлъ за своимъ здоровьемъ. Обычныя теплыя ванны онъ бралъ рѣдко, гораздо охотнѣе онъ заставлялъ доводить себя до состоянія потѣнія и затѣмъ обливать холодной водой. Отъ тягостей войны онъ, вскорѣ послѣ междоусобныхъ войнъ,

сталъ держаться въ сторонѣ, упражняя свое тѣло только еще игрою въ мячъ, верховой ѣздой и прогулками; въ видѣ времяпрепровожденія, онъ удилъ рыбу.

Августъ обладалъ свойственнымъ его времени стремленіемъ къ образованію. Рѣчи свои онъ тщательно обрабатывалъ и читалъ другимъ. Выступалъ онъ и на литературномъ поприщѣ, въ прозѣ и въ поэзіи. Обладая начитанностью въ греческой и латинской литературѣ, онъ часто посылалъ чиновникамъ и офицерамъ экземпляры общеполезныхъ трактатовъ или выдержекъ изъ нихъ. Умственныя величины своего времени онъ ласкалъ своею милостью, охотно видѣлъ ихъ вокругъ себя, былъ внимательнымъ и благосклоннымъ слушателемъ, когда они читали произведенія своей музы, справлялся о ходѣ ихъ работъ и заботился о приличномъ житейскомъ положеніи покровительствуемыхъ имъ лицъ. А чтобы духовныя сокровища грековъ и римлянъ стали доступными и самымъ бѣднымъ людямъ, онъ основалъ двѣ большихъ публичныхъ библіотеки, являясь и въ этомъ дѣлѣ вѣрнымъ послѣдователемъ Кесаря.



Агрипна.
Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Когда императоръ въ 76-лѣтнемъ возрастѣ лежалъ на смертномъ одрѣ въ Нолѣ, онъ могъ оглянуться на свое, въ цѣломъ хорошо удавшееся, дѣло, на реорганизацію римской имперіи, и спросить своихъ друзей, по языческому обычаю, хорошо-ли сыгралъ онъ житейскую комедію, и даже пригласить ихъ греческой цитатой выразить одобреніе и дать ему безъ страданій уйти къ тѣнямъ.

Семья Августа. А все-же этому смертному не дано было полной радости жизни. Что не совсѣмъ удавались его германскіе планы, это было не единственнымъ его горемъ. Судьбы собственнаго дома злѣе точили его сердце. Оба первыхъ его брака съ Клодіей, падчерицей Антонія (стр. 168), и со Скрибоніей, родственницей Секста Помпея, носили политическій характеръ и

Семейство императора Августа.
Изображеніе на такъ-называемой «Gemma Augustea» въ Императорскомъ Музеѣ въ Вѣнѣ.

скоро были опять расторгнуты. Съ 38 года онъ былъ женатъ на Ливіи Друзиллѣ, съ которой долженъ былъ развестись прежній ея супругъ, Тиберій Клавдій Неронъ; она съумѣла плѣнить его на весь остатокъ его жизни столько-же своими прелестями, сколько и своимъ умомъ. Августъ имѣлъ отъ второй супруги дочь Юлію, Ливія же имѣла отъ перваго своего брака двухъ сыновей, Тиберія и Друза. Послѣдніе быстро достигли должностей и почестей и, выросши, вели войны своего отчима-императора. Для престола же

предназначено было мужское потомство дочери императора. Сначала она была обручена съ Марцелломъ, сыномъ Октавіи отъ перваго ея брака, а послѣ ранней его смерти—съ Агриппой, который для этой цѣли долженъ былъ развестись съ Марцеллой, дочерью Октавіи. Отъ этого брака произошло пять человѣкъ дѣтей: трое мальчиковъ, Гай, Луцій и Агриппа, и двѣ дѣвочки Юлія и Агриппина. Гай и Луцій были усыновлены своимъ дѣдомъ-императоромъ, который самъ обучалъ ихъ элементарнымъ свѣдѣніямъ и не отпускалъ отъ себя ни за столомъ, ни въ дорогѣ. Существованіе императорскаго дома казалось обезпеченнымъ; но вотъ разразилось несчастіе.

Агриппа умеръ въ 12 г. до Р. Хр., и овдовѣвшая дочь императора была выдана за Тиберія, который долженъ былъ разойтись со своей любимой женой, матерью своего сына Друза. Бракъ этотъ былъ несчастливъ, и озлобленный Тиберій въ 6 г. до Р. Хр. удалился отъ общественной жизни въ Родосъ. Теперь началась коварная дворцовая борьба между императорской дочерью и императрицей, ея мачихой. Императрица побѣдила; но милости-ли судьбы или при помощи клеветы и яда, это не установлено. Юлія была за распутный образъ жизни отправлена императоромъ въ ссылку, бракъ ея расторгнутъ, Гай и Луцій умерли въ молодыхъ лѣтахъ, первый во 2 году послѣ Р. Хр., второй въ 4 г., и тогда дѣдъ усыновилъ третьяго своего внука, Агриппу, по уже вмѣстѣ съ Тиберіемъ, сыномъ Ливіи, снова попавшимъ въ милость у императора. Вскорѣ и Агриппа былъ удаленъ за недостойное поведеніе, и Тиберій остался единственнымъ наслѣдникомъ. Впрочемъ онъ, хотя и самъ имѣлъ взрослаго сына, долженъ былъ усыновить Германика, сына своего брата Друза, умершаго въ Германіи, и въ придворныхъ кругахъ ходилъ слухъ, что Августъ собирается сдѣлать этого Германика своимъ преемникомъ: зародышъ новаго раздора въ императорскомъ домѣ былъ такимъ образомъ положенъ. Но Августъ, какъ онъ ни мало любилъ мрачнаго, скрытнаго пасынка, не могъ конечно не понимать, что онъ по умственной зрѣлости и по военному опыту самый подходящій преемникъ. А Ливія сдѣлала остальное для обезпеченія сыну престола. Черезъ гонцовъ она призвала его къ смертному одру престарѣлаго императора, скрывала смерть послѣдняго, пока не были сдѣланы всѣ приготовленія для признанія Тиберія преемникомъ,

наконецъ, еще прежде чѣмъ покойный былъ похороненъ въ своемъ мавзолеѣ, прежде чѣмъ власти и сенатъ, солдаты и граждане присягнули новому императору, она устранила сумасброднаго Агриппу, единственнаго, оставшагося еще въ живыхъ, внука стараго императора.

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО И НАУКА ВЪ ВѢКЪ АВГУСТА.

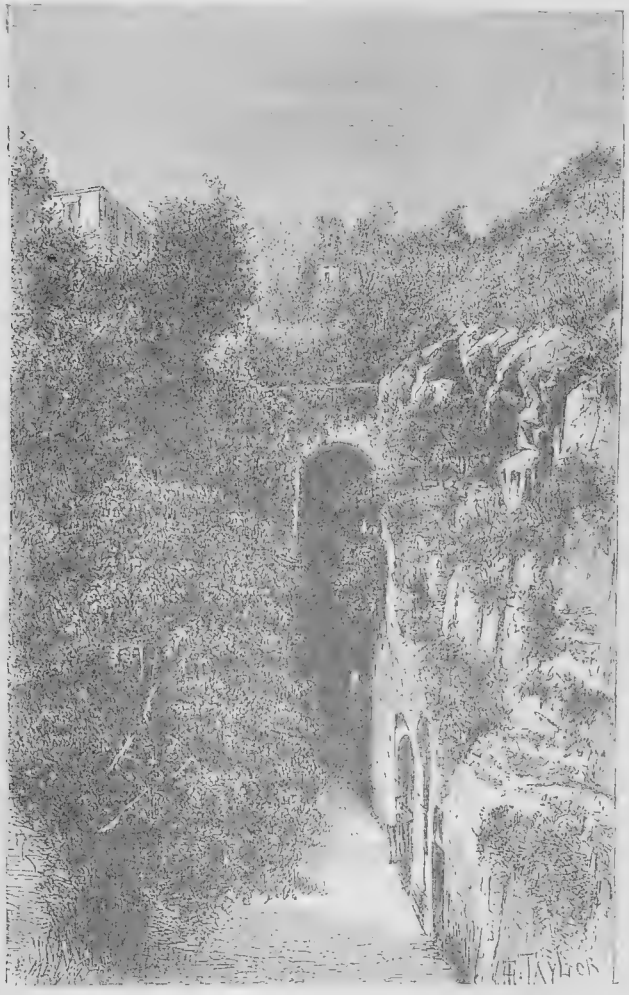
ДОЛГОЕ, блестящее, мирное время правленія Августа, наступившее для бѣднаго народа послѣ бурь междоусобныхъ войнъ, благотворно отразилось и на мирныхъ искусствахъ, тѣмъ болѣе, что императоръ и его первые совѣтники, Меценатъ и Агриппа, сами относились къ нимъ съ теплымъ интересомъ, и лично даже выступали на литературномъ поприщѣ. А такъ какъ покровительство двора въ это время еще не должно было оплачиваться утратой свободы мысли, то вѣкъ Августа окруженъ блескомъ высшаго умственнаго расцвѣта, котораго могъ достигнуть римскій народъ, при своемъ трезвомъ характерѣ и своемъ преклоненіи передъ греческими образцами.

Поэзія; Энеида Виргилія. Вѣкъ Августа прежде всего—золотой вѣкъ римской поэзіи. Виргилій (стр. 196) и Горацій (стр. 198), поэтическое созвѣздіе которыхъ взошло еще въ послѣднія десятилѣтія республики, достигли теперь высоты своего таланта. Мантуанскій пѣвецъ настроилъ свою эпическую лиру для національной героической поэмы, Энеиды. Въ ней онъ повѣствуетъ первоначальную исторію своего народа въ тѣсной связи съ исторіей императорскаго дома. Героемъ эпопеи является тро-

Виргилій.
Бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

янецъ царской крови Эней, прародитель Юліева рода, основатель той государственной общины, изъ которой выросъ римскій народъ. Въ ночь, когда греки врываются въ Трою и огнемъ и мечемъ истребляютъ и городъ и народъ, явившійся Энею во снѣ образъ павшаго Гектора пробуждаетъ его и приглашаетъ бѣжать съ государственными святынями изъ преданнаго богами города и основать новую Трою. Когда же онъ несмотря на это бросается, не щадя жизни, въ боевую схватку, Венера, его божественная мать, высокая покровительница императорскаго дома, повторяетъ то-же увѣщаніе въ болѣе серьезной формѣ. Но только по знаку Юпитера онъ покидаетъ пылающій городъ, держа своего отрока-сына Юлія за руку и неся на спинѣ престарѣлаго отца своего Анхиза со святынями. На лѣсистой горѣ Идѣ онъ собираетъ остатки своего народа и строитъ корабли. Слѣдующей весной онъ пускается въ плаваніе на дальній западъ. Цѣлыми годами блуждаетъ онъ подобно Одиссею съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ не появляется обѣщанная ему въ темныхъ пророчаніяхъ родина, пока, наконецъ, новыя откровенія боговъ не указываютъ ему на западный берегъ Италіи, откуда нѣкогда, по преданію, выселились его предки. Онъ уже находится въ Сициліи и собирается плыть на сѣверъ; но тогда Юнона рѣшаетъ погубить ужасною морскою бурею ненавистнаго ей троянца, отъ потомства котораго грозитъ гибель ея любимому городу Карѳагену. За спиной Нептуна, дяди Венеры, ей удается склонить на свою сторону бога вѣтровъ, который выпускаетъ своихъ духовъ. Но повелитель соленыхъ водъ замѣчаетъ во-время посягательство на свои права и успокаиваетъ бушующее море, такъ что троянцы едва-едва спасаются на африканскій берегъ. Тогда Венера, представъ передъ Юпитеромъ, напоминаетъ отцу боговъ объ его обѣщаніяхъ касательно будущей судьбы ея сына. И вновь ей дается торжественное увѣреніе въ томъ, что Эней оснуетъ себѣ царство въ Лаціумѣ, побѣдитъ италійскія племена, что изъ его потомковъ Ромулъ создастъ вѣчный городъ Римъ, и Юлій Кесарь—міровое его господство, что наконецъ Августъ послѣ ужасныхъ военныхъ бурь умиротворитъ вселенную и откроетъ собою вѣкъ вѣрности, согласія и набожности. Въ то-же время Меркурій отсылается на землю расположить сердца карѳагенянъ въ пользу пришельцевъ; ибо послѣдніе нуждаются въ помощи и во времени для исправленія потерпѣвшихъ аварію ко-

раблей. Вслѣдствіе этого ихъ ласково привѣтствуетъ Дидона, прекрасная царица Карѳагена, и хитрой Венерѣ скоро удается раздуть состраданіе царицы къ несчастному, ея интересъ къ ры-



Такъ называемая могила Виргилія у входа въ гротъ Позилиппа близъ Неаполя.

царскому принцу въ горячій огонь любви. Видя это, Юнона пользуется новымъ положеніемъ вещей для того, чтобы инымъ путемъ встрѣтить опасность, угрожающую отъ Энеева рода. Она

коварно сговаривается съ Венерой заключить брачный союзъ между Энеемъ и Дидоной, и Венера охотно допускаетъ это; вѣдь она знаетъ, что на небѣ судьба ея сына рѣшена иначе. Дѣйствительно, недолго спустя связь эта разрывается могучимъ словомъ Юпитера, приказывающаго скованному узами любви герою вспомнить о своемъ назначеніи и разстаться съ Карѳагеномъ. Испуганный Эней повинуется божественному повелѣнію: онъ приказываетъ быстро приготовить флотъ къ плаванію и сообщаетъ Дидонѣ какъ можно мягче, что онъ долженъ съ нею проститься. Пылкая царица, думающая, что ей измѣнили и надъ ней надругались, не можетъ свыкнуться со своимъ положеніемъ и становится жертвой своей страсти: она сама лишаетъ себя жизни. Умирая, она проклинаетъ измѣнника и его народъ и призываетъ месть неба на вѣроломный родъ. Тѣмъ временемъ Эней плыветъ къ италійскимъ берегамъ. Новая непогода, возмущеніе женщинъ, которыя по наущенію Юноны осмѣливаются поджечь корабли, могутъ его только задержать, но не остановить. Онъ высаживается сперва въ Кумахъ, чтобы, по приказанію умершаго тѣмъ временемъ отца, отправиться къ знаменитой Сивиллѣ и, подъ ея руководствомъ, въ подземное царство. Тамъ онъ долженъ получить совѣты и силы для войнъ, предстоящихъ ему въ Италіи. Родной его отецъ наставляетъ его и показываетъ ему славную вереницу его потомковъ. Вернувшись на бѣлый свѣтъ, Эней продолжаетъ плаваніе вдоль побережья и высаживается у устья Тибра. Латинъ, царь этой страны, давно уже получилъ предсказаніе, что его дочери предназначенъ въ супруги иноземный князь, и онъ радостно принимаетъ поданную ему руку Энея. Но противъ сліянія иностранцевъ съ туземцами возстаютъ національныя чувства народа и знати. Царица и рутульскій князь, рыцарскій Турнъ, котораго она избрала себѣ въ зятья, руководятъ движеніемъ, съ которымъ, наконецъ, не въ состояніи ужъ справиться старикъ-царь, такъ какъ Юнона заботится о поводахъ для разжиганія раздора и вражды. Возгорается война. Латиняне привлекаютъ на свою сторону всѣхъ говорящихъ на италійскомъ языкѣ; Эней—главныя силы этрусковъ и греческаго царя Эвандра изъ „Палланте́я“, баснословнаго Палатинскаго города на Тибрѣ. Рѣшается споръ на землѣ побѣдами троянскаго князя и смертью Турна, послѣ того какъ на небѣ отецъ боговъ примирилъ враж-

дебную Юпону. Впредь троянцы и латины будутъ единымъ народомъ, но имя, языкъ и нравы его будутъ латинскими; Троя не воскреснетъ вновь. А культъ Юноны найдетъ въ Римѣ новый, самый грандіозный очагъ въ мірѣ.

Чувствительная натура, восторженная любовь къ отечеству, набожное чувство Виргилія одинаково сильно проявляются въ Энеидѣ. Ни одинъ античный поэтъ не знакомъ такъ, какъ онъ, съ тайнами сердца, ни одинъ не проникнутъ такъ историческимъ значеніемъ своего народа, ни одинъ не дѣлаетъ своего героя такимъ послушнымъ орудіемъ неба. Лучшія стороны римскаго характера, любовь къ отечеству и точное исполненіе религіозныхъ обязанностей сочетаются здѣсь съ нѣжной, нервной натурой поэта, и такимъ образомъ Энеида, несмотря на явное подражаніе Гомеру, стала хоть и не народной, но все-же національной эпопеей римлянъ. Потому-же стала она учебной книгой императорскаго времени, а для среднихъ вѣковъ — источникомъ мудрости классическаго язычества, и даже катехизисомъ рыцарскаго служенія женщинѣ.

Оды и посланія Горація. Горацій (стр. 198) былъ искреннимъ другомъ только что упомянутаго милаго поэта, который казался половиною его души. Его талантъ развивался тоже подъ лучами императорской милости. Сынъ вольноотпущенника, онъ вмѣстѣ съ академической молодежью Аѳинъ присталъ къ убійцѣ тиранна, Бруту, благополучно спасся съ поля брани при Филиппахъ, но былъ лишенъ своего отцовскаго наслѣдства. Познакомившись черезъ Виргилія съ Меценатомъ, онъ получилъ мѣсто секретаря въ казначействѣ и прелестное помѣстье въ Сабинской области и былъ принятъ въ кругъ людей съ большими умственными интересами; вскорѣ онъ сталъ закадычнымъ другомъ Мецената и сблизился также съ Октавіаномъ. Этотъ счастливый оборотъ его судебъ освободилъ его душу, не чуждую, по своей природѣ веселаго наслажденія жизнью, отъ давившихъ ее заботъ, такъ что она, расправивъ крылья, стала способна на лирическій подъемъ. Оды Горація, хотя по формѣ подражающія греческимъ образцамъ, содержатъ все-таки сокровеннѣйшія мысли и чувства самого поэта и, благодаря классическому выраженію общечеловѣческаго чувства, стали общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Это все стихотворенія, написанныя по какому-

нибудь поводу, столь-же разнообразныя по содержанію, какъ тѣ случаи, которые вдохновляли его къ поэтическому творчеству. Онъ воспѣваетъ вино, женщину, веселье, природу и весну, дружбу и общеніе съ людьми, мужскую доблесть и житейскую мудрость, а также императора и отечество, но не мало раздается у него стиховъ и въ честь боговъ, и даже въ честь Наяды ручья, струившагося въ его любимомъ сабинскомъ помѣстьи. Поэтъ хочетъ устроить въ честь нимфы праздникъ жертвоприношенія, на которомъ долженъ быть закланъ козленокъ и принесены вино и цвѣты; самымъ лучшимъ его произведеніемъ является его равно прелестное, какъ и оригинальное стихотвореньице (въ переводѣ Фета не размѣромъ подлинника):

О ключъ Бандузіи! прозрачнѣе кристалла,
Цвѣтовъ достоинъ ты, ты заслужилъ съ виномъ
Холодную волну смѣшать на днѣ фіала;
Мы завтра въ честь твою козленка принесемъ.
Вотще ему пора съ отвагой и любовью
Едва примѣтные рога склонять на бой,
И стада первенецъ алѣющею кровью
Назначенъ оросить холодный берегъ твой.
Тебя каникуловъ не смѣютъ раскаленныхъ
Полдневные часы коснуться, ты поишь
Бродящія стада и плугомъ утомленныхъ
Воловъ отрадною прохладою даришь.
Покроешься и ты, о ключъ! безсмертной славой,
Когда мои стихи для пѣнья изберутъ
Пещеры на скалахъ и ясень величавый,
Отколь струи твои болтливыя текутъ.

Но тотъ-же Горацій умѣлъ также въ своихъ одахъ „Къ римлянамъ“ нарисовать мрачныя сцены изъ жизни римскаго общества и громовымъ голосомъ пророка, въ которомъ слышится предчувствіе страшнаго суда, призывать свой народъ сойти съ пути порока.

Въ болѣе поздніе годы своей жизни, Горацій вернулся къ дидактической поэзіи. Въ поэтическихъ посланіяхъ, написанныхъ по адресу частію дѣйствительныхъ, частію вымышленныхъ лицъ, начиная отъ императора и кончая управляющимъ своего имѣнія, Горацій всегда въ свѣтломъ, хотя и болѣе философскомъ настроеніи, бесѣдуетъ съ этими лицами, а черезъ нихъ съ публикой, о разныхъ предметахъ, побуждающихъ его браться за грифель. Иногда это только короткія записочки, содержащія приглашеніе, рекомендацію или какое-нибудь сообщеніе, но боль-

той же части это—пространныя письма. Здѣсь онъ объясняется съ Меценатомъ, для котораго онъ не достаточно рано вернулся въ Римъ, и защищаетъ свою личную свободу; тамъ онъ даетъ юному другу нѣсколько драгоцѣнныхъ житейскихъ правилъ; а тамъ онъ приглашаетъ унылаго питомца музъ срывать розы, пока онѣ не увяли; то онъ призываетъ къ добродѣтели и мудрости, источникамъ истиннаго счастья въ жизни; то онъ разъясняетъ императору, интересующемуся драматической поэзіей, причины ея упадка въ настоящее время. О послѣднемъ предметѣ трактуетъ, только еще болѣе основательно и полно, поэтическое посланіе къ семьѣ Пизоновъ о поэтическомъ искусствѣ. Порицая въ послѣднемъ ошибки извѣстныхъ поэтовъ и критиковъ, онъ требуетъ отъ поэта геніальности, идеалистическаго образа мыслей, основательнаго изученія философіи и тщательной отдѣлки своихъ произведеній.

Въ 8 г. до Р. Хр., въ 56-лѣтнемъ возрастѣ, умеръ Венузійскій пѣвецъ, нѣсколькими мѣсяцами позже Мецената, который изъ его покровителя превратился въ его сердечнаго друга; прахъ обоихъ покоился въ одной гробницѣ въ паркѣ Мецената на Эсквилинѣ.

Тибуллъ и Проперцій; Овидій. Горацій и Виргилій были тѣми свѣтилами, къ которымъ съ удивленіемъ поднимало свои взоры другое поколѣніе поэтовъ, немного помоложе ихъ. Изъ нихъ Тибуллъ (54—19 до Р. Хр.) и Проперцій (49—15 до Р. Хр.) лично были близки къ кругу Мецената; оба они были элегиками и пѣли о томъ, что волновало ихъ сердце, а прежде всего о своей любви, первый въ задушевныхъ стихахъ, обработанныхъ съ тончайшимъ искусствомъ, второй—съ пылкимъ темпераментомъ, не всегда дававшимъ ему время ясно выразить свою мысль.

Помоложе ихъ, по по крайней мѣрѣ съ Проперціемъ состоявшій въ тѣсной дружбѣ, былъ Овидій Назонъ (43 до Р. Хр.—17 послѣ Р. Хр.), родомъ изъ Сульмона (нынѣ Sulmona). Уже мальчикомъ имѣя склонность къ поэзіи, онъ рано усвоилъ себѣ удивительную бѣглость въ сочиненіи стиховъ, какъ онъ самъ говоритъ (въ переводѣ Фета):

Но еще мальчикомъ мнѣ небесная нравилась служба,
Къ дѣлу меня своему Муза украдкой влекла.

Часто отецъ говорилъ: «къ безплодному что ты стремишься?
Не оставилъ богатствъ самъ Меонидъ [1]) никакихъ».
Тронутъ словами я былъ и, весь Геликонъ покидая,
Я старался писать рѣчи, лишенныя стопъ.
Самъ собою размѣръ приходилъ, соотвѣтственный пѣснѣ,
И что писать начиналъ я, становилось стихомъ.

Предназначенный отцомъ на государственную службу, онъ погрузился въ изученіе риторики и юриспруденціи; но его рѣчи-упражненія были поэтическими произведеніями въ прозѣ, и сухая работа начатой имъ служебной карьеры ему опротивѣла. Онъ бросилъ ее и весь отдался поэзіи и жизни. Кругъ юныхъ талантовъ привязывалъ его къ столицѣ, но также и къ тѣмъ наслажденіямъ, какія она представляла легко воспламенявшемуся сердцу поэта. Чувства и опытъ своей любовной жизни онъ излагалъ въ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя быстро поглощались публикой. Но именно поэтому поэзія Овидія стала опасной для стремленій Августа къ подъему нравственности, и когда въ 9 г. послѣ Р. Хр. сдѣлались извѣстны отношенія Овидія къ одному скандалу въ императорскомъ домѣ, онъ былъ сосланъ въ Томы (Кюстенджи) на Черное море, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни среди греко-варварскаго населенія. Поэтъ тѣмъ временемъ обратился къ другимъ предметамъ и областямъ поэзіи. Одинъ опытъ трагедіи такъ и остался единственнымъ. Но тѣмъ бо́льшую вѣрность сохранилъ Овидій дидактической поэзіи. Въ поэтическомъ календарѣ праздничныхъ дней онъ описывалъ праздники года, въ болѣе пространныхъ „Метаморфозахъ“—превращенія, о которыхъ повѣствовала миѳологія. Обѣ поэмы были еще не закончены, когда поэта поразила императорская опала. Въ первый моментъ смущенія онъ охотнѣе всего уничтожилъ-бы начатое, но муза мало-по-малу залѣчила рану, ею нанесенную, и стала утѣшительницей изгнанника среди варваровъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, окончилъ онъ „Метаморфозы“; а сердце свое онъ излилъ въ трогательныхъ элегіяхъ „Тристіяхъ“. Душу захватываютъ его жалобы на неприглядное пребываніе на полуварварской чужбинѣ, на душевныя страданія, которыя приходится терпѣть Овидію, привыкшему къ средѣ людей съ тонкимъ образованіемъ и къ художественно прекрасной обстановкѣ. Ни одинъ латинскій звукъ

[1]) Гомеръ.

не доходитъ здѣсь до его слуха, лишь немного греческихъ, по большей же части онъ слышитъ суровые крики ѳракійцевъ-гетовъ и скиѳовъ-сарматовъ. Ибо по улицамъ ѣздятъ на своихъ клячахъ дикаго вида варвары, въ шкурахъ и широкихъ штанахъ, вооруженные колчаномъ со стрѣлами, и съ острымъ шиломъ на боку; часто по странѣ проносятся бурнымъ набѣгомъ разбойничьи шайки, и стрѣлы ихъ перелетаютъ даже черезъ низкія стѣны города. Разъ какъ-то онъ захворалъ; одинокій, у крайнихъ предѣловъ міра, онъ чувствуетъ приближеніе смерти; и вотъ, среди душевныхъ мукъ своихъ, онъ пишетъ вѣрной женѣ въ Римъ слѣдующее (въ переводѣ Фета):

Если случайно тебя удивитъ, что чужими перстами
Писано это письмо, боленъ въ ту пору я былъ;
Боленъ на самомъ краю земли вполнѣ неизвѣстной,
Я сомнѣвался почти даже въ спасеньи своемъ.
Что на душѣ у меня, упавшаго въ области дикой
Межъ Савроматовъ теперь и между Гетовъ, поймешь.
Не выношу ни небесъ, ни къ этой водѣ не привыкну,
И не знаю, чѣмъ мнѣ даже противна земля.
Мало удобенъ и домъ, здѣсь пища больному не въ пользу,
Некому зла облегчить, какъ научалъ Аполлонъ,
Нѣтъ, кто утѣшитъ-бы могъ, и друга такого со мною,
Чтобы разсказами могъ времени лѣнь обмануть.
Утомленный лежу средь дальнѣйшихъ я странъ и народовъ,
И предъ страдальцемъ встаетъ все, что покинуто мной.
Хоть и все возстаетъ, ты все побѣждаешь, супруга,
И въ груди моей часть бо́льшую всѣхъ заняла.
Я заочно съ тобой говорю, одну именую;
Ни одна безъ тебя ночь не проходитъ, ни день.

Восемь лѣтъ несъ поэтъ свой тяжелый жребій возлѣ подруги юности своей, которая одна изъ всѣхъ его милыхъ послѣдовала за нимъ и въ ссылку,—поэзія. Онъ былъ достойной сожалѣнія жертвой разсчетливой политики. Лишь смерть избавила его отъ страданій.

Прозаическая литература. Изъ прозы вѣка Августа исторіографія, въ лицѣ Тита Ливія (59 до Р. Хр.—17 послѣ Р. Хр.), бывшаго родомъ изъ Патавія (Падуи), достигла высоты, которой она до этого не знала. Въ своихъ 142 книгахъ римской исторіи Ливій съ ревностнымъ прилежаніемъ и теплой любовью къ своему народу создалъ на классическомъ языкѣ первый крупный историческій трудъ Лаціума. Въ то-же время латинизованный галлъ Трогъ Помпей составилъ всемірную исторію, особенно занимавшуюся народами востока и передававшую западу накопленныя у грековъ свѣдѣнія объ этихъ народахъ. На греческомъ

языкѣ писали въ то время въ Римѣ болѣе или менѣе обширные историческіе труды—Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій, Николай Дамасскій.

Юридическая литература также продолжала мощно развиваться. Антистій Лабеонъ и Атей Капитонъ, главы двухъ школъ правовѣдѣнія, толковали законы въ образцовой формѣ, первый въ духѣ прогрессивномъ, второй—упорно придерживаясь старины. Изъ ихъ многочисленныхъ трактатовъ Corpus Juris содержитъ множество цитатъ, свидѣтельствующихъ о проницательности этихъ мужей.

Юлій Гигинъ, вольноотпущенникъ Августа, завѣдывавшій палатинской библіотекой, и Веррій Флаккъ, наставникъ императорскихъ внуковъ, написали много ученыхъ трудовъ, которые подобно трудамъ Варрона стали для позднѣйшихъ поколѣній обильнымъ источникомъ филологическихъ и антикварныхъ свѣдѣній. Наконецъ, императорскій фельдцейхмейстеръ и правительственный архитекторъ Витрувій Полліонъ въ своемъ, посвященномъ императору, трудѣ о строительномъ искусствѣ раскрываетъ передъ нами знанія архитекторовъ тѣхъ временъ о матеріалахъ, о планѣ общественныхъ и частныхъ построекъ, городскихъ и загородныхъ домовъ, о внутренней отдѣлкѣ зданій, о водѣ и водопроводахъ и т. д.

Публичныя чтенія. Произведенія эти, изъ нихъ прежде всего поэтическія, до выхода своего въ свѣтъ проходили черезъ огонь критики на публичныхъ чтеніяхъ, появившихся въ это именно время. Чтенія эти первоначально велись въ болѣе тѣсныхъ кругахъ, но мало-по-малу стали большими народными развлеченіями, для которыхъ писатель нанималъ просторныя помѣщенія театровъ и бань. Публика приглашалась на нихъ личными письмами, аншлагами въ публичныхъ мѣстахъ, а также объявленіями въ государственной газетѣ, въ которой со временъ Кесарева консульства сообщались, на основаніи официальнаго экземпляра, важнѣйшія государственныя событія, вмѣстѣ съ семейными извѣстіями и другими частными увѣдомленіями.

ТИБЕРІЙ (14—37 по Р. ХР.).

Начало правленія. Тиберій принялъ бразды правленія послѣ нѣкотораго колебанія, почти противъ воли. До этого онъ много испыталъ горестей. Издавна не пользуясь, изъ-за жестокаго своего нрава, ни у народа, ни у отчима-императора такою любовью, какъ младшій его братъ Друзъ, затѣмъ разведенный съ любимой женой по властному приговору главы семейства, многіе годы послѣ того находясь въ разладѣ съ императоромъ, лишенный своихъ почестей, сосланный, предоставленный непріязненнымъ нападкамъ своихъ противниковъ, поздно лишь попавъ опять въ милость, но принужденный на-ряду съ своимъ взрослымъ сыномъ усыновить сына своего брата и тѣмъ проложить ему путь къ престолу, онъ за 56 лѣтъ своей жизни накопилъ въ себѣ столько ненависти къ людямъ и ожесточенія, что одинаково не довѣрялъ какъ льстецу, такъ и человѣку, угождавшему ему отъ чистаго сердца. А кромѣ того, тронъ его все-же не былъ особенно проченъ. Правда, волненіе, вызванное смертью Агриппы (стр. 237), быстро было подавлено; но легіоны на Рейнѣ и на Дунаѣ пытались при перемѣнѣ правительства силою добиться для себя льготъ и подняли буйное возстаніе. По счастью, придунайскіе легіоны были обезоружены внезапнымъ прибытіемъ Друза, сына им-

Тиберій.
Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

ператора, и лунным затменіемъ, въ связи съ обѣщанными имъ милостями. Нижнерейнскіе легіоны Германика пошли дальше: въ его отсутствіе они частію убили, частію прогнали центуріоновъ и отказались слушаться высшихъ офицеровъ. Съ быстротой молніи изъ Галліи примчался главнокомандующій. Но его строгій выговоръ нисколько не помогъ; солдаты потребовали денегъ, увольненія, болѣе легкой службы, и обѣщали за это посадить его на тронъ, если онъ пожелаетъ. Тутъ Германикъ соскочилъ съ трибуны, заявляя, что не хочетъ больше быть полководцемъ у такихъ бунтовщиковъ. А когда ему стали угрожать обнаженными мечами, требуя, чтобы онъ снова поднялся на трибуну, то онъ самъ выхватилъ свой мечъ, не желая пережить этого позора, и окружающіе съ трудомъ только остановили его и отвели въ палатку. Опасность была велика отъ солдатъ, въ виду ихъ ярости можно было ждать всего. Денежные подарки и увольненія помогли только временно; посольство отъ сената, прибывшее къ Германику въ Кёльнъ, едва не было зарѣзано. Только тогда, когда супруга главнокомандующаго, Агриппина, съ женами высшихъ офицеровъ, отправилась безъ прикрытія въ Галлію, чтобы тамъ искать безопасности, взбунтовавшееся войско устыдилось и попросило прощенія. Германикъ успокоилъ его и предоставилъ наказаніе виновныхъ солдатамъ. Одинъ зачинщикъ за другимъ были приведены на трибуну полководца, предъ которой съ обнаженными мечами стояло войско; если кричали „виновенъ“, то его сталкивали съ трибуны и закалывали. Такимъ образомъ кёльнскіе легіоны, а также легіоны въ Castra Vetera искупили свою вину собственной кровью, а чтобы загладить ее еще основательнѣе, они настойчиво потребовали, чтобы ихъ повели противъ непріятеля.

Походы Германика (14—16 послѣ Р. Хр.). Это желаніе совпало съ желаніемъ самого храбреца-вождя, и Тиберій, радуясь подавленію бунта, далъ ему полную волю; да и возстановленіе чести римскаго оружія тоже было одною изъ настоятельнѣйшихъ правительственныхъ задачъ, оставленныхъ ему въ наслѣдство Августомъ. Еще осенью 14 года Германикъ предпринялъ изъ Castra Vetera грабительскій набѣгъ въ область марсовъ, какъ назывался союзъ нѣсколькихъ племенъ между Липпе и Руромъ. Къ слѣдующему походу во внутрь Германіи были сдѣланы об-

ширныя приготовленія, снаряженъ также многочисленный флотъ. Въ началѣ Германикъ пошелъ во главѣ верхне-рейнскихъ легіоновъ изъ Майнца въ область хаттовъ, грабя, разоряя, убивая все, что̀ попадалось ему навстрѣчу, и разрушилъ даже главное поселеніе Маттій (нынѣ Маденъ, къ югу отъ Касселя), тогда какъ опытный въ военномъ дѣлѣ Ц е ц и н а съ четырьмя нижнерейнскими легіонами двинулся старою дорогой вверхъ по рѣкѣ Липпе и возстановилъ Ализонъ, угрожая марсамъ, бруктерамъ и херускамъ. Тѣмъ временемъ Сегестъ запятналъ себя черной измѣной передъ своимъ народомъ и своимъ собственнымъ домомъ. Посредствомъ нападенія онъ завладѣлъ своей дочерью Туснельдой съ другими знатными женами, и когда для ихъ освобожденія подошелъ, во главѣ своихъ дружинъ, Арминій, то Сегестъ защищался въ своей укрѣпленной усадьбѣ до тѣхъ поръ, пока къ нему не прибылъ на помощь Германикъ съ военными силами. Ослѣпленный ненавистью, Сегестъ выдалъ римлянамъ плѣнныхъ женщинъ, послѣ чего самъ сѣжалъ со своими приближенными изъ страны; онъ послѣдовалъ за возвращавшимися къ Рейну инозѐмцами и получилъ землю по ту сторону рѣки. А Германикъ былъ почтенъ со стороны Тиберія титуломъ „императора“.

Г е р м а н и к ъ.
Античная статуя въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

Арминій призвалъ германскіе народы къ мести за похищеніе его жены, которая гордо несла свой жестокій жребій, и херуски, бруктеры, марсы и хатты подняли оружіе; самъ храбрый

Ингвіомеръ, дядя Арминія и прежній другъ римлянъ, сталъ въ ряды ожесточенныхъ воиновъ. Германикъ рѣшилъ снова сдѣлать наступленіе. Цецина двинулся сушею къ рѣкѣ Эмсу, тогда какъ самъ онъ съ остальнымъ войскомъ на корабляхъ вышелъ въ Нѣмецкое море и оттуда вплылъ въ ту-же рѣку. Затѣмъ обѣ части войска соединились, и въ то время какъ одинъ корпусъ напалъ на правый флангъ бруктеровъ, осторожно проникли въ Тевтобург-

Апоѳеозъ Германика.
Камея въ Парижскомъ музеѣ древностей. Германикъ, вѣнчаемый Побѣдой и возносимый орломъ, держитъ въ одной рукѣ жезлъ, въ другой—рогъ изобилія.

скій лѣсъ и безпрепятственно достигли поля брани, гдѣ еще лежали непогребенными кости перебитыхъ легіоновъ. Здѣсь Германикъ устроилъ достойное погребеніе Вару и его воинамъ; правда, могильный курганъ скоро былъ вновь разрушенъ. Тѣмъ временемъ Арминій отступалъ передъ превосходными силами легіоновъ, пока у него не собрались въ лѣсахъ его дружины. Тогда онъ внезапно бросился на римлянъ, разсѣялъ конницу и пѣхоту римскаго авангарда и затѣмъ не безъ славы бился и съ главными силами непріятеля. Римляне начали отступленіе: бруктеры были побиты, смѣло былъ совершенъ походъ въ сердце страны херус-

ковъ и показано врагу, что его не боятся. Но возвращеніе стоило тяжкихъ потерь: Цецина, который долженъ былъ отступать по недавно проложенной и выстланной досками дорогѣ черезъ Буртангское болото, чуть-чуть не испыталъ участи Вара, и при извѣстіи объ этомъ въ Castra Vetera уже хотѣли сломать мостъ черезъ Рейнъ, но сама Агриппина воспрепятствовала этому; онаже и привѣтствовала голодныхъ и оборванныхъ, но все-таки въ концѣ-концовъ побѣдоносныхъ солдатъ Цецины.

Не меньшія потери, чѣмъ Цецина, понесъ Германикъ. Онъ, правда, благополучно достигъ флота на Эмсѣ, но два легіона, посланные имъ берегомъ, для облегченія кораблей, попали въ приливъ и частью погибли въ бурныхъ волнахъ.

Германка, по преданію Туспельда. Статуя во Флорентинскомъ музеѣ.

Необходимъ былъ новый походъ, для усмиренія германцевъ, ставшихъ болѣе самонадѣянными. Въ 16 году сначала вторглись легковооруженныя войска въ область хаттовъ; но они скоро вернулись, не выполнивъ своей задачи, съ порядочнымъ урономъ. Когда получено было извѣстіе о томъ, что курганъ въ Тевтобургскомъ лѣсу разрушенъ и возстановленный Ализонъ осаждается непріятелемъ, выступилъ самъ полководецъ во главѣ шести легіоновъ, прогналъ осаждающихъ, но, несмотря на превосходство своихъ силъ, не отважился проникнуть въ горы и снова повернулъ обратно, чтобы со всѣми военными силами вплыть съ Нѣмецкаго моря въ Эмсъ и оттуда сушею проникнуть до Везера. Походъ удался.

Двигаясь вверхъ по рѣкѣ, римляне дошли приблизительно до Вестфальскихъ Воротъ. Здѣсь, на противоположномъ берегу Везера, находился Арминій со свитой. Онъ попросилъ у Германика разрѣшенія переговорить съ братомъ своимъ Флавомъ, находившимся въ римскомъ войскѣ. Разрѣшеніе было дано, и вотъ оба брата стали разговаривать между собой съ двухъ противоположныхъ береговъ: приверженецъ римлянъ говорилъ о богатомъ вознагражденіи, имъ полученномъ, о величіи Рима, могуществѣ Германика, о наказаніи, которое постигнетъ непокорныхъ, и милости, ожидающей тѣхъ, кто покается; германскій патріотъ съ другой стороны напоминалъ объ обязанностяхъ передъ отчизной, о родныхъ богахъ, о живой еще матери, семьѣ и родѣ. Въ словесномъ спорѣ братья разгорячились и немногаго недоставало, чтобы, несмотря на раздѣлявшую ихъ рѣку, дѣло дошло до вооруженной схватки: Арминій стоялъ на томъ берегу въ угрожающемъ положеніи и громко возвѣщалъ бой.

На слѣдующій день войско херусковъ по ту сторону Везера стало въ боевомъ порядкѣ на Идиставизскомъ полѣ, которое тянулось многими извилинами вдоль рѣки отъ Вестфальскихъ Воротъ до области Гамельна. Въ это поле болѣе или менѣе далеко вдавались лѣсистые холмы, которые на заднемъ планѣ переходили въ горы, покрытыя высокимъ лѣсомъ безъ кустарника. Остальные германцы занимали равнину и передовыя высоты, херуски же стояли въ резервѣ на горахъ. Подъ защитой посланныхъ за рѣку батавовъ и конницы Германикъ не безъ большого урона построилъ мосты, по которымъ перевелъ главныя силы. Послѣ безпокойной ночи, въ которую онъ однако могъ убѣдиться въ бодромъ духѣ солдатъ, онъ двинулъ всѣ огромныя силы: галльскія и германскія вспомогательныя войска шли впереди, затѣмъ пѣшіе стрѣлки изъ лука, далѣе четыре легіона, полководецъ съ преторіанцами, а далѣе слѣдовали четыре другихъ легіона, конные стрѣлки изъ лука и легковооруженные.

Вольные германскіе люди не испугались превосходства силъ и сверкающихъ латъ; готовые на смерть и жаждая побѣды, они съ громкимъ боевымъ кликомъ ринулись въ кровавый бой. Но римскій полководецъ замѣчаетъ въ пылу битвы недостатки врага: онъ велитъ конницѣ обойти сражающіяся дружины справа, слѣва и съ тыла, и когда эскадроны врѣзались въ нихъ со всѣхъ сто-

ронъ, пораженіе германцевъ было рѣшено. Арминій старался привести своихъ воиновъ въ порядокъ; онъ не обращалъ вниманія на раны, онъ поддерживалъ бой и храброй десницей и ободряющимъ призывомъ своимъ, и такъ какъ побѣды уже нельзя было одержать, то онъ бурнымъ натискомъ проложилъ себѣ свободный путь сквозь римскій строй. То-же самое сдѣлалъ и пылкій Ингвіомеръ. На лежавшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи горахъ разбитыя дружины остановились; онѣ рѣшили отступить за Эльбу, чтобы сохранить свободу. Но видъ римскихъ знаковъ побѣды на высокой земляной насыпи, сооруженной врагомъ, подстрекалъ всѣхъ, и знатныхъ и простыхъ, и молодыхъ и старыхъ, къ новому набѣгу. Легіоны, при дальнѣйшемъ своемъ наступленіи, внезапно подверглись нападенію у Штейнгудскаго моря. Здѣсь находилась дамба, раздѣлявшая области ангриваріевъ и херусковъ: эта пограничная дамба и прилегавшій къ ней лѣсъ заняты были германцами, преградившими путь римлянамъ. Но здѣсь, на тѣсномъ пространствѣ, одѣтый въ латы легіонарій со своимъ коротким мечомъ и выпуклымъ щитомъ, понятно, одержалъ побѣду надъ безпанцырнымъ варваромъ съ его длиннымъ копьемъ, и самая самоотверженная храбрость не смогла сгладить эту разницу.

Германикъ.

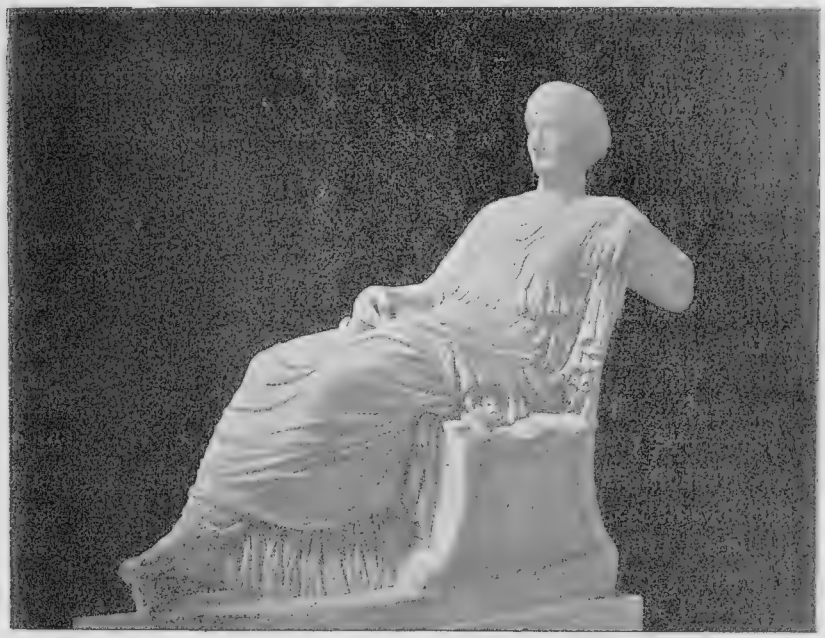
Прекращеніе римскихъ нападеній; конецъ Арминія и Марбода. Но вмѣстѣ съ благопріятнымъ временемъ года кончился и походъ, и это спасло херусковъ. Германикъ отказался на этотъ годъ отъ похода къ Эльбѣ и вернулся на Рейнъ. Позади себя онъ оставилъ трофей въ видѣ груды захваченнаго оружія съ гордой надписью: „Сей памятникъ войско императора Тиберія, одолѣвъ оружіемъ племена между Рейномъ и Эльбой, посвящаетъ Марсу, Юпитеру и Августу“. Обратный походъ шелъ сушей и моремъ и на морѣ снова понесли тяжкія потери. Но новыя опустошительныя вторженія въ области марсовъ и хаттовъ показали врагу, что сила Рима еще не сломлена. Это было послѣднимъ

военнымъ дѣломъ Германика. Тиберій отозвалъ его: онъ твердо рѣшился, по возстановленіи чести римскаго оружія, прекратить германскіе походы, связанные съ огромными потерями и непрочными успѣхами, удержать рейнскую линію и предоставить германцевъ ихъ собственнымъ раздорамъ. Уже событія ближайшаго будущаго показали, что онъ былъ правъ. Сѣверный германскій союзъ, когда къ нему примкнули семноны, лангобарды и готы, вступилъ въ открытую войну съ Марбодомъ, царемъ южногерманскаго государства маркоманновъ. Арминій одержалъ тяжелую побѣду, а Марбодъ, покинутый своими земляками и римлянами, былъ свергнутъ готомъ Катуальдой и принужденъ былъ бѣжать подъ защиту римлянъ. А когда Арминій сдѣлалъ попытку соединить враждующія племена своего народа подъ одной царской властью, дѣло дошло до междоусобной войны, въ которой онъ палъ отъ руки убійцы изъ числа собственныхъ родственниковъ, онъ, „несомнѣнный освободитель Германіи, сдѣлавшій вызовъ римскому народу не въ началѣ его исторіи, какъ другіе цари и полководцы, а во время высшаго его расцвѣта, въ походахъ своихъ не всегда бывшій счастливымъ, но на войнѣ остававшійся непобѣжденнымъ“. Такъ говоритъ историкъ Тацитъ, и, исполненный благоговѣнія къ величію германскаго героя, онъ прибавляетъ: „Было всего 37 лѣтъ его жизни, только 12 лѣтъ былъ онъ вождемъ своего народа, и все-таки онъ еще славится въ пѣсняхъ варварскихъ племенъ, хотя, правда, и остается неизвѣстенъ лѣтописямъ грековъ, преклоняющимся только передъ своимъ, и не особенно упоминается и у насъ, римлянъ, за восхваленіемъ стараго забывающихъ новое“.

Возстановленіе римскаго владычества на Евфратѣ и въ сѣверной Африкѣ. Германикъ справилъ въ Римѣ заслуженный тріумфъ, который должна была украсить своей особой статная Туснельда, ведя за руку своего двухлѣтняго, рожденнаго въ плѣну сынка, Тумелика. Затѣмъ Германикъ получилъ порученіе упорядочить дѣла на востокѣ имперіи. Снабженный широкими полномочіями, онъ устроилъ взятую подъ императорское управленіе провинцію Каппадокію, вновь укрѣпилъ въ Арменіи ослабѣвшее вліяніе Рима и завязалъ дружественныя сношенія съ парѳянскимъ царемъ. Къ сожалѣнію, его положеніе затруднялось интригами сирійскаго намѣстника Пизона и жены его Планцины. Среди такихъ обстоятельствъ Германикъ внезапно заболѣлъ въ Ан-

тіохіи и умеръ, отравленный, какъ открыто заявляла его жена Агриппина, Планциной. Скверно было то, что общественный голосъ, знавшій непріязненное отношеніе Тиберія къ усыновленному имъ Германику, ставилъ самого императора въ связь съ этимъ злодѣйствомъ.

Въ то-же время велась восьмилѣтняя война съ сѣверо-афри-



АГРИППИНА.
(Въ Капитолійскомъ музеѣ)

канскими племенами. Послѣднія соединились въ большомъ числѣ подъ начальствомъ Такфаринаta, который подобно Арминію изучилъ военное искусство въ римскомъ войскѣ, а свойство страны позволяло возстанію разгораться все снова. Лишь со смертью вождя кончилось движеніе.

Тиберій какъ правитель. Тѣмъ временемъ Тиберій, обезпечивъ за собой тронъ, холодно относясь къ лести и не заботясь о расположеніи народномъ, твердо управлялъ внутренними дѣлами государства въ духѣ цѣлесообразности и бережливости. Болѣе безце-

ремонный, чѣмъ его предшественникъ, онъ по-просту отмѣнилъ народные выборы, ставшіе безцѣльными, сократилъ общественныя подачки и строго поддерживалъ дисциплину и порядокъ какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Съ этою цѣлію вѣроятно всѣ преторіанскія когорты и были соединены въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ сѣверозападными воротами Рима. Въ провинціяхъ онъ производилъ строжайшій контроль надъ чиновниками и помогалъ при землетрясеніяхъ и всюду, гдѣ народъ бѣдствовалъ.

Происки Сеяна. Тиберій находился среди самой плодотворной дѣятельности, когда надъ нимъ разразилось тяжкое несчастіе, и мрачныя силы, уже рано наполнявшія его душу недовѣріемъ и ненавистью къ людямъ, взяли надъ нимъ верхъ. Прежде всего Агриппина, гордая вдова Германика, раздраженная тѣмъ, какъ третировалъ ея семью императоръ, относилась къ нему съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Изъ ея дома исходили подозрѣнія о прикосновенности Тиберія къ смерти ея мужа; мало того, она дерзнула даже недовѣрчиво отклонить фрукты, которые ей однажды предложилъ за столомъ императоръ. Властолюбіе матери императора Ливіи, къ которой народъ относился съ глубокимъ почтеніемъ, отчуждало отъ нея императора, и собственнымъ сыномъ Друзомъ онъ былъ недоволенъ за грубый нравъ его. При такихъ обстоятельствахъ начальникъ преторіанцевъ, честолюбивый Сеянъ, при помощи дьявольскихъ интригъ пріобрѣталъ все больше вліянія на угрюмаго монарха. Прежде всего онъ сдѣлался любимымъ среди солдатъ; офицеры, выборъ которыхъ предоставлялся ему, были его креатурами. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ и въ сенатѣ, надѣляя черезъ послушнаго императора своихъ протеже́ должностями и провинціями. Самъ Тиберій открыто называлъ его своимъ помощникомъ въ правленіи и допустилъ совершеніе жертвоприношеній передъ его изображеніемъ въ театрахъ, на площадяхъ и въ лагерѣ. Это возбудило ревность сына императора къ власти Сеяна, и онъ однажды, въ пылу спора, далъ всемогущему человѣку звонкую пощечину. Это погубило Друза. Сеянъ вкрался въ довѣріе жены принца, Ливиллы, сестры Германика, и побудилъ ее отравить своего мужа. Онъ обѣщалъ ей руку и тронъ и, въ подтвержденіе своего обѣщанія, развелся со своей женой. Такимъ образомъ Друзъ умеръ въ 23 году, причемъ сперва никто и не подозрѣвалъ здѣсь пре-

ступленія. Въ томъ-же году императоръ потерялъ также внука и стараго вѣрнаго друга, еще раздѣлявшаго съ нимъ жребій изгнанника. Тѣмъ полнѣе отдался онъ вліянію Сеяна. Послѣдній теперь уже стремился къ устраненію сыновей Агриппины, преграждавшихъ ему путь къ престолу. Ненависть Тиберія пришла на помощь его наговорамъ, и друзья Агриппины, среди нихъ люди заслуженные, должны были за мнимое участіе въ заговорѣ принять смерть или изгнаніе. Цехъ доносчиковъ, которые за счастливо проведенныя обвиненія имѣли право на награду, началъ процвѣтать. Сеянъ сдѣлалъ шагъ ближе къ цѣли: онъ посватался за Ливиллой. Тиберій, признавая его заслуги, отсовѣтовалъ ему этотъ бракъ въ его-же собственныхъ интересахъ и въ интересахъ государства, а совѣтъ этотъ былъ равенъ приказу. Сеянъ долженъ былъ избрать другой путь: онъ сталъ уговаривать старѣющаго императора уйти отъ трудовъ правленія, давно уже ставшихъ ему въ тягость, отъ безчисленныхъ пріемовъ, столкновеній съ Агриппиной, отъ нерѣдко непріятныхъ совѣщаній въ сенатѣ объ оскорбленіяхъ величества, не выпуская однако скипетра изъ руки. Онъ предвидѣлъ, что тогда правительственныя дѣла пойдутъ черезъ его руки, а съ теченіемъ времени быть-можетъ совсѣмъ будутъ ему поручены.

Это было въ 26 году, когда Тиберій безъ шума, по своему обыкновенію съ небольшой свитой, но въ сопровожденіи своего министра, уѣхалъ изъ Рима. Онъ посѣтилъ города, виллы и помѣстья Кампаніи и избралъ, наконецъ, своей резиденціей скалистый островокъ Капри, эту жемчужину Неаполитанскаго залива.

Сеянъ, казалось, выигралъ дѣло. Своими нашептываніями о заговорѣ и революціи онъ усилилъ подозрительность монарха къ Агриппинѣ и ея сыновьямъ, прежде всего къ старшему изъ нихъ, Нерону. Послѣдніе друзья дома подверглись суду: его членовъ избѣгали, какъ опальныхъ; ихъ поджидали всюду предательство и клевета. Смерть старухи Ливіи устранила послѣднее препятствіе, мѣшавшее ея сыну и его совѣтнику дѣйствовать противъ самихъ ненавистныхъ родственниковъ: Агриппина и Неронъ были сосланы, послѣ чего послѣдній вскорѣ, чтобы предупредить палачей, самъ лишилъ себя жизни, а Друзъ, второй сынъ Германика и Агриппины, недолго спустя былъ заключенъ въ подземелье императорскаго дворца на Палатинѣ. Когда те-

перь Сеянъ, осыпанный со стороны императора знаками милости, отпущенъ былъ въ Римъ, онъ стоялъ уже на вершинѣ своего могущества. Населеніе столицы въ рабскомъ поклоненіи лежало у его ногъ; сенаторы и всадники составляли его свиту; Тиберія называли островнимъ царемъ, а его самого—опекуномъ Тиберія. Становилось все болѣе явнымъ, куда стремится дерзкій временщикъ, и кумиръ преторіанцевъ, казалось, былъ въ силахъ достигнуть всего.

Паденіе Сеяна. Вѣсть объ измѣнническихъ шагахъ Сеяна императоръ получилъ черезъ Антонію, вдову своего брата Друза, и мать Германика, которую онъ всегда уважалъ и часто навѣщалъ въ ея помѣстьи. Тиберій точно пробудился отъ долгаго сна. Человѣкъ, котораго онъ поднялъ изъ праха, осыпалъ милостями, которому онъ отдалъ полное свое довѣріе, былъ государственнымъ измѣнникомъ! Открыто выступить противъ могущественнаго временщика было опасно. Тиберій, свѣдущій въ искусствѣ притворства, перехитрилъ его. Онъ поручилъ городскому префекту Макрону, оффиціальному замѣстителю отсутствующаго императора, созвать сенатъ для прочтенія ему императорскаго посланія. Тайно онъ далъ знать Сеяну, консуламъ и многимъ другимъ, что дѣло идетъ только о дарованіи его фавориту трибунской власти. Въ радостномъ настроеніи, окруженный толпой поздравителей, Сеянъ вступилъ въ курію, гдѣ городской префектъ среди почтительнаго молчанія собранія сталъ читать обстоятельное посланіе императора. Послѣдній распространялся въ немъ о прежнемъ управленіи вообще, а затѣмъ обстоятельнѣе разбиралъ особые случаи. Министру то высказывалась похвала, то и горькое порицаніе, пока къ концу обороты рѣчи не стали болѣе угрожающими и страшное слово „арестъ“ не устранило всякое сомнѣніе. Уже подошли трибуны къ креслу фаворита, чтобы предупредить его бѣгство; но и внѣ куріи Макронъ выстроилъ надежные полицейскіе отряды.

Такъ какъ сенатъ угадывалъ императорскую волю, то онъ вынесъ Сеяну обвинительный приговоръ и повелѣлъ тотчасъ-же его казнить. Преторіанцы же были удовлетворены денежнымъ подаркомъ и получили Макрона въ качествѣ новаго начальника. Затѣмъ была истреблена и семья низложеннаго, всѣ его приближенные и также большая часть государственнаго совѣта (стр.

212) были казнены. Теперь обнаружились и отношенія Сеяна къ Ливиллѣ, равно какъ и отравленіе Друза, сына Тиберія, и Ливилла должна была заплатить за свое участіе въ преступленіи голодной смертью, тогда какъ сынъ ея Тиберій съ этой поры сталъ считаться незаконнорожденнымъ.

Кончина Тиберія. Съ тѣхъ поръ какъ оказался предателемъ и Сеянъ, его долголѣтняя опора, Тиберій окончательно извѣрился въ человѣчествѣ. Во всѣхъ какъ-либо выдающихся личностяхъ

Башня Тиберія на островѣ Капри (Съ фотографіи).

онъ чуялъ будущихъ заговорщиковъ, какъ въ лести, такъ и въ выраженіяхъ искренняго доброжелательства коварную западню, а въ самой лояльной откровенности дерзкое оппозиціонное стремленіе. Одинъ смертный приговоръ за другимъ исходили съ его скалистаго островка, который онъ покидалъ только изрѣдка, и множество доносчиковъ въ Римѣ заботилось о томъ, чтобы не было недостатка въ матеріалѣ для его страховъ и кровожадности. Вмѣстѣ съ безчисленными несчастными теперь долженъ былъ погибнуть въ своемъ заключеніи и Друзъ: ему дали умереть съ голоду. Агриппина, преслѣдуемая даже въ ссылкѣ ненавистью тирана, въ отчаяніи добровольно обрекла себя на голодную смерть.

А грубость, съ которой отзывался императоръ объ умершихъ, не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, кто былъ виновенъ въ ихъ смерти. Самъ онъ, какъ будто желая заглушить запятнанную совѣсть, предавался дикимъ оргіямъ, и чѣмъ болѣе исчезали силы старика, тѣмъ упрямѣе противился онъ предписаніямъ врачей, тѣмъ бѣшенѣе погрязалъ онъ въ отвратительнѣйшемъ развратѣ. Вѣрный его слуга, законовѣдъ Кокцей Нерва, въ отчаяніи самъ наложилъ на себя руки. Но стараго льва ничто не потрясло, ничто не измѣнило. Подобно тому, какъ онъ относительно тѣла говорилъ врачамъ, что каждый въ 30 лѣтъ долженъ знать, что̀ ему идетъ въ прокъ, и что̀ нѣтъ, такъ и душевное его развитіе было закончено, окоченѣло, стало неизмѣннымъ: онъ доигрывалъ свою роль тиранна до конца. Государственное правленіе отъ такого состоянія конечно страдало. Впрочемъ парѳянскій царь, наложившій свою руку на Арменію и пославшій ему дерзкое письмо, порядкомъ былъ побитъ сирійскимъ намѣстникомъ Вителліемъ и въ то-же время былъ принужденъ отказаться отъ своихъ плановъ и принять свое государство отъ Рима въ видѣ лена. А когда пожаромъ была опустошена мѣстность около цирка и сосѣдняя часть города на Авентинѣ, императоръ предупредилъ всякія волненія столицы богатыми подачками изъ полной казны.

Опредѣлить престолонаслѣдіе въ мало-по-малу опустѣвшемъ домѣ Юліевъ и Клавдіевъ было довольно легко. Собственный внукъ Тиберія, носившій его-же имя, былъ еще мальчикомъ, Клавдій, братъ Германика, былъ достовѣрно слабымъ человѣкомъ; такимъ образомъ серьезно могъ итти въ счетъ только сынъ Германика, находившійся въ самомъ цвѣтущемъ юношескомъ возрастѣ Гай, которому солдаты его отца въ Германіи дали прозвище Калигула („сапожокъ“). Онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ вблизи императора и такъ умѣлъ пресмыкаться, что не возбуждалъ его подозрѣній.

Но вотъ приблизился конецъ дней правителя, которому уже было подъ восемьдесятъ лѣтъ. Безпокойство гнало его съ мѣста на мѣсто, пока, наконецъ, онъ не долженъ былъ остановиться въ своей виллѣ на Мизенскомъ мысѣ. Когда упадокъ силъ и слабый пульсъ заставляли ждать близкой кончины, быстро были увѣдомлены начальники войскъ внутри и внѣ Италіи. Вскорѣ за-

тѣмъ, повидимому, наступила смерть, и уже стали присягать преемнику, какъ мнимый покойникъ снова пришелъ въ себя и потребовалъ пищи. Всѣ затрепетали—горе, если Тиберій узнаетъ, что у него уже преемникъ! Но начальникъ преторіанцевъ Макронъ, принявъ быстрое рѣшеніе, велѣлъ его окончательно задушить, заваливъ кучей одѣялъ.

Гай Калигула (37—41 по Р. Хр.). „Лучшій рабъ, злѣйшій господинъ“. Такъ характеризовали потомъ современники юнаго императора, который взошелъ теперь на престолъ, привѣтствуемый народомъ и войскомъ, какъ послѣдній сынъ Германика. Бывъ въ теченіе шести юношескихъ лѣтъ свидѣтелемъ безчеловѣчія Тиберія, онъ рано нашелъ вкусъ въ кровопролитіи и нравственной грязи и всосалъ безумное представленіе объ императорской власти. Сюда присоединялось еще то, что онъ еще былъ боленъ душевно. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ припадками падучей, да и теперь часто имѣлъ обмороки и всегда безсонныя ночи. Отсюда и объясняется, что этотъ самодуръ, ставъ властелиномъ міра, уже и подавно потерялъ всякую разумную мѣру и сдѣлался первообразомъ кесарскаго помѣшательства.

Калигула.
Античная статуя въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

Правда, пока еще трусость его чуяла опасность, онъ умѣлъ притворяться и разыгрывать справедливаго, ласковаго монарха. Но уже безумная расточительность, съ которой онъ въ началѣ и въ продолженіе кратковременнаго своего правленія одарялъ народъ и преторіанцевъ деньгами и пищевыми продуктами, устраивалъ празднества и предпринималъ колоссальныя постройки внутри и внѣ Италіи, куда только онъ приходилъ, заставляла задумываться. Онъ хотѣлъ затмить все бывшее до него. Поэтому онъ устраивалъ и ночью сценическія представленія, при чемъ весь городъ освѣщался факелами; его цирковыя игры длились съ утра до вечера; и на особенно торжественныхъ играхъ состязавшіеся въ бѣгѣ на колесницахъ должны были быть сенаторскаго званія, а самая арена цирка осыпана была киноварью и горной зеленью. Для одного зрѣлища въ Байяхъ онъ построилъ мостъ поперекъ Путеольскаго залива и провелъ по нему настоящее шоссе свыше 5 km. длины, чтобы устроить на немъ блестящіе выѣзды съ отрядомъ преторіанцевъ и съ придворнымъ обществомъ, при чемъ самъ онъ одинъ разъ былъ на великолѣпно осѣдланномъ конѣ, съ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ, со щитомъ, мечомъ и въ шитой золотомъ одеждѣ, а другой разъ управлялъ, въ качествѣ возницы, драгоцѣнной парой лошадей. Въ заключеніе былъ данъ ночной праздникъ, на которомъ суша и море были освѣщены, какъ днемъ.

Столь-же дорого обходилась и безумная страсть Калигулы къ строительству. Трудности почвы подстрекали его: его архитекторы должны были для его виллъ засыпать части моря, разбивать скалы, въ горахъ сносить возвышенности, въ равнинѣ насыпать искусственныя горы, все это въ кратчайшій срокъ, подъ страхомъ смерти. Болѣе чѣмъ фантастическою была его идея выдвинуть сѣверную оконечность Палатина до самаго Форума, несмотря на большую разницу высотъ, при чемъ храмъ Кастора перестроенъ былъ въ видѣ входа къ Palatium, равно какъ и идея перекинуть высокій мостъ съ Палатина черезъ храмъ Августа на Капитолій, чтобы соединить между собой двухъ высшихъ боговъ земного шара, императора и Юпитера. Затѣмъ слѣдуетъ сказать объ императорскихъ увеселительныхъ яхтахъ, либурнскихъ десятипалубныхъ судахъ, съ украшенной драгоцѣнными камнями кормою, пестрыми парусами, купальнями, портиками, столовыми,

виноградниками и фруктовыми садами, лежа въ которыхъ императоръ при звукахъ пѣнія и музыки плылъ вдоль прелестныхъ береговъ Кампаніи. И такъ какъ основаніе городовъ въ плодоносной равнинѣ уже не было новымъ дѣломъ, то онъ задумалъ построить свой городъ на ледяныхъ вершинахъ Альпъ.

Такъ какъ изобрѣтательный духъ сумасшедшаго императора бросался и на наслажденія стола, и онъ, напр., пилъ уксусъ съ раствореннымъ въ немъ жемчугомъ или подавалъ своимъ гостямъ хлѣбъ и овощи изъ золота, а однажды ему даже вздумалось бросать въ теченіе нѣсколькихъ дней съ площадки Юліевой базилики деньги въ толпу, то нельзя удивиться, что еще до конца перваго года правленія Калигулы государственная казна и личная казна императора оказались пустыми.

Гай Калигула (37—41 г. Р. Хр). Римская монета

Но онъ не затруднялся насчетъ пріисканія новыхъ денежныхъ источниковъ; вѣдь онъ, по собственному своему выраженію, могъ себѣ позволять все по отношенію ко всѣмъ; ненависть къ нему другихъ была ему нипочемъ, если только его боялись. Вдругъ онъ объявилъ недѣйствительными всѣ старые дипломы на права гражданства: подъ „потомками“, для которыхъ они тоже были выданы, по его словамъ, слѣдовало понимать только сыновей. Показанія размѣровъ имущества, дѣлавшіяся при всеобщей переписи, показывались какъ лживыя, если послѣ оказывалось приращеніе имущества; завѣщанія солдатъ своего отца Германика, въ которыхъ не отказывалась какая-нибудь часть императору, неблагодарность покойныхъ завѣщателей объявлялись недѣйствительными, а вскорѣ этой участи подверглись и вообще всѣ завѣщанія; когда же завѣщатели со страху стали объявлять уже при жизни, что они назначаютъ извѣстный легатъ монарху, послѣдній отнесся къ этому какъ къ насмѣшкѣ, такъ какъ завѣщатели оставались еще въ живыхъ, и нимъ изъ нихъ посылалъ отравленныя лакомства. Онъ умертвилъ или заточилъ, по судебному приговору или безъ суда, какъ большинство своихъ родныхъ, между ними своихъ „возлюбленнѣйшихъ“ сестеръ, такъ и всѣхъ состоятельныхъ лицъ. Онъ

охотно продавалъ съ аукціона, въ личномъ своемъ присутствіи, достававшіяся ему имущества, остатки отъ зрѣлищъ, какъ, напр., гладіаторовъ, и горе тому богачу, который не являлся на аукціонъ и не предлагалъ порядочной суммы!

Чѣмъ ничтожнѣе были для него его подданные, которыхъ онъ бросалъ даже на съѣденіе хищнымъ обитателямъ своего звѣринца, такъ какъ такой кормъ ему обходился дешевле, тѣмъ болѣе высокаго мнѣнія былъ онъ о собственной особѣ. Съ тѣхъ поръ какъ льстецы сказали ему, что его положеніе выше всѣхъ царей и государей, онъ не медлилъ долѣе требовать себѣ божескихъ почестей. Часто онъ принималъ жертвоприношенія и молитвы во храмѣ Кастора и Поллука, стоя между статуями обоихъ героевъ миѳа, и приказывалъ отсѣкать головы у изображеній боговъ и ставить на нихъ мѣсто свою; мало того, онъ построилъ самому себѣ храмъ, учредилъ собственную коллегію жрецовъ и установилъ для себя особыя жертвоприношенія: таковыми, по предписанію, служили павлины, фазаны, краснокрылыя и другія рѣдкія птицы. Съ капитолійскимъ Юпитеромъ онъ бесѣдовалъ какъ съ равнымъ, нерѣдко браня и угрожая ему.

Походы и смерть Калигулы. Чтобы добыть себѣ и военной славы, Калигула отправился на сѣверъ. Безъ пощады ограбивъ въ Галліи богачей, онъ пошелъ на Рейнъ, чтобы превзойти своего великаго отца на театрѣ его военныхъ дѣлъ. Онъ перешелъ черезъ рѣку, но остерегался проникнуть внутрь страны, гдѣ кичившіеся своею свободой германцы не обращали вниманія на его угрозы. Затѣмъ онъ прошелъ къ океану, для покоренія Британіи. Флотъ былъ готовъ; но онъ удовольствовался тѣмъ, что совершилъ жертвоприношеніе въ открытомъ морѣ и велѣлъ собирать раковины. Сенату же онъ послалъ лживый отчетъ о выигранныхъ битвахъ и завоеванныхъ странахъ и возвѣстилъ о своемъ тріумфальномъ шествіи черезъ провинціи въ Римъ. Но то, что сенатъ не самъ отъ себя постановилъ ему тріумфъ, преисполнило императора безумнаго бѣшенства. Онъ открыто объявилъ сенату войну и прервалъ съ нимъ всякія сношенія, поджидая случая для его избіенія. Но тутъ, наконецъ, соединилось нѣсколько людей, которымъ грозила опасность, и они порѣшили избавить государство отъ изверга. Кассій Херея, трибунъ одной когорты преторіанцевъ, сталъ во главѣ заговора, въ кото-

ромъ приняли участіе другіе офицеры и многіе сенаторы и всадники. Жертвой этого заговора и палъ императоръ 24 января 41 года, а съ нимъ императрица и малолѣтняя дочь ихъ.

Тронъ опустѣлъ, престолонаслѣдіе не было опредѣлено, ближайшій законный наслѣдникъ, пятидесятилѣтній Клавдій, братъ Германика, былъ настолько непригоденъ для этого, что при Августѣ и Тиберіѣ онъ считался неспособнымъ къ правленію и выступилъ въ публичной дѣятельности лишь при Калигулѣ. При такихъ обстоятельствахъ, сенатъ одинъ день думалъ о возстановленіи республики. Но преторіанцы завладѣли особой Клавдія, и такъ какъ народъ также требовалъ себѣ верховнаго главы, то другая сторона отказалась отъ сопротивленія.

КЛАВДІЙ (41—54 по Р. Хр.).

До того времени Клавдій предавался литературнымъ занятіямъ и онъ продолжалъ эти занятія и въ санѣ императора. Отвлеченный отъ исторіи римской республики порицаніями со стороны матери и бабушки, онъ болѣе и болѣе углубился въ этрусскую и карѳагенскую исторіи. Онъ написалъ также сочиненіе по языковѣдѣнію, въ которомъ увеличилъ латинскій алфавитъ на три новыхъ буквы, среди нихъ на букву v. Ученый монархъ отличался разсѣянностью и несамостоятельностью односторонняго ученаго, и о первой разсказывалось немало веселыхъ анекдотовъ, а вторая сдѣлала его рабомъ окружающихъ, его женъ, его вольноотпущенниковъ. Вообще же онъ былъ доброжелателенъ, высказывалъ склонность къ справедливости и порядку и, въ цѣломъ, сознавалъ свои обязанности, какъ правитель.

Новый императоръ въ началѣ своего правленія издалъ амнистію, изъ которой исключилъ только явныхъ убійцъ Калигулы, устранилъ недостатки прежняго правительства и возобновилъ уничтоженное послѣднимъ почитаніе Юліева рода, тогда какъ лично для себя онъ отказался отъ слишкомъ большихъ

почестей. Онъ не упускалъ случая для выраженія своего уваженія къ сенату и властямъ, хотя онъ и заботился о томъ, какъ-бы урѣзать власть перваго, который чуть-было не возстановилъ республики. Послѣ долгаго перерыва онъ возобновилъ цензуру. При этомъ онъ, съ одной стороны, строго каралъ за присвоеніе правъ гражданства, съ другой же усиливалъ, какъ до него Кесарь и Октавіанъ, составлявшее ядро государства гражданство привлеченіемъ въ него говорившихъ по-латыни общинъ внѣ Италіи дарованіемъ права исканія должностей тѣмъ обитателямъ новыхъ галльскихъ провинцій, которые имѣли право гражданства, и, наконецъ, принятіемъ знатныхъ родовъ въ сильно сократившуюся патриційскую знать. Онъ обуздалъ безнравственность театра и затруднилъ для молодежи дѣланіе долговъ, объявивъ недѣйствительными займы, заключенные подъ родительское наслѣдство. Къ римскимъ водопроводамъ онъ прибавилъ два новыхъ, и нынѣ еще путешественникъ, направляющійся съ вокзала къ югу, видитъ справа остатки построекъ aqua Claudia. Онъ началъ также углубленіе Фуцинскаго озера, нынѣ высохшаго, и выстроилъ, наконецъ, къ сѣверу отъ Остіи новый портъ Августа съ огромнымъ маякомъ на молѣ, послѣ чего проложилъ дорогу, срѣзавшую изгибы Тибра и тѣснѣе соединившую столицу съ моремъ.

Къ этой многообразной дѣятельности цензора присоединялось добросовѣстное правосудіе. Императоръ самъ принималъ въ немъ неутомимое участіе, хотя его забывчивость и добродушіе представляли не мало поводовъ къ дерзкимъ насмѣшкамъ. Новые законы устранили жестокости прежняго права: государственная опека замѣнила старую родовую, выбрасываніе больныхъ рабовъ было запрещено, а убійство ихъ преслѣдовалось судомъ.

Сколько изъ всѣхъ этихъ заслугъ слѣдуетъ приписать совѣтникамъ императора, невозможно опредѣлить; но, вѣроятно, то были его вольноотпущенники, которые управляемую ими императорскую кассу, фискъ, возвели въ главную государственную казну и сдѣлали придворныя должности казначея, секретаря и завѣдывающаго канцеляріей по принятію прошеній должностями государственными. Это было началомъ государственныхъ спеціальныхъ министерствъ, учрежденіемъ которыхъ снова была ограничена область вліянія сената.

Дѣятельность Клавдія въ провинціяхъ. Провинціи, благополучіе которыхъ теперь еще непосредственнѣе зависѣло отъ императорскаго правительства, пользовались при Клавдіѣ наилучшимъ попеченіемъ Прокладка дорогъ все дальше распространяла сношенія; распространеніе италійской культуры, расширеніе гражданства, допущеніе на государственную службу и римскихъ гражданъ Гал-

Остатки акведука Клавдія у Via Appia
(Съ фотографіи).

ліи содѣйствовали сліянію провинціи съ коренной областью. Прежде всего мощно расцвѣли города Нарбонской провинціи: Арелате (Arles), Немавзъ (Nîmes), Віенна (Vienne), Авеніонъ (Avignon), Aquae Sextiae (Aix) и др., во вновь пріобрѣтенной Галліи столица ея Лугдунъ (Lyon), мѣсто рожденія императора, обладавшее полными правами римскаго гражданства, Augusta Trevirorum (Триръ) и Colonia Agrippina (Кёльнъ), мѣсто рожденія императрицы Агриппины, тотъ и другой надѣленные италійскимъ городскимъ правомъ. Границы государства были защищены и укрѣ-

плены. Правда, отпавшіе еще при Тиберіѣ фризы только частью вернулись подъ римское владычество; но хавки, которые съ флотами своими грабили побережье, наказаны были намѣстникомъ Нижней Германіи Домиціемъ Корбулономъ, а херуски у него попросили себѣ царя. Тѣмъ не менѣе Клавдій отозвалъ военные посты съ тамошняго праваго берега Рейна, на которомъ остались отнынѣ только рѣдкія поселенія и выгоны убойнаго скота войскъ. Часть легіоновъ нужна была для занятія Британіи. Нападеніе на эту страну удалось вполнѣ (43 г.): быстрымъ побѣдоноснымъ походомъ дошли до Темзы, перешли черезъ нее подъ личнымъ предводительствомъ императора, разбили непріятельское войско и подчинили себѣ оружіемъ и подарками отдѣльныхъ князей. Камалодунъ (около Кольчестера), населенный сильнымъ отрядомъ ветерановъ и надѣленный полными правами гражданства, сталъ столицей новой провинціи, которая простиралась до Гембера, но возникли и другія римскія поселенія въ благопріятныхъ торговыхъ пунктахъ, такъ, напр., Лондиній (Лондонъ). Горы Уэльса, куда удалились вольные кельты, окружены были постоянными лагерями. Императоръ же справилъ великолѣпный тріумфъ и назвалъ двухлѣтняго сына своего Британникомъ.

Карта Британіи
во времена римскаго владычества.

Теперь въ имперію была включена и Мавританія. Клавдій образовалъ изъ нея двѣ провинціи, изъ которыхъ восточная упра-

влялась изъ римской колоніи Кесаріи (Шершели), а западная изъ Тингиса (Танжера).

Менѣе былъ счастливъ императоръ на азіатской, восточной границѣ. Въ Арменіи онъ смогъ только временно оттѣснить парѳянское вліяніе, ставшее при его предшественникѣ всемогущимъ. Не хорошо было положеніе и въ іудейской землѣ. Царство Ирода послѣ его смерти (4 г. до Р. Хр.). раздѣлено было между его сыновьями, но бо́льшая часть его вскорѣ затѣмъ (6 г. по Р. Хр.) подпала подъ непосредственное управленіе императорскихъ прокураторовъ (намѣстниковъ). Чужеземный гарнизонъ, разнообразныя вмѣшательства во внутреннія дѣла, сильное, податное обложеніе, преднамѣренныя и непреднамѣренныя оскорбленія культа съ тѣхъ поръ все больше раздражали населеніе, и когда Калигула потребовалъ поклоненія себѣ, вмѣсто культа Іеговы, дѣло дошло до кровопролитныхъ стеченій народа. Съ тѣхъ поръ римское владычество у евреевъ было не менѣе ненавистно, чѣмъ во времена Маккавеевъ сирійское. Клавдій, правда, старался успокоить народъ и далъ ему снова царя изъ рода Ирода (Ирода Агриппу 41—44 г.); но когда тотъ спустя немного лѣтъ умеръ, не оставивъ взрослаго наслѣдника, римское управленіе было возстановлено, и вся его предупредительность только усиливала дерзость фанатическаго населенія и верховнаго совѣта въ Іерусалимѣ. Открытое отпаденіе было только вопросомъ времени.

Мессалина.
Камея въ Cabinet de France. Бюстъ Мессалины, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ, расположенъ на рогѣ изобилія, изъ котораго выходитъ дѣтская полуфигурка, безъ сомнѣнія изображающая Британника; впереди императрицы—олицетвореніе Рима, въ шлемѣ.

Вліяніе вольноотпущенниковъ и женщинъ. Тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвался, что правительство Клавдія, если-бы оно захотѣло, то и здѣсь, какъ всюду, было-бы въ состояніи возстановить перевѣсъ Рима. Его министры, прежде всего Нарциссъ, канцлеръ, умно и энергично руководили кормиломъ государства, и императоръ охотно предоставлялъ имъ часть своей ноши. Но его добро-

душіе дало въ руки этихъ вольноотпущенниковъ, какъ и всѣхъ окружавшихъ его, господство надъ его волей. Это-то и возмущало римлянъ, это-то и вызывало не одинъ умыселъ противъ него. Безобразнѣе всего было господство во дворцѣ женщинъ. Столь-же прекрасная, какъ и порочная Мессалина со времени рожденія Британника и принцессы Октавіи вполнѣ обезпечила себѣ расположеніе своего супруга. Женщина неукротимаго сладострастія, она не стыдясь поддерживала развратныя сношенія и уничтожала всѣхъ, кто не подчинялся ея волѣ или грозилъ опасностью ея положенію, какъ, напр., Юлія, дочь Германика. Наконецъ, она дерзнула въ отсутствіе императора отпраздновать свое бракосочетаніе со знатнымъ Силіемъ, который безъ этого условія отвергалъ ея любовь, чтобы тѣмъ дать сигналъ къ низверженію прежняго супруга. Теперь вмѣшался Нарциссъ; онъ послалъ императору жалобу, принялъ на одинъ день командованіе вмѣсто ненадежнаго начальника преторіанцевъ и подавилъ заговоръ въ зародышѣ. Силій съ товарищами былъ казненъ, а Мессалина, прежде чѣмъ она явилась для своей защиты предъ лицомъ своего супруга, была заколота по приказанію Нарцисса (48 г.).

Погибель Клавдія. На ея мѣсто стала, послѣ продолжительныхъ интригъ, Агриппина, единственная оставшаяся въ живыхъ изъ дочерей Германика, несмотря на сопротивленіе со стороны Нарцисса. Цѣлью этой гордой принцессы было господство, съ императоромъ-ли, или и безъ него. Первымъ ея дѣломъ было устранить, при помощи обвиненія, юнаго Силана, жениха находившейся еще въ дѣтскомъ возрастѣ императорской дочери, и добиться помолвки ея за 13-ти-лѣтняго сына своего отъ перваго брака, Домиція. Затѣмъ она устранила всѣхъ лицъ, мѣшавшихъ ея вліянію на императора. Вскорѣ сынъ ея былъ усыновленъ императоромъ подъ именемъ Клавдія Нерона и осыпанъ почестями, а младшій Британникъ оттѣсненъ на задній планъ. Сама она получила титулъ Августы и вмѣстѣ со своимъ супругомъ дала новой колоніи на Рейнѣ офиціальное названіе Colonia Claudia Agrippinensis. Когда затѣмъ совершено было бракосочетаніе ея сына и преданный ей Афраній Бурръ получилъ командованіе гвардіей, дѣло ея было выиграно: когда Нарциссъ обратилъ вниманіе императора на опасность, угрожавшую престолонаслѣ-

Клавдій, Агриппина, Ливія и Тиберій.
Рѣзная на оникѣ камея, хранящаяся въ Вѣнскомъ музеѣ древностей.

дованію его собственнаго сына, Британника, она осмѣлилась предупредить свое паденіе отравленіемъ супруга. Преторіанцы же присягнули Нерону, представленному имъ Бурромъ въ качествѣ наслѣдника, и никто не воспротивился этому, а менѣе всего сенатъ.

НЕРОНЪ (54—68 по Р. Хр.).

ВСТУПЛЕНІЕ Нерона на престолъ. Семнадцатилѣтній юноша, вступившій въ 54 г. на тронъ Кесарей, былъ предметомъ высокихъ ожиданій. Живой, впечатлительный, онъ имѣлъ склонность ко всякаго рода искусствамъ: онъ занимался ваяніемъ, живописью, музыкой, стихотворствомъ и былъ хорошимъ возницей. Его воспитателемъ былъ серьезный, высокообразованный Анней Сенека, родомъ изъ Кордубы въ Испаніи (см. о немъ ниже). Но придворный воздухъ Палатія и уступчивость учителя по отношенію къ царственному воспитаннику дали разрости его необузданнымъ страстямъ, такъ что онъ въ крайнемъ случаѣ былъ въ со-

стоянии скрыть, но не подавить ихъ. Правда, начало его правленія, которымъ руководили Сенека и разсудительный Бурръ, соотвѣтствовало ожиданіямъ народа; программа, развернутая Нероном передъ сенатомъ, возвѣщала эру безпристрастной справедливости, независимаго отъ дворцовыхъ интригъ правленія и уваженія къ правамъ сената и магистратовъ. Не мало популярныхъ мѣропріятій, не мало разумныхъ распоряженій присоединили къ слову и дѣло. И то, что Агриппинѣ, которая теперь хотѣла разыгрывать правительницу и добилась смерти ненавистнаго ей Нарцисса, было указано ея мѣсто, также надо было одобрить.

Римская монета съ портретомъ Нерона.

Неронъ умерщвляетъ Британника; Агриппина; его недостойная жизнь. Но чего слѣдовало ждать отъ этого правителя, вскорѣ показала смерть враждебнаго ему сводnаго брата Британника, котораго онъ, не долго думая, отравилъ, когда Агриппина пригрозила ему доказать всему свѣту, что тотъ имѣетъ больше правъ на престолъ. Притворной печалью и большими подачками онъ успокоилъ вызванное смертью Британника негодованіе, даже у Бурра и Сенеки. Но онъ не могъ успокоить злобы Агриппины, вступившейся теперь за жену императора Октавію, къ которой онъ относился съ пренебреженіемъ. Неронъ отвѣтилъ тѣмъ, что лишилъ мать германской почетной стражи и жилища въ своемъ дворцѣ. Съ той поры весь свѣтъ избѣгалъ ея порога; противъ несчастной поднято было даже обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Неронъ охотно избавился-бы отъ нея. Но Бурръ воспротивился казни и настоялъ на законномъ допросѣ ея. На этомъ допросѣ императрица доказала свою невиновность; она была оправдана и выиграла процессъ, но сердца сына не вернула себѣ.

Неронъ все безцеремоннѣе отдавался своей одичалой натурѣ.

Маскированный шатался онъ съ безпутными товарищами ночью по улицамъ, совершалъ всяческія безчинства, врывался въ скверныя заведенія, истязалъ встрѣчныхъ; но съ тѣхъ поръ какъ ему однажды досталось самому, за нимъ въ такихъ ночныхъ экскурсіяхъ слѣдовали солдаты и гладіаторы, которые въ худшемъ случаѣ должны были пустить въ ходъ оружіе. Другіе подражали Нерону и увеличивали небезопасность римскихъ улицъ ночью. И при сценическихъ представленіяхъ споръ партій объ игрѣ актеровъ, благодаря тайнымъ и открытымъ подстрекательствамъ со стороны императора, кончался настоящими побоищами. Вскорѣ его плѣнили прелести Поппеи Сабины, жены его товарища въ увеселеніяхъ, Отона.

Британникъ.
Античная статуя въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

Она цѣной своей любви поставила тронъ. Отонъ посланъ былъ въ качествѣ намѣстника въ Лузитанію, и затѣмъ Неронъ захотѣлъ развестись съ нелюбимой Октавіей. Но противъ этого заявила рѣшительный протестъ Агриппина, для которой въ лицѣ Октавіи грозила исчезнуть послѣдняя опора ея

вліянія; Бурръ и Сенека тоже отговаривали его въ интересахъ безопасности престола, которая-де поколебалась на бракѣ императора съ дочерью своего предшественника. Сопротивленіе только разжигало его страсть, а насмѣшки Поппеи надъ тѣмъ, что его опекаютъ, возбуждали его ярость противъ матери, которой онъ, однако, не могъ безопасно тронуть, въ виду почета, которымъ она пользовалась какъ дочь Германика. Наконецъ Аницетъ, командиръ флотской станціи Мизена, одинъ изъ его воспитателей и старинный врагъ Агриппины, далъ ему средство избавиться отъ нея, не производя шума. Построили судно, которое при помощи особаго механизма должно было распасться на морѣ на отдѣльныя части. Если покушеніе удастся, то смерть Агриппины явилась-бы несчастіемъ, какое могло случиться на морѣ. Неронъ проводилъ прекрасные мартовскіе дни 59 года на Неаполитанскомъ заливѣ, на морскихъ купаньяхъ въ Байяхъ. Здѣсь онъ вдругъ притворился страстно жаждущимъ примиренія съ матерью; она находилась какъ разъ въ Антіѣ, и онъ пригласилъ ее любезнымъ письмомъ справить вмѣстѣ съ нимъ близко предстоявшій праздникъ Минервы. Когда она явилась, сынъ-императоръ вышелъ ей навстрѣчу, принялъ ее съ рукопожатіемъ въ свои объятія и проводилъ ее до ея виллы вблизи Бай. На другой день, къ вечеру, долженъ былъ состояться большой обѣдъ у императора въ Байяхъ. У берега качалось роковое судно, на борту котораго находились Аницетъ и императорскіе матросы; на немъ она должна была отправиться въ Байи. Но она предпочла дорогу сушею, и судно поплыло вслѣдъ за ней. За обѣдомъ Неронъ былъ чрезвычайно любезенъ; онъ затянулъ его дольше обыкновеннаго, чтобы наступленіе темноты заставило его мать возвратиться моремъ. При прощаніи онъ самъ проводилъ ее до корабля и долго преслѣдовалъ ее взоромъ. Была чудная звѣздная ночь, море было тихо, но вотъ, едва вышли въ открытое море, внезапно съ трескомъ провалилась отягощенная свинцомъ крыша верхней каюты. Стоявшій въ ней камерарій былъ размозженъ; но надъ Агриппиной и ея камеристкой балки скрестились, и механизмъ корабля отказался дѣйствовать. Испуганная служанка выскочила съ крикомъ: „Спасайте! это я, мать императора!“ Ее убили баграми. Агриппина, сама получившая рану, даже въ этотъ моментъ ужаса не потеряла присутствія духа. Когда экипажъ столпился на од-

ной сторонѣ, чтобы силой заставить корабль опрокинуться, она молча опустилась въ воду. Вплавь она добралась до рыбацкаго челнока, который отвезъ ее на берегъ. Она прибыла въ свою

НЕРОНЪ.
Античный мраморный бюстъ.

виллу и тотчасъ послала императору радостную вѣсть о своемъ счастливомъ спасеніи, чтобы по возможности разсѣять подозрѣнія, что она угадала виновника злодѣйства, и предотвратить дальнѣйшія насилія. Неронъ испугался на-смерть: вдругъ Агриппина

обратится къ солдатамъ и пригласитъ ихъ отомстить за дочь Германика! Быстро велѣлъ онъ призвать Сенеку и Бурра; они не знали, что́ дѣлать, такъ какъ, по ихъ словамъ, преторіанцы императорской свиты не согласятся оказать ему желанную услугу. Тогда Аницетъ взялся избавить императора отъ его страховъ. Съ отрядомъ морскихъ солдатъ онъ еще ночью прошелъ вдоль берега сквозь взволнованную толпу народа, оцѣпилъ виллу Агриппины и проникъ во внутрь ея, убивая всѣхъ, кто становился ему поперекъ дороги. Агриппина догадалась о предстоявшемъ ей и приняла смертный ударъ (59 г.). Такъ исполнилось желаніе, которымъ она нѣкогда въ надменномъ настроеніи отвѣтила халдейскимъ гадателямъ: „Пусть онъ убьетъ меня, лишь бы только взошелъ на престолъ!“

Поппея.
Бюстъ въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ.

Еще опасность не исчезла, и Неронъ провелъ ночь полную страха. Но преторіанцевъ Бурръ увѣрилъ, что Агриппинѣ отомщено за покушеніе на убійство императора, а въ Римъ отправлено было посланіе къ сенату, написанное подъ диктовку Сенеки и содержавшее обстоятельный отчетъ о покушеніи и непріязненныхъ поступкахъ злой матери. Сенатъ постановилъ всеобщее благодарственное молебствіе и соорудилъ въ куріи рядомъ съ изображеніемъ императора золотую статую Минервы, на праздникѣ которой случилось спасеніе. Пышная встрѣча императора сенатомъ и народомъ, при возвращеніи въ Римъ, устранила въ душѣ убійцы послѣднюю тѣнь страха и показала ему, что онъ могъ отважиться на все.

Вскорѣ Неронъ, соблазненный лестью всѣхъ окружающихъ, сталъ разыгрывать роль цирковаго возницы. По ту сторону Тибра, приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ возвышается соборъ св. Петра, онъ устроилъ себѣ посреди императорскихъ садовъ циркъ (см. рисунокъ ниже), въ которомъ показывалъ свое искусство сначала передъ избранной публикой, а вскорѣ и передъ приглашеннымъ сюда народомъ. Знать побуждена была послѣдовать его примѣру: всадники и сенаторы выступали на аренѣ въ качествѣ гладіаторовъ и въ бою со звѣрями, а аристократическая молодежь—въ качествѣ актеровъ на вновь устроенномъ праздникѣ юности. Театръ, въ которомъ происходили эти представленія, также находился въ императорскихъ садахъ, и здѣсь то онъ и самъ выступилъ въ качествѣ кіѳарёда, на первый разъ передъ приглашенными слушателями.

Неронъ.
Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ, въ Римѣ.

Оборона границъ. Бурръ и Сенека не могли помѣшать тому, чтобъ императоръ сдѣлался посмѣшищемъ. Они отсовѣтывали, предупреждали, прикрывали, насколько было возможно, его дурачества и преступленія и при этомъ держали государство въ твердомъ порядкѣ. На востокѣ, гдѣ по смерти Клавдія римское могущество рушилось и послѣдній легіонарій былъ прогнанъ парѳянской партіей изъ Арменіи, они энергично возобновили борьбу. Послѣ многократныхъ перемѣнъ счастья здѣсь состоялся договоръ съ парѳянами, по которому армянскую корону долженъ былъ

носить, правда, парѳянскій принцъ, но принявъ ее отъ Рима въ видѣ лена, и новый царь Тиридатъ самъ прибылъ съ большой свитой въ столицу, чтобы на Форумѣ получить вѣнецъ изъ рукъ императора (63 г.). И неохотно повиновавшіеся іуден пока тоже еще сдерживались въ границахъ покорности. Наконецъ, на сѣверѣ опасное возстаніе кельтовъ Британіи, которое однимъ ударомъ смело римскую культуру вмѣстѣ съ главными ея центрами и стоило жизни до 70,000 римскихъ гражданъ, было, хотя и съ трудомъ, подавлено, и культурная работа начата снова.

Поппея Сабина. Но вотъ умеръ Бурръ (63 г.), и вліяніе Сенеки уступило мѣсто вліянію новаго начальника преторіанцевъ, порочнаго Софонія Тигеллина, который охотно предупреждалъ самыя безсовѣстныя желанія государя. Теперь безпощадно устранялись видные люди, возбудившіе подозрѣніе Нерона; онъ развелся съ Октавіей и по обвиненію ея въ прелюбодѣяніи удалилъ ее отъ двора; Поппея Сабина стояла у цѣли своихъ желаній, она сдѣлалась императрицей. Но еще жива была Октавія, и какъ ее любили, показало стеченіе народа при извѣстіи о ея возвращеніи. Поэтому, Поппея не давала императору покоя, пока не было придумано новое преступленіе несчастной, послѣ чего она была заточена на островъ Пандатарію и убита. За нею послѣдовали другія жертвы ненависти императрицы или императора. Измышлялись обвиненія, подкупались обвинители и свидѣтели, и императоръ выносилъ приговоръ. Если невиновность казненнаго была слишкомъ явна, то народъ успокаивали грубой лестью, угощеніями и зрѣлищами, самымъ утонченнымъ образомъ щекоча его чувственность.

Пожаръ города. Огромный пожаръ города въ 64 г. далъ Нерону болѣе удобный случай снискать себѣ всеобщее расположеніе. Пожаръ начался у юго-восточнаго угла цирка вблизи Палатина и Целія. Деревянныя лавки у внѣшней стороны цирка, въ которыхъ находились жилища и мастерскія множества мелкаго люда, сразу вспыхнули, и пламя охватило весь циркъ. Сильный вѣтеръ погналъ его въ тѣсныя части города, между Тибромъ, Палатиномъ и Капитоліемъ, на холмы и въ лежащія между ними долины. Весь Римъ утонулъ въ морѣ огня, волны котораго вздымались къ небу и возвѣщали на далекое разстояніе гибель властительницы міра. Гибли дома, склады товаровъ, храмы, высокіе

портики, базилики, статуи, всякаго рода предметы искусства. Когда огонь охватилъ новый дворецъ между Палатиномъ и Эсквилиномъ, явился самъ императоръ изъ Антія, но онъ не могъ уже спасти его. Шесть сутокъ длился пожаръ безъ перерыва, затѣмъ, когда опасность уже сочли миновавшей, онъ снова вспыхнулъ и опустошилъ часть строеній на Марсовомъ полѣ. Изъ 14 городскихъ частей пожаръ пощадилъ только четыре; все остальное превратилось въ груду развалинъ. Неронъ позаботился о населеніи, оставшемся безъ крова. Были устроены временные шалаши, погорѣльцамъ отведены сохранившіяся общественныя зданія и императорскіе сады, и привезены, сушей и моремъ, утварь и съѣстные припасы. Но это не помѣшало появленію въ городѣ сплетенъ, будто императоръ во время пожара воспѣвалъ на своей домашней сценѣ, въ качествѣ кіѳарѣда, гибель Трои, и самъ поджегъ Римъ.

Неронъ.
Античный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ, въ Римѣ.

Возсозданіе императорскаго дворца и города. Быть можетъ, слухъ этотъ возникъ изъ того блеска, съ которымъ, благодаря заботамъ императора, поднялся изъ пепла новый Римъ. Вѣдь у Нерона теперь явился просторъ для постройки исполинскаго дворца, который долженъ былъ превзойти все, бывшее доселѣ. „Золотой домъ“, какъ назывался дворецъ, сооруженный на мѣстѣ сгорѣвшаго, долженъ былъ образовать соединительное звено между Палатіемъ и принадлежавшими императорскому дому садами Мецената на Эсквилинѣ. Размѣры и пышность были оди-

наково огромны. У входа высилась колоссальная, въ 36 метровъ, статуя императора-строителя. Тройная колоннада въ 1,500 метровъ длины окружала постройку съ внутренней стороны; ограниченное ими пространство вмѣщало большое озеро, нивы, виноградники, луга и рощи со всякими ручными и дикими животными. Палаты дворца сіяли золотомъ, драгоцѣнными камнями и перламутромъ; столовыя залы имѣли потолки съ углубленными полями (кассетонами) изъ слоновой кости; потолки эти были подвижные и снабжены трубками, такъ что на гостей можно было проливать цѣлый дождь изъ цвѣтовъ и благоухающихъ водъ. Прекраснѣйшая изъ этихъ залъ, круглая, съ изображеніемъ звѣзднаго неба на потолкѣ, вращалась день и ночь. Въ купальняхъ была текучая морская и ключевая вода, смотря по желанію. Постройка эта, какъ и все, что̀ приказывалъ императоръ, велась съ лихорадочной поспѣшностью. Лишь съ тѣхъ поръ какъ Неронъ сталъ имѣть здѣсь свою резиденцію, началъ онъ, по собственному выраженію, „жить по-человѣчески“.

Возсозданіе остального города также совершалось съ рѣшительной энергіей со стороны правительства. Въ основѣ всего положенъ былъ прочный планъ; улицы заложены были шире, вышина домовъ ограничена, для извѣстныхъ частей предписаны каменныя постройки, а смежныя постройки безъ брандмауера запрещены. Передъ большими наемными домами заложены были на казенный счетъ площади, окруженныя портиками; количество колодцевъ и водоемовъ увеличено. Естественно, и государственныя зданія поднялись изъ пепла въ новой пышности. Возведеніе построекъ ускорялось преміями и субсидіями, и вскорѣ былъ готовъ пышный новый городъ, открывавшій свободный доступъ свѣту и воздуху, хотя, правда, и зною лѣтняго солнца. Огромны были издержки, которыя пришлось тогда покрыть Италіи и провинціямъ; Азія и Греція должны были, кромѣ того, для украшенія города отдавать свои изображенія боговъ и другіе предметы искусства.

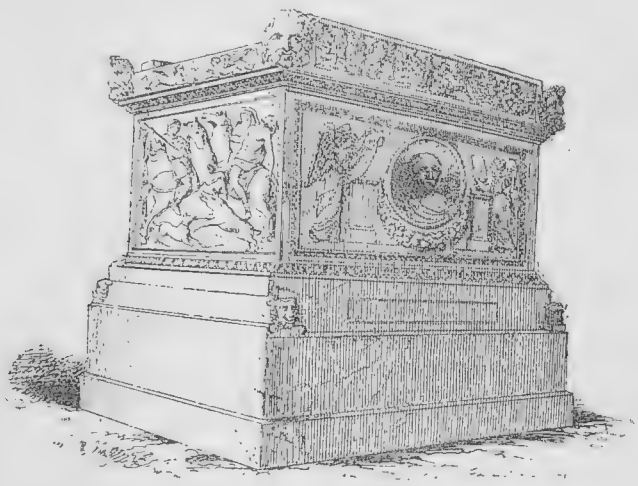
Первое гоненіе на христіанъ. Національное бѣдствіе нуждалось въ козлѣ отпущенія, и такъ какъ публика склонна была видѣть такового въ лицѣ императора, то правительство быстро отыскало другого. Въ послѣднее время много было шуму изъ-за христіанъ. Основателя ихъ религіи, Христа, распялъ на крестѣ прокура-

торъ Тиберія, Понтій Пилатъ, какъ это пишетъ и историкъ Тацитъ въ началѣ второго столѣтія. Пилатъ, не находя за нимъ никакой вины, сдѣлалъ, однако, удовольствіе фарисейской партіи, которая въ требованіяхъ Христа—въ освобожденіи отъ строгаго обрядоваго закона іудейства, въ оставленіи надеждъ на земного Мессію и въ распространеніи вѣры въ Іегову среди язычниковъ, увидѣла измѣну по отношенію къ націи. Но движеніе это послѣ короткой остановки пріобрѣло новую силу и перешло за предѣлы Іудеи, своей родины: всюду, въ Сиріи, Малой Азіи, Греціи и даже уже въ Италіи и Римѣ образовались христіанскія общины, которыя поддерживали между собой тѣсную связь въ богослуженіи и благотворительной дѣятельности. Членами ея были большей частью бѣдные люди, іудеи, греческіе вольноотпущенники и рабы, только изрѣдка люди состоятельные или знатнаго званія; но всѣхъ ихъ связывали узы любви, и они были между собой какъ братья. Тѣмъ не менѣе умышленная обособленность отъ жизни невѣрующихъ, вѣра въ близкую гибель міра и имперіи, а также въ наступленіе царства Божія, рѣшительная борьба противъ многобожія, слѣдовательно, и противъ почитанія кесарей, наконецъ, притязаніе на то, что ихъ ученіе—единственно законное, все это дѣлало христіанъ ненавистными и заставляло видѣть въ нихъ враговъ человѣческаго общества, которые не отступили-бы и передъ поджогомъ. Этого было достаточно для того, чтобы произнести имъ обвинительный приговоръ, среди нихъ и апостолу Павлу, а вѣроятно и Петру. Изысканныя мученія ждали большинство изъ нихъ: одѣтые въ звѣриныя шкуры, они

Сенека.
Мраморная статуя въ музеѣ Сапрапа.

растерзывались собаками, другіе пригвождались ко кресту; третьихъ жестокій тиранъ приказывалъ завертывать въ одежду, пропитанную горючими веществами и затѣмъ зажигать; мало того, онъ дерзнулъ даже дать ночное состязаніе въ своемъ циркѣ, на которомъ пользовался въ видѣ освѣщенія несчастными христіанами, намазанными смолой и саломъ. Это называли „факелами Нерона“. Однако это безчеловѣчіе вызывало отвращеніе даже во врагахъ христіанъ.

Заговоръ Пизона (66 г.). Широко распространенное негодова-



Гробница Сенеки на Аппіевой дорогѣ.
Реставрація.

ніе противъ убійцы матери, жены, брата и столь многихъ невинныхъ, противъ циркового возницы, актера и подозрѣваемаго поджигателя имѣло своимъ послѣдствіемъ заговоръ противъ его жизни. Люди знати, офицеры преторіанцевъ соединились съ цѣлью устранить Нерона и посадить на престолъ всѣми любимаго Гая Пизона; но заговоръ былъ открытъ, и палачамъ дали новую работу. Долженъ былъ умереть и престарѣлый Сенека, давно уже мозолившій глаза своему выродившемуся воспитаннику. Со спокойствіемъ философа сперва утѣшалъ онъ свою жену, а затѣмъ велѣлъ открыть себѣ жилы и, когда кровь потекла очень медленно, приказалъ ускорить смерть. Кончина Поппеи, которая

вмѣстѣ съ Тигеллиномъ, начальникомъ преторіанцевъ, составляла тайный совѣтъ Нерона, не ослабила этихъ преслѣдованій, и достаточно было репутаціи приличнаго образа мыслей, чтобы безумный императоръ оклеветалъ даже благороднаго Пета Ѳразею и честнаго Барею Сорана, какъ государственныхъ измѣнниковъ, и наказалъ ихъ смертью.

Императоръ въ роли артиста передъ народомъ. Въ то-же время онъ давалъ волю своему тщеславію, какъ артистъ. Онъ не довольствовался уже показываніемъ своего искусства передъ ограниченнымъ кругомъ слушателей; съ тѣхъ поръ какъ онъ выступилъ пѣвцомъ въ Неаполѣ при одобреніи греческой публики, онъ, когда повторились устроенныя имъ Нероновы игры, охотно далъ себя уговорить спѣть передъ народомъ и въ Римѣ, и затѣмъ это повторялось не одинъ разъ. Хорошо дисциплинированная толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ наемныхъ хлопальщиковъ съ руководителями изъ знати сопровождала императорское исполненіе восхищенными восклицаніями о богѣ Аполлонѣ, пребывающемъ-де среди нихъ, и хорошо разученными залпами одобренія. Теперь Неронъ выступилъ публично и въ качествѣ циркового возницы. Его побѣдные призы вызывали въ немъ дѣтскую радость; онъ совершенно сошелъ съ ума отъ радости, когда древнія мѣста празднованія греческихъ національныхъ игръ прислали ему чрезъ общее посольство вѣнки за его исполненіе роли киѳарёда. Онъ пригласилъ пословъ къ столу, пѣлъ передъ ними и отвѣтилъ на ихъ восторженные крики одобренія: „Только греки умѣютъ слушать, только они достойны меня и моего искусства“. Вскорѣ императоръ рѣшилъ посѣтить Грецію, родину всякаго искусства и всякаго художественнаго вкуса. Регентство было поручено, на время его отсутствія, одному вольноотпущеннику, а греческіе города, гдѣ происходили празднества, должны были отнести свои игры на одинъ и тотъ-же годъ, для того чтобы онъ могъ посѣтить всѣ, и затѣмъ онъ явился со своей толпой клакеровъ, точно съ войскомъ, и состязался за заранѣе назначенный призъ. Онъ вернулся олимпійскимъ побѣдителемъ и тріумфаторомъ. Передъ запряженной бѣлыми конями колесницей пробивался путь сквозь

Поющій Неронъ. Бронзовая монета. Неронъ, въ вѣнкѣ, въ женской одеждѣ, стоя, поетъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ.

стѣны италійскихъ городовъ, цвѣты покрывали улицы, дымились жертвоприношенія. Съ той поры Неронъ берегъ свой голосъ, какъ сокровище, и при немъ всегда долженъ былъ быть его учитель пѣнія, чтобы напоминать ему о необходимости щадить свой органъ.

Возстанія; паденіе и смерть Нерона (68 г.). Во время его отсутствія изъ Италіи все болѣе явно выступало общее недовольство безумнымъ императоромъ, и его замѣститель настоятельно просилъ его вернуться. Неронъ не внималъ призывамъ, и когда онъ, наконецъ, явился, то черезъ города Италіи уже пробѣжала вѣсть, что возмутился Ю л і й В и н д и к ъ, намѣстникъ Галліи. Опасность застала труса на тронѣ, и когда отпали даже испанскіе легіоны, подъ начальствомъ С у л ь п и ц і я Г а л ь б ы, онъ не зналъ никакого для себя выхода. Правда, онъ самъ принялъ на себя консульство, сталъ производить вооруженія и собирать деньги на войну; но большинство уже отказывалось платить свою долю, и одно войско за другимъ переставало повиноваться ему, наконецъ, и преторіанцы: когорта, стоявшая на стражѣ, покинула дворецъ. Въ отчаяніи Неронъ послалъ за своими друзьями: они даже не дали отвѣта; онъ самъ постучался въ ихъ двери; они не открыли ихъ; вернувшись назадъ, онъ нашелъ дворецъ покинутымъ прислугой, разграбленнымъ. Онъ искалъ смерти и все-таки боялся ея; наконецъ, онъ босикомъ, съ непокрытой головой, закутавшись въ плохой плащъ и закрывъ лицо потовымъ платкомъ, побѣжалъ къ близкой виллѣ одного вольноотпущенника. Земля дрожитъ, молнія ударяетъ передъ нимъ въ землю, изъ недалекаго лагеря преторіанцевъ доносятся дикіе крики воиновъ. Достигаютъ виллы, отсылаютъ лошадей и сквозь тростникъ и кустарникъ добираются до задней стороны, гдѣ императоръ вползаетъ черезъ быстро пробитую въ стѣнѣ дыру въ какое-то тѣсное помѣщеніе. Приближенные убѣждаютъ его заблаговременно уйти отъ грозящаго посрамленія: онъ уступаетъ ихъ желанію, велитъ выкопать себѣ могилу и приготовить все къ погребенію, все время восклицая: „Что за артистъ погибаетъ во мнѣ!“ Вотъ приходитъ извѣстіе, что сенатъ объявилъ его врагомъ отечества и приговорилъ къ смерти, но трусъ еще медлитъ воспользоваться двумя кинжалами, остроту которыхъ онъ давно уже испробовалъ, и требуетъ для храбрости, чтобы кто-нибудь убилъ себя до него. Нако-

нецъ, когда уже приближаются всадники, чтобы арестовать его, онъ находитъ въ себѣ мужество умереть. Вмѣстѣ съ Нерономъ погасъ родъ Юліевъ, господство котораго въ началѣ было славно и принесло государству миръ, но кончилось ужасной тиранніей.

ГАЛЬБА, ОТОНЪ, ВИТЕЛЛІЙ
(68—69 по Р. Хр.).

ГАЛЬБА (68 г.). Счастье было для имперіи, что 73-лѣтній Гальба, котораго, какъ старшаго по чину среди военоначальниковъ и какъ дальняго родственника угасшаго императорскаго дома, признали сначала Юлій Виндикъ и лузитанскій намѣстникъ Сальвій Отонъ а вскорѣ онъ былъ признанъ и всѣми. Когда сенатъ высказался въ его пользу, то ему присягнули и верхне-германскіе легіоны, которые разбили Виндика съ его галльскими полчищами при Безансонѣ. Но мягкое отношеніе новаго императора къ побѣжденнымъ галламъ и неполученіе ими никакой награды вскорѣ снова раздражили эти легіоны, и войска въ Римѣ и Испаніи тоже стали негодовать, когда Гальба, въ виду пустоты государственной казны и невозможности наложить на народы новыя тягости, не выплатилъ никакого коронаціоннаго подарка. Кромѣ того, старый воинъ не могъ, вѣроятно, справляться и съ государственными дѣлами и долженъ былъ предоставлять ихъ лицамъ, надъ которыми онъ утратилъ контроль. При такихъ обстоятельствахъ самыя честныя намѣренія были безполезны, тѣмъ болѣе, что его возрастъ и бездѣтность ободряли недовольныхъ. Сперва вспыхнулъ мятежъ у верхне-германскихъ легіоновъ: они прогнали своего начальника, соединились съ нижнегерманскимъ войскомъ и провозгласили императоромъ полководца Вителлія. Испуганный Гальба, чтобы упрочить свое положеніе, усыновилъ юнаго, благороднаго Пизона Лициніана, но тѣмъ только ухудшилъ положеніе, такъ какъ товарищъ его Отонъ сильно расчитывалъ на престолонаслѣдіе и почувствовалъ себя смертельно обиженнымъ. Отонъ съумѣлъ устроенными имъ повышеніями, щедростью и ласковостью расположить къ себѣ преторіанцевъ; крупная раздача денегъ и обѣщанія пронзвели у

этого испорченнаго корпуса остальное. Когда Отонъ 13 января 69 г. велѣлъ кучкѣ своихъ людей провозгласить его императоромъ и прибылъ въ казарму преторіанцевъ, онъ уговорилъ послѣднихъ

ГАЛЬБА.
Античный мраморный бюстъ.

послѣдовать за нимъ. Гальба и Пизонъ были убиты на Форумѣ, и сенатъ утвердилъ смѣну правительства.

Отонъ (69 г.). Войска присягнули на вѣрность Отону. Только Вителлій пошелъ слишкомъ далеко, чтобы ему можно было отступить, и къ нему, изъ страха передъ германскимъ войскомъ, примкнули сѣверныя провинціи. Весной онъ началъ походъ на

Римъ. Безпрепятственно его легіоны перешли черезъ Альпійскіе перевалы. Отонъ съ иллирійскими легіонами, преторіанцами и сильными отрядами гладіаторовъ стоялъ у Бедріака, къ востоку

ОТОНЪ.
Античный мраморный бюстъ

отъ Кремоны; дальнѣйшія подкрѣпленія изъ Паннонін и Мёзіи были въ пути. Но нѣкоторые одержанные имъ успѣхи и слухи о колебаніи настроенія въ лагерѣ противника побудили императора уступить солдатамъ, требовавшимъ боя, и дать приказъ къ нападенію. Однако, утомленные долгимъ переходомъ солдаты не могли

Отонъ.
Серебряная монета.

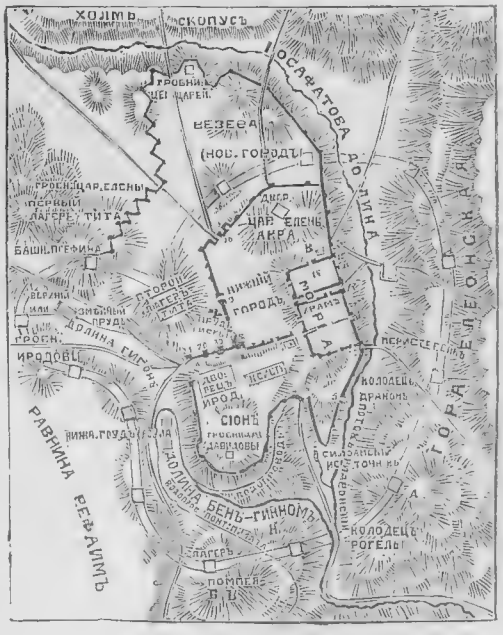
устоять передъ мощными ударами привыкшихъ къ войнѣ вителліанцевъ и первыми разсыпались передъ ними преторіанцы. Когда Отонъ узналъ, что битва проиграна, онъ, несмотря на всѣ клятвы своихъ солдатъ въ вѣрности, добровольно лишилъ себя жизни, чтобы не помѣшать примиренію борящихся партій.

Вителлій (69 г.). Переходъ совершился въ Римѣ быстро и спокойно. Но Вителлій, получившій въЛіонѣ вѣсть о побѣдѣ своихъ, началъ дѣло примиренія съ того, что заставилъ лучшихъ центуріоновъ Отона заплатить жизнью за свою вѣрность; такимъ образомъ дѣйствій онъ съ самого начала вооружилъ противъ себя иллирійскіе легіоны, преторіанцевъ и всѣхъ приверженцевъ прежняго императора. Собственнымъ своимъ войскамъ онъ долженъ былъ разрѣшить пройти по италійскимъ городамъ, избивая и грабя населеніе. Вѣдь они провозгласили Вителлія императоромъ не изъ уваженія къ нему, такъ какъ знали его, какъ рѣдкаго кутилу, а изъ ненависти къ Гальбѣ; войска охватила разнузданность и страсть къ наслажденіямъ.

Вителлій.
Бронзовая монета.

Іудейская война. Тогда противъ выродившихся, надменныхъ товарищей и ихъ недостойнаго избранника возстали легіоны востока. Здѣсь въ то время требовала значительныхъ боевыхъ силъ Іудейская война (66—70). Еврейскій религіозный фанатизмъ и ненависть къ иноземцамъ, подъ вліяніемъ римскихъ притѣсненій и ожиданій мірского „Мессіи“, разразились, наконецъ, страшнымъ возстаніемъ, жертвами котораго палъ римскій гарнизонъ въ Іерусалимѣ и многіе изъ болѣе умѣренныхъ элементовъ Въ тотъ же день, съ другой стороны, ненависть къ евреямъ въ Кесаріи довела греческое населеніе, поддержанное римлянами, до рѣзни. Затѣмъ съ той и другой стороны произошли кровавыя преслѣдованія сла-

бѣйшей въ каждомъ данномъ случаѣ части населенія Палестины, Сиріи и Египта, а вся Палестина была освобождена отъ римскаго владычества молодымъ первосвященникомъ Елеазаромъ, вождемъ движенія. Римскій намѣстникъ Сиріи понесъ даже пораженіе подъ стѣнами Іерусалима. Поэтому въ 67 г. веденіе войны было поручено испытанному солдату Титу Флавію Веспасіану съ тремя легіонами, въ качествѣ императорскаго легата, причемъ одновременно Лицинній Муціанъ получилъ сирійскую провинцію съ четырьмя легіонами. Веспасіанъ завоевалъ прежде всего твердыни страны и только что собрался осадить Іерусалимъ, какъ умеръ Неронъ. Когда затѣмъ отъ Гальбы пришелъ приказъ продолжать военныя дѣйствія, то онъ хотя возобновилъ ихъ, но смерть и этого императора, равно какъ междоусобная война между Отономъ и Вителліемъ не дали ему достигнуть цѣли. Теперь египетскіе, палестинскіе и сирійскіе легіоны провозгласили его императоромъ. Веспасіанъ принялъ поставленную ему задачу и выполнилъ ее одинаково рѣшительно и осторожно. Самъ пока оставаясь на мѣстѣ со своимъ сыномъ Титомъ, для прикрытія восточныхъ и африканскихъ хлѣбныхъ провинцій, онъ послалъ Муціана съ лучшими легіонами черезъ Босфоръ. Тотчасъ-же къ нему примкнули иллирійскія и мёзійскія войска, и пока тотъ двигался на Диррахій, а флотъ его, огибая Пелопоннесъ, плылъ къ италійскимъ берегамъ, Антоній Примъ вторгся во главѣ иллирійскихъ легіоновъ черезъ Аквилею въ Верхнюю Италію, рѣшив-



Планъ древняго Іерусалима.

шись кончить дѣло до прибытія подкрѣпленій, которыхъ правительству слѣдовало ожидать изъ Германіи и сѣверныхъ провинцій. Дѣло Вителлія было плохо, войско его одичало и избаловалось, подкрѣпленія частью не явились, частью были незначительны, флотъ въ Равеннѣ перешелъ на сторону непріятеля, а Цецина, предводитель одной половины войска, уговорилъ солдатъ сдѣлать то-же самое. Правда, чувство воинской чести не допускало самаго худшаго; но Антоній, увѣдомленный о скверномъ положеніи дѣлъ въ противномъ лагерѣ, быстро двинулся впередъ и благодаря его энергіи его иллирійскіе легіоны одержали побѣду на томъ-же бранномъ полѣ между Кремоной и Бедріакомъ, на которомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до этого ихъ одолѣлъ тотъ-же самый противникъ. Побѣдители послѣдовали за разбитымъ войскомъ по пятамъ, заперли его въ Кремонѣ и взяли приступомъ городъ и лагерь. Кремона отдана была солдатамъ на разграбленіе и совершенно разрушена.

Тутъ внезапно рушилось могущество императора, который ничему не давалъ себя тревожить въ своей невоздержной жизни; провинціи отпали, съ сѣверо-востока наступалъ Антоній, а за нимъ и другіе предводители, офицеры италійскаго войска дезертировали массами, нижніе же чины лишь тогда, когда ихъ покидали предводители. Вителлій при такихъ обстоятельствахъ заключилъ договоръ съ городскимъ префектомъ Флавіемъ Сабиномъ, братомъ Веспасіана, которымъ ему гарантирована была жизнь и обезпеченное существованіе. Но когда императоръ захотѣлъ сложить свой санъ, германскія его когорты воспрепятствовали этому и принудили его вернуться въ Палатинскій дворецъ. Затѣмъ онѣ напали на городского префекта, занявшаго съ полицейскимъ отрядомъ Капитолій, и убили его вмѣстѣ съ его подчиненными; Капитолій при этомъ сталъ жертвой пламени. Теперь о пощадѣ уже не было рѣчи. Уже на слѣдующій день приверженцы Веспасіана стояли подъ воротами Рима и начали борьбу противъ отчаянной храбрости вителліанцевъ. Когда городъ былъ взятъ, Вителлія извлекли изъ того убѣжища, куда онъ спрятался, связали ему руки назадъ и обезчещеннаго повели на мѣсто, гдѣ лежалъ передъ нимъ трупъ Флавія Сабина; тамъ онъ былъ заколотъ. Много еще пало жертвъ, особенно когда явился Муціанъ; лишь когда вернулся въ 70 году

самъ Веспасіанъ, вмѣстѣ съ нимъ въ потрясенной Италіи насталъ миръ и эпоха новаго процвѣтанія.

ДОМЪ ФЛАВІЕВЪ
(69—76 по Р. Хр.).

ВЕСПАСІАНЪ
(69—79).

НАЧАЛО правленія Веспасіана; взятіе Іерусалима Титомъ. Титъ Флавій Веспасіанъ принадлежалъ къ полноправной семьѣ изъ области сабинскаго города Реате. Дѣдъ его сражался въ должности центуріона подъ начальствомъ Помпея при Фарсалѣ, отецъ его нажилъ себѣ въ Гельвеціи состояніе сначала въ должности сборщика пошлинъ, а

Бронзовая медаль Веспасіана.

позднѣе путемъ отдачи взаймы денегъ. Самъ Веспасіанъ посѣдѣлъ на службѣ у императоровъ какъ солдатъ и какъ администраторъ. Крѣпкая, простая натура, хладнокровный по отношенію къ лести, какъ и къ порицаніямъ, разсудительный, мастеръ въ искусствѣ бережливости, опытный въ дѣлахъ войны и мира, онъ былъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы поставить государство, стоявшее на краю гибели, снова на твердую почву и окружить его даже нѣкоторымъ блескомъ, несмотря на кратковременность своего правленія.

Въ то время, когда легіоны его направлялись на западъ, онъ спокойнымъ взоромъ слѣдилъ изъ Александріи за ходомъ событій. Ни парѳяне, ни іудеи, ни кто-либо другой не должны были имѣть пользы отъ ухода пограничныхъ гарнизоновъ. Съ парѳянскимъ царемъ онъ заключилъ миръ, и тотъ отдалъ въ его распоряженіе свои безчисленныя конныя полчища. На Дунаѣ, гдѣ даки, ободренные уходомъ мёзійскихъ легіоновъ, собирались штурмовать постоян-

Іерусалимская добыча.
Барельефъ на внутренней стѣнѣ арки Тита.

ные римскіе лагери, а равно въ Понтѣ, гдѣ одинъ искатель престола поднялъ отъ имени Вителлія знамя возстанія, благодаря своевременнымъ передвиженіямъ войскъ, было возстановлено спокойствіе. На главную позицію іудеевъ наступалъ его сынъ Титъ. Въ Іерусалимѣ тѣмъ временемъ фанатики, одолѣвъ партію умѣренныхъ, вступили между собой въ кровавый споръ, изъ-за котораго и упустили время запастись достаточнымъ провіантомъ. Къ тому-же, праздникъ Пасхи привлекъ въ святой городъ изъ всей страны многочисленныхъ вѣрующихъ, которые теперь вмѣстѣ съ дру-

гими были заперты римлянами. Но общая опасность заставила партіи объединиться, и укрѣпленный городъ продержался еще цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, ибо защитники брали себѣ съѣстные припасы, гдѣ только ихъ находили, и предоставляли безоружному населенію вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми умирать цѣлыми тысячами

Арка Тита въ Римѣ (Съ фотографіи).

Городъ былъ доступенъ нападенію только съ сѣверной стороны; но тройныя стѣны и внутри города замокъ Антонія, храмъ и три башни Ирода, повидимому, могли выдержать всякое нападеніе. Въ самомъ дѣлѣ первые приступы были отбиты, окапывавшіяся войска были отогнаны назадъ, осадныя машины разрушены. Наконецъ, перевѣсъ силъ и военное искусство римлянъ одержали

побѣду: стѣны были взяты штурмомъ. Но лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпощаднаго уличнаго боя палъ замокъ, сгорѣлъ храмъ, подавлено было послѣднее сопротивленіе. Оставшіеся въ живыхъ бойцы были перебиты или приговорены ко кресту. Возстаніе было подавлено, покореніе послѣднихъ мятежниковъ въ скалистыхъ гнѣздахъ у Мертваго моря было только вопросомъ времени. Іудейское Божіе государство съ первосвященникомъ и верховнымъ совѣтомъ было уничтожено, Іерусалимъ разрушенъ и сдѣланъ императорскимъ владѣніемъ, храмовой налогъ отданъ Юпитеру Капитолійскому и его земному представителю, римскому императору. Одинъ римскій легіонъ, въ соединеніи съ учрежденными здѣсь колоніями, держалъ съ тѣхъ поръ въ повиновеніи рѣдкое еврейское населеніе; масса народа выселилась и на чужбинѣ хранила память о блестящемъ центрѣ общаго ему культа Іеговы. Для христіанства же политическое уничтоженіе іудейства было очень выгодно: многіе евреи, бросая національныя надежды, переходили въ христіанство, между тѣмъ какъ затаенная злоба правовѣрныхъ утратила свою силу. Веспасіанъ успѣлъ уже вступить въ Римъ, когда пришла вѣсть о паденіи Іерусалима. Онъ справилъ со своимъ побѣдоноснымъ сыномъ, къ удовлетворенію народа, тріумфъ, на которомъ главнымъ украшеніемъ былъ семисвѣщникъ изъ святая святыхъ сгорѣвшаго храма Іеговы. Сенатъ же соорудилъ впослѣдствіи въ честь побѣдителя ту тріумфальную арку, которая еще нынѣ занимаетъ выдающееся мѣсто среди почтенныхъ развалинъ Форума [1]).

Возстаніе Цивилиса. Еще опаснѣе іудейской войны было для имперіи галльско-германское возстаніе подъ предводительствомъ батава Клавдія Цивилиса, которое Веспасіанъ подавилъ въ то-же время черезъ своего легата Петилія Цереала. Причиной возстанія былъ уходъ германскихъ легіоновъ Вителлія, такъ какъ оставшихся слабыхъ гарнизоновъ вмѣстѣ съ только-что набранными въ Галліи рекрутами было недостаточно; непосредственнымъ же поводомъ было глубокое раздраженіе служившихъ въ германскомъ войскѣ батавовъ противъ легіонныхъ солдатъ. Дѣло зашло такъ далеко, что двое изъ нихъ предводи-

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что арка Тита не принадлежитъ къ Форуму.

Прим. ред. пер.

телей—однимъ изъ таковыхъ былъ и самъ Клавдій Цивилисъ—при Неронѣ были обвинены въ государственной измѣнѣ и одинъ изъ нихъ казненъ, а другой арестованъ, послѣ чего отрядъ от-

ВЕСПАСІАНЪ.
Античный мраморный бюстъ.

казался отправиться въ Азію на іудейскую войну. Противъ воли пошли они затѣмъ съ Вителліемъ, который послѣ побѣды при Бедріакѣ отослалъ ихъ опять на родину. Когда же онъ снова прислалъ имъ приказъ къ выступленію и, вопреки договорамъ,

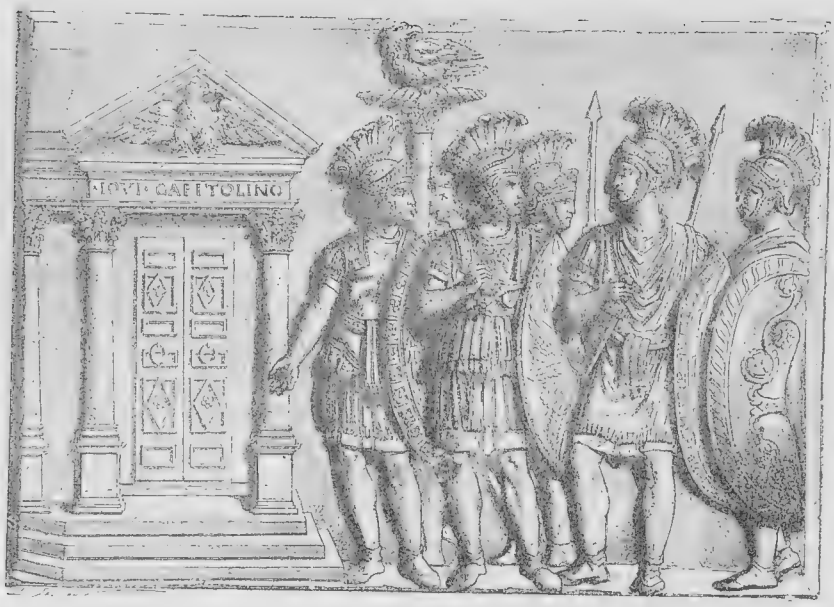
произвелъ обширные наборы въ ихъ странѣ, батавы по совѣту Цивилиса послушались посланцевъ Веспасіана, которые уговаривали ихъ поддержать его возстаніемъ. Вмѣстѣ съ ними возстали сосѣдніе каннинефаты и фризы; послѣдніе напали на расположенные по близости римскіе посты и когорты и уничтожили или принудили ихъ къ стремительному отступленію. Цивилисъ, которому, благодаря хитрой его уловкѣ, прислали изъ Майнца его когорту, теперь открыто сталъ во главѣ и бросился на римскія позиціи на Нижнемъ Рейнѣ. Такъ какъ германскія и галльскія вспомогательныя войска въ нихъ были ненадежны, то онъ разбилъ когорты и захватилъ часть рейнскаго флота. Потомъ къ нему примкнули свободныя германскія племена праваго берега Рейна, впереди всѣхъ хавки, бруктеры и тенктеры. Цѣлью ихъ было прогнать римлянъ съ германскаго Рейна, совѣтницей ихъ была Веледа, вѣщая дѣва бруктеровъ. Легіоны Castra Vetera были разбиты и заперты въ стѣнахъ своего постояннаго лагеря. Теперь и прочія батавскія когорты покинули свои квартиры около Майнца и пробили себѣ дорогу къ своимъ землякамъ, чтобы впредь образовать ядро войска Цивилиса. Побѣда Веспасіана въ Италіи и переходъ къ нему германскихъ легіоновъ сперва ничего не измѣнили въ положеніи вещей на Рейнѣ: ибо въ союзѣ со свободными германцами Цивилисъ не могъ уже желать бороться изъ-за того, кому править въ Римѣ; онъ сбросилъ маску и объявилъ войну всему господству римлянъ. Правда, подъ Гельдубой (нынѣ Gellep около Крефельда) онъ понесъ пораженіе; но непокорность легіоновъ помѣшала офицерамъ использовать побѣду и принудила ихъ къ отступленію. Тогда и тревиры и лингоны покинули несчастные орлы и провозгласили независимое галльское государство; а пожаръ Капитолія (стр. 290), повидимому, далъ имъ ручательство, что насталъ конецъ Рима. Передъ двойной опасностью подавно не устояла дисциплина легіоновъ; они сдались на капитуляцію расположеннымъ передъ ними галльскимъ мятежникамъ и выдали своихъ офицеровъ. То-же сдѣлалъ гарнизонъ Castra Vetera, но тѣмъ не менѣе онъ былъ перебитъ ожесточенными германцами Цивилиса. Рейнъ былъ въ рукахъ германцевъ и галловъ, римскіе лагери, кромѣ Майнца, стали жертвой пламени, и едва избѣгъ этой участи Кёльнъ, городъ дру-

жески расположенныхъ къ римлянамъ убіевъ; а четыре римскихъ легіона перешли къ мятежникамъ.

Съ этого времени движеніе пріостановилось. Раздоръ между германцами и галлами, съ одной стороны, и враждебное отношеніе большинства галльскаго народа съ другой, парализовали его, и когда еще въ 70 году по распоряженію Веспасіана сюда поспѣшили, подъ начальствомъ Петилія Цереала, лучшіе легіоны изъ Италіи, Испаніи, Британіи и Ретіи, мятежные легіоны снова покорились, лингоны, которые уже были разбиты секванами, сдались, равно какъ и вангіоны и трибоки; вмѣстѣ съ занятіемъ Трира, совершившимся почти безъ пролитія крови, кончились быстрѣе, чѣмъ это думали, грезы о свободной Галліи.

Тяжелѣе была борьба съ германцами, бывшими подъ начальствомъ самого Цивилиса. Они отважились напасть на римскаго полководца въ самомъ Трирѣ, и немногаго не доставало, чтобы имъ удалось это смѣлое предпріятіе. Они одержали еще не мало успѣховъ; но Кёльнъ снова перешелъ на сторону римлянъ, послѣ того какъ германскій гарнизонъ былъ перебитъ, а бой подъ развалинами Castra Vetera былъ проигранъ. Цивилисъ долженъ былъ передъ превосходными силами отступить за Рейнъ. Теперь Цереалъ велѣлъ вновь отстроить сожженные постоянные лагери въ Нейссѣ и Боннѣ и опустошилъ островъ батавовъ, т.-е. Дельту между устьями Рейна и Мааса. Но отъ осеннихъ проливныхъ дождей рѣки такъ вздулись, что римскій лагерь внезапно оказался посреди воды, безъ флота, безъ съѣстныхъ припасовъ. Къ счастью для римлянъ Цивилисъ не воспользовался этимъ случаемъ: его полчищамъ надоѣла война, его родина, его родные были въ рукахъ врага, война со всѣми силами римлянъ была безнадежна, и потому онъ принялъ предложенный ему на сносныхъ условіяхъ миръ. Послѣдній въ общемъ возстановилъ прежнія отношенія мятежныхъ племенъ; только съ этихъ поръ туземныя когорты стали служить подъ начальствомъ италійскихъ офицеровъ и внѣ предѣловъ родины.

Упорядоченіе границъ Германіи. Съ этой поры вплоть до III вѣка на Нижнемъ Рейнѣ царило спокойствіе; германцы лѣваго берега Рейна растворились въ римской имперіи, а германцы праваго берега поддерживали миръ съ сильнымъ своимъ сосѣдомъ, обезпечивая его вліяніе своими племенными раздорами. Въ верх-



Преторіанцы.
Барельефъ въ Луврскомъ музеѣ.

ней Германіи были снова подчинены отпавшіе маттіаки на правомъ берегу Рейна, а теплые ключи ихъ, расположенные недалеко отъ Майнца, стали римскими водами (Aquae Mattiacae, Висбаденъ). Взята была тогда подъ римское управленіе и страна вокругъ Неккара, позднѣе названная „десятинной землей“ (agri decumates). Наконецъ, дунайская линія значительно была укрѣплена постройкой двухъ легіонныхъ лагерей около Виндобоны (Вѣны) и Карнунта (Петронелля близь Вѣны).

Веспасіанъ упорядочиваетъ войско и финансы. Тѣмъ временемъ Веспасіанъ пріобрѣлъ болѣе прочное положеніе и въ центрѣ монархіи. Прежде всего онъ столковался съ сенатомъ о законной формулировкѣ своей правительственной власти, распустилъ армію вителліевыхъ преторіанцевъ и замѣнилъ ее 9,000 набранныхъ въ Италіи преторіанцевъ. Подобная-же участь постигла четыре мятежныхъ легіона на Нижнемъ Рейнѣ и два верхнегерманскихъ. Теперь онъ могъ приступить къ исцѣленію внутреннихъ недуговъ. Безумная расточительность большинства его предшественниковъ опустошила государственную казну, половина города ле-

COLOSSEUM (Съ фотографіи).

жала въ развалинахъ еще со временъ великаго пожара, и его дожидалось возсозданіе Капитолія. Онъ самъ исчислялъ сумму, нужную для удовлетворенія государственныхъ потребностей, въ 40 милліардовъ сестерціевъ (7 милліардовъ марокъ=болѣе 3 милліардовъ руб.). То, что онъ при такихъ обстоятельствахъ не хотѣлъ отказаться отъ извѣстныхъ, отмѣненныхъ Гальбой, налоговъ, но прибавилъ еще тягостные новые, повысилъ дани провинцій и безъ большого зазрѣнія совѣсти бралъ деньги, гдѣ только могъ это сдѣлать мало-мальски приличнымъ образомъ, что онъ не такъ блестяще содержалъ чернь и знатныхъ нахлѣбниковъ двора, какъ ждали этого послѣдніе,—несправедливо навлекло на него упрекъ въ алчности къ деньгамъ и въ скряжничествѣ. Но онъ относился къ этому съ остроуміемъ и юморомъ, о которомъ разсказывалось нѣсколько грубыхъ примѣровъ.

Веспасіанъ обложилъ налогомъ даже писсуары, которые поставили въ Римѣ сукновалы. Когда сынъ его Титъ сталъ осуждать этотъ зазорный налогъ, отецъ сунулъ ему подъ носъ червонецъ, только что выплаченный кассой податныхъ сборовъ, и спросилъ, безпокоитъ-ли его запахъ. Видя въ другой разъ роскошныя похороны, онъ спросилъ о стоимости таковыхъ. Говорили о 10 милліонахъ сестерціевъ.

„Ахъ“,—воскликнулъ онъ,—„дайте мнѣ 100,000 и бросьте меня хоть въ Тибръ!“

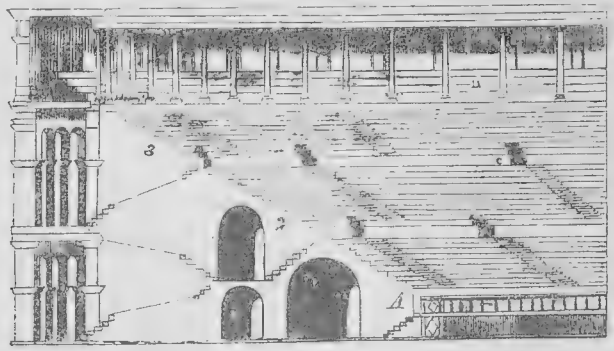
Что Веспасіанъ былъ финансовымъ геніемъ, это доказывалъ онъ на каждомъ шагу. Умѣя увеличивать государственные доходы устройствомъ многихъ новыхъ провинцій тамъ, гдѣ прежде мелкія государства подъ римскимъ верховенствомъ сохраняли тѣнь своей самостоятельности, онъ умѣлъ также извлекать выгоду и изъ возсозданія города. Онъ скупилъ массу мѣстъ для построекъ за дешевую цѣну, за которую ихъ тогда можно было имѣть, и въ болѣе выгодное время снова продавалъ ихъ участками; тѣ же мѣста, которыя не застраивались владѣльцами, онъ по-просту конфисковалъ. Граница города была расширена, и на всѣ ввозившіеся черезъ нее съѣстные припасы, кромѣ фруктовъ и овощей, наложенъ былъ высокій налогъ.

Постройки Веспасіана. Впрочемъ онъ отнюдь не былъ скрягой. Капитолій вскорѣ снова вознесся въ величественной пышности, и для украшенія стѣнъ было возстановлено, по отовсюду разысканнымъ копіямъ, свыше 3000 бронзовыхъ досокъ съ сенатскими и народными рѣшеніями за много столѣтій; Целій получилъ храмъ Клавдія. „Золотой домъ“ Нерона частью былъ сломанъ, колоссальная статуя его въ образѣ бога солнца поставлена была подъ открытымъ небомъ; на полученномъ такимъ образомъ свободномъ пространствѣ вознесся вблизи Форума великолѣпный храмъ богини мира съ собственной площадью, а далѣе къ юговостоку Флавіевъ амфитеатръ, самая величественная постройка древняго міра. Онъ вмѣщалъ 87000 зрителей и имѣетъ въ окружности 524 метра (почти $^1/_2$ версты) при $48^1/_2$ м. (159 фут.) вышины; продольный діаметръ составляетъ 188 метровъ (617 футовъ), поперечный 156 м. (512 фут.). Подъ названіемъ Колизея еще нынѣ высятся почтенныя развалины этого исполинскаго сооруженія въ четыре этажа, изъ которыхъ три первыхъ образованы аркадами съ полуколоннами дорійскаго, іонійскаго и коринѳскаго стиля, а четвертый стѣной съ окнами между коринѳскими пилястрами.

Кончина Веспасіана. Далѣе, въ качествѣ цензора Веспасіанъ очистилъ господствующія сословія отъ негодныхъ элементовъ и пополнилъ ихъ самыми видными людьми Италіи и провинцій. Къ сенату и закону онъ всю жизнь питалъ уваженіе, и трезвый разсудокъ хранилъ его отъ всѣхъ порожденій кесарскаго помѣ-

шательства. Когда онъ на 69 году своей жизни—въ первый разъ на своемъ вѣку—заболѣлъ, онъ выразился въ одинаково исполненныхъ сарказма и предчувствія словахъ: „Увы, кажется, я становлюсь богомъ“. Онъ искалъ исцѣленія на своей родинѣ, въ прохладной Сабинѣ. Но тщетно; посреди богатой дѣятельности его отозвала смерть, которую онъ встрѣтилъ на ногахъ: ибо императоръ, по его словамъ, долженъ былъ умирать стоя.

Веспасіанъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Тита и Домиціана. Ни отъ одного изъ нихъ не ждали много хорошаго. Титъ, правда, былъ надѣленъ отличными физическими и умственными дарованіями, былъ не менѣе искуснымъ фехтоваль-



Поперечный разрѣзъ Флавіева амфитеатра (Колизея).

щикомъ и наѣздникомъ, чѣмъ находчивымъ ораторомъ и стихослагателемъ, и уже при восшествіи отца своего на престолъ былъ весьма свѣдущъ въ дѣлахъ войны и мира; но о его невоздержной жизни, алчности и болѣе дурныхъ страстяхъ разсказывались нехорошія вещи. Съ другой стороны бывшій моложе его на десять лѣтъ Домиціанъ, который при Вителліѣ пользовался въ Римѣ покровительствомъ своего дяди Флавія Сабина и вмѣстѣ съ нимъ чуть-было не лишился жизни, потомъ позволялъ себѣ въ отсутствіе своего отца величайшій произволъ и даже собирался уже самъ сѣсть на престолъ, когда возвратившійся Веспасіанъ взялъ незрѣлаго юношу подъ свой непосредственный надзоръ.

ТИТЪ (79—81).

Гуманное правленіе Тита. Титъ взошелъ на престолъ, не встрѣчая противорѣчія, и въ теченіе двухъ лѣтъ своего правленія старался мягкостью, добротой и по-истинѣ отеческими заботами о странѣ разсѣять всякое недовѣріе. Вскорѣ онъ сталъ для римлянъ „любовью и утѣхой рода человѣческаго“. Онъ былъ первымъ императоромъ, который, не дожидаясь прошеній, заразъ утвердилъ всѣ бенефиціи, дарованныя его предшественниками; для него, всегда охотно внимавшаго просьбамъ бѣдствующихъ, потерянымъ былъ, какъ онъ говорилъ, тотъ день, въ который онъ не оказалъ кому-нибудь благодѣянія; во время празднованія игръ онъ охотно исполнялъ желанія публики и безстрашно вращался среди своего народа, готовый скорѣе умереть, чѣмъ погубить другихъ своею подозрительностью. Любезность его обезоруживала даже уличенныхъ бунтовщиковъ, изъ которыхъ онъ однажды двоимъ членамъ высшей знати растолковалъ незаконность ихъ покушенія, привлекъ затѣмъ къ столу, во время игръ слѣдующаго дня посадилъ рядомъ съ собой и приказалъ имъ на его глазахъ испытать оружіе гладіаторовъ. Возбудителямъ политическихъ процессовъ при немъ приходилось очень нехорошо, клеветниковъ сѣкли розгами, они предавались на аренѣ насмѣшкамъ публики и затѣмъ продавались въ рабство или заточались на суровыя скалы. Много горя причинялъ ему братъ своими честолюбивыми замыслами; тѣмъ не менѣе и по отношенію къ нему онъ не шелъ дальше ласковыхъ увѣщаній.

Титъ.
Бронзовая монета.

Его любовь къ благотворительности находила много случаевъ для своего проявленія. Онъ не довольствовался окончаніемъ начатаго его отцомъ амфитеатра и открытіемъ его 100-дневными играми, но насупротивъ него, на сводчатомъ фундаментѣ неоконченнаго исполинскаго Неронова дворца, соорудилъ, въ интересахъ народнаго здравія, обширныя бани (Thermae Titianae),

которыми онъ при случаѣ и самъ пользовался. Трехдневный пожаръ города и убійственный моръ дали ему новый поводъ залѣчивать раны, возмѣщать убытки. Самое страшное несчастіе принесло 24-е августа 79 г., когда изверженіемъ Везувія совершенно были засыпаны цвѣтущіе города Помпеи и Геркуланей (Геркуланъ), а отчасти Стабіи, и погибла масса человѣческихъ жизней. Плиній Секундъ, племянникъ пріемный сынъ естествоиспытателя тогоже имени, описываетъ намъ, какъ очевидецъ, страшное событіе, при которомъ дядя его нашелъ смерть.

Титъ.
Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Изверженіе Везувія. Писатель нашъ со своей матерью и дядей, начальникомъ императорска-

го флота, находился въ Мизенѣ, когда вдругъ раздавшіеся крики заставили ихъ выйти на улицу. Надъ Везувіемъ появилась совершенно необычайная, страшная туча, которая подобно исполинской пиніи расползлась на все небо. Дядя отправился на своемъ кораблѣ къ мѣсту страннаго явленія природы, племянникъ же остался при матери. Вскорѣ земля задрожала отъ безпрерывныхъ колебаній, послѣ чего всѣ выбѣжали изъ домовъ. Въ то-же время зловѣщая туча опустилась, окуты-

Тріумфъ Тита.
Барельефъ на внутренней стѣнѣ арки Тита.

вая все чернымъ мракомъ, котораго не могло освѣтить вспыхивавшее тамъ и сямъ пламя, и пепельный дождь увеличивалъ страхъ и горе людей, блуждавшихъ по полямъ и искавшихъ своихъ родныхъ. Когда дождь пріостановился и выступило свинцоваго цвѣта солнце, вся земля кругомъ была покрыта бѣлымъ пепломъ, подобно снѣгу. Такъ разыгралось это событіе въ пощаженномъ изверженіемъ Мизенѣ. О дядѣ своемъ Плиній узналъ слѣдующее: адмиралъ направился къ устью Сарна, но, когда дождь изъ пемзы и пепла сталъ падать гуще, онъ свернулъ въ сторону и поѣхалъ

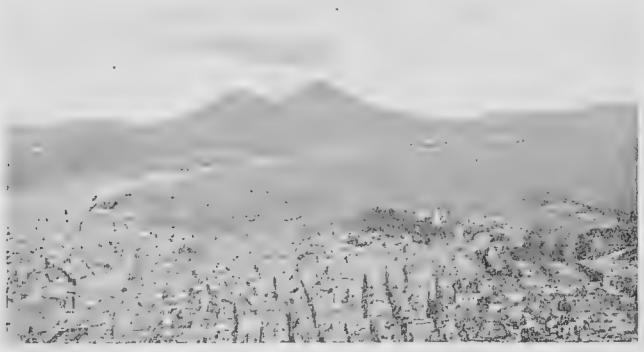
въ Стабіи. Здѣсь онъ посреди общаго бѣгства жителей спокойно оставался на мѣстѣ, пока все возвышавшійся слой пемзы и пепла не грозилъ преградить всякій выходъ, а колебавшіяся стѣны—обрушиться. На пути къ гавани, скудно освѣщенномъ факелами рабовъ, посреди общаго замѣшательства, среди бушеванія стихій онъ вдругъ повалился, задохнувшись отъ пара. Трупъ его найденъ былъ лишь на третій день: такъ долго продолжалась темнота!

Форумъ въ Помпеяхъ.

(Съ фотографіи)

Состояніе недавно раскопанныхъ развалинъ Помпей и Геркуланея подтверждаютъ это сообщеніе. Надъ Помпеями лежитъ слой приблизительно въ 4 метра вышины, внизу куски пемзы, сверху пепелъ, крѣпко склеившійся вслѣдствіе одновременно поливщихся массъ воды; надъ Геркуланеемъ лежитъ та-же масса, но по ней прошелъ еще могучій потокъ лавы, такъ что покровъ этотъ съ теченіемъ вѣковъ достигъ толщины въ 15—30 метровъ и нынѣ на немъ построенъ городъ Резина. Глубина могилы, въ которой находится Геркуланей, въ связи съ застройкой его покрова по-

ка препятствуетъ обширнымъ раскопкамъ, но съ другой стороны охранила скрытыя здѣсь сокровища отъ преждевременныхъ разысканій, и значительную часть лучшихъ своихъ предметовъ получилъ Неаполитанскій національный музей отсюда. Помпеи, напротивъ, непосредственно послѣ разрушенія порядкомъ были очищены разными личностями, имѣвшими или неимѣвшими на то право, и лишь въ Средніе вѣка память о засыпанномъ городѣ совершенно заглохла. Тѣмъ не менѣе развалины его представляютъ живую картину античной жизни и дѣятельности: эти вымощенныя большими многоугольниками изъ лавы улицы съ возвышенными тротуарами для пѣшеходовъ, эти великолѣпные дома патриціевъ



Видъ на Везувій.
(Съ фотографіи)

съ блестящими стѣнными декораціями и пестрыми мозаиками, фонтаномъ и водяными трубами въ одномъ мѣстѣ, домашней капеллой въ другомъ, эти, слѣдующія одно за другимъ, помѣщенія разныхъ назначеній, тутъ театръ, тамъ школа гладіаторовъ, тамъ арена, а тамъ бани, какъ-бы приглашающія воспользоваться ими, затѣмъ опять таверны, занятыя подъ торговыя лавки, мастерскія или трактиры, тамъ на стѣнѣ каракули какого-нибудь страстнаго избирателя, сквернаго мальчишки, и опять сукновальня, тамъ, въ узкихъ закоулкахъ, низкіе, тѣсные домишки мелкаго люда, а тамъ могильная улица со своими семейными склепами, а прежде всего рыночная площадь, вымощенная мраморообразными плитами травертина, съ цоколями изъ-подъ разбитыхъ статуй и съ храмами, портиками, зданіемъ городского управленія и другими пышными по-

стройками кругомъ нея—все это дышитъ теплой жизнью и цвѣтущей современностью, даже сохранившіеся въ крѣпко склеившемся пеплѣ отпечатки труповъ, удержавшіе тотъ моментъ, въ который умерли несчастныя жертвы послѣднихъ дней Помпей.

ТИТЪ.
Античный мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Но не однимъ уничтоженнымъ городамъ, всей Кампаніи пришлось пострадать отъ землетрясенія и пепельнаго дождя. Титъ учредилъ изъ бывшихъ консуловъ комитетъ по оказанію помощи пострадавшей области и предназначилъ многочисленныя вымороченныя имѣнія для вспомоществованія бѣдствующимъ общинамъ, независимо отъ того, что́ дѣлалъ онъ лично для нихъ, утѣшая и помогая имъ.

Смерть Тита. Смерть положила ранній конецъ его дѣятельности. Схваченный лихорадкой, онъ поспѣшилъ въ свою сабинскую деревню; здѣсь умеръ онъ въ той-же самой усадьбѣ, въ которой сомкнулъ свои вѣжды отецъ его, на третьемъ году своего правленія, громко оплакиваемый сенатомъ и народомъ.

ДОМИЦІАНЪ.
(81—96).

ДОМИЦІАНЪ опирается противъ сената на войско и народъ. Домиціанъ достигъ цѣли своего безпредѣльнаго честолюбія. Впрочемъ начало его правленія было хорошо, хотя онъ своимъ безпристрастнымъ правосудіемъ и безпощаднымъ надзоромъ за чиновниками въ городѣ и провинціи и задѣвалъ знать за живое. Сенатъ, пріобрѣтавшій при его предшественникахъ все большее значеніе, началъ оказывать ему хотя и не открытое, но зато тѣмъ болѣе непріятное пассивное сопротивленіе. Чтобы сломить послѣднее, императоръ вмѣстѣ съ пожизненной цензурой захватилъ право въ любое время опредѣлять по собственному усмотрѣнію составъ сената; самыхъ опасныхъ лицъ онъ казнилъ, среди нихъ своего двоюроднаго брата Флавія Сабина.

Домиціанъ.
Серебряная монета.

Отсюда и его стремленіе привязать къ себѣ войско и народъ. Онъ повысилъ жалованье солдатамъ, часто раздавалъ деньги гражданамъ и устраивалъ блестящія игры съ новыми развлеченіями, часто и съ роскошными пирами, на которыхъ онъ самъ первый начиналъ ѣду; кромѣ того, онъ увеличилъ число праздниковъ.

Онъ старался также усилить блескъ своего правленія постройками. Вѣроятно при немъ сооружена была нынѣ еще существующая арка Тита; онъ возстановилъ уже сгорѣвшій опять Капитолій, построилъ нѣсколько храмовъ, форумъ, названный позднѣе

именемъ Нервы, на Марсовомъ полѣ стадій и примыкавшій къ нему одеонъ, т.-е. крытый театръ и концертный домъ, а также навмахію на Тибрѣ.

Походы въ Британіи, на Рейнѣ, на Дунаѣ. Больше всего стремился онъ къ военнымъ лаврамъ, и тѣмъ болѣе, что Веспасіанъ и Титъ нарочно отказывали ему въ нихъ. А тѣхъ лавровъ, которые стяжали ему его генералы, ему было недостаточно. Ю л і й Аг р и к о л а, намѣстникъ Британіи, возобновилъ тамъ завоевательную политику, покорилъ сперва гористый западъ страны вмѣстѣ съ островомъ Моной (Anglesea), религіознымъ центромъ британскаго народа, затѣмъ сѣверъ до Firth of Clyde и Firth of Forth и хорошимъ управленіемъ упрочилъ римское владычество. Дальнѣйшимъ планамъ превосходнаго намѣстника отозваніе его въ 85 г. положило предѣлъ, котораго и впослѣдствіи не переступали на продолжительное время; шотландскія горы и Ирландія, населенныя иноязычнымъ кельтскимъ племенемъ, остались свободными.

Д о м и ц і а н ъ
Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Походъ въ Германію возбуждалъ честолюбіе императора больше, чѣмъ всякій другой. Поэтому онъ среди мира вторгся во главѣ верхнегерманскихъ легіоновъ

въ землю хаттовъ, опустошилъ ее и отодвинулъ имперскую границу насупротивъ Майнца приблизительно до мѣстности нынѣшнихъ городовъ Фульды и Герсфельда. Рядъ небольшихъ крѣпостей позади политической границы обезпечилъ новое завоеваніе отъ нападеній германцевъ. Домиціанъ же принялъ гордый титулъ Германика.

Дакъ.
Бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Вѣроятно въ связи съ упомянутымъ укрѣпленіемъ Таунуса и долины Майна и „десятинная земля“ лучше была защищена крѣпостцами, а „Флавіевы жертвенники“ у истоковъ Неккара, возлѣ нынѣшн. Rottweil, вѣроятно должны были образовать религіозный центръ предназначавшихся для романизаціи областей.

Больше хлопотъ, чѣмъ прирейнскія границы, причинили Домиціану варвары на нижнемъ Дунаѣ. Тамъ, въ нынѣшней Валахіи и въ Семиградіи, сидѣли даки, большое ѳракійское племя, а къ западу отъ нихъ между Дунаемъ и Тиссой языги, сарматское пастушеское и наѣздническое племя. У даковъ уже со временъ Кесаря были въ ходу объединительныя стремленія, и въ это время царь Децебалъ вновь взялся за это дѣло. Но созданіе Великой Дакіи включило-бы въ нее отнятыя римлянами области къ югу отъ Дуная и сдѣлало-бы неизбѣжной войну съ Римомъ. Децебалъ орга-

пизовалъ войско на римскій ладъ и заключилъ союзы съ сосѣдними язычами, но также и съ далекими маркоманнами и парѳянами Затѣмъ онъ напалъ на римскую Мёзію. Когда намѣстникъ провинціи палъ въ бою, явился самъ Домиціанъ съ арміей. Но генералъ, который переправилъ ее черезъ Дунай, проигралъ битву съ даками и самъ погибъ въ ней, а когда преемникъ его снова загладилъ это пораженіе, онъ уже не имѣлъ возможности использовать побѣду. Ибо тѣмъ временемъ самъ императоръ потерпѣлъ пораженіе отъ маркомановъ, а язычи оцѣпили и перебили у него одинъ легіонъ. Съ перепугу Домиціанъ предложилъ миръ. Децебалъ отказался отъ праваго берега Дуная, но получилъ отступное въ видѣ денежной суммы, которая должна была уплачиваться ему ежегодно. Съ трудомъ только скрыли позоръ этого мира на тріумфѣ въ Римѣ.

Римлянка временъ Флавіевъ.
Статуя въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Кончина Домиціана. Хотя это точно неизвѣстно, но слѣдуетъ предположить, что случившееся въ это время возстаніе верхнегерманскихъ легіоновъ подъ начальствомъ Антонія Сатурнина находилось въ связи съ вышеупомянутыми событіями. Впрочемъ оно было скоро подавлено, такъ какъ вздувшіяся волны Рейна удержали хаттовъ, союзниковъ мятежниковъ, на томъ берегу рѣки.

Тѣмъ не менѣе Домиціанъ увидѣлъ свое положеніе потрясеннымъ, и манія величія, въ которой онъ выросъ и титуловалъ себя „господиномъ“ и „богомъ“, заставляла его еще сильнѣе чувствовать всякую нападку на его особу. Вскорѣ снова стало процвѣтать ремесло доносчиковъ; съ кровавой жестокостью пре-

слѣдовалъ онъ всѣхъ, кто заподозрѣвался въ соучастіи въ возмущеніи. Къ этому присоединялась пустота государственной казны въ связи съ необходимостью платить солдатамъ повышенное жалованье. За всѣмъ этимъ онъ забывалъ воздержность, отличавшую начало его правленія, и позволялъ себѣ, при помощи обвиненій и другихъ законныхъ съ виду средствъ, самыя скверныя посягательства на частную собственность. Никто уже не былъ увѣренъ въ безопасности своей жизни и своего имущества, тѣмъ болѣе, что коварный тиранъ съ особенной ласковостью завлекалъ свои жертвы въ западню.

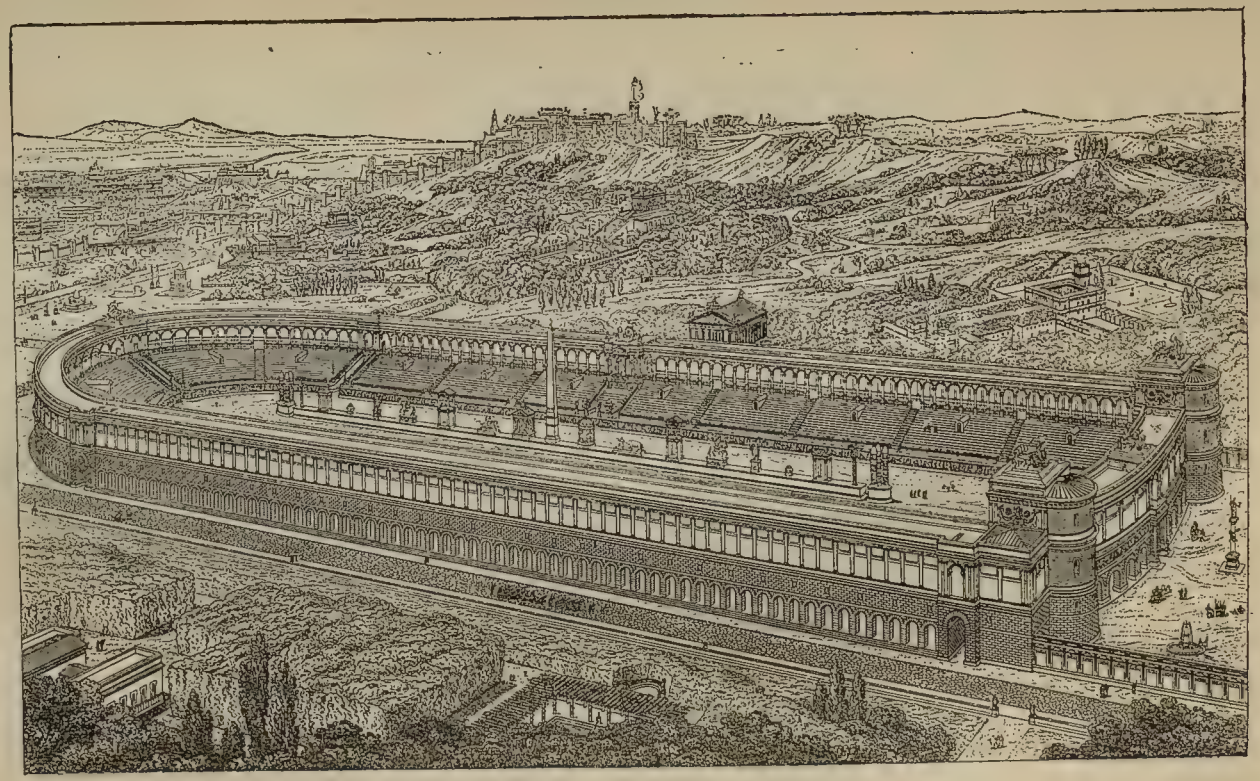
При такихъ обстоятельствахъ дворцовый заговоръ, во главѣ котораго стояла сама императрица Домиція, 18 сент. 96 г. положилъ кинжаломъ конецъ его безумному неистовству.

И Г Р Ы.

ЦИРКЪ.

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ долина между отлогими склонами холмовъ уже грекамъ издавна представлялась самой цѣлесообразной мѣстностью для устройства ипподрома или стадія. Въ Римѣ этимъ требованіямъ лучше всего отвѣчала длинная, узкая долина, простирающаяся отъ сѣверозапада на юговостокъ между параллельными склонами Палатина и Авентина. Здѣсь и лежалъ знаменитый на весь міръ Circus Maximus, гордость римлянъ. Отъ основанія города здѣсь на благодарственномъ праздникѣ жатвы происходили состязанія въ верховой ѣздѣ въ честь древнеталійскаго бога жатвъ Конса (Т. I, стр. 301). Въ качествѣ зрителей приглашались сосѣди; вѣдь извѣстное похищеніе сабинянокъ разыгралось, по преданію, по случаю этихъ Консуалій. Посвященный Консу жертвенникъ былъ помѣщенъ, при постройкѣ цирка, въ юговосточной части арены.

Съ теченіемъ вѣковъ циркъ, утратилъ свое естественное расположеніе и мѣста, преобразовался при помощи искусства въ одну изъ великолѣпнѣйшихъ построекъ Рима. Вначалѣ зрители располагались на дернѣ по склонамъ обоихъ холмовъ. Когда же количество игръ увеличилось, стала сказываться потребность въ болѣе удоб-



Видъ цирка Калигулы и Нерона въ Римѣ по Durm'y.

ныхъ мѣстахъ для сидѣнья. По преданію, Тарквиній Старшій раздѣлилъ мѣста для зрителей на 30 отдѣленій, соотвѣтственно числу курій, и разрѣшилъ сооруженіе деревянныхъ трибунъ. Деревянныя постройки съ теченіемъ времени превратились въ каменныя. Матеріалъ становился все дороже: на мѣсто туфа, который употреблялъ Г. Юлій Кесарь, во времена императоровъ явился мраморъ, къ цвѣтной окраскѣ присоединились бронзовыя украшенія и позолота. Главнѣйшая отстройка цирка окончена была Кесаремъ. Реставраціи его послѣ пожаровъ, произведенныя императорами Клавдіемъ, Нерономъ и Траяномъ, связаны были, правда, со всяческими новыми украшеніями и расширеніями его, но главное его расположеніе оставлялось неизмѣненнымъ.

Постараемся теперь прежде всего представить себѣ картину этого грандіознѣйшаго изъ цирковъ всѣхъ временъ.

Арена цирка имѣетъ форму романскаго полукруглаго окна. У обѣихъ продольныхъ сторонъ и у полукруга поднимаются до значительной высоты амфитеатральные ряды сидѣній, а обращенная на сѣверозападъ база занята загородками (carceres), изъ которыхъ выбѣгали колесницы. Арена по направленію продольнаго сѣченія раздѣлена каменной стѣнкой (spina = хребетъ) на двѣ равныя половины. Эта стѣнка, однако, короче продольнаго сѣченія и концами своими отдалена на доброе разстояніе какъ отъ полукружія, такъ и отъ выше указанныхъ загородокъ. На продольномъ сѣченіи противъ каждаго конца spinae находятся большія ворота, изъ которыхъ одни дѣлятъ на двѣ равныя части полукругъ, а другія—carceres.

Послѣ этого общаго очерка разсмотримъ подробнѣе отдѣльныя части, ихъ особое устройство и ихъ назначеніе.

Важнѣйшею, хотя и самой невзрачною частью цирка была а р е н а, песчаная площадь, на которой происходили бѣга и другія зрѣлища. Площадь была горизонтальна и совершенно ровна. Песокъ, который во время перерывовъ выравнивался негритёнками, предназначался, подобно дерновому грунту на нашихъ скачкахъ, преимущественно для ослабленія удара лошадиныхъ копытъ, которыя въ тѣ времена всегда были не подкованы. Для достиженія особыхъ цвѣтныхъ эффектовъ, устроители праздника иногда посыпали площадь краснымъ сурикомъ, мѣдной зеленью или осколками слюды. Вокругъ ристалища, длина кото-

раго составляла 650 метровъ (305 сажен.), за исключеніемъ поперечной стороны, гдѣ находилось carceres, шла канава (euripus) въ 3 метра (10 футовъ) ширины и глубины, которая отдѣляла арену отъ мѣстъ для сидѣнья и имѣла цѣлью предохранить зрителей отъ опасности, угрожавшей имъ отъ дикихъ животныхъ, и среди знойныхъ лучей южнаго солнца распространять освѣжающую прохладу. Когда при Неронѣ большой пожаръ въ 63 г. почти совершенно разрушилъ циркъ, въ которомъ онъ вспыхнулъ, то при новой его постройкѣ канава была засыпана и добытое такимъ образомъ пространство было употреблено для увеличенія числа мѣстъ для публики.

Spina имѣла цѣлью раздѣленіе арены на два особыхъ, смежныхъ ристалища въ предупрежденіе того, чтобы колесницы изъ одного ристалища не сворачивали на другое. Вышина ея составляла приблизительно $1^1/_2$ метра (5 фут.), ширина 6 м. (20 фут.). По срединѣ ея былъ промежутокъ, на которомъ возвышался жертвенникъ. Съ теченіемъ времени spina все пышнѣе отдѣлывалась украшеніями. Самая стѣнка состояла изъ мраморныхъ четыреугольныхъ плитъ, на ней воздвигались статуи боговъ, такъ напр. изображеніе сидящей на львѣ „великой матери“ Кибелы, возвышались изящные храмы и, подобнымъ-же образомъ, какъ и въ большомъ ипподромѣ въ Олимпіи, на обоихъ концахъ стѣнки находилось по высокой колоннѣ съ богиней побѣды, держащей въ лѣвой рукѣ пальмовую вѣтку, а правой точно подающей будущему побѣдителю побѣдный вѣнокъ. На каждомъ концѣ стѣнки устроено было остроумное приспособленіе, благодаря которому состязавшіеся въ бѣгѣ и зрители легко могли узнать, сколько изъ семи объѣздовъ уже совершено. Здѣсь покоились семь большихъ яицъ на мраморныхъ балкахъ съ колоннами, тамъ, на подобномъ же фундаментѣ, семь дельфиновъ, извергающихъ воду въ бассейнъ, устроенный въ spina. Всякій разъ, какъ передняя колесница кончала одинъ объѣздъ, снималось по яйцу. Какая соотвѣтствующая перемѣна происходила съ дельфинами, намъ неизвѣстно. Дельфины и яйца выбраны были съ намекомъ на цирковыя божества Нептуна и Діоскуровъ. Но главное украшеніе составляли тѣ два огромныхъ обелиска, изъ которыхъ одинъ поставленъ былъ здѣсь Августомъ, а второй, еще болѣе высокій, Константіемъ. Оба и нынѣ еще служатъ украшеніемъ римскихъ площадей.

Передъ каждымъ изъ двухъ концовъ spinae, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ нея, расположено было массивное каменное полукружіе, круглой стороной наружу. Оно казалось точно отрѣзаннымъ отъ spina и немного отъ нея отодвинутымъ. Эти полукруглыя части spinae колесницы огибали сколь возможно короткой дугой. На округленныхъ наружныхъ сторонахъ ихъ вѣроятно немало было видно царапинъ отъ удара ступицъ. Съ полнымъ правомъ можно спросить себя, почему не округлялись концы самой spina, а создавались эти полукруглыя части на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что здѣсь были оба опаснѣйшихъ мѣста всего ристалища. Промежутокъ между концомъ spina и полукруглой частью представлялъ для тѣхъ, кто здѣсь терпѣлъ крушеніе, временное убѣжище отъ мчавшихся за ними колесницъ. Здѣсь вѣроятно были поставлены и люди, которые могли оказать имъ первую помощь и убрать обломки ихъ колесницы. Транспортъ несчастныхъ черезъ широкое ристалище къ внѣшнему краю арены отнялъ бы слишкомъ много времени, помѣшалъ бы бѣгу. Какъ на самую spina, такъ и на эти передовые полукруги извнутри вели лѣстницы. Каждый изъ нихъ украшенъ былъ тремя конически заостренными колоннами. Эти колонны, первоначально деревянныя, а со временъ Клавдія бронзовыя позолоченныя, позволяли возницамъ уже издали отличать опасную цѣль, къ которой они должны были направляться. Всю полукружную базу съ колоннами римляне называли meta (metiri, мѣрить); ибо разстояніе этихъ двухъ пунктовъ другъ отъ друга опредѣляло длину ристалища.

Замыкавшіе сѣверную поперечную сторону carceres (загородки, стартовыя стойла) были сводчатые сараи, построенные въ 330 г. до Р. Хр. изъ туфа, а при реставраціи при императорѣ Клавдіѣ изъ мрамора. Такъ какъ нерѣдко запрягалось семь или еще больше лошадей рядомъ, то загородки эти должны были быть довольно широкими. Онѣ были отдѣлены другъ отъ друга стѣнками. Выходившіе на арену простѣнки украшены были гермами. Двустворчатыя желѣзныя рѣшетчатыя ворота закрывали выходы на ристалище. Остроумный механизмъ позволялъ одновременно открывать ворота такимъ образомъ, что посредствомъ одного каната всѣ запоры (repagula) отодвигались въ одинъ и тотъ же моментъ. Число carceres доходило до восьми, позднѣе,

быть можетъ со временъ Домиціана, до двѣнадцати. Они были равномѣрно распредѣлены по обѣимъ сторонамъ большихъ входныхъ воротъ, значитъ по четыре или по шести съ каждой стороны. Carceres лежали не по прямой линіи, но дугою, изогнутой наружу. Такъ какъ дуга эта, съ математической точки зрѣнія, описана была вокругъ точки, лежавшей справа отъ продольнаго сѣченія цирка, то она была расположена симметрично со всей постройкой, но обращена болѣе къ правой половинѣ ристалища, ибо въ послѣдней начинались бѣга. Вслѣдствіе этого правая продольная сторона цирка была длиннѣе лѣвой. Условія для старта этимъ простымъ, но остроумнымъ способомъ были сравнены.

На сводчатыхъ потолкахъ всѣхъ сараевъ поконлась большая площадка, окруженная мраморными парапетами. Справа и слѣва отъ этой площадки возвышалось по башнѣ съ витыми лѣстницами внутри ихъ, тогда какъ на почетное мѣсто завѣдывающаго играми, расположенное по срединѣ площадки надъ главнымъ входомъ, свѣшивался богато изукрашенный, поднертый колоннами и окруженный статуями балдахинъ.

Двое большихъ воротъ, расположенныхъ другъ противъ друга, также были мраморныя и съ богатой архитектурной отдѣлкой. Вставленныя въ полукругъ ворота были тройной тріумфальной аркой, на которой красовалась четверка лошадей (quadriga). Благодарный народъ построилъ ее въ 81 г. въ честь побѣдителей евреевъ, Веспасіана и Тита.

На человѣка, который, стоя на аренѣ, поднималъ свой взоръ кверху и оглядывался кругомъ, безконечно длинные ряды сидѣній для зрителей, амфитеатрально подымавшіеся до значительной высоты, должны были производить прямо-таки поражающее впечатлѣніе. Самые нижніе, расположенные возлѣ арены ряды предоставлены были сенаторамъ, слѣдующіе за ними — всадникамъ. Здѣсь все сіяло и блистало великолѣпіемъ мрамора, бронзы и золота. Статуи боговъ и императоровъ вносили сюда извѣстное разнообразіе.

Второй этажъ, отдѣленный отъ мѣстъ привилегированныхъ сословій широкимъ поясомъ (praecinctio, balteus=поясъ), предназначенъ былъ для массы остальныхъ зрителей изъ гражданъ. Расположенный высоко надъ ареной и на большомъ отъ нея отдаленіи третій этажъ, въ которомъ тѣснился бѣднѣйшій слой населенія,

былъ деревянный и потому неоднократно дѣлался добычей пламени. Случались и провалы вслѣдствіе слишкомъ большого скопленія зрителей; при Діоклетіанѣ погибло при этомъ будто бы 13,000 человѣкъ. Такъ какъ мѣста для зрителей при императорахъ все болѣе расширялись пристройками, то и количество людей, которое они могли вмѣщать, разросталось до громадныхъ размѣровъ. Во времена Кесаря, общая окружность цирка составляла $1^1/_2$ километра, такъ что для обхода его понадобилось-бы 20 минутъ; вмѣщалъ онъ 150,000 человѣкъ. Это число уже при Веспасіанѣ возросло до 250,000, а въ IV вѣкѣ до 385,000.

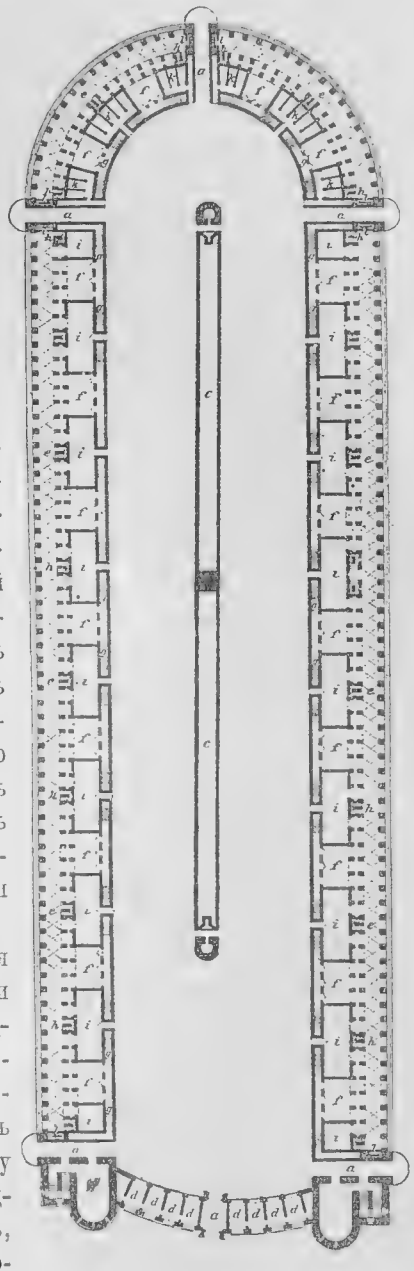
Мѣсто для императора и его фамиліи находилось на сенаторской галереѣ. Августъ, а послѣ него и другіе императоры устраивали себѣ тамъ ложу (pulvinar), чтобы избѣгнуть назойливыхъ взоровъ публики. Траяна хвалитъ Плиній Младшій за то, что онъ удалилъ эту ложу и далъ гражданамъ возможность лицезрѣть его.

Особое мѣсто имѣли и судьи. Отъ внутренней, т.-е. ближайшей къ carceres, meta была, перпендикулярно къ лѣвой продольной сторонѣ, проведена по землѣ бѣлая черта (calx, creta). Тамъ, гдѣ черта эта, соотвѣтствующая „побѣдному столбу“ нашихъ ипподромовъ, доходила до мѣстъ для зрителей, находился „tribunal judicum, qui praesident ad cretam“ (мѣсто для судей, которые сидятъ у мѣловой черты).

Вся огромная тяжесть сидѣній поддерживалась тремя этажами равномѣрно расчлененныхъ крѣпкихъ арокъ. Такъ какъ поперечный разрѣзъ всей этой амфитеатральной постройки слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ прямоугольнаго треугольника, основаніемъ котораго служитъ одинъ катетъ, то ясно, что аркады въ нижнемъ этажѣ были глубже и просторнѣе верхнихъ. Всегда по два смежныхъ сводчатыхъ помѣщенія сдавались внаймы подъ бани, буфеты и т. п., тогда какъ третье всякій разъ служило входомъ и заключало въ себѣ лѣстницы, которыя вели, попеременно, къ вышеупомянутымъ широкимъ ходамъ между различными этажами мѣстъ для публики. Римлянинъ весьма мѣтко называлъ эти входы, которые одновременно служили и выходами, vomitoria (vomere—извергать), потому что по окончаніи цирка тѣсная толпа зрителей точно извергалась изъ темной пасти.

Получивъ представленіе объ огромной постройкѣ, о которой

младшій Плиній говоритъ, что она, „достойное мѣстопребываніе господствующаго надъ міромъ народа, соперничаетъ съ красотой храмовъ“, и о ея главнѣйшихъ частяхъ, мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію зрѣлищъ, предлагавшихся публикѣ въ циркѣ. Хотя они были разнообразнаго рода, но мы здѣсь ограничиваемся тѣми, которыя частотой и популярностью своею превосходили всѣ другія, т.-е. состязаніями въ бѣгѣ на колесницахъ. Къ нимъ жадный до зрѣлищъ Римъ относился съ самымъ страстнымъ интересомъ; они почти въ теченіе тысячелѣтія занимали самое широкое мѣсто на многихъ общественныхъ празднествахъ. Итакъ, намъ ближайшимъ образомъ придется заняться римскими бѣгами.



Цирк Каллигулы и Нерона въ Римѣ.
План нижняго этажа, по Durm'y.—*a*. Входы на арену.—*c*. Стѣны spinae.—*k*. Carceres.—*f*. Преддверія къ cavea fer.—*k*. Клѣтки для звѣрей.

Въ доброе, старое время римскіе граждане считали еще за честь въ день праздника капитолійскихъ боговъ самимъ сѣсть на бѣговую колесницу и погнать пару лошадей по песчаному ристалищу. Законъ Двѣнадцати таблицъ постановлялъ, что побѣдный вѣнокъ, по-

лученный на такомъ состязаніи въ бѣгѣ, долженъ класться вмѣстѣ съ покойникомъ на погребальныя носилки, какъ почетный знакъ отличія. Тогда и время бѣговъ на колесницахъ было ограничено однимъ часомъ. Это перемѣнилось уже въ послѣднія времена республики. Мысль, что такими состязаніями чествуются боги, отступила на задній планъ. Торжественная процессія (pompa), въ которой до начала игръ везлись изображенія боговъ на особыхъ колесницахъ (tensae) по ристалищу, при перемѣнномъ одобреніи толпы зрителей, наконецъ стала считаться нежелательной задержкой болѣе интересныхъ бѣговъ. Игры принимали, такъ-сказать, все болѣе свѣтскій характеръ и, чѣмъ чаще онѣ устраивались, тѣмъ болѣе давали опѣ все новую пищу ненасытной жаждѣ зрѣлищъ. Вмѣстѣ съ этимъ выступленіе на ристалищѣ перестало быть честью. Видный гражданинъ считалъ ниже своего достоинства удовлетворять исключительно жажду зрѣлищъ публики, собравшейся изъ всѣхъ слоевъ населенія, и охотнѣе предоставлялъ дѣло возницы рабамъ и вольноотпущенникамъ, которые своей ловкости въ этомъ искусствѣ были обязаны свободой. Время, отведенное бѣгамъ, возрастало все больше и больше: отъ десяти до двѣнадцати бѣговъ (missus) въ одинъ день, въ теченіе шести — восьми часовъ, было при императорахъ дѣломъ совсѣмъ обычнымъ. О Калигулѣ сообщается, что онъ далъ въ одинъ день двадцать бѣговъ, а въ слѣдующій даже двадцать четыре, такъ что этимъ отнятъ былъ цѣлый день съ ранняго утра до вечера. И число это, бывшее со временъ Нерона обычнымъ, нерѣдко еще превышалось. Какъ мертвенный островъ цирка украшался все великолѣпнѣе и отдѣлывался все обольстительнѣе, такъ и устроители праздника, для обезпеченія себѣ расположенія толпы, должны были заботиться о томъ, какъ-бы пощекотать нервы зрителей все новыми сюрпризами и превзойти уже бывшее. Горе тому императору, который вздумалъ бы не внять крику черни: „Panem et circenses!“ Кромѣ ненавистника людей, Тиберія, никто не отваживался на это.

Требованій, которыя при такихъ обстоятельствахъ предъявлялись избалованной толпой къ бѣгу на колесницахъ, не могли удовлетворять ни по способностямъ, ни по числу своему люди, занимавшіеся этимъ спортомъ только какъ второстепеннымъ предметомъ, для своего удовольствія. Управленіе колесницей со всѣми

своими уловками было искусствомъ, въ которомъ надо было усердно и безпрестанно упражняться съ ранней юности; но оно было и промысломъ, приносившимъ виртуозу богатый доходъ. Съ другой стороны для бѣга на колесницахъ необходимо было такъ много людей, лошадей и колесницъ, что устроитель празднества не былъ въ состояніи выставить все это изъ собственнаго имущества. Поэтому уже въ республиканское время образовались общества состоятельныхъ людей, располагавшія большими массами рабовъ, конскими заводами и всѣми прочими потребными для бѣговъ предметами. И вотъ, когда какое-нибудь должностное лицо желало устроить на праздникѣ, даваемомъ имъ народу, бѣга на колесницахъ, то ему нужно было только войти въ сношенія съ этими обществами и уплатить требуемую сумму денегъ. Конкуренція между бѣговыми обществами стала поводомъ къ тому, что каждое выбрало себѣ особый цвѣтъ, которымъ отмѣчало свои упряжки. Изъ-за своей конкуренціи общества эти назывались партіями (factiones). Заправилы обществъ (domini factionum) принадлежали обыкновенно къ сословію всадниковъ, въ рукахъ котораго вообще находились всѣ крупныя предпріятія. Первоначально — мы не знаемъ, съ какихъ поръ — по цвѣту различались только бѣлая и красная партія (factio albata и factio russata). Въ началѣ императорскаго періода появились кромѣ того Зеленые (factio prasina) и Голубые (factio veneta), и они вскорѣ опередили старшія партіи, пока послѣднія, наконецъ, не соединились съ ними, не отказываясь однако отъ своихъ цвѣтовъ. Золотая и пурпуровая партіи (factio aurea и factio purpurea), которыя ввелъ Домиціанъ, кажется, влачили только кратковременное существованіе

Это повидимому невинное, внѣшнее средство, придуманное партіями для различенія своего персонала и своихъ упряжекъ, въ продолженіе всего послѣдующаго императорскаго періода—а въ Константинополѣ до девятаго вѣка — оказывало на все населеніе удивительное вліяніе, разжигая страсти часто до озлобленія и ожесточенія. Дѣло въ томъ, что послѣ введенія цвѣтовъ, которые заинтересовывали даже несвѣдующаго въ спортѣ профана, партійность не ограничивалась бѣговыми обществами, но сообщалась и посѣтителямъ цирка, а наконецъ и всему населенію Рима, разбивая его отъ императора и до послѣдняго раба на столько-

же лагерей, сколько было партій. Ничто не бросаетъ столь яркаго свѣта на нравственное вырожденіе, умственный застой и политическую обезличенность римскаго народа тѣхъ вѣковъ, какъ это единственное въ жизни народовъ явленіе. Самъ по себѣ совершенно безразличный для государственной жизни фактъ, побѣда цирковаго возницы на играхъ, раздувался въ наиважнѣйшее государственное событіе и производилъ больше впечатлѣнія на болѣзненные умы, чѣмъ самая блестящая побѣда храбраго легіона надъ варварами, потрясавшими границы государства. Вопросъ, побѣдили-ли Зеленые или Голубые, заставлялъ отступать на задній планъ всѣ другіе интересы и убивалъ благородныя чувства набожности, любви къ отечеству, дружбы и семейственности. Несмотря на дикіе, даже кровопролитные безпорядки, ареной которыхъ былъ циркъ чаще всѣхъ другихъ зрѣлищъ, императоры, даже самые лучшіе, питали эти для насъ почти непонятныя страсти, радуясь, что послѣднія разыгрывались на неопасномъ для нихъ поприщѣ. Впрочемъ, во время пресловутаго мятежа, который вспыхнулъ въ 532 г. послѣ Р. Хр. въ Константинопольскомъ ипподромѣ и стоилъ жизни 30,000 человѣкъ, императоръ Юстиніанъ чуть-было не лишился трона и жизни.

Для бѣговыхъ обществъ важнѣе всего было залучить на свою службу самыхъ удачныхъ возницъ. Къ обществу, ставившему самыя заманчивыя условія, стекалось всего больше охотниковъ и совсѣмъ обычнымъ былъ тотъ фактъ, что возницы мѣняли свои цвѣта. Какъ уже сказано было выше, возницами (agitatores, aurigae) были рабы или вольноотпущенники; но промыселъ ихъ не считался нечестнымъ, какъ актёрскій или гладіаторскій. По большей части они уже мальчиками обучались у учителя ѣзды. Успѣшно выступивъ съ парой лошадей, они потомъ брались за все болѣе трудныя задачи и запрягали въ свою колесницу 3, 4, 6, 7, даже 8 и 10 лошадей. Выступая на аренѣ, они одѣвались только въ тунику цвѣта своей партіи. На груди и животѣ туника была обтянута многочисленными кожаными ремнями, такъ что получалось нѣчто въ родѣ упругаго панцыря. Въ эти ремни засовывался ножъ, которымъ въ случаѣ нужды они могли перерѣзать возжи. Ибо такъ какъ возницы пропускали себѣ возжи вокругъ туловища, чтобы онѣ не могли ускользнуть изъ рукъ, то при паденіи имъ грозила опасность быть поволокнутыми по

землѣ. Кто читалъ „Электру“ Софокла, тотъ вспомнитъ захватывающій разсказъ посланца, по которому Орестъ погибъ такимъ ужаснымъ образомъ при празднованіи Пиѳійскихъ игръ. На головѣ возницы носили кожаную шлемообразную шапку, на ногахъ сандаліи. И голени на сохранившихся изображеніяхъ порою являются обмотанными ремнями. Въ лѣвой рукѣ они держали часто многочисленныя возжи, въ правой—кнутъ. За опасность своего занятія они щедро вознаграждались. Искусные возницы, благодаря частотѣ своихъ побѣдъ, могли нажить значительное состояніе, хотя отъ назначенныхъ для бѣговъ и ими выигранныхъ призовъ они получали лишь извѣстный процентъ изъ рукъ своей партіи, въ кассу которой шелъ выигрышъ. Какъ сообщаютъ посвященныя имъ надписи, многіе одержали свыше 1000 побѣдъ — они тогда назывались miliarii—и тѣмъ доставили бѣговой кассѣ призы въ общемъ на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Сюда присоединялись подарки въ видѣ денегъ, золотыхъ и серебряныхъ вѣнковъ, драгоцѣнныхъ одеждъ, вручавшіеся имъ устроителемъ праздника или другими покровителями. Идеальный побѣдный призъ (brabeum) состоялъ въ пальмовой вѣткѣ или въ зеленомъ вѣнкѣ. Герои ристалища были любимцами публики; они обоготворялись приверженцами своей партіи и осыпались одобреніями, прославлялись поэтами, увѣковѣчивались въ видѣ драго-

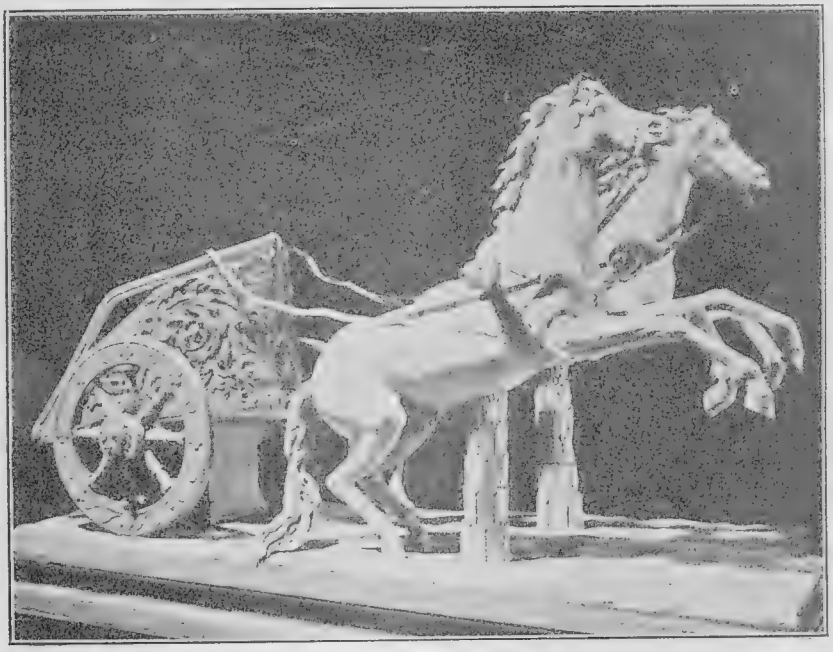
Возница.
Античная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

цѣнныхъ статуй; для всего Рима они и ихъ лошади составляли предметъ усерднѣйшаго разговора.

Такъ какъ спросъ на породистыхъ бѣговыхъ лошадей — не только для Рима, но и для ипподромовъ многихъ другихъ городовъ—былъ чрезвычайно великъ, то коннозаводство достигло могучаго подъема. При высокой цѣнѣ, уплачивавшейся за хорошую бѣговую лошадь, для крупнаго землевладѣльца устройство конскихъ заводовъ было очень доходной статьей. Но не всякая мѣстность пригодна для коннозаводства въ большомъ масштабѣ. Въ Италіи этой цѣли превосходно отвѣчали обширныя пастбища Калабріи и Апуліи. Гирпинскіе кони были особенно знамениты. Но метрополія не могла болѣе удовлетворять спросъ; лошадей выписывали изъ провинцій, наконецъ—даже изъ самыхъ отдаленныхъ, не страшась издержекъ и затрудненій продолжительной морской перевозки, не всегда благопріятной для лошадей. Сицилія, нѣкогда „житница Рима“, уже въ началѣ императорскаго періода превратила свои плодоносныя поля въ великолѣпныя пастбища для высокоцѣнимыхъ бѣговыхъ лошадей. Въ Греціи ѳессалійская равнина искони имѣла репутацію превосходнаго коннозаводства. Берберскіе жеребцы съ сѣвернаго побережья Африки уже во время процвѣтанія Греціи часто брали олимпійскія пальмы. Въ III и IV вѣкахъ по Р. Хр. предпочтеніе отдавалось каппадокійскому и испанскому коннозаводству. Посредствомъ случки побѣдоносныхъ жеребцовъ и кобылъ старались, какъ и нынѣ еще, все болѣе улучшить результаты коннозаводства. Завсегдатай цирка, кромѣ именъ лошадей, могъ перечислить ихъ лѣта, ихъ родословное древо и ихъ побѣды.

Бѣговая лошадь должна была быть по меньшей мѣрѣ трехъ лѣтъ, прежде чѣмъ она безъ вреда для себя могла выдерживать предназначенныя ей исполинскія напряженія. Пространство, которое приходилось на бѣгахъ пройти быстрѣйшимъ аллюромъ, исчисляется въ 8 километровъ. У насъ дистанція въ 2,500 метровъ для лошадей отъ двухъ до трехъ лѣтъ является максимумомъ, тогда какъ старшимъ даютъ, правда, 4—7 килом. Лошадь, одержавшая 100 побѣдъ, называлась centenarius. Въ надписяхъ упоминаются лошади, которыя, какъ Tuscus, приходили первыми къ цѣли 386 разъ или даже, какъ Victor, 429 разъ. По вычисленію Густава Фрейтага, лошади эти должны были бѣжать отъ

1,600 до 1,700 разъ, всего значитъ прошли въ бѣгѣ 13,000 километровъ! Это заставляетъ предполагать у этихъ породъ необычайную выносливость. Естественно, какъ разведеніе, такъ и уходъ за этими благородными животными отличались мелочной тщательностью и любвеобильнымъ, часто нѣжнымъ къ нимъ отношеніемъ, которое иногда, правда, доходило до смѣшного. Калигула, который, страдая настоящей иппоманіей, много проводилъ времени



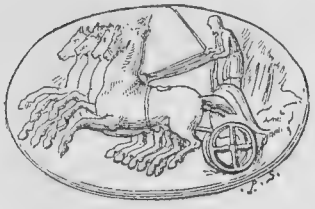
Колесница съ парой лошадей.
Античная скульптура въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

въ конюшняхъ Зеленыхъ и тамъ обыкновенно даже обѣдалъ, наканунѣ бѣгового дня охранялъ ночной покой своего знаменитаго жеребца Incitatus тѣмъ, что черезъ полицейскихъ солдатъ запрещалъ окрестному населенію, подъ страхомъ наказанія, подымать какой-бы то ни было шумъ; онъ будто бы намѣревался даже назначить этого коня консуломъ.

Конюшни всѣхъ четырехъ партій находились на сѣверной сторонѣ Капитолійскаго холма. Здѣсь вѣроятно помѣщалась и большая

часть служебнаго персонала (familia quadrigaria) обществъ, какъ то: врачи и ветеринары, учителя ѣзды, колесничные мастера, жемчужники, сапожники, портные, скороходы, водоносы и т. д.

Бѣговыя колесницы (currus) назывались по числу запряженныхъ въ нихъ лошадей парами (bigae), тройками (trigae), четверками (quadrigae), шестерками (seiuges), семерками (septemiuges) и т. д. Онѣ были крайне легки, сравнительно малы и всегда двуколесны. Колеса, обыкновенно съ четырьмя спицами, были очень низки, для того чтобы черезъ пониженіе центра тяжести затруднено было опрокидываніе колесницы, въ особенности при необходимыхъ въ циркѣ рѣзкихъ поворотахъ вокругъ meta. По той-же причинѣ оси были сравнительно длинны, какъ у нашихъ современныхъ бѣговыхъ дрожекъ, у которыхъ однако довольно высокія колеса. Тяжесть колесницы склонялась впередъ, такъ что ярмо прилегало къ зашейку дышловыхъ лошадей. Брустверъ подымался немного выше колѣнъ возницы. Послѣдній стоялъ въ лежавшей на оси части кузова, немного согнувъ колѣни, вывернувъ ноги и удерживая равновѣсіе тяжестью своего тѣла. Чтобы сдѣлать колесницу поворотливѣе, животныхъ запрягали такъ близко къ ней, что протянутыми задними ногами они почти касались передняго нижняго края колесницы. Только обѣ дышловыя лошади шли подъ ярмомъ, которое въ древности замѣняло современный хомутъ или лямку, но тѣмъ существенно отличалось отъ послѣднихъ, что прикрѣплялось къ переднему концу дышла, такъ что подъяремныя лошади тянули не за постромки, какъ нынѣ, а за широкіе ремни, шедшіе отъ ярма вокругъ шеи. Лошади запрягались не цугомъ, а рядомъ. Кромѣ двухъ подъяремныхъ лошадей, всѣ другія тянули за постромки



Возница на четверкѣ лошадей.
Изображеніе на рѣзномъ камнѣ въ Cabinet de France.

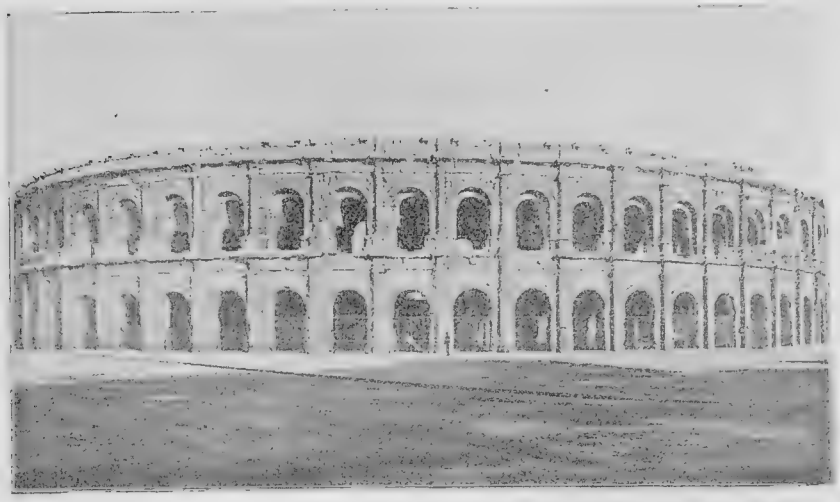
Кто сравнитъ планъ современнаго ипподрома съ планомъ античнаго цирка, тотъ легко увидитъ, что оба существенно отличаются другъ отъ друга въ одномъ пунктѣ. Именно, тогда какъ на нашихъ современныхъ ипподромахъ собственно риста-

лище, такъ-называемый кругъ, въ формѣ окружности эллипсоида окаймляетъ большую открытую площадь, не употребляемую для обыкновенныхъ бѣговъ, въ циркѣ въ распоряженіи состязающихся находится арена на всемъ своемъ протяженіи; свободное пространство, замыкаемое тамъ кругомъ, здѣсь какъ-бы съузилось въ одну линію, spina. Вслѣдствіе этого, возницы въ циркѣ, стремясь всегда ѣхать кратчайшей дорогой, должны были держаться возлѣ самой spina и у metae быть готовыми къ рѣзкимъ поворо-

Бѣгъ колесницъ.
По изображенію на рѣзномъ камнѣ.
Вверху изображена spina, стѣна, вокругъ которой колесницы должны были пробѣжать семь разъ; она украшена обелискомъ и статуей Побѣды; по концамъ ея столбы, которые приходилось огибать колесницамъ.

тамъ. Скаковыхъ препятствій въ нашемъ смыслѣ, какъ-то: загородей, рвовъ, стѣнъ, насыпей древность не знала; зато извѣстнаго рода препятствіями слѣдуетъ считать metae. Конечно, была возможность избѣжать опасности этого препятствія тѣмъ, что вокругъ него описывалась большая дуга; но выгоду безопасности приходилось оплачивать потерей времени; болѣе смѣлый и ловкій тѣмъ временемъ уходилъ впередъ. Въ способѣ огибанія metae возница могъ выказать все свое мастерство. Необходимымъ требованіемъ была полная власть надъ лошадьми. Надо было при приближеніи къ meta настолько убавить скорость, чтобы ни про-

летѣть мимо, ни опрокинуться на рѣзкомъ поворотѣ. Съ другой же стороны нельзя было дать обойти себя правому конкуренту. Другая опасность заключалась въ томъ, что колесница могла удариться о камень. Самую высшую похвалу пожиналъ тотъ, кто возможно быстрѣйшимъ темпомъ такъ близко огибалъ meta, что ступица, повидимому, касалась периферіи каменнаго полукружія. Писатели, особенно поэты, часто съ удивленіемъ упоминаютъ объ этомъ искусствѣ. Успѣхъ искуснаго объѣзда много зависѣлъ и отъ выѣзженности крайней лошади съ лѣвой стороны (называвшейся principium). Послѣдняя сперва должна была собраться съ силами, чтобы галопомъ описать короткую дугу, должна была затѣмъ оказать крѣпкое сопротивленіе центробѣжной силѣ остальныхъ лошадей и, наконецъ, по выполненіи дуги, тотчасъ-же снова перейти въ быстрѣйшій аллюръ. Поэтому на надписяхъ возницъ всегда упоминается только кличка этой лошади. Римляне, какъ и греки ѣздили на своихъ ристалищахъ всегда справа налѣво. Зоркіе наблюдатели природы, какими были древніе, они замѣтили, что для лошади галопъ справа налѣво отъ природы легче галопа слѣва направо. Которая изъ колесницъ при выѣздѣ изъ carceres первою достигала крайней meta, та вела бѣгъ и имѣла больше всего шансовъ на самое благопріятное мѣсто, т.-е. мѣсто у самой spina. Поэтому естественно, что прежде всего всѣ колесницы прямо направлялись къ крайней meta. Конечно при сильно занятомъ „полѣ“, владѣльцы лѣвыхъ мѣстъ должны были сперва описать не очень кривую, тупоугольную дугу вокругъ внутренней meta, прежде чѣмъ они могли направиться къ крайней. Зато эти мѣста вслѣдствіе выше описаннаго своеобразнаго положенія carceres ближе были къ внутренней meta, чѣмъ правая сторона oppidum'a. (Подъ послѣднимъ подразумѣвается вся постройка на базѣ цирка). Когда, по окончаніи pompae, carceres наполня колесницами, то сидѣвшій въ ложѣ надъ carceres устроитель праздника давалъ знакъ къ началу состязанія, бросивъ на арену бѣлый платокъ (mappa). Двустворчатыя ворота раскрывались и при звонкихъ звукахъ трубъ изъ темныхъ помѣщеній вылетали колесницы. Далеко вытянувъ впередъ шею, благородные бѣговые кони съ быстротой вѣтра мчались по ристалищу, подстрекаемые криками своихъ возницъ, едва касаясь земли копытами. Фронтъ колесницъ съужи-вается; начинается борьба за meta. Облако пыли слѣдуетъ за



Арена въ Нимѣ. (Съ фотографіи).

пестрой кучей колесницъ, мчащихся съ бѣшеной скоростью. Нѣкоторые выпираются въ сторону, другіе съ мудрой осторожностью придерживаютъ своихъ коней, надѣясь на конечный бѣгъ. Голубой теряетъ власть надъ своими лошадьми; широкой только дугой онъ можетъ обогнуть meta. Вопли мучительной ярости раздаются съ трибунъ, изъ устъ Голубой партіи; одни посылаютъ ему совѣты и ободряющія восклицанія, другіе разражаются ругательствами и проклятіями, тогда какъ Зеленый съ удивительнымъ спокойствіемъ и увѣренностью огибаетъ meta, почти касаясь ея, а затѣмъ во главѣ состязающихся и съ хорошимъ форомъ мчится къ другой meta, чтобы тамъ повторить свой искусный маневръ. Шумное одобреніе его партіи повышаетъ его мужество и самоувѣренность. Такимъ образомъ, среди различныхъ случайностей, шесть разъ проѣхали по ристалищу. Теперь начинается послѣдній объѣздъ. Но вотъ происходитъ неожиданный случай. Лѣвая лошадь Зеленаго, который все еще ѣдетъ первымъ, спотыкается при послѣднемъ объѣздѣ внѣшней meta, она падаетъ и остальныя три лошади нѣкоторое время волочатъ ее по землѣ. Правда, она быстро опять вскакиваетъ, пораженная кнутомъ возницы. Но прочія колесницы тѣмъ временемъ ушли впередъ и теперь, развивая наивысшую скорость и съ обильнымъ примѣненіемъ длин-

наго арапника мчатся черезъ бѣлую мѣловую линію, не огибая уже внутренней meta. Голубой побилъ своего соперника на одну голову. Его привѣтствуютъ фанфары съ высоты башенъ oppidum'a и осыпаютъ шумные аплодисменты и восторженные, ликующіе клики толпы, въ то время какъ онъ со своими дымящимися конями, покрытыми бѣлой пѣной и пылью, медленно направляется къ ложѣ устроителя праздника и, кланяясь, принимаетъ побѣдную вѣтку.

Амфитеатръ; гладіаторскія игры. Если для конныхъ состязаній въ циркѣ (ludi circenses) образцомъ, вѣроятно, послужили бѣга на греческихъ ипподромахъ, то кровавыя зрѣлища амфитеатра (munera) возникли на италійской почвѣ. Они распадаются на три вида: гладіаторскія игры, травли звѣрей и сраженія на корабляхъ.

Занесенныя въ Лаціумъ изъ Этруріи и Кампаніи, гладіаторскія состязанія (munera gladiatoria) первоначально были похоронными играми, которыя устраивались въ честь умершаго у его костра. Въ Римѣ впервые ихъ увидѣли въ 264 г. до Р. Хр., когда погребеніе Брута Перы помянуто было на бычачьемъ рынкѣ сраженіемъ трехъ паръ гладіаторовъ (называвшихся въ этомъ случаѣ bustuarii). Примѣръ этотъ вскорѣ нашелъ подражаніе, причемъ число гладіаторовъ постоянно увеличивалось. Если эти состязанія прежде были исключительно частными предпріятіями, то въ 105 г. до Р. Хр. гладіаторскія игры впервые устроены были обоими консулами этого года на казенный счетъ, вѣроятно для военныхъ цѣлей. Съ этого времени онѣ, упорядоченныя законными постановленіями, составляютъ почти регулярную часть программы римскихъ празднествъ. Во времена императоровъ число гладіаторовъ, выступавшихъ въ теченіе одного года, измѣрялось тысячами. Въ республиканское время довольствовались тѣмъ, что на какой-нибудь площади города устраивались деревянныя трибуны для зрителей. Въ 29 г. до Р. Хр. Статилій Тавръ построилъ въ Римѣ первый постоянный каменный театръ по образцу такихъ-же построекъ въ Кампаніи, гдѣ гладіаторское дѣло достигло большого процвѣтанія. При большой популярности этихъ игръ, съ теченіемъ времени почти каждый значительный городъ и въ провинціяхъ получилъ свой амфитеатръ. Сохранились еще многочисленныя развалины, въ особенности такъ-называемая арена въ Веронѣ и въ нѣсколькихъ городахъ южной Франціи, напр., въ

Нимѣ. Но всѣ постройки превзошелъ своею грандіозностью построенный императорами Флавіева дома такъ-называемый Колизей (Colosseum) въ Римѣ, исполинская развалина котораго нынѣ еще возбуждаетъ изумленіе и удивленіе созерцателя. Планъ амфитеатра можно изобразить двумя эллипсами. Меньшій эллипсъ обозначаетъ арену, въ которой происходили зрѣлища. На большемъ эллипсѣ, окружающемъ меньшій, подымается до значительной высоты наружная стѣна, расчлененная на массу аркадъ. Пространство между обоими эллипсами занято рядами сидѣній, откосомъ подымающимися отъ арены кверху и покоящимися на крѣпкихъ сводахъ. Вся исполинская постройка изрѣзана широкоразвѣтвленной системой входовъ, круговыхъ ходовъ и лѣстницъ, такъ что вся громадная масса зрителей могла двигаться легко и свободно.

Гладіаторъ.
(Самнитъ)

Гладіаторами были осужденные преступники, военнопленные, рабы или наемные люди. Несмотря на многочисленные потоки крови, ежегодно орошавшіе песокъ боевой арены, обильное пополненіе гладіаторскихъ труппъ представляло тѣмъ меньше затрудненій, что при возрастающемъ расширеніи границъ имперіи покоренные народы доставляли на арену все новыя жертвы. Побѣдоносные полководцы заботились о томъ, чтобы жадному до зрѣлищъ населенію Рима удобнымъ образомъ показано было своеобразное вооруженіе и сраженія побѣжденныхъ ими племенъ. Здѣсь выступали люди всякаго племени, всякаго возраста и пола: бѣлокурый богатырь—германецъ и татуированный дикарь Британіи рядомъ съ чернымъ мавромъ и кочевникомъ сарматскихъ степей. Тѣ, которые добровольно нанимались (auctorati) на этотъ промыселъ, считавшійся нечестнымъ, люди большей частью от-

чаянные, должны были отдать себя во власть своихъ учителей страшной клятвой, которою они обязывались „давать себя сѣчь розгами, жечь огнемъ и убивать желѣзомъ“. Хотя гладіаторы и были передъ закономъ безправными и потерявшими честь людьми, все-таки тѣ изъ нихъ, которые сражались съ искусствомъ и презрѣніемъ къ смерти, были въ большомъ почетѣ у публики, и ликующіе крики одобренія толпы соблазняли даже знатныхъ людей, даже императоровъ выступить на аренѣ. Такъ, Коммодъ, по преданію, сразился побѣдоносно не менѣе тысячи разъ. Да и дѣло это было доходное, такъ какъ побѣдители и здѣсь, какъ и въ циркѣ, вознаграждались щедро. Нельзя также забывать, что пышный видъ сверкающаго оружія и богато изукрашенныхъ доспѣховъ сильно возбуждалъ тщеславіе.

Гладіаторы, которыхъ всюду, въ особенности же въ Римѣ было великое множество, иногда вызывавшее даже опасенія, были заключены въ казармахъ, такъ-называемыхъ гладіаторскихъ школахъ. Различались императорскія и частныя школы. Раскопки въ Помпеяхъ обнаружили еще нынѣ отчетливо узнаваемые остатки гладіаторской казармы. Въ школахъ царила строгая, суровая дисциплина. Даже за маловажные проступки налагались тяжкія взысканія, въ особенности карцеръ и тѣлесное наказаніе. Только такимъ способомъ можно было сдерживать трупы дикихъ геркулесовъ. Извѣстно, какое критическое положеніе было создано побѣгомъ Спартака и его товарищей изъ Капуанской школы (стр. 73). Съ другой стороны, здоровымъ, правильнымъ образомъ жизни и обильной, хотя и не всегда вкусной пищей заботились о ихъ физическомъ благополучіи и о питаніи мускулатуры. Содержащія азотъ кушанья, разсчитанныя на настоящее откармливаніе, какъ-то: крупа, бобы и въ особенности ячмень играли главную роль въ однообразномъ спискѣ кушаній. Кромѣ того давалось много движенія. Наибольшія заботы посвящались усовершенствованію въ искусномъ фехтованіи подъ руководствомъ испытанныхъ учителей фехтованія (lanistae). Гладіаторскій способъ фехтованія перешелъ и въ армію, а техническіе термины арміи были знакомы каждому римлянину, какъ это доказываютъ многочисленныя мѣста. Послѣ того какъ новобранцы (tirones) достаточно были обучены фехтованію на деревянныхъ рапирахъ противъ чучелъ, они получали для упражненій желѣзное оружіе, которое было тяжелѣе

настоящаго боевого оружія. Лѣвая рука упражнялась одинаково съ правой. Какъ вся организація школы, такъ и рапговой распорядокъ заключенныхъ въ ней носилъ военный отпечатокъ. Благодаря успѣхамъ на аренѣ, tiro могъ подняться до чина унтеръ-офицера; онъ имѣлъ даже возможность, послѣ неоднократнаго побѣдоноснаго участія въ состязаніяхъ и при хорошемъ поведеніи, получить отъ своего хозяина палку-рапиру (rudis) въ знакъ своего увольненія отъ столь опасной службы.

Наканунѣ зрѣлища гладіаторы публично, передъ глазѣющей толпой народа, щедро и роскошно угощались пищей и питьемъ. Это былъ ихъ „вольный обѣдъ“ (libera cena), на которомъ

Бой гладіаторовъ.
По Винкельману.
Бой двухъ гладіаторовъ, вооруженныхъ круглымъ щитомъ и короткимъ мечемъ. Позади каждаго изъ нихъ lanista.

страннымъ образомъ сочетались грубая невоздержность и разнузданное веселье съ мрачными предчувствіями смерти.

Какъ бѣга на колесницахъ, такъ и гладіаторскія игры открывались помпой, pompa, шествіемъ наряженныхъ по праздничному гладіаторовъ. Съ привѣтствіемъ: „Ave Caesar, morituri te salutant!“ они останавливались предъ императорской ложей. Послѣ испытанія оружія устроителемъ праздника, прежде всего исполнялась прелюдія (prolusio) въ видѣ фиктивнаго боя тупымъ, неопаснымъ оружіемъ, а затѣмъ при зажигательныхъ звукахъ духовыхъ инструментовъ приступали къ настоящему, серьезному бою. Бились парами или кучами (catervatim). Впечатлительные зрители принимали въ боѣ

самое живое участіе, поощряли бойцовъ, выкрикивали гладіаторскія команды, гнѣвно порицали робкихъ и произносили смертные приговоры. Гладіаторъ, раненый до потери боеспособности, слагалъ щитъ и протягивалъ кверху одинъ палецъ лѣвой руки. Если публика ему благоволила, то она махала платками въ знакъ своего желанія, чтобы его уволили отъ боя; въ противномъ случаѣ, большой палецъ обращали внизъ, изображая жестъ прикалыванія. Побѣжденный безмолвно принималъ отъ своего побѣдителя смертельный ударъ. Рабы въ маскѣ этрусскаго Харона уносили трупъ на носилкахъ черезъ ворота богини смерти Либитины въ покойницкую (spoliarium), въ то время какъ побѣдитель съ сіяющимъ лицомъ махалъ поданной ему пальмовой вѣткой.

Гладіаторы не всѣ были одинаково вооружены, но съ теченіемъ времени появились разнообразнѣйшія вооруженія, частью заимствованныя у побѣжденныхъ народовъ, частью вновь придуманныя. Древнѣйшимъ родомъ вооруженія былъ самнитскій. Самниты носили на головѣ богато изукрашенный шлемъ съ забраломъ, на лѣвой рукѣ громадный, выгнутый продолговатый щитъ (scutum), на правой толсто выстеганный фехтовальный рукавъ (manica) и на лѣвой ногѣ бронзовый наножникъ. Нижняя часть туловища была, какъ у большинства прочихъ родовъ вооруженія, защищена кожанымъ кушакомъ съ фартукомъ, грудь же оставалась неприкрытой. Въ качествѣ ударнаго оружія носился короткій мечъ.

Вооруженіе рослыхъ и крѣпкосложенныхъ оракійцевъ (Thraces) имѣло много общаго съ только-что описаннымъ. Сабля (sica) впрочемъ была изогнутая, а щитъ (parma) маленькій и круглый, какой носили обыкновенно всадники.

Замѣчательной группой были Retiarii. Главное ихъ оружіе состояло въ сѣткѣ, какую они наподобіе аркана бросали на голову противника, который по большей части принадлежалъ къ другому роду оружія. Если это имъ удавалось, то они пойманному такимъ образомъ противнику наносили ударъ своимъ трезубцемъ (fuscina). Тѣло ихъ было неприкрыто, за исключеніемъ нижней части туловища и лѣвой руки, которыя были защищены какъ у самнитовъ. Мѣсто щита заступала загнутая наружу металлическая пластина, укрѣплявшаяся на лѣвомъ плечѣ.

Обыкновенно имъ противоставлялись Myrmillones, на шлемѣ которыхъ изображенъ былъ видъ рыбы, называвшейся

μορμύλος. Такимъ образомъ этотъ родъ борьбы представляется въ видѣ рыбной ловли. Мирмиллоны были тяжело вооружены и и прежде назывались Galli.

Тяжелѣе всѣхъ было вооруженіе Hoplomachi, такъ какъ послѣдніе носили и грудныя латы. Съ этими латниками трудно было справиться, и приходилось дѣлать очень мѣткій ударъ, чтобы онъ проникъ въ маленькія отверстія доспѣховъ.

Въ противоположность имъ Velites и Provocatores были легко

Бой гладіаторовъ.
Съ мозаики.
Retiarius набросилъ свою сѣтку (rete) на голову своего противника и нападаетъ на него съ своимъ трезубцемъ, единственнымъ оружіемъ, которое ему дано, тогда какъ secutor носитъ щитъ и обоюдоострый ножъ. Человѣкъ позади retiarius'a—lanista, учитель и содержатель гладіаторовъ.

вооружены; они пользовались, въ качествѣ нападательнаго оружія, главнымъ образомъ копьемъ.

Но не отсутствовали и конные бойцы. Всадники (Equites) налетали другъ на друга съ приспущеннымъ копьемъ, подобно рыцарямъ на турнирѣ. Популярнѣе всѣхъ были Essedarii, которые сражались въ боевой колесницѣ (essedum), подражая описанному Кесаремъ британскому способу боя. Подобно британцамъ и героямъ Иліады, они имѣли при себѣ въ колесницѣ и возницу. Такимъ образомъ въ ихъ способѣ борьбы сочетается искусство арены съ искусствомъ цирка, въ которомъ тоже, до постройки амфитеатровъ, порою происходили гладіаторскіе бои.

ТРАВЛИ ЗВѢРЕЙ (venationes) И СРАЖЕНІЯ НА КОРАБЛЯХЪ (naumachiae).

ВЕСЬМА нравились римлянамъ и зрѣлища рѣдкихъ, иноземныхъ животныхъ, для которыхъ рано представили удобные случаи тріумфальныя шествія. Если вспомнить о странномъ для насъ безчувствіи, какое южанинъ и нынѣ еще выказываетъ по отношенію къ животнымъ, то нетрудно будетъ понять, что зрѣлище мирно гуляющихъ по своимъ клѣткамъ животныхъ находили не достаточно оригинальнымъ; желая и здѣсь видѣть кровопролитіе, животныхъ, вѣроятно также особо пріученныхъ къ этому, натравливали другъ на друга въ аренѣ цирка или чаще амфитеатра. Первая подобнаго рода травля звѣрей устроена была въ Римѣ въ 186 г. до Р. Хр. покорителемъ Этоліи, М. Фульвіемъ Нобиліоромъ. Еще въ послѣднее время республики этотъ родъ зрѣлищъ достигъ высшей точки пышности и грандіозности, особенно благодаря эдилу М. Эмилію Скавру (58 г.), Гн. Помпею Великому (58 г.) и Г. Юлію Кесарю (46 г.).

Подъ мѣстами для зрителей помѣщалось большое количество просторныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ выбѣгали звѣри, какъ только были удаляемы тяжелыя желѣзныя рѣшетки. Для защиты зрителей отъ нападеній дикихъ звѣрей, мѣста для сидѣнья въ циркѣ были отдѣлены отъ арены довольно широкой канавой съ водой (euripus). Гладкіе, легко поворачивающіеся валики, помѣщенные на верхнемъ краю внутренней каменной ограды, предназначены были для того, чтобы вскочившія на нее животныя скатывались назадъ. Если животныя недостаточно были воинственны, то для ихъ раздраженія хлопали кнутами и ранили ихъ шипами и зажженными стрѣлами, какъ это дѣлается и нынѣ еще на испанскомъ боѣ быковъ, который вѣдь и является пережиткомъ тѣхъ грубыхъ развлеченій. Въ первое время ограничивались выведеніемъ такихъ животныхъ, которыя водились въ Италіи и провинціи Африкѣ, значитъ—въ Карѳагенской области. Вмѣстѣ съ громаднымъ пространствомъ имперіи росла однако и жажда увидѣть въ кровавой борьбѣ животныхъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ. Въ Римъ привозились слоны, бегемоты, носороги и зубры, животныя, транспортъ которыхъ частью сталъ снова возможенъ только

въ наше время, благодаря современнымъ большимъ судамъ. Львы, пантеры, леопарды, медвѣди и вепри были чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ. Въ борьбѣ должны были участвовать даже мирныя по природѣ животныя, какъ-то: олени, козули, обезьяны, жирафы и страусы. Количество животныхъ, хранившихся для игръ въ особыхъ звѣринцахъ (vivaria), было изумительно. При Гордіанѣ III

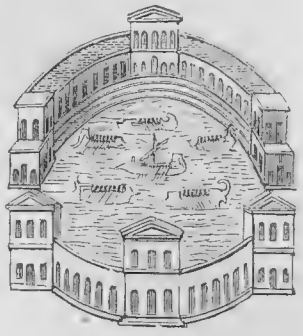
Развалины амфитеатра въ Помпеихъ (Съ фотографіи).

напр., здѣсь находилось 32 слона, 60 львовъ, 10 тигровъ, 1 носорогъ, 1 бегемотъ, 10 лосей, 30 леопардовъ, 10 гіенъ, 10 жирафовъ, 40 дикихъ лошадей, 20 дикихъословъ и безчисленныя другія животныя. Нерѣдко при такомъ зрѣлищѣ травились сотни хищныхъ звѣрей. Животными, околѣвавшими на аренѣ Рима, можно было бы наполнить всѣ зоологическіе сады Европы. Во всѣхъ частяхъ обширной имперіи множество людей было занято ловлей, дрессировкой и транспортомъ такихъ животныхъ. Когда надо было развлечь Римъ, то не отступали ни передъ трудностями, ни передъ опасностью.

Но было недостаточно того, что звѣри раздирали другъ друга; и человѣкъ вступалъ на арену, чтобы помѣряться съ ними силой, ловкостью и хитростью. Пока это дѣлали люди, которые занимались этимъ, какъ промысломъ, и съ достаточнымъ навыкомъ и оружіемъ, въ сопровожденіи хорошихъ псовъ, убивали звѣрей, противъ этого нечего было много возражать. Это было личное дѣло этихъ „охотниковъ“ (venatores). Но если смертные приговоры, вынесенные преступникамъ или даже невиннымъ людямъ, какими были военноплѣнные и въ особенности христіане, исполнялись такимъ способомъ, что эти несчастные запирались въ наполненной кровожадными звѣрями аренѣ, либо привязанные къ столбу и вполнѣ безоружные, либо вооруженные, для продленія ихъ мученій, то въ этомъ обнаруживалась совершенно неслыханная жестокость. Мало того, утонченность въ этой области доходила, наконецъ, до того, что жертвы появлялись въ театральномъ нарядѣ въ какой-нибудь подходящей миѳологической сценѣ и затѣмъ предавались растерзанію или сожженію. Для этой цѣли подъ ареной находились просторныя подземелья и спуски, изъ которыхъ внезапно могъ быть поднятъ цѣлый грандіозный декораціонный аппаратъ. Римляне развили машинную и декоративную сценическую технику до удивительной степени совершенства. Цѣлые горы и лѣса со всякимъ рѣдкимъ звѣрьемъ подымались внезапно передъ изумленнымъ взоромъ зрителя, чтобы столь-же быстро опять погрузиться въ землю. Смерть Геркулеса на Этѣ, напр., изображалась здѣсь такъ правдоподобно, что несчастный приговоренный на кострѣ дѣйствительно сожигался. Орфей подымался изъ подземнаго царства и своей музыкой привлекалъ къ себѣ хищныхъ звѣрей, которыми въ концѣ-концовъ раздирался. Перо противится перечисленію всѣхъ этихъ звѣрствъ.

Представлять морскія сраженія среди мира, съ наивозможнымъ правдоподобіемъ, на особо вырытыхъ, со всѣхъ сторонъ легко обозримыхъ бассейнахъ — это, конечно, грандіозная, величественная идея. Правда, и здѣсь вода обагрялась потоками человѣческой крови. Ибо правдоподобіе въ подражаніи заходило такъ далеко, что не только безъ колебаній потоплялись дорогіе корабли, но и безпощадно избивался экипажъ, какъ въ настоящемъ бою. Первый, кому пришла въ голову эта мысль, былъ не кто иной, какъ великій Г. Юлій Кесарь. На своихъ тріумфальныхъ

играхъ въ 46 г. до Р. Хр. онъ велѣлъ для этой цѣли вырыть на Марсовомъ полѣ озеро и устроилъ на немъ сраженіе между египетскимъ и финикійскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ двух-, трех- и четырехпалубныхъ кораблей, съ экипажемъ въ 1,000 морскихъ солдатъ и 2,000 гребцовъ. И Августъ далъ навмахію, для которой послужила образцомъ морская битва при Саламинѣ. Но самый грандіозный корабельный бой подобнаго рода, которому и позднѣе не было равнаго, устроилъ императоръ Клавдій въ 52 г. по Р. Хр. на Фуцинскомъ озерѣ. Всплывшій изъ воды серебряный тритонъ далъ на своей buccina знакъ къ началу боя сицилійскому и родосскому флотамъ, которые состояли каждый изъ 50 кораблей и вмѣстѣ имѣли экипажъ въ 19,000 обреченныхъ на смерть людей. Берега озера заняты были войсками, для того чтобы не бѣжалъ ни одинъ человѣкъ изъ экипажа или чтобы не было сдѣлано, пожалуй, попытки общаго освобожденія. За кольцеобразной цѣпью воиновъ сидѣла или стояла необозримая масса зрителей, частью издалека явившихся на это рѣдкое зрѣлище. При большихъ размѣрахъ водной поверхности, допускавшихъ широкое движеніе кораблей, получилось въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе настоящей морской битвы. По сообщеніюТацита, экипажъ, хотя и состоялъ изъ простыхъ преступниковъ, сражался все-таки съ истымъ геройствомъ; лишь послѣ обильнаго кровопролитія положенъ былъ конецъ рѣзнѣ.



Навмахія.
Съ античнаго барельефа.

ИМПЕРАТОРЫ ПО УСЫНОВЛЕНІЮ.
(96—192).

НЕРВА (96—98). Послѣ убіенія Домиціана преторіанцы одно мгновеніе думали отомстить за своего императора. Такъ какъ, однако, не было престолонаслѣдника, то они приняли кандидата сената Кокцея Нерву. Это былъ благородный человѣкъ и дѣльный юристъ, свѣдущій также

въ дѣлахъ управленія и пользовавшійся довѣріемъ сената. Въ интересахъ всеобщаго примиренія онъ оставилъ случившееся безъ возмездія, наказалъ доносчиковъ, обезпечилъ за членами сената неприкосновенность имущества и жизни и воздерживался отъ вмѣшательства въ сенаторское правосудіе. Онъ облегчилъ тягости народныхъ повинностей, раздавалъ по старому обычаю земли, чтобы поднять крестьянское сословіе, и сдѣлалъ грандіозное пожертвованіе, изъ котораго выдавались пособія на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ родителей. Издержки по этимъ мѣропріятіямъ онъ надѣялся покрыть крайней бережливостью. Онъ экономилъ тамъ, гдѣ это казалось возможнымъ безъ вреда для общественнаго благополучія: на содержаніи императорскаго двора, на общественныхъ играхъ, выдачахъ хлѣба и денегъ.

Нерва.
Серебряная монета.

Но черни и военному люду не нравилась такая экономія, и 64-лѣтній бездѣтный и болѣзненный императоръ не внушалъ имъ уваженія. Преторіанцы цѣлыми кучами выступали противъ „стараго скряги“, осаждали его и съ дикимъ крикомъ требовали головъ убійцъ Домиціановыхъ. Тогда престарѣлый государь принялъ рѣшеніе, имѣвшее самыя благотворныя для государства послѣдствія. Гонецъ отъ войска, стоявшаго на нижнемъ Дунаѣ, принесъ извѣстіе о крупной побѣдѣ легіоновъ. Для торжественнаго отпразднованія этого событія, императоръ въ блестящей процессіи поднялся на Капитолій. Возложивъ тамъ, по обычаю, лавровый вѣнокъ, онъ объявилъ всему народу, что выбралъ себѣ сына и наслѣдника, а именно Ульпія Траяна, начальника легіоновъ на нижнемъ Рейнѣ. Эта вѣсть возымѣла точно магическое дѣйствіе: мятежные крики умолкли, повиновеніе, довѣріе возстановились. Новый соправитель, изъ семейства, жившаго въ испанскомъ городѣ Италикѣ на Бэтисѣ, но происходившаго изъ Италіи, человѣкъ, приблизительно 40 лѣтъ, занималъ уже, какъ и его отецъ, высшія почетныя должности и пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Вспоминали о его справедливости и ласковости по

НЕРВА.
Мраморная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

отношенію ко всякому, о его строгой дисциплинѣ и храбрости на войнѣ и поздравляли себя съ новымъ избранникомъ. Нерва теперь могъ мирно исправлять свою должность, но уже три мѣсяца спустя умеръ.

ТРАЯНЪ.
(98—117).

Улучшеніе сообщенія между Рейнской и Дунайской линіями. Теперь Траянъ твердой рукой схватилъ бразды правленія. Въ Германіи, гдѣ его въ февралѣ 98 г. въ Кёльнѣ застало извѣстіе о назначеніи его Августомъ, онъ началъ свою благотворную дѣятельность съ выполненія дѣла, грандіознаго какъ по цѣли, такъ и по замыслу. Позоръ уплаты дани дакамъ надо было уничтожить хорошо подготовленнымъ нападеніемъ. Для этой цѣли въ высшей степени желательнымъ была болѣе тѣсная связь рейнскихъ легіоновъ съ легіонами по Дунайской линіи. И вотъ Траянъ началъ постройку военной дороги, которая должна была итти отъ Майнца черезъ Гейдельбергъ, Баденъ вдоль праваго берега Рейна и соединиться съ сѣтью дорогъ придунайскихъ странъ. Въ связи съ этимъ Траянъ основалъ первыя крупныя поселенія въ Десятинной землѣ (Civitas Ulpia Lopodunum = Ладенбургъ на Неккарѣ), гдѣ вскорѣ расцвѣлъ цѣлый вѣнокъ городовъ съ римской культурой. Слѣдующей зимой онъ продолжилъ дорогу на нижнемъ Дунаѣ отъ легіоннаго лагеря Сингидуна (Бѣлграда) до берега противъ Орсовы. Тогда только появился онъ въ Римѣ, чтобы оттуда сдѣлать послѣднія приготовленія къ войнѣ и обезпечить себѣ тылъ возстановленіемъ порядка въ столицѣ имперіи.

Войны съ даками (101—107). Весной 101 г. императоръ отправился къ войску. Децебалъ, который вторгся въ Мёзію за то, что ему отказали въ уплатѣ ежегодной дани, вскорѣ увелъ своихъ воиновъ обратно и многочисленными конными полчищами оберегалъ сѣверный берегъ Дуная, закрывая въ то-же время главными силами доступъ къ своей столицѣ Сармизегетузѣ (развалины около Varhely въ Семиградіи), затрудненный ему, къ тому-же, лѣсами и болотами. Но метательныя орудія прогнали всадниковъ, римляне пониже Виминація (Костолаца) перешли по понтоннымъ мостамъ черезъ рѣку и двинулись внутрь страны, среди невыразимыхъ трудностей и тяжкихъ, кровопролитныхъ сраженій. Твердыню за твердыней, городъ за городомъ приходилось брать штурмомъ и отбивать при этомъ нападенія. Но солдатъ не терялъ бодрости

духа; ибо его императоръ дѣлилъ съ нимъ трудности и лишенія похода, и его командованіе всегда оказывалось осмотрительнымъ и успѣшнымъ. Завладѣли сестрой царя, выручили плѣнныхъ и полевые значки, потерянные Домиціаномъ, и, наконецъ, захватили и

ТРАЯНЪ.
Мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

укрѣпленную столицу. Децебалъ, самъ принужденный сдаться, долженъ былъ признать римское верховенство, выдать перебѣжчиковъ и военные матеріалы, срыть крѣпости или предоставить ихъ римлянамъ. Чтобы обезпечить сообщеніе римскихъ гарнизоновъ въ Дакіи съ провинціей Мёзіей, Траянъ велѣлъ затѣмъ

построить на Дунаѣ вблизи нынѣшняго Турнъ-Северина постоянный мостъ, могучіе каменные устои котораго еще нынѣ свидѣтельствуютъ о своемъ строителѣ.

Однако дакійскій царь и не думалъ честно соблюдать миръ. Тогда Траянъ, три года спустя (105 г.), безъ долгихъ переговоровъ снова объявилъ войну. Этого Децебалъ не ожидалъ: онъ попросилъ мира, и лишь когда потребовали его собственную особу, онъ призвалъ свой народъ и сосѣдей къ оружію. Но только часть его подданныхъ послѣдовала призыву, а сосѣди вовсе не явились. Началась отчаянная борьба, закончившаяся вторичнымъ занятіемъ столицы, гибелью царя и уничтоженіемъ или изгнаніемъ народа изъ лучшихъ частей страны. Дакія стала римской провинціей, Сармизегетуза—италійской колоніей, а немного позднѣе, близкій Апулъ (Карльсбургъ) сдѣлался главной стоянкой одного легіона. Вскорѣ во всей области расцвѣла италійская жизнь на развалинахъ дакійскаго государства; особенно привлекали переселенцевъ золотые пріиски въ области Мароша.

Дальнѣйшія пограничныя мѣропріятія на Нижнемъ Дунаѣ; памятники войны съ даками. Въ связи съ устройствомъ новой провинціи Траянъ выдвинулъ границы провинціи Мёзіи до устьевъ Дуная и взялъ подъ римское верховенство и противоположное побережье до устья Днѣпра, такъ что создано было сплошное сухопутное сообщеніе до Босфорскаго леннаго государства. Впрочемъ собственно оборонительную линію онъ оттянулъ назадъ до Дунайскаго колѣна близъ Черноводы, откуда онъ устроилъ поперекъ Добруджи сообщеніе съ Чернымъ моремъ около Кюстенджи, обезопасивъ его съ сѣвера и съ юга фортами, рвами и валами. Съ тѣхъ поръ военный центръ тяжести римскаго могущества на сѣверѣ лежалъ на Дунаѣ: не менѣе 10 легіоновъ стояли здѣсь на стражѣ противъ варваровъ.

Два грандіозныхъ памятника нынѣ еще повѣствуютъ намъ о дѣлахъ Дакійской войны: Траянова колонна въ Римѣ и Адамклиссійскій побѣдный памятникъ въ Добруджѣ. По всему стержню Траяновой колонны спиральной лентой вьется рельефъ въ 200 метровъ длины, который описываетъ наиболѣе выдающіеся моменты войны въ 124 отдѣльныхъ изображеніяхъ, въ столь-же художественномъ, какъ и въ точномъ исполненіи. Колонна нѣкогда была увѣнчана статуей императора-побѣдителя. „Мы видимъ стороже-

выя башни римлянъ съ ихъ остроконечной крышей, ихъ дворомъ, обнесеннымъ частоколомъ, ихъ верхнимъ обходомъ, ихъ сигнальными огнями; городъ на берегу рѣки Дуная, рѣчной богъ котораго смотритъ, какъ римскіе воины съ полевыми значками идутъ по понтонному мосту; самого императора въ военномъ совѣтѣ, затѣмъ его-же совершающимъ жертвоприношеніе подъ валами лагеря. Мы видимъ, какъ разбиваютъ лагерь, рубятъ деревья, носятъ воду, строятъ мостъ. Первыхъ попавшихъ въплѣнъ даковъ, которыхъ легко узнать по ихъ балахонамъ съ длинными рукавами и по широкимъ штанамъ, со связанными назадъ руками и схваченныхъ солдатами за свой хохолъ, ведутъ передъ очи императора. Мы видимъ сраженія, метателей копій и камней, серпоносцевъ, пѣшихъ стрѣлковъ изъ лука,

Траянова колонна въ Римѣ.
(Съ фотографіи).

вооруженныхъ также лукомъ конныхъ латниковъ, драконово знамя даковъ. Мы видимъ дакійское свайное поселеніе посреди озера, въ круглыя хижины котораго, съ ихъ острокопечной крышей, летятъ горящія стрѣлы. Женщины и дѣти умоляютъ императора о пощадѣ. За ранеными ухаживаютъ и дѣлаютъ имъ перевязки, офицерамъ и солдатамъ раздаются знаки отличія. Затѣмъ продолжается опять бой: производится нападеніе на непріятельскія укрѣпленія, частью деревянныя, частью каменныя, устанавливаются осадныя орудія, приносятся лѣстницы, подъ прикрытіемъ щитовой кровли идетъ на приступъ штурмовая колонна. Наконецъ, царь со своей свитой лежитъ у ногъ Траяна; драконовы знамена—въ рукахъ римлянъ; войска ликуя привѣтствуютъ императора; передъ нагроможденнымъ въ кучу оружіемъ враговъ стоитъ богиня побѣды, пишущая на доскѣ побѣду“ (Момзенъ).

Адамклиссійскій памятникъ представляетъ нынѣ куполообразную каменную массу, лишенную своихъ художественныхъ украшеній. Однако при помощи собранныхъ снова частей становится возможной его реставрація. На семи совершенно круглыхъ ступеняхъ, изъ которыхъ самая нижняя имѣетъ діаметръ въ 39 метровъ, подымается на высоту $7^1/_2$ метровъ бетонный цилиндръ, заостряющійся потомъ конусообразно. Цилиндръ этотъ окруженъ облицовкой изъ известняковыхъ четырехугольниковъ, вокругъ которой идетъ фризъ изъ вьющихся растеній, а на самомъ верху зубчатый парапетъ. Фризъ содержитъ 54 раздѣленныхъ пилястрами метопа, которые изображаютъ сцены изъ войны съ даками, каждый зубецъ—рельефъ одного дака. Надъ этимъ возвышается еще на 6 метровъ чешуеобразно крытый бетонный конусъ. На немъ стоитъ шестиугольная, похожая на жертвенникъ надстройка съ надписью, согласно которой Траянъ посвятилъ этотъ памятникъ „Мстителю Марсу“, а на ней, въ свою очередь, высокій, въ 12 метровъ, знакъ побѣды—сложенный изъ исполинскихъ глыбъ стволъ, на которомъ навѣшено богато изукрашенное оружіе. Весь памятникъ былъ приблизительно въ 34 метра вышины и долженъ былъ свидѣтельствовать предъ варварами сѣверовостока о побѣдоносной силѣ римскаго народа.

Мирная дѣятельность Траяна; сельскохозяйственныя нововведенія. Послѣ войны съ даками настало семь спокойныхъ годовъ, въ которые Траянъ могъ продолжать свою мирную дѣятельность на

благо государства. Онъ показалъ себя на этомъ поприщѣ не менѣе великимъ и дальнозоркимъ. Несмотря на траты на продолжительную войну, онъ сумѣлъ, при мудрой бережливости, еще больше уменьшить тягость обложенія. Но при этомъ онъ не былъ скрягой. Не меньше 120 дней длились празднества по поводу его тріумфа, и на нихъ пущено было въ дѣло 11,000 дикихъ звѣрей и 10,000 гладіаторовъ. Голодающему народу онъ оказывалъ человѣколюбивую помощь даровыми выдачами и щедрымъ усиленіемъ капитала, учрежденнаго его предшественникомъ на воспитательныя цѣли; изъ него теперь выдавались субсидіи для мальчиковъ до 18-го, для дѣвочекъ до 14-го года жизни. Бороться съ обѣдненіемъ онъ старался разными мѣропріятіями, которыя оказали пользу крестьянамъ: запрещеніе продажи хлѣба до накопленія государственныхъ амбаровъ по опредѣленной цѣнѣ было отмѣнено, изъ императорскаго воспитательнаго капитала постановлено было выдавать ссуды подъ залогъ сельскихъ земельныхъ участковъ, по низкой тогда процентной платѣ—пяти процентовъ; каждый кандидатъ на общественную должность долженъ былъ третью часть своего состоянія помѣстить въ италійскіе земельные участки. Чрезъ это поднялась цѣна сельскихъ продуктовъ и цѣнность земли, съ другой стороны тягость долговъ стала сноснѣе.

Постройки. Ремесленникамъ доставляли доходную работу грандіозныя постройки императора. Траяновъ форумъ между Капитоліемъ и Квириналомъ былъ самый большой и красивый изъ всѣхъ; еще нынѣ развалины его свидѣтельствуютъ о быломъ великолѣпіи. Чтобы добыть ровную площадь, пришлось снести 30 метровъ земли. О планѣ форума еще можно составить себѣ хорошее понятіе. Идя съ форума Августа, вступали черезъ тріумфальную арку на площадь въ 126 метровъ длины, по срединѣ которой стояла конная статуя императора. Правая и лѣвая стороны были украшены портиками, и обѣ являлись въ серединѣ своей въ видѣ полукруглыхъ нишъ. Сторона противъ входа занята была большой базиликой изъ драгоцѣннѣйшаго камня. Къ другой сторонѣ примыкала площадь поменьше, на которой еще нынѣ высится надъ развалинами Траянова колонна. Справа и слѣва площадь эта замыкалась двумя зданіями, въ которыхъ помѣщались латинское и греческое отдѣленія Ульпіевой библіотеки.

Къ этому присоединялись всякаго рода полезныя сооруженія въ Италіи и въ провинціяхъ: дороги, мосты, гавани, водопроводы. Тріумфальныя арки въ Беневентѣ, въ Анконской гавани и у моста черезъ Тахо въ Алькантарѣ, мостовые устои въ Турнъ-Северинѣ и Майнцѣ, Траянова дорога и Траяновъ столъ около Орсовы, еще нынѣ дѣйствующая, въ обновленномъ видѣ, aqua Trajana въ Римѣ, а также акведуки въ Капаѳѣ (Керакъ) и Аррѣ (Раха́) въ восточной Сиріи еще нынѣ говорятъ объ этихъ сооруженіяхъ краснорѣчивымъ языкомъ; а новые портовыя постройки въ этрусскомъ городѣ Центумцеллахъ, подъ названіемъ portus Trajani (Чивитавеккія) скоро пріобрѣли этому безвѣстному мѣстечку значеніе, которое поднималось тѣмъ выше, чѣмъ больше мелѣла Остійская гавань.

Управленіе; отношеніе къ христіанству. Сенату Траянъ предоставлялъ законное участіе въ правленіи, не подавляя лойяльнаго прекословія насильственными мѣрами. Предоставляя правосудію величайшую свободу, онъ боролся однако со всякой несправедливостью, даже тамъ, гдѣ она касалась рабовъ; для политическихъ доносовъ, для хозяйничанья фаворитовъ при немъ не было мѣста. Пожалуй, никогда имперія не управлялась добросовѣстнѣе и разумнѣе. Неправильности въ городскомъ управленіи внѣ столицы онъ предупреждалъ назначеніемъ органовъ государственнаго надзора, корректоровъ, сначала въ Италіи, а вскорѣ и въ греческихъ вольныхъ городахъ и въ другихъ мѣстахъ. Насколько глубокимъ было его собственное участіе въ управленіи провинціей, показываетъ сохранившаяся еще переписка его съ Плиніемъ младшимъ (стр. 303), когда тотъ былъ намѣстникомъ Виѳиніи. Отправленный съ чрезвычайнымъ порученіемъ прекратить разнообразныя злоупотребленія, этотъ добросовѣстный чиновникъ въ болѣе важныхъ случаяхъ докладывалъ о томъ въ Римъ и просилъ указаній, правительственнаго воззрѣнія и законодательныхъ опредѣленій относительно самыхъ различныхъ дѣлъ. Краткіе отвѣты императора всегда являются очень мѣткими и равно свидѣтельствуютъ какъ о его самостоятельномъ, ясномъ, знакомомъ съ дѣломъ сужденіи, такъ и о строгости, бережливости, справедливости и гуманности его правленія. Онъ отказывается отвлекать солдатъ отъ службы, для сторожевыхъ цѣлей, кромѣ самаго необходимаго количества, тре-

бустъ энергичнаго разслѣдованія происшедшихъ обсчетовъ провинціальныхъ и городскихъ кассъ строителями-подрядчиками, разрѣшаетъ новыя общественныя постройки только при доказанной потребности въ нихъ и подъ условіемъ, чтобы издержки могли быть покрыты безъ повышенія налоговъ, запрещаетъ городамъ расходы на почетныя посольства ко двору и для привѣтствія намѣстниковъ, соглашается на предложенія относительно помѣщенія общественныхъ денегъ, воспитательнаго дѣла, относительно

Траяновы утесы и Траяновъ столъ.

общественныхъ угощеній и раздачи денегъ частными лицами въ духѣ разумности и мудрой бережливости и т. д.

Рѣшеніе вопроса о мѣрахъ противъ христіанъ виѳинской провинціи характеризуетъ всего Траяна. Плиній до этого времени не оказывалъ никакого вліянія на судебную практику въ дѣлахъ вѣры и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые доходили до высшей инстанціи намѣстника, довольствовался тѣмъ, что казнилъ упорствующихъ, какъ за презрѣніе къ верховной власти, а оказывавшихся среди нихъ римскихъ гражданъ отправлялъ для отвѣта въ Римъ. Но вотъ недавно ему прислано было анонимное письмо съ цѣлымъ большимъ спискомъ якобы христіанъ. Онъ

разслѣдовалъ дѣло, и тѣхъ, которые отрицали всякую принадлежность къ христіанству и совершали жертвоприношеніе богамъ и императору, а Христа проклинали, отпустилъ на волю. Другіе хотя и были тоже готовы къ жертвоприношенію и проклятію, но сознавались, что прежде были христіанами. Плиній не зналъ, какъ отнестись къ нимъ, въ виду ихъ большого числа, которое, какъ онъ полагалъ, еще должно было увеличиться, и требовалъ высочайшаго рѣшенія. Чтобы дать послѣднему извѣстное основаніе, онъ прибавилъ все, что́ онъ узналъ на допросѣ о жизни и поведеніи христіанъ: они собираются въ опредѣленный день до восхода солнца, чтобы прославлять Христа въ литургическомъ пѣніи и вновь обязываться другъ передъ другомъ къ честному, чистому образу жизни; затѣмъ они уходятъ на общій обѣдъ самаго простого свойства, каковой обычай они бросили послѣ послѣдняго распоряженія, направленнаго противъ союзовъ. Вдобавокъ, Плиній пыталъ двухъ рабынь, служившихъ въ общинѣ въ качествѣ діакониссъ, но ничего другого отъ нихъ не узналъ, кромѣ фактовъ „извращеннаго, безмѣрнаго суевѣрія“. Траянъ кратко отвѣтилъ, что для общаго рѣшенія дѣло это не назрѣло; что полицейскимъ путемъ христіанъ не надо разыскивать; кто открыто будетъ обвиненъ и не покается, долженъ быть наказанъ. Анонимные же доносы и въ этомъ случаѣ, какъ во всякомъ другомъ, предосудительны и должны быть оставляемы безъ вниманія.

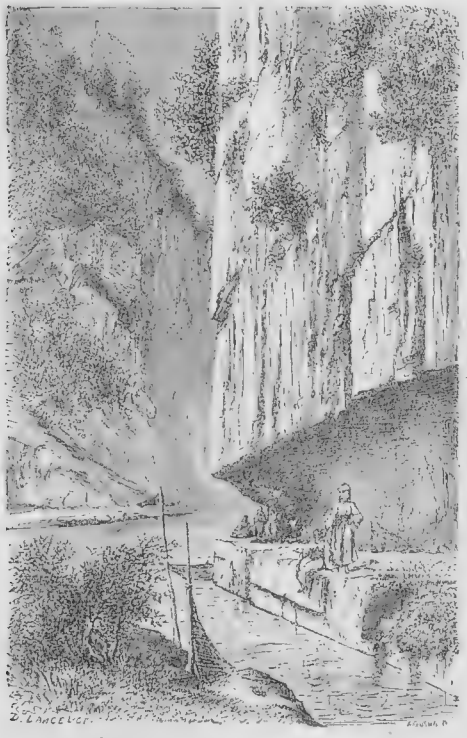
Расширеніе имперіи на востокѣ. При Траянѣ римская имперія получила величайшее свое расширеніе. Отъ системы протекторатовъ уже отказались и одно государство присоединялось за другимъ. Въ это время такая участь постигла и расположенныя на сирійской границѣ государства. Небольшой остатокъ прежняго государства Иродовъ вокругъ Кесаріи Панеасъ и Тиверіады у Ливана присоединенъ былъ по смерти Ирода Агриппы II къ Сиріи, а вскорѣ затѣмъ государство набатеевъ сдѣлано провинціей Аравіей (106 г.). Бостра (Босра) на границѣ пустыни стала столицей и мѣстомъ стоянки одного легіона; съ тѣхъ поръ дороги, колодцы и торговые пункты защищены были крѣпостцами съ сильнымъ гарнизономъ. Когда, такимъ образомъ, въ этихъ областяхъ создана была небывалая дотолѣ безопасность, во всей восточной Сиріи расцвѣла греко-римская культура, которую за-

душилъ потомъ только исламъ. Изъ пустыни поднялись города и деревни, которыя нынѣ еще представляютъ цѣлыя сотни вполнѣ

Изъ развалинъ Пальмиры
(Съ фотографіи

годныхъ для жилья помѣщеній, развалины не только одно- и двухэтажныхъ жилыхъ домовъ, но и дворцовъ, театровъ, бань, хра-

мовъ, тріумфальныхъ арокъ; водопроводы дѣлали возможнымъ разведеніе винограда и маслины тамъ, гдѣ теперь простирается безжизненная пустыня; караваны особенно оживляли большую дорогу отъ Дамаска черезъ Бостру къ Персидскому заливу, а также дорогу черезъ Пальмиру къ Евфрату.



Траянова дорога около Орсовы.

Другой случай для расширенія имперіи представилъ аггресивный образъ дѣйствій парѳянскаго царя Хозроя по отношенію къ Арменіи. Здѣсь, гдѣ согласно договорамъ правилъ парѳянскій принцъ подъ римскимъ главенствомъ, Хозрою вздумалось низложить утвержденнаго вассала и возвести на престолъ другого принца. Траянъ отвѣтилъ объявленіемъ войны и по-просту не принялъ посольства парѳянскаго царя, которое явилось теперь за утвержденіемъ смѣны правителя (114 г.). Послѣ этого, хотя отвыкшіе отъ военной службы легіоны сначала и были разбиты, но когда самъ императоръ прибылъ на театръ войны, возстановилъ дисциплину средп распущенныхъ солдатъ, и привлекъ европейскія войска, все сдалось ему почти безъ боя, а противъ самого Хозроя выступилъ даже въ его собственной странѣ новый искатель престола. Траянъ вторгся въ Арменію и сдѣлалъ ее провинціей, не принимая покорности новаго царя. Народы по сю и по ту сторону Кавказа признали затѣмъ также верховную власть Рима. Тогда императоръ перешелъ парѳянскую границу. Безъ боя открыли ему свои ворота месопотамскіе города; и эта страна тоже

была присоединена, а затѣмъ вскорѣ и расположенная по ту сторону Тигра Адіабена. Оттуда онъ пошелъ внизъ по Тигру въ Вавилонію, взялъ зимнюю резиденцію парѳянскаго царя—Ктезифонъ (Эль Мадайнъ) и расположенную насупротивъ Селевкію и проникъ къ устью двухъ соединенныхъ рѣкъ. Здѣсь онъ, говорятъ, выразилъ сожалѣніе, что не обладаетъ молодостью Александра Великаго, иначе-де и его цѣлью была-бы Индія.

Кончина Траяна. Однако обстоятельства въ тылу у него помѣшали ему предаваться дольше такимъ фантастическимъ мечтамъ. Дѣло въ томъ, что вдругъ возстала вся Вавилонія и Месопотамія, и слабые римскіе гарнизоны повсюду были перерѣзаны. Возстаніе вскорѣ охватило и еврейскій народъ въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ, Киренѣ и на Кипрѣ; и всюду произошли ужасныя избіенія римлянъ, такъ какъ легіоны ушли на востокъ. Однако императоръ справился съ возстаніемъ, и месть его была не менѣе ужасна. Противъ Кирены и Египта вызваны были войска, которыя теперь съ своей стороны стали избивать евреевъ, куда только приходили; самъ онъ въ Вавилоніи и Месопотаміи подавилъ возстаніе чрезъ своихъ легатовъ, сжегъ Селевкію и Эдессу и возвелъ на престолъ новаго парѳянскаго царя, въ качествѣ римскаго вассала. Затѣмъ онъ началъ отступленіе, чтобы успокоить Сирію и сосѣднія области, а въ слѣдующемъ году завершить покореніе парѳянскаго царства. Но при осадѣ укрѣпленнаго города Гатры въ пустынѣ—его грандіозныя развалины видны еще въ настоящее время —императора во время жгучаго іюльскаго зноя схватила лихорадка, и поэтому онъ, послѣ тщетнаго штурма, поспѣшилъ къ берегу. Въ киликійскомъ городѣ Селинунтѣ онъ умеръ, 64 лѣтъ отъ роду.

Траянъ—самый благородный образъ среди римскихъ кесарей. Одаренный гуманностью, чувствомъ чести, отвагой и широкимъ кругозоромъ Юлія Кесаря, онъ превосходилъ его чистотой своей частной жизни и законностью своего правленія. Поэтому, рядомъ съ славными титулами, которые ему доставили его побѣды, по справедливости красуется прозвище „Наилучшаго“, которое онъ получилъ до Парѳянской войны за свою мирную дѣятельность, и когда впослѣдствіи какой-нибудь императоръ вступалъ на престолъ, то его поздравляли словами: „Будь счастливѣе Августа, лучше Траяна!“

АДРІАНЪ.
(117—138).

Адріанъ вступаетъ на престолъ и отказывается отъ парѳянскихъ провинцій. Траянъ не оставилъ послѣ себя дѣтей. Ближайшее право на престолъ имѣлъ сынъ двоюроднаго брата, Элій Адріанъ. Покойный императоръ былъ его опекуномъ, изъ его устъ принялъ онъ поздравленія паннонскихъ легіоновъ по случаю усыновленія его Нервой, а затѣмъ вѣсть о своемъ назначеніи Августомъ, женилъ его на Сабинѣ, внучкѣ своей сестры, имѣлъ его при себѣ въ Дакійскихъ походахъ, въ качествѣ квестора и легата, и сдѣлалъ его затѣмъ намѣстникомъ и консуломъ. Позднѣе Адріанъ принялъ участіе въ Парѳянскомъ походѣ и получилъ важное Сирійское намѣстничество. Поэтому сенатъ не замедлилъ утвердить завѣщаніе Траяна, въ которомъ онъ усыновлялъ своего внучатнаго племянника, и признать послѣдняго престолонаслѣдникомъ.

Первымъ важнымъ правительственнымъ дѣйствіемъ Адріана былъ отказъ отъ завоеванныхъ его предшественникомъ парѳянскихъ провинцій, которыя вовсе еще не были обезпечены за римлянами и удержаніе которыхъ должно было стоить несказанныхъ жертвъ кровью и деньгами. Арменія снова стала римскимъ вассальнымъ государствомъ подъ властью парѳянскаго принца, и на восточной границѣ имперіи начался періодъ мира; вскорѣ въ этихъ отдаленныхъ областяхъ расцвѣла торговля. Заговоръ старыхъ Траяновыхъ офицеровъ и политиковъ въ Италіи подавленъ былъ сенатомъ въ зародышѣ; ихъ кровь была единственной жертвой, которой стоила новая эра мира.

Адріанъ въ Римѣ. Когда азіатскія дѣла были приведены въ порядокъ, императоръ самъ отвелъ часть своихъ легіоновъ обратно въ Мёзію и Паннонію, чтобы одновременно предупредить грозящее вторженіе сарматовъ. Затѣмъ уже онъ явился въ Римъ, гдѣ старался сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное казнью видныхъ слугъ покойнаго великаго императора. Онъ не только щедро одарилъ народъ и войско и далъ блестящія игры, но и отпустилъ народу всѣ его долги государственной казнѣ—ихъ было всего до 70 милліоновъ рублей — и сжегъ долговыя обязательства на

глазахъ у всѣхъ на Траяновой площади, увеличилъ воспитательный капиталъ своихъ предшественниковъ, оказалъ поддержку обѣднѣвшимъ лицамъ изъ знати и поднялъ внѣшній почетъ сената. Считая себя лишь верховнымъ управителемъ на-

Адріанъ.
Мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ

ціональнаго имущества и стражемъ общественнаго благополучія, онъ предавался неутомимой дѣятельности, въ сенатѣ въ качествѣ судьи, помощника и утѣшителя. Его гуманное обращеніе даже съ простолюдиномъ, это, какъ онъ выражался, „наслажденіе человѣчностью“, котораго онъ не давалъ отнять у себя никакими представленіями, его превосходная память о всѣхъ лицахъ, съ которыми онъ когда-либо сталкивался, его несокрушимо-крѣпкое здо-

ровье, благодаря которому ему было нипочемъ съ непокрытой головой выдерживать морозъ и непогоду, скоро сдѣлали его популярнымъ.

Адріанъ объѣзжаетъ и приводитъ въ порядокъ свою имперію (120—134). Ревностное отношеніе императора къ своимъ обязанностямъ, заставлявшее его всюду смотрѣть за порядкомъ, въ связи съ фантастической жаждой самолично увидѣть всѣ тѣ чудеса, про которыя онъ слышалъ и читалъ, побуждали его постепенно объѣздить всю свою имперію. И всюду, гдѣ онъ появлялся, онъ на цѣлые вѣка оставлялъ слѣды своей отечески-заботливой дѣятельности.

Въ Галліи, куда онъ прежде всего отправился, онъ облегчилъ участь инвалидовъ щедрыми дареніями. Въ Германіи онъ укрѣпилъ дисциплину легіоновъ. Онъ запретилъ всякую излишнюю роскошь какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ, удалилъ всѣхъ, кто былъ слишкомъ юнъ или старъ для военной службы, потребовалъ строгаго соблюденія походныхъ правилъ (стр. 206), ввелъ въ службу постоянный уставъ, назначалъ офицерами только годныхъ въ тѣлесномъ и нравственномъ отношеніи людей и запретилъ всякаго рода подарки начальству. Онъ требовалъ многаго, но и могъ требовать: вѣдь онъ и самъ пѣшкомъ, въ полномъ вооруженіи продѣлывалъ вмѣстѣ со своими солдатами учебныя маршировки, ѣлъ съ ними ихъ сало и сыръ, пилъ съ ними ихъ posca (смѣсь уксуса, воды и яицъ) и посѣщалъ ихъ въ ихъ квартирахъ, когда они бывали больны. Кромѣ того, онъ изучилъ финансовую платежную силу провинцій, ввелъ экономное управленіе и упорядочилъ пограничныя сношенія. Въ верхней Германіи онъ преградилъ пограничныя дороги засѣками и этимъ далъ толчекъ къ возведенію limes'a, того сооруженнаго при немъ и его преемникахъ пограничнаго вала, который еще нынѣ показываетъ линію, до которой проникла римская культура въ юго-западной Германіи. Верхнегерманскій limes идетъ отъ сѣверной границы провинціи (около нын. Рейнброля на Рейнѣ), огибая Таунусъ, къ Майну, вдоль рѣки до нын. Мильтенберга, а оттуда большей частью по прямолинейному направленію къ Лорху между Штутгартомъ и Ааленомъ. Онъ состоитъ изъ умѣренной вышины насыпи, съ наружной стороны которой идетъ ровъ, а съ внутренней—построены сторожевыя башни, съ короткими между ними

промежутками. Позади насыпи, на разстояніи не свыше полукилометра, тянется рядъ фортовъ, съ промежутками въ крайнемъ случаѣ въ 15 километровъ. Къ верхнегерманскому примыкалъ ретійскій limes, болѣе простая насыпь безъ рва и сторожевыхъ вышекъ, но и безъ видимой связи съ крѣпостцами, находящимися на гораздо большемъ разстояніи отъ нея; онъ тянулся широкой дугой отъ Лорха до Дуная, заканчиваясь около Кельгейма.

И въ Британіи Адріанъ тоже заботился о болѣе чѣмъ достаточной охранѣ границъ. Здѣсь, на сѣверѣ римской провинціи, гдѣ находились въ безпрерывной взаимной борьбѣ воинственныя племена Шотландіи, онъ соорудилъ между Solway-Firth и устьемъ рѣки Тупе крѣпкую стѣну въ 120 килом. длины, 5 метровъ вышины и 2 м. толщины, а впереди нея провелъ ровъ глубиной въ $2^1/_2$ метра и шириной, въ верхней части, до 10 метровъ. Позади стѣны лежали, съ промежутками въ 6—7 килом., большіе когортные лагери, вперемежку съ маленькими крѣпостцами и сторожевыми вышками. Эти укрѣпленія соединены были мощеной военной дорогой, южную сторону которой защищала немного болѣе слабая, но все-таки еще сильная линія, состоявшая изъ двухъ параллельныхъ земляныхъ насыпей, теперь еще имѣющихъ вышину въ 2 метра, и изъ расположеннаго между ними рва въ 2 метра глубины. Все это укрѣпленіе еще сохранилось на большихъ пространствахъ, подъ названіемъ вала Адріана или вала пиктовъ, потому что оно было направлено противъ татуированныхъ горцевъ, пиктовъ.

Изъ Британіи императоръ поѣхалъ черезъ Галлію въ Испанію, всюду строя, приводя въ порядокъ, но ни на минуту не выпуская изъ глазъ управленія Имперіей. Затѣмъ онъ переправился въ Мавританію, гдѣ надо было подавить возстаніе, и вернулся на короткое время въ Римъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала круговая поѣздка въ Малую Азію, Архипелагъ, Грецію и Сицилію, а также экскурсія въ провинціи — Старую и Новую Африку. Въ Греціи императоръ съ особеннымъ благоговѣніемъ вступилъ въ Аѳины, будучи восторженнымъ поклонникомъ греческаго искусства и науки. Онъ самъ принялъ на себя архонтство, устроилъ состязанія, спорилъ съ философами въ стѣнахъ гимнасіевъ и началъ рядъ построекъ, остатки которыхъ и нынѣ еще позволяютъ догадываться о ве-

личіи ихъ плана. На сѣверѣ города, у Керамика, онъ соорудилъ гимнасій въ 122 метра длины и 82 м. ширины. На востокѣ онъ заложилъ даже совершенно новую городскую часть съ храмами, библіотекой, дивнымъ портикомъ и водопроводомъ. Но самой величественной постройкой былъ исполинскій храмъ Олимпійскаго Зевса. Фундаментъ этого храма заложенъ былъ уже Пизистратомъ; впослѣдствіи его продолжали и снова срывали, и теперь наконецъ, черезъ 650 лѣтъ, онъ былъ законченъ и украшенъ статуей бога, изготовленной изъ золота и слоновой кости. Входъ въ Адріановъ городъ образовывала сооруженная благодарными аѳинянами арка, на восточной сторонѣ которой еще нынѣ можно прочесть надпись: Это городъ Адріана, а не Ѳесея.

Въ Сициліи Адріанъ поднялся на Этну, для созерцанія восхода солнца. Въ провинціяхъ Старой и Новой Африкѣ онъ поддержалъ, посредствомъ щедраго дарованія италійскаго городского права, дальнѣйшее распространеніе латинской культуры, которая боролась здѣсь противъ ливійскихъ, финикійскихъ и греческихъ языка и обычаевъ. Съ той поры Африка вступила въ кругъ земель съ латинскимъ языкомъ и дала латинской литературѣ первоклассныхъ представителей. Адріанъ реорганизовалъ также военное дѣло и расширилъ сѣть дорогъ.

Вернувшись въ Римъ, онъ вскорѣ отправился снова на востокъ. Черезъ Аѳины, гдѣ онъ осмотрѣлъ и посвятилъ предписанныя имъ постройки, онъ поѣхалъ въ азіатскія провинціи, чтобы осмотрѣть управленіе, укрѣпить вассаловъ въ вѣрности Риму и на мѣстѣ произвести надлежащія реформы. Онъ посѣтилъ понтійскіе города, осмотрѣлъ римскіе гарнизоны на Евфратѣ, прибылъ въ Дамаскъ и Пальмиру, наиболѣе восточные центры италійско-греческой торговли. Затѣмъ онъ прошелъ по Палестинѣ, гдѣ на развалинахъ разрушеннаго Іерусалима заложилъ римскую колонію Aelia Capitolina, далѣе по римской Аравіи, гдѣ онъ даровалъ городское право Петрѣ, торговому центру къ югу отъ Мертваго моря, и наконецъ, черезъ Пелузій, гдѣ онъ съ большимъ блескомъ отдѣлалъ гробницу Помпея (стр. 139), достигъ Египта. Здѣсь его сильно заинтересовала кипучая жизнь Александріи, этого величайшаго торговаго города тогдашняго міра; но онъ поплылъ также вверхъ по Нилу, сопровождаемый на этотъ разъ императрицей, и посѣтилъ Мемфисъ, древній городъ фараоновъ,

Антиной бельведерскій.
Статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

гдѣ онъ увидѣлъ пирамиды и недавно найденнаго священнаго быка Аписа, а затѣмъ Оивы, гдѣ онъ велѣлъ вырѣзать на звучащемъ колоссѣ Мемнона свое имя и имя императрицы—они видны еще нынѣ тамъ. Смерть его любимца Антиноя, краснваго виѳинскаго юноши, погибшаго въ волнахъ рѣки, глубоко опечалила императора; онъ велѣлъ причислить его къ полубогамъ, почтить храмами, играми и оракулами и основалъ на берегу Нила городъ Антиноополь, нынѣ лежащій въ развалинахъ; немало монетъ, камней, статуй и бюстовъ воспроизводятъ образъ прославленнаго юноши.

Адріанъ подавляетъ еврейское возстаніе. Тогда-то страшное еврейское возстаніе (131—136) отвлекло императора отъ сентиментальныхъ мыслей, съ которыми онъ отдавался впечатлѣніямъ своего путешествія, и вернуло его къ суровой дѣйствительности. Тотъ фактъ, что нечистые дерзнули основать римскую колонію на мѣстѣ святого города, что они, подъ страхомъ смерти, запретили обрѣзаніе, вновь пробудилъ въ еврействѣ всего міра давно затаенную злобу противъ враговъ Іеговы. Раввинъ Елеазаръ и народный герой Симонъ Баръ—Кохба, т.-е. звѣздный сынъ, стали во главѣ исполненныхъ ненависти полчищъ, къ которымъ со всѣхъ концовъ свѣта стали стекаться денежныя средства. Они отняли новый Іерусалимъ у римскаго легіона, который защищалъ его, и прогнали римлянъ изъ страны. Лишь послѣ того, какъ стянуты были крупныя массы войскъ, императорскіе полководцы среди тяжелыхъ сраженій мало-по-малу взяли верхъ; но пришлось взять 50 крѣпостей и занять 985 деревень, должны были пасть до 600,000 человѣкъ, прежде чѣмъ спокойствіе показалось возстановленнымъ, и цѣлыхъ два легіона были оставлены въ безлюдной странѣ для подавленія національныхъ возмущеній, соединявшихся съ разбойничествомъ.

Легіоны поработали основательно. До крупныхъ движеній среди евреевъ дѣло съ тѣхъ поръ не доходило. Въ безсильной злобѣ они смотрѣли, какъ закончена была постройка римской крѣпости Aelia Capitolina, какъ на мѣстѣ храма Іеговы возвеслось небольшое святилище Юпитера, какъ они сами, подъ страхомъ смерти, исключены были изъ Сіона и преданы насмѣшкамъ побѣдителя и всего міра, который не понималъ ихъ обособленной жизни, ихъ гордости по поводу обладанія болѣе бла-

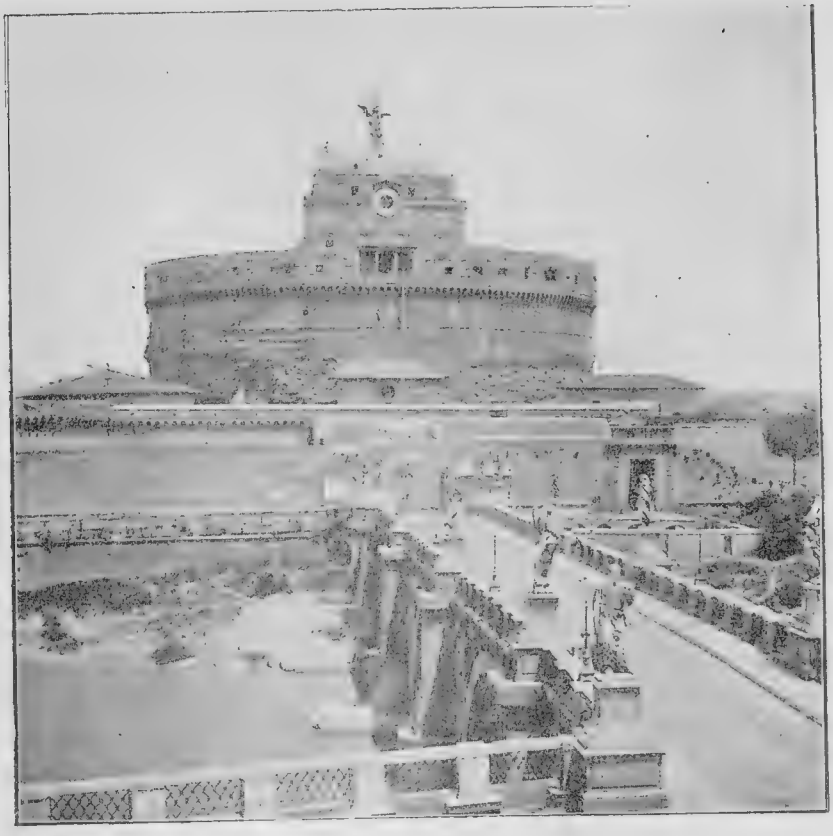
городной религіей. Но чего нельзя было у нихъ отнять, это было воспоминаніе, это была надежда. Ея-то они крѣпко держались и въ обычаяхъ и въ вѣрѣ, и каждый годъ 10 августа, въ день разрушенія, они сходились даже издалека на храмовой площади, которой не обнималъ Адріановъ городъ, и возобновляли у „стѣны плача“ старыя воспоминанія и надежды.

Около того-же времени аланы, скиѳское племя, перевалили черезъ кавказскія горы и стали грабить территорію римскихъ вассаловъ. Но они отступили передъ императорскимъ намѣстникомъ Каппадокіи, Арріаномъ, который описываетъ намъ сдѣланныя для этой цѣли вооруженія и объѣздъ вдоль береговъ Чернаго моря.

Реформы Адріана въ управленіи. Распоряженія Адріана для разсѣянія этихъ опасностей были сдѣланы въ Аѳинахъ. Въ началѣ 134 г., послѣ тринадцатилѣтнихъ путешествій, онъ окончательно возвратился въ столицу. Здѣсь онъ употребилъ остатокъ своего правленія на проведеніе ряда реформъ государственнаго управленія. Самъ не будучи римляниномъ по рожденію и съ юности находясь на провинціальной службѣ, въ особенности на греческомъ востокѣ, Адріанъ чувствовалъ себя императоромъ не римлянъ, а имперіи. Провинціи для него не были придатками Италіи, о благѣ которыхъ онъ долженъ былъ печись лишь настолько, насколько этого требовалъ интересъ италійскаго господства, но равноправными членами имперіи. Прежде всего это относилось къ эллинскому востоку, высокая культура котораго наполняла его удивленіемъ. Потому-то онъ по всему римскому міру сооружалъ свои декоративныя и полезныя постройки, даже тамъ, гдѣ не было римскихъ военныхъ интересовъ; потому-то онъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ старался внѣдрить въ римскую культуру греческую умственную образованность. Потому-то онъ создалъ административный аппаратъ, который долженъ былъ, внѣ спеціально римской традиціи, управлять государствомъ съ общихъ точекъ зрѣнія. Сенаторскія должности для этого были непригодны; даже самый сенатъ, въ которомъ сидѣла высшая римская знать, долженъ былъ держаться вдали отъ управленія. Онъ долженъ былъ впредь только постановлять законы, которыми управленіе упорядочивалось по предложенію правительства, и только въ сенаторскихъ провинціяхъ, которыя искони далеко уступали

императорскимъ по значенію, а теперь и по числу, сенатъ самъ участвовалъ въ управленіи черезъ назначенныхъ имъ намѣстниковъ. Consistorium Principis теперь состояло изъ лицъ всаднического сословія, которыхъ императоръ опредѣлялъ на свою службу и содержалъ на жалованьи, какъ своихъ слугъ; точно также и всѣхъ чиновниковъ по управленію. Во главѣ ихъ стояли министерства финансовъ, канцеляріи и прошеній, которыя изъ императорскихъ придворныхъ должностей окончательно превратились въ оффиціальныя государственныя должности; канцелярія распалась на латинское и греческое отдѣленія. Судъ и полицейская служба въ провинціяхъ по прежнему находились въ рукахъ намѣстника, въ Италіи же внутри столицы и ея окружности до сотаго мильнаго камня—въ рукахъ городского префекта, а внѣ этой окружности—въ рукахъ префекта преторіанцевъ. Рядомъ съ ними стояли окружные начальники, которые должны были рѣшать дѣла общинъ и дѣла о наслѣдствахъ въ болѣе отдаленныхъ отъ столицы областяхъ. Но чтобы создать прочную основу для правосудія, Адріанъ черезъ юриста Сальвія Юліана пересмотрѣлъ унаслѣдованныя отъ предковъ правовыя нормы и переработалъ ихъ въ сводъ оффиціально дѣйствующихъ законовъ. И почтовое дѣло теперь болѣе прежняго стало вѣтвью государственнаго управленія, съ тѣхъ поръ какъ содержаніе почтъ перешло отъ провинцій къ государственной казнѣ. Почтой теперь завѣдывалъ генеральный почтмейстеръ въ Римѣ и главныя почтовыя управленія для отдѣльныхъ провинцій и заморскихъ линій, но она по прежнему исполняла только порученія правительства, должностныхъ лицъ, солдатъ и особо привилегированныхъ лицъ. Все чиновничье сословіе было тщательно расчленено по чину и доходу; необходимымъ условіемъ считалось юридическое образованіе, а служба въ низшихъ должностяхъ приравнивалась къ военной. Цѣлая армія помощниковъ и писцовъ дополняла это чиновничье государство, въ которомъ каждый членъ имѣлъ свой твердо установленный кругъ обязанностей.

Споспѣшествованіе искусству и наукѣ. Адріанъ, пожалуй, былъ самымъ образованнымъ изъ римскихъ императоровъ. Онъ слагалъ стихи, писательствовалъ подъ чужимъ именемъ, занимался математикой, былъ глубокимъ знатокомъ литературы и музыки. Онъ привлекалъ въ свое общество первѣйшихъ ученыхъ и художни-



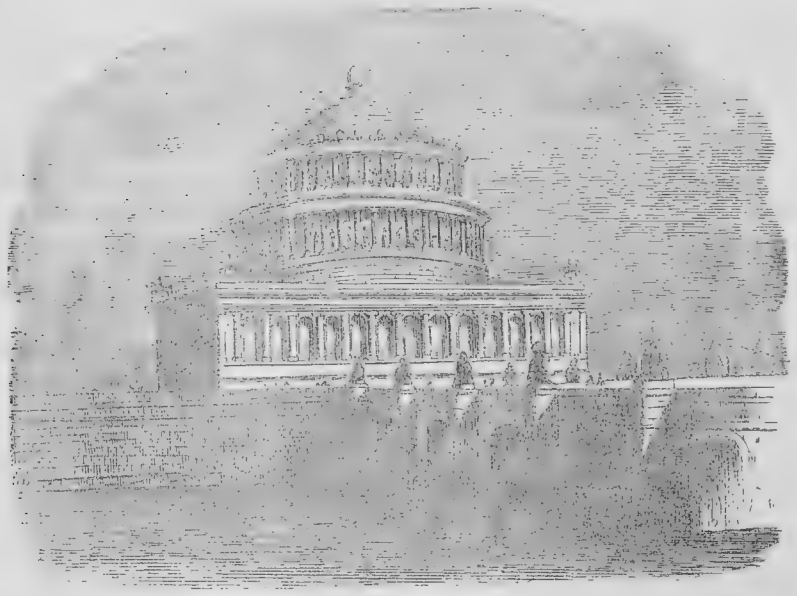
Мавзолей императора Адріана
(Замокъ Св. Ангела) въ настоящее время (Съ фотографіи).

ковъ—философовъ, филологовъ, риторовъ, музыкантовъ, математиковъ, астрологовъ, живописцевъ. Его сужденія были рѣзки, часто оскорбительны, но, въ видѣ пластыря, онъ клалъ на рану золото. Еще Веспасіанъ учредилъ каѳедру риторики; Адріанъ расширилъ это заведеніе по аѳинскому образцу въ высшую школу, называвшуюся Athenaeum, въ которую онъ пригласилъ наилучшихъ профессоровъ и докторовъ свободныхъ искусствъ; впрочемъ и другіе видные ихъ представители, а также литературныя знаменитости читали здѣсь свои лекціи.

Какъ истый римлянинъ, императоръ развивалъ также гран-

діозную строительную дѣятельность и большими задачами споспѣшествовалъ изобразительнымъ искусствамъ. Онъ реставрировалъ обветшавшія постройки Кесаря, Октавіана, Агриппы и, отодвинувъ колоссальную статую Нерона, при помощи 24 слоновъ, къ Колизею, велѣлъ по собственнымъ планамъ соорудить блестяще отдѣланный двойной храмъ Венеры и богини Roma на площади, окруженной двойнымъ портикомъ. Вернувшись послѣ путешествій, онъ построилъ близъ Тибура (Тиволи), навѣрное также по собственной идеѣ, исполинскую лѣтнюю резиденцію окружностью въ 15 километровъ, которую онъ наполнилъ путевыми воспоминаніями. Тутъ были Ликей, Академія, Пританей, Пестрая галерея подобно соотвѣтствующимъ постройкамъ въ Аѳинахъ, Канопъ, подобный увеселительному мѣсту около Александріи, Темпейская долина, какъ въ Ѳессаліи, даже присподняя; къ этому присоединялись театръ, библіотека, бани, навмахія, гипподромъ, дивная базилика, парадныя палаты, гостиныя, столовыя и т. д. Еще нынѣ обширныя развалины съ ихъ колоннами, мозаиками, мраморными полами, а также римскіе музеи со своими драгоцѣнностями свидѣтельствуютъ о томъ, какая изысканная пышность царила въ этой дивной постройкѣ. Адріану недолго было суждено наслаждаться ею. Когда болѣзнь пригвоздила его къ одру, онъ не только позаботился объ упорядоченіи престолонаслѣдія, но и о постройкѣ своей гробницы. Такимъ образомъ возникъ по ту сторону Тибра на Ватиканскомъ полѣ тотъ исполинскій мавзолей, который пережилъ вѣка и нынѣ еще подъ названіемъ замка св. Ангела образуетъ величественный памятникъ вѣчнаго Рима. На квадратномъ фундаментѣ со сторонами въ 104 метра длины вознеслась главная часть, въ видѣ цилиндра, съ діаметромъ и высотой въ 73 метра; вся постройка была увѣнчана статуями, а наверху—колоссальной статуей самого императора. Прекрасный мостъ, теперешній мостъ св. Ангела, велъ туда съ Марсова поля.

Постройка еще не была окончена, когда императора въ Байяхъ постигла смерть. Такъ какъ онъ самъ былъ бездѣтенъ, то онъ сначала усыновилъ красиваго и даровитаго, но легкомысленнаго Луція Вера, а по смерти послѣдняго, благороднаго, опытнаго Аврелія Антонина; Антонинъ, самъ будучи тоже бездѣтнымъ и находясь въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ свою оче-



Мавзолей императора Адріана.
Реконструкція.

редь долженъ былъ усыновить сына брата своей жены Аннія Фаустины, впослѣдствіи императора Марка Аврелія, и одноименнаго сына покойнаго престолонаслѣдника, впослѣдствіи императора Луція Вера.

АНТОНИНЪ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ.
(138 — 161 по Р. Хр.).

ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. Антонинъ правилъ въ духѣ Адріана. Но тогда какъ послѣдній не былъ свободенъ отъ упрямства, самомнѣнія и въ послѣдніе годы своей болѣзни и отъ жестокости, въ новомъ правителѣ ничего подобнаго не замѣчали. Еще при жизни своего усыновителя онъ смягчилъ не мало суровыхъ приговоровъ, не мало спасъ невинныхъ жертвъ отъ ярости мучимаго страданіями императора. Тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ послушнымъ сыномъ и заботился о доброй славѣ своего усыновителя. Онъ доказалъ это и

Антонинъ Пій.
Мраморная статуя въ Капитолійскомъ музеѣ.

теперь, послѣ смерти Адріана. Въ торжественной процессіи проводилъ онъ тѣло императора въ Римъ, добился отъ сената, несмотря на его противоборство, возведенія покойнаго въ число боговъ, закончилъ его мавзолей, утвердилъ всѣхъ назначенныхъ Адріаномъ должностныхъ лицъ и воспиталъ для трона навязанныхъ ему пріемныхъ сыновей, какъ собственныхъ дѣтей. Сенатъ почтилъ такое его благочестивое отношеніе къ памяти Адріана прозвищемъ Благочестиваго (Pius).

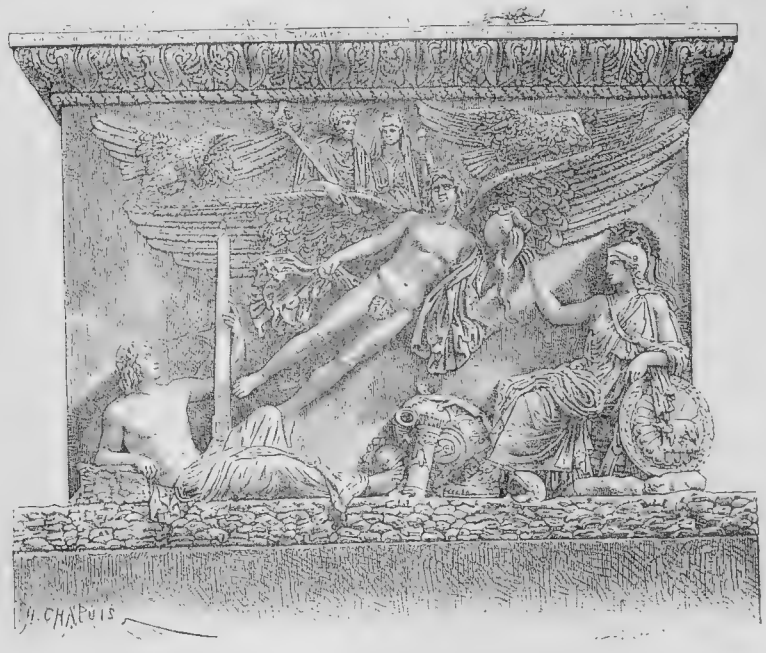
Бережливый хозяинъ, онъ умѣлъ однако жить по-царски и на всякую разумную цѣль щедро давалъ деньги. Землетрясенія, пожары, наводненія, недороды достаточно представляли ему для этого случаевъ. Но онъ учредилъ и большое заведеніе для сиротъ въ память своей покойной супруги, содержалъ въ порядкѣ общественныя постройки и производилъ прежде всего полезныя сооруженія, мосты, маяки, порты, водопроводы, выдавая также государственныя-субсидіи общинамъ, предпринимавшимъ подобныя постройки. Для подъема общаго образованія и въ провинціяхъ,

онъ платилъ и тамошнимъ учителямъ философіи и риторики годовое содержаніе и отличалъ ихъ также инымъ путемъ.

Пользуясь совѣтами первыхъ юристовъ своего времени, Антонинъ заботился о безупречномъ правосудіи и создавалъ новые законы въ духѣ гуманности, напр. для защиты рабовъ, которые теперь, какъ въ Аѳинахъ, подвергшись истязанію, могли потребовать продажи себя другому господину. На основаніи подробныхъ разслѣдованій жизни и ученія христіанъ, онъ и ихъ оградилъ отъ преслѣдованій.

Антонинъ Пій.
Серебряная монета.

Внѣшняя дѣятельность. Его справедливое правленіе доставило ему среди вассаловъ и за-границей имперіи большой авторитетъ, и нерѣдко одного властнаго его слова было достаточно для отвращенія войны. Какъ ни мирно онъ былъ настроенъ, все-таки



Апоѳеозъ Антонина и Фаустины.
Барельефъ основанія колонны Антонина; хранится въ Ватиканѣ.

охрану границъ онъ велъ съ энергіей. Онъ отбросилъ каледонцевъ за Clyde и Forth и успѣшно поддерживалъ далекую Ольвію въ странѣ скиѳовъ въ борьбѣ съ окрестными варварами, не говоря уже о томъ, что обычныя волненія на границѣ не могли достигнуть какого-либо значенія.

Такъ правилъ Антонинъ, какъ истый отецъ своего народа; непритязательный, счастливый старикъ, онъ отдыхалъ отъ правительственныхъ заботъ за охотой и рыбной ловлей или за мимическими представленіями, но охотнѣе всего въ непринужденномъ, свѣтломъ обществѣ друзей, съ которыми онъ охотно бесѣдовалъ, гулялъ, пировалъ, а порой по сельскому обычаю праздновалъ сборъ винограда. Онъ умеръ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, любимый и уважаемый, какъ никто другой изъ императоровъ; однѣ лишь его руки, какъ говорили, не были обагрены кровью гражданъ.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ.
(161—180 по Р. Хр.).

Маркъ Аврелій, какъ правитель и философъ. На смертномъ одрѣ Антонинъ отрекомендовалъ собравшимся друзьямъ и полководцамъ усыновленнаго имъ Марка Аврелія, въ качествѣ своего преемника, и велѣлъ перенести золотую статую Фортуны изъ своей спальни въ спальню Аврелія. Сенатъ съ радостью выразилъ согласіе; но Маркъ тотчасъ-же назначилъ Луція Вера (стр. 365) соправителемъ и далъ ему свою дочь въ супруги. Оба вначалѣ одинаково шли по стопамъ своего предшественника; но когда послѣ продолжительнаго мира снова разразились военныя бури на сѣверѣ и востокѣ имперіи, погрязшій въ чувственности Веръ оказался безсильнымъ, и устоялъ только Маркъ Аврелій. Не только философски образованный, но и восторженный другъ философіи и самъ философъ, давно уже привлеченный своимъ усыновителемъ Антониномъ къ участію въ правленіи, онъ вполнѣ сознавалъ тяжесть своей отвѣтственности, серьезность своего долга, какъ правителя. Его „Размышленія о самомъ себѣ“, которыя онъ писалъ на походахъ въ Германіи, разъясняютъ намъ его принципы. Онъ былъ стои-

комъ новаго направленія, основаннаго фригійцемъ Эпиктетомъ за нѣсколько десятилѣтій до него. Эпиктетъ вернулся къ методу Сократа и подобно послѣднему училъ въ формѣ диспутовъ и ограничивался этикой, а также логикой, которая по его мнѣнію ведетъ къ вѣрному познанію первой. Этика, говорилъ онъ, учитъ насъ упорядочивать съ надлежащихъ точекъ зрѣнія наше мнѣніе и хотѣніе, въ чемъ одномъ только можетъ проявиться свободная воля человѣка. Добро то, что́ отвѣчаетъ истинной природѣ нашего духа, въ основѣ же зла лежитъ заблужденіе. Внѣшнія блага, богатство, власть, слава и т. д., которыя не являются дѣломъ насъ самихъ, не имѣютъ нравственной цѣнности и мѣшаютъ только нашей свободѣ дѣйствій. Добродѣтель состоитъ въ терпѣливомъ перенесеніи и принятіи на себя внѣшняго и въ отстраненіи его вліянія на наше мнѣніе и хотѣніе. „Терпи и воздерживайся“ гласилъ девизъ этихъ стоиковъ, которые учили, какъ сохранять себѣ посреди міра чистое сердце, держась одинаково далеко и отъ аскетизма и отъ мірскихъ наслажденій.

Маркъ Аврелій.
Мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Всѣ бѣды, повидимому, готовы были одновременно разразиться надъ Римомъ. Парѳянскій царь наводнилъ Арменію своими полчищами и разбилъ азіатскіе легіоны, находившіеся подъ начальствомъ сирійскаго намѣстника; хатты вторглись въ римскую Германію и Ретію, а также угрожало британское возстаніе. Маркъ Аврелій послалъ на востокъ своихъ лучшихъ полководцевъ Статія Приска и Авидія Кассія, подъ главнымъ начальствомъ своего соправителя, а другихъ генераловъ противъ хаттовъ и британцевъ. Самъ онъ оставался въ центрѣ монархіи, мудро правя всѣмъ. Онъ регулярно присутствовалъ на засѣданіяхъ сената, которому онъ предоставлялъ важныя рѣшенія; онъ ограничилъ игры, улучшилъ устройство продовольственнаго дѣла, заботился о хорошихъ улицахъ въ городѣ и деревнѣ. Больше всего онъ посвящалъ свои силы правосудію. Онъ увеличилъ число судебныхъ дней до 230, велѣлъ завести реестры личнаго состава свободнаго населенія всей имперіи, далъ сыновьямъ право на наслѣдованіе и имущества матери, учредилъ опекунскій судъ подъ вѣдомствомъ особаго претора и отдачу подъ опеку поставилъ въ зависимость отъ усмотрѣнія подлежащаго присутствія. Другіе законы его касались нечестныхъ чиновниковъ, продажъ съ публичнаго торга, финансовыхъ операцій и т. д. Притомъ самъ онъ неутомимо засѣдалъ въ судѣ, выказывая себя врагомъ всякихъ политическихъ наговоровъ и такихъ жалобъ, по которымъ штрафъ шелъ въ пользу государственной казны.

Фаустина, супруга Марка Аврелія.
Бюстъ въ Неаполитанскомъ музеѣ

Парѳянская и маркоманнская войны; охрана границы на верхнемъ Дунаѣ. Опасность въ Британіи и Германіи скоро была отвращена.

Точно также и на востокѣ, гдѣ Луцій Веръ предавался столичнымъ наслажденіямъ Антіохіи и ея окрестностей, его войска,

Статуя Марка Аврелія
въ Римѣ, на Капитоліѣ.

руководимыя хорошими военачальниками, счастливо сражались противъ парѳянъ, взяли Артаксату, перешли Евфратъ и глубоко проникли внутрь Месопотаміи и Мидіи. Миръ возстановилъ на

востокѣ прежнее положеніе, за тѣмъ исключеніемъ, что месопотамская область Осроэна съ Эдессой и Каррами присоединена была къ римской имперіи.

Скорое заключеніе мира, при которомъ парѳянинъ отдѣлался довольно дешево, вѣроятно связано было съ новой бурей, угрожавшей дунайской позиціи римлянъ почти на всемъ ея протяженіи. Дѣло въ томъ, что уже нѣкоторое время литовско-славянскія племена внутренней Россіи съ силой напирали на восточногерманскія народности на Вислѣ и Одерѣ, на готовъ, вандаловъ, ругіевъ, геруловъ, бургундовъ и другихъ, которые теперь въ свою очередь отступили передъ натискомъ на сѣверъ, западъ и югъ. Черезъ это пришелъ въ движеніе весь міръ племенъ къ сѣверу отъ дунайской линіи, маркоманны въ Богеміи, квады въ Моравіи и Верхней Венгріи, языги между Дунаемъ и Тиссой со всѣми племенами позади нихъ. Черезъ посольство, которымъ руководилъ маркоманнскій князь, одиннадцать народностей попросили себѣ земель на римскомъ берегу Дуная. Намѣстникъ Паннониі отклонилъ ихъ просьбу, и этимъ началась война съ маркоманнами. Пока нападенія оставались разрозненными, начальники придунайскихъ легіоновъ выдерживали ихъ, хотя и съ большимъ трудомъ; но соединеннымъ натискомъ германцевъ сломлено было всякое сопротивленіе, тѣмъ болѣе что въ то-же время на западѣ принимали участіе въ войнѣ хатты и другія племена. Ретія, Норикъ, Паннонія и Дакія попали въ руки вторгшихся враговъ; послѣдніе перешли даже черезъ Альпы, разбили на сѣверовосточной границѣ Италіи одного изъ префектовъ преторіанцевъ, который остался на мѣстѣ съ доброй частью своего войска, и осадили Аквилею.

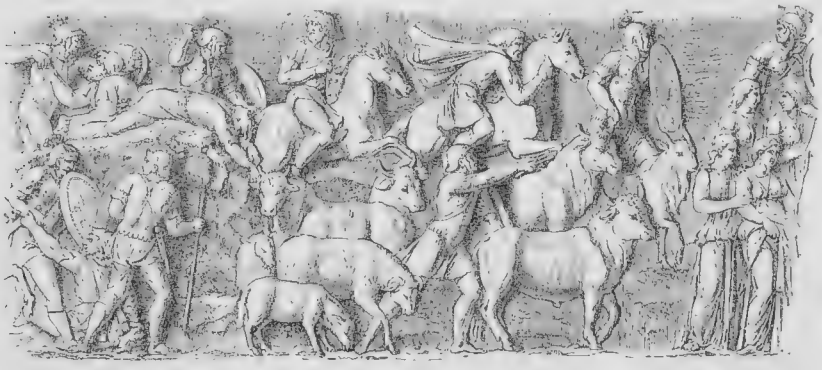
По счастью, только-что была окончена парѳянская война. Но вернувшіяся войска принесли съ собой чуму, а голодъ довелъ финансовыя силы государства до крайней степени напряженія. Маркъ Аврелій долженъ былъ продать съ молотка драгоцѣнности императорскаго дома, чтобы раздобыть денегъ на войну. Пока вооруженія не были окончены, угрожаемыя мѣста Апеннинскаго и Балканскаго полуострововъ защищались отъ нападеній. Императоръ самъ принялъ на себя верховное руководство въ широко распространявшейся войнѣ; его долженъ былъ сопровождать и Луцій Веръ, хотя и очень противъ своего

желанія. Передъ главнымъ войскомъ безъ боя отступили не сплоченныя полчища варваровъ, квады въ первомъ испугѣ даже поко-

Маркъ Аврелій, милующій маркоманнскихъ вождей.
Съ рельефа Капитолійскаго музея.

рились; правда, чтобъ потомъ снова отпасть. Пока въ Ретіи и въ Норикѣ съ одной стороны, а въ Дакіи съ другой младшіе вое-

начальники очищали страну отъ непріятеля, императоръ проникъ черезъ Карнунтъ въ самое сердце непріятельской позиціи. Въ тяжелыхъ бояхъ, послѣ продолжительнаго колебанія военнаго счастья—Веръ тѣмъ временемъ умеръ—онъ заставилъ покориться сначала маркоманновъ, затѣмъ квадовъ, и наконецъ языговъ. Покоренныя племена должны были, выдавъ сотни тысячъ уведенныхъ римскихъ подданныхъ, поставить вспомогательныя войска и очистить полосу земли вдоль лѣваго берега Дуная. Для лучшаго отраженія будущихъ нападеній, Маркъ Аврелій занялъ Дунайскую линію двумя новыми легіонами, изъ которыхъ одинъ, назначенный для отраженія хаттовъ и другихъ западногерман-



Сцена второй войны съ маркоманнами.
По рельефамъ колонны Марка Аврелія въ Римѣ. Германцы частью сдались, частью бѣгутъ черезъ горы; жены ихъ уводятся въ неволю, скотъ угоняется въ видѣ добычи.

скихъ племенъ, получилъ стоянку въ самомъ сѣверномъ пунктѣ Дуная—Regina Castra (н. Регенсбургъ), а другой въ Лавріакѣ (нынѣ Лорхъ) при устьѣ Энса, противъ маркоманновъ. Въ это время повидимому былъ законченъ и германско-ретійскій limes. Теперь и здѣсь, подъ защитой легіонныхъ лагерей и фортовъ, вскорѣ появились поселенія съ римской жизнью.

Къ чему напрасно стремился Августъ—завоеванію страны къ сѣверу отъ Дуная до верхней Эльбы и соединенію придунайскихъ владѣній съ прирейнскими—казалось достигнутымъ. Маркъ Аврелій собирался уже сдѣлать послѣдній шагъ къ этому и превратить только-что покоренныя области въ провинціи Маркоманнію и Сар-

матію (страну языговъ), когда возстаніе его намѣстника Авидія Кассія, провозгласившаго себя императоромъ, отозвало его на востокъ. Правда, онъ уже по дорогѣ узналъ, что вѣроломный намѣстникъ былъ убитъ своими собственными солдатами; тѣмъ не менѣе онъ сперва возстановилъ порядокъ въ Азіи, прежде чѣмъ взяться за другое предпріятіе.

По возвращеніи въ Римъ, Маркъ Аврелій почтенъ былъ бронзовой конной статуей, которая въ теченіе вѣковъ неоднократно мѣняла свое мѣсто и въ настоящее время стоитъ на Капитоліѣ. Она изображаетъ императора, возвращающагося съ похода и протягивающаго свою приносящую миръ, правую руку, навстрѣчу своему народу. Другимъ его памятникомъ является Маркова колонна на Piazza Colonna, которая подобно Траяновой колоннѣ покрыта рельефными изображеніями изъ войны съ маркоманнами и даетъ такимъ образомъ древнѣйшія достовѣрныя картины германской жизни.

Какъ только у императора были развязаны руки, онъ поспѣшилъ на Дунай, чтобы закончить свое дѣло. Всякое сопротивленіе было сломлено, укрощенные строптивые варвары въ значительной части были удалены съ насиженныхъ мѣстъ и поселены въ имперіи, особенно въ придунайскихъ земляхъ, въ качествѣ колоновъ, т.-е. они получили земельные участки, но были прикрѣплены къ послѣднимъ, должны были отбывать военную службу и платить подати государству и императору или другому знатному землевладѣльцу. Вмѣстѣ съ этимъ началась германизація областей къ югу отъ Дуная. Посреди этой дѣятельности Маркъ Аврелій схваченъ былъ чумой и умеръ въ Виндобонѣ въ 180 г.

КОММОДЪ.

(180—192 по Р. Хр.).

Сынъ Марка Аврелія былъ девятнадцатилѣтнимъ юношей, испорченнымъ до мозга костей придворной челядью и снисходительностью своего отца. Тщеславный, жестокій и разпузданный, онъ не понималъ великихъ плановъ своего предшественника и старался освободиться, какъ прежде отъ руководства разумныхъ воспитателей, такъ теперь

отъ вліянія дѣльныхъ полководцевъ и государственныхъ мужей, вышедшихъ изъ школы послѣднихъ императоровъ. Онъ отвелъ войско опять обратно за Дунай и предоставилъ покоренныя народности себѣ самимъ. Прибывъ въ столицу, онъ вскорѣ возстановилъ злѣйшія времена Нерона. Сенатъ, его собственные родные съ отвращеніемъ отвернулись отъ него; однако совершенное на его жизнь покушеніе не удалось. Это сдѣлало его кровожаднымъ тираномъ по отношенію къ его семьѣ, къ сановникамъ имперіи. Фавориты, льстившіе его страстямъ, управляли государствомъ, но одинъ за другимъ падали жертвами его капризовъ. Онъ приказывалъ украшать себя титулами, которые были насмѣшками надъ его жизнью, какъ-то: Набожный, Счастливый, Побѣдитель германцевъ и британцевъ, Геркулесъ. Послѣднее прозвище онъ присвоилъ себѣ потому, что въ амфитеатрахъ съ большимъ искусствомъ пристрѣливалъ дикихъ животныхъ, изъ безопаснаго мѣста; мало того, онъ разрѣшилъ, чтобы ему ставились статуи съ львиной шкурой и палицей Геркулеса. Гладіаторскія игры были величайшимъ его удовольствіемъ, гладіаторы—любимѣйшимъ обществомъ, и самъ онъ выступалъ передъ народомъ въ качествѣ гладіатора. Что онъ пере-

Коммодъ.
Серебряная монета.

Коммодъ.
Мраморная статуя въ Ватиканѣ.

именовалъ Римъ въ колонію Коммода, называлъ свой вѣкъ золотымъ вѣкомъ Коммода, это только нѣсколько примѣровъ изъ массы другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что тщеславіе сдѣлало его полуумнымъ. Безстыдно онъ позволялъ себѣ публично все то, что́ было бы гнуснымъ дѣломъ даже дома. Занятіе должностей, правосудіе считались средствами пополненія императорской казны, словомъ онъ какъ-бы желалъ испытать, что́ можетъ себѣ позволить императоръ по отношенію къ римлянамъ. Когда наконецъ голодъ возмутилъ противъ него и массу, новый заговоръ удался. Въ послѣдній день 192 года, прежде чѣмъ императоръ успѣлъ выполнить свое намѣреніе участвовать во главѣ своихъ гладіаторовъ въ торжественномъ новогоднемъ шествіи на Капитолій и умертвить консуловъ, онъ былъ задушенъ. Сенатъ объявилъ его теперь врагомъ отечества и отмѣнилъ его законы, народъ ниспровергъ его статуи, и немногаго не доставало, чтобы сына Марка Аврелія на крюкѣ поволокли въ Тибръ. Но такое отношеніе раздражило войско, которое не признало престарѣлаго сенатскаго императора Пертинака и надолго завладѣло престоломъ.

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА ВРЕМЕНЪ ПРИНЦИПАТА.

(27 до Р. Хр.—192 по Р. Хр.).

ПРАВИТЕЛЬСТВО И НАРОДЪ.

Упорядочивающая дѣятельность императоровъ, сдѣлавшихся таковыми по усыновленію, на границахъ и внутри государства на время задержала упадокъ. Прежде чѣмъ онъ начнется, обозримъ состояніе имперіи и высоту ея культуры.

Правительство принципата. Монархическій строй принципата, возлагавшій на императора охрану и верховный надзоръ за управленіемъ государства, прочно утвердился, опираясь на войско,

которое подъ начальствомъ своего императора находилось въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ подъ командой быстро чередовавшихся несамостоятельныхъ сенатскихъ генераловъ. Вмѣстѣ съ завоеваніемъ новыхъ территорій и присоединеніемъ вассальныхъ государствъ число императорскихъ провинцій настолько увеличилось по сравненію съ сенатскими, что, въ связи съ возрастающимъ значеніемъ фиска, т.-е. императорской казны, уже перевѣсъ этого могущества долженъ былъ ослабить вліяніе сената. А произведенная Адріаномъ реформа управленія почти совсѣмъ устранила это вліяніе. Если бы сенатъ захотѣлъ итти своей собственной дорогой, то этому воспрепятствовало бы императорское veto; всякая оппозиція подавлялась въ зародышѣ императорской цензурой, а, по усмотрѣнію, и казнями. Приходилось бояться только тихаго, неуловимаго сопротивленія, проявлявшагося въ ядовитыхъ анонимныхъ стихахъ и въ медлительномъ исполненіи или въ неправильномъ пониманіи желаній правительства, а то даже и въ заговорахъ, и сенатъ становился силой лишь тогда, когда престолъ былъ вакантенъ, силой, противовѣсомъ которой могла быть только солдатчина. Поэтому разумные императоры всегда поддерживали хорошія отношенія съ этой уважаемой корпораціей, обезпечивали ея членамъ личную безопасность, предоставляли ихъ проступки суду корпораціи-же, отдавали ей для рѣшенія важныя дѣла, усердно участвовали въ ея совѣщательныхъ и судебныхъ засѣданіяхъ, брали изъ ея среды подходящихъ людей для службы по управленію и въ войскѣ и выказывали ей также внѣшнее уваженіе и почтеніе. Тѣ государи, которые умѣли щадить гордость древней, почтенной аристократической коллегіи, доставляли своему правленію такую опору, которая имъ оказывала хорошія услуги не только передъ народной массой, но и по отношенію къ войску.

Дворъ. Жизнь при императорскомъ дворѣ, которая вначалѣ вращалась въ рамкахъ знатнаго частнаго дома, все-таки скоро, благодаря подражанію церемоніалу царскихъ дворовъ востока, пріобрѣла восточный характеръ. Какъ при персидскомъ дворѣ, особа императора была окружена избранной толпой „друзей“; они составляли одновременно и его тайный совѣтъ. Приходя ежедневно утромъ для привѣтствія, они принимались съ поцѣлуемъ и объятіями; они обѣдали за императорскимъ столомъ и

сопровождали государя въ путешествіяхъ и походахъ, а часто и при его выходахъ въ столицѣ. Привѣтствованіе монарха словомъ „господинъ“ скоро стало постояннымъ обычаемъ. Дальнѣйшія восточныя церемоніи, какъ то: цѣлованіе руки и ноги, преклоненіе колѣнъ и обоготвореніе покамѣстъ требовались только дурными императорами. Но шитая золотомъ одежда прислуги, золотая столовая посуда, золотыя обшивки подушекъ и скатерти были также не римскими предметами, на которые не имѣли права частныя лица. Придворное общество состояло, кромѣ мужскихъ и женскихъ особъ императорскаго дома и „друзей“ императора, изъ „собесѣдниковъ“, заботившихся о разговорѣ. Это были, смотря по склонностямъ государя, ученые, философы, поэты, художники, врачи, астрологи, по большей части граждане, часто и иностранцы; не отсутствовалъ и придворный шутъ. Къ этому присоединялись высшіе чины придворной службы: завѣдующій императорской казной, тайный секретарь, управляющій канцеляріей по пріему прошеній, главный камерарій, выдвинувшіеся вольноотпущенники, наконецъ наложницы и мальчики. Это общество окружено было тучей лакеевъ, пажей, евнуховъ, актеровъ, танцовщиковъ, придворныхъ ремесленниковъ, которые слагали придворныя сплетни и часто оказывали тайное вліяніе. Дѣти придворнаго общества воспитывались и обучались вмѣстѣ съ дѣтьми императорскаго дома, императорскіе лейбъ-пажи въ Paedagogium, которое открыто на западномъ склонѣ Палатина. Дворъ вскорѣ сталъ вліять и на обычаи частнаго дома, сначала знатнаго, въ области костюма, любимыхъ блюдъ, домашнихъ средствъ, а также воспитанія, образа жизни и направленія вкуса. Роскошь стола и безнравственность послѣднихъ Юліевъ вызывали подражаніе такъ-же, какъ и болѣе простой, болѣе приличный образъ жизни Флавіевъ и императоровъ по усыновленію; склонность Нерона къ риторическому и музыкальному дилетантству, рвеніе Адріана и его пріемниковъ къ искусству и наукѣ такъ-же, какъ и участіе Нерона и Коммода въ играхъ въ циркѣ и на аренѣ; склонность же Адріана къ стариннымъ словамъ и формамъ въ области языка дала даже побѣду новому направленію латинской прозы.

Сословія. Всемогущее положеніе императора и его двора, быстрое вымираніе старинной знати, сильно порѣдѣвшей вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ и подозрительности Юліевъ, наконецъ

возвышеніе новыхъ родовъ ослабляли замкнутость сословій, такъ-же, какъ совершавшееся все рѣшительнѣе превращеніе римскаго государства въ міровую монархію все болѣе и болѣе сглаживали границы между римлянами и неримлянами. Сыновья вольноотпущенныхъ, ставшіе гражданами галлы и испанцы, греки, азіаты и африканцы, за исключеніемъ египтянъ, которые считались императорскими подданными, проникали въ всадническое и сенаторское сословіе и занимали даже курульныя должности и намѣстничества. Тѣмъ не менѣе ревниво удерживались внѣшнія различія. Если обыкновенный рабъ носилъ одно имя, а императорскій и государственный рабъ—два, то вольноотпущенникъ принималъ третье имя, а свободнорожденный гражданинъ—четвертое и еще больше; римлянинъ-горожанинъ чувствовалъ себя выше муниципальнаго гражданина, италикъ—выше провинціальнаго гражданина, туземный римлянинъ выше гражданина, происходившаго отъ несвободныхъ предковъ, сенаторъ—выше всадника, знать выше третьяго сословія, древняя знать—выше молодой.

Сенаторы. Сословіе сенаторовъ, которое императоры пополняли преданными людьми изъ знати и высшаго финансоваго міра, изъ чиновныхъ, офицерскихъ и ученыхъ сферъ, по своему житейскому положенію было довольно разнообразно. Минимальное состояніе считалось еще въ милліонъ сестерціевъ (болѣе 50,000 рублей золотомъ), и многіе сенаторы, навѣрное тѣ, которымъ щедрые покровители или императоры дарили сумму, нехватавшую имъ для полученія этого званія, имѣли немногимъ больше необходимаго. Но такими средствами нельзя было покрывать соотвѣтствовавшихъ этому званію расходовъ на жилище, комфортъ и прислугу, не говоря уже о тратахъ на должности и игры. Участіе въ торговыхъ товариществахъ, денежныя операціи, производимыя подъ именемъ своихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ особенно въ провинціяхъ, платныя офицерскія и чиновничьи должности, адвокатура должны были доставлять имъ новыя средства; но часто императорамъ приходилось оказывать знати поддержку, для охраненія ея отъ самой жалкой нищеты, завѣщанія и богатые браки также должны были выручать въ случаяхъ крайней нужды, и среди императоровъ, ладившихъ съ сенатомъ, нерѣдки были случаи, когда намѣстникъ грабилъ провинцію едва ли менѣе основательно, чѣмъ во дни Верреса. Рядомъ съ этимъ бывали сенаторы

съ царскими богатствами, которыя по большей части помѣщены были въ италійскія и заграничныя латифундіи величиной въ цѣлое царство, съ доходными предпріятіями всякаго рода, какъ-то: коневодствомъ и овцеводствомъ, винодѣліемъ, пчеловодствомъ, кирпичными заводами, рудниками, фабриками и гостинницами. Во всѣхъ областяхъ Италіи, частью и за границей, блистали ихъ дворцы, походившіе на цѣлые города, такъ что они и во время путешествій были какъ бы дома. Дворецъ столичный, превосходя всѣ другіе великолѣпіемъ мрамора и золота, пространственнымъ протяженіемъ своимъ не уступалъ деревенскимъ; дворы съ колоннадами окружали цѣлыя рощи лавровыхъ и платановыхъ деревьевъ съ дорожками для гулянія и ѣзды. Блескъ дома увеличивали, кромѣ многочисленной прислуги, свободнорожденные приверженцы и кліенты, добровольно поступавшіе на службу своихъ покровителей. Эта свита сенаторовъ, широкая пурпуровая кайма ихъ туники, почетное мѣсто, которое они занимали на всѣхъ зрѣлищахъ, привѣтствіе Vir clarissime, т.-е. ваше высокородіе [1]) и всякія другія внѣшнія преимущества дѣлали ихъ положеніе завиднымъ для людей низшихъ по рожденію; но самой гордой сословной привилегіей была та, что изъ ихъ среды назначались люди на древнія республиканскія должности. Все еще предметомъ честолюбивыхъ стремленій сенаторовъ было достиженіе этихъ должностей, которыя, какъ ни много утратили онѣ фактической власти, до конца римской имперіи сохраняли свою прелесть, какъ чины и титулы. Вѣдь дарованіе этихъ должностей было одновременно и мѣриломъ императорской милости. Ибо императоръ не только самостоятельно замѣщалъ консульство, но и устанавливалъ списокъ кандидатовъ, изъ которыхъ сенатъ выбиралъ требуемое число квесторовъ, эдиловъ, трибуновъ, преторовъ и консуловъ. Начиная съ 25 года жизни можно было сдѣлаться квесторомъ, съ 27 трибуномъ и эдиломъ, съ 30 преторомъ, съ 33 консуломъ; но императоръ имѣлъ также право повышать внѣ очереди или же даровать одни только внѣшнія почетныя права безъ самой должности. Молодой человѣкъ изъ сенаторской семьи не боялся ни трудовъ, ни издержекъ для того, чтобы добиваться этихъ долж-

[1]) Или, скорѣе, превосходительство.

Примѣч. ред. перевода.

ностей и почестей, и все-таки такому искателю должности приходилось по цѣлымъ мѣсяцамъ дѣлать утренніе визиты у вліятельныхъ особъ, цѣловать руки, дѣлать подарки, агитировать среди родныхъ и знакомыхъ, устраивать пиршества и т. д.

Всадники. Если сенаторское сословіе имѣло своимъ мѣстопребываніемъ исключительно Римъ, то сословіе всадниковъ было распространено по всей имперіи. По прежнему его отличали отъ третьяго сословія золотой перстень, пурпуровая кайма на туникѣ и особое мѣсто на общественныхъ праздничныхъ представленіяхъ; точно также требовалось еще минимальное состояніе въ 400,000 сестерціевъ (около 20,000 руб. зол.). Непринятіе императорами многочисленныхъ вольноотпущенниковъ и самовольное присвоеніе этого званія со стороны другихъ разложили сословіе, и не оставалось ничего другого, какъ собрать лучшіе его элементы въ особыя корпораціи, изъ которыхъ брались императорскіе чиновники на не-сенаторскія должности. Имущественное и ранговое положеніе и здѣсь было весьма различно: богатые капиталисты и землевладѣльцы, негоціанты, фабриканты, откупщики пошлинъ, всякаго рода предприниматели стояли на ряду съ офицерами и чиновниками, начиная отъ лучше поставленнаго младшаго по службѣ до высшихъ должностей императорской бюрократіи.

Третье сословіе. Третье сословіе, сословіе простыхъ гражданъ, было самымъ пестрымъ изъ всѣхъ. Въ немъ нашла себѣ мѣсто большая масса вольноотпущенныхъ рабовъ всѣхъ племенъ, а также провинціальныхъ гражданъ, и для большинства Римъ былъ эльдорадо ихъ желаній. Эта масса рабочихъ, ремесленниковъ, торговцевъ, художниковъ, представителей ученыхъ профессій, кандидатовъ на какую-нибудь мелкую должность, составляли другъ другу конкурренцію, которая должна была понижать заработокъ, независимо даже отъ участія рабовъ въ платной работѣ, ремеслахъ и торговлѣ. Поэтому существовала масса людей, которые ждали облегченія своей участи отъ щедрости императоровъ и легко начинали волноваться, если послѣдняя не удовлетворяла ихъ желаній. Къ регулярной раздачѣ зерна, присоединялись чрезвычайныя выдачи хлѣба, вина и масла, даже наличныхъ денегъ, общественныя угощенія и почти безплатный доступъ къ грандіознымъ термамъ, съ холодными и паровыми банями, гардеробами, корридорами для гулянья, помѣщеніями для физическихъ упражненій и т. д.

Тѣмъ не менѣе процвѣтало попрошайничество у мостовъ, ступеней храмовъ, дверей домовъ и городскихъ воротъ. Велико было также число тѣхъ, которые за столъ или скудную поденную плату и случайныя подачки поступали въ качествѣ кліентовъ въ свиту зажиточнаго господина, чтобы въ ранній утренній часъ дѣлать ему свой визитъ, сопровождать его повсюду въ жаркой тогѣ и при этомъ терпѣть дерзости его и его рабовъ. Конечно, иной мелкій человѣкъ дорабатывался и до приличнаго, зажиточнаго существованія; среди вольноотпущенниковъ было даже немало такихъ людей, которые, разбогатѣвъ, старались преувеличенной роскошью прикрыть недостатки своего происхожденія. Прогрессивное раздѣленіе труда заставляетъ предполагать существованіе крупнаго потребленія; сильно пріумножившіеся цехи ремесленниковъ и гильдіи торговцевъ путемъ общаго принятія заказовъ вступали въ борьбу съ рабовладѣльцами и регулировали цѣны въ свою пользу; цеховые праздники и надгробные памятники лицъ этихъ сословій, украшенные изображеніями изъ ихъ жизни, свидѣтельствуютъ объ извѣстномъ благосостояніи многихъ. Другой классъ обозначенныхъ людей составляли, при сильно поднявшейся строительной потребности и художественномъ вкусѣ, архитекторы, живописцы и ваятели; изъ другихъ художниковъ хорошо оплачивался трудъ музыкантовъ, актёровъ и танцовщиковъ. Изъ ученыхъ профессій правовѣдѣніе и медицина пользовались наибольшей доходностью, учительское званіе—наименьшею. Частному учителю—а въ первое время были только такіе—былъ ли онъ домашнимъ учителемъ, или содержателемъ собственной школы, приходилось за нищенское вознагражденіе страдать отъ притязаній родителей и отъ разнузданности учениковъ. Лишь Веспасіанъ далъ въ Римѣ постоянную должность профессору риторики, Адріанъ назначилъ при своемъ Athenaeum'ѣ и другихъ учителей, Антонинъ сдѣлалъ то-же самое въ провинціи; съ тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ небольшому числу изъ нихъ было обезпечено существованіе. Постоянное жалованье вызывало сильный наплывъ и къ младшимъ должностямъ писцовъ, ликторовъ, курьеровъ,-глашатаевъ, которые всѣ могли заниматься кромѣ того и другимъ дѣломъ, а больше всего къ военному званію, которое привлекало своею возрастающей почетностью, наряду съ благопріятнымъ денежнымъ положеніемъ и шансами на повышеніе.

Особенно много стекалось народу въ когорты преторіанцевъ: вѣдь здѣсь жалованье рядового составляло 2 денарія (около 50 копѣекъ зол.); къ этому присоединялись еще значительныя почетныя награды, въ особенности при воцареніи императоровъ, до суммы нѣсколькихъ тысячъ германскихъ марокъ, изъ которыхъ половина удержигалась въ когортной кассѣ до увольненія солдата, а кромѣ того при увольненіи — послѣдняя награда приблизительно въ 1,800 нынѣшнихъ рублей). Но и прочія войска получали высокіе оклады жалованья, хотя послѣдніе и не достигали окладовъ гвардіи. Сверхъ того рядовой солдатъ могъ выслужиться до центуріона и даже до трибуна и префекта всадниковъ; а если кто имѣлъ счастіе поступить съ особаго императорскаго разрѣшенія сразу на должность центуріона, то онъ могъ достигнуть командованія легіономъ, поста префекта гвардіи, всадническаго и сенаторскаго званія. Если, наконецъ, прибавить къ городскимъ элементамъ гражданства еще и окрестныхъ земледѣльцевъ и огородниковъ, которые сбывали свои произведенія по хорошимъ цѣнамъ, то предъ нами и будетъ картина третьяго сословія того времени.

Жизнь и занятія въ Римѣ. Городское населеніе было на ногахъ уже съ разсвѣта. Посреди выкрикивавшихъ свой товаръ хлѣбниковъ и молочниковъ тянулись толпы кліентовъ и другихъ посѣтителей, направлявшихся къ дворцамъ богачей и знати на поклонъ, а по окончаніи пріема вся эта толпа снова извергалась изъ раскрытыхъ порталовъ и отправлялась теперь на свою работу, а та часть, которой нечего было дѣлать, устремлялась на судебныя разбирательства, на бѣга, къ пантомимамъ и всюду, гдѣ было что смотрѣть и слушать. Теперь шумъ и движеніе на улицахъ и площадяхъ, въ особенности на перекресткахъ, становились сильнѣе. Въ открытыхъ на улицы мастерскихъ шелъ стукъ молота и скрипъ пилы (стр. 291 I тома), изъ школъ доносился крикъ дѣтей, хоромъ читавшихъ по складамъ, или какого-нибудь наказаннаго шалуна, а вокругъ ушей раздавались кричащія зазыванія тысячи торговцевъ и уличныхъ артистовъ, жалобы нищихъ и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, дикіе крики какой-нибудь процессіи жрецовъ Беллоны. Къ вечеру денная работа кончалась, и всѣ высыпали на мѣста общественныхъ прогулокъ, въ парки, храмовые портики, бани, библіотеки, въ книжныя и другія

лавки, а также вѣроятно и въ таверны, или же проводили время на Марсовомъ полѣ въ бѣгѣ, верховой ѣздѣ, ѣздѣ на колесницахъ, игрѣ въ мячъ и серсо, въ боѣ оружіемъ и въ борьбѣ. Затѣмъ купались и отправлялись обѣдать. Обѣдъ часто превращался въ праздничный пиръ, на которомъ гости, не считая кулинарныхъ наслажденій, забавлялись музыкальными, декламаціонными, драматическими и другими развлеченіями, а еще болѣе бесѣдой о событіяхъ дня. Здѣсь создавалось общественное мнѣніе, и часто полицейскіе шпіоны и доносчики предавали сотрапезниковъ суду. Возвращались ночью домой въ сопровожденіи многихъ рабовъ съ факелами; ибо ночные гуляки и завсегдатаи тавернъ дѣлали темныя улицы небезопасными, и преступленіе всюду ждало себѣ жертвы. Если гражданинъ тѣмъ не менѣе благополучно возвращался домой, то ему, коль скоро онъ жилъ на одной изъ главныхъ улицъ, не давала спать ѣзда по мостовой, разрѣшенная только ночью. Это вѣчное безпокойство днемъ и ночью и гнало изъ Рима какъ римлянина, такъ и иногороднаго жителя, несмотря на все удивленіе, вызываемое гордившейся своимъ блескомъ столицей имперіи. (По Фридлендеру)

СТОЛИЦА ИМПЕРІИ.

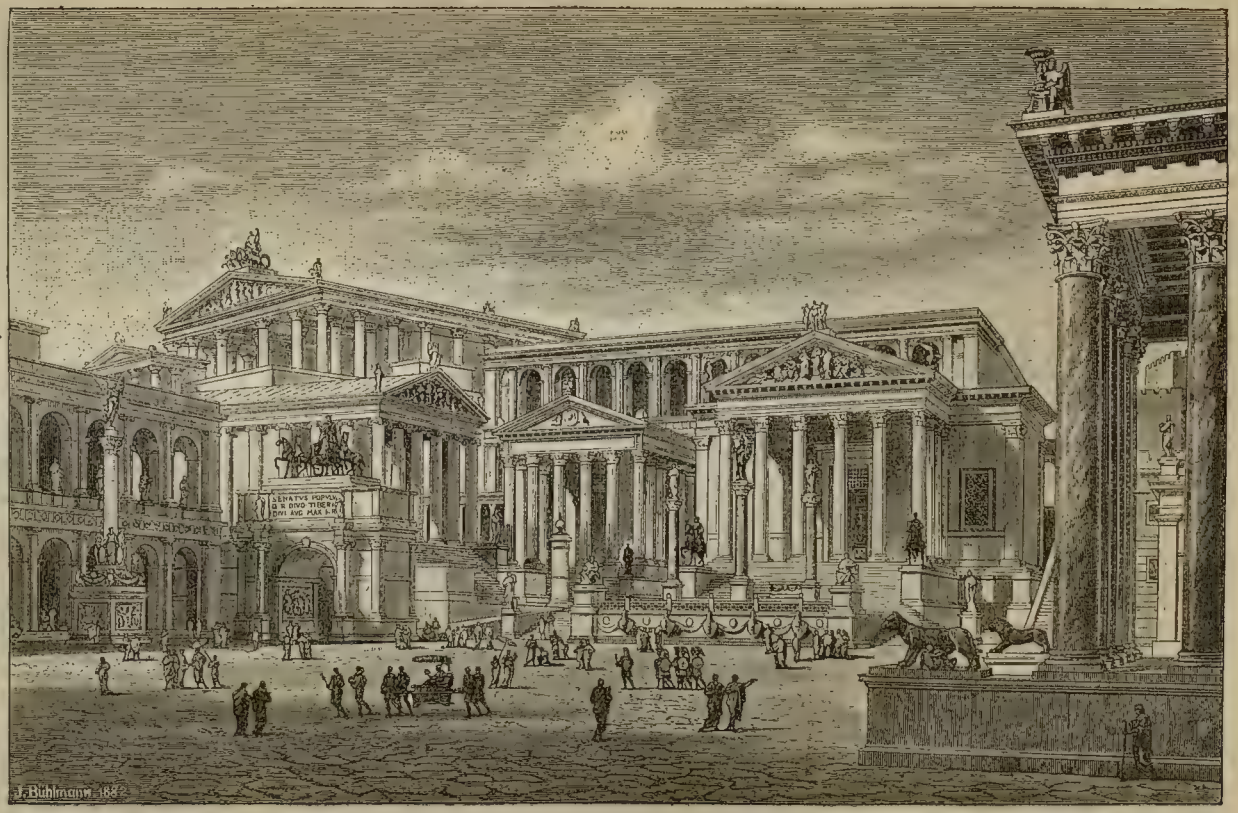
Видъ. Но римскій гражданинъ гордился тѣмъ, что онъ былъ рожденъ въ Римѣ, а иноземцу, который не видалъ Рима, казалось, что онъ не видалъ ничего. Мы не въ силахъ опредѣлить количество тогдашняго населенія; но твердо установлено то, что въ первые два вѣка христіанскаго лѣтосчисленія Римъ достигъ своего величайшаго протяженія и своего высшаго блеска. Страсть императоровъ къ строительству, ихъ блестящій дворъ, удешевленіе денегъ увлекали съ собой и частныя сферы; а многочисленные пожары довершали необходимость новыхъ построекъ. Правда, улицы по нашимъ понятіямъ все еще были узкими, а трехъ-и четырехъ-этажные дома, пристройки и выступы, фонари и балконы съуживали ихъ еще больше. Но съ высоты Капитолія открывался величественный видъ на необозримое море домовъ и множество разсѣянныхъ между ними

храмовъ и дворцовъ, площадей, украшенныхъ колоннадами, статуями и великолѣпными зданіями, театровъ и бань, среди темной зелени садовъ и парковъ. И спустившись по Капитолійской проѣзжей улицѣ къ древней площади, которая теперь въ отличіе отъ вновь заложенныхъ площадей называлась Большимъ или

Общій видъ Римскаго Форума въ нынѣшнемъ его видѣ. Съ фотографіи.

Римскимъ форумомъ, вступали въ самую середину мраморнаго великолѣпія, передъ которымъ скромно отступали на задній планъ невзрачные остатки республиканскаго времени.

Forum Romanum. Со стороны Капитолія красовался портикъ „Согласныхъ боговъ“ съ 12 позолоченными статуями верховныхъ боговъ, справа отъ него храмы Веспасіана и Согласія (стр. 201



Квириналъ Капитолій. Термы Тита. Палатинъ съ императ. дворцами. Септизоній.
съ храмомъ солнца. Forum Trajani. Circus maximus.
Портикъ Октавіи. Театръ Марцелла. Forum boarium. Храмъ Весты. Cloaca maxima.
Островъ на Тибрѣ съ храмомъ Эскулапа. Аврелiанова стѣна.

Римъ во времена императоровъ (видъ съ Яникула).
Реставрація проф. Bühlmann'a.

I тома), изъ которыхъ послѣдній заключалъ внутри себя драгоцѣнныя произведенія искусства; впереди этихъ храмовъ, ближе къ площади находился золотой милевой (верстовой) камень, отъ котораго исходили всѣ улицы, большая ораторская каѳедра, длиной въ 24 метра, шириной въ 10 м., украшенная сверху почетными памятниками заслуженныхъ гражданъ, а со стороны площади корабельными носами; рядомъ съ ней Грекостасисъ, галлерея для иноземныхъ пословъ, ждавшихъ своего допущенія въ сенатъ. Съ сѣвера, по ту сторону ступенчатаго всхода на Капитолій, примыкала древняя государственная тюрьма и Юліева курія со своей канцеляріей, затѣмъ справа Эмиліева базилика съ великолѣпными колоннами изъ фригійскаго мрамора съ фіолетовыми прожилками и храмъ Антонина и его жены Фаустины, преддверіе котораго съ чиполлиновыми колоннами, съ ихъ зелеными прожилками, существуетъ еще понынѣ. Восточный край Форума замыкалъ украшенный со стороны площади ораторской каѳедрой храмъ Кесаря, сооруженный на высокомъ фундаментѣ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ сожженъ трупъ диктатора; позади него Регія, служебный домъ главнаго понтифика, и небольшой круглый храмъ Весты; съ южной стороны Форума находились храмъ Кастора (стр. 113, I тома) съ ораторской каѳедрой, отъ котораго сохранились еще три прекрасныя коринѳскія колонны съ лежащимъ на нихъ архитравомъ, Юліева базилика въ 101 метръ длины и 49 м. ширины и храмъ Сатурна, все еще хранившій часть государственной казны. Самая площадь была выложена травертиномъ изъ Тибурскихъ каменоломенъ. Ее прорѣзывали нѣсколько улицъ: изъ нихъ Священная улица шла съ востока на западъ, по направленію къ Капитолійской улицѣ. Тамъ, гдѣ улицы выходили на площадь, онѣ были украшены аркой Яна, на самой же площади тріумфальной аркой. Къ этому присоединялся древній храмъ Яна, статуя Марсіи, дарующаго плодородіе,—древнее украшеніе италійскихъ площадей,—нѣсколько огороженныхъ мѣстъ, куда ударила молнія, и другія воспоминанія прошлаго; наконецъ, трибуналы для суда, насколько послѣдній не перенесенъ былъ еще въ базилики.

Форумы императоровъ. Къ сѣверу отъ этой главной площади простирались, образуя съ нею острый уголъ, новыя площади императоровъ, которыя на первомъ планѣ предназначены были

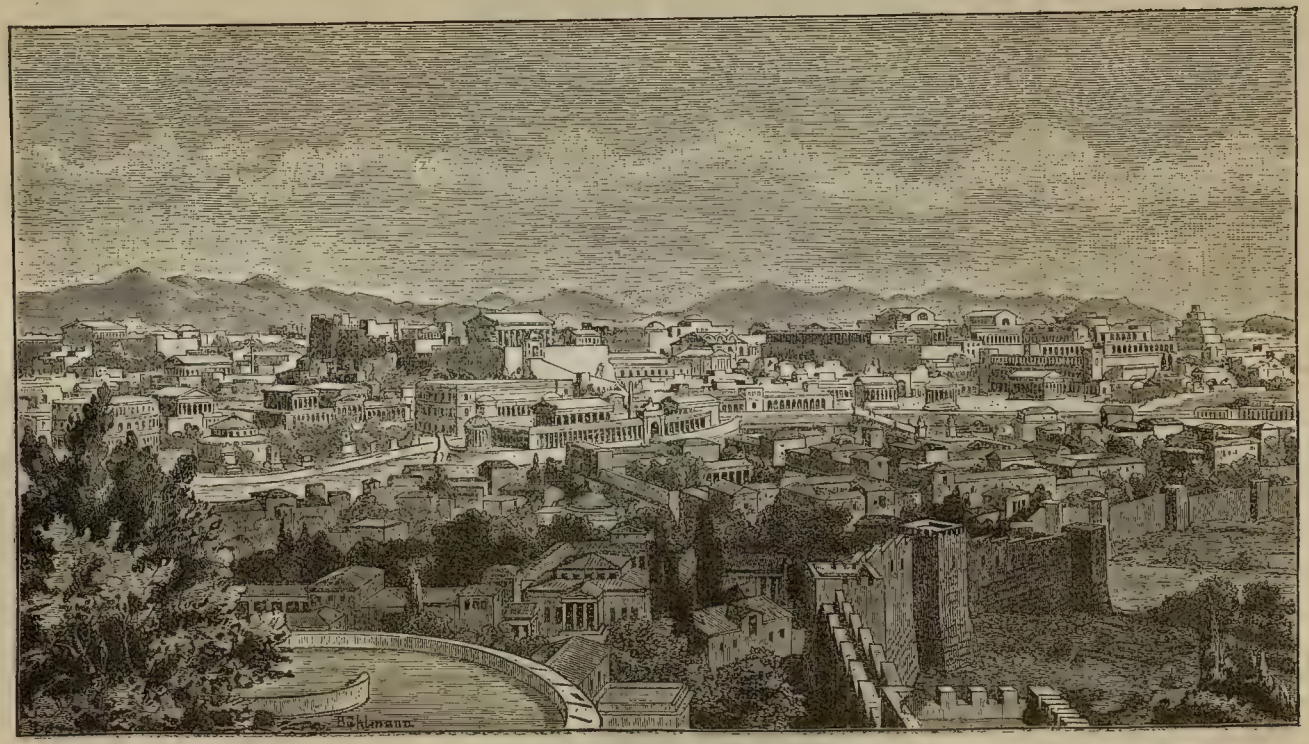
для суда, а затѣмъ также и для достойнаго рода отдыха гражданъ. Высокія стѣны, отчасти украшенныя колоннами и рельефами, съ арками надъ проходами, ограждали здѣсь отъ пожара драгоцѣнныя постройки, храмы съ великолѣпнѣйшими колоннами и статуями, библіотеки, статуи, драгоцѣнныя воспоминанія и сокровища искусства. Съюго-востока на сѣверо-западъ шли одна за другой площадь Веспасіана съ грандіознымъ храмомъ Мира, въ которомъ

Планъ Рима во времена императоровъ.

хранились золотыя сокровища Іерусалимскаго храма; затѣмъ длинная, узкая, но красивая площадь Нервы, начатая Домиціаномъ, далѣе болѣе обширная площадь Августа съ храмомъ Марса „Мстителя“, въ которомъ находились отнятыя у парѳянъ побѣдные трофеи и тріумфальные знаки отличія. Здѣсь часто творили судъ сами императоры, здѣсь принцы надѣвали мужскую тогу, отсюда отправлялись намѣстники въ провинціи.

Впереди площади, со стороны Капитолія и главнаго форума, находилась Юліева площадь (стр. 149). Но краснѣйшею и крупнѣйшею изъ этихъ площадей была выдвинутая всего ближе къ Марсову полю площадь Траяна (стр. 347), на которой въ поражающемъ изобиліи красовались драгоцѣннѣйшіе виды мрамора и гранита. Подобная же площадь находилась къ востоку отъ главнаго форума и отъ названныхъ новыхъ площадей, на возвышенности Velia: это была площадь при построенномъ Адріаномъ великолѣпномъ двойномъ храмѣ Венеры и богини Roma, съ его чудными портиками. Позади этихъ построекъ, какъ бы замыкая ихъ, возвышался колоссальный и величественно-спокойный амфитеатръ Флавіевъ (стр. 330), а передъ нимъ исполинская статуя Нерона въ образѣ бога солнца и могучій фонтанъ „Потѣющей остроконечной колонны“, тогда какъ съ противоположной стороны полукругомъ тянулись школы атлетовъ и гладіаторовъ, служившія цѣлямъ игръ.

Campus Martius. На пути отъ императорскихъ площадей къ Марсову полю обрѣтались другія чудеса. Вдоль „Широкой улицы“, продолженіемъ которой была Фламиніева военная дорога, тянулись прежде всего „Загородки“ Кесаря (стр. 149), которыя послѣ прекращенія народныхъ собраній нѣкоторое время служили мѣстомъ праздничныхъ игръ, а теперь содержали роскошные базары Рима. Рядомъ съ ними возвышалась базилика Нептуна, которую Агриппа построилъ въ благодарность за свои морскія побѣды: постаменты колоннъ украшены были изображеніями покоренныхъ провинцій, промежутки между ними оружейными рельефами, а вся постройка была окружена портиками со сценами изъ плаванія Аргонавтовъ. Далѣе по этой улицѣ высилась колонна Марка Аврелія, изображенія на которой вѣщали о побѣдѣ римскаго оружія въ войнѣ съ маркоманнами (стр. 370); она была окружена обведенной колоннадами площадью, задній планъ которой составлялъ храмъ этого императора. Немного въ сторонѣ отъ улицы, по направленію къ Тибру, лежала сплошная масса крупныхъ построекъ. Здѣсь былъ храмъ Минервы, на фундаментѣ котораго нынѣ стоитъ церковь Божіей Матери, здѣсь былъ храмъ Изиды и Сераписа, здѣсь стоялъ обелискъ, посвященный Августомъ богу солнца въ благодарность за завоеваніе Египта, здѣсь находился монументальный жертвенникъ Мира императора



Форумъ во времена императора Тиберія.
Реставрація проф. Bühlmann'a.

Августа, посвященный послѣднему сенатомъ въ память возвращенія его съ испанскаго похода, здѣсь была базилика Матидіи и Марціаны; здѣсь прежде всего находились бани Агриппы съ расположенной съ сѣверной ихъ стороны куполообразной постройкой—Пантеономъ и большой площадью, окруженной портиками; къ послѣднимъ примыкали, ближе къ Тибру, бани Нерона и каменный стадій Домиціана, о размѣрахъ и формѣ котораго и нынѣ еще можно судить по Piazza Navona. Далѣе по „Широкой улицѣ“, тамъ гдѣ Тиберъ подступалъ къ ней ближе всего, виднѣлся мавзолей Августа, усыпальница Юліева дома. Это была круглая постройка, постепенно съуживавшаяся кверху и заканчивавшаяся узкой площадкой; по уступамъ своимъ она была обсажена деревьями, а наверху увѣнчана статуей Августа. У входа помѣщены были бронзовыя таблицы, повѣствовавшія о правительственныхъ дѣлахъ основателя; впереди него высились два обелиска. Отсюда можно было видѣть исполинскій Адріановъ мавзолей на томъ берегу рѣки. Если шли по направленію къ этому мавзолею вдоль Тибра и отъ Траянова моста возвращались по дорогѣ въ городъ, то открывались постройки Марсова поля со стороны Тибра: слѣва возобновленный императорами мраморный театръ Помпея съ храмомъ „Венеры Побѣдительницы“ и галлереей народовъ, содержавшей изображенія всѣхъ народовъ, старинный Фламиніевъ циркъ съ рядомъ храмовъ прежнихъ временъ возлѣ себя, новые портики Филиппа и Октавіи, изъ которыхъ послѣдній содержалъ не только библіотеку и залу для чтеній, но и самыя избранныя произведенія изобразительнаго искусства; справа—храмъ Бальба и большихъ размѣровъ театръ Марцелла, великолѣпныя украшенія стѣнъ котораго еще нынѣ вызываютъ въ насъ восхищеніе (рис. на стр. 225).

Палатинъ. Изъ холмовъ города важнѣйшими въ историческомъ отношеніи и въ отношеніи построекъ были Палатинскій и Капитолійскій. Первый императоры сдѣлали ареной своей частной строительной страсти и совершенно видоизмѣнили при помощи своихъ громадныхъ средствъ. Правда, еще показывалась пещера, въ которой, по преданію, волчица вскармливала Ромула и Рема, крытую соломой хижину Ромула и другія древности; на сѣверномъ склонѣ стояли еще также храмы Юпитера Статора и матери боговъ. Но эти, какъ и другія постройки, сохранявшіяся изъ

благочестія, исчезали въ пышности и величественности императорскихъ построекъ. Здѣсь Августъ воздвигъ свою резиденцію, сверкавшую навстрѣчу тому, кто поднимался по Палатинской проѣзжей улицѣ; рядомъ съ ней храмъ Аполлона изъ бѣлаго, каррарскаго мрамора посреди двора, огороженнаго портиками изъ красновато-желтаго нумидійскаго мрамора. Въ храмѣ можно было видѣть самыя тонкія произведенія искусства, а также собраніе драгоцѣнныхъ колецъ; передъ храмомъ стоялъ жертвенникъ, окруженный четырьмя бронзовыми быками работы Мирона, и колоссаль-

Развалины императорскихъ дворцовъ на Палатинѣ.

ная бронзовая статуя бога, которому художникъ придалъ черты императора; въ колоннадахъ, между колоннами стояли статуи пятидесяти дочерей Даная, насупротивъ конныхъ статуй сыновей Египта, а въ закрытыхъ обширныхъ помѣщеніяхъ латинская и греческая библіотеки. Эти строенія образовали ядро императорской резиденціи, мало-по-малу расширенной самостоятельными пристройками. Фасадомъ къ Капитолію былъ обращенъ дворецъ Тиберія, къ цирку—дворецъ Домиціана, замыкавшійся справа садами, а слѣва красивымъ стадіемъ, окруженнымъ колоннадами; императоры по усыновленію мощными фундаментами вы-

двинули площадку горы дальше на югъ и на ней сооружали свои постройки.

Капитолій. Капитолійскій холмъ на южной своей половинѣ былъ застроенъ святилищами, шедшими вдоль проѣзжей улицы. Храмъ Fides упомянутъ былъ по поводу смерти Тиберія Гракха (стр. 9); рядомъ съ нимъ красовались трофеи Германика изъ его германскихъ войнъ; затѣмъ слѣдовало небольшое святилище Юпитера Феретрія (стр. 92 I тома); драгоцѣнный храмъ „Громовержца“ возвѣщалъ благодарность Августа за милостивое отраженіе отъ его головы удара молніи въ испанскомъ походѣ. Но самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ храмовъ не только на Капитоліѣ, но и во всей столицѣ былъ храмъ Юпитера Капитолійскаго на высшей точкѣ горы. Богъ дѣлился своей обителью съ Юноной и Минервой, cellae которыхъ находились рядомъ съ его cella, какъ въ древнія времена (стр. 71 I тома); но любовь къ роскоши и художественный вкусъ временъ императоровъ вызвали немало перемѣнъ. Фундаментъ сталъ выше; изображенія боговъ тончайшей греческой работы изъ золота и слоновой кости вытѣснили прежнія глиняныя, и все, что̀ знало это время въ качествѣ украшеній для пола, потолка и стѣнъ, здѣсь нашло свое примѣненіе; кровля поддерживалась теперь стройными коринѳскими колоннами изъ мелкозернистаго пентелійскаго мрамора, на мѣсто прежнихъ тяжелыхъ дорійскихъ; она крыта была позолоченными бронзовыми плитами, и двери были изъ того-же матеріала. На верху фронтона стоялъ мечущій громы богъ неба на четверкѣ лошадей, справа отъ него на откосѣ Юнона, Марсъ, на нижней площадкѣ фронтона Луна на парѣ лошадей, слѣва въ соотвѣтствующемъ расположеніи Минерва, Меркурій и богъ солнца со своими конями. На полѣ фронтона сидѣлъ Юпитеръ на тронѣ посреди небесныхъ боговъ. Храмовую площадь окружала стѣна, украшенная колоннадами. На ней, съ лицевой стороны святилища, находился жертвенникъ, на которомъ тріумфаторы, а въ началѣ года консулы совершали торжественное государственное жертвоприношеніе; на ней находились статуи Юпитера и всѣхъ другихъ олимпійцевъ, а также знаменитыхъ мужей Рима, начиная съ царей; здѣсь были трофеи Марія; здѣсь, по стѣнамъ и подножіямъ колоннъ укрѣплялись бронзовыя доски съ законами и государственными договорами.

Сѣверное возвышеніе Капитолійскаго холма, кремль (Arx), представляло болѣе скромныя, хотя и интересныя въ историческомъ отношеніи постройки. Сѣдлообразная же впадина между двумя вершинами во всю свою ширину была замкнута со стороны Форума монументальнымъ зданіемъ временъ республики, мрачнымъ архивомъ Катула; впрочемъ она была застроена густыми рядами домовъ.

Остальной Римъ. Прочіе холмы древняго Рима, Авентинъ, Це-

Видъ Капитолія по реставраціи Бюльмана

лій, Эсквилинъ, Виминалъ и Квириналь покрыты были моремъ домовъ, изъ котораго выдавались, подобно островкамъ, большіе дворцы со своими садами, храмы со своими дворами, окруженными колоннами, бани, театры, казармы; а тянувшіеся со всѣхъ сторонъ водопроводы на аркахъ и многочисленныя тріумфальныя ворота походили на большіе и малые мосты. Изъ монументальныхъ построекъ назовемъ здѣсь только грандіозныя бани Тита на Эсквилинѣ, къ которымъ Траянъ пристроилъ свои.

И другой берегъ Тибра тоже былъ уже застроенъ рядами домовъ, товарными складами и т. п.; впрочемъ здѣсь преобладали сады, навмахіи, стадіи и подобныя сооруженія. Сѣверная часть Марсова поля съ Monte Pincio и сосѣдними частями Квиринала не была еще застроена на городской ладъ; эта мѣстность по большей части была наполнена императорскими виллами съ обширными садами. Здѣсь справляла свои оргіи Мессалина, здѣсь войска Веспасіана, при взятіи города, рѣшили вопросъ, кому впредь должно было принадлежать міровое владычество. Впрочемъ повсюду многолюдныя предмѣстья стерли древнюю границу города; Сервіева стѣна, которая нѣкогда служила этой границей, развалилась и на сѣверо-западѣ превращена была даже въ мѣста для прогулокъ; большіе и малые загородные дома, храмы и гробницы шли на далекое разстояніе по загороднимъ дорогамъ и возвѣщали иноземцу уже издали, что онъ приближается къ исполинскому городу.

СОСТОЯНІЕ ИТАЛІИ.

АГРАРНЫЯ отношенія. Крупное землевладѣніе въ Италіи несомнѣнно распространилось еще больше, особенно потому, что сенаторы, происходившіе изъ провинцій, должны были добрую часть своего состоянія помѣщать въ италійскія земельныя владѣнія. Впрочемъ крупныя владѣнія управлялись лучше прежняго. Дѣло въ томъ, что такъ какъ, съ одной стороны, количество рабовъ, благодаря отпуску ихъ на волю, непрерывно сокращалось, а съ другой стороны прогрессивное уравненіе правового положенія провинціаловъ и прекращеніе завоевательной политики уменьшало притокъ ихъ, то являлась необходимость привлеченія другихъ рабочихъ силъ. Прежде всего отпущеніе на волю связано было съ условіемъ, чтобы вольноотпущенный обязался оставаться при землѣ въ качествѣ арендатора: послѣдній же съ своей стороны долженъ былъ платить своему хозяин оброкъ и исполнять извѣстныя повинности. Скоро и обѣднѣвшіе свободные люди, для обезпеченія своего существованія, стали выражать готовность заключить подобный договоръ. Со временемъ аренда съ своими

условіями распространена была и на потомковъ, и такимъ образомъ создалось полусвободное сословіе арендаторовъ-колоновъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Деревни колоновъ лежали въ окрестности барскаго двора, который во всякомъ отношеніи былъ центромъ, а также и рынкомъ мѣстнаго округа.

Продукты. Сельское хозяйство черезъ это только поощрялось, по крайней мѣрѣ пока изъ зависимаго положенія колона не развилось еще крѣпостничество. Свободный человѣкъ на себя и на свою семью работалъ совершенно иначе, чѣмъ рабъ по жестокому принужденію на господина. Правда, земледѣліе, которое едва-ли было доходнѣе лѣсного хозяйства, ограничено было самымъ необходимымъ; въ это время Римъ снабжали хлѣбомъ Египетъ и Нумидія. Но разведеніе винограда, маслины, фруктовъ, овощей, а также цвѣтовъ еще разросталось. Улучшали сорты и открывали культурѣ новыя мѣстности, продолжали акклиматизировать заграничные виды фруктовъ, овощей и цвѣтовъ. Изъ фруктовыхъ сортовъ яблоки, груши, сливы, вишни, фиги, айвы, орѣхи привились въ Италіи уже въ республиканское время, но отдѣльные виды размножались до безконечности, а въ качествѣ новинокъ появились африканскій лотосъ, армянскій абрикосъ, ассирійское цитронное дерево, персидскій персикъ, фисташка, но пока не знали еще лимона, апельсина и мандарина, которые ввезены были изъ Китая лишь въ Средніе вѣка или въ новое время. Огороды доставляли къ столу салатъ, капусту, рѣпу, рѣдьку, мальву, цикорій, щавель, спаржу, чеснокъ, лукъ, горохъ, волчанъ, бобъ, чечевицу, огурцы, тыкву, а со временъ императоровъ и дыни. Громадный спросъ на цвѣты, въ особенности на розы для украшенія обѣдовъ и могилъ, а также для изготовленія розоваго вина и розовой эссенціи, въ значительной части удовлетворялся италійскимъ садоводствомъ. Окрестности Рима, Тибура, Тускула, Пренесте, Песта, вся Кампанія разводили эту царицу цвѣтовъ. Такъ какъ птица служила особенно любимымъ кушаньемъ и римскій гастрономъ кромѣ гусиной печенки требовалъ себѣ также печенки и мозговъ отъ павлина и краснокрыла (фламана) и другихъ рѣдкостей, то всѣ помѣщичьи дворы полны были павлиновъ, цесарокъ, фазановъ, голубей, утокъ, гусей; въ птичникахъ откармливались куропатки, рябчики, дрозды, бекасы и другая дикая птица вмѣстѣ съ журавлями и анстами. Изъ чет-

вероногихъ разводились тѣ-же животныя, что́ у насъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ виду меньшей потребности для массы народа въ мясной пищѣ; больше всего цѣнилась еще свинья, которая появлялась на столѣ знати въ видѣ молочнаго поросенка или доставляла ей только вымя и другія мягкія части, а для народа перерабатывалась въ очень приправленную пряностями колбасу. Наряду съ этимъ откармливалась въ звѣринцахъ дичь, какъ-то: зайцы, козули, кабаны. Наконецъ немалый доходъ приносило и рыбоводство.

Внутренность страны; земскіе города. При недостаточныхъ средствахъ сообщенія въ древности было естественно, что такая высокоразвитая эксплоатація почвы происходила только вблизи городовъ, особенно въ приморскихъ, которые при своемъ болѣе многочисленномъ населеніи имѣли возможность лучшаго сбыта, а кромѣ того и вывоза. Напротивъ, внутренность страны, въ особенности обширныя пространства Самнія, Апуліи, Калабріи, Луканіи служили пастбищами для скота, на которыхъ, правда, тамъ и сямъ разводилась также хорошая порода лошадей и знаменитыя стада овецъ. Наконецъ, земскіе города, за исключеніемъ немногихъ, лежавшихъ на большихъ торговыхъ дорогахъ, чахли отъ болѣе чѣмъ когда-либо непреодолимой притягательной силы столицы. Напрасно ихъ разбогатѣвшіе граждане жертвовали деньги на бани, библіотеки, статуи, храмы и т. д.; напрасно сами общины старались подражать императорскому городу великолѣпіемъ своихъ театровъ, аренъ, площадей и общественныхъ увеселеній. Послѣдствіемъ было только то, что они тратились выше силъ, и тягость обложенія становилась тѣмъ обременительнѣе, что какъ разъ наиболѣе сильные въ платежномъ отношеніи элементы переселялись въ Римъ. Вскорѣ обнаружился недостатокъ въ лицахъ способныхъ и склонныхъ занимать общественныя должности. Императорскому правительству поэтому уже не однократно приходилось для оздоровленія дѣлъ такихъ городовъ посылать туда чрезвычайныхъ чиновниковъ, пока оно не назначило, при Траянѣ, постоянныхъ контрольныхъ чиновниковъ (стр. 348), которымъ подчинено было городское управленіе.

СОСТОЯНІЕ ПРОВИНЦІЙ.

Успѣхи италійско-греческой культуры. Но Италія и италійская культура въ первые вѣка императорскаго періода проникли далеко за море и за Альпы въ самое сердце варварскаго міра. Приходилось посылать все болѣе многочисленную армію чиновниковъ въ страны, вновь завоеванныя или теперь только организованныя въ видѣ провинцій, и она оставалась тамъ частью и на продолжительное время; италійская торговля, простиравшаяся теперь отъ Атлантическаго до Индійскаго океана, отъ шотландскихъ горъ до Сахары и нильскихъ пороговъ, отчуждала все больше людей отъ ихъ родины; а лучшая сила народа стояла постоянными гарнизонами на границахъ имперіи и легко осѣдала на землѣ, къ которой ее привязывала двадцатилѣтняя привычка, а часто также бракъ и подаренный императоромъ земельный участокъ. Массовыя колоніи основывались все въ большемъ отдаленіи отъ метрополіи, и ядро ихъ обыкновенно составляли ветераны. Съ другой стороны, тысяча поводовъ все болѣе влекли провинціала въ Римъ, и, внося иноземные элементы въ средоточіе италійской культуры, онъ, при возвращеніи, уносилъ съ собой на родину италійскіе обычаи изъ ихъ первоисточника.

Такимъ образомъ, начавшійся уже въ предыдущемъ періодѣ процессъ сліянія не только шелъ впередъ въ населеніи странъ Средиземнаго моря, но захватывалъ и расположенныя на периферіи части имперіи, причемъ однако все яснѣе обозначалось раздѣленіе римскаго міра на двѣ различныя между собой половины. На западѣ стала господствовать греко-италійская культура съ италійскими формами, новыя гражданскія общины получали италійское городовое положеніе, и государственнымъ языкомъ была латынь: такъ было въ Испаніи, Галліи и Германіи, въ Британіи, въ придунайскихъ провинціяхъ и Далматіи, въ Африкѣ и Мавританіи, а также на островахъ западной части Средиземнаго моря. Въ восточной половинѣ имперіи высокоразвитой греческой культурѣ дана была равноправность съ италійской: гражданскіе города получали самоуправленіе въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ по греческому образцу, и греческій языкъ наряду съ ла-

тинью былъ языкомъ властей, черезъ что онъ, такъ какъ уже въ доримское время распространился на страны восточной половины Средиземнаго и Чернаго морей, пріобрѣлъ фактическое господство, даже въ лежащихъ за ними дотолѣ варварскихъ странахъ, какъ напр. во Оракіи.

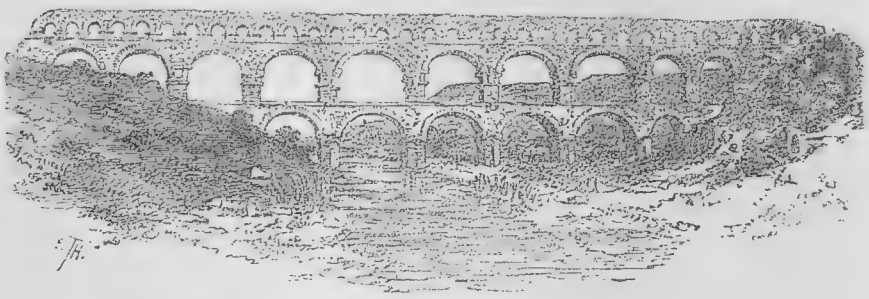
Купецъ, легіонарій, чиновникъ были піонерами этой греко-италійской культуры. Прежде всего вліянію ея подвергалась масса людей, вступавшихъ съ ними въ оффиціальныя или частныя сношенія, простолюдинъ не менѣе, чѣмъ высшіе слои туземнаго населенія, ибо первый охотно завязывалъ сношенія съ получав-

Maison carrée въ Нимѣ (реставрированный храмъ въ древнемъ Nemausus'ѣ, родинѣ Авреліевъ).

шими хорошее жалованье легіонаріями и часто жилъ вблизи постоянныхъ лагерей. Вскорѣ отдѣльнымъ видным лицамъ среди туземнаго населенія стали даровываться и права гражданства. Если такіе элементы были достаточно сильными для того, чтобы образовать жизнеспособную общину, то они получали въ той или другой формѣ права гражданства и вмѣстѣ съ тѣмъ италійское или греческое городовое положеніе, съ самоуправленіемъ подъ верховнымъ надзоромъ государства. Съ этого времени новая культура дѣлала болѣе быстрые успѣхи. Новые граждане, которые теперь могли вступать на государственную службу, военную или граждан-

скую, и черезъ бракъ, землевладѣніе, образовательные и другіе интересы вступали въ тѣсныя сношенія съ правительственнымъ центромъ провинціи и даже съ имперской столицей, гордились своимъ достоинствомъ и были самыми ревностными подражателями и апостолами культуры. Все болѣе сгущавшаяся сѣть дорогъ, прокладывавшихся сперва для военныхъ цѣлей, потомъ вообще для всякихъ сношеній, соединяла аванпосты съ центрами цивилизаціи; являлся школьный учитель, риторъ, книготорговецъ, и въ одинъ прекрасный день литературный міръ неожиданно узналъ о написанномъ на латинскомъ языкѣ первомъ трудѣ какого-нибудь туземнаго писателя.

Отношеніе къ туземцамъ. Туземный элементъ мало-по-малу оттѣснялся на задній планъ, его языкъ становился нарѣчіемъ. Но



Акведукъ (водопроводъ) въ Нимѣ. Такъ называемый Pont-du-Gard.

онъ не подавлялся; ему, насколько это мирилось съ идеей государства, оставлялись его божества, даже ихъ заимствовали отъ него и приносили жертвы; самая латынь настолько подвергалась вліянію туземнаго языка, что именно этимъ слѣдуетъ объяснить разнообразіе романскихъ языковъ. Тамъ, гдѣ извѣстнаго рода національная культура и національная гордость придавали больше силы сопротивленію данной народности, какъ-то въ Галліи и Сиріи, тамъ выказывалась властями еще большая предупредительность, и хотя онѣ не отказывались отъ романизаціи или эллинизаціи, но все-же дѣйствовали осторожно.

Нарбонская Галлія окончательно была романизована уже Августомъ; но въ кельтской Новой Галліи съ ея гордой знатью и національнымъ жречествомъ вначалѣ, повидимому, этого вовсе не добивались. Потребовано было употребленіе ла-

тыни, какъ оффиціальнаго языка, но были сдѣланы уступки и народному языку; организованы были три провинціи подъ начальствомъ императорскихъ намѣстниковъ, но оставили историческія общины существовать подъ начальствомъ туземныхъ владѣтелей; Римъ принялъ на себя охрану границы и земскаго мира, но легіоны поставлены были въ долинѣ Рейна, а нѣсколько когортъ въ Лугдунѣ (Ліонѣ), т.-е. на периферіи страны, забота же объ общественной безопасности внутри страны предоставлена была общинамъ. Со временемъ дѣло измѣнилось. Лугдунъ, центръ римскаго управленія и культуры, гдѣ ежегодно собирались галльскіе депутаты на земскій сеймъ и совершали жертвоприношеніе у жертвенника Августа и богини Roma (стр. 218), все болѣе притягивалъ къ себѣ знать, молодежь которой здѣсь получала свое образованіе; со временъ Тиберія культъ друидовъ былъ запрещенъ, со временъ Клавдія галльскіе граждане, вопреки прежнему запрещенію, могли поступать на имперскую гражданскую службу; области Рейнскихъ лагерей и дорогъ, соединявшихъ ихъ съ Лугдуномъ, все болѣе наполнялись италиками, такъ что сперва Кёльнъ въ землѣ убіевъ, Триръ въ землѣ треверовъ, а затѣмъ многочисленныя поселенія страны секванновъ и гельветовъ и вдоль Рейна получили права гражданства. Впрочемъ въ центрѣ и на западѣ Галліи кельтская народность пока еще продолжала процвѣтать.

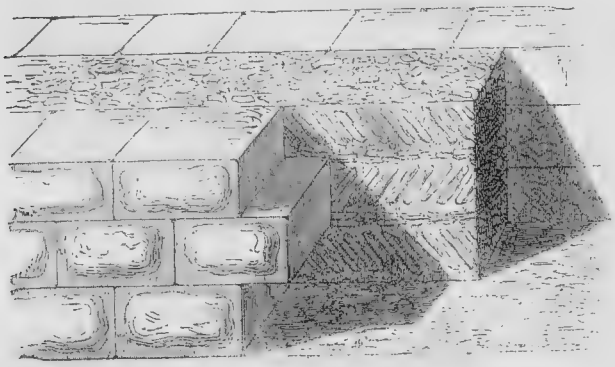
Еще больше хлопотъ, чѣмъ кельтство въ Галліи, причинялъ религіозный фанатизмъ евреевъ въ Сиріи, но тѣмъ мягче обращались съ нимъ. Не только терпѣли религію Іеговы, какъ всякій другой культъ, и предоставляли обширныя права крупнымъ городамъ, въ особенности столицѣ Іерусалиму и ея верховному совѣту, но и относились предупредительно къ ненависти народа ко внѣшнимъ изображеніямъ и потому воздерживались отъ помѣщенія на монетахъ портрета императора, отъ внесенія въ Іерусалимъ легіонныхъ орловъ и отъ привлеченія самихъ евреевъ на службу подъ ненавистными знаменами; такъ какъ у евреевъ всякій не еврей считался нечистымъ, то правительство запрещало римлянамъ, подъ страхомъ смерти, входить во внутреннее помѣщеніе храма, и не мало солдатъ римскаго гарнизона поплатились жизнью за то, что по невѣдѣнію или злонамѣренно возбудили гнѣвъ фанатической толпы. Мало того, отъ имени императора въ

храмѣ приносились жертвы и клались дары. Такъ предупредительно относилось римское правительство къ этому священническому управленію, которое ему кромѣ того было обязано освобожденіемъ отъ царской власти чуждыхъ имъ Иродовъ. Но все это безъ успѣха. „Избранный народъ“ отдѣленъ былъ отъ всего ему чуждаго не одною стѣной и изъ своего Моисеева закона и своей національной гордости почерпалъ такую силу, при помощи которой онъ не только могъ оказать сопротивленіе эллино-италійской пропагандѣ, но и самъ проникнуть въ область этой послѣдней культуры. На всемъ востокѣ, даже въ самой Италіи, евреи стали силой; изъ-за своей рѣзкой замкнутости они нигдѣ не были любимы, часто подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ, но всюду были вліятельны и пріобрѣтали себѣ приверженцевъ, такъ что правительство вынуждалось препятствовать ихъ распространенію. Высылка евреевъ изъ Италіи, постановленная Тиберіемъ, была лишь кратковременной мѣрой; продолжительнымъ было объявленное Клавдіемъ запрещеніе образованія еврейскихъ общинъ въ Италіи и Домиціаново запрещеніе обрѣзанія, по крайней мѣрѣ послѣднее осталось допущеннымъ только для дѣтей еврейскаго происхожденія. Въ самой Іудеѣ и окрестностяхъ дѣло дошло до открытаго возмущенія противъ римскаго владычества. Веспасіанъ, Траянъ и Адріанъ усмирили строптивый народъ среди потоковъ крови и разрушили его политическое могущество вмѣстѣ со сто-

Римская сторожевая башня.

лицей и храмомъ, но тѣмъ не привлекли эту часть населенія имперіи къ общегосударственной жизни. Только христіане, составлявшіе религіозную, а не національную общину, обособились теперь рѣшительнѣе отъ правовѣрнаго еврейства, но за то послѣднее и ненавидѣло ихъ, какъ измѣнниковъ, со всей затаенной злобой ожесточеннаго народа.

Охрана границъ. Военную охрану провинцій обезпечивало постоянное войско именно такъ, какъ этого желали Кесарь и Августъ. Главныя массы его стояли вдоль Дуная и Рейна, въ Британіи, Сиріи и Египтѣ, меньшіе корпуса въ Испаніи, Галліи и Африкѣ, въ укрѣпленныхъ стѣнами постоянныхъ лагеряхъ, выдвинутыхъ къ самой границѣ и соединенныхъ дорогами съ внутренностью страны и между собой. Болѣе крупные лагери составляли оборонительные центры и ставили отряды для меньшихъ лагерей; впереди ихъ аванпостами служили высокія сторожевыя башни. Британскій островъ, для защиты противъ Каледоніи, въ узкой части былъ перерѣзанъ связными укрѣпленіями, а въ верхней Германіи и Ретіи впереди линіи укрѣпленій провели по крайней мѣрѣ замѣтную дамбу для лучшаго контроля надъ пограничными сношеніями. Войска первоначально состояли изъ италійскихъ легіоновъ и туземныхъ вспомогательныхъ корпусовъ, но съ распространеніемъ правъ гражданства и чуждые, болѣе или менѣе латинизированные или эллинизированные, элементы все въ возрастающемъ количествѣ находили доступъ къ легіонамъ. Сухопутное войско поддерживали флотиліи на Рейнѣ, Дунаѣ, Нилѣ, Черномъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ. Миръ внутри провинцій обезпечивали туземныя милиціи въ соединеніи съ небольшими отрядами



Часть стѣны въ сторожевой римской башнѣ

регулярныхъ войскъ; въ случаѣ нужды, конечно, вмѣшивались пограничныя войска.

СНОШЕНІЯ, ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Мѣры къ подъему народнаго хозяйства. Старанія императорскаго правительства слить населеніе провинцій съ населеніемъ метрополіи и оградить его отъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей,—сами по себѣ были благопріятны развитію его благосостоянія и подъему народнаго хозяйства. Большое число самосознательныхъ, гражданскихъ личностей, безпрепятственно пользовавшихся свободой дѣйствій, подъемъ средняго образованія, безопасность сношеній на необъятной территоріи, пробуждали духъ предпріимчивости, а болѣе строгій контроль надъ чиновниками, которые теперь къ тому-же дольше оставались въ своей должности, участіе многихъ туземныхъ гражданъ въ управленіи, взысканіе податей на основаніи точнаго кадастра обезпечивали безпрерывность развитія. Но монархія сдѣлала еще больше для провинцій, къ благосостоянію которыхъ она даже во времена дурного правленія относилась съ живымъ чувствомъ своего долга. Вѣдь законность императорской власти въ значительной части основывалась на дурномъ положеніи провинціальнаго управленія при прежнемъ сенатскомъ господствѣ. Землетрясенія, пожары, недороды и повальныя болѣзни неоднократно вызывали потребность въ мѣрахъ противъ бѣдственнаго положенія, и императоры, какъ хорошіе, такъ и дурные, считали для себя честью оказать возможно большую помощь. Еще болѣе достойно удивленія то, что происходило въ нормальное время. Прежде всего, пути сообщенія показываютъ изумительную высоту культуры, которой отдѣльныя области римской имперіи, послѣ ея распаденія, не достигли снова въ теченіе

Римскій милевой столбъ.

многихъ столѣтій, а многія еще и понынѣ. Густая, цѣлесообразно заложенная сѣть постоянныхъ дорогъ открыла для сношеній самыя отдаленныя мѣстности, гдѣ еще въ настоящее время мы встрѣчаемъ ея слѣды подъ наросшей почвой, подъ каменными обломками и кустарникомъ, въ досчатыхъ дорогахъ черезъ болота, а также подъ пескомъ пустыни. При этомъ строились мосты черезъ рѣки, разбивались скалы для расширенія узкихъ скалистыхъ долинъ, прорѣзывались болота дорогами на крѣпкихъ фундаментахъ и дѣлались удобопроходимыми ледяные перевалы высокихъ горъ.

Система дорогъ. Римъ былъ исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ системы сообщеній, и позолоченный милевой камень на главной площади (стр. 388) далъ этому факту сознательное выраженіе. Отсюда исходило пять главныхъ путей. Первый соединялъ Римъ съ югомъ. Слѣдуя по Аппіевой дорогѣ до Капуи, онъ затѣмъ шелъ вдоль побережья до Регія. Послѣ полуторачасовой переправы, въ Мессанѣ этотъ путь примыкалъ къ сицилійской сѣти дорогъ. Отсюда одна главная дорога вела вдоль сѣвернаго побережья черезъ Палермо на Лилибей, откуда приблизительно въ 24 часа можно было переправиться въ Карѳагенъ, который при своемъ превосходномъ положеніи (I томъ, стр. 319 и слд.) со времени своего вторичнаго основанія Августомъ быстро сталъ снова однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ имперіи. Здѣсь начиналась африканская сѣть дорогъ, которая къ югу доходила до края пустыни, между тѣмъ какъ два пути шли вдоль сѣвернаго побережья, одинъ на западъ до Рузаддира, другой на востокъ до Александріи. Первый путь продолжался затѣмъ моремъ до Танжера, а потомъ, послѣ четырехчасовой переправы примыкалъ къ испанской сѣти; второй же путь, посредствомъ дороги, ведшей черезъ Суэцскій перешеекъ въ Антіохію, соединялся съ азіатской сѣтью дорогъ. Отъ Александріи вели кромѣ того двѣ дороги по берегамъ Нила до эѳіопской границы; отъ станціи Копта на правомъ берегу вели другія дороги на Міосъ Гормосъ и Беренику, красноморскіе порты аравійской и индійской торговли.

Второй главный путь, совпадавшій съ первымъ до Капуи, соединялъ Римъ съ востокомъ. Онъ велъ двумя дорогами въ Брундизій (стр. 297, I тома), продолжался по ту сторону Адріатическаго моря около Диррахія большой Эгнатіевой дорогой по-

перекъ Балканскаго полуострова до Византіи, развѣтвлялись къ сѣверу и къ югу на боковые пути. По ту сторону Босфора и Дарданеллъ начиналась сѣть азіатскихъ дорогъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо шли на востокъ. Главная же дорога вела на югъ черезъ центръ торговли, промышленности и культуры съ сотнями оживленныхъ городовъ до Антіохіи, и у всѣхъ узловыхъ пунктовъ сообщеній отъ нея отдѣлялись другія дороги, кончавшіяся у какого-либо пограничнаго пункта: у Чернаго моря, у Кавказа, у Краснаго моря, у Суэцскаго перешейка, большинство—у Евфрата.

Далѣе, отъ Рима на западъ вела Авреліева дорога, которая шла вдоль побережья Тирренскаго моря до Генуи и затѣмъ черезъ Аквы Секстіи (Aquae Sextiae, нынѣ Aix), Арелатъ (Arelate, н. Arles), Немавзъ (Nemausus, н. Nimes), Нарбонъ Мартій (Narbo Martius, н. Narbonne) и пиринейскій перевалъ Юнкарію (н. La Junquera) на Тарраконъ (н. Таррагона), исходный пунктъ испанской сѣти дорогъ, главная линія которой шла по восточному и южному побережью до Гадеса (н. Кадиксъ). Отъ нея отдѣлялись дороги, шедшія внутрь страны и имѣвшія важные узловые пункты въ Caesaraugusta (н. Сарагосса), Кордубѣ (н. Кордоба), Гиспалисѣ (н. Севилья) и Emerita Augusta (н. Мерида).

Наконецъ, съ сѣверомъ Римъ былъ соединенъ тремя главными дорогами, исходившими отъ Фламиніево—Эмиліевой главной линіи сообщеній или ея вѣтвей. Аквилея была для сѣверовостока, Верона для сѣвера, Медіоланъ для сѣверозапада исходнымъ пунктомъ системъ дорогъ. Отъ Аквилеи главная артерія сообщеній шла черезъ Эмону (н. Лайбахъ, Любляна), Целею (н. Цилли) на Петовіонъ (Poetovio, н. Петтау) на Дравѣ, откуда она была проведена дальше на Аквинкъ (н. Буда). Но еще до этого она сворачивала дугой черезъ Саварію (н. Штейнъ на Ангерѣ) и Скарабантію (н. Эденбургъ) на Карнунтъ (н. Петронелль) на Дунаѣ, гдѣ продолжалась береговыми дорогами съ одной стороны на Виндобону (н. Вѣна) и Лавріакъ (н. Лорхъ), съ другой на Аквинкъ. Отъ главнаго пути Аквилея—Петовіонъ отдѣлялась въ Эмонѣ большая вѣтвь на Сисцію (н. Сиссекъ, Шишакъ), Сирмій (н. Митровица), Сардику (н. Софія), Филиппополь, Адріанополь и Византію; отъ этой вѣтви вдоль Дуная отдѣлялись другія дороги, которыя шли черезъ Паннонію и Мёзію и черезъ рѣку въ Дакію. Другія линіи вели отъ Аквилеи черезъ Истрію на Полу, черезъ Далматію на Дир-

рахій, на Эгнатіеву дорогу, наконецъ—черезъ Карнійскія Альпы и Пустерскую долину на Бреннеръ. Послѣдняя выходила здѣсь на ту дорогу, которая отъ Вероны направлялась по долинѣ Эча и Эйзака непосредственно на сѣверъ, вела черезъ Бреннеровъ перевалъ и черезъ Вельдидену (н. Вильтенъ около Инсбрука), Партанъ (н. Партенкирхенъ) на Augusta Vindelicorum (н. Аугсбургъ), и отъ которой отдѣлялись боковыя вѣтви на востокъ и на западъ. Для сѣверозапада центромъ сношеній сталъ Миланъ, отъ котораго вели дороги въ Галлію, Гельветію, Ретію и далѣе въ Германію и Британію. Римская настойчивость и строительное искусство такъ съумѣли преодолѣть Альпійскій горный валъ, что многія изъ этихъ горныхъ дорогъ и понынѣ еще являются удобопроѣзжими. Въ Галлію шли двѣ, одна черезъ Малый С.-Бернаръ, другая черезъ Mont Genèvre, по направленію къ Ронѣ, гдѣ онѣ примыкали къ галльской сѣти дорогъ. Южнымъ центромъ послѣдней былъ Лугдунъ (н. Ліонъ), откуда вели линіи къ дорогѣ вдоль Средиземнаго моря, на Бурдигалу (н. Бордо) у устья Гаронны, къ узловымъ пунктамъ внутренняго Генаба (н. Орлеанъ), Lutetia Parisiorum (н. Парижъ), Durocortorum Remorum (н. Реймсъ), а также черезъ Везонтіонъ (н. Безансонъ) и Divodurum Mediomatricorum (н. Мецъ) къ Рейну. Отъ Реймса шла большая дорога въ Британію черезъ Augusta Suessionum (н. Суассонъ) и Samarobriva Ambianorum (н. Аміэнъ) до Portus Gessoriacus (н. Булонь), откуда въ 8—9 часовъ переправлялись въ Рутупіи (н. Richborough). Близкій отсюда Лондиній (н. Лондонъ) былъ исходнымъ пунктомъ британской сѣти дорогъ, которая связывала другъ съ другомъ римскія позиціи и поселенія вплоть до Адріанова вала. Дорога, шедшая отъ Ліона черезъ Безансонъ, направлялась къ изгибу Рейна пониже Базеля. Здѣсь она съ одной стороны соединялась съ гельветской сѣтью дорогъ, съ другой продолжалась вдоль всего праваго берега Рейна черезъ Аргенторатъ (н. Страсбургъ), Новіомагъ—Спиру (н. Шпейеръ), Борбетомагъ (н. Вормсъ), Colonia Agrippina (н. Кёльнъ), Новіомагъ (н. Нимвегенъ) до Lugdunum Batavorum (н. Лейденъ). Боковыя дороги связывали ее съ внутренней Галліей. Только въ верхней Германіи развилась и на правомъ берегу до limes'a сѣть дорогъ, сообщавшаяся въ свою очередь съ ретійско-винделической. Болѣе короткое сообщеніе этихъ областей съ верхней Германіей пред-

ставляла вѣтвь линіи Аоста—Віенъ; дорога черезъ Генаву (н. Женева), Авентикъ (н. Аваншъ), Виндониссу (н. Виндишъ около Цюриха), отъ которой шли вѣтви съ одной стороны черезъ Augusta Rauracorum (н. Аугстъ около Базеля) къ Рейнской дорогѣ, съ другой стороны на Бригантій (н. Брегенцъ), у Боденскаго озера. Здѣсь шла по долинѣ верхняго Рейна соединенная Шплюгенская и Юліева дорога, которая вела черезъ Камподунъ (н. Кемптенъ) на Augusta Vindelicorum, (н. Аугсбургъ). Послѣдній же городъ сталъ средоточіемъ системы дорогъ, соединявшей придунайскія земли съ прирейнскими; ибо нѣсколько линій шли отсюда на западъ въ Десятинную землю (agri decumates) и Гельветію, а двѣ дороги, одна вдоль рѣки черезъ Castra Regina (н. Регенсбургъ), другая черезъ мѣстность нынѣшняго Мюнхена, Хіемское озеро и Ювавъ (н. Зальцбургъ) вели въ Лавріакъ (н. Лорхъ), который былъ соединенъ съ Вѣной и востокомъ.

Сухопутныя сношенія. По этимъ дорогамъ, охватывавшимъ и перерѣзывавшимъ всю имперію, царило оживленное движеніе пѣшее, конное и колесное. Хотя созданная Августомъ почта предназначена была только для доставки правительственныхъ депешъ и чиновниковъ, но немало и частныхъ лицъ имѣли право тоже пользоваться ею. Ѣзда шла необычайно быстро, такъ какъ черезъ каждыя 30 — 40 километровъ находилась mansio (станція), а между ними еще mutationes (перепряжки), гдѣ можно было мѣнять лошадей. Такимъ образомъ при ускоренной ѣздѣ можно было въ часъ проѣзжать $7^1/_2$ килом., а въ день 180 кил. и напр. отъ Антіохіи добирались до Византіи (свыше 1100 килом.) приблизительно въ шесть дней. Но былъ организованъ и частный извозъ, такъ что у воротъ всѣхъ крупныхъ городовъ можно было достать повозку и вьючныхъ животныхъ, съ которыми обыкновенно проѣзжали 60—70 килом. въ день. Кто не путешествовалъ, подобно императору и богачу, съ своимъ придворнымъ штатомъ и кухоннымъ персоналомъ и не ночевалъ въ собственныхъ виллахъ и временныхъ квартирахъ или въ драгоцѣнной палаткѣ, или кто не имѣлъ, подобно чиновнику и солдату, права ночлега въ государственныхъ зданіяхъ или у гражданъ, или кто, наконецъ, не имѣлъ въ данномъ мѣстѣ родственника и друга, тотъ—и это былъ наибольшій контингентъ путешественниковъ—для отдыха, ѣды и ночлега останавливался

въ гостиницахъ на станціяхъ и въ городахъ. Правда, и лучшія изъ нихъ были устроены бѣдно и лѣтомъ кишѣли гадкими насѣкомыми, а простыя полны были грязи, воняли кухонными испареніями сомнительнаго рода и нерѣдко были притонами проституціи и убѣжищами разбойниковъ.

Морскія сношенія. Подобно сухопутнымъ дорогамъ было оживлено и море, омывавшее многолюдные берега. Какъ тамъ, такъ и здѣсь двигались чиновники со своей свитой, направлявшіеся въ свою провинцію или мѣнявшіе тамошнее положеніе на другое; депутаціи отъ областей и городовъ, собиравшіяся доложить правительству о своихъ дѣлахъ или возвращавшіяся съ результатами доклада; отряды войска, посылавшіеся въ другой гарнизонъ или временно назначенные на какое-нибудь мѣсто государственной границы, которому угрожала опасность; ветераны, желавшіе по своемъ увольненіи принять въ свое владѣніе отведенные имъ участки земли; частныя лица, ѣздившія по своимъ дѣламъ въ столицу или въ другое мѣсто обширной имперіи, спѣшившія на лѣтнія или зимнія мѣста пребыванія или на морскія купанья, или къ святымъ мѣстамъ на богомолье, наконецъ — путешествовавшія, подобно современнымъ туристамъ, просто ради развлеченія, отдыха и поученія. Больше всего разъѣзжали, кромѣ ямщиковъ и моряковъ, купцы, ибо въ тѣ времена личное присутствіе купца въ мѣстахъ добычи и сбыта его товаровъ было гораздо необходимѣе, чѣмъ теперь, когда сношенія облегчаются грандіозными письменными, телеграфными и телефонными сообщеніями. Необъятная область свободной торговли съ единообразной монетой, военное могущество, цѣлесообразная торговая политика имперіи открывали ей доступъ къ самымъ отдаленнымъ областямъ, а большія потребности этого высоко культурнаго міра завлекали его все дальше и дальше.

Торговыя сношенія по ту сторону имперской границы. Италійскихъ, греческихъ, сирійскихъ и еврейскихъ купцовъ можно было встрѣтить всюду; но они смѣло переходили и за границу имперіи и сушей и моремъ являлись къ неизвѣстнымъ дотолѣ народамъ. Цѣлые флоты выѣзжали за Геркулесовы столбы, снабжая западно-европейское побережье вплоть до Шотландіи и Ирландіи разнообразнѣйшими продуктами и издѣліями и пріобрѣтая, для обратнаго груза, особенно драгоцѣнное олово. Когда на-

ступала середина лѣта, сотни кораблей изъ Александріи поднимались вверхъ по Нилу до Копта, гдѣ товары перегружались на верблюдовъ и отправлялись въ Міосъ Гормосъ и Беренику. Другіе товары шли Траяновымъ каналомъ, который отдѣлялся отъ Нила въ мѣстности позднѣйшаго Каира, и по Горькимъ озерамъ приходили туда-же. Отсюда плыли корабли, съ охраной на борту, въ Аравію, восточную Африку, большинство въ Индію, единичные и въ Малакку, къ Зундскимъ островамъ, въ Тонкинъ и Китай, куда, по китайскимъ сообщеніямъ, въ 166 году моремъ прибыло посольство съ подарками отъ „Ан-Туна, царя великаго Тсина“ (Антонина). Лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ суда возвращались съ москотью и пряностями, особенно съ ладаномъ и перцемъ, со слоновой костью, шкурами, неграми-невольниками и т. д. Шелкъ, важнѣйшій предметъ китайской торговли, привозился, впрочемъ, преимущественно сухимъ караваннымъ путемъ, который велъ черезъ афганистанскій городъ Балхъ къ городу серовъ Исседону (н. Яркандъ или Кашгаръ). Отсюда въ то-же время выходитъ, что путешествія простирались на всю область между Евфратомъ и китайско-индійской границей. Не иначе обстояло дѣло съ варварскими странами сѣвера, куда шли торговые пути съ Рейна и Дуная, равно какъ и съ торговыхъ пунктовъ Чернаго моря, и немало находокъ въ формѣ монетъ, фабричныхъ издѣлій и урнъ научаютъ насъ, что торговецъ часто надолго поселялся посреди суровыхъ туземцевъ. Для Германіи имѣли особенно важное значеніе два пути сообщенія, по которымъ отправлялись на югъ янтарныя богатства балтійскихъ береговъ; одинъ велъ отъ Карнунта по долинѣ Марха и Одера, другой, со времени завоеванія Дакіи, шелъ на дальній сѣверъ по долинѣ Днѣстра и Буга. Въ Африкѣ пустыня ставила очень трудно преодолимое препятствіе проникновенію въ страны Судана; но все-таки торговля и культура захватили оазисы у сѣвернаго ея края. И въ Эѳіопію также каждый годъ плыли торговцы вверхъ по Нилу; пороги обходились, а со времени Домиціана римскіе посты стояли до Hiera Sykaminos. Только на западѣ этой части свѣта не рѣшались проникать вглубь страны, а о столь-же близкихъ, какъ и плодоносныхъ Канарскихъ островахъ и о. Мадерѣ имѣлись лишь небольшія свѣдѣнія.

Промышленность. Съ торговлей провинцій рука объ руку шла

мелкая и крупная промышленность, работавшая и для вывоза. Во всѣхъ прибрежныхъ городахъ изготовлялись шерстяныя, полотняныя, металлическія, кожаныя, глиняныя издѣлія и другіе предметы необходимости; но эти промыслы проникали и внутрь страны, а вмѣстѣ съ римско-греческой культурой и въ сердце варварства. Такъ, атребаты и нервіи въ Бельгіи, храбрые противники Кесаря въ бою при Сабисѣ, стали прилежными суконщиками, и много рукъ было занято желѣзной и стальной промышленностью Норика. Все-таки средоточіемъ промышленности былъ востокъ, гдѣ въ малоазіатскихъ, сиро-финикійскихъ и египетскихъ городахъ, кромѣ многочисленныхъ ремесленниковъ имѣлся также большой классъ фабричныхъ рабочихъ. Здѣсь не только изготовлялись эти предметы всемірнаго потребленія въ величайшихъ массахъ и разнообразнѣйшемъ и тончайшемъ исполненіи, но имѣлись прямо-таки монополіи на нѣкоторыя издѣлія, какъ-то на пурпуръ, шелкъ, стекло, и, что̀ касается Египта, на бумагу. Города, какъ Антіохія и Александрія, должно быть, очень походили на наши современные промышленные и торговые центры составомъ своего населенія, своей жизнью и дѣятельностью, своими удобствами и недостатками.

Земледѣліе и садоводство. При этомъ не отставали и земледѣліе и садоводство. Никогда востокъ не воздѣлывалъ больше зерна, какъ въ это время процвѣтанія торговли и промышленности, никогда культура полезныхъ растеній не дѣлала болѣе значительныхъ успѣховъ. Даже растенія, едва привившіяся въ Италіи, мы вскорѣ уже находимъ на берегахъ Сены, Дуная, Рейна, Темзы и испанскихъ рѣкъ. Маслина распространяется и на сѣверные берега Средиземнаго моря, винодѣліе на Галлію и Испанію, фруктовыя деревья, какъ груша и яблоня, орѣшина и вишня, распространились до береговъ Рейна и Темзы. Лучшее доказательство тогдашнихъ успѣховъ римской культуры представляетъ Сѣверная Африка. Тамъ, гдѣ нынѣ тянется дикая пустыня и едва прозябаетъ одинокое дерево, мы наталкиваемся на римскіе колодцы, водопроводы, цистерны, виноградные и масличные тиски, и гдѣ нынѣ сильные проливные дожди смываютъ со склоновъ возвышенностей незначительный слой растительной земли, видно по слѣдамъ каменныхъ валовъ, что древніе умѣли удерживать землю въ подходящихъ мѣстахъ и создавать пригодную для обработки

террасу. Подобные-же слѣды высокой культуры почвы среди трудныхъ обстоятельствъ показываетъ восточная Сирія (стр. 352).

УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ИМПЕРІИ: ЛИТЕРАТУРА, НАУКА, ИСКУССТВО.

НЕБЛАГОПРІЯТНЫЯ ВЛІЯНІЯ. Умственная жизнь временъ принципата стоитъ, конечно, подъ вліяніемъ описанныхъ государственныхъ, общественныхъ и экономическихъ отношеній. Дворъ и въ этой области сталъ рѣшающимъ элементомъ: то тиранны налагаютъ оковы на свободу мысли, то дикая чувственность въ дворцахъ властителей препятствуетъ благородному подъему души, то на тронѣ сидитъ дилетантъ въ области литературы и искусства, диктующій свой вкусъ лояльному, хорошему обществу; но во всѣхъ случаяхъ образцовымъ являлся риторическій, ложный, ходульный придворный языкъ. Притомъ вымираніе древней образованной знати и возвышеніе многочисленныхъ полуобразованныхъ элементовъ въ войскѣ и управленіи, равно какъ въ частной жизни гражданъ, вели къ упадку умственныхъ способностей и изящнаго вкуса, а сліяніе италійской культуры съ заграничной отняло у первой ея классическую своеобразность; ибо при томъ презрѣніи, съ какимъ относились къ низшимъ сословіямъ и къ варвару, невозможно было значительное умственное освѣженіе общества черезъ соприкосновеніе съ народомъ и чужими краями. Съ другой стороны, потребность въ школьномъ образованіи охватила болѣе широкіе круги, стремившіеся къ должностямъ и чинамъ. Повсюду, не только въ Италіи и на востокѣ, но и въ западныхъ провинціяхъ, открывались учебныя заведенія, и греческій востокъ, какъ и Италія посылали массы учителей въ области, вновь открытыя культурѣ. Но тамъ образовывались, въ свою очередь, новые центры школьнаго знанія, инородный характеръ которыхъ передавался черезъ учителей и учениковъ въ самое сердце имперіи: риторы Кордубы въ бетической Испаніи ввели школьную риторику въ судѣ и куріи: риторы Августодуна (н. Autun) въ области галльскихъ эдуевъ гнались за остротами и блестящими фразами;

карѳагенскіе риторы конца эпохи старались возсоздать классическую латынь, все болѣе и болѣе исчезавшую изъ жизни, при помощи доцицероновскихъ писателей. Но всюду, какъ въ Италіи, такъ и внѣ ея, риторика царила въ преподаваніи и благопріятствовала формѣ насчетъ содержанія, манерности насчетъ простоты, вычурности насчетъ ясности стиля.

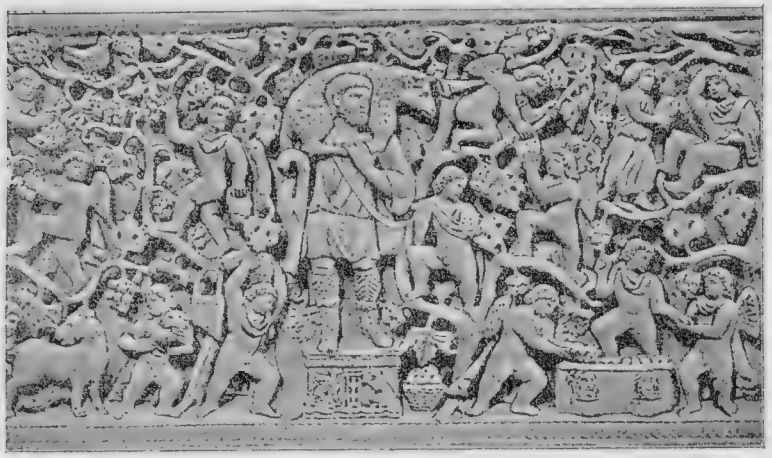
Философія. Послѣ риторики важнѣйшимъ предметомъ высшаго преподаванія была философія. Правда, страхъ императоровъ передъ свободой мысли и рѣзкой критикой государственнаго и общественнаго положенія, которая часто доходила до ступеней трона, мѣшалъ свободному развитію философіи. При Юліяхъ и Флавіяхъ нерѣдки были преслѣдованія ея; Веспасіанъ и Домиціанъ совсѣмъ выслали философовъ изъ столицы. Но эпоха императоровъ по усыновленію возстановила царицу наукъ въ ея правахъ и даже приблизила философа къ трону, на который онъ, въ лицѣ Марка Аврелія, даже самъ возсѣлъ. Теперь философскія занятія временно стали даже модой. Перипатетики объясняли сочиненія Аристотеля, платоники — Платона, внеся въ нихъ, правда, взгляды, заимствованные изъ другихъ системъ. Благодаря этому эклектическому методу, и пиѳагореизмъ со своей мистической символикой чиселъ и строгимъ образомъ жизни пробужденъ былъ къ новой жизни Аполлоніемъ Тіанскимъ и другими. Съ другой стороны многочисленность системъ имѣла своимъ послѣдствіемъ процвѣтаніе скептицизма, подвергшаго сомнѣнію непреложность логическаго доказательства. Наибольшее количество приверженцевъ среди высшихъ круговъ имѣли эпикурейцы и стоики. Послѣдняя школа стала одновременно и самой вліятельной, потому что она предъявляла къ нравственной силѣ высшія требованія, и въ это время имѣла также нѣсколькихъ римлянъ въ числѣ своихъ литературныхъ представителей, хотя самымъ значительнымъ учителемъ и здѣсь былъ грекъ, именно тотъ Эпиктетъ, по слѣдамъ котораго шелъ и Маркъ Аврелій (стр. 369). Наконецъ, въ низшихъ слояхъ народа стали популярными кинники, изъ среды которыхъ и вышли стоики. Такъ какъ ихъ спеціальная философія по существу состояла въ рядѣ общепонятныхъ положеній, а еще болѣе въ выставленіи на показъ преувеличеннаго отсутствія потребностей, то ихъ многочисленные апостолы значительной частью выходили изъ

народной массы. Въ потертомъ плащѣ, со всклоченной бородой и волосами, съ сумой за спиной, палкой въ рукѣ, эти лжефилософы, подъ флагомъ философіи занимались самымъ безстыднымъ попрошайничествомъ и успѣшно вымогали деньги у богатыхъ семействъ, которыя боялись ихъ грязныхъ ругательствъ и ихъ популярности.

Религія. Философія, которая могла приходить лишь къ единой первопричинѣ вещей, не мирилась прежде всего съ политеистической народной религіей. Естествоиспытатель Плиній открыто объявлялъ множественность боговъ ложью, риторъ Лукіанъ изъ Самосаты на Евфратѣ самымъ непринужденнымъ образомъ осмѣивалъ басни о богахъ. Но прежде всего старались связать разумъ съ вѣрой стоики, принимая низшихъ боговъ, находящихся на службѣ единаго, высшаго существа и обнимающихъ и народныхъ боговъ. Такимъ образомъ, въ вѣкъ императоровъ по усыновленію, бывшій болѣе доступнымъ серьезному самоуглубленію и внутреннимъ реформамъ, и вѣра въ древнихъ боговъ въ общемъ нашла снова болѣе прочную опору въ образованныхъ кругахъ, а императоры благопріятствовали этому направленію постройкой блестящихъ храмовъ и празднествами въ честь боговъ. При этомъ, вполнѣ согласно съ направленіемъ имперской политики, уничтожавшей всѣ національныя преграды, инородные культы покоренныхъ народовъ теперь получали государственное признаніе и содѣйствіе. Особенную выгоду имѣли отъ этого давно уже извѣстныя на западѣ, но вначалѣ едва терпимыя восточныя религіи (стр. 194), которыя съ этихъ поръ стали находить себѣ приверженцевъ вплоть до крайнихъ предѣловъ имперіи. Къ старымъ религіямъ теперь присоединился сирійскій культъ солнца, и всѣ эти боги были отожествлены съ туземными, которые вѣдь тоже были ничѣмъ инымъ, какъ олицетвореніями силъ природы.

Христіанство. Только культъ Іеговы и религія Христа не терпѣли такого смѣшенія; поэтому онѣ стояли какъ-то въ сторонѣ и вызывали подозрѣнія. Но іудейство было замкнуто въ самомъ себѣ, тогда какъ христіанство желало подчинить весь міръ своему представленію о всеобнимающемъ величіи царства небеснаго. И въ это время оно сдѣлало чреватые послѣдствіями успѣхи. Оно не только проникло въ чиновничество и въ легіоны и всюду на западѣ образовало значительныя общины, какъ напр. въ

Римѣ, Карѳагенѣ, Лугдунѣ, но и окрѣпло благодаря организаціи. До сихъ поръ имѣло законную силу всеобщее священство всѣхъ вѣрующихъ; духовныя требы исполнялъ не постоянный священнослужитель, но всякій, кто чувствовалъ себя въ данный моментъ призваннымъ милостью Божіею. Обыкновенно это былъ одинъ изъ старшинъ, пресвитеровъ, и кто изъ послѣднихъ чаще подвизался въ такой дѣятельности, получалъ почетное имя „попечителя“, епископа. Но обширность общинъ и выясненное опытомъ неудобство исполненія богослужебныхъ требъ неподходящими лицами, сами по себѣ повели къ учрежденію свя-



Древнехристіанскій саркофагъ «Добрый Пастырь».

щеническаго сословія, а разнообразіе догматическихъ мнѣній вело къ болѣе точному опредѣленію церкви и ученія. Особенно горячей была борьба съ сектой гностиковъ, которые соединяли суть христіанства съ языческой философіей и поэтому аллегорически толковали спасительные факты рожденія и распятія Христа. Въ виду такого разжиженія ученія требовались призванные и надѣленные авторитетомъ знатоки его. Поэтому община отказалась отъ священства и поручила послѣднее епископу, помощниками котораго были пресвитеры. Съ этой поры не считалась дѣйствительной ни одна церковная треба, совершенная безъ епископа или его уполномоченныхъ, ни одно ученіе, имъ не одобренное: создана была католическая епископальная

церковь. Къ тому-же времени относится утвержденіе новозавѣтнаго канона въ качествѣ твердой основы вопиствующей церкви. Такова была организація христіанства къ концу II вѣка. Уже Юстинъ Мученикъ и епископъ Мелитонъ Сардскій при Антонинѣ и Маркѣ Аврелiѣ требовали прекращенія несправедливыхъ приговоровъ на основаніи тиранническаго распоряженія (стр. 350).

Поэзія; эпосъ. Поэзія, основа грамматической части въ обученіи юношества, пользовалась въ послѣ-августовское время тѣмъ-же расположеніемъ образованнаго общества, какъ и прежде. Публичныя чтенія (стр. 246) принадлежали къ числу обыденныхъ удовольствій хорошаго общества, которое и само прилежно писало стихи; большая часть императоровъ покровительствовали видпымъ поэтамъ; устройство поэтическихъ состязаній способствовало ознакомленію публики съ талантами. Но общій дилетантизмъ въ этой области мѣшалъ возвышенію призванныхъ жрецовъ искусства; если они были бѣдны и не желали умереть съ голоду, то они должны были выпрашивать себѣ покровительство императоровъ и богачей и ставить свою музу на ихъ службу, а болѣе независимымъ приходилось опасаться подозрѣній или даже зависти императора. Вотъ почему самый невинный видъ поэзіи, миѳологическій эпосъ, разрабатывался больше всего, тѣмъ болѣе, что здѣсь былъ уже данъ образецъ въ лицѣ Виргилія, общепризнаннаго мастера въ этой области. Изъ большого числа поэтическихъ произведеній этого рода сохранилось лишь немного: при Веспасіанѣ Валерій Флаккъ написалъ восемь книгъ „Argonautica“, въ которыхъ описывалъ плаваніе Аргонавтовъ; при Домиціанѣ панегиристъ его Папиній Стацій написалъ „Ѳиванду“ (Thebais) въ двѣнадцати книгахъ, трактующую о судьбахъ сыновей Эдипа, а также неоконченную „Ахилленду“ (Achilleis). Историческій эпосъ представленъ Силіемъ Италикомъ (25 — 101) въ 17 книгахъ „Punica“, изображающихъ вторую пуническую войну, а также до него Аннеемъ Луканомъ (39—65), который въ своей „Фарсаліи“ (Pharsalia) описывалъ междоусобную войну между Кесаремъ и Помпеемъ, съ нескрываемымъ воодушевленіемъ ратуя за республиканское дѣло; этотъ Луканъ позднѣе былъ замѣшанъ въ заговоръ Пизона противъ Нерона (стр. 282) и изъ-за этого погибъ.

Сатира, басня, дидактическая поэма. Своеобразнѣе были про-

изведенія дидактической поэзіи. Сатира нашла своихъ представителей въ лицѣ Персія Флакка (34—62) и Юнія Ювенала (60—140). Отъ перваго, умершаго молодымъ человѣкомъ при Неронѣ, мы имѣемъ шесть сатиръ, въ которыхъ онъ съ точки зрѣнія стоическаго идеала добродѣтели бичуетъ довольно темнымъ языкомъ пороки простыхъ смертныхъ. Гораздо значительнѣе Ювеналъ, сатиры котораго, пять книгъ, появились при Траянѣ и Адріанѣ, но относятся главнымъ образомъ къ явленіямъ и личностямъ временъ Домиціана; горечь его нравственнаго негодованія, голый реализмъ, съ которымъ онъ рисуетъ пороки и недостатки, дѣлаютъ его величайшимъ сатирикомъ Рима. Когда, напр., знатная Понтія, по смерти мужа, отравила своихъ обоихъ сыновей, чтобы не подѣлиться съ ними наслѣдствомъ, то Ювеналъ сопроводилъ это неестественное преступленіе, какъ признакъ времени, слѣдующимъ коментаріемъ (въ довольно тяжеломъ переводѣ Фета):

«Васъ увѣщаю, сироты, какъ ваше имѣнье побольше,
Души свои берегите, столу никакому не вѣрьте:
Блѣдный сдобный пирогъ матерински пышетъ отравой.
Пусть кто откуситъ сперва отъ того, что та предложила,
Что родила; боязливо пусть дядька кубокъ пригубитъ!
О если-бы былъ я лжецомъ! Но Понтія мнѣ восклицаетъ:
Я это сдѣлала, каюсь, я дѣтямъ дала акониту;
Хоть и уликъ не нашлось, злодѣйство то я совершила.
Ты ли злодѣйка змѣя своихъ-то одною-же пищей!?
Ты ли двоихъ?!—Семерыхъ, когда бы ихъ семь оказалось!
Вѣримъ трагикамъ мы, что намъ о рожденной въ Колхидѣ [1])
Или о Прокнѣ [2]) тверлятъ. Ничего возражать не могу я,
И такія чудовища въ прежнее время дерзали,
Не изъ-за денегъ однако. Дивиться намъ слѣдуетъ меньше
Страшнымъ чудовищамъ, ежели гнѣвъ побуждаетъ къ злодѣйству
Этотъ полъ; тутъ онѣ съ воспаленной яростью грудью
Мчатся стремглавъ, какъ скала, что съ вершины летитъ, если только
Выйдетъ гора изъ-подъ ней и скатъ подъ наклонной уходитъ.
Но не стерпѣлъ бы я той, что съ разсчетомъ злодѣйство большое
Дѣлаетъ трезвая! Если въ подобномъ дозволить ей выборъ,
Смертью мужа она спасти бы готова собачку».

Этотъ горькій тонъ въ сатирахъ Ювенала, при всемъ сходствѣ, все-таки существенно отличаетъ ихъ отъ юмористической болтовни (?) Горація. Правда и Ювеналъ тоже умѣетъ шутить; но онъ дѣлаетъ это рѣдко и самъ признается, что сатирикомъ его

[1]) Медея.
[2]) Прокна изъ мести къ мужу своему Терею убила сына своего Итиса и накормила имъ мужа.

сдѣлала не охота къ изображенію жизни, а негодованіе; ибо „трудно,“ говоритъ онъ, нынче не писать сатиры“. Мы не знаемъ, кому изъ императоровъ не понравилось острое перо Ювенала, но, какъ повѣствуютъ, какой-то императоръ военнымъ порученіемъ удалилъ его изъ Рима на границы имперіи.

Древнѣйшей сатирѣ съ пестрымъ разнообразіемъ содержанія и формы (I томъ, стр. 585) подражалъ Петроній Арбитръ, жуиръ изъ окружавшей Нерона среды, въ своемъ сатирическомъ романѣ, отъ котораго до насъ сохранилось еще нѣсколько частей. Нѣкто Энколпій разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ, въ которыхъ онъ выступаетъ въ качествѣ то свѣтскаго человѣка, то солдата, то ритора, и рядомъ со своими чудесными приключеніями описываетъ нравы и дѣлаетъ замѣчанія о литературѣ, риторикѣ и всевозможныхъ предметахъ. Проза перемѣшана здѣсь со стихами; дѣйствующія лица ярко охарактеризованы, даже языкомъ, понижающимся иногда до народнаго говора. Самая интересная часть—пиръ у Тримальхіона. Послѣдній, богатый выскочка, пригласилъ къ себѣ Энколпія съ его товарищами, и вотъ разсказывается, что̀ имъ пришлось увидѣть у столько-же необразованнаго, сколько и зазнавшагося самодура. Тримальхіонъ страшно богатъ. Его владѣнія простираются на Южную Италію и африканскую провинцію, и, чтобы округлить ихъ, онъ собирается купить Сицилію; рабовъ у него столько, что даже десятая часть изъ нихъ никогда не видала своего хозяина; онъ въ состояніи самъ производить всѣ продукты животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ; его серебряная посуда состоитъ изъ 100 амфоръ, вмѣщающихъ по урнѣ, т.-е. по $13^1/_4$ литра (= 1 ведро 0,7 круж.), и изъ 1000 чашъ, а звонкую монету онъ мѣритъ четвериками. Но Тримальхіонъ столь-же тщеславенъ, глупъ и безвкусенъ, какъ и богатъ. На стѣнахъ входного портика своего дома онъ велѣлъ нарисовать не только сцены изъ Иліады и Одиссеи, но и собственное житейское поприще: какъ онъ, мальчикомъ, съ герольдовымъ жезломъ Меркурія, своего патрона, въ рукахъ, вводится Минервой въ Римъ и приходитъ на невольничій рынокъ, какъ онъ затѣмъ учится считать, дѣлается кассиромъ, наконецъ поднимается Меркуріемъ на высокую трибуну, причемъ рядомъ съ нимъ стоятъ богиня счастья съ рогомъ изобилія и три парки, прядущія золотыя нити. Онъ также заказалъ себѣ, еще при

жизни, надгробный памятникъ; здѣсь онъ изображенъ возсѣдающимъ на трибунѣ въ тогѣ съ пурпуровой каймой, съ пятью золотыми кольцами на пальцахъ, и высыпающимъ изъ мѣшка золото въ народъ, который пируетъ за столами вокругъ него. Чтобы похвастать своимъ богатствомъ, онъ и попросилъ къ себѣ гостей съ Эпколпіемъ. Онъ принимаетъ ихъ съ зубочисткой во рту. Когда всѣ разлеглись по мѣстамъ, самъ онъ, съ подвязанной салфеткой, вносится разряженными рабами, при звукахъ музыки, и занимаетъ почетное мѣсто. Каждое подаваемое блюдо привѣтствуется тушемъ домашняго оркестра; подъ пѣніе подаются рабами хлѣбъ, кубки и вино; послѣднее служитъ и для мытья. Закуску составляютъ: оливки, несомыя осликомъ изъ коринѳскаго металлическаго сплава, орѣшниковыя сони подъ медовымъ соусомъ, горячія сосиски на серебряномъ рашперѣ, бекасы на скорлупахъ павлиньихъ яицъ, подложенныхъ въ видѣ гнѣзда подъ насѣдку. Затѣмъ наступаетъ главная смѣна. На столъ подается громадное блюдо, на которомъ снаружи изображены знаки зодіака и соотвѣтствующія кушанья. Но вотъ, приплясывая, являются четыре раба и снимаютъ верхнюю часть блюда; показываются самыя кушанья: птицы, вымя дикой свиньи, зайцы, рыба въ искусственномъ прудѣ, въ который изъ полыхъ животовъ нѣсколькихъ фигуръ льется рыбій соусъ. Затѣмъ слѣдуетъ огромный кабанъ, окруженный поросятами изъ тѣста. Бородатый охотникъ разрѣзаетъ его: при первомъ порѣзѣ изъ кабана вылетаютъ живые дрозды. Точно также изъ живота жареной супороси вываливаются вкуснѣйшія сосиски. Вдругъ раздается трескъ въ потолкѣ, и гости пугаются; но вотъ сверху спускается серебряный обручъ съ золотыми вѣнками и алебастровыми флакончиками съ мазями, которые дарятся гостямъ. Развлеченія состоятъ изъ музыки, пляски и всякаго рода фокусовъ; самъ хозяинъ услаждаетъ гостей своимъ голосомъ. Одобреніе, естественно, всеобщее; но еще забавнѣе его ученый разговоръ, когда онъ, напр.,объясняетъ миѳологическія изображенія на своихъ кубкахъ художественной работы и смѣшиваетъ Медею съ Кассандрой, Пасифаю съ Ніобеей, или когда онъ относитъ изобрѣтеніе коринѳскаго металлическаго сплава къ гибели Трои, причемъ Ганнибалъ (!) собралъ въ кучу всѣ мѣдныя, золотыя и серебряныя произведенія искусства и сплавилъ ихъ. Напослѣдокъ Тримальхіонъ напивается и

присоединяется къ рабамъ, которые получаютъ позволеніе пить и чуть не отнимаютъ мѣста у гостей. Онъ велитъ принести свое завѣщаніе, въ которомъ имъ всѣмъ даруется свобода, и читаетъ его, тронутый самъ добротой хозяина. Наконецъ, умиленіе беретъ верхъ надъ нимъ; плача, точно собираясь умирать, онъ со всѣми прощается, велитъ себя положить, для пробы, на смертный одръ и похоронить при скорбныхъ звукахъ трубъ.

Къ сатирикамъ принадлежитъ и испанецъ Валерій Марціалъ (40—104), родомъ изъ Бильбилиса, мастеръ латинской эпиграммы. Прибывъ молодымъ человѣкомъ въ Римъ, онъ старался снискать благоволеніе сильныхъ міра и придворной прислуги, благодаря чему и могъ себя содержать и получилъ отъ императоровъ Тита и Домиціана разныя привилегіи и званіе всадника. Ему подарили также небольшое виноградное имѣніе близъ Номента и домикъ на Квириналѣ; но если друзья не присылали ему черепицы для починки крыши, то черезъ нее протекалъ дождь, а вино, которое онъ выдѣлывалъ, было кисло, яблоки—безвкусны. Поэтому, когда при черствомъ Траянѣ наступило неблагопріятное для попрошаекъ-поэтовъ вѣяніе, Марціалъ, снабженный младшимъ Плиніемъ деньгами на дорогу, вернулся на родину, гдѣ ему стали помогать провинціальные покровители искусства. Поэтъ оставилъ 14 книгъ, которымъ предшествуетъ книга, трактующая о публичныхъ зрѣлищахъ, всего приблизительно въ 1,500 эпиграммъ, частью въ формѣ „надписей“ въ самомъ первоначальномъ смыслѣ слова, частью въ формѣ коротенькихъ стихотвореній съ мѣткой остротой. Если онъ при этомъ и трактуетъ о недостаткахъ и порокахъ своего времени, онъ все-таки не моралистъ, но только пикантный правописатель: онъ пишетъ свои эпиграммы, какъ онъ самъ говоритъ, для людей, которые во время Флоралій, свѣтлаго праздника богини цвѣтовъ въ маѣ мѣсяцѣ, посѣщали театръ, гдѣ царила бо́льшая распущенность, чѣмъ въ другое время; къ нему пусть не приходитъ какой-нибудь Катонъ, или, если придетъ, то пусть смѣется вмѣстѣ съ нимъ.

Съ сатирой родственны и басни императорскаго вольноотпущенника Федра (при Тиберіѣ), насколько мораль его басенъ порицаетъ слабости людей. А что онъ умѣлъ и задѣвать за живое, доказываетъ отношеніе къ нему Сеяна, который привлекъ его къ суду и добился его наказанія. До насъ сохранилось отъ

него пять книгъ басенъ, которыя большей частью являются переложеніями Эзопа и другихъ грековъ, но отчасти сочинены и самостоятельно.

Какъ видно, эта эпоха забавлялась остротой и насмѣшкой, да и политическая оппозиція совсѣмъ ушла въ пасквильный стихъ и придворную шутку. Менѣе нравилась сухая дидактика Виргилія и Овидія. Впрочемъ, Германикъ, храбрый племянникъ Тиберія, обработалъ „Феномены“ грека Арата, изображеніе созвѣздій и связанныхъ съ ними мѳовъ, а Колумелла составилъ при Неронѣ десятую книгу своего сельскохозяйственнаго труда, въ гекзаметрахъ.

Лирическая и драматическая поэзія. Отъ лирической поэзіи того времени, какъ ни усердно занимались ею въ самыхъ широкихъ кругахъ, кромѣ пяти книгъ „Silvae“ Стація, не сохранилось ничего. И драматическая поэзія тоже представлена только восемью трагедіями философа Сенеки; онѣ, будучи подражаніями греческимъ образцамъ, благодаря своей школьной техникѣ и риторическому паѳосу, долгое время считались образцовыми и оказывали вліяніе, напр., на французскихъ классическихъ трагиковъ, но страдаютъ отсутствіемъ твердой обрисовки характеровъ и энергичнаго дѣйствія на почвѣ дѣйствительности.

Проза; риторика. Въ прозѣ послѣ-августовскаго времени широкое мѣсто занимаютъ прежде всего школьныя науки. Въ области риторики къ началу этого періода относится старшій Анней Сенека (50 до Р. Хр. — 40 послѣ Р. Хр.), отецъ философа; въ концѣ своей учебной дѣятельности онъ написалъ для сыновей своихъ катехизисъ школьнаго краснорѣчія, который содержалъ общія мѣста, расположенія рѣчей и фигуры въ примѣрахъ, заимствованныхъ большей частью изъ школьныхъ рѣчей на искусственно вымышленныя темы. Введенный имъ фигуристый стиль со временемъ вырождался все въ болѣе неестественный и пустой словесный звонъ, пока при Флавіяхъ не выступилъ противъ него Фабій Квинтиліанъ (35—95 послѣ Р. Хр.), происходившій изъ Калагурриса (н. Calahorra) въ Испаніи и не указалъ своимъ ученикамъ снова на Цицерона, какъ на классическій образецъ римскаго краснорѣчія. Квинтиліанъ былъ поставленъ Веспасіаномъ во главѣ публичной школы, въ качествѣ перваго учителя риторики, получавшаго постоянное жалованье; Домиціанъ

поручилъ ему обученіе своихъ племянниковъ и отличилъ его дарованіемъ ему знаковъ консульскаго достоинства. Въ концѣ своего поприща Квинтиліанъ изложилъ свой опытъ и свои принципы въ двѣнадцати книгахъ „о преподаваніи искусства краснорѣчія“, гдѣ онъ требуетъ отъ оратора, кромѣ техники, прежде всего нравственнаго достоинства и основательнаго образованія. Особенно важной сдѣлалась десятая книга, изъ-за цѣнныхъ въ ней сужденій о писателяхъ, рекомендуемыхъ оратору. Однимъ изъ его учениковъ былъ младшій Плиній Секундъ (62—113) изъ Кома, тотъ самый, который при Траянѣ управлялъ Виѳиніей (стр. 349). Впрочемъ только письма, написанныя въ видѣ риторическихъ упражненій, обнаруживаютъ полный чувства мѣры стиль Цицероновскаго краснорѣчія, тогда какъ его похвальная рѣчь Траяну, которую онъ, согласно обычаю времени, долженъ былъ держать за дарованіе ему консульства, доказываетъ, какъ мало съумѣло это направленіе освободить придворный языкъ оффиціальныхъ рѣчей отъ его вычурностей. Къ тому-же, риторъ Корнелій Фронтонъ (100—75), родомъ изъ Цирты въ Нумидіи, преувеличивая принципъ Квинтиліанова стиля, вернулся къ Катону, Эннію и другимъ представителямъ архаической латыни и украшалъ свои рѣчи устарѣлыми выраженіями. Какъ самый знаменитый риторъ и адвокатъ своего времени, какъ фаворитъ Адріана и Антонина Пія, равно какъ воспитатель Марка Аврелія и Луція Вера, онъ создалъ школу. Нѣсколько риторическихъ парадныхъ пьесъ и писемъ о своемъ искусствѣ характеризуютъ его безвкусіе и полное увлеченіе формой. Ему подражалъ, среди другихъ, риторъ Апулей, родомъ изъ Мадавры въ провинціи Африкѣ, учившій въ Карѳагенѣ (около 150 г.); онъ прибавлялъ къ устарѣлымъ словамъ еще неологизмы и скучиваніемъ каламбуровъ, антитезъ и растянутыхъ описаній доводилъ манерность до крайности. Поэтому ни риторическія, ни философскія его произведенія не имѣютъ значенія; только въ его романѣ „Превращенія“, въ которомъ юноша, превратившійся въ осла, переживаетъ самыя безумныя приключенія, содержится золотое зернышко: прелестный разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ, который въ древности и въ новое время вдохновлялъ и художниковъ къ созданію чудныхъ произведеній. „Жилъ-былъ царь. У него было три дочери. Двѣ изъ нихъ были замужемъ, третья же, по имени Психея, отличалась такой

красотой, что никто не осмѣливался приставаться къ ней, но всѣ почитали ее, какъ Венеру. Богиня на это прогнѣвилась и приказала своему сыну Амуру наказать прекрасную смертную. Но Амуръ самъ воспылалъ любовью къ ней. Тогда царю приказано было оракуломъ отвести свою дочь на скалу и отдать ее на съѣденіе чудовищу. Это было исполнено, и въ отчаяніи Психея бросилась со скалы въ пропасть, но нѣжный зефиръ подхватилъ и понесъ ее въ прелестную долину къ волшебному дворцу, гдѣ чьи-то невидимые голоса привѣтствовали ее, какъ свою повелительницу. Когда стемнѣло, явился Амуръ, которому принадлежалъ дворецъ, и сочетался бракомъ со своей возлюбленной; только онъ запретилъ ей допытываться, кто онъ. Они видѣлись притомъ только въ темнотѣ. Продолжительное время они вкушали счастіе юной любви; но, наконецъ, Психея стала чувствовать себя одинокой и попросила у супруга разрѣшенія позвать къ себѣ въ гости сестеръ. Амуръ тщетно предостерегалъ ее отъ ихъ зависти и позволилъ имъ притти. Но сестры подстрекнули любопытство Психеи, такъ что она однажды зажгла лампу и освѣтила лицо спящаго супруга. Она удивлена его цвѣтущей красотой, но онъ просыпается и покидаетъ непослушную. Въ отчаяніи она бросается въ рѣку, но рѣка выноситъ ее на берегъ. Она жалуется сестрамъ на свое несчастіе: тѣ спѣшатъ на скалу и бросаются съ нея въ ожиданіи, что ихъ также вѣтромъ отнесетъ къ Амуру, но разбиваются. Полная страха, скитается Психея, чтобы избѣжать гнѣва Венеры. Такъ какъ никто ей не хочетъ помочь, то она сама отдаетъ себя богинѣ. Послѣдняя велитъ ее наказать и возлагаетъ на нее самыя злѣйшія задачи; но всюду ей помогаютъ невидимыя силы, такъ что все ей удается. Ей приходится также доставать изъ подземнаго міра баночку съ косметической мазью; когда же она уступаетъ соблазну и открываетъ ее, стигійскій запахъ погружаетъ ее въ непробудный сонъ. Тутъ внезапно является Амуръ, пробуждаетъ возлюбленную и проситъ Юпитера о пощадѣ для нея; Юпитеръ даруетъ ей безсмертіе и навсегда сочетаетъ прелестную пару на Олимпѣ“.

Философъ Сенека. Наиболѣе значительнымъ представителемъ философіи сталъ въ латинской литературѣ младшій Сенека (4 до Р. Хр.—65 послѣ Р. Хр.). Тѣмъ опаснѣе могло казаться его писательство властямъ. Послѣ того какъ онъ едва избѣгъ казни

при Калигулѣ, Мессалина удалила его въ изгнаніе, изъ котораго вернула его Агриппина, назначившая его учителемъ Нерона. Онъ руководилъ и первыми шагами юнаго монарха, пока тому не надоѣлъ совѣтникъ, несмотря на крайнюю свою мягкость, и онъ не заставилъ его умереть по случаю Пизонова заговора (стр. 282). Правда, учитель былъ не безъ вины, если его воспитанникъ не зналъ любви и уваженія къ близкимъ ему старшимъ людямъ. Вѣдь онъ въ угоду ему въ своей пародіи на обоготвореніе Клавдія, покойнаго отчима Неронова, которую онъ назвалъ „обращеніемъ въ тыкву“, поднялъ на смѣхъ того самаго монарха, которому онъ раньше, въ письмахъ изъ ссылки, льстилъ самымъ преувеличеннымъ образомъ; а позднѣе онъ самъ помогъ замять злодѣйскій поступокъ Нерона по отношенію къ его матери (стр. 276).

Сенека.
Мраморный бюстъ въ Неаполитанскомъ національномъ музеѣ.

Сенека не былъ Сократомъ, готовымъ запечатлѣть свое ученіе смертью. Поэтому оно осталось сравнительно безъ дѣйствія, какъ ни было оно возвышенно. Сенека осуждалъ месть, гладіаторскія игры, войну, проповѣдывалъ любовь къ врагу и ра-

венство людей въ нравственномъ отношеніи, ставилъ выше всѣхъ жертвъ вѣру въ бога и повиновеніе его волѣ; онъ говорилъ о святомъ духѣ, обитающемъ внутри насъ и находящемся въ постоянной борьбѣ съ плотью, о богоподобіи человѣка:—немудрено, что уже отцы церкви считали его христіаниномъ, и что подъ его именемъ существуетъ даже подложная переписка съ апостоломъ Павломъ.

Естественная наука и родственныя ей. Тому-же Сенекѣ мы обязаны и первымъ обширнымъ латинскимъ трудомъ по физикѣ,—семь книгъ „естественно-научныхъ изслѣдованій“. Въ этой области за нимъ слѣдовалъ старшій Плиній (23—29), дядя и усыновитель вышеназваннаго ритора, тотъ самый, который въ должности начальника флота нашелъ свою смерть при изверженіи Везувія въ 79 г. (стр. 305). Хотя Плиній съ самой молодости служилъ въ должности предводителя войска и чиновника по управленію внутри и внѣ Италіи, но, благодаря своему неутомимому прилеганію, онъ съумѣлъ сдѣлаться однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей всѣхъ временъ. До насъ сохранилась его „Естественная исторія“ въ 37 книгахъ, большая энциклопедія всего космологическаго, астрономическаго, физическаго, географическаго, зоологическаго, ботаническаго и минералогическаго знанія съ экскурсами по медицинѣ, живописи (въ отдѣлѣ о красильныхъ веществахъ) и скульптурѣ (въ отдѣлѣ о минералахъ). Матеріалъ для этого исполинскаго труда писатель, по его собственному указанію, почерпнулъ изъ 2,000 съ лишнимъ томовъ, и самъ онъ называетъ по имени около 500 источниковъ. Эта естественная исторія стала главнымъ источникомъ реальнаго знанія не только для конца римской имперіи, но и для всѣхъ среднихъ вѣковъ, и нынѣ еще является основой исторіи античнаго искусства. Подобныя энциклопедіи писали Корнелій Цельзъ при Тиберіѣ и Колумелла при Неронѣ; отъ перваго мы имѣемъ еще восемь книгъ о врачебной наукѣ, отъ послѣдняго — двѣнадцать о земледѣліи и четыре о разведеніи деревьевъ. Въ то-же время возникъ и географическій трудъ Помпонія Мелы „de chorographia“, родъ путеводителя по берегамъ Средиземнаго моря.

Языковѣдѣніе и правовѣдѣніе. Представителями филологіи были въ началѣ этого періода Асконій, какъ комментаторъ Цицероновыхъ рѣчей, Валерій Пробъ, какъ комментаторъ поэтовъ,

особенно Виргилія, а въ концѣ—Авлъ Геллій, ученикъ Фронтона и современникъ Марка Аврелія, со своими 20 книгами „Аттическихъ ночей“, въ которыхъ скучена масса лингвистическихъ, антикварныхъ и историко-литературныхъ замѣтокъ. Правовѣдѣніе лишь въ это время достигло настоящаго расцвѣта. Съ тѣхъ поръ какъ право давать юридическіе совѣты обусловлено было императорскимъ разрѣшеніемъ, образовалось высокоуважаемое сословіе законовѣдовъ, и стали усердно собирать, приводить въ порядокъ и толковать законоположенія и рѣшенія, основательнѣе трактовать отдѣльные предметы и точнѣе опредѣлять понятія. Изъ многочисленныхъ писаній этого рода сохранились четыре книги „Институцій“ Гая, писавшаго въ вѣкъ Антониновъ; въ возникавшихъ школахъ правовѣдѣнія это произведеніе клалось въ основу чтеній о римскомъ гражданскомъ правѣ и отчасти оно принято и въ Пандектахъ Corpus Juris.

Техническіе писатели. Въ римской литературѣ теперь стала замѣтной громатика, землемѣрное искусство, примѣнявшееся при раздачѣ земельныхъ участковъ и при отведеніи мѣста подъ лагерь. При Домиціанѣ и Нервѣ бывшій генералъ Веспасіана Юлій Фронтинъ (40—103), кромѣ трудовъ о тактическихъ средствахъ и о водопроводахъ, написалъ объ этомъ предметѣ двѣ книги безыскусственнымъ ремесленнымъ языкомъ, а нѣкій Гигинъ, котораго не надо смѣшивать съ завѣдывавшимъ Палатинской библіотекой Августа (стр. 246), писалъ объ устройствѣ римскаго лагеря его времени.

Исторіографія. Далеко бо́льшее число представителей имѣла исторіографія, благодаря извѣстной любви римлянъ къ этому роду прозаической литературы. Правда, она находилась подъ всесильнымъ вліяніемъ риторики, да кромѣ того ей приходилось опасаться гнѣва подозрительныхъ императоровъ; поэтому она легко вырождалась въ византійскую лесть и вычурное многоглаголаніе, а также въ субъективное трактованіе фактовъ. Такимъ образомъ писали при Тиберіѣ Веллей Патеркулъ и Валерій Максимъ, первый двѣ книги „Римской исторіи“, какъ руководство для начинающаго консула, со многими разсужденіями и характеристиками, послѣдній—девять книгъ „замѣчательныхъ изреченій и дѣяній“, какъ собраніе примѣровъ для риторическихъ цѣлей; немного позднѣе Курцій Руфъ писалъ „О дѣяніяхъ

Александра Великаго", а при Адріанѣ Флоръ сдѣлалъ извлеченіе изъ римской исторіи Ливія. Съ болѣе важнымъ содержаніемъ и болѣе простымъ языкомъ, но съ узкой точки зрѣнія и по неудовлетворительному плану составлены двѣнадцать „біографій императоровъ" Свѣтонія Транквилла, тайнаго совѣтника Адріана, въ которыхъ трактуются Юліи и Флавіи. Но далеко значительнѣйшимъ исторіографомъ, значительнѣйшимъ прозаическимъ писателемъ послѣ-августовскаго времени вообще является П. Корнелій Тацитъ. Родившись въ началѣ правленія Нерона, онъ послѣ основательнаго изученія риторики и права посвятилъ себя судебной дѣятельности и достигъ первыхъ ступеней курульной карьеры. Тиранніи послѣднихъ годовъ Домиціана принудила его, при его аристократической натурѣ, удалиться отъ дѣлъ. Но при Нервѣ онъ тотчасъ-же сталъ консуломъ. При Траянѣ онъ посвятилъ себя исторіографіи, выступивъ въ литературѣ еще за много лѣтъ раньше со своимъ превосходнымъ „Діалогомъ объ ораторахъ". Дожилъ ли онъ до правленія Адріана,—не установлено. Младшій Плиній былъ его другомъ, а тотъ Юлій Агрикола, объ образцовомъ управленіи котораго Британіей шла рѣчь выше (стр. 309), былъ его тестемъ. Тацитъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ исторіографа съ расширеннаго въ біографію некролога своего тестя. Затѣмъ слѣдовала „Германія", описаніе происхожденія, страны, нравовъ и племенъ германскаго народа, которое благодаря относительной надежности извѣстій, проницательности наблюденій и ясности сужденій представляется драгоцѣннѣйшимъ изъ свидѣтельствъ древности о германскомъ прошломъ. Но главными созданіями Тацита являются „Исторіи" и составленная послѣ нихъ „Лѣтопись" (Анналы); первыя въ 14 книгахъ трактуютъ время отъ 69—96 гг., послѣдняя въ 16 книгахъ — время отъ смерти Августа до конца 68 г.; и тѣ и другія суть главные источники нашихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ римской исторіи. Но изъ „Исторій" мы имѣемъ только первыя четыре книги и часть пятой, а изъ Анналовъ—первыя и послѣднія шесть, да и то съ пропусками. То, что сохранилось, и содержаніемъ и формой свидѣтельствуетъ о величіи историографа: всюду видно тщательное изученіе источниковъ, стремленіе къ истинѣ, ясное расположеніе матеріала, избранный, горячій, содержательный языкъ. Обращая взоръ на доблесть великихъ предковъ, онъ усматриваетъ въ утвержденіи

господства Кесарей неизбѣжное послѣдствіе грѣховъ умирающей республики и творитъ неумолимый судъ надъ недостатками правящихъ и управляемыхъ. Его досадуетъ, раздражаетъ паденіе древнеримской доблести; поэтому, если онъ и хочетъ писать „sine ira et studio“, все-же порою онъ становится несправедливымъ и не замѣчаетъ заслугъ императоровъ по государственной оборонѣ и по управленію. Но никогда ни одинъ историографъ не писалъ судебъ своего народа болѣе серьёзнымъ, внушительнымъ тономъ, никогда ни у одного не былъ такъ отчетливо слышенъ тяжелый шагъ рока.

На-послѣдокъ упомяняемъ о первомъ латинскомъ произведеніи христіанской литературы, о діалогѣ Минуція Феликса „Октавій“, написанномъ, вѣроятно, при Маркѣ Аврелiѣ. Онъ содержитъ оправданіе христіанства противъ упрековъ, дѣлавшихся ему съ языческой стороны, и при этомъ высокообразованный авторъ пользовался для своихъ доказательствъ орудіемъ той-же философіи, которая руководила нападками.

Греческая литература. Литература ближайшихъ 150 лѣтъ послѣ Августа, съ одной стороны, обнаруживаетъ большое обиліе и многосторонность произведеній, а также нѣсколько крупныхъ талантовъ, имѣвшихъ силу и счастье дать своей оригинальности классическое выраженіе или творчески выступить въ какой-нибудь новой области, но въ цѣломъ она обнаруживаетъ постепенное паденіе съ классической высоты, которое въ вѣкъ Антониновъ ускорилось устрашающимъ образомъ. Съ другой стороны, греческая литература, которая давно пережила свой классическій періодъ и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ продолжала тихо развиваться въ ученыхъ кругахъ, теперь какъ-бы вторично расцвѣла, благодаря политическому значенію, которое получила греческая культура для востока, благодаря тѣсному соединенію съ Римомъ, со стороны котораго она была подкрѣплена многочисленными перебѣжчиками, а также благодаря покровительству кесарей, привлекавшему самые значительные умы въ Римъ. Еще при Флавіяхъ эллинизированный еврей Іосифъ составилъ въ Римѣ обширные труды по еврейской исторіи. Особенно много произведеній относится ко времени императоровъ по усыновленію: Діона Хрисостома—80 превосходныхъ рѣчей философскаго и этическаго содержанія; Плутарха (родомъ изъ Херонеи), довѣреннаго лица Траяна и учителя Адріана—сравни-

тельныя біографіи великихъ грековъ и римлянъ, равно какъ многочисленные трактаты по отдѣльнымъ предметамъ изъ всевозможныхъ областей; Арріана (родомъ изъ Никомедіи въ Виѳиніи), занимавшаго при Адріанѣ самыя видныя должности—исторія походовъ Александра Великаго, сочиненія объ Индіи и берегахъ Понта, на военныя и философскія темы; александрійца Аппіана—римская исторія; Павсанія—описаніе путешествія по Греціи, съ весьма важными сообщеніями о произведеніяхъ искусства, религіозныхъ культахъ и т. д., Клавдія Птолемея—кромѣ другихъ, особенно географическія и астрономическія сочиненія, важнѣйшіе источники нашихъ свѣдѣній о древности въ этихъ областяхъ; Лукіана (стр. 415)—около 80 сочиненій, въ которыхъ онъ съ классической ясностью языка и аттическимъ остроуміемъ поднимаетъ на смѣхъ религію и суевѣріе, философію и риторику, образованіе и нравы своего времени; наконецъ врача Галена—около 100 медицинскихъ сочиненій, главные источники медицинскаго знанія за полторы тысячи лѣтъ. Кромѣ того, безчисленная масса сочиненій погибла.

Искусство. Наконецъ, что́ касается искусства этой эпохи, то камни заговорили бы о его грандіозномъ развитіи, если-бы даже молчали писатели. Все, что́ дошло до насъ изъ построекъ, скульптурныхъ памятниковъ и произведенія художественнаго ремесла въ Римѣ и Италіи, въ обширныхъ странахъ отъ океана до Рейна, Понта и Евфрата, отъ вала Адріана до африканской пустыни—относится большей частью къ этому времени. И мы изумленно стоимъ передъ этими постройками исполинскаго поколѣнія, которыя грандіозностью и смѣлостью замысла поражаютъ насъ не менѣе, чѣмъ своею неразрушимой долговѣчностью и необычайной цѣлесообразностью; мы изумлены при видѣ этихъ массъ предметовъ священнаго и мірского искусства, выглядывающихъ изъ мусора вѣковъ. Даже города средняго значенія, судя по развалинамъ, украшены были съ такой роскошью, какъ ни одинъ современный городъ. Общины и соперничавшіе съ ними чиновники и частныя лица тратили цѣлые милліоны на высокіе акведуки, по которымъ горная вода за много миль проводилась въ города, на ихъ канализацію, на сооруженіе храмовъ, бань, народныхъ площадей и мѣстъ для игръ, театровъ, амфитеатровъ, гимнасіевъ, колоннадъ, почетныхъ арокъ, красивыхъ стѣнъ съ башнями и воротами и

на украшеніе всего этого произведеніями пластики. Изъ частныхъ лицъ особенно упоминается богатый риторъ Иродъ Аттикъ, временъ Адріана, по причинѣ своей царской щедрости, о которой свидѣтельствовали постройки въ Италіи, Малой Азіи, больше всего въ Греціи. Еще до сихъ поръ стоятъ ихъ развалины въ Олимпіи и Аѳинахъ: въ первой—Экзедра, портикъ съ нишеобразнымъ углубленіемъ, который имѣлъ передъ собой водяной бассейнъ и замыкалъ водопроводъ, въ Аѳинахъ же, у югозападнаго края акрополя Одеонъ, крытый кедровымъ деревомъ и вообще грандіозноразукрашенный театръ на 6.000 зрителей, величайшій крытый театръ того времени. Императоры также жертвовали громадныя суммы на провинціальныя постройки, въ особенности, если надѣлали вреда землетрясенія и пожары. Адріана, при его круговомъ путе-

Сложный стиль
(Упадокъ искусства)

шествіи по имперіи, даже сопровождала раздѣленная на когорты армія архитекторовъ, строительныхъ ремесленниковъ, техниковъ и художниковъ, „которые всюду могли руководить туземными рабочими, исполнявшими его никогда не истощавшіеся планы“. Съ ихъ помощью онъ закладывалъ цѣлые города, какъ то: Адріанополь во Ѳракіи, Элію Капитолину на развалинахъ Іерусалима, Антиноополь въ Египтѣ; но ни одинъ и изъ существовавшихъ уже городовъ, имъ посѣщавшихся, не оставался не одареннымъ чѣмъ-нибудь. Императорамъ подражали вассальные государи, какъ, напр., Ироды въ Іудеѣ, которые не только создали въ подвластной имъ области блестящіе города Кесарію и Тиберіаду, храмъ въ Іерусалимѣ и другія постройки, но и богатѣйшимъ образомъ изукрасили города Сиріи, Малой Азіи и Греціи. „Города сіяютъ блескомъ и прелестью, и вся земля украшена, точно садъ“, съ такой похвалой, и притомъ правдивой, обращался къ римлянамъ одинъ риторъ второго вѣка.

Строительное искусство. Архитектура развивалась особенно грандіозно и своеобразно. Правда, на каждомъ шагу было видно греческое вліяніе; но римскіе зодчіе не были рабскими подражателями (см. I томъ, стр. 597 слд.). Прежде всего обычная въ Италіи сводчатая стройка научила ихъ справляться съ совершенно другими пролетами и высотами, чѣмъ тѣ, которые были обычны у грековъ. У нихъ употреблялись: полукругообразный коробовой сводъ, какъ и крестовый сводъ надъ четыреугольными помѣщеніями, образуемый двумя коробовыми сводами, пересѣкающими другъ друга на одинаковой высотѣ, и купольный сводъ, который и нынѣ еще въ Пантеонѣ вызываетъ наше изумленіе. Въ связи со сводомъ „римская“ арка давала возможность къ многоэтажнымъ постройкамъ. Арки сидѣли на увѣнчанныхъ карнизомъ импостахъ столбовъ; украшеніями служили колонны и пилястры съ лежащими на нихъ балками. Наружныя украшенія были греческія, но также въ свободномъ примѣненіи. База, стержень и капители колоннъ измѣнялись: акантъ особенно любимой коринѳской колонны становился все обильнѣе и обильнѣе, и ея листва соединилась даже съ завитками іонійской колонны въ сложную капитель (композитъ); дорійскія, іонійскія и коринѳскія колонны въ этомъ именно порядкѣ употреблялись на декоративную отдѣлку этажей одной и той-же постройки, причемъ часто связывались съ выдававшимися

надъ ними выступами, соединялись съ стоявшими рядомъ колоннами, а порою ставились на постаментъ, состоявшій изъ базы, корпуса и капители. И фризъ храмовъ также показывалъ то одно, то другое отступленіе отъ греческой нормы; особенно прелестными были орнаменты формы гирляндъ, головъ животныхъ и розетокъ. Естественно, своеобразность римской архитектуры всего больше выразилась въ постройкахъ, придающихъ римскимъ императорскимъ городамъ ихъ характерный отпечатокъ: въ акведукахъ, термахъ, сооруженныхъ на ровномъ мѣстѣ театрахъ и амфитеатрахъ, равно какъ и въ арочныхъ постройкахъ. Акведуки, проходившіе по глубокимъ долинамъ и ущельямъ, термы съ помѣщеніями, разсчитанными на нѣсколько тысячъ человѣкъ, театры и амфитеатры, необычайно высокіе и выдерживавшіе громадное давленіе, представляли настоящія задачи для римскаго искусства—дѣлать своды и арки, требовали точныхъ расчетовъ и плановъ, тогда какъ арочныя постройки, стѣнныя, тріумфальныя, почетныя и уличныя арки открывали широчайшій просторъ фантазіи при примѣненіи архитектурныхъ и пластическихъ украшеній. Перекинутая черезъ улицу арка на лопаткахъ украшенныхъ колоннами столбовъ, стоящихъ на постаментахъ, надъ ними балки, замыкаемыя карнизомъ и поддерживающія аттику съ надписью, а поверхъ послѣдней позолоченное изображеніе, напр. тріумфатора на квадригѣ, при чемъ всѣ свободныя плоскости покрыты рельефами, орнаментами и статуями—вотъ приблизительно основная схема многочисленныхъ построекъ послѣдняго рода. Но фантазія сдерживается здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-либо: она увеличиваетъ число отверстій, прибавляетъ этажи и располагаетъ украшенія все на новый ладъ. Арка Тита въ Римѣ, Тиберія въ Оранжѣ (Arausio), Марка Аврелія и Луція Вера въ Триполи (Oea), ворота Адріана въ Аѳинахъ, арка въ Пальмирѣ являются самыми знаменитыми изъ этихъ построекъ. Сюда-же относится Porta nigra въ Трирѣ (въ Германіи), крѣпостныя ворота съ двумя этажами надъ фундаментомъ, замыкаемыя съ двухъ боковъ выступающими башнями.

Скульптура и живопись. Естественно, это грандіозное общественное строительство требовало и многосторонняго примѣненія пластическаго искусства и давало работу ваятелямъ, штукатурщикамъ, чеканщикамъ, рѣзчикамъ, литейщикамъ, живописцамъ и мозаичнымъ мастерамъ. Но кромѣ богатой отдѣлки

частей и поверхностей построекъ изнутри и извнѣ, онѣ роскошно уставлялись бронзовыми и мраморными статуями; къ этому присоединялась масса такихъ статуй на храмовыхъ и рыночныхъ площадяхъ, равно какъ передъ общественными зданіями вообще, художественно исполненные бассейны для воды съ богатыми скульптурными украшеніями и т. д. Прежде всего въ городахъ греческаго міра, несмотря на всѣ римскіе грабежи, имѣлось еще изобиліе общественныхъ произведеній искусства; въ Родосѣ насчитывалось 3000, и столь же богатыми были вѣроятно Аѳины, Олимпія, Коринѳъ и Дельфы. Но и города Италіи и соперничавшіе съ ними города запада, сѣвера и юга наполнялись изображеніями боговъ, статуями императоровъ и членовъ императорскихъ фамилій, вліятельныхъ государственныхъ мужей, намѣстниковъ и легіонныхъ начальниковъ, затѣмъ городскихъ должностныхъ лицъ, заслуженныхъ гражданъ и чужестранцевъ, равно какъ такихъ частныхъ лицъ, которыя съ позволенія властей сами ставили себѣ памятникъ. Въ Римѣ, по одному извѣстію, насчитывалось до 4.000 бронзовыхъ статуй императоровъ и полководцевъ, полтораста изображеній боговъ, позолоченныхъ и изъ слоновой кости, причемъ сюда не включены болѣе простыя вещи.

Еще богаче произведеніями искусства должны были быть частные дома. Атріи, библіотеки, кабинеты для занятій, помѣщенія для купанья украшались статуями, вазами, вставными рельефами и картинами. Въ особенности виллы и парки были полны художественнаго великолѣпія. Взоръ отдыхавшаго въ тѣни владѣльца направленъ былъ на картины на стѣнѣ колоннадъ, на мраморныя и бронзовыя статуэтки и драгоцѣнныя вазы; изъ бронзовыхъ фигуръ брызгала вода фонтана, а бассейнъ, посреди котораго поднималась его серебристая струя, окружали фигуры сатировъ и силеновъ, служившія водолеями; въ бесѣдкахъ стояли бюсты мудрецовъ и поэтовъ, знаменитыхъ мужей современности и прошлаго; въ маленькихъ храмахъ находились драгоцѣнныя изображенія боговъ; изъ полукруглой loggia, съ красивымъ мозаичнымъ поломъ и новыми статуями, открывался видъ вдаль. Вотъ почему въ виллахъ и ихъ окрестностяхъ сдѣланы были богатыя находки: самыя богатыя—въ виллѣ Адріана въ Тиволи, превосходящей по роскоши всѣ другія. Впрочемъ по-

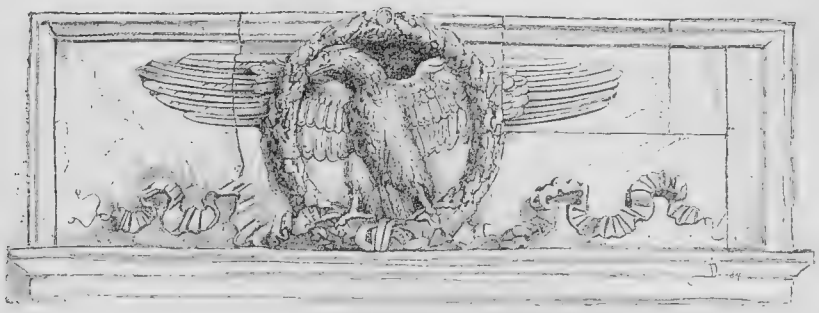
требность въ искусствѣ въ то замѣчательное время чувствовалась не одними только государями и богачами, но и маленькіе люди для своего благополучія нуждались въ лѣпныхъ орнаментахъ на карнизахъ и потолкахъ, въ глиняныхъ украшеніяхъ, въ небольшой стѣнной живописи миѳологическаго или жанроваго характера, нѣсколькихъ гипсовыхъ бюстахъ, художественно исполненной домашней утвари, какъ-то: столахъ, креслахъ, софахъ, сосудахъ, лампахъ, треножникахъ и т. п. всякихъ мелкихъ вещицахъ, которыми одаряли другъ друга на Сатурналіяхъ. И въ полѣ офицеръ имѣлъ при себѣ свою серебряную парадную посуду, какъ доказываютъ многія находки. Даже мертвые, повидимому, не обходились безъ украшеній, которыми они наслаждались при жизни: мраморныя урны, заключавшія въ себѣ ихъ пепелъ, носили скульптурныя украшенія, а внутреннія помѣщенія гробницъ состоятельныхъ людей, какъ и тѣхъ *колумбаріевъ*, въ нишахъ которыхъ стояли урны съ пепломъ мелкаго люда, были привѣтливо расписаны. Когда затѣмъ во второмъ вѣкѣ мало-по-малу вышло опять изъ моды сожженіе труповъ, тогда, конечно, лишь болѣе зажиточныя семейства были въ состояніи давать своимъ милымъ покойникамъ саркофагъ съ бывшими въ ходу богатыми рельефными украшеніями, но и бѣднякъ охотно клалъ къ нимъ въ гробъ всякіе предметы ежедневнаго обихода, чтобы они чувствовали себя какъ можно лучше въ томъ жилищѣ, въ которомъ они должны были обитать всего дольше.

Какъ уже было упомянуто, и *живопись* тоже служила украшеніемъ жилищъ живыхъ и мертвыхъ. Но на живопись имѣлся еще бо́льшій спросъ, благодаря обычаю снимать съ себя портреты, устанавливать въ храмахъ обѣтныя изображенія, производить эффектъ изображеніями событій на судѣ, на тріумфальныхъ шествіяхъ и похоронахъ императоровъ и увѣковѣчивать на картинѣ происшествія собственной жизни и семейной исторіи.

Правда, слѣдуетъ остерегаться изъ размѣровъ потребности въ искусствѣ дѣлать выводъ о высотѣ этого искусства. Искусство и ремесло въ древности никогда не были раздѣлены такъ, какъ у насъ, и никогда меньше, чѣмъ въ послѣ-августовскій періодъ. Греческое искусство, на которомъ основывалось почти все, что́ появлялось въ пластикѣ и живописи, давно уже пережило лучшіе свои дни и жило своимъ великимъ прошлымъ. Копировались

древніе мастера и образцы, въ среднемъ, отлично, благодаря прочной традиціи и упражненію, часто переходившему отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такимъ-то образомъ, вся научная и художественная жизнь того времени представляетъ картину богатаго творчества, но небольшой творческой силы, безконечную массу произведеній, наполняющихъ наши музеи и библіотеки, но мало оригинальнаго, хотя все-таки громадный резервуаръ различныхъ теченій античнаго духа, который былъ въ состояніи оплодотворить окружающее варварство.

мраморный горельефъ. въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.



ГОСПОДСТВО СОЛДАТЪ.
(193—284)

ДОМЪ СЕВЕРОВЪ.
(193—235)

СЕПТИМІЙ СЕВЕРЪ.
(193—211)

ВЪ лицѣ Коммода вымеръ домъ Антониновъ, тронъ сталъ вакантенъ. Онъ попалъ въ руки военщины, прежде всего преторіанцевъ. Ихъ начальникъ, Летъ, дѣйствовавшій при убіеніи императора въ согласіи съ придворной партіей, провозгласилъ преемникомъ посѣдѣвшаго на государственной и военной службѣ Гельвія Пертинака, изъ школы Марка Аврелія. Но, когда тотъ выказалъ намѣреніе править самолично, сдерживать солдатъ строгой дисциплиной и упорядочить разстроенные финансы бережливостью въ придворномъ хозяйствѣ, онъ на третьемъ мѣсяцѣ своего правленія въ Palatium'ѣ подвергся нападенію толпы преторіанцевъ и былъ убитъ. Солдаты теперь хотѣли посадить на престолъ его тестя, Сульпиціана, но въ концѣ концовъ предпочли этому послѣднему богача Дидія Юліана, который каждому солдату выплатилъ 30.000 сестерціевъ — около 2.250 рублей—и посулилъ воскресить эру друга солдатъ—Коммода. Но народъ его и знать не хотѣлъ, и возмущенные разнузданной дерзостью преторіанцевъ британскіе легіоны подъ начальствомъ Клодія Альбина, сирійскіе легіоны подъ начальствомъ Песценнія Нигра и иллирійскіе подъ начальствомъ Септимія Севера хвати-

лись за мечъ, чтобы добиться престола для своихъ полководцевъ. Послѣдній изъ нихъ былъ самымъ энергичнымъ изъ всѣхъ и, находясь въ Карнунтѣ, гдѣ онъ провозглашенъ былъ императоромъ, былъ ближе всѣхъ къ столицѣ. Онъ немедленно стянулъ свои войска, привлекъ къ себѣ также германскія и галльскія войска и двинулся на Римъ. Тщетно Юліанъ поставилъ его, черезъ сенатъ, внѣ закона и послалъ въ его войско наемныхъ убійцъ и переговорщиковъ, тщетно приказалъ онъ преторіанцамъ устроить укрѣпленія на сѣверѣ города, тщетно самъ онъ вступилъ въ переговоры съ Северомъ и предложилъ ему, снявъ съ него опалу, раздѣлить съ нимъ господство: тотъ безостановочно подвигался впередъ, войска и послы переходили на его сторону, и, когда онъ приказалъ преторіанцамъ покинуть императора, тѣ не рѣшились на сопротивленіе. Тогда сенатъ низложилъ Юліана и велѣлъ его заколоть, а императоромъ провозгласилъ Севера.

Монета съ портретомъ Пертинака.

Септимій упрочиваетъ за собой господство. Септимій Северъ (193—211), родившійся въ Большомъ-Лептисѣ, въ провинціи Африкѣ, отъ римскихъ родителей, былъ солдатская натура. Статный мужчина съ длинной бородой и сѣдой головой, съ повелительной осанкой и громкимъ голосомъ, съ замѣтнымъ африканскимъ акцентомъ, онъ велъ образъ жизни спартанской простоты. Онъ размелъ желѣзной метлой своихъ многочисленныхъ противниковъ и оставилъ послѣ себя вновь укрѣпленную имперію и славу дѣльнаго государя, несмотря на всю свою жестокость. Отомстивъ за Пертинака распущеніемъ корпуса преторіанцевъ, онъ преодолѣлъ одного за другимъ остальныхъ соискателей престола. Такъ какъ сенатъ кокетничалъ какъ съ Пеценніемъ Нигромъ, такъ и съ Альбиномъ, то и надъ нимъ разразился кровавый карательный судъ. Кромѣ того, умный императоръ обезпечилъ свой тронъ тѣмъ, что связалъ свою фамилію съ фамиліей послѣдняго царствовавшаго дома. Онъ позволилъ принять себя въ семью Антониновъ и далъ это прозвище и своимъ двумъ сыновьямъ. Затѣмъ онъ составилъ изъ лучшихъ воиновъ

всѣхъ легіоновъ новую гвардію приблизительно въ 50.000 человѣкъ, повысилъ жалованье и реформировалъ офицерскую карьеру. Теперь солдаты и въ низшихъ должностяхъ вытѣсняли вольноотпущенниковъ изъ службы по управленію, и начальникъ преторіанцевъ, отнынѣ обыкновенно юристъ, поставленъ былъ во главѣ всего гражданскаго управленія, въ частности во главѣ правосудія.

Ограниченіе могущества сената. Сенатъ поплатился за свое враждебное отношеніе въ началѣ правленія императора значительнымъ сокращеніемъ своего вліянія уже вслѣдствіе новаго положенія начальника преторіанцевъ. Но еще больше были ослаблены сенаторскія должности, когда для улицъ и садовъ столицы были назначены также императорскіе прокураторы, а эрарій, управлявшійся до этого сенаторскими должностными лицами, совершенно растворился въ императорскомъ фискѣ. Зато поднялось могущество всадническаго сословія, члены котораго теперь, размѣщенные по постояннымъ чиновнымъ степенямъ съ опредѣленными титулами, управляли государствомъ какъ юристы и какъ солдаты. Такъ какъ Северъ пригласилъ въ свой государственный совѣтъ и на высшія должности способныхъ людей, какъ, напр., великихъ юристовъ: Папиніана, Павла и Ульпіана, то этими самодержавными реформами на самомъ дѣлѣ рѣшительно были улучшены управленіе и правосудіе.

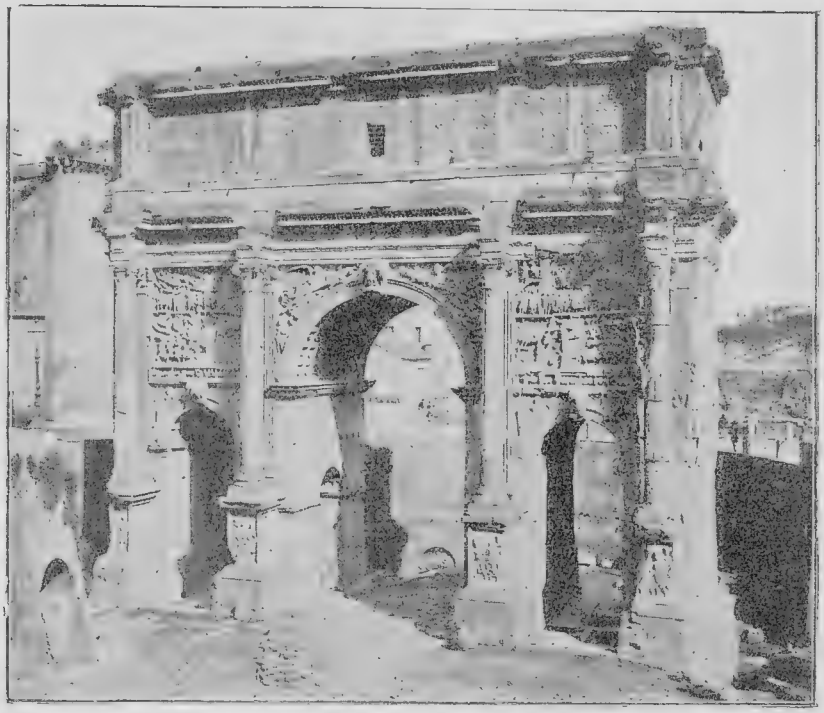
Септимій Северъ.
Мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Война съ парѳянами. Какъ только императоръ упорядочилъ дѣла на западѣ, онъ поспѣшилъ на востокъ, гдѣ парояне осаждали его военачальника Лета во вновь занятомъ Низибисѣ. Онъ энергично отогналъ враговъ и самъ завоевалъ Ктезифонтъ и Селевкію вмѣстѣ съ царскими сокровищами. Только Гатра, замокъ въ пустынѣ, гдѣ уже Траянъ потерпѣлъ крушеніе, устояла предъ его натискомъ. Однако, результатомъ всего похода было то, что онъ завладѣлъ провинціей Месопотаміей. По возвращеніи, побѣдителю была сооружена въ сѣверозападномъ углу главнаго форума тріумфальная арка, которая еще нынѣ возвѣщаетъ о его дѣяніяхъ.

Постройки. Смерть. Къ этому-же, вѣроятно, времени относятся прочія крупныя постройки Септимія Севера: его исполинскій дворецъ на южной сторонѣ Палатина, развалины котораго все еще производятъ на путника величественное впечатлѣніе, и у подошвы его прославленный Септизоній—трехъ-этажная декоративная постройка, состоявшая изъ трехъ круглыхъ нишъ съ поставленными впереди нихъ колоннадами, фонтанами и съ позолоченной колоссальной статуей императора посрединѣ; все это для путника, прибывающаго съ юга, было заключеніемъ Аппіевой дороги и являлось какъ-бы первымъ свѣтлымъ привѣтствіемъ блистательной столицы имперіи. Изъ другихъ созданій особенно достопримѣчателенъ высѣченный на мраморныхъ плитахъ планъ города (приблизительно въ масштабѣ 1:250), помѣщенный на одной стѣнѣ храма „Священнаго города“; сохранившихся еще значительныхъ обломковъ достаточно для опредѣленія нѣкоторыхъ цѣнныхъ подробностей. Да и вообще Северъ не былъ необразованнымъ монархомъ; въ особенности подчеркиваются его юридическія познанія.

Септимій Северъ.
Римская монета.

Но охрана имперіи внутри и извнѣ оставалась главной его задачей. Уже будучи старикомъ, онъ предпринялъ еще походъ въ Британію и провелъ къ сѣверу отъ вала Адріана начатую Антониномъ линію внѣшнихъ укрѣпленій между Forth и Clyde. Тутъ въ Эборакѣ (Іоркѣ) въ 211 г. его постигла смерть.



Тріумфальная арка Септимія Севера. Съ фотографіи.

ПОТОМКИ СЕПТИМІЯ СЕВЕРА.
(211—235)

Каракалла (211—217). Септимій Северъ оставилъ послѣ себя, въ качествѣ преемниковъ, своихъ сыновей Бассіана Антонина и Гету Антонина; оба они были еще юношами, оба съ чувственнымъ и грубымъ характеромъ, но старшій былъ безбожнѣе и потому вышелъ побѣдителемъ изъ интригъ, которыми началось новое правленіе. Каракалла — такъ называли его обыкновенно по его длинному кельтскому плащу, который, благодаря ему, сдѣлался популярнымъ — убилъ брата въ объятіяхъ матери, деньгами успокоилъ ропотъ преторіанцевъ и казнями устранилъ свидѣтелей и порицателей этого

злодѣйства. Александръ, Сулла и Тиберій были его образцами. Съ послѣдними онъ думалъ сравняться разнузданнымъ произволомъ и кровожаднымъ неистовствомъ, съ первымъ — гигантскими планами. Объ этомъ еще нынѣ свидѣтельствуютъ его грандіозныя термы съ исполинскими сводами и безумнымъ великолѣпіемъ, превосходившія все подобное, да, пожалуй, и мысль даровать всѣмъ обитателямъ обширной имперіи права гражданства, какъ она выразилась въ constitutio Antoniniana, и, наконецъ, его завоевательные планы. Наступательное движеніе новаго союза германскихъ племенъ, алеманновъ, съ Эльбы и Одера на юго-западъ Германіи и возстаніе хаттовъ вызвали его на угрожаемую сѣверную границу. Деньгами и нѣсколькими ударами Каракалла пока отвратилъ опасность, и даже изъ внутренней Германіи явились посольства на поклонъ къ римскому императору. Но его гнало на востокъ, на театръ геройскихъ дѣяній Александра Великаго. Каракалла желалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ пріобрѣсти парѳянское царство, и, когда надежда получить его путемъ брака потерпѣла крушеніе изъ-за отказа парѳянскаго царя, онъ вторгся въ него и сталъ опустошать страну. Неблагопріятное время года принудило его, правда, вернуться въ Сирію, а парѳянскій царь успѣлъ стянуть несмѣтное войско. Дѣло долженъ былъ рѣшить второй походъ. Но тутъ императоръ былъ убитъ своими офицерами.

Гета.
Серебряная монета.

Макринъ (217); **Геліогабалъ** (218—222). Въ виду близости непріятеля войско позволило начальнику преторіанцевъ Макрину, руководителю заговора, стать во главѣ его. Онъ былъ провозглашенъ Августомъ и принялъ своего сына Діадумена въ соправители. Но когда двухдневная кровопролитная битва осталась нерѣшенной и Макринъ заключилъ миръ съ парѳянскимъ царемъ, солдаты склонились къ родственнику Каракаллы, юному красивому жрецу бога солнца въ Эмесѣ, Геліогабалу, котораго мать его выдавала за сына зарѣзаннаго императора, и во время борьбы за престолъ перешли на его сторону.

Четырнадцатилѣтній Геліогабалъ предоставилъ правленіе своей матери Соэміадѣ и своей бабкѣ Мэзѣ, сестрѣ Юліи Домны, которая была матерью Каракаллы. Его мать присутство-

вала на засѣданіяхъ сената, со своей бабкой появлялся онъ самъ въ сенатѣ или въ лагерѣ преторіанцевъ. Смѣшное правленіе женщинъ, его поклоненіе Ваалу, которому онъ хотѣлъ подчинить всѣ другіе культы, даже народныхъ боговъ, его неслыханная даже въ императорскомъ Римѣ роскошь и расточительность, а также безстыдный развратъ возмутили, наконецъ, преторіанцевъ, и, когда онъ сталъ злоумышлять противъ жизни своего популярнаго двоюроднаго брата Александра, онъ былъ убитъ, а трупъ его брошенъ въ Тибръ.

Каракалла.
Мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

Александръ Северъ (222—235). Теперь въ лицѣ Александра, которому солдаты за его строгую дисциплину дали прозвище Севера, взошелъ на престолъ опять столь же образованный, какъ и добросовѣстный государь. Онъ любилъ классиковъ, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ, музыку, математику, и самъ былъ дилетантомъ въ поэзіи, музыкѣ и живописи: фигуры Гомера, Цицерона, Виргилія были поставлены въ его домовой молельнѣ. Тутъ были также Авраамъ и Христосъ, ибо государь, бывшій родомъ изъ Сиріи, былъ знакомъ съ іудействомъ и христіанствомъ и, какъ видно и изъ другихъ сообщеній, научился цѣнить, по крайней мѣрѣ, этику. Въ качествѣ императора онъ сперва очистилъ дворецъ, правительство, сословія сенаторское и всадническое, въ особенности же судейское отъ недостойныхъ элементовъ, которые массами вошли туда при его предшественникѣ, и окружилъ себя лучшими

людьми своего времени, юристами, офицерами, заслуженными государственными чиновниками. Законовѣдъ Ульпіанъ сталъ его интимнѣйшимъ совѣтникомъ и даже начальникомъ его гвардіи. Самъ онъ заботился обо всемъ, по каждый вопросъ отдавалъ на разработку чиновникамъ-спеціалистамъ, а важнѣйшіе — въ государственный совѣтъ на обсужденіе, послѣ чего они шли въ сенатъ. На придворный штатъ и игры у него мало оставалось денегъ, но тѣмъ больше находилось на цѣли государственнаго блага и украшеніе города. Предупредительный къ гражданамъ, онъ выказывалъ по отношенію къ зазнавшемуся войску желѣзную неподатливость; солдаты сваливали вину въ этомъ на офицеровъ, и Ульпіанъ былъ убитъ гвардіей у ногъ императора; наконецъ,

Каракалла.

Геліогабалъ.

Александръ Северъ.

Римскія монеты.

и этому послѣднему не разъ грозила серьезная опасность.

Это непокорство и насильственность солдатъ были тѣмъ пагубнѣе, что какъ разъ въ это время враги угрожали границамъ имперіи сильнѣе прежняго. Тронъ парѳянскихъ царей рушился, и въ лицѣ Артаксара (Ардашира) въ 226 г. достигла господства персидская династія Сассанидовъ. Артаксаръ тотчасъ-же потребовалъ выдачи всѣхъ земель, когда-либо принадлежавшихъ къ царству Дарія и Ксеркса, и съ огромнымъ войскомъ вторгся въ Месопотамію и Сирію. Александръ самъ выступилъ въ походъ, не одерживая, однако, побѣдъ со своими многочисленными, но распущенными войсками; но все-таки Артаксаръ въ концѣ концовъ отступилъ. На Рейнѣ римскія позиціи также пошатнулись вслѣдствіе неоднократныхъ германскихъ набѣговъ, и самъ императоръ явился въ Майнцъ. Тутъ онъ въ 235 г. былъ убитъ. Съ нимъ вымеръ домъ Северовъ.

РАЗЛОЖЕНІЕ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ИМПЕРІИ (235—284).

МАКСИМИНЪ (235 — 238). Максиминъ, ѳракіецъ богатырской физической силы, выслужившійся изъ рядовыхъ до начальника легіона, пришелся по вкусу одичалой солдатчинѣ, которая и возвела его въ преемники. Прежде всего онъ далъ алеманнамъ энергичнымъ походомъ во-внутрь Германіи хорошій урокъ, который и помогъ на нѣкоторое время.

Саркофагъ Александра Севера и Маммеи.
Въ Капитолійскомъ музеѣ.

За то теперь разразилась буря на нижнемъ Дунаѣ. Восточногерманскіе готы съ Балтійскаго моря вдоль Вислы мало по малу приблизились къ Черному морю и привели въ волненіе всѣ народы къ сѣверу отъ Дуная. Чтобы остановить натискъ, Максиминъ около Сирмія сталъ заготовлять войско. Но тутъ онъ былъ отозванъ революціей въ Италію. Намѣстникъ провинціи Африки, Гордіанъ I, возмутился противъ него и вмѣстѣ съ сыномъ сво-

имъ (II) былъ признанъ со стороны сената императоромъ. А когда оба они были побѣждены мавританскимъ намѣстникомъ Максимина, сенатъ назначилъ двухъ новыхъ императоровъ, къ которымъ присоединился въ качествѣ кесаря возведенный преторіанцами юный Гордіанъ III, племянникъ Гордіана II. Всѣ эти происшествія сопровождались кровопролитными уличными схватками въ столицѣ. Максиминъ двинулся черезъ Эмону подъ Аквилею, которая оказала ему отчаянное сопротивленіе. Такъ какъ прекратился и подвозъ съѣстныхъ припасовъ, то солдаты перестали слушаться, а когда императоръ употребилъ противъ нихъ силу, то они убили его вмѣстѣ съ сыномъ. Но и сенатскіе императоры не могли удержаться противъ войска. Во время одного возстанія они были убиты въ Римѣ, и Гордіанъ III былъ провозглашенъ императоромъ.

Филиппъ Арабъ.
Римская монета.

Гордіанъ III (238—244). Въ то-же время орды варваровъ на востокѣ двинулись черезъ границы имперіи: на Дунаѣ готы, разрушившіе прибрежный городъ Истръ, на Евфратѣ персы, завоевавшіе Месопотамію. Въ виду грозящихъ отовсюду опасностей Гордіанъ сдѣлалъ начальника преторіанцевъ Тимесиѳея своимъ тестемъ. Теперь Италія была успокоена, готская орда пока была уплатой дани удержана отъ дальнѣйшаго наступленія, и вся сила имперіи была брошена въ Сирію. Дѣйствительно, Месопотамія была отвоевана обратно, какъ вдругъ Тимесиѳей умеръ. Теперь въ руководствѣ войскомъ стала замѣчаться нетвердость, что́ раздосадовало солдатъ. Они убили императора и возвели на престолъ новаго префекта гвардіи, араба Филиппа (244 г.).

Филиппъ Арабъ (244—249). Новый императоръ прервалъ походъ и отвелъ войско обратно. Упрочивъ свой престолъ, онъ обратился на Дунай. Здѣсь онъ отогналъ снова за рѣку карповъ, сараматское племя, которое по примѣру готовъ требовало себѣ ежегодной дани; но онъ тѣмъ не удовлетворилъ дунайскіе легіоны, требовавшіе болѣе энергичнаго движенія противъ сѣверныхъ варваровъ. Въ 248 г. онъ еще отпраздновалъ тысячелѣтіе города Рима религіозными церемоніями, грандіозными травлями звѣрей и другими увеселеніями; была выбита и юбилейная

монета. Но когда въ слѣдующемъ году онъ отправилъ своего начальника преторіанцевъ Деція къ безпокойнымъ войскамъ на Дунай, тѣ принудили послѣдняго взять порфиру.

Децій (249—251). Во время начавшейся теперь междуусобной войны готы подъ начальствомъ Книвы, соединившись съ карпами, вторглись въ незащищенныя войсками мёзійскія провинціи, осадили слабый римскій гарнизонъ въ Никополѣ и наводнили всю Ѳракію и Македонію, грабя и избивая населеніе. А когда Децій вслѣдствіе пораженія и смерти Филиппа при Веронѣ сталъ единовластнымъ государемъ и поспѣшилъ на востокъ, чтобы снова выбить варваровъ изъ предѣловъ имперіи, то онъ хотя и одержалъ при Никополѣ побѣду, но былъ побѣжденъ при Бероэ (н. Старой Загорѣ), послѣ чего Филиппополь и другіе города попали въ руки враговъ. Захвативъ богатую добычу, послѣдніе въ концѣ концовъ у Абритта въ Нижней Мёзіи босмъ проложили себѣ путь на родину; Децій же вмѣстѣ съ сыномъ палъ, храбро сражаясь.

Децій.
Римская монета.

Галлъ; Эмиліанъ (251—253). Собранные остатки войска провозгласили преемникомъ Требонія Галла, намѣстника Мёзіи, измѣнившаго императору Децію. Первымъ его дѣломъ было заключить миръ съ готами и обѣщать имъ снова ежегодную дань. Поэтому, когда паннонскій намѣстникъ Эмилій Эмиліанъ одержанной имъ побѣдой прогналъ варваровъ изъ Дакіи, онъ былъ назначенъ императоромъ, и войска Галла перешли на его сторону. Но и Эмиліанъ былъ побѣжденъ намѣстникомъ Валеріаномъ, который съ рейнскими легіонами прибылъ въ Италію.

Въ этихъ смутахъ навсегда была утрачена Дакія, тогда какъ на нижнемъ Рейнѣ соединенныя подъ названіемъ франковъ, т.-е. свободныхъ, германскія племена напирали на правомъ берегу рѣки на западъ, готы и герулы вмѣстѣ со скиѳскими варварами на корабляхъ босфорскихъ городовъ посылали цѣлыя разбойничьи эскадры на берега Чернаго и Эгейскаго морей, наконецъ—персы завоевали Арменію и наводнили Месопотамію, Сирію и Каппадокію.

Валеріанъ (253—259). Императоръ Валеріанъ поручилъ

своему сыну Галліену вмѣстѣ со штабомъ изъ испытанныхъ офицеровъ защиту дунайской и рейнской линіи; самъ онъ, устроивъ на свой ладъ порядокъ внутри имперіи, отправился въ Сирію. Персы отступили передъ нимъ изъ Сиріи и Каппадокіи; но въ его войскѣ свирѣпствовала чума, и, когда онъ наконецъ поспѣшилъ на помощь къ сильно стѣсненной Эдессѣ, онъ былъ вблизи этого города оцѣпленъ превосходными боевыми силами непріятеля и принужденъ къ переговорамъ. При личномъ свиданіи съ нимъ Саноръ I, сынъ Ардашира, велѣлъ его измѣнническимъ образомъ захватить въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вся почти римская Азія отошла къ персамъ, которые измѣной или силой забрали въ свои руки даже Антіохію, Тарсъ и каппадокійскую Кесарію.

Валеріанъ.
Римская монета.

Галліенъ (260—268). Сынъ Валеріана, Галліенъ, наслѣдовавшій ему въ правленіи, не былъ въ состояніи устоять передъ бурей, разражавшейся теперь со всѣхъ сторонъ. Въ то время какъ римскія войска въ Германіи взбунтовались и назначили контръ-императора, франки массами проникли за Рейнъ, жгли и грабили Галлію и въ своихъ разбойническихъ набѣгахъ приходили даже въ Испанію и сѣверную Африку; алеманны завоевали Десятинную землю, разрушили римскіе города праваго берега Рейна; они вторглись даже въ Гельветію и Италію; сѣверные морскіе разбойники опустошили греческіе берега, захватили въ 267 г. даже Аѳины и дѣлали опустошительные набѣги далеко внутрь страны; а въ Африкѣ племена пустыни нападали на города Мавританіи. Къ тому-же, во всѣхъ провинціяхъ поднимались контръ-императоры. Чума, свирѣпствовавшая цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, усугубляла отчаяніе народа, который со временъ Деція къ тому-же былъ ослабленъ и терзаемъ страшнымъ гоненіемъ на христіанъ.

Галліенъ.
Римская монета.

Клавдій Готскій (268—270). Распадавшемуся на части государ-

ству грозила гибель. Если эта гибель была задержана, это—заслуга иллирійскихъ императоровъ, мало по малу получившихъ всеобщее признаніе. Начало сдѣлалъ Клавдій Готскій (268—270), который, когда Галліенъ подъ Миланомъ былъ умерщвленъ солдатами, сталъ въ качествѣ императора во главѣ своего войска, прогналъ алеманновъ изъ Верхней Италіи и около Наисса (Ниша, въ Сербіи) разбилъ готовъ въ 269 г. въ рѣшительныхъ сраженіяхъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ умеръ отъ чумы въ Сирміѣ. Умирая, онъ предложилъ въ преемники себѣ суроваго, но свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ Авреліана.

Клавдій.
Статуя въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Авреліанъ (270 — 275) устанавливаетъ прочную сѣверную границу. Менѣе чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ своего правленія Авреліанъ возстановилъ внутренній порядокъ и охрану границы, поскольку это было для него возможно. Прогнанныхъ за Дунай готовъ онъ принялъ подъ римское покровительство. Зато онъ отказался отвоевать обратно Дакію, удалилъ изъ страны послѣдніе римскіе посты, а тѣхъ поселенцевъ, которые не хотѣли жить среди варваровъ, переселилъ въ Мёзію. Дѣло въ томъ, что защита отдаленныхъ границъ была трудна, и во всѣхъ мѣстахъ римской имперіи грозила опасность со стороны варваровъ и контръ-императоровъ, прежде всего въ Италіи, гдѣ вновь стали жечь и грабить страну маркоманны и алеманны. Туда-то и отправился императоръ. Около Плацентіи онъ окружилъ непріятельскія массы, чтобы уничтожить ихъ однимъ ударомъ; но тутъ послѣднія проложили себѣ путь бурнымъ

натискомъ, предъ которымъ не устояло римское войско. Авреліанъ однако не упалъ духомъ и разбилъ полчища враговъ на Метаврѣ и Тициніѣ, послѣ чего они покинули страну.

Затѣмъ онъ прибылъ въ Римъ, чтобы совершить судъ надъ мятежниками, повсюду установить порядокъ и обезпечить городъ отъ нападеній варваровъ новой огромной стѣной. Это и есть знаменитая „Авреліанова стѣна“, которая неоднократно разрушалась и исправлялась, но въ цѣломъ окружаетъ и нынѣшній Римъ. Она представляетъ изъ себя кирпичную постройку въ 16 метровъ вышины и около 4 метровъ ширины, въ нижней части массивную, тогда какъ въ верхней части имѣется всего одна треть толщины, а за ней идутъ крытые ходы для защитниковъ. Въ стѣнахъ пробиты бойницы, равно какъ и въ высокихъ, квадратныхъ башняхъ, возвышающихся на равныхъ разстояніяхъ надъ стѣной. Стѣны прерываются 15 воротами, съ арками надъ ними, съ башнями по сторонамъ. Вся эта постройка, окружавшая городъ вмѣстѣ съ лагеремъ преторіанцевъ, увѣнчана была зубцами. Изъ прочихъ построекъ Авреліана особенно былъ знаменитъ грандіозный храмъ бога солнца (Sol).

Авреліанъ.
Бюстъ въ Ватиканѣ.

Побѣда надъ Зиновіей. Затѣмъ императоръ возстановилъ авторитетъ государственной власти на востокѣ, почти отчужденномъ отъ римскаго господства. Тамъ послѣ персидскаго вторженія 260 г. римляне изъ укрѣпленныхъ городовъ мало по

Авреліанъ.
Римская монета.

Храмъ Солнца въ Римѣ.
Реставрація Derhard'a.

малу завладѣли снова территоріей, и Саноръ не безъ тяжелыхъ потерь отступилъ снова за Евфратъ. Но слабость или прекращеніе государственной власти имѣло послѣдствіемъ то, что каждый предводитель поступалъ по-своему усмотрѣнію, появлялись и исчезали отдѣльные императоры. Въ концѣ концовъ арабъ Оденаѳъ, властитель вассальнаго государства Пальмиры въ Аравійской пустынѣ, сталъ руководящимъ представителемъ имперской власти. Отъ имени Галліена онъ побѣдилъ послѣдняго побочнаго императора и за это назначенъ былъ наслѣдственнымъ царемъ своего государства и генеральнымъ намѣстникомъ востока. Въ качествѣ такового онъ прогналъ персовъ изъ Месопотаміи и Арменіи и преслѣдовалъ ихъ до Ктесифонта; передъ нимъ бѣжали и готскія разбойничьи полчища изъ Каппадокіи. Когда Оденаоъ затѣмъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, ему наслѣдовалъ въ правленіи его сынъ Вабаллаѳъ, который былъ еще мальчикомъ. За него правила его мать, столькоже красивая, сколько и умная и энергичная Зиновія (Зенобія) или Батъ Заббай, которая теперь заявила для своего сына притяза-

ніе и на преемничество въ генеральномъ намѣстничествѣ. Изъ-за этого она вошла въ столкновеніе съ имперскимъ правительствомъ.

Такъ какъ Зиновія не унималась, то Авреліанъ двинулъ войска. Пока его полководецъ Пробъ боролся въ Египтѣ противъ пальмирцевъ, александрійцевъ и блемміевъ, самъ императоръ прогналъ пальмирскіе гарнизоны изъ Малой Азіи, взялъ Антіохію и разбилъ храбрую противницу въ тяжкомъ бою при Эмессѣ. Тревожимый превосходной непріятельской конницей, онъ двинулся затѣмъ по пустынѣ, при палящемъ солнечномъ зноѣ, подъ укрѣп-

Развалины храма Солнца въ Пальмирѣ.
Рисунокъ по фотографіи.

ленную Пальмиру и, несмотря на затруднительность добыванія провіанта, рѣшительно началъ нападеніе. Такъ какъ теперь какъ со стороны персовъ, такъ и со стороны арабовъ не явилось ожидаемой помощи, то Зиновія упала духомъ и бѣжала, послѣ чего городъ сдался. При этомъ царица была настигнута и взята въ плѣнъ, послѣ чего она предала своихъ совѣтниковъ топору палача. Теперь Авреліанъ охотно отнялъ бы у персовъ сдѣланныя по ту сторону Евфрата завоеванія; но стало необходимымъ его присутствіе на западѣ. Начали обратный походъ и уже перешли за Геллеспонтъ, когда пришла вѣсть о новомъ отпаденіи пальмирцевъ. Императоръ тотчасъ повернулъ обратно и ускорен-

ными переходами явился подъ городомъ, прежде чѣмъ послѣдній достаточно вооружился. Теперь ему уже не было болѣе пощады; все было перерѣзано и разрушено и нынѣ еще въ пескѣ пустыни лежатъ развалины Пальмиры, свидѣтели былого великолѣпія. Зиновія же рѣшилась въ золотыхъ цѣпяхъ послѣдовать за тріумфальной колесницей императора при его вступленіи въ Римъ и провести остатокъ жизни въ одномъ изъ его увеселительныхъ замковъ около Тибура.

Объединеніе имперіи; упорядоченіе внутреннихъ дѣлъ. Но по-

Развалины храма Діаны въ Пальмирѣ.
Рисунокъ по фотографіи.

слѣдній прежде долженъ былъ выдержать еще не одинъ бой. Въ Египтѣ ему противился еще одинъ сторонникъ Зиновіи, богачъ Фирмъ, который столько наживалъ на выдѣлкѣ бумаги, что заявлялъ, что бумагой и клеемъ можетъ содержать цѣлое войско. Авреліанъ разбилъ его, осадилъ въ Александріи и распялъ на крестѣ. Затѣмъ онъ вернулся черезъ Оракію, причемъ прогналъ карповъ за Дунай и поставилъ ихъ подъ римское покровительство. Наконецъ, онъ покончилъ съ галльскимъ императоромъ Тетрикомъ, который послѣ пораженія своего войска сдался ему и съ

тѣхъ поръ служилъ чиновникомъ по управленію. Вѣроятно, въ связи съ этимъ походомъ стоитъ то, что онъ освободилъ Виндилицію отъ свевскихъ ютунговъ и возстановилъ границу и на верхнемъ теченіи Дуная.

Тогда только побѣдоносный императоръ справилъ въ Римѣ заслуженный тріумфъ, на которомъ были представлены военноплѣнными племена германцевъ и сарматовъ, азіатскіе народы до Кавказа, Инда и Краснаго моря, равно какъ и египтяне, и южные варвары. Затѣмъ онъ съ той-же безпощадной энергіей, съ которой сплотилъ распавшуюся было имперію, приступилъ къ упорядоченію внутреннихъ дѣлъ, прежде всего финансовой системы. Нужда соблазняла прежнія правительства чеканить малоцѣнную монету. „Антониніаны“, высеребренные куски бѣлой мѣди, дѣйствительной цѣнностью приблизительно въ 1 коп., должны были замѣнить старые серебряные денаріи (25 коп.). Естественно, государственныя казначейства, куда эта монета возвращалась по номинальной цѣнѣ, очень скоро почувствовали послѣдствія этого, и принудительный курсъ не препятствовалъ уменьшенію цѣнности этой дрянной монеты. Авреліанъ быстро покончилъ съ этимъ вопросомъ. Онъ вернулъ „Антониніанамъ“ ихъ настоящую цѣнность. Народъ, серебро котораго теперь уже не принималось казной по старому курсу, былъ разоренъ, и кровавое „возстаніе монетчиковъ“ стоило императору до 7,000 солдатъ.

Ту-же непреклонную строгость онъ выказывалъ и къ окружающимъ. Онъ не зналъ ни прощенія, ни забвенія. Поэтому его тайный секретарь Мнестей, которому онъ однажды пригрозилъ, предупредилъ его: онъ показалъ нѣсколькимъ чиновникамъ и офицерамъ подложный списокъ приговоренныхъ къ смерти лицъ, на которомъ стояли ихъ имена. Эти лица составили заговоръ и убили императора, когда онъ находился въ походѣ противъ персовъ во Оракіи, 25-го марта 275 г.

Тацитъ; Пробъ (276—282). Скоро обманъ этотъ обнаружился и зачинщику злодѣянія было отомщено. Войско предоставило сенату выборъ новаго главы государства, но скоро раскаялось въ этомъ. Ибо, когда престарѣлый Тацитъ, избранный послѣ продолжительнаго колебанія, явившись къ войску, предназначенному для восточнаго похода, велѣлъ казнить причастныхъ къ убійству его предшественника лицъ, безъ всякаго между ними

различія, и остановилъ военныя приготовленія, онъ самъ былъ убитъ недовольными офицерами, и тогда легіоны провозгласили главою имперіи прославившагося полководца Аврелія Проба. Послѣ того какъ Флоріанъ, братъ его предшественника, палъ въ Киликіи, Пробъ былъ признанъ и сенатомъ, и во всѣхъ лагеряхъ. Для императорскаго вѣнца не нашлось-бы болѣе достойной головы. Происходя изъ средней сирмійской семьи, Пробъ еще безбородымъ юношей получилъ команду и отличился при своемъ землякѣ Авреліанѣ въ Египтѣ (стр. 452). Солдаты любили своего начальника, несмотря на всю его строгость, за его попеченія о нихъ и за безкорыстіе. И все-таки, быть можетъ, ни одинъ римлянинъ не былъ болѣе убѣжденъ въ пагубности солдатскаго господства, чѣмъ Пробъ, жаждавшій дожить до того дня, когда его народъ не нуждался-бы болѣе въ войскѣ. Но пока приходилось дѣйствовать мечомъ, такъ какъ алеманны и франки, а за ними бургунды, пододвинувшись съ далекаго востока къ среднему теченію Майна, прорвались черезъ пограничныя укрѣпленія и съ большими силами устремились по галльскимъ областямъ. Захватывались города, опустошались деревни и поля, угонялось населеніе вмѣстѣ съ его стадами. Его призывъ о помощи достигъ до императора во Оракіи. Онъ тотчасъ-же прервалъ восточный походъ и двинулся на мѣсто опустошенія. Здѣсь онъ уничтожилъ отдѣльныя кучи враговъ, которыя не отступили сразу за Рейнъ, составляя въ общемъ приблизительно 400,000 человѣкъ, и завоевалъ города, въ которыхъ они сложили свою добычу. Затѣмъ онъ, пока его легаты гнали франковъ за Нижній Рейнъ, самъ перешелъ черезъ Верхній Рейнъ и побѣдоносно проникъ до Неккара и до Швабскихъ Альпъ. Побѣжденныхъ онъ поселилъ частью въ Декуматской (Десятинной) землѣ, гдѣ они должны были платить оброкъ, частью въ Галліи и Британіи, а одну шайку франковъ даже на берегахъ Чернаго моря, откуда она однако бѣжала моремъ и, проѣхавъ среди грабежей по Средиземному морю, вер-

Бронзовая медаль съ изображеніемъ Тацита въ лавровомъ вѣнкѣ.

нулась по атлантическому берегу на родину. Равнымъ образомъ, немного спустя, на Нижнемъ Дунаѣ онъ принялъ въ имперію германское племя бастарновъ, въ количествѣ 100,000 душъ, и поселилъ ихъ на правомъ берегу рѣки.

Когда спокойствіе на западѣ было возстановлено, Пробъ тотчасъ-же возобновилъ войну на востокѣ. Всюду по дорогѣ карая нарушителей мира, онъ сломилъ въ горахъ Исавріи и южномъ Египтѣ послѣдніе остатки сопротивленія противъ имперской власти и пожелалъ затѣмъ снова отнять у персовъ Арменію и Месопотамію; но тутъ прибыла вѣсть о новыхъ возстаніяхъ на западѣ. Въ Лугдунѣ отпалъ Прокулъ, въ колоніи Агриппинѣ легатъ Бонозъ; они грозили привлечь на свою сторону Галлію, Британію, Испанію и даже германцевъ. Быстрое вмѣшательство императора помѣшало болѣе дурному обороту дѣлъ; оба узурпатора потеряли жизнь и власть, а жителей недовольныхъ провинцій онъ вполнѣ успокоилъ, отмѣнивъ всѣ стѣсненія виноградарства. Самъ онъ въ своихъ помѣстьяхъ около Сирмія заложилъ первый виноградникъ между Савой и Дунаемъ и такимъ образомъ можетъ считаться основателемъ венгерскаго виноградарства. Но и Франція, Испанія, область Рейна и Мозеля обязаны своими цвѣтущими виноградными шпалерниками вышеуказанному распоряженію императора.

Пробъ.
Римская монета.

Пробъ велѣлъ заложить упомянутый виноградникъ своимъ солдатамъ, которыхъ онъ снова собралъ около Сирмія для войны съ персами. Онъ поручалъ имъ и другія полезныя работы, какъ, напр., канализацію болотъ. Это казалось солдатамъ униженіемъ, и они убили его въ 282 г.

Каръ; Нумеріанъ. Они возвели на престолъ префекта гвардіи Аврелія Кара, испытаннаго, но уже престарѣлаго полководца. Онъ-то долженъ былъ, наконецъ, выполнить часто откладывавшійся походъ противъ персовъ. Онъ тотчасъ-же началъ его, завоевалъ почти безъ сопротивленія Арменію и Месопотамію, занялъ Селевкію и Ктезифонтъ, перешелъ черезъ Тигръ и только что хотѣлъ проникнуть въ сердце раздираемаго мятежомъ царства Сассанидовъ, какъ въ страшную непогоду былъ убитъ молніей (283 г.). А сына его, образованнаго Нумеріана, собствен-

ный его тесть, префектъ гвардіи Аперъ (Aper), велѣлъ умертвить на обратномъ походѣ, но дѣло это обнаружилось, и войско потребовало мщенія. Послѣднее совершено было далматійцемъ Діокломъ, который теперь вступилъ на престолъ подъ именемъ Діоклетіана (284 г.).

Онъ засталъ имперію въ новыхъ опасностяхъ и особенно сильно стѣсненными—галльскія провинціи: алеманны, бургунды и франки по смерти Проба завладѣли всей рейнской линіей и разлились по противоположному берегу, сожигая и грабя страну. Въ то-же время германскія племена между Везеромъ и Эльбой, которыя теперь въ совокупности назывались саксами, начали свои разбойничьи плаванія къ берегамъ Британіи и Галліи. А внутри Галліи шумѣла война съ багавдами (бандами) со всей безпощадной яростью, на какую были способны крестьяне, приведенные въ отчаяніе податями и барщиной. Но Діоклетіанъ преодолѣлъ и такія затрудненія; мало того, онъ сдѣлалъ еще большее: онъ далъ дряхлой имперіи новый порядокъ, благодаря которому она выдержала еще не одну бурю, прежде чѣмъ судьба ея свершилась.

Urna cineraria въ Національномъ музеѣ въ Римѣ.

Золотая монета императора Діоклетіана.

ВРЕМЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХІИ.

(285—395)

ДІОКЛЕТІАНЪ И КОНСТАНТИНЪ.

(285—337)

ДІОКЛЕТІАНЪ.

(285—305)

Діоклетіанъ становится абсолютнымъ государемъ. Діоклетіанъ былъ вольноотпущенникъ изъ иллирійскаго города Діоклен. Вступивъ въ войско, онъ рано почувствовалъ въ себѣ великое призваніе. Въ Люттихѣ однажды въ корчмѣ онъ сводилъ счета съ женщиной-друидкой, и та ему сказала:—„Ты слишкомъ скупъ, Діоклетіанъ“.—„Погоди только, пока я стану императоромъ!“—отвѣтилъ онъ смѣясь. Тогда женщина стала серьезна и сказала:—„Не смѣйся, Діоклетіанъ, ты будешь императоромъ, если убьешь вепря“. Дѣйствительно, убитый Діоклетіаномъ префектъ гвардіи былъ вепремъ (Арег), и съ тѣхъ поръ новый государь считалъ себя орудіемъ Юпитера и называлъ себя самого Іовіемъ. Поэтому онъ и не дожидался согласія сената, а присвоилъ себѣ это право въ силу собственнаго полномочія издавать законы посредствомъ императорскихъ эдиктовъ, стоя самъ выше закона. Съ тѣхъ поръ сенатъ былъ только совѣтомъ первѣйшаго города имперіи, честью, что въ его средѣ обнародывались императорскіе эдикты; граждане же—рабы монарха.

Дѣлежъ управленія. Чтобъ облегчить управленіе и защиту огромной имперіи, Діоклетіанъ назначилъ своего земляка и друга дѣтства Максиміана, съ титуломъ Августа, соправителемъ для запада; свое собственное отношеніе къ послѣднему онъ сравнилъ съ отношеніемъ Юпитера къ Геркулесу. Кромѣ того, онъ учредилъ двухъ низшихъ императоровъ, кесарей (Caesares), изъ которыхъ Галерій, подъ его главенствомъ, долженъ былъ управлять Балканскимъ полуостровомъ, кромѣ Ѳракіи, а Констанцій Хлоръ, подъ начальствомъ Максиміана, — Галліей, Британіей и Испаніей. Положено было, чтобы черезъ 20 лѣтъ августы (Augusti) сложили съ себя санъ, а оба низшихъ императора приняли правленіе и назначили новыхъ кесарей. Діоклетіанъ надѣялся этой перспективой удовлетворить младшихъ правителей, которымъ, главнымъ образомъ, приходилось вести войны, и такимъ образомъ обезопасить имперію отъ новыхъ волненій.

Діоклетіанъ.
Мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Возстановленіе господства на границахъ. Теперь Максиміанъ, дѣйствуя заодно съ Констанціемъ и поддерживаемый движеніями Діоклетіана, подавилъ возстаніе багавдовъ въ Галліи и одолѣлъ вторгнувшихся германцевъ. Онъ обезопасилъ лѣвый берегъ Рейна, поселивъ тамъ многихъ германцевъ въ качествѣ „летовъ“.

Какъ таковые они были прикрѣплены къ землѣ, подобно колонамъ (стр. 375), но не должны были платить оброка; да и военную службу они отбывали не въ легіонѣ, а въ національныхъ войсковыхъ отрядахъ подъ начальствомъ особыхъ префектовъ. Медленно поправлялась опустошенная страна, быстрѣе всего городъ Триръ, который часто служилъ резиденціей кесарю Констанцію и возстановилъ свои декоративныя и утилитарныя

Porta nigra въ Трирѣ.

постройки, какъ-то: рынокъ, амфитеатръ и стѣны вмѣстѣ съ Porta nigra. Затѣмъ Констанцій, пока Максиміанъ ходилъ походомъ противъ мавровъ, одинъ боролся съ отпавшимъ Каравзіемъ, который, стоя во главѣ флота, игралъ двусмысленную роль въ бояхъ противъ германскихъ мореплавателей, и, когда тотъ, не долго спустя, былъ убитъ, отвоевалъ обратно Британію.

Въ то-же время на востокѣ Діоклетіанъ и Галерій вновь

обезпечили границы. Сперва они одолѣли германцевъ и сарматовъ на Дунаѣ и добрую часть изъ нихъ поселили на правомъ берегу рѣки. Затѣмъ Діоклетіанъ лично подавилъ египетское возстаніе, во главѣ котораго стоялъ контръ-императоръ Ахиллъ, тогда какъ Галерій въ то-же время долженъ былъ отражать вторженіе персовъ подъ начальствомъ Нарсеса. Кесарь потерпѣлъ, правда, неудачу; но, когда онъ въ 297 г. со вновь снаряженнымъ войскомъ и поддерживаемый самимъ Діоклетіаномъ опять пошелъ въ наступленіе, онъ одержалъ рѣшительную побѣду. Месопотамія и Арменія были обезпечены благопріятной регулировкой границъ, Низибисъ и Амида (Діарбекръ) снабжены сильнымъ гарнизономъ. Продолжительный миръ далъ успокоиться этимъ областямъ, такъ много оспаривавшимся разными народами, и благопріятствовалъ торговлѣ и взаимнымъ сношеніямъ.

Новый провинціальный распорядокъ. Наступившей теперь мирной эпохой Діоклетіанъ воспользовался для дальнѣйшей организаціи государства въ смыслѣ абсолютизма. Чтобъ разрушить опасный перевѣсъ отдѣльныхъ частей имперіи и ихъ намѣстниковъ, онъ вмѣсто старыхъ крупныхъ единицъ — провинцій, раздѣлилъ всю имперію на 101 мелкую провинцію, а нѣсколько ихъ составляли діоцэзъ. Во главѣ провинцій стали правительственные президенты, во главѣ діоцэзовъ—вице-префекты, которые, въ свою очередь, подчинены были одному изъ префектовъ гвардіи у четырехъ императоровъ. Президентъ отправлялъ правосудіе и собиралъ подати, наложенныя префектомъ; только право смертныхъ приговоровъ надъ членами общинныхъ совѣтовъ, какъ и надъ сановниками имперіи, императоры оставили за собой и за своимъ государственнымъ совѣтомъ. Военная власть совершенно была отдѣлена отъ гражданской и отдана въ руки особыхъ пограничныхъ полководцевъ, войска которыхъ, теперь состоявшія большей частью изъ варваровъ-колоновъ, стояли вдоль границъ маленькими отрядами.

Италія и Римъ утрачиваютъ свое привилегированное положеніе. Съ такой послѣдовательностью Діоклетіанъ проводилъ принципъ монархическаго чиновничьяго государства какъ всюду, такъ и въ Италіи, которая тѣмъ самымъ утратила свое особое положеніе. Она была раздроблена на 17 провинцій и городское управленіе связано бюрократіей. Самый Римъ утратилъ характеръ имперской

столицы, такъ какъ Діоклетіанъ имѣлъ резиденцію въ Никомедіи, Максиміанъ—въ Миланѣ: онъ сохранилъ только извѣстнаго рода самоуправленіе подъ начальствомъ императорскаго городского префекта. Старыя сенаторскія должности исчезаютъ, какъ, напр., трибуны и эдилы, или становятся городскими магистратами, какъ претура и квестура. Лишь консульство было сохранено въ качествѣ почетнаго титула, и по нему назывался годъ. Сенатъ сталъ городскимъ совѣтомъ.

Восточный придворный церемоніалъ. Соотвѣтственно измѣнившемуся положенію императора вырабатывается и другой придворный церемоніалъ. Особа императора считается священной, равно какъ все, что́ ее окружаетъ. Она рѣдко появляется публично, а если появляется, то съ восточной пышностью, въ шелковыхъ одѣяніяхъ, съ жемчужной діадемой на лбу, окруженная знатной гвардіей, евнухами и придворными, величественная, недоступная. А кто получаетъ аудіенцію — эта честь вскорѣ стала предоставляться только лицамъ первыхъ классовъ — долженъ цѣловать землю предъ священнымъ лицомъ сына Юпитера.

Сопротивленіе противъ абсолютизма. Абсолютизмъ Діоклетіана придалъ на продолжительное время твердую опору распадавшейся римской имперіи, но замиранію внутренней жизни онъ только содѣйствовалъ. Къ тому-же, его насильственное вмѣшательство въ экономическую и умственную жизнь потерпѣло крушеніе. Тарифъ насмной платы и товаровъ, установленный имъ во времена дороговизны хлѣба, только увеличилъ бѣдствія, и его пришлось отмѣнить, а гоненіе на христіанъ, начатое имъ 23-го февраля 303 г., самое кровопролитное изъ всѣхъ, доказало и этому властелину, что идей не задушить кровью. Разрушеніе христіанской церкви въ Никомедіи было сигналомъ; на слѣдующій день появился эдиктъ, согласно которому всѣ христіанскіе чиновники и офицеры должны были лишиться своихъ мѣстъ, церкви — быть разрушенными, а священныя книги — сожженными. Второй эдиктъ постановлялъ арестовать духовенство въ случаѣ отказа принести жертву предъ изображеніемъ императора, а въ слѣдующемъ году третьимъ эдиктомъ жертвоприношеніе требовалось отъ всѣхъ христіанъ, подъ угрозой смертной казни. Сопротивленіе этой части населенія противъ признанія божественности монарха надо было сломить во что-бы то ни стало.

Римскія термы Реконструкція.

Это было тщетно. Время правленія Діоклетіана и Максиміана, по новому порядку престолонаслѣдія, кончалось 1 мая 305 года. Прежде чѣмъ отречься отъ престола, оба великихъ императора посѣтили Римъ, гдѣ они освятили сообща построенныя „Термы Діоклетіана". Это исполинское сооруженіе, по величинѣ превосходившее бани Каракаллы, имѣло въ окружности болѣе 1.000 метровъ и вмѣщало свыше 3.000 моющихся. Его развалины, величественныя еще въ настоящее время, пригодились для постройки среди нихъ нѣсколькихъ церквей и благотворительныхъ заведеній.

Отреченіе Діоклетіана. Новыя войны за престолъ. Послѣ этого оба императора удалились въ частную жизнь, Діоклетіанъ—въ Салоны, въ свою далматскую родину. Здѣсь изъ своего исполинскаго дворца, вмѣщавшаго въ себѣ нынѣшній городъ Спалато, онъ думалъ безмятежно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ твореній. На его мѣсто сталъ Галерій и назначилъ Констанція августомъ, Максимина Дазу—кесаремъ востока, Севера — кесаремъ запада. Въ то-же время онъ съ безпощадностью фанатика продолжалъ гоненіе на христіанъ. Но Констанцій, который уже прежде только колеблясь и противъ воли исполнялъ относившіеся до этого эдикты, ничего и знать не хотѣлъ о казняхъ, и, когда онъ умеръ въ 306 г. въ Эборакѣ, назначенный августомъ Северъ не могъ себѣ добыть авторитета. Напротивъ, войско въ Британіи возвело въ августи 32-хъ-лѣтняго сына Констанція, Константина, и одновременно съ тѣмъ корпусъ преторіанцевъ въ Римѣ вмѣстѣ съ тамошнимъ городскимъ населеніемъ избралъ сына Максиміана, Максентія. Когда послѣдній одолѣлъ Севера, Галерій въ согласіи съ Діоклетіаномъ и Максиміаномъ назначилъ августомъ запада Лициніи, а когда теперь и Максиміанъ покинулъ свои владѣнія въ Луканіи, чтобъ снова занять престолъ, а африканскій намѣстникъ Александръ также выступилъ августомъ, замѣшательство стало полнымъ. Однако, Александръ былъ побѣжденъ Максентіемъ, а бѣжавшій отъ своего сына въ Галлію Максиміанъ—своимъ зятемъ Константиномъ; въ 311 г. умеръ и Галерій, послѣ того какъ онъ посредствомъ эдикта покончилъ съ гоненіями на христіанъ. Такъ какъ Максентій грозилъ отомстить за своего отца, то Константинъ вошелъ въ соглашеніе съ Лициніемъ. Онъ только что въ нѣсколькихъ побѣдоносныхъ походахъ отогналъ франковъ и алеман-

новъ за Рейнъ; съ вѣрнымъ и преданнымъ ему войскомъ онъ перешелъ теперь Коттійскія Альпы, побилъ войска Максентія въ Верхней Италіи, которою онъ завладѣлъ, и въ рѣшительной

Pons Mulvius близъ Рима.

битвѣ 27 октября 312 г. при Красныхъ Скалахъ (Saxa Rubra), къ сѣверу отъ Рима. Отступленіе черезъ Тибръ стоило самому Максентію жизни; Римъ открылъ ворота побѣдителю.

КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.

(312—387)

Побѣда христіанства. Битва при Красныхъ Скалахъ, или у Мульвійскаго моста, является однимъ изъ событій, съ которыхъ началась новая эпоха всемірной исторіи. Константинъ уже отъ отца и матери своихъ унаслѣдовалъ высокое мнѣніе въ пользу христіанства. Отважный воякa, онъ чувствовалъ себя спокойнымъ во всѣхъ опасностяхъ, вѣруя въ то, что онъ находится подъ особой охраной высшей силы, и, исполненный предчувствія, онъ сталъ сто-

ронникомъ христіанъ. Еще до начала похода онъ побудилъ Лициніи щадить христіанъ и дозволилъ своимъ солдатамъ начертать на своихъ щитахъ монограмму Христа. О рѣшившей дѣло битвѣ и язычники, и христіане разсказывали чудеса; первые говорили, что отецъ Константина съ высоты небесъ явился на помощь сыну, а послѣдніе утверждали, что видѣли на небѣ блестящій крестъ съ надписью: Τούτῳ νίκα! (этимъ побѣждай!). Во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ войско Константина носило монограмму Христа на щитахъ и полевыхъ значкахъ, называвшихся „labarum“: Богъ христіанъ признанъ былъ подателемъ побѣды.

Labarum.
Полевой значекъ Константина.

Уже въ слѣдующемъ году Константинъ съ Лициніемъ издали знаменитый Миланскій эдиктъ о терпимости, которымъ христіанство со своей организаціей было признано законной религіозной общиной. Вскорѣ послѣдовали эдикты Константина, освободившіе христіанскій клиръ отъ личныхъ тягостей, даровавшіе епископамъ судъ по духовнымъ дѣламъ и давшіе церкви право принимать завѣщанныя ей наслѣдства. Въ то-же время въ городахъ начата была постройка монументальныхъ храмовъ Божіихъ, и воскресенье посвящено службѣ Всевышняго. Съ этимъ шли рука объ руку реформы въ правосудіи, соотвѣтствовавшія кроткому духу христіанской религіи: преступниковъ нельзя было уже клеймить на лицѣ, истязаніе рабовъ, продажа дѣтей были стѣснены.

Лициній — императоръ Востока. Тогда-то поборникомъ старыхъ боговъ выступилъ августъ Востока, Максиминъ Даза, безстыдный тиранъ, державшій въ плѣну также мать и дочь Діоклетіана. Подготовивъ походъ новымъ гоненіемъ на христіанъ, массовыми жертвами, организаціей языческой іерархіи, опросомъ оракуловъ онъ перешелъ съ 70.000 человѣкъ черезъ Босфоръ. Тутъ его встрѣтилъ Лициній съ отрядомъ, едва достигавшимъ половины численности враговъ. Но, передъ тѣмъ какъ затрубила труба, все войско, снявъ шлемы, помолилось „Единому Богу“ и затѣмъ безстрашно ринулось на испуганнаго врага, который бѣжалъ почти безъ сопротивленія. Максиминъ изрекъ хулу своимъ богамъ и попытался умилостивить христіанскаго Бога отмѣной своихъ эдиктовъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ въ Тарсѣ.

Побѣды Константина надъ Лициніемъ. Лициній сталъ теперь владыкой востока. Чтобы имъ и остаться, онъ безпощадно убивалъ всѣхъ членовъ семействъ Діоклетіана и Галерія, которые попадали въ его руки. Даже на Константина, который пригласилъ его назначить вмѣстѣ съ нимъ кесарей, согласно Діоклетіанову порядку престолонаслѣдія, онъ сдѣлалъ покушеніе. Это повело уже въ 314 г. къ войнѣ, въ которой онъ былъ побитъ при Цибалахъ (н. Винковчи), между Савой и Дравой, и около Адріанополя былъ принужденъ отказаться отъ Балканскаго полуострова, за исключеніемъ Ѳракіи. Вскорѣ затѣмъ и сыновья августовъ были назначены кесарями. Но Лициній, для котораго христіанскій Богъ никогда не былъ чѣмъ-либо инымъ, какъ богомъ боевымъ, съ досадой видѣлъ, что тотъ ему не помогаетъ, что христіане его имперіи гораздо усерднѣе молятся за Константина. Вскорѣ онъ воспретилъ созываніе епископскихъ синодовъ, участіе женщинъ въ богослуженіи мужчинъ, снесъ церкви, и епископамъ опять пришлось страдать и умирать за вѣру.

Императоръ Константинъ. Мраморная статуя, найденная въ термахъ Константина, на Квириналѣ.

Константинъ производилъ вооруженія, морскія и сухопутныя, на Балканскомъ полуостровѣ, Лициній въ Малой Азіи. Поводомъ къ войнѣ стало то, что первый прогналъ изъ Лициніевой Ѳракіи от-

рядъ вторгшихся въ нее готовъ, и при этомъ переступилъ границу. Христіанскій Богъ и на этотъ разъ остался вѣренъ Константину. Болѣе предпріимчивый и смѣлый, чѣмъ противникъ, онъ одержалъ побѣду при Адріанополѣ, перешелъ, послѣ того какъ непріятельскій флотъ былъ уничтоженъ бурей, черезъ Босфоръ и рѣшительной побѣдой при Хризополѣ (323 г.) положилъ конецъ борьбѣ. Константинополь и Халкедонъ открыли свои ворота, Лициній сдался. Побѣдитель ласково принялъ его и отвелъ ему въ мѣстожительство Ѳессалонику. Только новые замыслы этого ненадежнаго человѣка побудили императора предать крамольника суду.

Насилія Константина. Но и юный сынъ Лициніи, законнымъ путемъ обращенный въ раба, былъ теперь устраненъ незаконнымъ образомъ съ дороги. Вообще, Константинъ, при всемъ благопріятствованіи христіанскаго Бога, которому онъ суевѣрно поклонялся, лично и съ внѣшней, и съ внутренней стороны оставался язычникомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ исправлялъ должность языческаго Pontifex Maximus и только передъ самой смертью крестился. Никакая христіанская мораль не препятствовала ему, когда этого требовали, по его мнѣнію, интересы государства, произносить смертные приговоры даже надъ ближайшими своими родственниками, какъ, напримѣръ, надъ своимъ сыномъ Криспомъ и второй женой своей, Фавстой.

Никейскій соборъ. Политическій интересъ побудилъ его также принять участіе во внутреннихъ спорахъ христіанской церкви. При этомъ онъ всегда лишь старался поддержать единство той религіозной общины, на которую опиралось его господство. Не разъ онъ увѣщевалъ къ миру или созывалъ синодъ епископовъ для возстановленія этого мира. Благодаря ему, и состоялся въ 325 г. первый „вселенскій“ соборъ христіанской церкви въ императорскомъ дворцѣ въ Никеѣ, въ Виѳиніи. Догматическій споръ двухъ александрійскихъ священниковъ грозилъ раздѣлить христіанскій міръ на два лагеря: Арій объявлялъ Христа существомъ среднимъ между Богомъ и человѣкомъ, Аѳанасій — единосущнымъ съ Богомъ Отцомъ. Синодъ въ Александріи осудилъ ученіе Арія, а самаго Арія отлучилъ отъ церкви. Но сильная партія требовала его обратнаго принятія: отсюда и императорское приглашеніе на общій соборъ. Императоръ самъ присутствовалъ, выслушалъ объ

Тріумфальная арка Константина въ Римѣ.
(Съ фотографіи).

стороны и указалъ на объединяющіе и общіе элементы христіанскаго ученія. Наконецъ, нашли формулу, которая всѣми была принята, кромѣ самого Арія и двухъ епископовъ: Христосъ—истинный Богъ, пришедшій въ міръ и ставшій плотью для искупленія грѣшнаго человѣчества. На томъ-же соборѣ была развита и организація церкви. Рѣшено было, что епископъ главнаго города провинціи, митрополитъ, вмѣстѣ съ провинціальнымъ синодомъ долженъ стоять выше отдѣльныхъ епископовъ и общинъ. А епископы Римскій, Александрійскій и Антіохійскій въ качествѣ патріарховъ получили духовный надзоръ надъ болѣе крупными областями, Римскій—надъ Италіей, Александрійскій—надъ Египтомъ, Антіохійскій надъ Сиріей. Позднѣе къ этому присоединился патріархатъ Константинопольскій—надъ Ѳракіей, Малой Азіей и Понтомъ, и Іерусалимскій—надъ Палестиной; но Константинопольскій сталъ, послѣ Римскаго, самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ патріархатовъ.

Константинополь. Ибо городъ этотъ, служащій ключемъ ко

входу въ двѣ части земли, въ два моря, дивно расположенный на одномъ изъ оживленнѣйшихъ водныхъ путей міра, центръ наиболѣе важной, съ военной точки зрѣнія, восточной половины, окруженный густымъ христіанскимъ населеніемъ, былъ предназначенъ императоромъ въ его резиденцію. Уже древняя Византія—такъ назывался этотъ городъ прежде—была цвѣтущимъ, многолюднымъ торговымъ городомъ; теперь же, 4 ноября 326 г., тысячи рукъ начали достойно украшать новую столицу имперіи. И вотъ возносились пышный императорскій дворецъ у моря, вблизи его большой гипподромъ, къ сѣверу оттуда великолѣпный рынокъ, церкви, храмы, портики, бани, водопроводы. Цѣлыя фабрики заняты были наполненіемъ этихъ построекъ произведеніями искусства; но самыя лучшія награблены были въ Римѣ и греческихъ городахъ. 11 мая 330 г. состоялось оффиціальное освященіе города Константина, который отнынѣ сталъ пользоваться тѣми-же преимуществами и почестями, какъ прежняя столица имперіи.

Развитіе абсолютизма. Константину принадлежитъ и дальнѣйшее формальное развитіе абсолютной монархіи. Онъ учредилъ семь большихъ придворныхъ должностей, которыми завѣдывали—оберкамергеръ, канцлеръ, секретарь кабинета, министръ финансовъ, министръ императорскаго двора и оба командира императорскихъ дворцовыхъ войскъ, пѣшихъ и конныхъ. Къ одному съ ними классу причислялись два „начальника войска“ и шесть префектовъ, т.-е. два городскихъ префекта Рима и Константинополя и четыре завѣдывающихъ большими административными округами (стр. 459) — Востокомъ, Иллирикомъ, Италіей и Галліей. Ближайшій затѣмъ чиновный классъ составляли, рядомъ съ завѣдывающимъ придворными должностями, именно, главнымъ придворнымъ нотаріусомъ, вице-префекты, управлявшіе діоцэзами, проконсулы провинцій Африки и Малой Азіи, которыя однѣ только сохранили свой старый объемъ, и генералы, командовавшіе линейными и пограничными войсками. Затѣмъ слѣдовали президенты провинцій и опять-таки придворные чины и военные и т. д. Чины каждаго класса имѣли свой почетный титулъ, начиная отъ illustris (сіятельство) до honoratus (благородіе).

Тысячи должностныхъ лицъ требовались прежде всего податной системой. Осѣдлое населеніе платило, на основаніи тщательной

кадастровки, возобновляемой каждыя 15 лѣтъ, поземельный налогъ, а, кромѣ того, натуральную подать, шедшую на содержаніе войскъ и чиновниковъ округа; не имѣвшіе земельной собственности жители городовъ, равно какъ всѣ лица, занимавшіяся ремеслами и торговлей, платили подать съ доходовъ, а сельское населеніе, лишенное земельной собственности, подать подушную. Союзы, города и землевладѣльцы отвѣчали за правильный взносъ налоговъ.

Золотая монета императора Константина Великаго.

Войско состояло теперь изъ 175 меньшихъ легіоновъ, пограничныхъ ополченцевъ — летовъ (стр. 459), и вспомогательныхъ войскъ варварскихъ племенъ, состоявшихъ подъ верховенствомъ имперіи. Легіоны были частью палатинскіе, родъ гвардіи, частью комитатскіе, армія, распредѣленная по имперіи. Матеріалъ легіоновъ также становился все болѣе международнымъ, особенно черезъ принятіе въ нихъ колоновъ. Но и въ высшія офицерскія должности проникали теперь варвары; мало того, они пріобрѣтали вліяніе даже при дворѣ, особенно германцы.

ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА И НАЧАЛО ВЕЛИКАГО ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ.
(337—395)

КОНСТАНЦІЙ И ЕГО БРАТЬЯ.
(337—361)

КОНСТАНТИНЪ мощно охранялъ границы имперіи; занятый вооруженіями противъ персовъ, онъ умеръ въ Троицу 337 года. Власть подѣлили между собой его сыновья: Константинъ II, Констанцій и Константъ, при которыхъ ихъ двоюродные братья Далматикъ и Ганнибаліанъ управляли частями имперіи. Констанцій получилъ Востокъ и принялъ на себя войну съ персами, послѣ того какъ его двоюродные

братья со своими родными были устранены военнымъ бунтомъ; только 12-лѣтній Галлъ и 7-лѣтній Юліанъ остались въ живыхъ, хотя и въ плѣну у него. Императоръ съ трудомъ отражалъ повторявшіеся изъ года въ годъ натиски царя Сапора II; въ 348 г. онъ даже потерпѣлъ полное пораженіе при Сингарѣ въ Месопотаміи, и только укрѣпленный Низибисъ держался въ бурномъ морѣ народностей, подобно одинокой скалѣ. Наконецъ, въ 350 г. состоялось перемиріе.

Оно явилось очень желаннымъ для Констанція, такъ какъ на Западѣ поднялись угрожающія тучи противъ династіи. Старшій братъ его, Константинъ, побѣжденъ былъ еще въ 340 г. младшимъ Константомъ, а послѣдній, въ свою очередь, въ 350 г. — военачальникомъ франкскаго происхожденія Магнентіемъ, который провозгласилъ себя императоромъ; другіе императоры были возведены на престолъ войсками въ Италіи и Иллиріи. Одного одолѣлъ Магнентій, другого—Констанцій. А между обоими главными противниками рѣшилъ споръ кровопролитный бой при Мурсѣ на Нижней Дравѣ (близъ Эссега). Магнентій отступилъ въ Галлію и держался еще два года, пока и здѣсь общее отпаденіе и пораженіе въ Альпахъ не уничтожило его послѣднихъ вспомогательныхъ источниковъ. Онъ обратилъ на себя свой собственный мечъ, а приверженцы его были истреблены.

Констанцій — единовластный государь (353—361). Теперь Констанцій сталъ единовластнымъ государемъ. Но у него не хватило силы для того, чтобы всюду показать и примѣнить свой авторитетъ, гдѣ было нужно. На Востокѣ угрожали персы, а его двоюродный братъ Галлъ, котораго онъ назначилъ кезаремъ Востока, сталъ ненавистенъ населенію вслѣдствіе своей жестокости и произвола; на Западѣ германцы снова наводнили Галлію, взяли приступомъ 45 городовъ и сожгли, разрушили или разграбили, все что̀ попало въ ихъ руки; а по всей дунайской линіи на имперію собирались напасть германцы и сарматы.

Констанцій прежде всего счелъ нужнымъ укрѣпить свое господство внутри государства тѣмъ, что сдѣлалъ христіанство единственной законной государственной религіей, закрылъ языческіе храмы и запретилъ занятія магіей (353 г.). Такъ какъ старый споръ между аѳанасіанами и аріанами все еще продолжался и весь Востокъ, какъ и самъ онъ, придерживался ученія Арія,

то онъ, озабочиваясь единствомъ церкви, велѣлъ черезъ посредство Миланскаго собора смѣстить Аѳанасія и на церковныхъ собраніяхъ Аримінскомъ и Селевкійскомъ (въ Исавріи) принять аріанское вѣроисповѣданіе. Въ это-же время и вестготскій епископъ Ульфила (Вульфила—волченокъ) началъ проповѣдывать своему племени евангеліе въ аріанской формѣ и переводить съ греческаго языка Священное писаніе, какъ основу этого ученія.

Монета съ изображеніемъ Констанція.

Затѣмъ Констанцій привлекъ Галла къ отвѣтственности и велѣлъ его казнить. Алеманновъ, вторгшихся въ Ретію, онъ отразилъ въ убійственныхъ болхъ. Но, когда за Дунай устремились и квады, и сарматы, онъ поручилъ брату убитаго Галла, Юліану, полное освобожденіе Галліи, чтобы самому обратиться противъ новаго врага.

Юность Юліана. Новоплатонизмъ. Юліану было 25 лѣтъ, когда онъ въ концѣ 355 г. былъ вызванъ императоромъ въ Миланъ. Приказъ этотъ засталъ его въ Аѳинахъ, гдѣ онъ во все еще процвѣтавшей школѣ греческой мудрости занимался образованіемъ своего ума и сердца. Христіанство ему опротивѣло: оно не помѣшало своему вѣнценосному исповѣднику умертвить всѣхъ родственниковъ Юліана, недавно даже его брата, и держать его самого подъ строгимъ надзоромъ, такъ что ему постоянно приходилось опасаться за свою жизнь; да и властолюбіе и сварливость церковныхъ сановниковъ должны были дѣйствовать отталкивающимъ образомъ. Зато онъ наслаждался мудростью новоплатонниковъ, старавшихся на платоновомъ ученіи объ идеяхъ основать соотвѣтствовавшую религіознымъ чувствамъ времени монотеистическую религію, которая, тѣмъ не менѣе, заключала въ себѣ народный политеизмъ. Еще Плотинъ, основатель школы, съ половины III вѣка училъ въ Римѣ, что все существующее проистекаетъ изъ сверхъестественной первосущности, изъ избытка

силы которой возникаетъ отраженіе, міръ духа; послѣдній такимъ же образомъ порождаетъ міровую душу, заключающую въ себѣ всю совокупность идей. Изъ идей, оживившихъ матерію и придавшихъ ей форму, возникаетъ видимый міръ. Ближе всего къ божеству стоятъ существа, имѣющія въ себѣ меньше всего матеріи, божественныя силы народныхъ религій, демоны. Задача человѣка, душа котораго также происходитъ изъ прабожеской, состоитъ въ томъ, чтобы побѣждать въ себѣ матерію добродѣтельной жизнью и мыслящимъ познаніемъ идей, для того, чтобы получить способность въ состояніи блаженнаго экстаза зрѣть самую первосущность. Во времена Юліана Ямблихъ и его ученики развили дальше ученіе о демонахъ, какъ и ученіе о мистическихъ искусствахъ и чарахъ, при помощи которыхъ можно сдѣлать себѣ подвластными этихъ демоновъ. Мечтательный юноша совершенно былъ охваченъ таинственной мудростью и даже позволилъ посвятить себя въ Элевсинскія мистеріи.

Юліанъ освобождаетъ Галлію (356—358). Теперь Юліанъ былъ вовлеченъ въ житейскій водоворотъ, и какое чудо! Мечтательный философъ оказался геніемъ, отъ котораго исходило освѣжающее вѣяніе, захватывавшее съ собой всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ. Образецъ главныхъ добродѣтелей стараго язычества, человѣкъ съ идеалами, какого давно уже не было, онъ однимъ своимъ одушевляющимъ примѣромъ подстрекалъ окружающихъ, и знатныхъ, и незнатныхъ, къ крайнему напряженію своихъ силъ для блага цѣлаго. Въ первый походъ онъ разбилъ отдѣльные отряды варваровъ и отвоевалъ обратно Кёльнъ и другіе города. Во второй походъ (357 г.) его встрѣтило соединенное ополченіе алеманновъ, подъ начальствомъ ихъ общаго короля Хнодомара, при Аргенторатѣ (н. Страсбургъ). Несмотря на превосходство силъ, они были побѣждены, если и не римской храбростью—ибо и войска Юліана состояли по большей части изъ германцевъ—то все-же римскимъ военнымъ искусствомъ, которое при помощи сильнаго резерва окончательно сломило ослабленный натискъ германскихъ полчищъ. Пораженіе было полное: всѣ, кто не былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ, утонули въ Рейнѣ. Смѣлыми наступательными движеніями за Рейнъ онъ усилилъ ужасъ германцевъ и затѣмъ могъ вернуться для освобожденія сѣверной Галліи. Здѣсь, на Нижнемъ Маасѣ и на Шельдѣ, осѣли

салійскіе франки (отъ слова sale—соленая вода—приморскіе франки). Перезимовавъ въ Парижѣ, Юліанъ покорилъ оттуда, въ слѣдующемъ году, этихъ салійскихъ франковъ и ихъ восточныхъ сосѣдей. Рейнская линія была отвоевана по всей своей длинѣ, судоходство въ Британію снова стало свободнымъ, такъ что какъ войско, такъ и запустѣлая Галлія могли снабжаться хлѣбомъ. Объднѣвшей странѣ Юліанъ помогъ, къ тому-же, пониженіемъ поземельнаго налога, а сократившіеся доходы онъ старался

Стѣны Константинополя.
Съ акварели Dr. Cl. Franke.

пополнить посредствомъ бережливости въ содержаніи придворнаго штата и хорошаго контроля въ управленіи.

Смерть Констанція. Констанцій тоже справился съ варварами на нижнемъ Дунаѣ, но тогда новыя вторженія персовъ отозвали его на угрожаемый ими Востокъ. Въ Антіохіи онъ началъ крупныя вооруженія, да и отъ Юліана потребовалъ четырехъ ратныхъ легіоновъ. Полководецъ съ неудовольствіемъ повиновался приказу, но войско возмутилось и возвело Юліана противъ его воли на престолъ, пронесши его, по германскому обычаю, на щитѣ по лагерю.

Юліанъ въ покорномъ письмѣ попросилъ главу имперіи о признаніи его августомъ Запада; получивъ на это презрительный отвѣтъ, онъ быстро и рѣшительно сдѣлалъ свои приготовленія. Три его отряда двинулись разными дорогами на Востокъ. Самъ онъ смѣло провелъ сѣверный отрядъ черезъ страну алеманновъ. Лѣса и ущелья Шварцвальдскихъ горъ не задержали его; онъ достигъ Дуная и, со стремительной поспѣшностью, слѣдуя по теченію рѣки, продвинулся до Виндобоны. Тамъ онъ съ 3,000 человѣкъ сѣлъ на суда и, отнесенный быстрымъ теченіемъ въ одиннадцать дней въ Сирмій, застигъ врасплохъ отрядъ императорскаго войска, которымъ тотчасъ-же былъ признанъ. При извѣстіи объ этихъ событіяхъ, Констанцій воспылалъ бѣшенымъ гнѣвомъ и тотчасъ-же выступилъ изъ Антіохіи. Но на дорогѣ онъ заболѣлъ и въ Мопсукренѣ близъ Тарса умеръ отъ лихорадки (361 г.). Юліанъ же былъ признанъ всѣми единодержавнымъ государемъ.

ЮЛІАНЪ (361—363) И ЕГО ПРЕЕМНИКИ.

ЮЛІАНЪ возводитъ язычество въ государственную религію. Первымъ дѣломъ новаго императора было то, что онъ открыто заявилъ о своихъ религіозныхъ идеалахъ и отнялъ у христіанства его привилегированное положеніе, въ качествѣ государственной религіи. Онъ взялъ назадъ отведенные христіанству языческіе храмы и открылъ въ нихъ идолопоклонство, которому онъ самъ сталъ служить въ качествѣ первосвященника (Pontifex Maximus). Кромѣ того, онъ воспретилъ дѣятельность христіанскихъ учителей по грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Въ то-же время онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и единомышленники его, въ родѣ ритора Либанія, въ брошюрахъ выступали противъ „великой комедіи христіанства“ и восхваляли добродѣтели и философію древнихъ; въ эдиктахъ же онъ рекомендовалъ своимъ жрецамъ нравственный, воздержный образъ жизни и усердныя попеченія о бѣдныхъ, въ подражаніе христіанской церкви. Но онъ не про-

Золотая монета имп. Юліана (Отступника) и его супруги.

износилъ смертныхъ приговоровъ надъ христіанами, которые, по его мнѣнію, заслуживали состраданія, а не ненависти, и только непокорныхъ епископовъ, въ родѣ Аѳанасія, имъ-же возстановленнаго въ должности, онъ отправлялъ въ ссылку.

Въ качествѣ императора онъ также являлъ примѣръ умѣренности и воздержности, и, благодаря устраненію множества придворной челяди, онъ сдѣлалъ такія сбереженія, что могъ сложить съ своихъ подданныхъ треть налоговъ. Философъ на тронѣ

Императоръ Юліанъ и супруга его Елена.
Сардониковый камей, изъ коллекціи бывшей Mariborugh, нынѣ Bromilow въ Battlesden.

охотно заявлялъ себя таковымъ и съ внѣшней стороны. Когда онъ въ Антіохіи предпринялъ войну съ персами, оставленную ему въ наслѣдство его предшественникомъ, то, къ общему удивленію, онъ, императоръ, показывался въ плащѣ и съ бородой философа, вмѣсто всей пышности восточныхъ государей, и насмѣшливый народъ отпускалъ по этому случаю злыя остроты. Юліанъ отвѣтилъ насмѣшникамъ сатирою на изящныхъ господъ, которая подъ заглавіемъ „Мисопогонъ“ („Врагъ бороды“) дошла и до насъ.

Персидскій походъ. Походъ противъ Сапора II снова показалъ

Юліана, какъ мощнаго военачальника. Онъ выступилъ весной 363 г. съ 100,000 человѣкъ. Самъ онъ съ главнымъ войскомъ около Киркесія перешелъ черезъ Евфратъ и, сопровождаемый по рѣкѣ 1,100 кораблями съ предметами военной надобности, проникъ въ сердце непріятельской страны. Другая армія съ армянскими вспомогательными войсками должна была наступать вдоль Тигра. У Ктезифонта предполагалось соединиться. Ни отряды конницы, ни лучники непріятеля, ни стѣны его крѣпостей не могли устоять предъ императоромъ. Такъ какъ каналы плодоносной вавилонской области были прорваны, то онъ возстановилъ ихъ, построилъ мосты и мостики и съ войсками прошелъ по наводненной странѣ къ Тигру. Флоту онъ велѣлъ проѣхать по вычищенному Траянову каналу и при его помощи переправился черезъ рѣку. Затѣмъ около Ктезифонта были разбиты главныя силы непріятеля. Армія, шедшая вдоль Тигра, была задержана неблагопріятными обстоятельствами; тѣмъ не менѣе, неутомимый вождь шелъ все впередъ по направленію къ Экбатанѣ, сожигая за собой корабли. Но непріятель зажегъ житныя поля, и, спустя нѣсколько дней, выяснилась невозможность дальнѣйшаго наступательнаго движенія. Начали отступать; тутъ императоръ, когда онъ однажды безъ панцыря погнался слишкомъ далеко за непріятелемъ, смертельно сраженъ былъ стрѣлой. Онъ еще дожилъ до побѣды, одержанной въ этотъ день его войскомъ, прощаясь съ жизнью въ серьёзной бесѣдѣ съ друзьями. Христіане же разсказывали, будто онъ умеръ съ гнѣвными словами на устахъ: „Все-таки побѣдилъ ты, Галилеянинъ!“

Іовіанъ. Валентиніанъ I (364—375). Въ лицѣ Юліана погасла династія Константина. Войска въ бѣдѣ своей избрали ему въ преемники вождя императорскихъ фамильныхъ войскъ Іовіана. Послѣдній заключилъ съ персами миръ во что бы то ни стало, уступивъ всю страну къ востоку отъ Евфрата, включая сюда и укрѣпленный Низибисъ, жители котораго тщетно просили позволенія на свой страхъ защищать городъ. Вернувшись въ Антіохію, Іовіанъ снова возстановилъ христіанство въ его правахъ. Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ, а войско назначило храбраго паннонца Валентиніана I (364—375), который долженъ былъ принять своего брата Валента (364—378) въ соправители, въ качествѣ августа Востока. Валентъ одолѣлъ магистра войска Прокопія,

котораго Юліанъ нѣкогда будто-бы намѣтилъ себѣ въ преемники, и послѣ продолжительной борьбы принудилъ вестготовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Атанариха, къ миру. Тѣмъ временемъ Валентиніанъ въ постоянно возобновлявшихся войнахъ боролся съ князьями алеманновъ, тогда какъ бургунды наступали на Майнѣ, а франки и саксы сушей и водой нападали на Бельгію. Однако, въ общемъ, границы всегда удерживались, даже въ Британіи и Мавританіи, гдѣ генералы императора одолѣли мятежныхъ варваровъ. Въ концѣ-концовъ, опасное вторженіе квадовъ и ихъ союзниковъ отозвало императора на средній Дунай; рѣшительно разбивъ и ихъ, онъ перешелъ затѣмъ въ 375 г. рѣку и сталъ опустошать страну, пока ихъ послы не попросили у него мира въ Брегетіонѣ (н. развалины противъ Коморна). Въ то время какъ онъ дѣлалъ имъ грозный выговоръ, внезапное кровотеченіе положило предѣлъ его жизни.

Монета съ изображеніемъ Валентиніана II.

Ему наслѣдовали, въ управленіи Западомъ, его сыновья, шестнадцатилѣтній Граціанъ и четырехлѣтній Валентиніанъ III, тогда какъ на Востокѣ продолжалъ царствовать ихъ дядя Валентъ. При нихъ черезъ границы имперіи съ неудержимой силой полился потокъ варваровъ, который уже часто прорывался черезъ Дунай, но всегда снова былъ оттѣсняемъ обратно или путемъ добровольнаго принятія отводился въ каналы имперской обороны: началось „переселеніе народовъ“.

НАЧАЛО ВЕЛИКАГО ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ (375 г.) И ѲЕОДОСІЙ ВЕЛИКІЙ (379—395).

ГУННЫ. ВЕСТГОТЫ НА ДУНАѢ (375 г.). Гунны, дикое племя конныхъ кочевниковъ тюркскаго происхожденія изъ восточной половины Средней Азіи, около 100 г. послѣ Р. Хр. были побѣждены и совершенно разсѣяны китайцами. Одинъ изъ обломковъ этого племени направился по Джунгаріи на западъ и осѣлъ въ степи противъ Каспійскаго моря.

Онъ сталъ народомъ и, гонимый новыми движеніями въ центральной Азіи, перешелъ въ 372 г. Волгу. Здѣсь гунны разрушили царство алановъ, бросились затѣмъ на готскіе народы и покорили всю страну отъ Волги до нижняго Дуная. Только отдѣльныя массы готовъ искали себѣ другихъ выходовъ. Полчища остготовъ двинулись за Днѣстръ къ Паннонiи; еще сильнѣе были вестготскія, которыя, подъ начальствомъ своихъ областныхъ князей Фритигерна и Алавива, численностью до 200,000 человѣкъ, съ женами, дѣтьми, скотомъ и повозками попросили у императора Валента принятія своего въ Римскую имперію и получили согласіе. Вѣроятно, причиной этой просьбы и ея исполненія была отчасти общность христіанской вѣры (стр. 473), а также военной службы. Рѣшено было, чтобы они получили мѣста для поселенія во Ѳракіи и жили по собственнымъ законамъ, подъ начальствомъ собственныхъ государей, но зато отбывали въ пользу имперіи военную службу и въ обезпеченіе своей вѣрности ставили заложниковъ. Отъ дальнѣйшаго условія—выдачи оружія—они откупились у императорскихъ чиновниковъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за переходомъ.

Побѣда готовъ надъ Валентомъ (378 г.). Громадное потребленіе хлѣба такимъ множествомъ людей скоро вызвало его дороговизну, такъ что готы вскорѣ стали уже не въ состояніи платить своимъ скотомъ, золотыми кольцами и браслетами. Общее волненіе охватило отчаявшійся народъ. И вотъ, когда Фритигернъ былъ въ гостяхъ у римскаго намѣстника Лупицина въ Марціанополѣ, между свитой готскаго князя и туземцами произошелъ споръ и кровопролитіе. Какъ только Фритигернъ услыхалъ крики, онъ всталъ изъ-за стола, поспѣшилъ къ своимъ и выѣхалъ съ ними изъ воротъ. Онъ призвалъ свой народъ къ мести за римское вѣроломство, разбилъ Лупицина и опустошилъ страну на большомъ пространствѣ. Дружины его бойцовъ увеличились отъ притока новыхъ силъ, остготскихъ полчищъ, двинувшихся вслѣдъ за нимъ тоже за Дунай, и земляковъ, служившихъ въ римскомъ лагерѣ. Битва „у ивъ“ недалеко отъ южнаго устья Дуная осталась нерѣшенной. Но теперь подошелъ самъ императоръ Валентъ и разбилъ у Адріанополя укрѣпленный лагерь. Уже и Граціанъ, императоръ Запада, двигался къ своему дядѣ на подмогу. Но какъ разъ это обстоятельство и нѣсколько небольшихъ успѣховъ побудили Ва-

лента тотчасъ же отважиться на битву. Былъ жаркій августовскій день 378 года. Еще прежде чѣмъ все войско успѣло выстроиться, правое крыло уже находилось въ бою, который быстро загорѣлся по всей линіи. Легіоны и въ этотъ день сохранили свое превосходство и проникли до самаго стана непріятеля; но побѣдоносная конница готовъ врѣзалась въ нихъ съ фланговъ и охватила пѣхоту точно клещами. Рѣзня длилась до самой ночи: двѣ трети войска осталось на мѣстѣ. Самъ императоръ былъ раненъ и спрятался въ крестьянскую хижину, вмѣстѣ съ которой и сгорѣлъ. А побѣдоносные варвары, хотя и отступая передъ крѣпкими стѣнами городовъ, безпрепятственно разлились по всему Балканскому полуострову, подобно опустошительнымъ потокамъ. Ихъ ярость еще болѣе была разожжена извѣстіемъ, что всѣ готскіе юноши, которые содержались въ качествѣ заложниковъ въ азіатскихъ городахъ, были перебиты въ одинъ день.

Большая золотая медаль съ изображеніемъ Валента, носившаяся на груди.

Ѳеодосій Великій (379—395); успокоеніе вестготовъ. Граціанъ при устрашающемъ извѣстіи о случившемся вернулся въ Сирмій. Здѣсь двадцатилѣтній государь избралъ себѣ сильнаго помощника въ лицѣ новаго августа востока—Ѳеодосія. Послѣдній, по происхожденію испанецъ, изучилъ военное искусство въ школѣ своего отца, но затѣмъ долженъ былъ также пережить и то, какъ послѣдній былъ оклеветанъ и казненъ. Съ той поры сынъ удалился въ отцовскія помѣстья. Теперь, послѣ того какъ обнаружилась невинновность отца, онъ былъ призванъ императоромъ спасать имперію отъ варваровъ. Ѳеодосій оказался подходящимъ человѣкомъ для разрѣшенія этой задачи. Онъ сталъ собирать въ Ѳессалоникѣ войска, ведя въ то-же время переговоры. Послѣ скорой смерти Фритигерна онъ привлекъ на свою сторону вождей

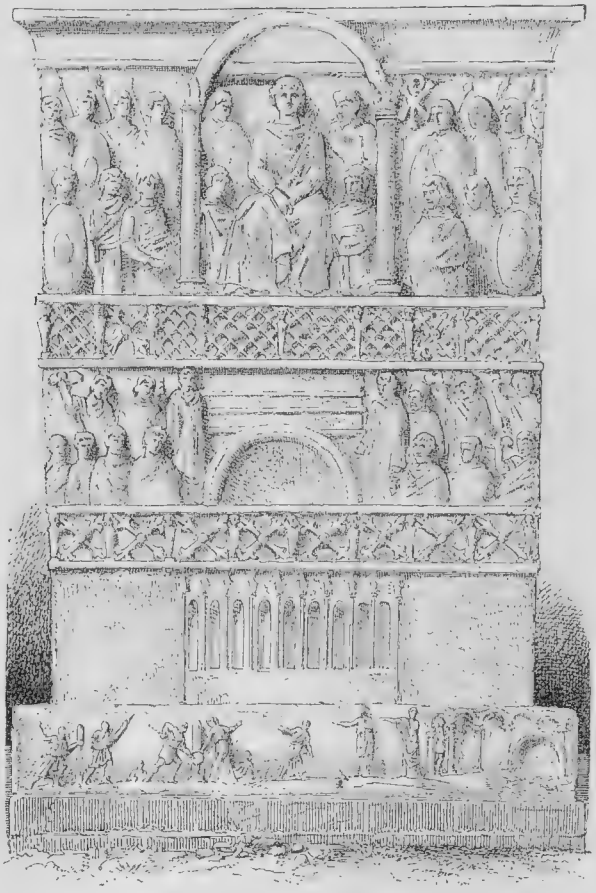
оставшагося безъ верховнаго главы народа и разбилъ сопротивлявшихся. Готы получили мѣста для поселенія, вестготы во Оракіи, остготы во Фригіи, и должны были за это ставить 40,000 воиновъ. Съ тѣхъ поръ они и при дворѣ, и въ войскѣ восточно-римской имперіи имѣли рѣшающее значеніе.

Ѳеодосій Великій.
Бронзовая колоссальная статуя въ Барлеттѣ.

Объединеніе имперіи. Тѣмъ временемъ Ѳеодосій упорядочилъ государство и внутри, и на церковномъ соборѣ въ Халкедонѣ (381 г.) помогъ Аѳанасіеву ученію о единосущности Христа и Бога Отца, восторжествовавшему на западѣ, одержать побѣду и въ восточномъ Римѣ; Никейскій символъ вѣры объединилъ снова все православное христіанство.

Ѳеодосію было суждено и политически объединить еще разъ имперію, прежде чѣмъ она распалась навѣки. Граціанъ, который также старался укрѣпить свое господство при помощи иностранныхъ вспомогательныхъ силъ, возбудилъ неудо-

вольствіе національной партіи въ войскѣ и въ провинціяхъ и палъ жертвой возстанія предводителя британскихъ легіоновъ, Максима (383 г.). Ѳеодосій призналъ узурпатора, но такъ, что Валентиніанъ



База, на которой Ѳеодосій помѣстилъ обелискъ Константина и велѣлъ себя изобразить присутствующимъ при играхъ (нѣкогда находилась на Константинопольскомъ ипподромѣ).

II, двѣнадцатилѣтній братъ Граціана, сохранилъ за собой Италію и Африку. За Валентиніана правили его мать Юстина и его магистръ войска, франкъ Арбогастъ. Когда Максимъ тѣмъ не менѣе въ 387 году перешелъ Альпы, подоспѣвшій Ѳеодосій нанесъ ему нѣсколько пораженій и убилъ его при Аквилеѣ, 388 г.

Теперь Валентиніанъ подъ его покровительствомъ сталъ править всей западной имперіей. Въ это-же время миланскій епископъ Амвросій, во время пребыванія въ Миланѣ Ѳеодосія, дерзнулъ отлучить послѣдняго отъ церкви за кровавый судъ его надъ Ѳессалоникой, совершенный въ наказаніе за убійство одного офицера. И императоръ отбылъ церковныя наказанія и отмѣнилъ свой эдиктъ относительно Ѳессалоники. Вернувшись на Востокъ, Ѳеодосій вскорѣ узналъ, что Арбогастъ умертвилъ своего государя и возвелъ на престолъ его кабинетнаго секретаря Евгенія, при которомъ вновь ожило подавленное идолопоклонство. Дѣло дошло до борьбы между западомъ и востокомъ, язычествомъ и христіанствомъ, варварскимъ и римскимъ господствомъ. Арбогастъ и его протеже были побѣждены въ рѣшительной битвѣ при Аквилеѣ (394) г.; имперія снова оказалась въ рукахъ одного человѣка. Но напрасно: ея правитель умеръ уже 17 января 395 г.

Оборотная сторона золотой медали импер. Ѳеодосія Вел. съ крестнымъ знаменемъ.

КУЛЬТУРА III и IV ВѢКА ПОСЛѢ Р. ХР.

Характеръ времени. Политическія судьбы италійской націи уже во II вѣкѣ вызвали общій упадокъ языка, изящнаго вкуса и умственнаго творчества, который къ концу все болѣе ускорялся. Въ III вѣкѣ къ старымъ причинамъ упадка (стр. 413) присоединились: непрерывное бряцанье оружія въ предѣлахъ имперіи по случаю возстаній, войнъ за престолъ и тяжкихъ оборонительныхъ войнъ, опустошительныя вторженія варваровъ какъ въ провинціяхъ, такъ и въ Италіи, обѣднѣніе и экономическая нужда обширныхъ круговъ населенія, и, какъ слѣдствіе этой нужды и кровопролитія, смертоносная чума; наконецъ, безцеремонное господство военщины малообразованныхъ солдатскихъ императоровъ; когда же

затѣмъ на рубежѣ вѣка наступилъ болѣе мирный періодъ, Италія и Римъ перестали быть центромъ имперіи, бюрократизмъ уже полнаго абсолютизма задушилъ почти послѣдніе остатки самостоятельной общинной жизни, и невыносимый гнетъ податей мѣшалъ расцвѣту торговли и сношеній. Правда, старыя школьныя науки еще были въ ходу и даже распространялись во всѣ страны свѣта; школьная ученость этого времени сохранилась до насъ въ грамматическихъ, метрическихъ, антикварныхъ, географическихъ и естественно-научныхъ сочиненіяхъ или выдержкахъ. Но для художественной литературы недоставало болѣе, чѣмъ когда либо, живительнаго духа свободы, силы оригинальности, міра идеаловъ. Кто хотѣлъ возвыситься надъ обыденной жизнью, тотъ созерцалъ вѣчно недвижное прошлое; на будущее смотрѣли какъ на смерть, съ меланхолическими чувствами.

Поэзія. Скудныя поэтическія произведенія того времени доказываютъ это самымъ разительнымъ образомъ. Карѳагенянинъ Немезіанъ около 280 г. написалъ приблизительно 300 стиховъ объ охотѣ, которые представляютъ едва-ли нѣчто болѣе, чѣмъ стихотворную прозу; не такъ плохи его пастушескія стихотворенія, но это—подражанія. Теренціанъ Мавръ пишетъ въ стихахъ свою метрику, другіе пишутъ рецепты лѣкарствъ, народныя поговорки и т. д. Третьи, за недостаткомъ новыхъ темъ, стараются дѣйствовать художественной формой. Такъ, напр., поступалъ Коммодіанъ, первый христіанскій поэтъ, около 250 г. Онъ дѣлитъ свои гекзаметры на двѣ замкнутыя половины, располагаетъ ихъ акростихомъ или соединяетъ ихъ по два въ двустишія, не обращая при этомъ почти никакого вниманія на количество (долготу и краткость слоговъ). Въ виду грозящаго Деціева гоненія онъ напоминаетъ, напр., евреямъ и язычникамъ, чтобы обратить ихъ въ христіанство, о близкомъ свѣтопреставленіи. Послѣднее предвѣщается-де появленіемъ двойного антихриста. Римлянамъ онъ явился въ лицѣ Нерона, сжегшаго ихъ городъ, а іудеямъ въ лицѣ перса, опустошающаго весь міръ. Сюда относятся слѣдующіе чуть-чуть еще узнаваемые гекзаметры:

Nobis Nero factus Antichristus, ille Iudaeis:
Isti duo semper prophetae sunt in ultima fine.
Urbis perditio Nero est, hic terrae totius.

Болѣе отрадное явленіе представляютъ многочисленныя поэтическія произведенія Авзонія (310—390) изъ Бурдигалы (Бордо); послѣдній былъ риторомъ, воспитателемъ Граціана, занималъ высокій административный постъ и съ превосходнымъ образованіемъ соединялъ богатую дѣятельность; конецъ своей жизни онъ провелъ въ деревнѣ, въ занятіяхъ наукой и общеніи съ образованными друзьями. Кромѣ другихъ произведеній, отъ Авзонія сохранились эпиграммы, поэтическія посланія и идилліи; изъ послѣднихъ одно стихотвореніе, озаглавленное „Mosella“, прелестно описываетъ плаваніе по Мозелю, мимо береговъ, обсаженныхъ виноградомъ.

Проза. Проза, по своему значенію, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіей. Правда, хвалебныя рѣчи галльскихъ панегиристовъ, въ родѣ Эвменія, на Максиміана (стр. 459), Константина и другихъ являются образцами искусства отдѣлки содержанія вычурными фразами и преувеличенной лестью. И исторіографія опустилась до степени придворной исторіи и собранія анекдотовъ, какъ у Марія Максима (162—230), продолжившаго Светоніевы біографіи императоровъ до Геліогабала, и у шести scriptores historiae Augustae, которые копировали ихъ и довели біографіи до начала правленія Діоклетіана; или же она опустилась до степени извлеченій изъ всей римской исторіи, какъ у Гранія Лицинніана во время Антониновъ, у Эвтропія — дошедшаго до Валента, и у такъ называемаго Аврелія Виктора, который дошелъ до Ѳеодосія. Всѣхъ ихъ превзошелъ послѣдній столпъ латинской исторіографіи Амміанъ Марцеллинъ (330—400). Родившись и получивъ образованіе въ Антіохіи, онъ сражался при Юліанѣ противъ алеманновъ и персовъ и принялъ горячее участіе въ попыткѣ послѣдняго вновь оживить язычество. Вернувшись затѣмъ къ частной жизни, онъ жилъ съ 376 г. въ Римѣ, гдѣ и написалъ свою римскую исторію отъ Нервы до своего времени. До насъ сохранились еще послѣднія 18 книгъ этого труда, въ которыхъ описываются событія 353 — 378 г., характеръ борящихся личностей и народовъ и почва, на которой они борятся, и описываются хотя и грубымъ, неуклюжимъ языкомъ, но наглядно, съ разными сужденіями и внутреннимъ участіемъ. Какъ этотъ грекъ, писавшій на латинскомъ языкѣ, такъ и другіе исторіографы того времени, писавшіе на греческомъ языкѣ,

превосходятъ италійскихъ. Кассій Діонъ (150—230) составилъ римскую исторію въ 80 книгахъ отъ Энея до Александра Севера, Иродіанъ—исторію императоровъ отъ Коммода до Гордіана III. Евсевій же, бывшій съ 315 г. епископомъ кесарійскимъ (въ Палестинѣ), сталъ отцомъ исторіи христіанской церкви.

Правовѣдѣніе въ III вѣкѣ, благодаря стремленіямъ самого правительства, направленнымъ къ установленію права, и благодаря оживленному его изученію, достигло высшаго расцвѣта. При Александрѣ Северѣ великій Папиніанъ и Ульпіанъ, затѣмъ Юлій Павелъ и Геренній Модестинъ составляли комментаріи къ законамъ и старымъ юридическимъ сочиненіямъ, извлеченія, собранія юридическихъ мнѣній, случаевъ и правилъ, наконецъ, „институцій", т. е. систематическія введенія въ изученіе права.

Филологія также имѣла многочисленныхъ представителей. До насъ сохранились отъ IV вѣка грамматическія сочиненія Харизія, Діомеда, Доната, метрика Марія Викторина, комментарій къ Горацію Порфиріона. Въ сущности, это—извлеченія изъ произведеній старѣйшихъ грамматиковъ, цѣнныя для латинскаго языковѣдѣнія, благодаря своимъ цитатамъ и тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя они даютъ о преподаваніи.

Реальныя науки представлены еще скуднѣе. Цензоринъ въ 208 г. написалъ въ видѣ подарка ко дню рожденія богатаго покровителя сочиненіе „О днѣ рожденія", въ которомъ онъ сопоставилъ всѣческія свѣдѣнія о человѣкѣ и времени; Гаргилій Марціалъ въ III вѣкѣ написалъ сельско-хозяйственное сочиненіе, изъ котораго сохранились извлеченія о медицинской цѣнности садовыхъ растеній и плодовъ; Солинъ написалъ географію, въ которой особое вниманіе обратилъ на диковинки и достопримѣчательности.

Религіозное писательство. Наиболѣе подвижной оказалась умственная жизнь въ области религіи, гдѣ продолжало свой побѣдоносный походъ новое христіанское міровоззрѣніе. Сопротивленіе языческой народной религіи, которое въ образованныхъ кругахъ получило научную опору и нравственную глубину черезъ возобновленный стоицизмъ (стр. 368), новопиѳагореизмъ (стр. 414), а теперь также черезъ новоплатонизмъ (стр. 473), старанія философски образованнаго христіанскаго духовенства, направленныя на формулировку и систематизацію ученія, отдѣленіе сектъ и

другіе раздоры въ лонѣ церкви представляли массу темъ для догматическихъ и полемическихъ сочиненій. Александрія, главный центръ древне-языческой учености, стала средоточіемъ писательства, по крайней мѣрѣ, старшихъ отцовъ церкви, языкъ въ доброй части установился греческій; вѣдь и на Западѣ греческій языкъ лишь въ теченіе III вѣка былъ вытѣсненъ изъ христіанскаго богослуженія латинскимъ языкомъ.

Во главѣ латинскихъ писателей этого рода, къ которому принадлежалъ уже Минуцій Феликъ (стр. 429), стоитъ карѳагенянинъ Тертулліанъ, процвѣтавшій при Септиміѣ Северѣ и Каракаллѣ. Родившись язычникомъ, онъ сталъ такимъ пылкимъ исповѣдникомъ новой вѣры, что въ концѣ концовъ впалъ даже въ аскетизмъ и визіонизмъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ смѣло требовалъ отъ римскаго народа и его намѣстниковъ, чтобы они сперва познакомились съ сущностью христіанства, прежде чѣмъ осуждать его, и излагалъ имъ это ученіе; неутомимо онъ увѣщевалъ своихъ единовѣрцевъ отвращаться отъ языческой жизни, утѣшалъ гонимыхъ, разбиралъ практическіе вопросы изъ жизни общины, какъ то: крещеніе, молитву, покаяніе, бракъ, и ратовалъ противъ іудеевъ и представителей другихъ вѣроисповѣданій. Подобные-же предметы разбиралъ въ многочисленныхъ трактатахъ и посланіяхъ Киприанъ, поклонникъ Тертулліана. Обратясь также въ христіанство, онъ достигъ должности епископа карѳагенскаго, въ качествѣ какового сталъ руководящимъ авторитетомъ въ дѣлахъ церкви, разсудительнымъ вождемъ и утѣшителемъ своей общины въ дни Деціева гоненія и во время чумы. При Валеріанѣ въ 258 г. онъ умеръ желанной смертью мученика. Затѣмъ слѣдовали Викторинъ изъ Петтавы (въ Штиріи), первый экзегетъ, но жертва Діоклетіанова гоненія (стр. 462), Арнобій, риторъ того-же времени, доказавшій своему епископу серьёзность своего обращенія семитомнымъ сочиненіемъ противъ язычества, и важнѣе всѣхъ ученикъ Арнобія, Лактанцій. Послѣдній, при Діоклетіанѣ учившій въ Никомедіи, а потомъ воспитывавшій въ Галліи Криспа, сына Константина, написалъ массу трактатовъ, отличающихся почти классическимъ языкомъ и большой ученостью; изъ нихъ самымъ значительнымъ является апологическій трудъ „Institutiones divinae“. Наконецъ, упомянемъ здѣсь и о первыхъ латинскихъ переводахъ Библіи, воз-

пикавшихъ съ III вѣка въ Африкѣ и Италіи. Изъ духовныхъ писателей греческаго языка уже раньше былъ упомянутъ Юстинъ Мученикъ (стр. 417). Теперь сюда присоединились великіе александрійскіе мыслители: Климентъ (160—220) и его ученикъ Оригенъ (185—254), защищавшіе и подтверждавшіе христіанскіе догматы при помощи греческой философіи и учености, равно какъ Аѳанасій (стр. 468), Евсевій и каппадокійцы Василій (329—379) и Григорій Назіанзскій (ум. 390 г.).

Искусство. Въ области искусства могла удержаться на извѣстной высотѣ только архитектура, которая все еще получала грандіозныя порученія отъ императоровъ. Постройки Септимія Севера (стр. 440), равно какъ его сына Каракаллы (стр. 442) и Діоклетіана (стр. 464), базилика Максентія съ могучими сводами, которую Константинъ предоставилъ закончить римлянамъ, становившіяся все болѣе обширными тріумфальныя арки въ Римѣ и провинціяхъ, государственныя постройки въ новыхъ резиденціяхъ—Миланѣ, Трирѣ, Никомидіи, Константинополѣ, доказываютъ, что императоры не отказывались отъ своей привилегіи увѣковѣчивать свое имя постройками. Въ то-же время, съ тѣхъ поръ какъ христіанство было признано государствомъ, въ епископскихъ городахъ вознеслись монументальныя церковныя постройки, представлявшія новыя благодарныя задачи. Церкви этого времени назывались базиликами; на самомъ дѣлѣ, онѣ походили больше на жилой домъ (I томъ, стр. 606), чѣмъ на древнее торговое или судебное зданіе. Атрій сталъ просторной папертью, имплувій—купелью, перистиль со своими двумя рядами колоннъ сталъ трехнефнымъ помѣщеніемъ для молящихся. Средняя часть была выше другихъ и крыта такъ-же, какъ и все зданіе; одна часть предназначена для алтаря. За алтаремъ прибавлена была полукруглая ниша (апсидъ) для духовенства и отдѣлена оградой (cancelli), а передъ алтаремъ отведено было мѣсто для пѣвческаго хора.

Прочія изобразительныя искусства быстрѣе падали съ высоты временъ первыхъ императоровъ. Но рельефамъ и прочимъ скульптурнымъ украшеніямъ на тріумфальныхъ аркахъ, саркофагахъ и монетахъ видно, что матеріалъ сталъ хрупкимъ, рука художника неуклюжа, инструментъ его—тупымъ. Арка Константина въ Римѣ, на которой отважились помѣстить части Траяновой почетной

группы въ соединеніи со скульптурами Константиновскаго времени, показываетъ этотъ упадокъ ужасающимъ образомъ. А катакомбы, подземныя христіанскія кладбища, свидѣтельствуютъ о состояніи живописи того времени.

РАЗЪЕДИНЕНІЕ ИМПЕРІИ И КОНЕЦЪ ЗАПАДНАГО РИМА.

СТИЛИКОНЪ И АЛАРИХЪ.

АРКАДІЙ (395—408) И ГОНОРІЙ (395—423). Ѳеодосій Великій, умирая въ 395 г. въ Миланѣ еще во цвѣтѣ лѣтъ, оставилъ двухъ сыновей, восемнадцатилѣтняго Аркадія и одиннадцатилѣтняго Гонорія. Первому, по желанію покойнаго государя, должна была достаться Восточная имперія, второму—Западная, но надъ обоими первое время долженъ былъ имѣть родъ опеки опытный въ военномъ дѣлѣ и въ политикѣ храбрый вандалъ Стиликонъ. Стиликонъ, человѣкъ съ царственной фигурой, несмотря на свое варварское происхожденіе, поднялся, благодаря своей дѣльности, до должности „магистра войска“ (magister militum), считался уже давно самой крѣпкой опорой трона и былъ отличенъ Ѳеодосіемъ тѣмъ, что тотъ далъ ему въ жены свою племянницу и пріемную дочь Серену. Но ему не легко было удержаться въ качествѣ короннаго полководца и перваго министра обоихъ августовъ. Правда, на Западѣ, рядомъ съ несовершеннолѣтнимъ мальчикомъ Гоноріемъ, значеніе Стиликона было такъ велико, что никто не дерзалъ воспротивиться ему. Но на Востокѣ на его мѣсто пытался сѣсть честолюбивый и алчный галлъ Руфинъ, облеченный въ Византіи саномъ кащлера (magister officiorum), пожелавъ выдать свою дочь замужъ за юнаго императора. Однако, во время пребыванія Руфина въ Антіохіи оберъ-камергеръ Евтропій женилъ Аркадія на красавицѣ дочери одного франкскаго вождя, Евдоксіи, и, когда Руфинъ вернулся въ Византію, онъ былъ убитъ на смотру войска Гайнасомъ, начальникомъ готскихъ вспомогательныхъ войскъ. Тѣмъ не менѣе, между Стиликономъ и Аркадіемъ не завязались болѣе тѣсныя отношенія, ибо

Евтропій принялъ наслѣдіе ненавистнаго Руфина и точь-въ-точь съ такою-же ненасытной алчностью и жестокостью хозяйничалъ возлѣ своего слабаго августа, пока и онъ не палъ жертвой придворной интриги. Такимъ образомъ мало-по-малу обострялся антагонизмъ между Западной и Восточной имперіей. Первая обнимала префектуры—Италію съ четырьмя діоцезами и Галлію съ тремя діоцезами, а вторая—префектуру Востокъ съ ея пятью діоцезами (стр. 461); префектура Иллирикъ была подѣлена между обѣими имперіями. Слѣдовательно, Гонорій господствовалъ надъ Испаніей, Британіей, Галліей, Италіей, сѣверной Африкой до Большой Сирты и придунайскими провинціями приблизительно до Бѣлграда, Аркадій же надъ бо́льшей частью Балканскаго полуострова, Малой Азіей, Египтомъ и Киренаикой. Несмотря на это разъединеніе, которое со временемъ все болѣе обозначалось и въ языкѣ, и обычаяхъ, все-таки въ послѣдующіе годы не было недостатка въ оживленныхъ сношеніяхъ между Западной и Восточной имперіей, да часто и положеніе одной изъ нихъ требовало помощи другой.

Аларихъ въ борьбѣ со Стиликономъ. Для этого очень скоро представился настоятельный поводъ. Вестготы, которыхъ Ѳеодосій съ большимъ политическимъ искусствомъ поселилъ частью въ качествѣ „летовъ“ (стр. 459), частью въ качествѣ вольныхъ вспомогательныхъ войскъ въ запустѣлой Мёзіи и во Ѳракіи, послѣ его смерти становились тѣмъ безпокойнѣе, чѣмъ болѣе обнаруживалась слабость новаго правительства. Имъ казалось скучнымъ земледѣліе, которымъ они занимались очень мало, въ нихъ пробуждался прирожденный воинственный духъ, и вотъ они сплотились вокругъ храбраго вождя, по имени Аларіха, весьма свѣдущаго въ римскихъ обычаяхъ и въ военномъ искусствѣ. За отвагу свою онъ носилъ почетное имя „Бальтъ“, и это имя осталось за его родомъ, который послѣ него сталъ равноправенъ старшему королевскому роду остготовъ—амаламъ.

Весной 396 г. Аларихъ выступилъ съ необозримой массой войска со своего становища на Дунаѣ и двинулся на югъ; но исполинскія стѣны Византіи ему показались неприступными; поэтому полчища его бойцовъ направились въ сторону—въ Македонію и оттуда въ Ѳессалію. Нигдѣ имъ не оказывалось организованнаго сопротивленія: дворъ въ Византіи чувствовалъ себя въ безопас-

ности и съ позорной трусостью предоставилъ управляемыя имъ страны самимъ себѣ. Такимъ образомъ, опустошительный потокъ готовъ могъ безпрепятственно устремиться черезъ Ѳермопилы въ Фокиду, Беотію и Аттику, и нигдѣ не появлялось какого-нибудь Леонида, который защитилъ бы страну. Деревни и отдѣльные дворы дѣлались жертвами огня, а многочисленные города платились полной гибелью за ветхое состояніе своихъ стѣнъ: все драгоцѣнное, въ особенности остававшіяся еще сокровища изъ золота и серебра, похищалось, мужчины избивались, женщины и дѣти уводились въ неволю. Только подъ Аѳинами суровый побѣдитель удовольствовался выкупомъ; „тѣни Паллады и Ахиллеса спасли городъ“. Затѣмъ готы двинулись дальше въ Пелопоннесъ: Коринѳъ, Аргосъ, Спарта были лишены послѣднихъ своихъ украшеній и превратились въ груды развалинъ и пепла. Тогда, наконецъ, Стиликонъ сжалился надъ опозоренной Греціей; высадившись въ Ахайѣ, онъ явился съ большими силами въ Аркадію и началъ маневрировать противъ Аларіха. Впрочемъ, онъ не рѣшался на бой въ открытомъ полѣ, но старался задерживать движенія Аларіха окопами, по примѣру великаго Кесаря. Аларихъ такъ былъ стѣсненъ въ лѣсистыхъ ущельяхъ Аркадіи, что съ трудомъ пробился къ сѣверному побережью и съ войскомъ и добычей переправился въ Этолію. Но, прежде чѣмъ Стиликонъ могъ послѣдовать за нимъ, Евтропій въ Византіи, завидуя славѣ соперника, пришедшаго съ Запада, быстро заключилъ миръ съ Аларихомъ, отдавъ ему въ собственность всю восточно-римскую часть префектуры Иллирика, т.-е. западную половину Балканскаго полуострова до Бѣлграда. Сѣверные воины приняли это извѣстіе съ ликованіемъ. Ибо теперь римскія мастерскія должны были доставлять имъ оружіе, а подданные—жалованье; въ префектурѣ царилъ ихъ вождь, тогда какъ слово императора утрачивало всякое значеніе. Стиликонъ, въ негодованіи, вернулся въ Италію, охрана границъ которой теперь уже причиняла ему тяжкія заботы, тогда какъ слабый и неспособный императоръ Гонорій, котораго Стиликонъ въ 398 г. женилъ на своей дочери Маріи, съ мальчишеской радостью забавлялся кормленіемъ своихъ куръ, которыхъ онъ нѣжно любилъ. А Аларихъ съ угрожающимъ видомъ стоялъ между двумя мірами, не зная только, подчинить ли готскому мечу сперва Западную имперію, или Восточную.

Аларихъ противъ Стиликона въ Италіи. Нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно смѣлому Бальту для новыхъ вооруженій въ новой родинѣ. Были привлечены готскія полчища и дружины другихъ германскихъ племенъ, обитавшихъ на нижнемъ Дунаѣ, и весной 402 г. начался походъ. Цѣлью его была Италія. Туда манила бо́льшая надежда на добычу, туда-же гнало и то таинственное желаніе, которое наполняетъ души всѣхъ сѣверянъ. Итакъ, весь могучій вестготскій народъ со своими союзниками, сопровождаемый безконечнымъ обозомъ съ женами и дѣтьми, по низкимъ проходамъ восточныхъ Альпъ вступилъ въ венетскую область; крѣпкая Аквилея подверглась штурму, равно какъ и Верона, и хотя эти города и устояли, но многолюдныя окрестныя деревни, драгоцѣнныя дачи и помѣстья стали жертвами огня; поля, плодовыя и виноградныя насажденія были опустошены. Ближайшей цѣлью былъ Миланъ, блестящая резиденція двора. Гонорій съ трепетомъ бѣжалъ со своими придворными, чтобы искать себѣ защиты въ Галліи, но онъ доѣхалъ только до Асты (п. Асти) на Танарѣ и въ этомъ маленькомъ городѣ былъ осажденъ готами. Изъ бѣды его выручилъ подоспѣвшій Стиликонъ. При вторженіи Лариха, Стиликонъ перешелъ черезъ Альпы и не только собралъ вокругъ себя рейнскіе легіоны, но и вызвалъ римскія боевыя силы изъ Британіи, да, кромѣ того, принялъ на свою

Стиликонъ въ консульской праздничной одеждѣ (изображеніе на диптихѣ).

службу отдѣльныя дружины алеманновъ, алановъ и свевовъ. Во главѣ этихъ пестрыхъ войскъ, которыя онъ обучилъ тактикѣ и наполнилъ своимъ духомъ, онъ явился подъ Миланомъ и Астами. Снова началъ онъ борьбу лопатой и киркой. Онъ заставилъ этимъ своего противника уйти на западъ, къ Поллентіи. Но въ пасху 403 г. Стиликонъ напалъ на лагерь аріанскихъ еретиковъ. Съ перваго натиска берется готскій лагерь. Но позади него собираются полчища вокругъ Алариха. Нападеніе конницы Стиликона, по большей части состоявшей изъ алановъ, отражается; аланскій вождь падаетъ пронзенный копьями. Но вотъ Стиликонъ самъ ведетъ свою пѣхоту въ бой, и затѣмъ слѣдуетъ жаркая схватка, продолжающаяся безъ рѣшительной побѣды до вечера. Впрочемъ, на слѣдующій день Аларихъ покинулъ поле брани и обратился на югъ, въ Этрурію. Стиликонъ съумѣлъ причинить ему затрудненія со стороны подчиненныхъ ему военачальниковъ; не удалось также, благодаря бдительности Стиликона, внезапное нападеніе на Верону, предпринятое послѣ этого Аларихомъ. Такимъ образомъ, Аларихъ съ большимъ урономъ былъ отбитъ подъ Вероной и вскорѣ затѣмъ былъ принужденъ съ сильно сократившимся войскомъ начать отступленіе въ Иллирію. Италія возликовала по поводу своего избавленія, и слава Стиликона, „новаго Марія“, была на устахъ у всѣхъ.

Тріумфъ Гонорія въ Римѣ. Побѣда отпразднована была пышнымъ тріумфальнымъ шествіемъ Гонорія въ Римѣ. Возлѣ него стоялъ настоящій герой дня, его полководецъ и тесть Стиликонъ. Это было послѣднее зрѣлище подобнаго рода, которое видѣлъ Римъ. Шествіе вступило въ городъ черезъ Мульвійскій мостъ и прошло по главнымъ улицамъ на Форумъ; при этомъ всѣ улицы и даже крыши домовъ и храмовъ были густо усѣяны зрителями, которые съ тайнымъ ужасомъ удивлялись могучимъ фигурамъ по большей части варварскихъ воиновъ въ стальныхъ, украшенныхъ павлиньими перьями шлемахъ. Только язычники, которыхъ было еще много даже среди сенаторовъ, были недовольны тѣмъ, что императоръ, вмѣсто того, чтобы по древнему обычаю подняться на Капитолій и возблагодарить Юпитера, былъ встрѣченъ епископомъ Иннокентіемъ I съ крестами и хоругвями и присутствовалъ на благодарственномъ молебнѣ въ одной христіанской церкви. Затѣмъ Гонорій поселился въ дворцѣ кесарей на Палатинѣ, за-

пустѣлыя мраморныя залы котораго тогда еще разъ заблистали царской пышностью. На играхъ и увеселеніяхъ въ амфитеатрѣ и циркѣ, которыя Гонорій устроилъ въ слѣдующіе дни, народъ роптaлъ изъ-за того, что его лишили стародавняго обычнаго кроваваго боя гладіаторовъ. По одной легендѣ, и эти кровавыя зрѣлища сперва были разрѣшены Гоноріемъ, но, когда они уже были въ полномъ ходу, вдругъ на арену амфитеатра выскочилъ монахъ, по имени Телемахъ, и, не щадя своей жизни, попытался разнять бойцовъ. Тутъ народъ, разсерженный тѣмъ, что помѣшали его наслажденію, побилъ монаха камнями, а Гонорій причислилъ его къ святымъ мученикамъ и навсегда запретилъ гладіаторскія игры. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ мы ничего не слышимъ уже объ этомъ безчеловѣчномъ обычаѣ, только травля звѣрей встрѣчается еще и въ VI вѣкѣ послѣ Р. Хр.

Императоръ Гонорій въ одеждѣ воина.
Изображеніе на диптихѣ.

Полчища Радагайса. Приблизительно годъ Гонорій прожилъ въ Римѣ; затѣмъ онъ, вслѣдствіе темныхъ вѣстей о движеніи на Италію новыхъ варварскихъ племенъ, перенесъ резиденцію двора въ Равенну, которая тогда еще была соединена съ моремъ и, прикрытая обширными болотами, казалась ему безопаснѣе древней міровой

столицы. Вѣсти эти соотвѣтствовали истинѣ. Въ то время на востокѣ несомнѣнно произошли новыя передвиженія народовъ, которыя привели гунновъ въ венгерскую низменность и къ истокамъ Вислы. Вслѣдствіе этого большія массы остготовъ, конныя полчища алановъ, дружины вандаловъ и бургундовъ, отдѣльныя колѣна свевовъ, словомъ, смѣсь почти всѣхъ народностей между Дунаемъ и Карпатами, между Вислой и Эльбой пришла въ движеніе и подъ начальствомъ остгота Радагайса устремилась черезъ средній Дунай и многими горными проходами въ Верхнюю Италію. Стиликонъ въ началѣ не былъ въ состояніи дать отпоръ этой волнѣ народовъ, насчитывавшей до 200,000 воиновъ. Но онъ изо всѣхъ силъ производилъ вооруженія: въ легіоны были зачислены рабы, и приняты на жалованье готы подъ начальствомъ Сара и гунны подъ предводительствомъ Ульдина. А когда масса непріятелей раздѣлилась и главныя силы ихъ тщетно осаждали крѣпкую Флоренцію въ долинѣ Арно, то Стиликонъ поспѣшилъ туда, оттѣснилъ ихъ искусными маневрами на крутыя высоты около Фезулъ (н. Fiesole), отрѣзалъ отъ подвоза и разбилъ ихъ затѣмъ въ бою, такъ что самъ Радагайсъ былъ взятъ въ плѣнъ, а вся его дружина, до 12,000 ратниковъ, поступила на службу къ побѣдителю. Другія же полчища пробились въ сторону и успѣли уйти Альпійскими проходами. Еще разъ были спасены Римъ и Италія. Побѣдителю на давно запустѣвшей ораторской трибунѣ на римскомъ Форумѣ воздвигнута была статуя изъ бронзы и серебра, а императорамъ Аркадію, Гонорію и Ѳеодосію сооружена тріумфальная арка.

Бургунды. аланы, вандалы, свевы въ Галліи (406—408). Но потокъ народовъ не былъ остановленъ этимъ пустымъ хвастовствомъ. Напротивъ, онъ сталъ еще грознѣе, когда и прочія колѣна алановъ, бургундовъ, вандаловъ и свевовъ, которыя тѣмъ временемъ также покинули свою сѣверо-германскую родину, появились на верхнемъ и среднемъ Рейнѣ и соединились съ остатками полчищъ Радагайса. На среднемъ Рейнѣ сидѣли въ то время франки, вокругъ Майнца и къ сѣверу отъ этого города на верхнемъ Рейнѣ алеманны; обоимъ народамъ Стиликонъ не задолго до этого поручилъ, въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ, охрану границъ здѣсь у воротъ Галліи. Разрушены были крѣпкія стѣны Майнца, тысячи христіанъ погибли при сожженіи церквей,

и то-же самое произошло въ Вормсѣ, Шпейерѣ и Страсбургѣ, въ Базелѣ и Виндишѣ (Виндониссѣ) и въ другихъ мѣстахъ. Вскорѣ пала и бывшая императорская резиденція Триръ, затѣмъ Реймсъ, Аміенъ, Аррасъ, Турнэ. Отъ древней кельтской и римской храбрости не осталось и слѣда, люди покорялись страшной участи съ тѣмъ тупымъ отчаяніемъ, которое во всякой бѣдѣ видитъ кару небесную. Наконецъ, германскія полчища захотѣли перейти и Пиринеи, но тамъ два рѣшительныхъ крупныхъ землевладѣльца со своими рабами и колонами (стр. 397) успѣшно охраняли горные проходы. Изъ Италіи не приходило никакой помощи притѣсненнымъ провинціямъ. Въ такой бѣдѣ слабые римскіе легіоны, которые въ Британіи еще защищали Адріановъ валъ противъ пиктовъ и скотовъ, возвели въ августы Запада, противъ недостойнаго Гонорія и его, повидимому, бездѣятельнаго министра Стиликона, простого солдата изъ своей среды, которому имя Константинъ, казалось, сулило побѣду. Онъ высадился въ Галліи, освободилъ южную часть страны отъ варваровъ и сталъ господствовать и въ Испаніи, которою управлялъ его сынъ Константъ въ качествѣ кесаря. Но господство обоихъ было непродолжительно.

Конецъ Стиликона 408. Тѣмъ временемъ Стиликонъ старался при помощи все болѣе сокращавшихся средствъ прикрыть, по крайней мѣрѣ, Италію и, пожалуй, отвоевать Галлію. Онъ былъ при этомъ того мнѣнія, вполнѣ соотвѣтствовавшаго фактамъ, что Италія въ виду разслабленности и изнѣженности ея населенія преимущественно должна быть защищаема варварами. По этой причинѣ онъ завязалъ сношенія съ Аларихомъ. Предполагалось, чтобы послѣдній за подарокъ въ 4,000 фунтовъ золота отдалъ свои полчища въ распоряженіе Рима для охраны Западной имперіи и вообще въ качествѣ префекта Иллиріи перешелъ бы отъ Восточной имперіи къ Западной. Но у выродившихся римлянъ того времени хотя и не было силы для самозащиты, но все-же была тщеславная гордость, заставлявшая ихъ чувствовать союзъ и зависимость отъ варваровъ, какъ позоръ. Такимъ образомъ, въ сенатѣ города Рима, среди высшихъ чиновниковъ римскаго происхожденія и даже среди немногихъ римскихъ высшихъ офицеровъ составился заговоръ противъ Стиликона, который, главнымъ образомъ, сосредоточился при дворѣ въ

Равеннѣ. Здѣсь прежде всего придворный Олимпій воздѣйствовалъ на душу слабаго Гонорія въ неблагопріятномъ для Стиликона направленіи: онъ далъ понять императору, что вѣдь онъ, несмотря на свои 25 лѣтъ, лишенъ вліянія и содержится своимъ магистромъ войска точно въ плѣну; предположенный же союзъ съ Аларихомъ не имѣетъ иной цѣли, какъ свергнуть Гонорія и на его мѣсто облечь въ порфиру Евхерія, сына Стиликона.

Такія нашептыванія подѣйствовали; Гонорій подъ руководствомъ своего совѣтника отправился въ Павію, гдѣ были собраны легіоны. По тайному приказу монарха, воинами были умерщвлены высшіе государственные сановники и начальники войска, назначенные Стиликономъ.

Стиликонъ узналъ объ этомъ въ Болоньѣ. Вокругъ него еще стояли храбрые вожди варваровъ со своими дружинниками, и они желали выступить на бой противъ убійцъ-легіонеровъ; но онъ приходилъ въ ужасъ передъ междоусобной войной и медлилъ, пока и среди окружавшихъ его не обнаружилась измѣна. Готъ Саръ съ императорской дворцовой стражей ворвался въ лагерь. Гунны, защищавшіе полководца, были перебиты; онъ самъ едва спасся отъ преслѣдователей. Онъ бѣжалъ въ Равенну, скрылся въ церкви и обнялъ руками святой престолъ, а епископъ въ знакъ покровительства простеръ надъ нимъ свои руки. Comes Гераклianъ, прибывшій съ тѣлохранителями, клятвенно увѣрялъ, что является вѣстникомъ императорской милости. Стиликонъ повѣрилъ; но, когда онъ добровольно вышелъ вслѣдъ за лживымъ человѣкомъ изъ храма Божія, у воротъ послѣдняго ему прочли смертный приговоръ. Онъ выслушалъ его безъ страха; въ слѣдующее мгновеніе сверкнулъ мечъ палача, и охранитель имперіи былъ мертвъ.

Сынъ Стиликона Евхерій, его жена Серена, дочь Ѳеодосія Великаго, и многіе изъ его приверженцевъ должны были умереть вслѣдъ за нимъ, такъ какъ при дворѣ опасались ихъ мести. Въ паденіе великаго полководца, повидимому, былъ вовлеченъ и пѣвецъ его дѣяній, поэтъ Клавдіанъ. Но вскорѣ явился мститель за убійство героя; это былъ его прежній противникъ въ открытомъ полѣ, храбрый Аларихъ.

Походъ Алариха на Римъ. Аларихъ все еще тщетно ждалъ обѣщанныхъ 4,000 фунтовъ золота. Тогда онъ отправился со своими полчищами добывать ихъ вооруженной силой. Но онъ

требовалъ бо́льшаго; онъ желалъ, какъ говоритъ о немъ поэтъ Клавдіанъ, царства или могилы въ западной странѣ. Онъ вторгся, не встрѣтивъ сопротивленія; отряды варваровъ, недовольные убійствомъ Стиликона, переходили на его сторону. Съ развѣвающимися знаменами прошелъ онъ мимо Равенны, гдѣ скрывался императоръ за стѣнами и болотами. Богатая Умбрія доставила ему съѣстные припасы; суровые Апеннины не задержали похода закаленныхъ воиновъ; они достигли Рима и осадили семихолмный городъ, который со временъ Ганнибала не видалъ подъ своими стѣнами ни одного иноземнаго врага. Какъ измѣнились послѣ побѣдоноснаго пунійца и обстоятельства, и люди! Тогда въ ворота стучались смуглые африканцы, теперь—свѣтлокудрые сыны сѣвера; тогда сенатъ былъ собраніемъ царей, граждане хорошо владѣли оружіемъ и жаждали воинскихъ подвиговъ и славы, теперь знать тщеславилась своей одеждой и титулами, а толпа, безоружная, разслабленная, требовала только хлѣба и игръ. Правда, были закрыты ворота и стѣны заняты воинами; но все-же не было никакой серьезной увѣренности въ томъ, что городъ, въ которомъ все еще могло числиться свыше полумилліона жителей, дѣйствительно, возможно будетъ защитить противъ рати варваровъ. Уже давно, какъ среди знатныхъ родовъ, надѣленныхъ огромнымъ богатствомъ, погрязшихъ въ роскоши и невоздержности, такъ и среди трусливой и продажной черни, какъ среди не особенно многочисленныхъ набожныхъ христіанъ, такъ и среди язычниковъ древней столицы міра, которыхъ все еще было великое множество, существовали мрачныя предчувствія, что славный городъ, который, даже не будучи уже столицей, все еще считался „идейнымъ центромъ имперіи“, нѣкогда обратится въ груду развалинъ и пепла. Уже ко временамъ Константина относилось слово ритора Лактанція: „Когда же эта глава міра падетъ и погибнетъ въ пламени, какъ это пророчатъ сивиллы, то, несомнѣнно, настанетъ конецъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и міра. Ибо Римъ—городъ, еще поддерживающій міръ, и мы должны усердно молить Бога въ небесахъ, чтобы, если только можно будетъ отсрочить его волю, не раньше, чѣмъ мы этого ждемъ, явился тотъ достойный проклятья тиранъ, который совершитъ это злодѣйство и погаситъ тотъ свѣточъ, при погасаніи котораго погибнетъ самый міръ“. И древній авгурій двѣнадцати

коршуновъ при основаніи Рима тоже толковался въ томъ смыслѣ, что городу суждены всего двѣнадцать столѣтій: а столько времени почти уже истекло! Поэтому никто и не пошевелилъ руки для вылазки, и вскорѣ въ осажденномъ Римѣ появились голодъ и чума. Не было недостатка только въ хвастовствѣ. Королю готовъ передали, что привыкшій къ войнѣ великій римскій народъ будетъ сражаться съ мужествомъ отчаянія, если онъ доведетъ дѣло до крайности; но тотъ холодно отвѣтилъ: „Чѣмъ гуще трава, тѣмъ легче косить ее“. Однако, въ концѣ концовъ онъ согласился снять осаду, если-бъ ему дали 5,000 фунтовъ золота, 30,000 фунтовъ серебра, 3,000 окрашенныхъ въ пурпуръ шкуръ, 4,000 шелковыхъ камзоловъ и 3,000 фунтовъ перцу. Для исполненія этихъ условій пришлось уже сплавить часть золотыхъ и серебряныхъ обѣтныхъ даровъ изъ закрытыхъ языческихъ храмовъ города; по иронія судьбы, среди нихъ оказалась и статуя Доблести (Virtus). По полученіи потребованныхъ богатствъ, Аларихъ двинулся въ Тускію, взявъ съ собой 4,000 варваровъ-рабовъ, которые бѣжали къ нему изъ Рима во время осады города; другія подкрѣпленія привелъ къ нему его зять Атаульфъ съ Дуная. Тѣмъ не менѣе, мирныя условія не были приняты при дворѣ въ Равеннѣ. Тогда онъ вторично явился подъ Римомъ, завоевалъ Портъ, важную гавань Рима на правомъ устьи Тибра, и захватилъ въ свои руки также хлѣбные амбары, служившіе для снабженія города провіантомъ. Подъ давленіемъ нужды, римляне теперь признали его своимъ покровителемъ, сенатъ объявилъ Гонорія низложеннымъ и вмѣсто него возвелъ на престолъ городского префекта Аттала. Вмѣстѣ съ послѣднимъ Аларихъ двинулся подъ Равенну, чтобъ одолѣть Гонорія. Но вскорѣ Атталъ сталъ выказывать недостаточно покорности по отношенію къ своему господину: онъ былъ лишенъ порфиры. Аларихъ снова сталъ переговариваться съ Гоноріемъ, но опять тщетно. Тогда онъ въ третій разъ явился подъ Римомъ, озлобленный тѣмъ, что такъ долго оказывалось упорное сопротивленіе, несмотря на превосходство его силъ, и въ то-же время полный тайной боязни превратить древнюю, почтенную столицу міра въ груду развалинъ. Чтобы отомстить за себя, онъ посулилъ своимъ готамъ разграбленіе все еще несмѣтно богатаго города, но, чтобы успокоить угрызенія совѣсти, онъ ограничилъ время грабежа только тремя

ціями и потребовалъ, кромѣ того, чтобы были пощажены какъ базилика св. Петра въ Ватиканѣ, такъ и базилика св. Павла на Тиврѣ.

Готы грабятъ Римъ. Въ августѣ 440 г. много тысячъ разъяренныхъ готовъ, одѣтыхъ въ блестящія бронзовыя латы, и столько-же грязныхъ, косматыхъ гунновъ и сарматовъ, одѣтыхъ въ шкуры животныхъ, расположились на окружающихъ Авреліановы стѣны высотахъ, полные любопытства и готовности броситься съ дикой жаждой хищнаго звѣря на манившую ихъ добычу. Наконецъ, въ ночь на 24 августа измѣна открыла имъ Саларскія ворота: послѣ первыхъ тѣсныхъ улицъ позади стѣны запылали въ огнѣ и сады Саллустія съ ихъ блестящими дворцами. Затѣмъ напирающія полчища посыпались изъ одной части города въ другую, избивая и грабя населеніе, всюду только думая о томъ, какъ бы схватить самое драгоцѣнное, и нигдѣ не находя и слѣда серьёзнаго сопротивленія. Если-бъ Ганнибалъ нѣкогда завоевалъ городъ, о какой геройской, самоотверженной борьбѣ за семью и очагъ, за храмы и святыни повѣствовала-бы тогда исторія! Римъ пятаго столѣтія послѣ Р. Хр. нравственно умеръ еще раньше, чѣмъ палъ, поэтому его паденіе не озарено ни единымъ лучомъ геройства. Мы слышимъ только объ отдѣльныхъ примѣрахъ милосердія и христіанской покорности. Одинъ готскій воинъ проникъ въ домъ, въ которомъ слабая дѣвушка стерегла большія сокровища въ видѣ чудной церковной утвари изъ золота, съ драгоцѣнными камнями. Варваръ уже протянулъ было руку за блестящими драгоцѣнностями, когда дѣвушка крикнула ему, что это собственность Св. Петра и что послѣдній съумѣетъ охранить свое имущество. Готъ въ смущеніи отступаетъ и доноситъ о находкѣ своему королю. Послѣдній велитъ своимъ тѣлохранителямъ перевести всѣ церковныя сокровища вмѣстѣ съ храброй караульщицей въ церковь Петра. Ихъ шествіе туда становится настоящей процессіей, къ нему присоединяются бѣглецы-христіане всякаго возраста и пола, и, такимъ образомъ, посреди пожаровъ, развалинъ и грабежа торжествуетъ сила христіанской религіи. Спустя три дня, согласно предположенію, Аларихъ выступилъ изъ Рима въ Кампанію. Но короткаго срока было достаточно для того, чтобы собрать не только несмѣтно драгоцѣнную добычу, но и самыхъ цѣнныхъ плѣнныхъ. Среди нихъ была Плацидія, родная сестра Гонорія.

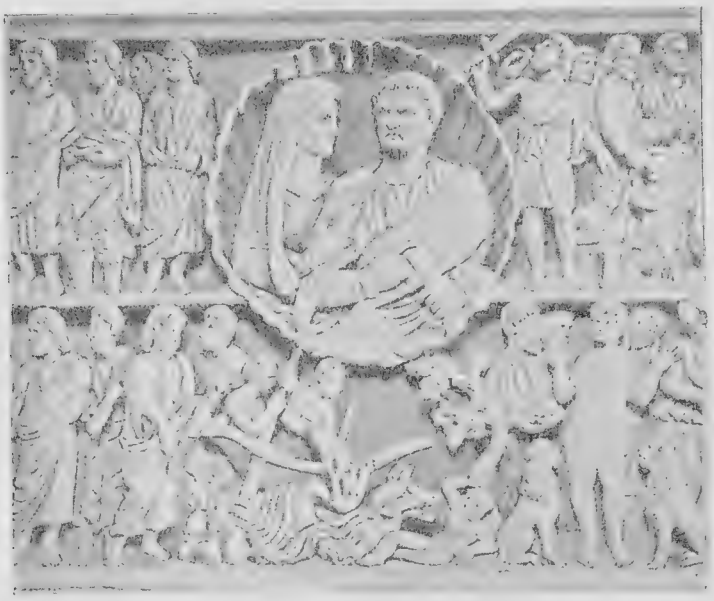
Впечатлѣніе паденія Рима. Десять другихъ городовъ древняго міра, одной величины съ Римомъ, одновременно могли бы попасть въ руки варваровъ, и все-таки это не произвело бы того ошеломляющаго и смущающаго впечатлѣнія на весь міръ, какое произвело паденіе этого города. Нравственный порядокъ міра, священнымъ средоточіемъ котораго считался Римъ, казался нарушеннымъ, самый міръ, повидимому, былъ вышибленъ изъ колеи. Ученый и набожный Іеронимъ, составлявшій въ то время объясненія къ Священному Писанію, пишетъ подъ впечатлѣніемъ страшной вѣсти: „Кто могъ бы думать, чтобы Римъ, построенный изъ военной добычи вселенной, рушился, и чтобы городъ этотъ сталъ одновременно и колыбелью, и могилой своихъ народовъ? А теперь бѣглыя служанки изъ Рима наполняютъ всѣ берега, и даже въ нашемъ тихомъ Виѳлеемѣ ищутъ себѣ убѣжища знатныя римскія жены".

Правда, раздавались и другіе голоса: отецъ церкви Августинъ видѣлъ въ этомъ несчастіи кару Божію, заслуженную упорной приверженностью римлянъ къ язычеству; онъ могъ даже высказать мысль, что нѣкогда не будетъ Римской имперіи, а что, напротивъ, на мѣсто всякой свѣтской власти станетъ „царство Божіе на землѣ". Такія мысли содержитъ его знаменитая книга „De civitate Dei" („О государствѣ Божіемъ").

Мало-по-малу Римъ оправился отъ ужаса, бѣглецы вернулись обратно, а имѣвшихся еще средствъ было достаточно для уничтоженія слѣдовъ пожара. Но все-таки воспоминаніе о готскомъ разгромѣ нельзя было изгладить: ореолъ неприступности и не подчиненности обыкновенной человѣческой судьбѣ безвозвратно исчезъ.

Конецъ Алариха. Отступленіе готовъ изъ Италіи. Изъ Лаціума Аларихъ направился въ богатую и плодоносную Кампанію. Капуя и Нола были завоеваны, да, кромѣ того, роскошныя мѣста купаній на Неаполитанскомъ заливѣ и великолѣпныя виллы сановниковъ представили готскому войску широкую возможность отдохнуть отъ тягостей войны, какъ это сдѣлали нѣкогда воины Ганнибала, съ тою только разницей, что готы могли въ полной безопасности предаваться всѣмъ наслажденіямъ, тогда какъ пунійцы каждый день должны были быть готовы къ самымъ серьёзнымъ боямъ съ геройскими римлянами. Но вскорѣ король занялся новымъ пла-

номъ: онъ задумалъ завоевать Африку—житницу Италіи. Между тѣмъ попытка переправиться въ Сицилію не удалась, и вскорѣ затѣмъ Аларихъ умеръ, имѣя лишь 34 года отъ роду. Воины похоронили его вблизи Консентіи (н. Козенцы), въ руслѣ отведенной



Христіанскій саркофагъ, въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

Медальонъ съ изображеніемъ знатной христіанской четы супруговъ, кости которыхъ покоились въ саркофагѣ, окруженъ группами, въ которыхъ Христосъ изображенъ побѣждающимъ голодъ, козни враговъ и смерть: слѣва, наверху, представлено насыщеніе 5000, справа—спасеніе младенца Христа отъ Виѳлеемскаго избіенія младенцевъ, а внизу—побѣды Спасителя, въ образѣ Орфея, надъ недугами и даже надъ смертью (Цербером) посредствомъ слова и даровъ (хлѣба и вина). Поэтому-то къ нему стекаются люди, мудрые и сильные (свитки рукописные), но также и колонъ (плугъ) и рабъ.

предварительно рѣки Бузенто, со многими сокровищами, и убили затѣмъ всѣхъ рабовъ, знавшихъ мѣсто его могилы. А въ преемники ему они избрали его зятя Атаульфа, человѣка одинаковой съ нимъ храбрости, но болѣе кроткаго нрава и съ еще большимъ уваженіемъ къ превосходству римской образованности. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Гонеріемъ онъ согласился поступить на службу къ императору и по его порученію отвоевать обратно для Западной имперіи Галлію, которая все еще опусто-

шалась бродячими германскими полчищами и потрясалась контръимператорами. Такимъ образомъ, весной 412 г. онъ выступилъ изъ Италіи въ южную Галлію, взявъ съ собой въ видѣ залога договора сестру Гонорія Плацидію, которая пользовалась царскими почестями, и сочетался съ ней, по римскому обычаю, бракомъ въ январѣ 414 г. въ Нарбонѣ. При этомъ дочь Ѳеодосія сидѣла на золотомъ тронѣ, и пятьдесятъ одѣтыхъ въ пурпуръ готскихъ юношей поднесли ей самые чудные камни и драгоцѣнности въ ста золотыхъ чашахъ: разумѣется, бо́льшая часть изъ нихъ находилась въ казнѣ готскаго короля со времени разграбленія Рима. Этотъ бракъ казался современникамъ многозначительнымъ символомъ союза германской силы съ римскимъ образованіемъ. Гонорій, конечно, видѣлъ въ немъ только позоръ для своего дома.

Превращеніе Рима въ христіанскій городъ. Римскій епископъ. Когда Гонорій въ 417 г. снова прибылъ изъ Равенны въ Римъ, онъ нашелъ слѣды готскаго разграбленія почти уничтоженными; онъ пожертвовалъ нѣкоторую сумму денегъ на возстановленіе сильно еще попорченнаго театра Помпея. Но все-таки Римъ въ возстановленномъ своемъ видѣ не совсѣмъ походилъ на древній Римъ; чѣмъ болѣе городъ утратилъ свѣтскаго величія, тѣмъ болѣе въ немъ получила значенія церковь, и уже тогда мало-по-малу перемѣнился и внѣшній характеръ города. Еще въ 408 г. эдиктомъ Гонорія и Ѳеодосія II было постановлено, чтобы всѣ владѣнія и всѣ доходы языческихъ храмовъ перешли къ государству; вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратились и языческія празднества, на которыя теперь не было и денежныхъ средствъ. Въ тоже время изъ храмовыхъ целлъ (cellae) были взяты статуи боговъ, храмы были закрыты и объявлены собственностью государства. Къ этому, нѣсколько десятилѣтій спустя, присоединился приказъ, чтобы не поврежденные еще святилища и храмы „были очищены водруженіемъ знака святой христіанской религіи“. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени не мало языческихъ храмовъ было обращено въ христіанскія церкви. При этомъ оставлялись старыя надписи и даже языческія изваянія на фризахъ. Но, кромѣ того, къ древне-христіанскимъ почтеннымъ базиликамъ св. Петра, св. Павла, св. Климента, св. Маріи въ Трастеверѣ присоединялись все болѣе и болѣе многочисленныя и великолѣпныя

новыя церкви, увеличивавшія славу епископа римскаго. Хотя до середины V вѣка ни одинъ изъ этихъ „преемниковъ Петра“ не получилъ историческаго значенія въ свѣтскихъ спорахъ, все-таки для нихъ „очень было выгодно то, что ихъ церковь считалась на Западѣ единственной апостольской церковью, и поэтому за ней здѣсь уже очень рано признано было преимущество. Римскій епископъ еще въ V вѣкѣ началъ оказывать большое вліяніе на самый городъ; это вліяніе было, однако, не только духовнаго или нравственнаго характера, но и практическаго, благодаря безчисленнымъ связямъ церкви со всей остальной гражданской жизнью. Отсутствіе императора изъ Рима усиливало чувство благоговѣнія къ освященной вѣрою особѣ римскаго верховнаго священнослужителя, и все возраставшее стѣсненное положеніе римлянъ заставляло видѣть въ немъ самомъ единственнаго защитника и отца города“.

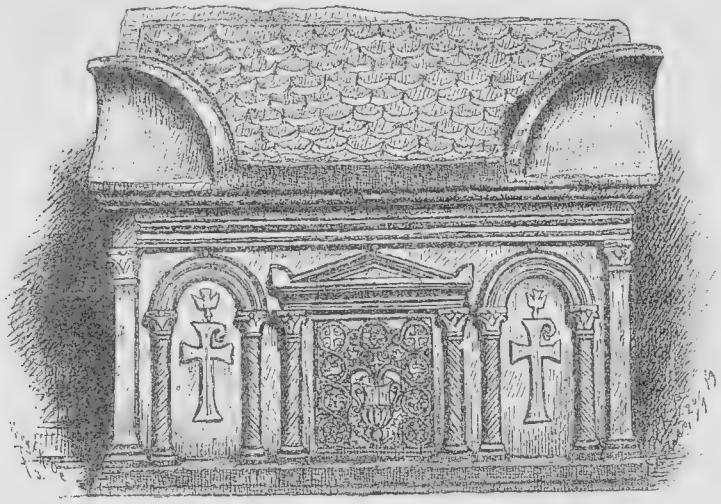
ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА НА РИМСКОЙ ПОЧВѢ.

Вандалы, аланы и свевы въ Испаніи. Тѣмъ временемъ исполнилась и судьба Испаніи (стр. 497). Геронтій, полководецъ Константа, по небрежности ли своей, или вслѣдствіе измѣны сталъ виной того, что тщательно до этого охранявшіеся Пиринейскіе проходы открылись въ 409 г. напи-

Плѣнные аланы.

Рѣзьба изъ слоновой кости на консульскомъ диптихѣ конца IV или начала V вѣка, изображающая плѣнныя народности изъ первыхъ временъ переселенія народовъ. Въ настоящее время служитъ переплетомъ одной священной книги въ Гальберштадскомъ соборѣ.

равшимъ изъ Галліи вандаламъ, аланамъ и свевамъ. Теперь въ этой хорошо воздѣланной и богатой странѣ повторились всѣ тѣ ужасы, отъ которыхъ прежде страдала Галлія: лишь нѣкоторые изъ большихъ укрѣпленныхъ городовъ выступали подобно островкамъ послѣ общаго грабежа и опустошенія. Наконецъ, въ 411 г. германскія полчища бросили жребій надъ завоеванной страной. Согласно жребію, силингскіе (силезскіе) вандалы получили Бетику, страну у Гвадалквивира, которая по нимъ до сихъ



Саркофагъ Атаульфа въ основанной имъ церкви св. Лаврентія въ Миланѣ.

поръ называется Андалузіей, аланы заняли Лузитанію, нынѣшнюю Португалію, а свевы съ асдингскими вандалами поселились на сѣверо-западѣ, въ Галиціи. Средняя и сѣверо-восточная Испанія оставались еще подъ управленіемъ римскихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи асдингскіе вандалы, тѣснимые вестготами, соединились со своими единоплеменниками на югѣ, да и аланское государство послѣ короткаго существованія растворилось въ вандальскомъ.

Основаніе Вестготскаго царства въ Галліи и Испаніи. Несмотря на удаленіе вандаловъ, алановъ и свевовъ изъ Галліи, эта измученная страна все-таки не могла успокоиться, такъ какъ въ ней выступали все новые узурпаторы императорской власти. Лишь

Атаульфъ, появившійся съ вестготами (стр. 504) въ 412 г. въ южной Галліи, одолѣлъ контръ-императоровъ Іовина и Себастіана и отослалъ ихъ головы въ Равенну. Но когда Гонорій, несмотря на такіе подвиги, не хотѣлъ признать его мужемъ своей сестры и совершенно отрѣзалъ его отъ подвоза провіанта, Атаульфъ еще осенью 414 г., подъ давленіемъ нужды, перешелъ черезъ Пиринеи, занялъ Тарраконскую Испанію, страну по рѣкѣ Эбро, и завоевалъ Барцелону. Но здѣсь онъ былъ убитъ въ іюлѣ 415 года, ставъ жертвой германской кровавой мести. Затѣмъ королемъ вестготовъ сдѣлался Валлія (415—419). Послѣдній возстановилъ миръ съ Равенной, выдавъ Гонорію вдову Атаульфа, Плацидію и обѣщавъ открыть борьбу съ вандалами, аланами и свевами въ Испаніи. Затѣмъ по договору съ Гоноріемъ вестготамъ были отведены для жительства три провинціи въ юго-западной Галліи: Аквитанія Секунда съ Бурдигалой (н. Бордо), Новемпопулона (н. Гасконь) и западъ Нарбонской Галліи съ главнымъ городомъ Толозой (н. Тулузой). Здѣсь-то и зажили вестготы номинально подъ римскимъ верховенствомъ, а въ дѣйствительности самостоятельными хозяевами страны, подъ властью собственныхъ королей и по собственнымъ вестготскимъ законамъ. Римляне этой страны жили, лишенные только права ношенія оружія, по римскимъ законамъ и подъ начальствомъ римскихъ чиновниковъ, но каждый римскій землевладѣлецъ долженъ былъ уступить двѣ трети своей земли готу.

Золотая монета Плацидіи.

По смерти Валліи готы подняли на щитъ Теодориха I (419—451); за нимъ слѣдовали Торисмундъ (451—453), Теодорихъ II (453—466) и Эврихъ (466—484). Въ особенности Эврихъ расширилъ вестготское царство далеко за первоначальныя его границы: онъ завоевалъ всю Испанію, изъ которой вандалы ушли уже въ 429 г., за исключеніемъ Галиціи, гдѣ пока еще держалось свевское государство; да и въ Галліи, послѣ завоеванія Арелата и Марсели, онъ проникъ на западъ до нижней Роны и на сѣверъ до Луары. Только къ сѣверу отъ Луары по обѣимъ

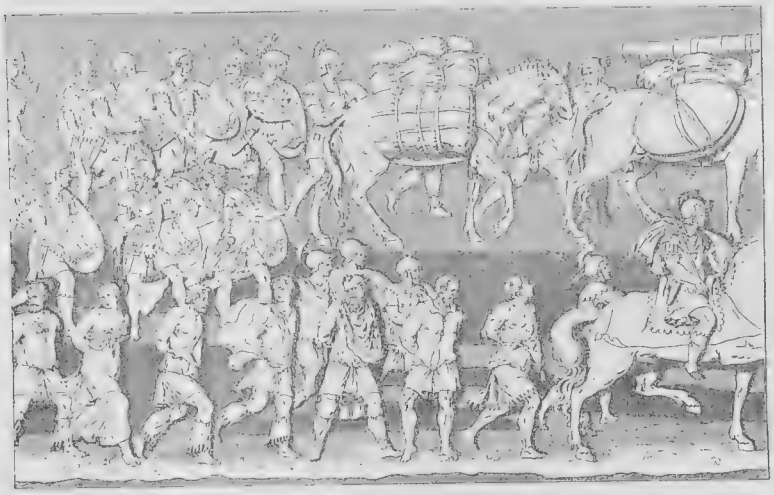
сторонамъ Сены до франкской границы держались римское право и римское управленіе подъ начальствомъ Сіагрія.

Ѳеодосій II (408 — 450) и Валентиніанъ III (425 — 455). Бонифацій и Аэтій. 15 августа 423 г. умеръ императоръ Гонорій, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ и вообще не распорядившись престолонаслѣдіемъ. Правда, по возвращеніи изъ Галліи своей сестры Плацидіи, вдовы Атаульфа, онъ заставилъ ее выйти замужъ за своего полководца Констанція, и отъ этого брака родилось двое дѣтей—Валентиніанъ и Гонорія; но Плацидія, вслѣдствіе разлада съ братомъ, по смерти Констанція отправилась съ дѣтьми въ Константинополь. Тамъ правила отъ имени слабаго Ѳеодосія II его набожная и разсудительная сестра Пульхерія. Она дала своему брату въ 421 г. въ лицѣ своей придворной дамы Евдоксіи, дочери языческаго философа Леонтія, высокообразованную красавицу-супругу. Но отъ этого брака родилась только дочь, носившая одно имя съ матерью, а Евдоксія впослѣдствіи (444 г.) была обвинена въ измѣнѣ и сослана въ Іерусалимъ. Впрочемъ, правленіе Пульхеріи было полно достоинства и успѣха. Новоперсидское царство Сассанидовъ было побѣждено въ большой войнѣ и въ 422 г. принуждено къ „столѣтнему“ миру. Только противъ гунновъ на сѣверной границѣ имперіи правительство оказывалось безоружнымъ. Но въ 425 г. въ Константинополѣ былъ учрежденъ христіанскій университетъ, и для изученія права при этомъ университетѣ разсѣянные императорскіе эдикты были собраны въ Codex Theodosianus (опубликованъ въ 438 г.), предшественникѣ Codex Justinianeus.

Золотая монета императрицы Евдоксіи.

Когда въ августѣ 423 г. въ Византію пришла вѣсть о смерти Гонорія и одновременно съ нею стало извѣстно, что Іоаннъ, завѣдывающій имперской канцеляріей въ Равеннѣ, облекся въ порфиру, Ѳеодосій отправилъ своего полководца, гота Аспара, съ войскомъ въ Равенну. Послѣдній одолѣлъ узурпатора, привелъ Плацидію съ ея дѣтьми въ Римъ, и тамъ шестилѣтній Валентиніанъ III получилъ изъ рукъ восточно-римскаго уполномоченнаго знаки своего сана, какъ августа Запада. Въ качествѣ опекунши мальчика теперь стала править Плацидія, но не съ такой силой характера, какъ Пульхерія на Востокѣ. Два лица, храб-

рыхъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ и свѣдущихъ въ дѣлахъ, могли бы быть опорами западнаго трона; но Плацидія не умѣла управлять сильными умами, разжигать ихъ взаимное соревнованіе на службѣ государства: она колебалась и старалась кротостью достигнуть цѣли тамъ, гдѣ нужна была сила и рѣшительность. Бонифацій, намѣстникъ Африки, остался вѣрнымъ императорскому дому, когда вышеупомянутый Іоаннъ захватилъ императорскій вѣнецъ. Его соперникъ Аэтій, со стороны отца



Плѣнные готы въ тріумфальномъ шествіи Ѳеодосія. Рельефъ колонны Ѳеодосія, сооруженной въ Константинополѣ императоромъ Аркадіемъ въ 401 году и снесенной въ 1695.

бывшій германскаго происхожденія, примкнулъ, напротивъ, къ повстанцамъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей ловкости, онъ не только получилъ прощеніе отъ Плацидіи, но и достигъ ея довѣрія, которымъ и злоупотреблялъ для сверженія Бонифація, своего соперника. Бонифацій въ концѣ концовъ попалъ въ такое стѣсненное положеніе, что задумалъ принять на свою службу одну германскую народность, и для этого завязалъ сношенія съ вандалами въ Испаніи. Это привело къ потерѣ Африки, послѣдней еще уцѣлѣвшей провинціи Западной имперіи.

Государство вандаловъ въ Африкѣ. Вандалы въ Испаніи тѣмъ временемъ были сильно стѣснены вестготами и свевами. Уже

давно они бросали жадные взоры на противолежащую Африку. Теперь, повидимому, насталъ моментъ для дѣйствія. Подъ начальствомъ своего короля Гейзериха (Гензериха, 427—477) они высадились въ 429 г., въ числѣ 80,000 человѣкъ, изъ нихъ 20,000 бойцовъ, на африканскомъ побережьи. Гейзерихъ не отличался богатырской красотой — онъ хромалъ вслѣдствіе одного паденія — но онъ былъ воиномъ отчаянно отважнымъ, при этомъ умнымъ и хитрымъ. Не обращая вниманія на заключенный договоръ, онъ тотчасъ-же началъ на свой страхъ завоевывать и грабить страну, и когда Бонифацій теперь выступилъ противъ него въ походъ, то онъ былъ разбитъ и осажденъ въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ въ городѣ Hippo Regius. Во время этой осады умеръ епископъ города, достопочтенный отецъ церкви Августинъ. Затѣмъ Бонифацію удалось бѣжать въ Италію, помириться съ Плацидіей и вытѣснить Аэтія. Въ битвѣ при Аримини (423 г.) онъ остался побѣдителемъ, но вскорѣ затѣмъ умеръ отъ раны, такъ что Аэтій, уже бѣжавшій къ гуннамъ, вернулся въ имперію и снова занялъ руководящее положеніе. Тѣмъ временемъ вандалы захватили всю провинцію Африку и Нумидію; поэтому Аэтію, который не могъ обойтись безъ ввоза африканскаго хлѣба въ Италію, не оставалось ничего иного, какъ заключить съ ними въ 435 г. Гиппонскій миръ. Гейзерихъ не удовольствовался, однако, уже пріобрѣтеннымъ, но завоевалъ въ 439 г. и богатый Карѳагенъ, который теперь сталъ резиденціей вандальскихъ королей. О полюбовномъ соглашеніи съ римскими землевладѣльцами, при насильственномъ правѣ народа, не было и рѣчи: собственники крупныхъ помѣстныхъ округовъ (saltus) просто изгонялись и замѣнялись знатными вандалами. Другіе вандальскіе воины завладѣли красивѣйшими домами многочисленныхъ городовъ. Низшій народъ, романы и берберы, изъ которыхъ состояло населеніе, замѣтилъ перемѣну господства только по сократившимся податямъ и этимъ былъ доволенъ. Такимъ образомъ, вандальское войско управляло африканскими провинціями въ качествѣ воинственной знати, не пуская, однако, никакихъ крѣпкихъ корней.

Франки, алеманны и бургунды. Аэтій, такимъ образомъ, попалъ въ желанное положеніе, въ которомъ могъ развернуть свою могучую силу. Призрачному императору онъ позволялъ предаваться

покою въ Равеннѣ; его геній проникалъ одряхлѣвшій государственный организмъ, поскольку послѣдній еще существовалъ; онъ охранялъ остававшіеся члены мечемъ и щитомъ. Будучи лишь средняго роста и стройнаго тѣлосложенія, онъ, однако, въ пылу схватки выказывалъ силу и ловкость въ управленіи оружіемъ, предъ которой не могъ устоять ни одинъ противникъ. Выстроивъ съ искусствомъ полководца отряды своего войска, онъ появлялся то тутъ, то тамъ, смотря потому, гдѣ колебалась побѣда. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не всюду могъ помочь. Главное его вниманіе было обращено на то, чтобы сохранить за имперіей Галлію, поскольку она не принадлежала, согласно договору, вестготамъ. Онъ принудилъ населеніе Арморики, которое въ значительной части было еще кельтскимъ и среди бѣдствій времени само назначило себѣ правительство, снова повиноваться императору. Труднѣе была его борьба въ прирейнскихъ областяхъ. Онъ долженъ былъ допустить, чтобы салическіе франки заняли всю страну отъ устья Рейна до Соммы и чтобы рипуарскіе франки распространились отъ Майнца и Кёльна на западъ до Мааса. И алеманны удержали за собой территорію отъ истоковъ Рейна и Боденскаго озера къ сѣверу за Страсбургъ и бо́льшую часть Эльзаса. Только противъ государства бургундовъ, образовавшагося между Шпейеромъ, Вормсомъ и Майнцомъ (стр. 455), у него при помощи гуннскихъ ордъ удался успѣшный походъ, причемъ онъ въ 437 г. такъ рѣшительно разбилъ ихъ короля Гунтахари, что они добровольно отказались отъ этой области и съ его разрѣшенія поселились въ Сабавдіи (Савойѣ). Эти битвы отразились въ нѣмецкой Пѣснѣ о Нибелунгахъ. Бургунды же съ теченіемъ времени расширили свое новое государство до нижней Роны.

Англы и саксы въ Британіи (449). Совершенно уже безсиленъ былъ Аэтій по отношенію къ римской Британіи, изъ которой около 418 г. удалились послѣднія римскія войска. Тщетно римскіе жители этой страны и кельтскіе еще бриты жаловались Аэтію на свои бѣдствія. Онъ указывалъ имъ на ихъ собственныя силы. Но для обороны отъ напиравшихъ съ сѣвера кельтскихъ пиктовъ и скотовъ недоставало общаго предпріятія отдѣльныхъ колѣнъ и городскихъ общинъ. Наконецъ, самый видный изъ британскихъ вождей, богачъ Вортигернъ, который тщетно пытался остановить враговъ, доходившихъ до самой Темзы

и до Северна, обратился, какъ разсказываетъ сага, съ просьбой о помощи къ германскимъ морскимъ королямъ Генгисту и Горсѣ. Оба они съ ютскими (ютландскими) ратниками стояли у устья Темзы и за уступку острова Тапета были готовы помочь. Они пристали со своими тремя кораблями къ берегу и стали во главѣ британскаго ополченія. Предъ ихъ копьями и боевыми топорами не устояли непріятельскія орды. Вернувшись послѣ побѣдоносныхъ битвъ, герои справили веселый пиръ. Во время пира красавица Ровена, сестра Генгиста, съ ласковымъ привѣтомъ подала Вортигерну кубокъ и возбудила въ его душѣ страстное желаніе сдѣлать благородную дѣвушку своею женой. За ея руку онъ предложилъ товарищу по оружію свои богатыя владѣнія въ Кентѣ, и ему удалось стать счастливымъ мужемъ красавицы. Однако, согласіе между британами и германскими пиратами было непродолжительно. Какъ только распространился слухъ объ успѣхахъ первыхъ поселенцевъ, многочисленныя германскія флотиліи вышли въ море, чтобы принять участіе въ борьбѣ и добычѣ. Юты, англы, саксы, фризы и другія прибрежныя народности, принадлежавшія всѣ къ большому саксонскому племени, высадились на сѣверѣ и югѣ Британскаго острова. Среди убійственныхъ сраженій они отогнали пиктовъ и скотовъ въ глушь горъ; но они потребовали за свои услуги не денегъ, а постоянныхъ земельныхъ владѣній. Когда князья и города страны отказали въ этомъ, то возгорѣлась война. Послѣ первыхъ пораженій бриты воспрянули духомъ. Они скоро доказали, что не были изнѣжены, подобно обитателямъ Галліи и Италіи; они бились достойно своихъ предковъ, съ большой отвагой и часто съ побѣдоноснымъ успѣхомъ. Но свѣжая сила саксовъ, ихъ презрѣніе къ смерти—среди ужасовъ схватки они думали узрѣть валькирій—въ концѣ концовъ взяли верхъ. Бриты, не склонившіеся подъ иго крѣпостничества, частью выселились въ Арморику, частью продолжали отстаивать свою независимость въ горахъ Уэльса.

Въ извѣстіяхъ о первыхъ поселеніяхъ англо-саксовъ въ Британіи многое относится къ области сказаній, да и переселеніе германцевъ въ Англію происходило уже съ III вѣка. Однако, завоеваніе Британіи, введеніе саксонскаго языка, простыхъ законовъ, приноровленныхъ къ свободолюбивому народному самосознанію, являются историческими фактами. Завоевателями былъ

основанъ рядъ мелкихъ королевствъ, рядомъ съ правителями стояло вѣче, собраніе общины (фолькмотъ), на мѣсто котораго скоро стало собраніе мудрыхъ (виттенагемотъ). Свободный человѣкъ судился только своимъ-же братомъ—свободнымъ, судьями своего сословія, а не по произволу властителей. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ ни въ одной другой странѣ, государственныя и законныя установленія носили настоящій германскій отпечатокъ.

АЭТІЙ И ГУННЫ.

Возникновеніе гунскаго государства. Гунны (стр. 513) по разрушеніи остготскаго государства (375 г.) разбили свои подвижныя становища въ обширныхъ степяхъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, въ областяхъ рѣкъ Днѣпра и Днѣстра, и оттуда мало-по-малу подвинулись въ равнину къ сѣверу отъ нижняго Дуная. Затѣмъ они продолжительное время мало выступали на сцену событій, такъ какъ ихъ силы раздробились на отдѣльныя кочевыя орды. Зато они мало-по-малу утратили немалую часть своей почти животной дикости и въ сношеніяхъ съ покоренными или сосѣдними племенами частью приняли ихъ культуру и нравы. Объединеніе отдѣльныхъ гунскихъ племенъ и покоренныхъ ими народностей началось только при царѣ Ругиласѣ (около 402 г.). Послѣдній разбилъ свой станъ въ Панноніи (Венгріи). Его расположенія домогались дворы Константинопольскій и Равеннскій. Онъ же съ политической хитростью извлекалъ выгоду изъ этихъ заискиваній и словомъ и мечомъ вымогалъ себѣ земли и дань.

Аттила (433—453). Когда Ругиласъ умеръ (433 г.), власть перешла къ его племянникамъ—Аттилѣ и Бледѣ (Блёделю), сыновьямъ воинственнаго Мундцука. Бледа вскорѣ былъ устраненъ своимъ насильственнымъ братомъ, которому, какъ онъ утверждалъ и какъ вѣрила толпа, Богъ брани даровалъ побѣдоносный мечъ. Еще подъ знаменемъ своего дяди онъ наводилъ ужасъ своей дикой храбростью; теперь онъ добился повышенія дани отъ запуганнаго императора Ѳеодосія II. Изъ-за разстройства торговыхъ сношеній вскорѣ начались новые споры, которые усердно разду-

валъ вандалъ Гейзерихъ, которому одинаково угрожалъ и Западный и Восточный Римъ. Тогда явился Аттила во главѣ своихъ ордъ. Неприступная крѣпость Маргъ пала вслѣдствіе измѣны, другія твердыни имперіи отъ Дуная до Балканскихъ горъ погибли при страшномъ набѣгѣ гунновъ, прежде чѣмъ восточно-римскія войска могли собраться изъ провинцій. Когда, наконецъ, имперскія силы двинулись въ походъ, онѣ и днемъ, и ночью подвергались нападеніямъ безчисленныхъ дерзкихъ полчищъ наѣздниковъ; когда войско въ лагерѣ или въ горахъ занимало укрѣпленную позицію, оно подвергалось опасности быть обойденнымъ, отрѣзаннымъ или прямо-таки осажденнымъ. Во время похода оно должно было прокладывать себѣ путь постоянными кровопролитными сраженіями. Такимъ образомъ, оно вынуждено было отступить во ѳракійскій Херсонесъ, гдѣ совершенно было разсѣяно въ одномъ большомъ сраженіи (447 г.). Теперь ужасы опустошенія распространились на всѣ страны до Ѳессаліи и Эллады. Семьдесятъ городовъ превратились въ груды развалинъ; варвары угоняли съ собой толпы плѣнныхъ, ученыхъ, высокопоставленныхъ людей, священниковъ, женщинъ и дѣтей. Даже Царьградъ, стѣны котораго повреждены были землетрясеніемъ, подвергся опасности стать добычей степныхъ ордъ.

Ничего не оставалось, какъ завязать переговоры со страшнымъ завоевателемъ и согласиться на всѣ его требованія. Аттила получилъ 6,000 фунтовъ золота, въ видѣ военнаго вознагражденія, 2,100 фунтовъ ежегодной дани, территоріальныя владѣнія на правомъ берегу Дуная до города Наисса, и, что было самымъ позорнымъ, ему должны были быть выданы всѣ перебѣжчики и бѣглецы (448 г.). Тѣмъ временемъ Аттила, частью вооруженной силой, частью посредствомъ переговоровъ покорилъ себѣ или заставилъ слѣдовать за собой въ походъ много германскихъ, сарматскихъ и славянскихъ племенъ. Его могущество простиралось до береговъ Балтійскаго моря и до его острововъ, а на востокѣ верховенство могучаго великаго царя признавалось родственными пастушескими племенами центральной Азіи вплоть до границъ Китая. Наравнѣ съ знатнѣйшими вождями у него большимъ почетомъ пользовались князья-братья Валамиръ, Теодемиръ и Видемиръ, вожди остготовъ, и храбрый король гепидовъ Ардарихъ. Они засѣдали въ совѣтѣ верховнаго

вождя и бились за него. Также лангобарды, скиры, ругіи, тюринги и часть алеманновъ и франковъ также находились въ союзной зависимости отъ гунновъ. Аттила съ гордостью взиралъ на народы, которые всѣ были обязаны слѣдовать за нимъ въ походъ, когда онъ обнажалъ мечъ. Они повиновались его призыву; его гонцы на быстрыхъ коняхъ облетали страны, напоминая народамъ-войскамъ и ихъ вождямъ объ ихъ обязанности. Міръ трепеталъ предъ его гнѣвомъ; но еще не знали, куда онъ обратится, низвергнетъ ли онъ Западный тронъ, или похоронитъ константинопольскій царскій престолъ подъ развалинами столицы.

Аэтій.
Рельефъ на диптихѣ изъ слоновой кости.

Походъ Аттилы на Западную имперію. Въ это время въ Восточной имперіи умеръ Ѳеодосій II вслѣдствіе паденія съ лошади во время охоты. Пульхерія провозглашена была августой, но она была достаточно умна, чтобы, по желанію войска, взять себѣ въ мужья сенатора Марціана (450—457) и признать его рядомъ съ собой августомъ. Марціанъ отказался платить Аттилѣ обычную дань, дерзко заявивъ ему, что для друзей имѣются подарки, для враговъ оружіе. Изъ-за этого въ Восточной имперіи уже ждали новаго набѣга гунновъ, когда случай далъ гнѣву и воинственности ихъ царя другое направленіе. Въ Западной имперіи у Плацидіи, кромѣ слабаго сына, Валентиніана III, имѣлась еще красавица-дочь, по имени Гонорія. Для того, чтобы она не стала опасна своей матери, выйдя за кого-нибудь замужъ, она воспитана была для духовнаго званія; когда же она, тѣмъ не менѣе, вступила въ любовную связь съ однимъ камергеромъ, то

была сослана въ Константинополь. Но полная упрямства Гонорія изъ ссылки предложила черезъ тайнаго посланца свою руку могучему гунскому царю и послала ему въ видѣ залога перстень. Основываясь на этомъ, Аттила потребовалъ отъ Западной имперіи выдачи своей невѣсты и вмѣстѣ съ ней значительной территоріи въ приданое. Когда равеннскій дворъ отказался исполнить эти требованія, разстроилось согласіе между римлянами и гуннами, которое до этого съ трудомъ поддерживалъ Аэтій, и Аттила въ 450 г. приказалъ итти въ походъ противъ Западной имперіи. Теперь изъ Венгріи по высотамъ и долинамъ Германіи устремились народныя ополченія гупновъ, остготовъ, гепидовъ, ругіевъ, геруловъ, усиленныя ордами дикихъ наѣздниковъ изъ Азіи. Съ балтійскаго побережья, изъ Тюрингіи, изъ Герцинскихъ горъ къ нимъ стекались новыя полчища, такъ что необозримая рать покрывала весь горизонтъ на громадномъ пространствѣ. Волны рѣки Рейна, казалось, ставили предѣлы походу; однако, сотни тысячъ воиновъ стали срубать деревья ближайшаго лѣса и тотчасъ-же мастерить изъ нихъ лодки, челноки и плоты. Весной 451 г. полчища въ разныхъ мѣстахъ переправились черезъ Рейнъ; въ субботу передъ Пасхой (6 апрѣля) онѣ штурмовали и сожгли Мецъ, такъ что уцѣлѣла лишь часовня святого Стефана; Парижъ спасенъ былъ только заступничествомъ.

Тѣмъ временемъ Аэтій усиленно производилъ вооруженія и притомъ не только снаряжалъ боевыя силы собственно своей сферы власти, но и полчища тѣхъ германскихъ племенъ, которыя обратились въ христіанство. По счастливому случаю, какъ разъ теперь между вандалами и вестготами царила ожесточенная вражда изъ-за вестготской королевны, которую Гейзерихъ, по ложнымъ обвиненіямъ, изуродованную отослалъ домой. Такимъ образомъ, ловкому магистру войска Западной имперіи удалось привлечь на свою сторону престарѣлаго вестготскаго короля Теодориха I со всѣмъ его народомъ. Затѣмъ былъ принужденъ примкнуть вождь алановъ Сангипанъ, сидѣвшій на средней Луарѣ, да и бургунды, части франковъ, бреоновъ изъ Тироля, арморикъ стояли на сторонѣ Аэтія. Съ обѣихъ сторонъ числилось около полумилліона бойцовъ, и можно сказать, что тогда гунскій и язычески-германскій міръ выступилъ на борьбу противъ римскаго и христіанско-германскаго міра: отъ побѣды

одной изъ этихъ сторонъ зависѣла судьба Европы на много вѣковъ.

Битва на Каталавнскихъ поляхъ въ іюлѣ 451 г. Аттила уже осаждалъ Орлеанъ, когда поднявшіяся вдалекѣ облака пыли возвѣстили ему о приближеніи Аэтія и союзныхъ съ нимъ народовъ. Такъ какъ лѣсистыя окрестности Орлеана не представляли хорошаго поля брани для конныхъ полчищъ Аттилы, то онъ отступилъ къ Марнѣ и расположился на Каталавнскихъ поляхъ недалеко отъ Труа (около Méry-sur-Seine). Здѣсь въ одинъ іюльскій день, послѣ дурныхъ пророчествъ своихъ гадателей онъ вынужденъ былъ къ бою. Самъ Аттила, во главѣ главныхъ силъ гунновъ, занялъ центръ позиціи противъ ненадежныхъ алановъ; храбрый Ардарихъ съ гепидами, тюрингами и другими племенами командовалъ правымъ крыломъ насупротивъ римлянъ, франковъ и геруловъ, бывшихъ подъ начальствомъ Аэтія; съ лѣвой стороны противъ короля Теодориха, выступали остготы: такимъ образомъ, здѣсь шелъ, такъ сказать, братъ на брата. Возвышенность, господствовавшая надъ мѣстностью, занята была сыномъ вестготскаго короля Торисмундомъ и удержана вопреки всѣмъ нападеніямъ. Такъ-то начался бой конныхъ и пѣшихъ полчищъ, бой кровопролитный, измѣнчивый и упорный, какого—такъ говоритъ одинъ исторіографъ—еще никогда не видали.

Аттила съ разрушительной силой прорвался сквозь центръ непріятеля; на обоихъ крыльяхъ бой бушевалъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Остготскій мечъ сразилъ престарѣлаго Теодориха; схватка продолжалась, кони промчались черезъ павшаго короля. Но храбрый Торисмундъ во-время ударилъ съ возвышенности въ тылъ или флангъ побѣдоносныхъ до этого гунновъ, и вестготы стали напирать съ одной, Аэтій съ другой стороны. Убѣдившись въ пораженіи своихъ ордъ, Аттила собралъ ихъ вокругъ себя и медленно, все еще обращенный фронтомъ къ непріятелю, отступилъ съ поля брани. Оба крыла послѣдовали за этимъ движеніемъ, такъ что съ наступленіемъ ночи пришедшія въ замѣшательство войсковыя массы сошлись у обоза. Смѣлый Торисмундъ тѣснилъ отступающіе эскадроны по пятамъ. Когда же онъ попытался промежъ сдвинутыхъ въ кучу повозокъ ворваться въ лагерь, его сразила непріятельская стрѣла, такъ что онъ упалъ на-земь. Мало обращая вниманія на легкую рану и прикрытый

щитами своихъ дружинниковъ, онъ съ юношеской силой вскочилъ снова на коня. Однако, въ темнотѣ онъ не рѣшился на дальнѣйшее нападеніе, а началъ отступленіе. Побѣдоносные вестготы расположились лагеремъ среди груды труповъ, среди стоновъ раненыхъ и хрипѣнія умирающихъ. Отъ непріятельскаго стана доносился звукъ военныхъ роговъ и вой варваровъ; не знали, былъ ли то знакъ отчаянія или побѣднаго ликованія по поводу пораженія римлянъ, о которыхъ не имѣлось извѣстій. Но вотъ среди ночи прискакалъ вооруженный воинъ; это былъ Аэтій, полководецъ, попавшій, какъ онъ сообщилъ, во время преслѣдованія гунновъ въ середину враговъ и съ трудомъ избѣжавшій смерти.

Когда наступило утро, готы справили тризну надъ убитымъ верховнымъ главой; затѣмъ они подняли Торисмунда на королевскій щитъ, но для возобновленія нападеній на позицію Аттилы они, какъ и другія полчища Аэтія, чувствовали себя слишкомъ слабыми. Гунскій царь тѣмъ временемъ ждалъ, что предпримутъ противники. Рѣшившись на крайнее, онъ думалъ послѣ послѣдней битвы и по истощеніи всѣхъ силъ закончить свой жизненный путь въ пламени костра. Но при данныхъ обстоятельствахъ онъ могъ безпрепятственно удалиться чрезъ Германію въ Паннонію.

Походъ Аттилы на Римъ. Онъ не считалъ себя побѣжденнымъ, но тотчасъ же началъ грандіозныя вооруженія для похода на Италію и на Римъ. Весной 452 г. онъ вторгся въ Италію, возобновляя свои притязанія на руку Гоноріи. Столбы пламени и крики ужаса отмѣчали путь губительнаго набѣга; однако, крѣпкій городъ Аквилея выдерживалъ бурю, бушевавшую вокругъ его стѣнъ. Послѣ трехъ мѣсяцевъ тщетной работы свирѣпый варваръ рѣшился уйти. Но тутъ онъ увидѣлъ, какъ аистъ съ своими птенцами покидалъ свое обезпокоенное гнѣздо въ городѣ. Ему показалось, что вѣщая птица почуяла гибель своего гнѣзда, и онъ сталъ день и ночь производить новые штурмы со свѣжими всегда войсками, пока несчастный городъ не былъ взятъ и сравненъ съ землей. Подобная-же участь постигла Алтинъ, Верону, Мантую, Бергамъ и другіе города. Медіоланъ добровольно покорился варвару-побѣдителю и подвергся только разграбленію, но не разрушенію. Сидя здѣсь на тронѣ въ императорскомъ дворцѣ, вели-

Пиршество гунновъ въ эпоху Аттилы. Одежды, посуда, оружіе и архитектура изображены на основаніи сохранившихся источниковъ.

кій царь отдавалъ свои приказы вождямъ отдѣльныхъ ордъ, распространявшихся по цвѣтущей равнинѣ.

Императоръ Валентиніанъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ угрожаемой Равенны въ Римъ, гдѣ, однако, было еще меньше безопасности, какъ это отлично понималъ Сенатъ. Безоружный городъ не зналъ иного выхода, какъ отправить къ царю варваровъ посольство изъ знатнѣйшихъ мужей. Среди нихъ предъ завоевателемъ предсталъ и епископъ Левъ, по прозванію Великій. Почтенная фигура духовнаго лица, его священническія одѣянія, его рѣчь, исполненная мудрости и серьёзнаго достоинства, произвели глубокое впечатлѣніе на свирѣпаго царя. Къ тому-же, какъ повѣствуетъ легенда, возлѣ епископа виталъ образъ апостола Петра, угрожавшій варварамъ сверкающимъ мечомъ.

Аттила не воспротивился. Онъ заключилъ договоръ, въ силу котораго обязывался, по выдачѣ ему придапаго Гонорін, отступить изъ Италіи. Но онъ присовокупилъ къ этому угрозу, что вернется съ усиленной ратью, если въ слѣдъ ему не пошлютъ царевны Гонорін. Къ уступчивости его побуждали, впрочемъ, и другія основанія. До него дошли вѣсти о волненіяхъ въ странѣ гунновъ. Кромѣ того, среди тѣсно скученныхъ полчищъ стала свирѣпствовать чума. Далѣе, въ Аппенинахъ съ незначительнымъ, но отборнымъ войскомъ его караулилъ опытный въ военномъ дѣлѣ Аэтій, перебившій уже нѣсколько посланныхъ впередъ отрядовъ варваровъ. Если бы полководецъ этотъ соединился съ уже приготовленными вспомогательными силами Восточно-Римской имперіи, то онъ сталъ бы достаточно силенъ для того, чтобы противостать Аттилѣ въ открытомъ полѣ. Такъ какъ Аттила съумѣлъ оцѣнить эти обстоятельства по достоинству, то онъ и вернулся въ Паннонію, со значительной награбленной добычей.

Конецъ Аттилы. Среди огромныхъ вооруженій завоеватель зимой отпраздновалъ свадьбу съ красавицей Ильдико, бургундской дѣвушкой изъ королевскаго рода. Когда онъ, охмелѣвъ, пришелъ со свадебнаго пира въ брачную спальню и тотчасъ-же уснулъ, молодой женщиной овладѣлъ духъ мести. Вспоминая о своемъ раздавленномъ народѣ, о королѣ и представителяхъ знати, кровь которыхъ была пролита гуннами, она убила царя на его ложѣ. Такъ повѣствуетъ сказаніе; гораздо прозаичнѣе представляется другое извѣстіе, по которому предводитель гунновъ умеръ

отъ кровотеченія. Великъ былъ плачъ гунновъ по своемъ царственномъ героѣ. Они похоронили его съ лучшими его сокровищами въ тройномъ гробу изъ золота, серебра и бронзы. Но вскорѣ послѣ его смерти у нихъ начался раздоръ; ибо ни одинъ изъ сыновей его не унаслѣдовалъ духа отца, ни одинъ не смогъ стать на его мѣсто. И германскія племена разорвали узы зависимости. Во главѣ ихъ сталъ Ардарихъ, король гепидовъ, въ жаркой схваткѣ на рѣкѣ Нетадѣ разрушившій своимъ геройскимъ мечомъ силу степныхъ ордъ. Эллакъ, старшій сынъ Аттилы, палъ послѣ храбраго боя; его орды были разсѣяны и почти совсѣмъ уничтожены.

Одинъ изъ его братьевъ, вторгшійся съ бѣжавшими шайками въ Восточно-Римскую имперію, также нашелъ свою гибель, и только Ирнакъ, нѣкогда любимецъ великаго Аттилы, спасся съ обломками племени черезъ Волгу въ далекія степи. Богатства и земельныя владѣнія гуннскаго царя подѣлили между собой побѣдоносные германцы. Отъ Карпатъ до Днѣпра и далѣе къ востоку сталъ со славой царить Ардарихъ со своими гепидами. Къ западу до Иллиріи распространилось могущество остготовъ, которые при царственныхъ братьяхъ Валамирѣ, Теодемирѣ и Видемирѣ, среди побѣдоносныхъ войнъ со своими сосѣдями,—ругіями, скирами, турцилингами и герулами, достигли большого значенія. Далѣе на сѣверъ сидѣли сильные лангобарды. Свевы, соединенные съ алеманнами, господствовали до области центральныхъ Альпъ.

КОНЕЦЪ.

КОНЧИНА Аэтія и Валентиніана III. Какая перемѣна произошла въ Римской имперіи въ шестьдесятъ лѣтъ со времени смерти Ѳеодосія Великаго! Британія, Испанія, Африка были утрачены совершенно, отъ Галліи—большая половина. Внѣшнія укрѣпленія Западной имперіи были уничтожены, только въ Италіи и въ Альпахъ, опоясывавшихъ равнину рѣки По съ сѣвера, еще имѣла силу воля Равеннскаго двора. Но большія пространства Италіи и альпійскихъ странъ были опустошены набѣгами германцевъ и гунновъ, многіе города были

разрушены совершенно или частью. При такомъ бѣдственномъ положеніи всѣ органы имперіи съ удвоеннымъ усердіемъ должны были бы трудиться надъ обезпеченіемъ границъ и надъ возстановленіемъ разрушеннаго; вмѣсто того не было даже необходимаго согласія между императоромъ Валентиніаномъ и магистромъ войска Аэтіемъ. Такимъ образомъ, при враждебномъ сотрудничествѣ толпы придворныхъ интригановъ, могла развиться такая-же трагедія, какая разыгралась между Стиликономъ и Гоноріемъ, съ тою разницей, что на этотъ разъ въ погибель былъ вовлеченъ и неблагодарный монархъ. Аэтій былъ обвиненъ въ томъ, что домогается престола для своего сына Гавдентія, такъ какъ у самого Валентиніана III не было мужского потомства. Самъ императоръ однажды упрекнулъ его въ этомъ, и, когда Аэтій въ сознаніи своей необходимости сталъ смѣло оправдываться, Валентиніанъ собственноручно вонзилъ ему мечъ въ грудь (21 сент. 454 г.). Но онъ самъ 16 марта 455 г. во время парада войскъ на Марсовомъ полѣ палъ жертвой кровавой мести двухъ германцевъ, принадлежавшихъ прежде къ свитѣ Аэтія. Преемникомъ Валентиніана сначала сталъ Петроній Максимъ, который былъ причастенъ къ убійству императора. Чтобы отомстить за послѣдняго, вдова Валентиніана Евдокія, дочь Ѳеодосія II, призвала короля вандаловъ, Гейзериха.

Галла Плацидія и ея сынъ Валентиніанъ III. Рельефъ на диптихѣ изъ слоновой кости въ соборной сокровищницѣ въ Монцѣ.

Вандалы грабятъ Римъ (455 г.). Вандалы въ Африкѣ, благодаря благопріятному своему положенію, вскорѣ превратились изъ наѣздниковъ въ моряковъ и съ такой же отвагой, какъ нѣкогда

карѳагеняне, стали объѣзжать моря и наводить ужасъ на всѣ берега. Призывъ Евдоксіи далъ новую цѣль ихъ разбойническимъ плаваніямъ. Они высадились съ сильнымъ войскомъ въ незащищенномъ портовомъ городѣ Портѣ и двинулись на Римъ. Городъ былъ еще гораздо безоружнѣе, чѣмъ во времена Аларіха, въ императорѣ не было и искры геройства. Только посольство, во главѣ его почтенный епископъ Левъ, вышло навстрѣчу вандаламъ, умоляя ихъ о пощадѣ; но король пиратовъ безъ дальнихъ разговоровъ отказалъ имъ. Въ городѣ царили страхъ и ужасъ; всѣ дороги полны были бѣглецовъ; императоръ тоже пытался спастись бѣгствомъ, но по дорогѣ былъ убитъ раздраженной толпой. Никто не думалъ о сопротивленіи, когда варвары вступили въ Римъ. Теперь началось разграбленіе и разрушеніе дворцовъ и бѣдныхъ хижинъ, древнихъ произведеній искусства и христіанскихъ святынь. Статуи боговъ и героевъ, фигуры святыхъ, украшенія алтарей, добыча прежнихъ побѣдъ, золотые сосуды и свѣтильники изъ храма Іерусалимскаго, все было упаковано грабителями-вандалами и отвезено на корабли. Равнымъ образомъ тысячи плѣнныхъ подобно стадамъ скота были угнаны къ берегу, гдѣ ихъ посадили на бортъ судовъ. Не пощадили ни возраста, ни званія, ни даже императрицы Евдоксіи, которая со своими дочерьми, вся сверкая драгоцѣнными камнями, вышла навстрѣчу побѣдителямъ. Спустя четырнадцать дней, когда варвары уже не находили болѣе сокровищъ, они снялись съ якоря, но на обратномъ пути высадились еще на Кампанскомъ побережьи, гдѣ такой-же участи подверглись Нола, Капуя и другіе города. Опасенія, которыя высказалъ Сципіонъ насчетъ своей родины на дымящихся развалинахъ Карѳагена, болѣе чѣмъ за 600 лѣтъ до этого, исполнились, и по странному стеченію обстоятельствъ бѣда исходила какъ-разъ изъ того мѣста, гдѣ нѣкогда столь преступно разрушенный римлянами соперникъ-городъ.

Авитъ (455 — 456). Одно мгновеніе казалось, какъ будто западно-римскому трону, при всеобщемъ замѣшательствѣ и бѣдственномъ положеніи Италіи суждено было остаться незанятымъ. Но для галльскихъ вестготовъ важно было сохраненіе ихъ договоровъ съ императоромъ, а для знати римскихъ частей Галліи — принадлежность къ римской имперіи. Поэтому вестготскій король Теодорихъ II (453—466) уговорилъ Авита, магистра войска

убитаго Петронія, возложить на себя корону; затѣмъ его признали провинціальный земскій сеймъ въ Арелатѣ, италійское чиновничество и, наконецъ, даже восточно-римскій императоръ. Авитъ побудилъ вестготовъ въ союзѣ съ бургундами начать войну противъ свевовъ въ Испаніи, а противъ Гейзериха онъ вооружилъ магистра войска, свева Рицимера, который впервые разбилъ вандаловъ вблизи Сициліи и разрушилъ часть ихъ галеръ. Но черезъ эту побѣду значеніе магистра войска поднялось выше императорскаго. Рицимеръ отказался повиноваться Авиту, разбилъ его въ октябрѣ 456 г. при Плацентіи и принудилъ его отречься отъ престола.

Аспаръ и Рицимеръ. Около этого времени (начала 457 г.) въ Восточномъ Римѣ умеръ императоръ Марціанъ, жена котораго Пульхерія, внучка Ѳеодосія Великаго, скончалась еще въ 453 г. Вся власть въ Восточной имперіи сосредоточилась тогда въ рукахъ остгота Аспара, какъ въ рукахъ Рицимера—на Западѣ. Аспаръ при помощи войска возвелъ въ императоры ѳракійца Льва I (457—474), который помогъ Восточной имперіи забыть бѣдствія гуннскаго нашествія и повелъ ее навстрѣчу болѣе счастливымъ временамъ.

Въ Западной имперіи всемогущимъ владыкой былъ Рицимеръ. Онъ былъ сынъ знатнаго свева и вестготской принцессы, дочери Валліи; кромѣ того путемъ брака онъ былъ въ родствѣ съ бургундскимъ королевскимъ домомъ. Уже эта связь съ важнѣйшими союзниками Рима придавала его волѣ силу и значеніе. Кромѣ того онъ былъ могучимъ воякой и безцеремоннымъ политикомъ; и все-таки по причинѣ своего варварскаго происхожденія онъ не рѣшился облечься въ порфиру. Поэтому, послѣ того какъ римскій тронъ почти 18 мѣсяцевъ пробылъ вакантнымъ, Рицимеръ, съ согласія восточно-римскаго императора, 1 апрѣля 457 г. возвелъ въ императоры Запада магистра войска Майоріана (457—461). Кратковременное правленіе этого императора какъ-бы озарило послѣдними лучами заката почное небо падающей имперіи. Онъ издавалъ эдикты, имѣвшіе цѣлью смягченіе гнета налоговъ и устраненіе подкупности чиновниковъ. Въ декабрѣ 458 г. онъ явился съ грознымъ войскомъ въ Галліи и еще разъ возстановилъ здѣсь императорскій авторитетъ у бургундовъ и вестготовъ. Въ маѣ 459 онъ побѣдоносно двинулся въ Испанію и снарядилъ въ

Карѳагенскомъ портѣ большой флотъ противъ вандальскихъ морскимъ разбойниковъ. Но здѣсь звѣзда его погасла. Явился Гейзерихъ и уничтожилъ почти всю армаду, такъ что Майоріанъ долженъ былъ заключить съ нимъ перемиріе. А это повредило его значенію. На пути въ Италію Рицимеръ лишилъ его трона и велѣлъ его казнить. Теперь Рицимеръ возвелъ на престолъ слабаго Либія Севера (461 — 463), который нигдѣ не пріобрѣлъ вліянія. Но и Рицимеръ въ эти годы съ трудомъ лишь отстаивалъ Италію; римской еще Галліей самостоятельно управлялъ Сіагрій, въ Далматіи господствовалъ язычникъ Марцеллинъ.

Левъ I Ѳракіецъ (457—474) въ Восточномъ Римѣ. Тѣмъ временемъ въ Восточной имперіи совершился важный переворотъ. Левъ I, хотя и былъ возведенъ на престолъ готомъ Аспаромъ, попытался мало-по-малу освободиться отъ господства германцевъ. Съ этой цѣлью онъ нанялъ на свою службу дикихъ горцевъ изъ юго-восточной части Малой Азіи, исаврянъ, и перевелъ исаврійскія войска въ Константинополь. Черезъ это готъ Аспаръ и его приверженцы получили опасныхъ соперниковъ. Затѣмъ Левъ обратилъ свой взоръ на Западъ, потребовалъ устраненія Севера и отправилъ въ Римъ родственника восточнаго царствующаго дома, Анѳемія, въ качествѣ императора. Рицимеръ уступилъ, тѣмъ болѣе, что Анѳемій далъ ему въ жены свою дочь. Теперь Левъ и Анѳемій соединились для совмѣстныхъ вооруженій противъ все возраставшей опасности вандальскихъ набѣговъ. На эти вооруженія одна Восточная имперія употребила 130,000 фунтовъ золота (болѣе 30 милл. руб. золотомъ). Всего собрали 1,113 кораблей съ 100,000 человѣкъ экипажа; было также выставлено въ Египтѣ большое сухопутное войско, и Марцеллинъ Далматскій взялся очистить Тирренское море отъ пиратовъ. Такимъ образомъ, въ 468 г. сильные отряды войска, хорошо снабженные военными орудіями и съѣстными припасами, двинулись пустынею въ Триполи, гдѣ города частью добровольно отпали отъ своихъ тирановъ, частью были покорены вооруженной силой. Одновременно съ этимъ армада проплыла черезъ Эгейское море и далѣе, съ попутнымъ вѣтромъ, къ мысу Меркурія (н. мысъ Бона), гдѣ остановилась на якорѣ на разстояніи 6—7 миль отъ Карѳагена, въ ожиданіи сухопутнаго войска. Отчаянные пираты, вандалы, хотя и рѣшились на отчаянное сопротивленіе, но усту-

пая громадными силамъ враговъ, всюду терпѣли пораженія. Посредствомъ внезапнаго нападенія побѣдители могли бы завладѣть самимъ Карѳагеномъ съ его богатствами и кораблями. Старый разбойникъ герой Гейзерихъ, видя, какъ ломятся опоры его владычества, одна за другой, склонилъ дерзкую голову. Онъ обѣщалъ покориться и даже выдать себя самолично, если ему дадутъ пятидневный срокъ. Обрадованный легкой побѣдой, адмиралъ Василискъ оказалъ ему эту милость. Но все было ложь и обманъ. Хитрый пиратъ втихомолку вооружился на страшное нападеніе; онъ ждалъ только благопріятнаго вѣтра для выхода изъ гавани, и этотъ вѣтеръ, согласно его многолѣтнему опыту, долженъ былъ наступить въ теченіе выпрошеннаго имъ пятидневнаго срока. Была звѣздная, свѣтлая ночь; могучіе военные корабли качались на волнахъ, колыхаемыхъ свѣжимъ вѣткомъ съ берега. Вдругъ сторожа услышали шумъ веселъ и увидѣли много лодокъ, скользившихъ подобно призракамъ по поверхности воды. Прежде чѣмъ экипажъ былъ на ногахъ, таинственные корабли зацѣпились за исполинскія галеры, и со свистомъ и трескомъ изъ темныхъ нѣдръ ихъ поднялись столбы пламени, распространяя пожаръ и на борты пентеръ. Пытались было тушить, спасать, сняться съ якоря; но со всѣхъ сторонъ свирѣпые пираты, послѣдовавшіе за брандерами, устремились на обреченный къ гибели флотъ. Однихъ пожирало пламя, другихъ разили абордажный топоръ, мечъ и копье. Вся армада въ эту ужасную ночь нашла свою гибель, и Гейзерихъ сталъ продолжать свое разбойническое дѣло еще нахальнѣе прежняго.

Къ этому исходу, приписанному вѣроломству Василиска, въ Византіи присоединился долго подготовлявшійся переворотъ. Аспаръ, покровитель Василиска, смѣщенъ былъ съ должности магистра войска и вмѣсто него этотъ важнѣйшій постъ порученъ исаврійцу, а два года спустя Аспаръ со своими сыновьями палъ отъ руки наемныхъ убійцъ въ императорскомъ дворцѣ. Вмѣстѣ съ этимъ кровавымъ дѣяніемъ кончилась власть вождей германскихъ наемниковъ надъ Восточной имперіей.

Кончина Рицимера. Анѳемій на Западѣ пытался теперь точно такъ-же освободиться отъ господства Рицимера. Но здѣсь исходъ былъ иной. Рицимеръ при помощи германскихъ полчищъ осаждалъ своего императора въ 472 г. въ Римѣ въ теченіе пяти мѣ-

сяцевъ, пока 11 іюля ему не удалось проникнуть черезъ Аврелієвы ворота въ городъ, страдавшій отъ голода и моровой язвы. Анѳемій былъ умерщвленъ во время бѣгства. Тогда Рицимеръ возвелъ на престолъ Олибрія, который въ качествѣ мужа Плацидіи, дочери Валентиніана III, былъ въ родствѣ съ домомъ Ѳеодосія. Но еще въ августѣ того-же года Рицимеръ умеръ отъ кровотеченія, а въ октябрѣ умеръ и Олибрій.

Орестъ, Ромулъ Августулъ. Съ этого времени Левъ I, Восточно-Римскій, считалъ себя хозяиномъ и Западной имперіи; онъ отправилъ на Западъ, въ качествѣ императора, далмата Юлія Непота, мужа своей племянницы. Послѣднему удалось одолѣть своихъ соперниковъ (474). Но его магистръ войска Орестъ, паннонецъ, бывшій прежде секретаремъ у Аттилы, прогналъ его въ слѣдующемъ году (августъ 475 г.) въ Далматію и возвелъ въ августы своего собственнаго сына Ромула, едва вышедшаго изъ отроческаго возраста. По причинѣ его молодости, послѣдняго въ насмѣшку прозвали Августуломъ. Такимъ образомъ, у послѣдняго романца, носившаго діадему Западной имперіи, имя основателя вѣчнаго Рима сочеталось съ именемъ перваго императора. Но противъ его безсильнаго правленія въ августѣ 476 г. возстала вся совокупность германскихъ наемныхъ войскъ, состоявшихъ изъ ругійцевъ, скировъ, турцилинговъ, подъ начальствомъ ругійца Одоакра; они потребовали себѣ кромѣ трети дома, принадлежавшей, по распоряженію Гонорія, каждому квартировавшему въ Италіи германцу, еще одну треть всѣхъ италійскихъ пахатныхъ земель, въ видѣ постоянной земельной собственности. Когда Орестъ не далъ согласія на это требованіе, Одоакръ захватилъ его въ плѣнъ и казнилъ. Сына его, императора Ромула Августула, онъ помиловалъ и за отказъ отъ престола подарилъ ему роскошную виллу Лукулла въ Кампаніи, съ значительной годовой пенсіей.

Одоакръ. Одоакръ былъ сыномъ Эдика, предводителя ругіевъ, который пользовался почетомъ у Аттилы, но послѣ гибели гунской державы поселился въ Норикѣ (Австріи и Штиріи). Когда отецъ палъ въ борьбѣ противъ остготовъ, его храбрый сынъ Одоакръ съ толпой бѣглецовъ отправился въ Италію. Но передъ выступленіемъ онъ зашелъ въ бѣдный монастырь, основанный въ Норикѣ св. Северином посреди варварскихъ набѣговъ, въ

утѣшеніе притѣсняемаго римскаго населенія. По причинѣ низкаго потолка рослый воинъ стоялъ согнувшись передъ благочестивымъ мужемъ, а тотъ сказалъ ему многозначительныя слова: „Смѣло иди, куда зоветъ тебя твое назначеніе. Вскорѣ ты снимешь грубый мѣховой плащъ и станешь владѣтелемъ богатствъ, которыми поможешь бѣдноте“.

Теперь исполнилось пророчество монаха. Но и Одоакръ отказался надѣть порфиру; онъ былъ доволенъ обладаніемъ дѣйствительной властью въ Италіи, въ качествѣ вождя своего войска. Своимъ императоромъ онъ считалъ Зенона Византійскаго (474—491); для того, чтобы имѣть возможность повелѣвать и римскимъ населеніемъ Италіи, онъ выпросилъ себѣ у Зенона титулъ Римскаго патриція, который онъ и получилъ. Вмѣстѣ съ этимъ кончилась Западно-Римская имперія. Ибо византійцы, хотя и не отказались отъ своихъ притязаній на земли Западной имперіи, все-же не назначали уже больше Римскаго императора. Восточная же имперія, чѣмъ болѣе утрачивала связь съ Римомъ и Италіей, тѣмъ болѣе отдалялась отъ римскаго языка, римскихъ обычаевъ и римскаго права, такъ какъ въ ея культурѣ имѣли перевѣсъ греческіе и восточные элементы. Такимъ образомъ, уже нѣсколько десятилѣтій спустя она не могла болѣе считаться римской имперіей. А Западная имперія съ 476 года фактически разложилась на смѣсь крупныхъ и мелкихъ государствъ, въ которыхъ царствовали германскіе короли.

ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ПАДАЮЩЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

ОБРАЗОВАНІЕ, которое все еще пріобрѣтали знатные круги римской имперіи, давно уже не было собственно національнымъ, такъ какъ не существовало болѣе римской націи. Но все-таки дѣятельность школъ и извѣстныя отрасли литературы продолжали свою жизнь и въ пятомъ вѣкѣ. Умственная жизнь во многихъ отношеніяхъ получала импульсы отъ христіанства, въ остальномъ она носила довольно искусственный характеръ. Дольше сохранялись внѣшнія формы римской жизни

въ сельскомъ хозяйствѣ, въ строительствѣ домовъ и виллъ, сохранялось даже, хотя и ремесленное, но довольно-таки почтен-

Колонна въ Игелѣ, около Трира, въ Германіи.

ное ваяніе, и притомъ не только въ Италіи, но и въ пограничныхъ странахъ по Дунаю, Рейну и Мозелю. Типическіе примѣры представляютъ надгробные памятники IV вѣка, раско

нные въ наше время въ Неймагенѣ (Noviomagus) близъ Трира, и стоящая и понынѣ въ Игелѣ близъ Трира колонна въ $21^1/_2$ метра вышины, надгробный памятникъ богатой фамиліи Секундиновъ, сооруженный изъ красноватаго известняка и украшенный многими рельефами.

Поэзія. Поэзія, которая уже въ III вѣкѣ производила впечатлѣніе увяданія, умиранія, слегка возродилась къ концу IV вѣка благодаря провинціальнымъ талантамъ и въ началѣ V вѣка, благодаря болѣе свѣжей жизни, которую германскіе полководцы съумѣли вдохнуть въ угасавшій государственный организмъ. О прелестной „Mosella“ Авзонія (ум. 390 г.) упомянуто уже на стр. 486. Еще болѣе высокимъ подъемомъ дышатъ произведенія Клавдія Клавдіана, который намъ уже встрѣчался, какъ глашатай Стиликоновой славы.

Клавдій Клавдіанъ прибылъ въ 395 г. изъ Александріи въ Римъ, сблизился благодаря своему поэтическому таланту съ Стиликономъ, какъ нѣкогда Энній съ Сципіономъ, а также съ Гоноріемъ, почтенъ былъ отъ имени государства воздвигнутой въ Неаполѣ статуей, но впослѣдствіи былъ вовлеченъ въ паденіе Стиликона. Знаменито было его стихотвореніе на свадьбу Гонорія и Маріи въ 398 году, его прославленія консульствъ Гонорія, Стиликона, его три книги о войнѣ Стиликона съ Аларихомъ, въ которыхъ великій вандалъ при помощи всѣхъ средствъ риторики ставится выше Энея и Ахиллеса, выше Фабія, Марцелла и Сципіона. Въ одномъ насквильномъ стихотвореніи онъ горько бичуетъ восточноримскаго министра Евтропія (стр. 490). Высшими въ поэтическомъ отношеніи являются его, къ сожалѣнію неоконченныя, эпическія произведенія: «Похищеніе Прозерпины», «Бой гигантовъ» и глубокомысленное стихотвореніе о «Птицѣ Фениксѣ». Въ этихъ произведеніяхъ встрѣчаются, правда, также риторическія длинноты, «но въ остальномъ насъ восхищаетъ настоящее поэтическое пониманіе природы, то грандіозное, то прелестное, теплота и естественность чувства, правдивость характеристики, увлекательная наглядность описаній и благородная чистота слога».

Наряду съ Клавдіаномъ слѣдуетъ назвать знатнаго галла Рутилія Клавдія Наматіана, который занималъ въ Римѣ должность городского префекта, но потомъ (416 г. по Р. Хр.) вернулся въ свое многострадальческое отечество.

На возвратномъ пути онъ сочинилъ прелестный прощальный привѣтъ Риму и Италіи и самое путешествіе свое подробно описалъ въ пящныхъ двустишіяхъ. «Въ болѣе крупной рамкѣ, чѣмъ остроумныя описанія путешествій Луцилія и Горація, здѣсь раскрывается чудная картина античнаго ландшафта и античной жизни, и авторъ умѣетъ столь-же наглядно рисовать, какъ занимательно разсказывать. Здѣсь и тамъ запустѣлый городъ, развалина старой крѣпостцы придаетъ

картинѣ оттѣнокъ романтичности». Наматіанъ непоколебимо убѣжденъ въ вѣчномъ существованіи Рима. «Подобно тому, какъ факелъ, обращенный къ землѣ, вспыхиваетъ только ярче и свѣтлѣе, такъ и Римъ побѣдоносно поднимается опять къ небу изъ всякаго униженнаго положенія, которое ему уготовали варвары. Поэтому пусть онъ продолжаетъ управлять міромъ своими законами, поэтому пусть теперь наконецъ вѣроломный готъ благоговѣйно преклонитъ выю передъ Римомъ, пусть Рейнъ, Нилъ и Африка продолжаютъ пахать и жать для Рима, но и въ Лаціумѣ пусть на нивахъ поднимается роскошный посѣвъ, пусть изъ виноградныхъ тисковъ обильно сочится италійскій нектаръ».

Рядомъ съ этими крупными талантами, которые къ тому-же оба еще были приверженцами язычества, слѣдуетъ назвать христіанскаго поэта Прудентія, который писалъ „Гимны для ежедневной молитвы“, „Разсказы о мученикахъ“ и „Душевную борьбу“ человѣка между добродѣтелью и порокомъ. Только по внѣшней формѣ поэтическими являются „Сатурналіи“ Макробія (около 400 г.), застольныя бесѣды грамматическаго, литературнаго и историческаго содержанія, и сухая энциклопедія семи свободныхъ искусствъ (artes liberales): грамматики, діалектики, риторики, геометріи, ариѳметики, астрономіи, музыки—въ „Свадьбѣ Меркурія и Филологіи“ Марціана Капеллы.

Исторіографія. Въ исторіографіи слѣдуетъ различать, помимо собственно исторіи церкви, исторіографію свѣтско-греческую и церковно-латинскую. Представителемъ свѣтской, на греческомъ языкѣ, является Эвнапій (род. 346 г.) въ своихъ „Жизнеописаніяхъ философовъ и софистовъ„. Кромѣ того онъ продолжилъ болѣе древнюю хронику Дексиппа до 404 года; этотъ трудъ продолженъ былъ Олимпіодоромъ до 427 г., а Зосимъ составилъ очеркъ всей исторіи римскихъ императоровъ до 410 г. Исторію своего времени писалъ Прискъ, которому мы въ особенности обязаны интереснымъ описаніями двора Аттилы. Церковно-латинская исторіографія представлена Іеронимомъ, въ его латинской обработкѣ и продолженіи хроники Евсевія; эта-же хроника продолжена была аквитанцемъ Проспером (379 — 455) и испанцемъ Идаціемъ (379 — 469). Іеронимъ создалъ и христіанскую исторію литературы своимъ трудомъ „De viris illustribus“, а галлъ Сульпицій Северъ (365 — 425) написалъ скромную всемірную исторію съ христіанской точки зрѣнія, доведенную до 387 года. Не настоящей исторической, но тенденціозной защитой христіанства явля-

ются исторіи испанца Орозія и книга галла Сальвіана „О правленіи Божіемъ“. Въ обоихъ трудахъ бѣдствія времени объясняются, какъ Божья кара за нравственное вырожденіе и гнилость античнаго міра.

Отцы церкви. Побѣда христіанства надъ язычествомъ обнаружилась и въ томъ, что рѣшительно самыми значительными среди писателей IV и V вѣка являются отцы церкви.

Прежде всего тутъ слѣдуетъ назвать Амвросія, архіепископа Миланскаго (340 — 397), сына одного praefectus praetorio изъ Трира. Онъ былъ первымъ западнымъ прелатомъ, который съ полнымъ сознаніемъ пользовался своимъ церковнымъ значеніемъ для того, чтобы оказывать вліяніе и въ мірскихъ дѣлахъ. Онъ дерзнулъ воспретить Ѳеодосію Великому, запятнавшему себя кровопролитіемъ, входъ въ церковь, пока онъ не очистится церковнымъ покаяніемъ (стр. 484). Знаменита его книга „Объ обязанностяхъ церковныхъ служителей“, но прежде всего его заботы о приданіи торжественности богослуженію, для котораго онъ сочинилъ многочисленные латинскіе гимны.

Рядомъ съ Амвросіемъ стоитъ благородный далматъ Іеронимъ (340 — 420), получившій свое образованіе въ Римѣ, Трирѣ и Аквилеѣ. Охваченный въ Антіохіи сильнымъ раскаяніемъ по поводу грѣховъ своей юности и своей склонности къ классической языческой литературѣ, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ отшельникомъ въ пустынѣ. Позже онъ просмотрѣлъ въ Римѣ древнелатинскій переводъ Библіи и привелъ его въ нынѣ еще признаваемую форму Вульгаты. Послѣ тщетныхъ попытокъ наставить суетное римское духовенство на путь христіанско-созерцательной жизни, онъ основалъ въ Виѳлеемѣ мужской монастырь, а его подруга Павла тамъ-же учредила женскій. Будучи монахомъ, онъ продолжалъ свои историческія и экзегетическія писанія, особенно же писалъ онъ толкованія библейскихъ книгъ. Для него и его преемниковъ характерно то, что онъ, даже будучи убѣжденнымъ христіаниномъ, не могъ избавиться отъ тѣхъ чаръ, которыми его плѣняли произведенія римскаго язычества, въ особенности Цицерона. Поэтому онъ еще въ болѣе высокой степени, нежели до него Амвросій, связывалъ христіанскую этику съ философскими сочиненіями Цицерона и переносилъ Цицероновскій классическій способъ выраженія въ христіанскую литературу.

Величайшимъ церковнымъ ораторомъ того времени по праву считался Іоаннъ Хрисостомъ („Златоустъ"; 347 — 407), бывшій одно время Антіохійскимъ патріархомъ, но потомъ, изъ-за догматическихъ споровъ, умершій въ изгнаніи. Его проповѣди, отличающіяся христіанской любовью, но и христіанской строгостью, наполняютъ 13 томовъ in-folio.

Самой захватывающей и мощной личностью среди отцовъ церкви былъ Августинъ. Родившись въ 354 г. въ Нумидіи сыномъ знатнаго римлянина и христіанки-матери; онъ наслаждался въ Карѳагенѣ всею прелестью язычески-классическаго образованія, но также и всѣми соблазнами и роскошью блестящаго мірового города. Но въ немъ оставалось живымъ стремленіе къ истинѣ и къ Богу. Это стремленіе усилилось отъ чтенія Цицерона. Самъ Августинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Въ обычномъ порядкѣ своихъ занятій я дошелъ до книги Цицерона, языкъ которой, по меньшей мѣрѣ, вызываетъ удивленіе во всѣхъ тѣхъ, кто относится равнодушно къ ея смыслу. Она содержитъ увѣщаніе къ изученію философіи и называется „Гортензій". Эта книга измѣнила весь мой умъ; она направила мои молитвы къ Тебѣ, о Боже, и преобразила всѣ мои помыслы и стремленія". Въ пасхальную ночь 387 г., во время его пребыванія въ Миланѣ, его духъ внезапно былъ просвѣтленъ, и онъ крестился у Амвросія. Затѣмъ онъ исповѣдался предъ Богомъ во всей своей жизни до этого времени—это его знаменитая Исповѣдь (Confessiones), и въ 395 г. сталъ епископомъ въ городѣ Hippo Regius въ Африкѣ. Въ качествѣ такового онъ умеръ въ 430 г. во время осады города вандальскимъ королемъ Гейзерихомъ (стр. 509). Важнѣйшій его трудъ—книга „О государствѣ Божіемъ" (De civitate Dei). Въ ней онъ устанавливаетъ положеніе, что на свѣтѣ двѣ общины: свѣтское государство (civitas terrena) и Божье государство (civitas caelestis). Свѣтское государство—римская имперія; какъ воплощеніе грѣха, оно должно погибнуть и погибнетъ; послѣ его гибели начнется государство Божіе, т. е. господство церкви. На этомъ писаніи впослѣдствіи папы особенно основывали свое притязаніе, что всякая свѣтская власть подвластна духовной и должна быть руководимой послѣднею.

Римъ въ Средніе вѣка. Эта мысль приводитъ насъ обратно къ городу Риму, резиденціи папства. Въ самомъ дѣлѣ духовныя

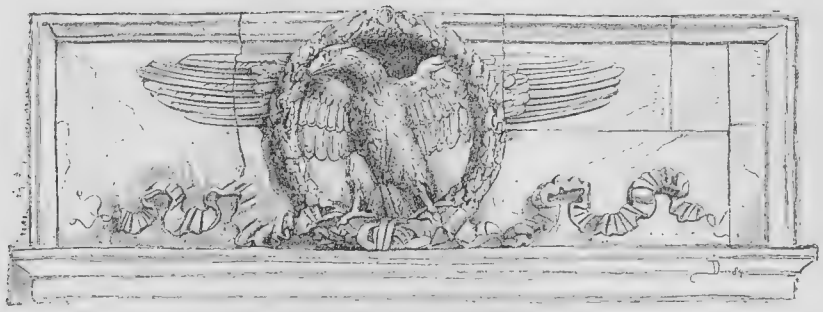
главы города, послѣ паденія императорской власти, съумѣли, въ качествѣ наслѣдниковъ апостоловъ Петра и Павла, а также Западно-римскихъ императоровъ, придать своему городу долговѣчность и важность, благодаря которой онъ и въ слѣдовавшій за древностью большой періодъ Среднихъ вѣковъ снова казался идейнымъ средоточіемъ міра. Даренія Пипина и Карла Великаго создали въ видѣ „церковнаго государства“ большую территорію, подвластную этой столицѣ, а имперія Оттоновъ заимствовала у вѣчнаго Рима свой титулъ „Священная римская имперія“. Средневѣковая борьба между буйными родами римской знати, между императорами и папами вмѣстѣ съ ихъ норманскими ленниками естественно сильно измѣнила видъ и протяженіе города. Южныя части города, Авентинъ, Палатинъ съ его императорскими дворцами, Форумъ и Целій запустѣли и приняли видъ развалинъ. Зато на правомъ берегу Тибра, къ сѣверу отъ древняго Яникула, возникъ хорошо укрѣпленный Городъ Льва съ крѣпостью Св. Ангела, бывшимъ мавзолеемъ Адріана. Другія почтенныя зданія древности были обращены въ римскія церкви или замки аристократовъ, и при этомъ храмами и другими руинами пользовались въ качествѣ каменоломенъ. Самымъ худшимъ временемъ упадка города была эпоха вавилонскаго плѣненія церкви (1309—1378), когда папы, по принужденію французскихъ королей, имѣли свою резиденцію въ Авиньонѣ.

Римъ въ новое время. Но настала эпоха Возрожденія. Исходя отъ великихъ умовъ, Данте, Петрарки, Колуччіо Салутато, выступила на сцену новая оцѣнка развалинъ Рима. Тогда мало по малу пришла помощь бѣднымъ растерзаннымъ членамъ гиганта-города. Николай V (1449—1455) возстановилъ стѣны, колодцы и мосты, Пій II (1458—1464) запретилъ дальнѣйшее разрушеніе памятниковъ античнаго строительства подъ страхомъ церковныхъ и свѣтскихъ наказаній. Но особенно со времени Александра VI (1492—1503) и Юлія II (1503—1513) рядомъ и между остатками античнаго Рима возникъ сверкающій мраморомъ, горящій яркими красками Римъ эпохи Возрожденія, когда зіяющіе промежутки между древними развалинами были наполнены садами и виллами и сами развалины одѣты въ нѣжную, сочную зелень. Въ украшеніи папскаго Рима соперничали между собой Рафаэль и Микель Анджело. Но вотъ взятіе города нѣмецко-испанскимъ наемнымъ войскомъ

въ іюлѣ 1527 г. (Sacco di Roma) подчинило Римъ и папство Карлу Пятому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мрачному испанскому духу, который задушилъ цвѣтущую національно-итальянскую жизнь въ городѣ. Такое положеніе вещей длилось дольше трехъ столѣтій, пока новое и болѣе могучее національное возстаніе итальянскаго народа не устранило свѣтскаго владычества іезуитскаго папства (20 сентября 1870 г.) и не подняло Римъ на то мѣсто, къ которому онъ единственно былъ призванъ своей исторіей и своимъ положеніемъ: сдѣлало его столицей объединеннаго итальянскаго королевства (26 января 1871 г.). Съ тѣхъ поръ Римъ все въ болѣе и болѣе возрастающей степени является цѣлью паломничества всѣхъ тѣхъ, кто и во внѣшнихъ предметахъ пытается уловить духъ исторіи и путь Провидѣнія; но настроеніе, одушевляющее путешественника въ Римѣ, при видѣ этихъ несравненныхъ развалинъ, ни у кого не выразилось вѣрнѣе, чѣмъ въ слѣдующихъ стихахъ скромнаго монаха, Григорія Турскаго:

«О, несравненный Римъ! О, священная груда развалинъ!
Даже паденье твое дышетъ величьемъ былымъ.
Съ горестью я гляжу на развалины павшаго града
И твержу про себя: «Это былъ нѣкогда Римъ!»
Но не вполнѣ могли твою красоту уничтожить
Пламя, вражескій мечъ и рядъ длинный вѣковъ.
То, что́ осталось еще—совсѣмъ ужь исчезнуть не можетъ,
То, что́ погибло, уже не возстановится вновь».

Богиня Рима, властительница міра
(Луврскій музей).



ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ПЕРЕХОДЪ РИМА ОТЪ РЕСПУБЛІКАНСКАГО УСТРОЙСТВА КЪ МОНАРХІИ (133 — 31)

стр.

Неудачныя покушенія на могущество сената. (133—78).—Время Гракховъ. 1

Предѣлы римскаго государства около 133 г. (1). — Упадокъ римской народной силы внутри государства (2). — Тиберій Гракхъ и его семья (3). — Его политическое развитіе (4). — Поземельная реформа Тиберія Гракха (5). — Борьба за аграрный законъ (6).—Паденіе Тиберія Гракха (8).—Смерть Сципіона (129 г.) (10).—Гай Гракхъ (11).—Законодательство Гая Гракха (12).—Паденіе Гая Гракха (14).—Смерть Гая Гракха (121 г.) (15).—Судьба Гракхова законодательства (18).—Провинція Gallia Narbonensis (19).

Югуртинская война и нашествіе Кимвровъ 19

Неспособность знати (19). — Югурта (19). — Югуртинская война (111 — 106) (20).—Метеллъ въ Нумидіи (109—108) (23).—Гай Марій (24).—Марій—главнокомандующій (107 — 105) (26). — Тріумфъ Марія (27).—Сѣверные пограничные народы (28).—Кимвры (29).—Война съ кимврами (113—101) (30).—Марій во главѣ государства; реорганизація войска (104—100) (31).—Пораженіе тевтоновъ при Aquae Sextiae 102 г. (32).—Уничтоженіе кимвровъ при Верцеллахъ (101 г.) (34).—Марій—вождь столичной демократіи (35). — Аграрный законъ Сатурнина; паденіе Марія (36).

стр.

Союзническая война. 38

Новое сенатское правленіе (38).—Раздоръ между сенатомъ и всадниками (39).—Реформа Ливія Друза (91 г.) (39). — Начало союзнической войны (90—88 гг.) (41). — Противо-мѣропріятія Рима; война (42).—Подвиги Суллы (44).

Война съ Миѳридатомъ и первая междоусобная война; Суллино государственное устройство. 45

Дурное положеніе Рима (88 г.); Сульпицій Руфъ и Марій (45).—Сулла беретъ Римъ (46). — Бѣгство Марія; реформы Суллы (48).—Цинна (87 г.); возвращеніе и смерть Марія (86 г.) (49).—Господство маріанцевъ (86—84 гг.) (51).—Сулла въ борьбѣ съ Миѳридатомъ (87—85 гг.) (52).—Сулла въ Греціи (53). — Миѳридатъ заключаетъ миръ съ Суллой (55).—Сулла привлекаетъ къ себѣ войско маріанцевъ въ Италію (55). — Борьба Суллы съ маріанцами (83 — 82 гг.) (56). — Борьба за Римъ (82 г.) (58). — Суллины казни; проскрипціи (59).—Сулла возстановляетъ господство сената (60).—Опоры Суллина могущества; италійскіе города (61). — Отставка Суллы (79 г.) (62).—Смерть Суллы (78 г.) (63).

Уничтоженіе сенатскаго господства военной диктатурой. (78—31).—Помпей 65

Причины паденія Суллина устройства (65). — Возстаніе Лепида (78—77 г.) (66).—Война съ Серторіемъ (80 — 72 г.) (66). — Походъ Помпея въ Испанію (77 г.) (67). — Безпокойства отъ морскихъ разбойниковъ (68). — Вторая война съ Миѳридатомъ (82 — 80); начало третьей (74 — 64) (70).—Война съ рабами (73 — 71) (71).—Побѣды Спартака (73).—Крассъ побѣждаетъ въ 71 г. рабовъ (73). — Помпей возвращается побѣдителемъ Серторія (71 г.) (74).—Помпей становится во главѣ государства (75).—Помпей лишаетъ Суллино устройство главныхъ его опоръ (70 г.) (75). — Лукуллъ въ Арменіи (77).—Помпей—главнокомандующій въ войнѣ противъ морскихъ разбойниковъ (67 г.). (78).—Помпей оканчиваетъ войну съ Миѳридатомъ (66—64 г.) (79).—Помпей организуетъ свои новыя завоеванія (81).

Цицеронъ и заговоръ Катилины. 82

Народная партія и Гай Юлій Кесарь (82).—Заговоръ Катилины (66—62 гг.) (84).—Усиленіе сената. Гибель Катилины (62 г.) (90).—Возвращеніе Помпея въ 61 г. (92).

Первый тріумвиратъ. 93

Кесарь учреждаетъ первый тріумвиратъ (60 г.) (93).—Кесарь въ должности консула (59 г.) устанавливаетъ господство тріумвирата (94).—Кесарь вліяетъ на выборы и получаетъ Галлію въ провинцію (98).—Нападки Клодія на Цицерона и Катона (98).

Кесарь въ Галліи и анархія въ Римѣ. 100

Отъѣздъ Кесаря въ Галлію; свободные кельты (100).—Переселеніе германцевъ въ Галлію (102).—Эмиграція гельветовъ (102). — Кесарь

стр.

одерживаетъ побѣду при Бибракте и отсылаетъ гельветовъ на родину (104).—Кесарь противъ Аріовиста; бунтъ его войска (105). — Борьба съ Аріовистомъ (106).—Покореніе бельговъ (57 г.) (107). — Подчиненіе атлантическихъ племенъ (57 г.) (109).—Вліяніе тріумвировъ въ Римѣ подвергается опасности (110). — Конференція въ Лукѣ (111).— Второе консульство Помпея и Красса (55 г.); смерть Красса (53 г.); анархія въ Римѣ (54 — 52 г.) (111).—Кесарь расширяетъ и защищаетъ свои завоеванія (56 — 53) (113). — Возстаніе Верцингеторига (52 г.) (113). — Кесарь осаждаетъ Герговію; его отступленіе (116).— Побѣда Кесаря надъ галльской конницей; осада Алезіи (118).

Междоусобная война между Помпеемъ и Кесаремъ. 122

Распаденіе тріумвирата (52—50 гг.) (122). — Кесарь завоевываетъ Италію (124).—Кесарь побѣждаетъ помпеянцевъ въ Италіи (127).— Кесарь — диктаторъ въ Римѣ (ноябрь 49 г.) (130). — Кесарь высаживается въ Эпирѣ (132). — Сраженіе у Диррахія (апрѣль — іюнь 48 г.) (133).—Битва при Фарсалѣ (9 авг. 48 г.) (136). — Бѣгство и смерть Помпея (138). — Александрійская война (48—47 г.) (140). — Новыя вооруженія помпеянцевъ (142). — Кесарь въ Азіи (143). — Кесарь въ Италіи (144).—Африканская война (46 г.) (144). — Тріумфъ Кесаря (146).

Единовластіе Кесаря и его смерть. 147

Обращеніе съ противниками; положеніе государства (147).—Реформы Кесаря (148).—Упорядоченіе правосудія; Кесарь какъ цензоръ и верховный жрецъ (150).—Кесарь и провинціи (150). — Испанская война (45 г.) (151). — Новыя почести (152). — Упорядоченіе магистратуры; увеличеніе сената (153).—Монархическія стремленія Кесаря (154).— Заговоръ республиканцевъ (44 г.) (156). — Умерщвленіе Кесаря (15 марта 44 г.) (157).

Антоній и Октавіанъ. 159

Положеніе убійцъ Кесаря (159). — Антоній между кесаріанцами и республиканцами (160). — Бѣгство убійцъ Кесаря; Антоній завладѣваетъ государствомъ (162).—Конфликтъ между Октавіаномъ и Антоніемъ (163).—Октавіанъ сближается съ республиканцами (165).—Мутинская война (43 г.) (165).—Октавіанъ порываетъ съ сенатомъ и соединяется съ кесаріанцами (167).

Второй тріумвиратъ. 169

Вступленіе тріумвировъ въ Римъ; наказаніе республиканцевъ; смерть Цицерона (169).—Борьба съ убійцами Кесаря; битва при Филиппахъ (42 г.) (171).—Тріумвиры дѣлятъ государство (174).—Перузійская война (42—41 г.) (174).—Антоній и Клеопатра (175).—Договоры Брундизійскій (40 г.) и Мизенскій (176). — Сицилійская война (38—36 г. до Р. Хр.) (177).—Удаленіе Лепида; Октавіанъ — владыка запада (179). — Разрывъ съ Антоніемъ (180). — Морская битва при Актіѣ (Actium) (181).—Октавіанъ преслѣдуетъ Антонія и Клеопатру

стр.

(183).—Конецъ Антонія и Клеопатры 184.—Египетъ—римская провинція; возвращеніе Октавіана (185).

Римская культура въ послѣдній вѣкъ республики 186

Національное и экономическое состояніе Рима (186).—Развращеніе народа выдачами дешеваго хлѣба и играми (187).—Государственныя сооруженія (190).—Частныя постройки (190).—Роскошь въ одеждѣ и пищѣ (192). — Домашнее хозяйство знатнаго римлянина (193).—Религія и образованіе (194).—Характеръ литературы (195). — Лукрецій; Виргилій (196). — Сатиры Горація Флакка (198). — Лирическая поэзія. Катуллъ (77—47 гг. до Р. Хр.) (198).—Варронъ (116—27 г. до Р. Хр.) (200). — Исторіографія: Непотъ (99 — 24), Кесарь (100—44), Саллустій (86 — 35 до Р. Хр.) (200). — Краснорѣчіе. Цицеронъ (106 — 43 до Р. Хр.) (201). — Письма, риторическія и философскія произведенія Цицерона (202). — Спеціально-научная проза (203). — Библіотеки, книжное дѣло (204). — Искусство (204). — Перемѣны въ военномъ дѣлѣ (205).

ВРЕМЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ

(31 до Р. Хр.—176 по Р. Хр.).

Періодъ принципата (27 до Р. Хр. — 192 г. по Р. Хр.). — **Домъ Юліевъ-Клавдіевъ** (31 до Р. Хр. — 68 по Р. Хр.). — **Августъ** (31 до Р. Хр.—14 по Р. Хр.). 209

Утвержденіе принципата (210). — Организація войска и флота (213).—Попеченія о провинціяхъ (213).—Пограничныя войны на сѣверѣ Балканскаго, Апеннинскаго и Пиренейскаго полуострововъ (214).—Завоеваніе сѣверозападной Германіи; Друзъ (215).—Тщетное нападеніе на верхнюю Германію; Марбодъ (220).—Реакція въ Нижней Германіи; Варъ и Арминій (220). — Охрана границы въ Азіи и Африкѣ (224).—Упорядочивающая дѣятельность Августа въ Римѣ въ Италіи (226).—Празднества; постройки (228).—Частная жизнь Августа (230).—Семья Августа (235).

Литература, искусство и наука въ вѣкъ Августа 237

Поэзія: Энеида Виргилія (237).—Оды и посланія Горація (241).—Тибуллъ и Проперцій; Овидій (243).—Прозаическая литература (245).—Публичныя чтенія (246).

Тиберій (14—37 по Р. Хр.). 247

Начало правленія (247). — Походы Германика (14 — 16 послѣ Р. Хр.) (248).—Прекращеніе римскихъ нападеній; конецъ Арминія и Марбода (253).—Возстановленіе римскаго владычества на Евфратѣ и въ сѣверной Африкѣ (254). — Тиберій какъ правитель (255). — Происки Сеяна (256).—Паденіе Сеяна (258). — Кончина Тиберія (259). — Гай Калигула (261).—Походы и смерть Калигулы (264).

СТР.

Клавдій (41—54 по Р. Хр.) 265

Дѣятельность Клавдія въ провинціяхъ (267). — Вліяніе вольноотпущенниковъ и женщинъ (269).—Погибель Клавдія (270).

Неронъ (54—68 по Р. Хр.) 271

Вступленіе Нерона на престолъ (271).—Неронъ умерщвляетъ Британника; Агриппина; его недостойная жизнь (272). — Оборона границъ (277).—Поппея Сабина (278). — Пожаръ города (278).—Возсозданіе императорскаго дворца и города (279). — Первое гоненіе на христіанъ (280). — Заговоръ Пизона (66 г.) (282). — Императоръ въ роли артиста передъ народомъ (283). — Возстанія; паденіе и смерть Нерона (68 г.) (284).

Гальба, Отонъ, Вителлій (68—69 по Р. Хр.) 285

Гальба (68 г.) (285).—Отонъ (69 г.) (286).—Вителлій (69 г.) (283).—Іудейская война (288).

Домъ Флавіевъ (69—76 по Р. Хр.).—**Веспасіанъ** (69—79). . . . 291

Начало правленія Веспасіана; взятіе Іерусалима Титомъ (291).—Возстаніе Цивилиса (294).— Упорядоченіе границъ Германіи (297).—Веспасіанъ упорядочиваетъ войско и финансы (298).—Постройки Веспасіана (300).—Кончина Веспасіана (300).

Титъ (79—81) 302

Гуманное правленіе Тита (302). — Изверженіе Везувія (303).—Смерть Тита (308).

Домиціанъ (81—96) 308

Домиціанъ опирается противъ сената на войско и народъ (308).—Походы въ Британію, на Рейнъ, на Дунай (309). — Кончина Домиціана (311).

Игры. — Циркъ. 312

Амфитеатръ; гладіаторскія игры (330).

Травли звѣрей (venationes) и сраженія на кораблях (naumachiae) 336

Императоры по усыновленію (96—192) 339

Нерва (96—98) (339).

Траянъ (98—117) 342

Улучшеніе сообщенія между Рейнской и Дунайской линіями (342).—Войны съ даками (101 — 107) (342). — Дальнѣйшія пограничныя мѣропріятія на Нижнемъ Дунаѣ; памятники войны съ даками (344). — Мирная дѣятельность Траяна; сельскохозяйственныя нововведенія (346). — Постройки (347). — Управленіе; отношеніе къ христіанству (348). — Расширеніе имперіи на востокѣ (350).—Кончина Траяна (353).

Адріанъ (117—138) 354

Адріанъ вступаетъ на престолъ и отказывается отъ парѳянскихъ провинцій (354).—Адріанъ въ Римѣ (354). — Адріанъ объѣзжаетъ и приводитъ въ порядокъ свою имперію (120—134) (356).—Адріанъ по-

стр.

давляетъ еврейское возстаніе (360). — Реформы Адріана въ управленіи (361).—Споспѣшествованіе искусству и наукѣ (362).

Антонинъ Благочестивый (138—161 по Р. Хр.). 365

Внутренняя дѣятельность (365). — Внѣшняя дѣятельность (367).

Маркъ Аврелій (161—180 по Р. Хр.). 368

Маркъ Аврелій, какъ правитель и философъ (368).—Парѳянская и маркоманнская войны; охрана границы на верхнемъ Дунаѣ (370).

Коммодъ (180—192 по Р. Хр.). 375

Римская культура временъ принципата (27 до Р. Хр. — 192 по Р. Хр.). — Правительство и народъ. 377

Дворъ (378).—Сословія (379).—Сенаторы (380).—Всадники (382).—Третье сословіе (382).—Жизнь и занятія въ Римѣ (384).

Столица имперіи. 385

Видъ (385).—Forum Romanum (387).—Форумы императоровъ (388). — Campus Martius (391). — Палатинъ (392). — Капитолій (394). — Остальной Римъ (395).

Состояніе Италіи. 396

Аграрныя отношенія (396). — Продукты (397). — Внутренность страны; земскіе города (398).

Состояніе провинцій. 399

Успѣхи италійско-греческой культуры (399).—Отношеніе къ туземцамъ (401).—Охрана границъ (404).

Сношенія, торговля и промышленность 405

Мѣры къ подъему народнаго хозяйства (405). — Система дорогъ (406).—Сухопутныя сношенія (409).—Морскія сношенія (410).—Торговыя сношенія по ту сторону имперской границы (410). — Промышленность (411).—Земледѣліе и садоводство (412).

Умственная жизнь въ имперіи: литература, наука, искусство. . 413

Неблагопріятныя вліянія (413).—Философія (414).—Религія (415).—Христіанство (415).—Поэзія; эпосъ (417). — Сатира, баснь, дидактическая поэма (417). — Лирическая и драматическая поэзія (422). — Проза. Риторика (422).—Философъ Сенека (424).—Естественная наука и родственныя ей (426).—Языковѣдѣніе и правовѣдѣніе (426). — Техническіе писатели (427).—Исторіографія (427). — Греческая литература (429).—Искусство (430).—Строительное искусство (432).—Скульптура и живопись (433).

ГОСПОДСТВО СОЛДАТЪ

(193 — 284).

Домъ Северовъ (193—235).—Септимій Северъ (193—211). . . . 437

Септимій упрочиваетъ за собой господство (438). — Ограниченіе

стр.

могущества сената (439). — Война съ парѳянами (440). — Постройки. Смерть (440).

Потомки Септимія Севера (211—235) 441

Каракалла (211—217) (441).—Макринъ (217); Геліогабалъ (218—222) (442).—Александръ Северъ (222—235) (443).

Разложеніе и возстановленіе имперіи (235—284) 445

Максиминъ (235—238) (445). — Гордіанъ III (238—244) (446).— Филиппъ Арабъ (244—249) (446). — Децій (249—251) (447).—Галлъ; Эмиліанъ (251—253) (447).—Валеріанъ (253—259) (447). — Галліенъ (260—268) (448). — Клавдій Готскій (268 — 270) (448). — Аврелліанъ (270—275) устанавливаетъ прочную сѣверную границу (449).—Побѣда надъ Зиновіей (450).—Объединеніе имперіи; упорядоченіе внутреннихъ дѣлъ (453).—Тацитъ; Пробъ (276—282) (454). — Каръ; Нумеріанъ (456).

ВРЕМЯ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХІИ
(285 — 395).

Діоклетіанъ и Константинъ (285—337).—Діоклетіанъ (285—305). 458

Діоклетіанъ становится абсолютнымъ государемъ (458). — Дѣлежъ управленія (459).—Возстановленіе господства на границахъ (459).— Новый провинціальный распорядокъ (461). — Италія и Римъ утрачиваютъ свое привилегированное положеніе (461). — Восточный придворный церемоніалъ (462). — Сопротивленіе абсолютизму (462).— Отреченіе Діоклетіана. Новыя войны за престолъ (464).

Константинъ Великій (312—337). 465

Побѣда христіанства (465).—Лициній—императоръ Востока (466).— Побѣды Константина надъ Лициніемъ (467). — Наслѣдіе Константина (468).—Никейскій соборъ (468). — Константинополь (469). — Развитіе абсолютизма (470).

Преемники Константина и начало великаго переселенія народовъ (337—395).—Констанцій и его братья (337—361). 471

Констанцій—единовластный государь (353 — 361) (472). — Юность Юліана. Новоплатонизмъ (473).—Юліанъ освобождаетъ Галлію (356—358) (474).—Смерть Констанція (475).

Юліанъ (361—363) и его преемники. 476

Юліанъ возводитъ язычество въ государственную религію (476).— Персидскій походъ (477).—Іовіанъ. Валентиніанъ I (364—375) (478).

Начало великаго переселенія народовъ (375 г.) и Ѳеодосій Великій (379—395). 479

Гунны. Вестготы на Дунаѣ (375 г.) (479). — Побѣда готовъ надъ Валентомъ (378 г.) (480).—Ѳеодосій Великій (379 — 395); успокоеніе вестготовъ (481).—Объединеніе имперіи (482).

стр.

Культура III и IV вѣка послѣ Р. Хр. 484

Характеръ времени (484).—Поэзія (485).—Проза (486). — Религіозное писательство (487).—Искусство (489).

Раздѣлъ имперіи и конецъ западнаго Рима. — Стиликонъ и Аларихъ. 490

Аркадій (395 — 408) и Гонорій (395 — 423) (490). — Аларихъ въ борьбѣ со Стиликономъ (491).—Аларихъ противъ Стиликона въ Италіи (493). — Тріумфъ Гонорія въ Римѣ (494). — Полчища Радагайса (495).—Бургунды, аланы, вандалы, свевы въ Галліи (406—408) (496).—Конецъ Стиликона (408) (497). — Походъ Алариха на Римъ (498).—Готы грабятъ Римъ (501).—Впечатлѣніе паденія Рима (502).—Конецъ Алариха. Отступленіе готовъ изъ Италіи (502). — Превращеніе Рима въ христіанскій городъ. Римскій епископъ (504).

Германскія государства на римской почвѣ 505

Вандалы, аланы и свевы въ Испаніи (505).—Основаніе Вестготскаго царства въ Галліи и Испаніи (506).—Ѳеодосій II (408—450) и Валентиніанъ III (425—455). Бонифацій и Аэтій (508).— Государство вандаловъ въ Африкѣ (509).—Франки, алеманы и бургунды (510).—Англы и саксы въ Британіи (449) (511).

Аэтій и Гунны. 513

Возникновеніе Гунскаго государства (513). — Аттила (433 — 453) (513).—Походъ Аттилы на Западную имперію (515).—Битва на Каталаунскихъ поляхъ въ іюлѣ 451 г. (517).—Походъ Аттилы на Римъ (518).—Конецъ Аттилы (520).

Конецъ. 521

Кончина Аэтія и Валентиніана III (521). — Вандалы грабятъ Римъ (455 г.) (522).—Авитъ (455—456) (523).—Аспаръ и Рицимеръ (524).—Левъ I Ѳракіецъ (457 — 474) въ Восточномъ Римѣ (525). — Кончина Рицимера (526).—Орестъ, Ромулъ Августулъ (527).—Одоакръ (527).

Литература и культура падающей римской имперіи. 528

Поэзія (530). — Исторіографія (531). — Отцы церкви (532). — Римъ въ Средніе вѣка (533).—Римъ въ новое время (534).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ЛИЦЪ.

Арабскими цифрами обозначаются страницы; римской цифрой обозначается томъ.

А.

Августинъ. II. 502, 533.
Авзоній. II. 486.
Авидій Кассій. II. 370, 375.
Авитъ. II. 523, 524.
Авлъ Геллій. II. 427.
Авлъ Постумій. I. 111. II. 22.
Аврелій Антонинъ. II. 364, 365, 366, 367, 368, 388, 417.
Аврелій Пробъ. II. 455.
Авреліанъ. II. 449, 450, 452, 453, 454, 455.
Агаѳоклъ Сиракузскій. I. 252, 262, 263, 342.
Агриппа Випсаній. II. 174, 177, 178, 179, 182, 183, 210, 230, 236, 237, 247, 364, 390.
Агриппина. II. 248, 251, 255, 256, 257. 259, 267, 272, 273, 274, 275, 425.
Агронъ. I. 365.
Адгербалъ. I 352, 358. II. 20.
Адріанъ. II. 354, 356, 357, 358, 361, 362, 363, 364, 366, 368, 383, 403, 440.
Азиній Полліонъ. II. 168.
Акка Ларенція. I. 38, 100.
Акронъ. I. 41.
Алавивъ. II. 480.
Аларихъ. II. 491, 492, 493, 494, 498, 500, 501, 502, 503.
Александръ I., I. 228. II. 442.
Александръ Великій. II. 353.
Александръ Северъ. II. 443, 444, 487.
Александръ VI., II. 534.
Алкивіадъ. I. 290.
Альбиній. I. 187.
Альбинъ. II. 438.
Амальѳея. I. 73.
Амата. I. 34.
Амбигатъ. I. 181.
Амвросій. II. 484, 532, 533.
Амулій. I. 36, 38.
Андрискъ. I. 546.
Анероэстъ. I. 369.
Аницетъ. II. 274, 276.
Аппій. I. 515.
Анкъ Марцій. I. 54, 56.
Анней Луканъ. II. 417.
Аннеи Сенека. II. 271, 272, 274, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 422, 423, 425.
Аннія Фаустина. II. 365.
Антиной. II. 360.
Антіохъ III С. I. 490—493.
Антіохъ V. Эвпаторъ. I. 526
Антіохъ Эпифанъ. I. 525.
Антистій Лабеонъ. II. 246.
Антоній Арменій. II. 224.
Антоній Маркъ. II. 154, 158, 160—202.
Антоній Муза. II. 233.
Антоній Примъ. II. 289, 290.
Антоній Сатурнинъ. II. 311.
Антонинъ Пій. II. 366, 467, 423.
Антронъ Куріацій. I. 62, 63, 64.
Анхизъ. II. 238.
Анѳемій. II. 525, 526, 527.
Аппій Клавдій. I. 120, 121, 143. 145, 146, 149—155, 229, 297, 312, 330, 331, 332, 334, 414, 446. II. 4.
Аппіанъ. I. 530.
Апръ. II. 457.
Апулей. II. 423.
Апулей Сатурнинъ. II. 36, 37.
Арбогастъ. II. 483, 484.
Ардарихъ. II. 514, 517, 521.
Ардаширъ. II. 448.

Арій. II. 468, 469.
Аріовистъ. II. 102.
Аркадій. II. 490—492, 496.
Арминій. II. 221—223, 249—255.
Арнобій. II. 488.
Арріанъ. II. 361.
Арунтъ. I. 61, 65, 66, 73, 104, 181—183.
Архелай. II. 54.
Архидамъ. I. 220, 228.
Архимедъ. I. 440, 449, 450.
Асканій. I. 35.
Асконій. II. 426.
Аспаръ. II. 524—526.
Атанорихъ. II. 479.
Атаульфъ. II. 500, 503, 507, 508.
Атей Капитонъ. II. 246.
Атерній. I. 141.
Атилій Регулъ. I. 368, 369, 424.
Аттила. II. 513—521, 527.
Аттій Варъ. II. 143, 146, 152.
Аттій Туллій. I. 128.
Атталъ. I. 468, 501. II. 8.
Аттъ Навій. II. 56.
Афраній. II. 129.
Афраній Бурръ. II. 270,—272, 274, 276, 278.
Ацилій Глабріонъ. I. 495, 496.
Аѳанасій. II. 468, 473, 477, 489.
Аэтій. II. 515—518, 520, 522.

Б.

Бальбъ. II. 152.
Барея Соранъ. II. 283.
Баркидъ. I. 468.
Бибулъ. II. 96, 97.
Бледа. II. 513.
Бойоригъ. II. 34.
Бокхъ. II. 26, 27.
Бомилькаръ. I. 391, 432, 449.
Бонифацій. II. 509, 510.
Бонозъ. II. 456.
Британникъ. II. 270—272.
Брутулъ Папій. I. 232.
Брутъ Пера. II. 330.
Букконъ (скоморохъ). I. 302.

В.

Вабаллаѳъ. II. 451.
Вала Нумоній. II. 223.
Валентиніанъ I. II. 478, 479.
Валентиніанъ II. II. 479. 483, 484.
Валентиніанъ III. II. 479.
Валентъ. II. 478, 480.
Валеріанъ. II. 447, 448.
Валерій. II. 152—156, 271.
Валерій Максимъ. II. 427.
Валерій Марціалъ. II. 421.
Валерій Поплнкола. I. 76, 103, 105, 112.
Валерій Флаккъ. I. 495, 496. II. 52, 417.
Варъ. II. 372.
Варъ Квинтилій. II. 221—224.
Василій. II. 489.
Веллей Патеркулъ. II. 427.
Вентидій. II. 167.
Вермина. I. 476, 477.
Веррій Флаккъ. II. 246.
Верцингеторигъ. II. 114, 116—119, 147.
Веспасіанъ. II. 289 — 291, 294 — 297, 298, 300, 309, 317, 318, 363, 386, 389, 396, 403, 414, 417, 427.
Веттій Скатонъ. II. 42, 43.
Ветурій Мамурій. I. 48.
Викторинъ. II. 488.
Виргилій. II. 237—241, 417.
Виргиній. II. 150, 154.
Виргинія. II. 149, 150, 151.
Виридомаръ. I. 370, 574.
Виріатъ. I. 553, 555.
Вителлій. II. 285, 288, 290, 291, 301.
Витрувій Полліонъ. II. 246.
Волумнія. I. 130.
Вольсцій. I. 139.

Г.

Габиній. II. 139, 161.
Гавій Понтій. I. 233. 234.
Гайпасъ. II. 490.
Галенъ. II. 430.
Галерій. II. 459, 467.
Галліенъ. II. 448, 449, 451.
Галлъ. II. 472, 473.
Гальба. II. 285, 286, 299.
Гамилькаръ. I. 327, 328, 342, 343, 353—361, 374—378, 400, 401.
Ганнибалъ. I. 327, 334, 335, 380, 381—384, 386—404, 406, 407, 409—411, 414, 416—419, 421, 423—426, 428, 430—433, 436, 443—446, 459, 461, 462, 470, 473—475, 477, 563, 566, 575. II. 3, 420, 499, 501.
Ганнибаліонъ. II. 471.
Ганнонъ. I. 323, 331, 332, 335, 336, 343, 344, 359, 382, 444.
Гаргилій М. II. 487.
Гасдрубалъ. I. 348, 376, 378—380, 536.
Гейзерихъ. II. 510, 526.
Геліогабалъ. II. 442.
Геллій Эгнатій. II. 243.
Гелонъ Сиракузскій. I. 110.

Гельвій Пертинакъ. II. 437.
Генгиста. II. 512.
Гентій Скоурскій. I. 511, 515.
Гердоній. I. 137.
Геренній. I. 234.
Геренній Модестинъ. II. 487.
Геракліанъ. II. 498.
Гермошикъ. II. 236, 248, 249, 250 — 254, 256, 257, 260, 261, 370, 371, 376, 422.
Гермодоръ Эфесскій. I. 442.
Гетъ. II. 441.
Гіемпсалъ. II. 20.
Гіеронимъ. I. 434.
Гіеронъ Сиракузскій. I. 329, 333, 336, 362, 431.
Гимильконъ. I. 441, 449.
Гипократъ. I. 435, 437, 438, 449.
Гиртій. II. 165, 166.
Гистонъ. I. 333, 437, 477.
Гомеръ. I. 77, 588.
Гонорій. II. 490, 492, 493, 495, 497, 498, 500, 503, 504, 507, 508, 522, 527.
Горацій. I. 50, 51.
Горацій Коклитъ. I. 107.
Горацій Маркъ. I. 152, 153, 154, 156.
Горацій Пульвиллъ. I. 105.
Горацій Порфиріонъ. II. 487.
Горацій Флаккъ. II. 198, 204, 241, 242, 243.
Гордіанъ I. II. 445.
Гордіанъ II. II. 446.
Гордіанъ III. II. 337, 446, 487.
Горса. II. 512.
Гортензій. II. 201.
Гостилій. I. 513.
Гостилій Туллъ. I. 42, 50, 52.
Т. Гракхъ. II. 4, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 20, 120, 201.
Т. Гракхъ. II. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 18.
Граній Лициніанъ. II. 486.
Граціанъ. II. 479, 481, 482, 483, 486.
Григорій Назіанскій. II. 489.
Григорій Турскій. II. 535.
Гулусса. I. 538, 541.
Густавъ Фрейтагъ. II. 324.

Д.

Далматикъ. II. 471.
Дамазикъ. I. 46.
Данте. II. 534.
Дарій. II. 444.
Дейотаръ. II. 162.
Декскипъ. II. 531.
Деметрій Поліоркетъ. I. 283.
Деметрій Фаросскій. I. 366, 383.
Децебалъ. II. 310. 311, 343, 344.
Децій. I. 223.
Децій. I. 243, 241, 245.
Децій (императоръ). II. 447, 448.
Децій Муръ. I. 224, 225.
Дец. Юній Брутъ. I. 559.
Децимъ Брутъ. II. 158, 160, 165, 166, 167, 168.
Діадуменъ. II. 442.
Дидій Юліанъ. II. 437. 438.
Дидона. I. 320, 513. II. 240.
Диндія Макальпія. II. 216.
Діоклетіанъ. II. 318, 457, 458—464, 467, 486, 488, 789.
Діомедъ. II. 487.
Діонисій Галикарнасскій. II. 246.
Діонисій Сиракузскій. I. 167, 283.
Діонъ Хрисостомъ. II. 429.
Діэй. I. 548.
Долабелла. II. 162.
Домиціанъ. II. 301, 308, 310, 311, 321, 339, 343, 389, 393.
Домицій Агенобарбъ. II. 19, 124, 126, 136.
Домицій Кальвинъ. II. 133.
Домицій Корбулонъ. II. 268, 270.
Домиція. II. 312.
Донатъ. II. 487.
Доссенъ. I. 303.
Друзъ (сынъ Тиберія). II. 247, 256, 259.
Друзъ (сынъ Германика). II. 257.
Дуплій. I. 156.

Е.

Евгеній. II. 484.
Евдокія. II. 522.
Евдоксія. II. 490, 508.
Евсевій. II. 489, 531.
Евтроній. II. 490.
Евхерій. II. 498.
Елеазаръ. II. 289.
Елена. II. 477.

З.

Зенонъ Византійскій. II. 528.
Зиновія. II. 451, 452, 453.
Зосимъ. II. 531.

И.

Идацій. II. 531.
Іеронимъ. II. 502, 531, 532.

Пльдико. II. 520.
Пнгвіомеръ. II. 250, 253.
Ипполитій. I. II. 494.
Іоаннъ. II. 508, 509.
Іовіанъ. II. 478.
Иродіанъ. II. 487.
Продъ Агрипна. II. 350.
Продъ Палестинскій. II. 227, 293.
Пцилій. I. 141.

К.

Калигула. II. 313, 320, 325.
Кальпурній Бестія. II. 20, 23.
Кальпурній Пизонъ. II. 98, 163.
Кальпурній Фругп. I. 568.
Кальпурнія. II. 161.
Камиллъ. I. 189—192, 194, 200, 203.
Кандака. II. 225.
Канулей. I. 159, 198, 203.
Каракалла. II. 441, 442, 443.
Карлъ В. II. 534.
Кароалонъ. I. 352, 353, 358, 418, 429, 534.
Каръ Аврелій. II. 456.
Кассій. II. 160, 162, 165, 166, 167, 170, 173.
Кассій Діонъ. II. 487.
Кассій Херея. II. 264.
Катцальда. II. 254.
Катилина. II. 84, 86. 87, 88, 89, 90, 91, 98, 99, 202, 209.
Катулъ. II. 41, 50, 66.
Кипея. I. 260.
Кипріанъ. II. 488.
Клавдіанъ. II. 498, 499, 530.
Клавдій. II. 260.
Клавдій. II. 265, 267, 277, 314, 339, 402. 403.
Клавдій Гай. I. 155.
Клавдій Маркъ. I. 155.
Клавдій Марцеллъ. I. 438.
Клавдій Неронъ, 270, 271, 275—278, 283, 284, 285.
Клавдій Птолемей. II. 430.
Клавдій Пульхерій. II. 294, 296, 297.
Клавдій Цивилисъ. II. 294, 296, 297.
Клелій. I. 53.
Клёлія. I. 109.
Клеопимъ. I. 251.
Клеопатра. II. 141, 142, 154, 175, 181, 183, 184, 185.
Климентъ. I. 489.
Клитъ. II. 257.
Клодій. II. 110, 111, 112, 113, 123.
Клодій Альбинъ. II. 437.
Клодія. II. 168, 235.
Клопштокъ. I. 576.
Кокцей Нерва. II. 339, 341.
Колумелла. II. 422.
Колуччіо Салутато. II. 534.
Комминій. I. 112.
Коммодіанъ. II. 485.
Коммодъ. II. 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 437.
Констанцій (полководецъ). II. 508.
Констанцій (императоръ). II. 471—475.
Констанцій Хлоръ. II. 459.
Константинъ I. II. 464, 465, 471, 489.
Константинъ II. II. 471.
Константъ. II. 471, 472.
Коріоланъ. I. 126 сл.
Корнелій Коссъ. I. 165, 194.
Корнелій Тацитъ. II. 428.
Корнелій Фронтонъ. II. 423.
Корнелій Цельзъ. II. 426.
Корнелія. II. 4·
Корфиній. II. 126.
Котисъ. I. 515.
Крассъ. I. 511, 559, 568. II. 73, 74, 75, 76, 77, 86, 92—98, 107, 110—112, 122, 201.
Криспинъ. I. 461.
Криспъ. II. 468, 488.
Критолай. I. 547.
Ксанѳиппъ. I. 345, 346.
Ксеркскъ. II. 444.
Курій Дентатъ. I. 259, 264, 265.
Куріацій. I. 53.
Куріонъ. II. 143, 161.
Куртій. I. 212.

Л.

Лабіенъ. II. 84, 109, 117, 118, 120 124, 145, 152, 176.
Лактанцій. II. 488, 499.
Лаодика I., 546.
Ларъ Толумній. II., 168, 169.
Левъ I Ѳракіецъ. II. 524, 525, 527.
Левъ Великій. II. 520, 522.
Ленгулъ Сура. II. 160.
Леонидъ. I. 496.
Лепидъ. II. 67, 74, 75, 176, 177, 178, 179.
Лесбія. II. 199.
Лесснгъ. I. 579.
Либій Северъ. II. 525.
Ливій (историкъ). I. 82, 102, 155, 156, 192, 387.
Ливій (консулъ). I. 463, 464, 466.
Ливій Андроникъ. I. 571, 572, 573.
Ливій Друзъ. II. 14, 15, 18, 39, 201.

Ливій Салинаторъ. I. 571.
Ликопидъ. I. 581.
Лициній. II. 466—468.
Лициній Кальвинъ. I. 172.
Лициній Лукуллъ. II. 55, 70, 71, 75, 79, 83, 93, 204.
Лициній Столонъ. I. 197—200, 268, II. 7.
Лицинія. II. 16.
Лукіанъ. II. 430.
Лукрецій Каръ. II. 196.
Лукреція. I. 76.
Лукуллъ. II. 527.
Лупицинъ. II. 480.
Летъ. II. 437, 440.

М.

Магарбалъ. I. 400, 414, 425.
Магилъ. I. 392.
Магнентій. II. 172.
Магонъ. I. 110, 378, 403, 405, 409. 425, 430, 432, 437, 454, 455—461, 467, 471.
Майоріанъ. II. 524, 525.
Макринъ. II. 412.
Макробій. II. 531.
Макронъ II. 258. 261.
Максентій. II. 464, 465.
Максиміанъ. II. 459, 460, 481.
Максиминъ. II. 481.
Максиминъ Даза. II. 464, 466.
Максимъ. II. 480.
Мамилій. I. 112.
Манлій Вульсонъ. I. 342.
Манлій Торкватъ. I. 223, 224.
Манлій Цивилисъ. I. 134.
Манцинъ. I. 418.
Марбодъ. II. 220, 254.
Манлій. I. 190. 194, 195, 196, 174.
Метилій. I. 419.
Минуцій I. 417. 420, 449.
Марцелла. II. 236.
Марцеллъ. I. 370, 430, 431, 433. 448, 449, 450, 451, 460, 461
Марцеллинъ Далматскій. II. 525.
Марцій. I. 514.
Марціанъ. II. 531.
Массива. II. 22.
Массинисса. I. 486, 487, 489, 527, 528, 529, 530, 534, 537, 538, 541, 557. II. 22.
Махаресъ. II. 81.
Мелитонъ Сардскій. II. 417.
Меммій Гемеллъ. II. 198, 199.
Мемнонъ. II. 360.
Мессалина. II. 270, 425.
Метеллъ. II. 57, 58, 66, 67, 68, 75, 79.
Метеллъ Непотъ. II. 90. 91.
Меценатъ. II. 237, 241, 243.
Милонъ. II. 110. 112, 113.
Минуцій. II. 488.
Минуцій Феликсъ. II. 429, 483.
Мицинса. II. 19, 20.
Миѳридатъ. II. 139, 142.
Мнестей. I. 454.
Мундцукъ. II. 513.
Мурена. II. 70.
Мутилъ. II. 45, 289, 290.
Муцій Сцевола. I. 586; II. 5, 20. 39.

Н.

Набидъ. I. 489, 494.
Нарсесъ. II. 461.
Нарциссъ. II. 269, 270.
Негидій. I. 554.
Немезіонъ. II. 485.
Нерва. II. 354, 389.
Неронъ. II. 257, 271, 285, 289. 295, 300, 313, 314, 315, 320, 376, 379, 390, 393, 417.
Николай Дамасскій. II. 246.
Николай V. II. 533.
Нобиліоръ. I. 552.
Нума Марцій. I. 54.
Нума Помпилій. I. 44, 48, 49, 88.
Нумиторіанъ. II. 456.
Нумиторій. I. 130, 132.
Нумиторъ. I. 36—38.

О.

Овидій. II. 422.
Овидій Назонъ. II. 243—245.
Огульній. I. 209.
Оденаѳъ. II. 411.
Октавій. I. 516. 518, 526.
Октавій Мамилій. I. 68.
Октавія. II. 176, 181, 186, 236. 273, 278.
Октавіанъ Августъ. II. 154, 155, 163, 165, 174, 175, 176—186. 190. 198, 202, 209—216, 222—237, 241, 266. 315. 339, 367.
Олимпій. II. 498.
Олимпіодоръ. II. 531.
Ономаръ. I. 177.
Оппій. II. 152.
Опимій. II. 15, 16, 17, 18.

Оригенъ. II. 489.
Орозій. II. 532.
Отонъ. II. 285—288.

П.

Павелъ Апостолъ. II. 281, 533.
Павелъ. II. 439.
Памфилъ. I. 583.
Панетій. I. 585.
Папій Мутилъ. II. 41, 43.
Папирій Карбонъ. II. 40—42, 45.
Папій. I. 302.
Периклъ. I. 250, 379.
Педій Квинтъ. II. 169.
Перренъ. I. 396.
Перперна. II. 67, 74.
Персей. I. 509—517.
Персій Флаккъ. II. 468.
Петилій Цереалъ. II. 294, 297.
Петрарка. II. 534.
Петрей. II. 129, 146.
Петроній А. II. 419.
Петроній М. II. 522.
Петръ Апостолъ. II. 281, 533.
Петъ. II. 283.
Пеценній. II. 438.
Пизонъ. II. 87, 251, 417.
Пій II. II. 534.
Папиніанъ. II. 487.
Пинпиъ. II. 534.
Пирръ Эпирскій. I. 253—266, 296, 297, 313, 328, 336.
Пиеагоръ. I. 290.
Плавтъ. I. 554, 582, 596; II. 196.
Планцина. II. 254, 255.
Платонъ. I. 250.
Плутархъ. II. 429.
Плацидія. II. 504, 507—510.
Плевратъ. I. 488.
Плиній Младшій. II. 319, 348—350, 428.
Плиній Секундъ. II. 303, 423.
Плотинъ. II. 473.
Полибій. I. 103, 277, 354, 368, 369, 396, 473, 527, 541, 570, 585, 588.
Помпедій Силонъ. II. 40—45.
Помпей. II. 58—61, 67, 68, 75—81, 83, 86, 91, 94, 96—98, 100, 111—113, 122, 124, 128, 131—139, 143, 190, 201, 291, 293.
Помпей С. II. 43, 44.
Помпоній Мавонъ. I. 364.
Понтій К. I. 189.
Понтій Пилатъ. II. 281.
Попилій Ленатъ. I. 521, II. 12, 170.
Попликола. I. 112, 121, 138.
Поппея Сабина. II. 273, 274, 278, 282.
Порсена. I. 106, 107, 109, 181.
Порцій. I. 405.
Порція. II. 173.
Постумій. I. 111, 428.
Пробъ. II. 452, 455, 456.
Прокопій. II. 478.
Прокулъ. II. 456.
Прока. I. 36.
Проперцій. II. 243.
Просперъ. II. 531.
Прудентій. II. 531.
Птолемей. I. 254, 481.
Птолемей Кесаріонъ. II. 181, 185.
Птолемей V Эпифанъ. I. 481.
Публій Валерій Левинъ. I. 256, 258.
Публій Волеронъ. I. 140.
Публій Клодій. II. 98. 99.
Публій Корнелій. I. 249.
Публій Р. II. 42, 63.
Публій Филонъ. I. 268, 271.

Р.

Радагайсъ.
Рафаэль. II. 534.
Рацилія. I. 138.
Рицимеръ. II. 524—527.
Ремъ. I. 37—40; II. 393.
Рея Сильвія. II. 37.
Ровена. II. 512.
Ромулъ. I. 37—43; II. 393.
Ромулъ Августулъ. II. 257.
Росцій Амерійскій. II. 201.
Ругиласъ. II. 513.
Рутилій. II. 39.
Рутилій Клавдій Наматіанъ. II. 530.
Руфинъ. II. 491.

С.

Саллустій. II. 200.
Сальвіанъ. II. 532.
Сапніонъ. I. II. 303.
Сапоръ I. II. 448.
Сапоръ II. II. 442, 447.
Саръ (готъ). II. 498.
Сатурнинъ. II. 40.
Светоній Транквиллъ. II. 248.
Себастіанъ. II. 507.
Св. Северинъ. II. 527.
Северъ II. 464
Сегестъ. II. 221, 222, 224, 249.
Сегимеръ. II. 221.

Секстій Кальвинъ. II. 19.
Секстій Латеранъ. I. 196—200, 261.
Секстъ Помпей. II. 146, 152, 160, 162. 167, 170, 210, 235.
Селевкъ. I. 490.
Сентій Сатурнинъ. II 220.
Септимій Северъ. II. 339, 440, 441, 488, 489.
Сервій Туллій. I. 59, 60, 64—66, 77, 102, 110.
Сервилій Главкъ. II, 36.
Сервилій К. I. 58.
Сервилій Регулъ. I. 424, 428.
Сервилій, Кв. Цепіонъ. I. 554.
Сервилій Цепіонъ. II. 39—72.
Серена. II. 496, 498.
Серторій. II, 51, 66—70, 74.
Сеянъ. II. 256—559, 421.
Сіагрій. II. 525.
Сиговезъ. I. 181.
Силій. II. 271, 417.
Сифакъ. I. 436, 466, 467, 469, 470, 472, 478.
Сихарбъ. I. 320.
Скрибоній К. II. 122, 123, 131, 133.
Скрибонія. II. 235.
Сократъ. II. 369, 425.
Солонъ. I. 141, 375.
Софоклъ. II. 323.
Софонисба. I. 467, 468, 470, 471.
Спартакъ. II. 74, 75, 332.
Спурій Кассій. I. 112, 124, 125, 132, 133, 170, 212.
Спурій Лукрецій. II. 76.
Спурій М. I. 164, 165.
Спурій О. I. 149, 152, 155.
Спурій Т. II. 233, 234.
Спурій II. II. 22, 23.
Статіонъ II. 370.
Стафила. I. 580.
Св. Стефанъ. II. 516.
Стилихонъ. II. 490, 492—498, 522.
Сулла. I. 27, 143, 147, 154, 188, 191, 201, 204; II. 41, 45—46, 69, 70, 82, 86, 442.
Сульпицій Гальба. 482, 553.
Сульпицій Руфъ. 43—49.
Сульпицій Северъ. II. 531.
Сульпиція. 185, 191, 198.
Сципіонъ Афр. Старшій. I. 512, 582. II. 4.
Сципіонъ Младшій. II. 4.
Сципіонъ Назика. II. 9, 10.
Сципіонъ Эмиліанъ. I. 556—558, 567, 585; II. 10, 25.

Т.

Тавтамъ. I. 555.
Тевтоматъ. II. 118.
Такфаринатъ. II. 255.
Танаквиль. I. 55. 60, 61.
Тарквиній. I. 18, 21, 64, 74, 104, 106, 110, 112.
Тарквиній Гордый. I. 66, 68, 69, 79, 110.
Тарквиній Коллатинъ. I. 76.
Тарквиній Приск. I. 110, II. 314.
Тацитъ. II. 32, 251, 339.
Тевта. I. 365.
Тевтободъ. I. 33.
Теодемиръ. II. 514, 520, 521.
Теодорихъ. I. II. 507, 516, 517.
Теодорихъ. II. II. 507, 523.
Терентилій Гарса. I. 140, 141.
Терренцій А. I. 582.
Терренцій Варронъ. II. 130, 196, 200, 203.
Терренціанъ Маврь. II. 485.
Тиберій. I. 215, 219, 220, 224, 235, 402, 403, 422.
Тиберій Кунктаторъ. I. 209.
Тиберій Семпроній. II. 388, 400, 403, 404.
Тибуллъ. II. 243.
Тиграпъ Армянскій. II. 39, 53, 70, 77, 78, 79, 80.
Тимей. II. 320.
Титъ Веспасіанъ. II. 395, 399.
Титъ Манлій. I. 211, 214, 222, 223.
Туллія. II. 65.
Траянъ. II. 342—354, 390, 395, 418, 421, 423, 429, 440.
Туспельда. II. 221, 223, 224, 251.

У.

Ульдинъ. II. 496.
Ульпіанъ. II. 439, 444, 487.
Ульпій Траянъ. II. 340.

Ф.

Фаберій. II. 162.
Фабій. I. 133, 135, 136.
Фабій Бутеонъ. I. 367.
Фабій Гургитъ. I. 247.
Фабій Квинтиліанъ. II. 422.
Фабій Квинтъ. I. 184.
Фабій Кунктаторъ. I. 421, 459, 467.
Фабій Максимъ. I. 230, 1, 7, 8, 9, 43, 245, 6, 415, 6, 9, 2, 19.
Фабій Кезонъ. I. 133, 134, 138, 139.

Фабій Маркъ. I. 134.
Фабій Пикторъ. 586.
Фабриціи. I. 246, 260, 313.
Фавста. II. 468.
Фавстулъ. I. 37.
Фарнакъ. II. 81, 143.
Фаустина. II. 367.
Федръ. II. 421.
Филемонъ. II. 578.
Филиппъ Арабъ. II. 446.
Филиппъ V. I. 434, 442, 443, 468, 481—497, 502, 503, 506, 507, 508, 509.
Филоклесъ. I. 485.
Филоменъ. I. 443.
Филопеменъ. I. 507.
Флавій. I. 432.
Флавій Сабинъ. II. 290, 301, 308.
Флаволей. I. 134.
Флавъ. II. 222, 252.
Фламиній Г. I. 367, 369, 371, 372.
Фламиній. Т. К. 483—490, 565.
Флоръ. II. 428.
Фаннй. II. 14.
Фронтинъ. II. 427.
Фритигернъ. II. 480, 481.
Фульвій. II. 174.
Фульвій. I. 444, 446, 448.
Фульвій Нобиліоръ. I. 331, 575, 576.
Фульвій Флаккъ. II. 10, 14—17, 19.
Фульвій Флаккъ (младшій). II. 16, 18.
Фульвія. II. 176, 186.
Фурій Камиллъ. I. 174, 175, 176, 177, 178, 179, 199.

Х.

Харизій. II. 487.
Харонъ. I. 21.
Ходомаръ. II. 474.

Ц.

Целесъ Вибенна. I. 41, 42.
Целій Руфъ. II. 142.
Цензорій. I 534.
Центроній. I. 444.
Цестій. II. 192.
Цецилій Метеллъ. I. 546, 547, 561. II. 23, 24, 25, 26, 36, 78, 192.
Цецина. II. 249, 250, 251.
Цильній Меценатъ. II. 210.
Цинна. II. 49, 50, 51, 52, 57, 56, 81.
Цицеронъ. I. 40, 88, 124, 145, 312, 313, 584. II. 110, 111, 126. 131, 134, 138, 156, 160, 162, 165—171 .

Э.

Эбутій. I. 111, 112.
Эвандръ. II. 240.
Эвклионъ. I. 580, 581.
Эвменъ Пергамскій. I. 488, 498, 500, 501, 506, 510, 526, 546, 559.
Эвнапій. II. 531.
Эврихъ. II. 507.
Эвтропій. II. 486.
Эвхерій. II. 498.
Эдикъ II. 527.
Элій Стилонъ. II. 203.
Элисса. II. 320.
Эллакъ. II. 521.
Эмилій Лепидъ. II. 63, 66. 152, 160, 162, 167, 168, 171, 172, 173, 174.
Эмилій Папъ. 1. 368.
Эмилій Скавръ (полководецъ). II. 20, 22.
Эмилій Скавръ (эдилъ). II. 336.
Эмилій Эмиліанъ. II. 447.
Эней. I. 34, 35, 321. II. 238, 487.
Эней Сильвій I. 35.
Эннй. I. 574, 577, 578, 584, 585.
Эпаминондъ. I. 248, 379.
Эпикидъ. I. 435, 437, 448. 449.
Эпиктетъ. II. 369, 414.
Эркте. I. 361.

Ю.

Юба. 19, 20, 22, 24, 25, 26, 27.
Юба II. II. 132, 143, 145, 146, 147, 225 .
Ювентій Тална. I. 546.
Юліанъ. II. 472—479, 483.
Юлій. 1. 53.
Юлій Агрикола. I. 309, 428.
Юлій Виндикъ. II. 284, 285.
Юлій Гигинъ. II. 246.
Юлій Непотъ. II. 527.
Юлій Павелъ. II. 487.
Юлій Прокулъ. I. 43.
Юлій II. II. 534.
Юлій Цезарь. II. 83—160.
Юлія. II. 122.
Юлія (мать Антонія). II. 160.
Юлія (дочь Августа). II. 235. 236, 270.
Юлія Домна. II. 442.
Юлъ. I. 35.
Юній Брутъ. 1. 102—105.
Юній Силанъ. II. 31.
Юній Ювеналъ. II. 418, 419.
Юстиніанъ. II. 322.
Юстинъ Мученикъ. II. 417, 489.
Югурта. I. 557.

Θ.

Θеодосій Великій. II. 482, 483, 484, 486, 490, 491, 496, 504, 515, 521, 522, 524.
Θеодосій II. II. 508.
Θеокритъ. I. 508.
Θукидидъ. I. 588.

Я.

Ямблихъ. II. 474.
Ярба. I. 321.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ.

Жирными буквами и цифрами обозначаются рисунки и страницы, гдѣ находятся рисунки.

авгуры. I. 98, 209.
Августъ. II. 163, семейство А. II, 235.
Авреліева дорога. I. 299.
Авреліанъ. II. 450.
Аврелій. II. 369, 373.
ager publicus. I. 131. 367, 370, 563.
Агригентская монета. I. 336.
Агриппа. II. 183, 234.
Агриппина. II. 255.
Адріанъ. II. 355.
акведукъ. II. 401.
амфитеатръ. II. 330; **Флавіевъ, 300.**
анналы. I. 586.
Антиной. II. 359.
Антоній II. 166, 173. 175.
А. и Клеопатра. II. 175.
Антонинъ. II. 366. 367.
Антонинъ и Фаустина. II. 367.
Апоѳеозъ Германика. II. 250.
Аппіева дорога. I. 236, 239, 248, 297 сл.
арена въ Нимѣ. II. 329.
Арка Константина. II. 469; Септимія Севера II. 441; Тита II. 293.
аркады. I. 603.
арвальскіе братья. I. 96, 299.
Арпинъ. II. 24.
архивъ, I. 157.
архитектура. I. 595; арх. стили I. 596 сл.; **арх. древнихъ кельтовъ. II. 99.**
ассъ. I. 65, 171, 293, 372.
ателланы. I. 302, 569.
Атаульфа саркофагъ. II. 506.
атрій. I. 20, 294, 607; **помпейскаго дома. I. 611.**
Ахрадинскій берегъ у Сиракузъ. I. 439.
Аэтій. II. 515.
багажъ. I. 286.
база для обелиска Константина II. 483.
Бан. I. 7.
баллиста. I. 281.
барельефъ Юліева памятника. II. 115.
басня. II. 418.
башня Тиверія. II. 259.
библіотека. II. 202.
битва римлянъ съ маркоманами. II. 217.
богиня Рима. II. 535.
богослуженіе. I. 96; галловъ. II. 102.
бой гладіаторовъ. II. 333, 335.
борьба пѣтуховъ. I. 213.
бракъ. I. 310 сл.; 311.
бронзовыя вазы въ Болоньѣ I. 14.
б. канделябры. I. 591. 592.
б. монета г. Беневента. I. 265.
Бриндизи. II. 56.
Британникъ. II. 273.
Брутъ. I. 72. 103; II. 155.
бумажныя деньги. I. 455.
бюстъ Регула. I. 349.
бѣгъ колесницъ. II. 327.
Валеріанъ. II. 448.
Валеріева дорога. I. 137, 242, 298.
валяніе. I. 595.
Верцингеторигъ. II. 114.
Веспасіанъ. II. 295.
весталки. I. 47, 93, 94, 187.
Веста. I. 95.
vestibulum. I. 295.
великій совѣтъ. I. 326.
виды: Капитолія. II. 395; Авентина. II.17; Альпъ; I. 395 399; Тразименскаго озера I. 413; St. Louis. I. 529; Цирты. II. 21; Тарента. I. 251; Диррахія II. 135;

Везувій. II. 306; внутрен. храма Юпитера Статора. I. 601.
виноградарство. I. 288 сл.; II. 2.
Виргилій. II. 195, 237.
Вителлій. II. 288.
водопадъ въ Терни. I. 5.
водопроводы. I. 296, 310.
военная дисциплина. I. 284 сл.
в. служба. I. 284 сл.
в. зоря. I. 286.
военное дѣло I. 85. сл., 276 сл.; 368, 421; II. 31, 205 сл., 213; карѳагенянъ. I. 327.
военные значки. I. 285.
военные трибуны. I. 281.
военныя отличія. I. 287.
возница. II. 323, 326.
вольноотпущенники. I. 272 сл., **II. 269.**
воспитаніе. I. 306.
всадники. I. 65, 563; II. 382.
вѣковыя игры. II. 229.
вѣнки. I. 287.
Галліанъ (монета). II. 448.
Галлъ, защищающій свое жилище. II. 119.
галлы. I. 183.
Гальба. II. 286.
Ганнибалъ. I. 381.
гаруспики. I. 98.
гастаты. I. 280.
Германикъ. II. 249, 253.
германка. II. 251.
гладіаторскія игры. II. 330 сл.
гладіаторъ. II. 331.
голова Юпитера. I. 70.
Горацій Коклитъ. I. 107; Г. Флаккъ. II. 198.
горнисты. I. 65.
горный проходъ Furio. I. 371
государственные рабы. II. 207.
Гранъ Сассо. I. 9.
гражданинъ въ тогѣ. I. 307.
гражданскія права. I. 143, 145, 310.
гробница Гораціевъ. I. 51.
гробница Цециліи Метеллы. I. 561.
гробница Сенеки. II. 282.
гробница Сципіона. I. 315.
Дакъ. II. 310.
дворъ. II. 378 сл.
двухвесельный корабль. I. 227.
демоны. I. 23.
денарій. I. 293; д. **италиковъ. II. 41.**
децемвиратъ. I. 140 сл.
Децій (монета). II. 447.
дидактическая поэзія. II. 418.
диктаторъ I. 111, 117, 138, 156, 161, 168 сл., 174 сл., 191, 199 сл., 211, 214, 230 сл., 236, 415 сл., 431; II. 131 сл.. 155.
Діоклетіанъ. II. 459.
домашнее хозяйство. II. 193.
домашняя утварь. I. 592.
Домиціанъ. II. 308, 309.
домъ I. 293 сл., 606 сл.; **Пансы. I. 608 сл.; трагическаго поэта. I. 610.**
дороги. II. 406 сл.
древнія стѣны Агригента. I. 335.
друиды. II. 101.
дудки. I. 303.
жалованье войску. I. 170.
жертвенный царь. I. 103.
жертвоприношеніе. I. 305.
„жирная" добыча. I. 169.
живопись. I. 595; II. 434.
занятія. II. 384.
законъ С. Кассія. I. 132 сл.; Валерія и Горація. I. 155; Канулея. I. 159 сл.; Лициніи и Секстія. I. 197 сл., 200—203; Огульнія. I. 209; Публилія Филона и Гортензія. I, 270 сл.; Фламинія. I. 367, 372; Villia annallis. I. 563; Т. Гракха. II. 5 сл.; Г. Гракха. II. 12 сл.; Сатурнина. II. 36 сл.; Кесаря. 94 сл.
законы 12 таблицъ. I. 143 сл.; 145, 306.
звѣриная травля. II. 189.
золотая монета Константина. II. 471.
Іерусалима планъ. II. 289.
Іерусалимская добыча. II. 292.
ius imaginum. I. 269.
игры. I. 204, 301; II. 188 сл., 312 сл.
идеалъ римлянина. II. 311.
imperium. I. 205.
императоръ. II. 153, 211.
императоръ Константинъ. II. 467.
импліювіумъ. I. 294.
исключеніе изъ сената. I. 565.
исторія. II. 200 сл., 245.
Калигула. II. 261.
caligae. I. 309.
cave canem (мозаика). I. 609.
каменоломни около Сиракузъ. I. 441.
Кампанская равнина. I. 3.
Капитолійскій холмъ. I. 37.
Капри. I. 63.
Каракалла. II. 443.
карѳагенскій (?) воинъ. I. 343.
карты: Британіи. II. 268; Галліи и Германіи. II. 103; перехода Ганнибала черезъ Альпы. I. 397; похода Кесаря и Помпея. II. 123.

casa Dei Vetti. I. 609.
Кассіева дорога. I. 299.
катапульта. I. 283.
Катонъ. I. 587; К. и Порція. II. 91.
квесторъ. I. 114, 165, 206 сл.; II. 61
quincunx съ изображеніемъ слова. I. 266.
Квинкцій Фламининъ. I. 483, 485.
Кесарь. II. 83, 95, 101, 109, 125, 131, 141, 145, 151, 153, 157.
Клавдій, Агриппина. Ливія, Тиверій. II. 271.
Клавдій. II. 449.
классы. I. 64, 362.
клієнты. I. 78, 80, 135, 155, 203.
клоака. I. 57.
книги. I. 589, II. 204.
когорта. I. 147, 282.
колесница. II. 525.
coemptio. I. 310.
колонны: **этрусская.** I. 596; **іонійская.** I. 598; **коринеская** I. 599; **Дуилія.**I. 341; **въ Игелѣ.** II. 529; **сложнаго стиля.** II. 431.
Colosseum. II. 299.
колумбарій. II. 435.
комедія. I. 573, 579 сл.
комицій. I. 59.
Коммодъ. II. 376.
компловіумъ. I. 294.
confarreatio. I. 310.
консулъ. I. 102, 114, 204 сл., II. 61.
crepida. I. 309.
курія. I. 59, 67, 602.
куріи. I. 78, 79.
курульное кресло. I. 204.
labarum. II. 466.
лагерь. I. 277; **планъ л.** I. 278.
Ларисса. I. 514.
лары. I. 98, 100.
латинская дорога. I. 167, 298.
латинскій праздникъ. I. 68, 125.
латинскій союзъ. I. 28, 62, 273.
латифундіи. I. 564.
Лаціумъ. I. 25 (карта).
легаты. I. 364.
легіонъ. I. 40.
лемураліи. I. 300.
Лерида. II. 129.
Ливія. II. 233.
ликторы. I. 54, 67, 155.
лирика. II. 198, 241, 243 сл., 422.
лукумонъ. I. 20, 54.
люцеры. I. 54.
мавзолей Адріана. I. 363.
magistratus maiores и minores. I. 206
maison carrée въ Нимѣ. II. 400.
мамертинцы. I. 25, 329.
маны. I. 98.
манипулы. I. 280.
манипулярное расположеніе. I. 279.
маски—портреты. I. 270. 295.
маслина. II. 3.
матеріи. I. 594.
матрона. I. 61, 129.
мебель. I. 590, 592.
медали: рода Гораціевъ. I. 107; **Валента.** II. 481.
Мессалина. II. 269.
Мессина. I. 330.
мессинская монета. I. 331.
мечъ. I. 87.
милевой столбъ. II. 405.
мнимый храмъ Весты. I. 604.
Минтурны. II. 49.
могила Виргилія. II. 239.
монетное дѣло. I. 293.
монеты: Пирра. I. 255; Гіерона. I. 333; въ память побѣды Метелла. I. 349; Катона. II. 91; Цицны. II. 51; Митридата. II. 53; Нерона. II. 272; Пертинака. II. 438; Геты. II. 442; Алек. Севера. II. 444; Геліогабала. II. 444; Каракаллы. II. 444; Констанція. II. 473; Валентиніана. II. 479; Плацидіи. II. 507; Евдоксіи. II. 508.
мостъ черезъ Рейнъ. II. 113.
мраморное смертное ложе. I. 517.
мраморный горельефъ. II. 436.
навмахія. II. 339.
навѣсы. I. 284.
надгробная надпись К. Л. Сципіона. I. 315.
наложники. I. 65.
народъ и нар. собранія I. 116.
народные трибуны. I. 122, 123, 154, 207; II. 61, 211.
научная проза. I. 200, 203, 246, 422 сл., 486 сл., 531.
начальникъ конницы. I. 111, 231, 415 сл.
неніи. I. 301.
Нерва. II. 340, 341.
Неронъ. II. 275, 277, 279, 283.
Нимфей Эгеріи. I. 45.
нолянская урна. I. 433.
nota censoria. I. 162.
нобилитетъ (чиновная знать). I. 268 сл., 561; II. 19 сл.
Нума. I. 44.
образованіе. II. 194.
обувь. I. 308.
обученіе. I. 306 сл.

обычай. I. 86 сл.
обѣ гавани древняго Карѳагена. I. 531.
оды. II. 241.
одежда. I. 307.
озеро Неми. I. 19.
оружіе галловъ. II. 97.
осадное положеніе. I. 429.
осадныя работы. II. 116.
осадныя башни, машины. I. 283.
остатки стѣны Анка Марція. I. 55; стѣны Ромула. I. 39; карѳагенскаго водопровода. I. 539; театра Марцелла II. 225.
Островъ Тибра. I. 31.
Отонъ. II. 287, 288.
откупщики. I. 364.
стрывокъ изъ отчета Августа. II. 231.
Палермо. I. 355.
Палестрина (Пренесте). II. 57.
палла. I. 308.
папирусъ. I. 590.
par potestas. I. 205.
патриціи. I. 64, 79, 115, 118, 160, 208.
пенаты. I. 98.
пентера. I. 340.
перперна. I. 4, 316.
пергаментъ. I. 591.
Пестумъ. I. 32.
пирамида Цестія. II. 189.
Пирръ. I. 263.
пиршество гунновъ. II. 519.
пиры богамъ. I. 172.
писцы. I. 208.
письма. II. 201.
планы: дома. I. 606; этрусскаго храма. I. 181; битвы при Тразименскомъ озерѣ. I. 411; битвы при Каннахъ. I. 422.
Плацидія. II. 522.
плебеи. I. 64, 79 сл., 80, 158 сл., 208.
плебейскія игры. I. 372.
плѣнные аланы. II. 505.
плѣнные готы. II. 509.
погребеніе. I. 314 сл., II. 64.
подъемный мостъ. I. 340.
поле битвы при Каннахъ. I. 423.
Помпеи. I. 605.
Помпей. II. 92, 139.
Помпейскій форумъ. I. 605.
pons Mulvius. II. 465.
понтифики. I. 48, 97, 154, 208 сл.
Поппея. II. 276.
Поццоли. II. 63.
почта. II. 362.
преторъ. I. 203, 205, 363.
преторьянскій сапогъ. I. 308.
преторьянцы. II. 298.
префектъ надъ хлѣбнымъ дѣломъ. I. 163.
praefectus socium. I. 282.
приведеніе плѣнныхъ къ полководцу. I. 520.
принципатъ. II. 211, 378.
провинціалы. I. 566 сл.
провинціи. I. 362 сл. II. 150 сл. 213, 268, 356 сл. II. 459.
продукты. II. 397.
пролетаріи. I. 272, 565; II. 35.
промышленность. I. 591 сл.; II. 411.
публичныя чтенія. II. 246.
рабы. I. 272 сл.; II. 71 сл.
развалины: храма Кастора и Полукса. I. 113 и 337; амфитеатра въ Помпеяхъ II. 337; императорскихъ дворцовъ на Палатинѣ. II. 393; Пальмиры. II. 351; города Эрика I. 357; театра въ Сагунтѣ I. 385; амфитеатра въ Беневентѣ. I. 264; Каннъ. I. 427.
разведеніе деревьевъ. I. 286.
разведеніе розъ. 289.
раздача хлѣба. II. 187 сл.
различные предметы изъ свайныхъ деревень равнины По. I. 13.
разрѣзъ помпейскаго дома. I. 607.
ранцы. I. 54.
Регулъ. I. 347.
религія. 88, 305; II. 194, 415, 488.
ремесла I. 84, 288.
ремесленники: I. 289.
Рея Сильвія. I. 35.
римлянинъ, приносящій жертву. I. 99.
римская вьючная лошадь. II. 127.
римлянка временъ Флавіевъ. II. 311.
римская галера. I. 339.
римскіе граждане безъ права голоса. I. 275.
римскій лагерь. I. 278.
р. бракъ. I. 311.
римскія нимфы. I. 97.
римскій плугъ. I. 79.
Римъ и волчица. I. 35.
Римъ во времена императоровъ. II. 387, 389.
розги. I. 54.
Roma Quadrata. I. 75.
rostra. I. 228.
роща Эгеріи. I. 46.
сагунтская монета. I. 384.
садоводство. II. 412.
саліи. I. 48.

самнитскіе воины. I. 219.
сандаліи. I. 308.
сапоги. I. 309.
саркофагъ. I. 20; **Александра Севера.** II. 445; **христіанскій.** II. 416, 503.
сатира. I. 585; II. 198; 418 сл.
свайный мостъ. I. 54.
сводчатыя постройки. I. 603 сл.
священная весна. I. 24, 218; св. куры. I. 351.
сельское хозяйство. I. 286 сл.
сенаторы. II. 380 сл.
сенатъ. I. 43, 67, 115, 186, 188 сл.; II. 61, 76, 154, 211 сл.; 362, 376.
Сенека. II. 281, 425.
Септимій Северъ. II. 439, 440.
серебряная валюта. I. 293.
Сивиллины книги. I. 72, 73.
скипетръ. I. 54.
скотоводство. I. 81; II. 3.
скульптура. II. 433 сл.
сложный стиль. II. 431.
сношенія морскія. II. 410.
сноп. сухопутныя. II. 409.
Соляная дорога. I. 32, 81, 137, 299.
союзники. I. 274, 566, II. 41 сл.
с. съ латинскимъ правомъ. I. 215.
союзныя общины. I. 276.
статуи: Цереры. I. 124; **Марцелла** 1, 457; **Августа.** II. 1; **Марія.** II. 25; **Аврелія.** II. 371.
Стилихонъ. II. 493.
стола. I. 308.
столъ. II. 192.
сторожевая башня. II. 403.
стѣны Константинополя. II. 415.
suovetaurilia. I. 521.
Сулла. II. 44.
сцена. I. 570.
сцены: въ римскимъ лагерѣ. I. 277; похоронъ. I. 314; войны съ маркоманами. II. 374; изъ «Андросски». I. 584; изъ комедіи. I. 575.
таблицы понтификовъ. I. 586.
tablinum. I. 295.
Таормина. I. 83.
тарантъ. I. 284.
Тарпейская скала. I. 36.
Тацитъ (медаль). II. 455.
театръ. I. 570 сл.; въ Аспендѣ. I. 571; II. 190.
templum. I. 19, 20, 40.
Теренцій. I. 584, 583.
терракотовыя статуэтки. I. 579.
термы. II. 463.
Тиберій. II. 247.
Тибуртинская дорога. I. 298.
Титъ. II. 302, 303, 307.
тиціи. I. 54.
тога (пурпурная). I. 54; дѣтская. I. 306; мужская. I. 306 сл.
торговля. I. 81, 82, 292; II. 411.
травертинъ. I. 4.
Траянъ. II. 343.
Траянова колонна. II. 345.
Траяновы утесы, Т. столъ. II. 349;
Траянова дорога. II. 352.
трагедія. I. 572, 576. 584; II. 422.
третье сословіе. II. 382 сл.
тріарій. I. 245, 280.
трибуны съ консульской властью. I. 185, 199.
трибы. I. 54, 272.
трибутскія комиціи. I. 157, 362.
тріумфъ. I. 520 сл. II. 147; **Тита.** II. 304.
туалетныя принадлежности. I. 594.
туника. I. 54. 307.
турма. I. 282.
Тускулъ. I. 89.
Туснельда. II. 223.
туфъ. I. 4.
тюрьма. II. 29.
улица въ разрѣзѣ. II. 297.
умирающій галлъ. II. 12 .
унтеръ-офицеры. I. 281.
urna cinerariа. II. 457.
урна. I. 21.
утренній туалетъ. II. 191.
учителя грамоты. I. 307; языковъ, I. 307.
фалеры. I. 287
Фаустина. II. 370.
Фаустулъ. I. 35.
феціалы. I. 48, 248, 556.
Филиппъ Арабъ (монета). II. 446.
flamen Dialis. I. 145.
Фламиніева дорога. I. 242, 299, 372.
флейта. I. 303.
флотскіе квесторы. I. 276.
философія. II. 203, 369; II. 414, 532.
форумъ въ Помпеяхъ. II. 305.
Ф. Римскій II. 386; во время Тиверія. II. 391.
фронтонъ храма Юпитера Капитолійскаго. I. 71.
храмъ Сивиллы въ Тиволи I. 27, **х. Юпитера Статора.** I. 85; **х. Согласія** I. 201; **х. Солнца.** II. 451; **х. Солнца въ Пальмирѣ.** II. 452; **храмъ Діаны въ Пальмирѣ.** II. 453.
cippi 1. 19.

celeres. I. 40.
цензоры. I. 161, 206, 565; II. 61.
цензъ. I. 64, 65, 206, 274, 565.
центуріатскія народныя собранія. I. 65, 143, 157.
центуріи. I 54, 65, 362.
центуріонъ I. 147, 223, 281.
Цицеронъ. II. 85, 87, 76.
части города. II. 226.
часть стѣны Сервія Туллія. I. 61.
части стѣны сторожевой башни. II. 404.
чернильница. I. 589.
щитъ для штурма (testudo). I. 415.
щ. священный. I. 47, 65.
эдилы плебейскіе. I. 157, 203; курульные. I. 203, 206.
Эмиліева дорога. I. 299.
Эней. I. 34; 34.
эпосъ. I. 577; II, 196 сл., 417, 530 сл.
эраріи. I. 162.
этрусскія вазы. I. 15.
э. воинъ. I. 19; э. гробница. I. 17; э. ящикъ для пепла. I. 16.
Юліанскій календарь. II, 150.
Юліанъ и супруга. II. 477.
Юліанъ (монета). II. 476.
Юлія. II. 215.
юноша подлѣ scrinium. I. 583.
Янъ. I. 47.
ярмо. I. 53.
Ѳеодосій В. II. 482, 484.
Ѳермопильское ущелье. I. 497.

НАПОЛЕОНЪ

Жизнь и дѣянія великаго «завоевателя Европы» передаются въ этой книгѣ въ видѣ живого, интереснаго, общедоступнаго, но, тѣмъ не менѣе, научнаго историческаго разсказа, который знакомитъ съ личностью Наполеона съ первыхъ дней его дѣтства и до самой кончины. Передъ читателемъ шагъ за шагомъ проходитъ Наполеонъ — ученикъ военной школы, Наполеонъ — бѣдный офицеръ, Наполеонъ — прославившійся генералъ, знаменитый полководецъ, императоръ и, наконецъ, дважды плѣнникъ на отдаленныхъ островахъ... Самое большое вниманіе удѣлено, конечно, Наполеону, какъ великому полководцу. Авторъ не ограничивается, однако, описаніемъ однихъ только военныхъ дѣйствій и подвиговъ Наполеона, но старается выяснить и обаяніе личности великаго корсиканца, даетъ подробную характеристику Наполеона, обрисовываетъ политическое положеніе Европы въ Наполеоновскую эпоху, разсказываетъ обо всѣхъ помощникахъ героя, созданныхъ имъ «короляхъ», «принцахъ», «генералахъ» и т. п.

Текстъ богато иллюстрируютъ портреты какъ самого Наполеона, такъ и всѣхъ дѣятелей его эпохи, снимки съ картинъ, изображающихъ сраженія и другіе историческіе эпизоды, копіи съ гравюръ и пр. и пр. Въ общемъ, эти иллюстраціи уже сами по себѣ представляютъ наглядную исторію Наполеона и его эпохи.

Какъ по содержанію, такъ и по изложенію, настоящая исторія Наполеона представляетъ одинаковый интересъ какъ для юношества, такъ и для взрослыхъ читателей, а по своей изящной внѣшности можетъ служить цѣннымъ подаркомъ для всѣхъ, кто интересуется исторіею или кого желательно заинтересовать ею.

ИСТОРІЯ
ВЕЛИКАГО ПОЛКОВОДЦА

СОСТАВИЛЪ

Н. Д. НОСКОВЪ

СЪ РИСУНКАМИ, ПОРТРЕТАМИ, СНИМКАМИ СЪ КАРТИНЪ, ГРАВЮРЪ И ПР. И ПР.

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ . . . . . 4 руб.
Въ богатомъ коленкор. тиснен. золотомъ и красной по рисунку худ. Гутеро переплетъ . . . . . 5 руб.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

С. ЧИСТЯКОВА

съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. и пр. на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ. Рисунокъ переплета акад. Н. С. Самокиша.

НЕДОСЯГАЕМЫМЪ гигантомъ выдѣляется на фонѣ отечественной исторіи личность Петра Великаго. Для того, чтобы научно объявить всю дѣятельность этого гиганта, дать характеристику всѣхъ его подвиговъ, оцѣнить всѣ его реформы и дѣянія,—для этого нужны десятки томовъ, нужны обширныя научныя монографіи. Но и въ болѣе сжатомъ изслѣдованіи можно представить сильный и яркій образъ Преобразователя Россіи, можно ознакомить съ тѣми его подвигами, которые заслужили ему названіе «Великаго».

Настоящая книга имѣетъ цѣлью дать именно сводъ того, что путемъ историческихъ изысканій извѣстно о Петрѣ,—сводъ, написанный не въ сухой формѣ лѣтописи, но въ видѣ интереснаго историко-біографическаго очерка, строго основаннаго на фактахъ, при чемъ имѣлось въ виду сдѣлать этотъ трудъ одинаково доступнымъ и занимательнымъ какъ для взрослаго читателя, такъ и для юноши.

Петръ I въ домѣ Цыклера накрываетъ заговорщиковъ (23-го февраля 1697 г.). (Картина А. І. Шарлеманя).

Многочисленные рисунки, помѣщенные въ текстѣ, состоящіе частью изъ снимковъ со старинныхъ гравюръ, медалей, портретовъ, частью-же изъ копій съ извѣстныхъ картинъ, историческихъ сценъ и пр., имѣютъ цѣлью дополнить текстъ и сдѣлать его наглядными.

Большой томъ, отпечатанный на слоновой бумагѣ. . . . 5 р. — к.
Въ богатомъ колеткор. тиснен. золотомъ и красн. по рисунку акад. Н. Самокиша переплетъ . . . . . 6 р. — к.